

МИТИН ЖУРНАЛ

69



МИТИН ЖУРНАЛ

издается с января 1985 года

главный редактор: ДМИТРИЙ ВОЛЧЕК

подготовлено к печати: KOLONNA PUBLICATIONS

руководство изданием: ДМИТРИЙ БОЧЕНКОВ

редакторы: КИРИЛЛ ПУТРЕСЦИНОВ, АНАСТАСИЯ ГРЫЗУНОВА
и АЛЕКСАНДРА КИРИЛЛОВА

верстка: СЕРГЕЙ ФЁДОРОВ

обложка: АЛЕКСЕЙ КРОПИН

В оформлении обложки использованы коллажи Ярослава Могутина

ISBN 978-5-98144-225-4

© Митин журнал, 2017

НОВОЕ

СЕРГЕЙ УХАНОВ
АЛЕКСАНДР МАРКИН
КАТАРИНА ВЕНЦЛЬ
АЛЕКСАНДР ИЛЪЯНЕН
SLAVA MOGUTIN

ТАНЖЕР

АЛЬФРЕД ЧЕСТЕР
ПОЛ БОУЛЗ
МОХАММЕД МРАБЕТ

ДОСЬЕ

МАРГЕРИТ ДЮРАС

АРХИВ

ИВАН ОВЧИННИКОВ
ТЕОДОР ЛЕССИНГ
ЖОРЖ БАТАЙ

• НОВОЕ •

СЕРГЕЙ УХАНОВ

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

Январь 2016

он был на корабле где было еще 700 парней и он наслаждался чувством товарищества радовался шуткам песням тесноте переполненных кают и общим душам – все равно что натуралу попасть в школу-интернат к девочкам, сказал он как-то вечером

Иногда вдруг возникали неординарные задания. Надо было, например, съездить в Москву, потусоваться там и добиться знакомства с неким человеком. Причем надо было сделать так, чтобы он сам познакомился со мной.

что было дальше Томка с трудом помнит а когда вспоминает то у нее лоб испариной покрывается – но все же она смогла в тот момент как-то сгруппироваться и пуповину корявым ножиком перерезала и скорую вызвала но долго еще не могла взять в толк как она из-за Светкиного ожирения ее беременность разглядеть не сумела, ребеночек у Светки родился глубоко недоношенным, весь в шерсти и с асфиксией, но врачи засунули его в барокамеру и уже через неделю шерсть с него опала синюшность прошла и он задрыгал ручками ножками и хвостиком

кстати моя бабушка была поклонницей валерия леонтьева но однажды какая-то идиотка ей сказала – анна ты разве не знаешь что он после концертов ложится с мужчинами как женщина а это мерзость (после этого моей бабушке никто на отечественной эстраде не нравился)

из разговоров на улице – парень говорит девушке – ты блядь сука как моя бывшая, мы пол-барселоны прошли чтобы найти место где блядь просто похавать

блядская зима в моем окне + сломался внутренний календарь, кажется что каждый день пятница

часто персонажами бабушкиных историй были люди с неординарной судьбой, физическими дефектами, психическими отклонениями, нетрадиционной сексуальной ориентацией

Nastavševs постановка используется восемь историй из современной русской писательницы Сергей Uhanova книга прозы «Черный спермы.» Петр Драгун читать переведенные тексты не могут смеяться, так они умные. Стиль автора является необычным. В то время как некоторые, возможно, сходство действительно, как написано выступления в программе можно увидеть Даниила Хармса, или, я бы сказал, и с Андреем Платонова, хотя мы не можем говорить о преднамеренном наследственной традиции.

сегодня мой организм пережил несколько атак в минимальных дозах, вот они в порядке убывания – рентгенологическая наркотическая хирургическая и антибактериальная, на самом деле – все в порядке, единственное что раздражает это красные тарелки в небе и фигура усатого фридриха горенштейна перед глазами (но это п ч накануне я посмотрел док. фильм про него)

кстати в россии даже шутки не меняются – сегодня слышал как девочка рассказывала маме что ее подружка купила булочку разломилась и обнаружила внутри запеченный палец с золотым кольцом, подобную историю мне рассказывала 30 лет назад ленка бушуева которая собственно и открыла мне такие понятия как черная молофья и сухая моча, надо ли говорить что сама она погибла лет 20 назад наступив на оголенный провод накануне своей свадьбы

46-летний петербуржец сделал себе «харакири», но суицид не удался. Но все же два человека вчера свели счеты с жизнью. По улице Композиторов, 20 было найдено тело мужчины, который покончил с собой путем повешения, а в 17:50 повесился 55-летний кладовщик хлебзавода «Каравай».

так раздуло левую щеку что я ее вижу если закатить вниз глазное яблоко а сейчас напился разных лекарств и пытался уснуть но явилась галлюцинация что у меня из внутренней поверхности щеки родился серый заяц

видел в троллейбусе человека похожего на алена делона 30-летней давности

В Таиланде девушка вышла замуж за труп возлюбленного.

видел 5 живых голых женщин (в александринском театре) так что же они делали на сцене? на протяжении 20 минут при свете 72 лампочек передвигались между металлическими конструкциями в абсолютной тишине (на время этой части представления композитор Раннев покинул сцену) и совершали различные телодвижения – запрокидывали голову, раздвигали ноги, вращали локтевыми, плечевыми, тазобедренными суставами, приседали, принимали нелепые позы, потом стали негромко произносить слова – голенистооп, копчик, надпочечник, мягкое небо... в это же время сидящая за моей спиной девушка нашла время сообщить своему партнеру «кстати, я сдала

мазок, у меня вторая степень чистоты (влагалища)» (важно: спектакль был про Галилео Галилея (Брехт), упоминался его (ГГ) трактат «О движении», самого ГГ изображала хрупкая девушка в красном платье)

Жительница Мурманска отравилась салатом со спермой шести мужчин. Решив, что блюдо просто просрочено, покупательница отнесла его на экспертизу. Выяснилось, что в салате присутствует биологический материал, которого там быть не должно: человеческая сперма. Более того, принадлежит семенная жидкость шести разным людям.

Печально закончилась попытка молодой пары сфотографироваться с гигантским ледяным пенисом на Алтае. Подтаявшая статуя неожиданно рухнула, заживо похоронив под собой влюбленных. Из материалов следствия стало известно, что гигантский снежный пенис в поселке Михайловское Алтайского края построили при помощи экскаватора-погрузчика сотрудники местного деревообрабатывающего завода. Поскольку статуя обветривалась, ее решено было облить водой, а внутрь для прочности вставить еловое бревно.

посетил выставку взйвея в хельсинки в только что открывшемся месте НАМ – все конструкции изготовлены из мертвых деревьев без единого гвоздя, а над одним объектом в виде сложносочиненного шара столяры из фабрики художника трудились не разгибая спины 2 года, самый интересный объект – дубовый гроб взйвея также исполненный без гвоздей

пока страдал бессонницей (на пароме, возвращался из X в П) прочитал полторы книжки элис манро а какой-то русский чувак в это же самое время напился до клинической смерти и к нему прилетал финский вертолет с реанимацией

Пьяный финн сломал позвоночник, спрыгнув с набережной в Фонтанку.

В Перу скончалась самая молодая мама во всей истории человечества. Мир так и не узнал каким образом она, будучи пятилетней, забеременела и после этого выносила здорового малыша. Есть варианты, что девочку либо изнасиловали, либо над ней проводились какие-то ритуальные обряды

в кафе баба стучала костяшками пальцев 10-летнему мальчику по лбу и пыталась его «что, что у тебя в голове?!» потом достала из сумочки кастет, я же быстро рассчитался и убежал

первая ласточка старости – заменил кофе на травяные чаи (в одном рассказе элис манро героиня поступила аналогично и ей далось это безболезненно, она объясняла это тем что людям просто нравится держать в руках что-нибудь теплое – не важно что)

почему-то был уверен что мишель турнье умер в один год с моей бабушкой но сейчас выяснил что у них был общий только год рождения

разговаривал с матерью по телефону – всеми недовольна

стало так ужасно, что стало потешно – пишет гертруда стайн, подписываюся под каждой буквой (кстати, странность – 5 лет подряд не могу найти на пер-лашез совместную могилу стайн и токлас зато с первого раза нашел могилу беньаш и слепян на комаровском кладбище – под боком у ахматовой)

посмотрел фильм про русскую уху которая убила итальянца (у героини тильды суинтон – она типа русская но замужем за богатым итальянцем и живет в милане – сынок завел дружка который так вкусно готовил что все кто пробовал приготовленную им пищу закатывали глаза и кончали поэтому сынок решил открыть с ним ресторан + как будто в него платонически влюбился но и героиня суинтон в него тоже влюбилась и не только платонически и на свою беду в перерывах между проебом научила его готовить уху которую обожал ее сынок с которым она любила говорить по-русски и для них уха была чем-то вроде фетиша если можно так сказать про суп и вот тильда устроила очередной прием и этот дружок в которого все влюбились приготовил уху и когда сынок это увидел в его голове что-то щелкнуло он сопоставил детали и понял что только мамаша могла научить его дружка готовить это блюдо он расценил этот факт как предательство + до него дошло что его дружок и мамаша любовники после чего сынок разнервничался и выскочил из-за стола а когда мамаша побежала его успокаивать неловко дернулся поскользнулся и упал в бассейн при этом стукнувшись головой так что не оклемался + в фильме еще линия с дочуркой которая учится в лондоне где открыла для себя радости лесбиянства) так вот когда я сегодня шел домой то встретил человека похожего на этого дружка-искусителя а еще меня весь вечер преследует тошнотворный запах ухи и я даже не могу лечь спать п ч в горизонтальном положении мне еще противней и я не могу понять это обонятельная галлюцинация или реально кто-то из соседей убил рыбу

14-летний школьник из Петербурга после ссоры со своим 30-летним отцом облил его бензином для заправки зажигалок и поджег

Петербурженка ударила ножом в живот беременную подругу.

прочитал что толпы русских людей ломятся на выставку серова в третьяковке – мы же с костей перед спектаклем геббельса в электротеатре тоже навестили серова и никакого ажиотажа там не было (осенью)

голуби отвратительны – видел как стая набросилась на свежую рвоту какого-то алкоголика и тут же в подворотне две малолетки решили показать

что они крутые – одна хотела глубоко затянуться растопырила пальцы и заглотила горящую сигарету (надеюсь желудочный сок отца нашего ее нейтрализует)

зашел в остатки стокманна за каштановым пюре и тут же встретил такую прекрасную (молодую) гей-пару (особенно тот у которого татуированные розы по всей шее) что не удержался и подошел сказать им об этом (как будто они сами этого не знают) но они оказались натуралами и в итоге чуть не вломили мне, короче вышел конфуз

мазохизм это когда три вечера подряд пытаешься досмотреть рыцаря кубков терренса малика и тебя воротит от каждой сцены с кристианом бейлом (и особенно от его босых ног)

простые, крестьянские лица русских геев

Петербурженка родила двух мертвых детей и заморозила их в холодильнике.

Петербуржец убил друга и лег спать рядом с трупом.

только что в одном заведении предложили испробовать свежие щечки в соусе

ехал в троллейбусе с мужчиной который всю дорогу повторял – женщина дьявол ббб пидарасы америка женщина дьявол ббб пидарасы америка – и так до бесконечности, распугал всех пассажиров, остались в заложниках только мы с кондуктором

мать сказала чтобы я пока не ездил в германию, боится что меня там изнасилюют мигранты

в спб как в москве по улицам можно перемещаться только на коньках, видел тетю у которой разъехали ноги и она в преклонном возрасте вынужденно села на шпагат, всюду афиши спектакля райкина «все оттенки голубого» и олега попова (он жив!) а по небу нервно бегут облака как будто господь совершает фрикции и вот-вот грядет апокалипсис!

видел перевернутые голые с одеревенелыми ногтями (тошнотворные) ноги трумена капоте (сфотографировал извращенец мэпплторп)

Февраль 2016

на фонтанке решил слиться с народом и зашел на выставку фриды кало в музей фаберже, под одной картиной пометка что этой работой художни-

ца в свое время рассчиталась со своим дантистом, подумал что это хорошая идея и если мне когда-ниб. придется идти к андрологу то я могу написать ему стихотворение

Да возрадуется Елицур с Куропаткой, в узах обретающейся, сторожей восхваляющей. Ибо я не безначален в своей печали, но повинуюсь ради славы имени Божьего.

кстати у жолдака в трех сестрах (был на премьере) соленый содомирует тузенбаха в барокамере (дуэль) видел за последнее время три постановки жолдака (и еще раньше много) и до сих пор не пойму как к нему относиться – надо спросить совета у Марины Давыдовой

господи вчера влюбился в одного театрального актера (молодого) сейчас разыскал его в сетях хотел написать письмо с признанием но ума хватило сначала прочитать то что (и как) он пишет и обнаружил что он снимался в каких-то сериалах ужасных и что он на всех фотографиях с вульгарными телочками – словом мрак полнейший только не понятно зачем после (да и во время) спектакля он мне нервно подмигивал

как говорила моя бабушка здесь не нужно быть фукуямой

ключевые слова – перверсия и девиация (словно женские имена)

«Черный сперма» главные герои имеют срок изгнания, маргинальных вундеркиндов, которые совершают государственные неприемлемые, абсурдные и провокационные решения, но их яркая правда личность предполагает, что незначительные шлюха или ум izkūkojušais zoofils жить только вокруг стенки, или, возможно, даже быть самим собой. Это шоу взорвалась как конфетти, когда в одной точке, то выражение черного спермы никто ничего, но в следующий момент вызвало неустойчивую взгляд с текстом: «Как ты это билеты, я тоже хочу!»?

юрочка (человек из красной комнаты) год назад перебрался в питер – сбежал от мамы (которая родила его в 17 лет) из караганды, своего отца никогда не видел, но помнит 9 отчимов (особенно жуткие воспоминания про олега романовича и валентина романовича – братьев близнецов которые появлялись по очереди и у юрочки не укладывалось в голове это раздвоение + один из них но юрочка так и не может понять кто (или оба?) подглядывал(и) за ним когда он принимал душ и его это оч. пугало) до 5-летнего возраста юрочка жил в жутком поселке городского типа с алкашами и заброшенными шахтами но однажды (дело было в 90-ые) мамаша с подругами за несколько ночей разобрали участок железной дороги и загнали рельсы неким бандитам в караганде (это юрочке позже рассказала бабушка) в результа-

те чего мамаша купила за вырученные от продажи металла деньги в этом городе 1-комнатную квартиру куда они вскоре и перебрались, еще юрочка помнит странные 6 дней когда мамаша сказала в то время пятикласснику юрочке что он какое-то время не должен выходить из квартиры подходить к телефону и выглядывать в окно и дала ему бумажку с номером телефона по которому он должен позвонить если кто-то начнет выламывать дверь или разбивать окна но ничего такого не произошло юрочка 6 дней тупо смотрел телевизор а на 7-й день за ним приехала мамаша и они перебрались жить в трехкомнатную квартиру бывшие владельцы которой как позже узнал юрочка были объявлены в розыск, мать работала 6 дней в неделю (всегда в гос. учреждениях) возвращалась поздно но каждое утро у юрочки в изголовье рядом с вазочкой лежали монетки на которые он покупал себе еду в кулинарии, самыми же отвратными были воскресные дни когда мать оставалась дома готовила жирный борщ который насильно заливала в юрочку а потом щекотала его до изнеможения или накладывала ему на лицо подушку и освобождала его только когда он совсем задышался или у него начинались судороги а однажды во время удушения у юрочки встал хуй мамаша заметила это и избила его так что он неделю не мог ходить в школу но после юрочкиной эрекции удушение больше не практиковала (однако же с тех пор юрочка без игр с асфиксией не возбуждается), за тот год что юрочка живет без матери он впервые в жизни почувствовал себя свободным и за это время всего дважды разговаривал с ней по скайпу и оба раза она интересовалась не совершает ли кто-нибудь над ним насилие а недавно прислала имэйл где сообщила ему что он уже взрослый и ему пора узнать что ее изнасиловали в 9-летнем возрасте

На Народного Ополчения неадекватный мужчина отплясывал дикие танцы.

оказывается секрет моего спокойствия в огромных дозах сушеного кумквата – люди, употребляющие этот фрукт, меньше подвержены депрессии, раздражительности, нервозности, хроническому стрессу. Он придает силы для активной деятельности, помогает избавиться от апатии и пассивного существования.

«Я вас уверяю, что я в этом диалоге чувствовал Духа Святого», – заявил понтифик в то время когда у меня зазвонил телефон, который 2 года назад сломался

Пригласнулся мне в ту пору юноша-книготорговец Лю Син (или Лю Тянь-шэн). Кажется, он влюбился в меня еще больше, чем я в него. Но приходиться ко мне он мог только по субботам. И после таких ночей с ним я шел совершать литургию. Чуть ли не в первый же раз я сказал самому себе: «Валерий, в недалеком будущем ты потеряешь право совершать литургию»... Словом, Вы угадали правильно: сана я не снимал, ибо он мне не мешал. Обычно сни-

мают сан и монашество те, кому приспичит жениться. А мне не приспичило. От моей откровенности в ужас приходит Лидия Юлиановна Хаиндрова. А я ей отвечаю, что к 2040-му году вся русская поэзия будет такой же беззастенчивой, как эти мои сонеты и как Поэма без предмета. От «норм» ничего не останется (тем более, что земной мячик уже перенаселен свыше всяких пределов и надобности в деторождении давно нет: скоро «воздержникам» будут выдавать ордена – даже лордами будут их делать, разумеется, пожизненными)

госпожа б. из бдсм-салона прислала валентинку (для тех кто в теме)

Гонка смерти: на уральской «Лыжне России» скончались два человека (заголовков)

стоял на балконе 10 минут без одежды

век живи – век учись: Figging – введение в анус нижнего партнера очищенного свежего корня имбиря, выделяющего эфирные масла, вызывающие жжение. Применяется как самостоятельная практика так и вместе с бондажом и флагелляцией.

заварил травяной чай и куда-то поставил чашку – уже полчаса не могу найти, зато обнаружил одну вещь которую потерял в прошлом году

посмотрел позорное кино про разоблачение священников-педофилов (в бостоне), когда возвращался видел женщину-мать орущую на свою несовершеннолетнюю дочь – кто, кто сказал что в этом есть твоя правда, сука тупая? а на перекрестке встретил трансвестита в мехах который выскочил из маленькой желтой машинки стал пинать задние колеса и визжать – бляди бляди чтоб вы сдохли!

смотрел кровь моей крови марко белоккьо в только что открывшемся кинотеатре ленфильма кроме меня зрителей в зале не было зато дважды заходила старушка гремела связкой ключей спрашивала буду ли я досматривать а то она домой торопится

в новом музее выставка недавно скончавшегося ивана сотникова, последние работы выполнены в расцветке георгиевских ленточек

кстати юрочка (из караганды) решил пойти в натурщики но ему там один приглянулся и он вчера во время сеанса возбудился поэтому его сегодня отстранили + у него не осталось денег поэтому он украл в магазине белорусских продуктов банку сгущенки съел за один раз все ее содержимое и едва не впал в гипергликемическую кому

выяснилось что моя двоюродная сестрица которая уже больше 20 лет живет в германии (мать моего гей-племянника которого от меня скрывают) фанатка марин ле пен (у меня даже прострел в нижнюю челюсть случился)

сколько лет прошло после школы а мне сегодня опять приснились гороховая каша и котлеты из мертвой печени которые в нас запихивали по пятницам и заливали сверху агрессивным томатным соком (из разведенной пасты с комками шерсти)

вот еще новость – пока на тверской сносят пирамиду в меня влюбилась женщина (москвичка)

В заброшенном доме в Петербурге нашли труп человека без лица.

хожу смотреть ретроспективу синоды – фрагмент из химико в моей памяти – чувак соблазнил и предал жрицу (а по совместительству свою сводную сестрицу) последняя потеряла дар пророчицы за что приказала вырвать ему ногти сделать татуировки вокруг глаз и бросить курам и петухам на смех

даже пустопорожняя баба под окном вскричала – еб вашу мать, меня уже тошнит от вашей поэзии!

подслушал в маршрутке разговор двух баб с начесами которые обсуждали 26-летнюю кобылу (дочь их общей приятельницы) которая ничего не хочет делать и ведет бессмысленный образ жизни – валяется до трех часов дня в постели потом 2 часа отмокает в ванной потом до утра чатится или на ночь глядя идет шароебиться с подружками и виновата во всем этом мать этой самой кобылы п ч у нее столько бабла что из всех щелей лезет и кобыла может брать столько сколько ей вздумается и поэтому у нее нет стимула работать хотя у нее есть художественный вкус и незаконченное училище ре-риха замуж кобыла тоже не хочет но здесь бабы ее не осуждают п ч сейчас все кобели или с кольцами в носу или с надписями как у эзков по всему телу или того хуже голубые развратники

обнаружил в стокманне своего любимого продавца у которого покупал порой ненужные мне продукты и который пропал после нового года но оказывается он пошел на повышение и теперь работает на др этаже того же стокманна где его обрядили в корпоративную одежду сделали укладку и немного подкрасили ресницы и веки и теперь он продает мужские трусы неделька с золотинкой на причинном месте стоимостью от 5 тысяч рублей

польза чтения – прочитал моих родителей гиберы и не стал звонить своим родителям

В Колпино, в квартире дома 19 по бульвару Трудящихся, мужчину убили ударом ножа в ягодицу.

опять что-то нашло – создаю такое поле неврастении что вырубается вся техника окрест

мать сказала что ванга сказала что с Россией все будет хорошо – ну ок, слава ванге

решил раньше лечь спать и тут же в темноте померещилось что рядом со мной кто-то распластался пришлось встать теперь придется еще бодрствовать

встретил одну свою знакомую и поразился ее непотребному поведению подумал что она под наркотой и быстро с ней распрощался но она догнала меня через 100 м стала скакать визжать ржать задира́ть ноги и сообщила мне что она счастлива и неуправляема п ч впервые в жизни беременна

путешествие к моей любимой гей-паре в Базель через Цюрих, первое место куда меня привез п. в Цюрихе кладбище с могилами Джойса и Канетти, потом Кунстхаус где много мунка, а также выставка посвященная 100-летию дадаизма и громадный абакор из трусов пипилотти рист

Март 2016

и. рассказал что когда он 19-летним уходил ночевать к н. его мама однажды спросила – илья, чем вы там занимаетесь? надеюсь не голубой любовью? и. сделал вид что оскорбился а сам продолжал ходить и не только к н. но также к п, д, и р, но то чем они занимались он никогда не называл этим идиотским выражением

в дорнахе спрятался от дождя в Гетеануме – всемирном центре антропософии (спасибо Штейнеру – чудесное место)

я никогда не был антропософом, но знал нескольких последователей теософского учения, рериховцев и даже знаком с реинкарнацией епб-блватской (ее зовут Светочка, она типа психотерапевт)

кстати в дорнахе живу на улице где Андрей Белый записал котика Летаева но мне приглянулся другой котик – из migros напротив (а беда в том что скоро все это закончится), пытались с и. выяснить где Белый жил но старых домов на улице практически не осталось

по всей Швейцарии (и не только) расставлены дорожные знаки с изображением лягушек (потому что они дуреют во время брачных игр и выска-

кивают на трассу) а в некоторых местностях прорыты специальные каналы под асфальтом по которым лягушкам рекомендовано передвигаться

у моих милых гей-друзей заболела кошка и они поволокли ее в ветеринарную клинику где ей вкололи антропософское средство и к вечеру она умерла

видел за 7 дней – вуду и умирающего льва в скале по эскизу торвальдсена (в люцерне), альпы в тумане, коллекцию жана тэнгли в музее (проект марио бота) в базеле, наметившиеся пузыри земли и изенгемский алтарь грюневальда (который снимали на айфоны монашки) во французском кольмаре, арт-брют в лозанне (мечтал попасть в этот музей 10 лет), за продуктами и вином ездили в немецкий лёррах где все в три раза дешевле чем в швейцарии и в центре которого возвышается усеченная пирамида брюса наумана (за неделю выпили с милыми гей-друзьями 24 бутылки вина)

событий было несколько 1. приходил парень с рыжей челкой красными бровями и черными (на руках) ногтями и в самый неподходящий момент выкрикнул совет да любовь! чем очень озадачил меня 2. когда возвращался из кинотеатра (отвратит. фильм мой король) встретил троих молодых возбужденных геев и один из них пропищал – с вами каши блять не сваишь

помню в начальной школе под восьмое марта на уроке рисования нас заставили нарисовать что-нибудь для мамы и когда наш учитель родион леонидович (кстати он был продвинутый и уже тогда открыто жил с физруком из соседней школы, но на меня не это повлияло) увидел мой рисунок (я не помню что я намалевал) то он покраснел и сказал что оставит рисунок себе а мне дал пачку пластилина и сказал что я могу слепить для мамы что-нибудь выдающееся

ходили смотреть большой всплеск гуаданыно (римейк бассейна дерз но совершенно идиотский) – когда рэйф фэйнс (любимый актер кирилла п.) тряс хуем какая-то баба сидящая позади меня вцепилась в спинку моего кресла и застонала а потом весь остаток фильма скребла кресло ногтями, когда фильм закончился я решил посмотреть в лицо этой твари но она прикрыла его платком и убежала но я отчетливо слышал как на бегу она прокричала – сергей, не надо!

на соседней улице пожар, русские люди пришли в агитацию, носятся вокруг пепелища и фиксируют на телефоны пожарников дым и шланги, кривая старуха забыла что сама труп говорит другой загробным голосом – чужь паленым мясом повеяло

В самом сердце Петербурга закрыли притон с одинокой проституткой.

мой любимый раскосый седой юноша в кафе который приносил мне утренний кофе неудачно покрасил волосы (в морковный цвет) и тем самым испортил мне настроение

не очень люблю метро спускаюсь туда в редких случаях сегодня рядом сидели две телочки сначала они обсуждали как понимал экономику спасения агамбен потом переписку шолема с бенямином но быстро от этого утомились и стали удивляться тому факту что натаха связалась с максиком – ведь он полный идиот бесперспективный – а когда они увидели что натаха вытирает максиму губы после пончика у них чуть месячные в сапоги не вытекли и др занятые разговоры но потом в вагон зашел красивый со свежим лицом (как у меня 22 года назад) и стал смешно барабанить по ведрам – телочки подали ему 10 руб я ничего не дал а потом мы все вышли из вагона и разошлись по своим дорогам

зашел на выставку бакста в корпус бенуа, хотел сфотографировать девочку перед иконой но налетели старухи-сотрудницы с хоругвями и едва не отобрали телефон (а самое интересное и то что я не видел раньше – ткани и платки с рисунками по эскизам из американского периода – коллекция галереи наши художники + молодой дагомец)

Полиция закрыла бордель на Парашютной улице с двумя путанами, работавшими дуэтом.

Ты из хорошего рода. Хорошая кровь. Дед твой оставил по ребенку в каждом углу. Это мне нравится. Зерно должно быть зерном, мужчина – мужчиной.

громдная выставка в михайловском замке, посв. эпохе петра первого, самое любопытное – портрет ленина (другого, из свиты петра) с калмыком, неизвестн. художник, портрет старика в красном кафтане, которого по ошибке принимали за шута, неизвестный художник первой четверти 18 века, портрет великана никола буржуа (рост 227 см) которого петр привез в петербург и заставил совокупляться с чухонкой еще более высокого роста для получения рослого потомства (портрет хранится в русском музее, скелет и кожа великана в кунсткамере)

соседка снизу воет вторую ночь подряд п ч ей хочется с кем-нибудь поговорить но никто не знает о чем с ней разговаривать

это грехопадение не плоти а ума утраченная невинность и нагота связаны не с определенным способом занятия любовью а с иерархией и особенностями знания

вместо моего седого юноши в кафе неловкая девка с приклеенными бровями, уронила нож сказала – наверное седня еще мужчина зайдет, уронила вил-

ку – три раза постучала ею по кассе потом по своему лбу, пролила мой кофе, засмеялась так что плюнула прямо в пирожное, короче девка-катастрофа

утром позвонила мать в панике и сказала что ей сделали узи и оказалось что у нее 4 почки правда 2 из них недоразвитые и именно они изводили ее все 62 года жизни (ну и 40 последних лет я разумеется)

ночью так устал что под утро приснился седой юноша – будто он стоит на пьедестале смотрит сквозь меня а потом начинает резать себе сонные артерии из правой хлещет черная густая жидкость из левой ярко-зеленая маслянистая а я стою как парализованный бездействую и только гадаю что из него вытекает (мысли почему-то чудные – нефть? краска? застоявшееся молоко?) проснулся разбитый + звонок матери про 4 почки, понял что общественный транспорт меня добьет вызвал такси но не посмотрел номер сел к молчаливому дяде который зачем-то довез меня до большеохтинского кладбища где веселая тетя в цветастом платке продавала венки кедровые орешки и молодой картофель (где она его взяла?) только рассчитался с дядей как позвонили из службы такси сказали что мой водитель попал в аварию буду ли я ждать следующего (так я выяснил что сел к неправильному дяде) отказался и доехал до нужного места на трамвае

Труп мужчины, объединенный зверями, нашли в парке Пушкина.

вспомнив как покойная бабушка наставляла не выделяться и делать то что другие делают пошел на дневной сеанс франкофонии, кроме меня в зале было семь глубоких пенсионерок – 3 уснули до начала сеанса 3 во время седьмая по-моему вообще умерла

в борделе на улице Ткачей взрослая проститутка учила молодую подружку разным извращениям.

практически каждый день обижая какую-нибудь женщину

ходил в кино – когда консьерж придвинулся к луи гаррелю и потрогал через штаны его хуй весь зал напрягся – все-таки русские люди совсем дикие

оказывается французская булочная в начале старо-невского превратилась в хинкальную но занавески на окнах остались прежние

пока ехал по невоскому (от уровня главного штаба до площади восстания) сидящая напротив меня тетя не в себе (похожая на кумира некоторых блогершу толстую) съела 2 гвоздики – бледно-розовую и алую, на уровне литейного стала икать, 2 парня с поставленными чубами от такого зрелища щипали др др ляжки

дети – абсолютное зло мало того что они отнимают время и силы они еще требуют у родителей деньги (сам был тому свидетелем утром в троллейбусе) и ради чего, молодые отцы? видел бритоголовую бабу с цветной татуировкой на весь череп и вживленными шариками и шипами под кожей лба (мне сказали что это какая-то популярная в определенных кругах певица) выглядит отвратительно и наверняка у нее тоже есть дети

господи выпил анальгетики забыл про это и выпил литр вина теперь как будто все болит и не болит одновременно (+ напали смех и дурашливость)

новый тренд – в питере на месте закрывающихся кофеен открываются магазины белорусочка и белорусские продукты, мы сегодня в один такой заходили, тетя предлагала купить по акции печеночный зельц попробовав который по ее словам уже потом всю оставшуюся жизнь от него (зельца) не оторваться (свят свят свят!)

Желтогрудая куница (харза), названная в честь урагана «Катрина», сбежала из Ленинградского зоопарка и на следующий день сама вернулась на его территорию после неудачных попыток спасателей поймать ее.

сегодня был ужасный день – утром назначили физиотерапию (впервые в этом тысячелетии) аппарат оказался того же года рождения что моя покойная бабушка – один провод засунули в рот второй прикрепили к щеке врач сказала что я должен почувствовать «переливание смежных пузырьков» и что если у меня начнут сокращаться мышцы лица или подергиваться веки то это не страшно но как только она вышла за перегородку аппарат заискрился и задымился вбежала врач выдернула провод и сказала что я родился в рубашке п ч в этом квартале у нее уже был случай с летальным исходом и за второй ее обещали уволить а кабинет физиотерапии закрыть она тут же вызвала мастера и сказала чтобы я позвонил завтра уточнить починили ли ее аппарат, когда возвращался после неудачного сеанса через каждые 100 м стали встречаться знакомые женщины которые хотели поделиться со мной чем-то сенсационным (п ч в воздухе как выразилась одна из них разлито что-то типа новой русской искренности) первая призналась что недавно перенесла трепанацию черепа показала рубцы на голове и уверила что теперь с ней все будет хорошо вторая сказала что ей надоело скрывать свое лесбиянство и что она больше не хочет жить с козлоногим мужем и воспитывать вонючих детей ну а третья превзошла всех и заявила что 8 лет она любила меня но сегодня неожиданно поняла (это снизошло на нее как «багряное озарение») что это было самое тупое заблуждение в ее жизни

после зимы в Петербурге проснулись гадюки.

сегодня мой странный редкий случай показывали врачам-ординаторам, все ординаторы красавцы и носят не только белые носочки и белые тапочки но и белые маленькие трусики, это я увидел когда по ошибке ворвался в кабинет где они переодевались и только у одного (самого красивого) были трусики типа паутинки в черных паучках

недалеко от военно-медицинской академии видел крыс и двух курсантов которые ссали на мертвого голубя и брызги мочи летели на их пыльные сапоги – дико красиво, мне хотелось остановить время и разодрать на себе кожу

между врачами было окно за время которого успел не только познакомиться с переломанным юношей но и посетил военно-медицинский музей, хотел сфотографировать оловянный урильник и бязевый бюстгальтер времен суворова но как цербер налетела смотрительница и едва мне не наkostenяла, позволила сфотографировать только гипсовую сестру милосердия с отращающейся люстрой на голове

всю свою жизнь он посвятил чтению дневников прищвина (я кажется так уже шутил когда выходил предыдущий том)

опять снилось что я пью ряженку и давлюсь ею – это связано с тем что когда в детстве я ходил с бабушкой на рынок она всегда покупала у деревенских теток три стакана ряженки – 2 выпивала сама залпом а третий вливала в меня утверждая что это во всех смыслах полезно (на самом деле молочные продукты это ужасно и вредно) мать сказала что это будет преследовать меня всю жизнь п ч я не прилетел на похороны бабушки 9 лет назад но я не мог п ч в то время я был в брюсселе и узнал о смерти бабушки задним числом но я уже несколько раз был на ее могиле когда прилетал на малую родину но видимо этого мало (кстати на том же рынке будучи подростком я покупал порнографические открытки с дядьками которыми торговали из-под полы продавцы плакатов с юрой шатуновым си си кетч и сандрой а деревенских теток с ряженкой к тому времени поганой метлой разогнали)

Апрель 2016

Усопший, скорее всего, принадлежал к субкультуре «готов» – вся его одежда была черной, на лице были солнцезащитные очки, а в ушах – наушники. Рядом висел черный плащ. Судя по пропуску, найденному в кармане, погибший работал техником в Мариинском театре.

кстати странность – когда читал в метро иду гертруды стайн две коротко стриженные пожилые тети сидящие напротив меня стали разговаривать мужскими голосами (а одна еще и вращать лучезапястным суставом со скрипом)

сегодня случилось «растяжение во времени» – ехал из одной точки в другую минут 20 а показалось что прошла целая вечность – успел подумать о родине, о родителях, о старости, о геях, о болезнях, о некоторых мертвых и нескольких живых etc, когда вышел из автобуса чуть не упал от бессилия (будто на мне 100 чертей прокатилось)

Привет Сергей! Твоя книга из Могилева перекочевала в Германию, а девушка которая ее прочитала через две недели легла в психушку и объявила что не хочет оттуда возвращаться.

Три девушки и мужчина занимались проституцией на улице Ефимова.

ехал в одну сторону – видел здоровенного (красивого) рыжего парня который читал брошюру лени рифеншталь за 30 секунд (надо вырвать руки голову и гениталии всем кто причастен к изданию подобной макулатуры), ехал в иную сторону – видел водолазов (впервые в жизни) которые вытаскивали из фонтанки труп огромного рыжего кобеля (и я моментально вспомнил как однажды в глубоком детстве видел пегую корову сраженную молнией)

познакомился ночью в троллейбусе с проституткой из ленобласти в синем пальто – рассказала об умирающей матери голодающих детях папилломатозе и сломанной стиральной машинке (услуги не предлагала)

читая саши м. дневник уже дважды проехал свою остановку

в спб все от мала до велика натянули отвратительные спортивные – обтянули свои кривые ноги и гениталии (даже в филармонию в таком виде ходят), наблюдал за одним в троллейбусе – встал на всеобщее обозрение, снял куртку, стал шевелить мышцами и кавернозными телами но самое смешное что никто кроме меня не обратил на него внимания – русские люди затраханы русской жизнью!

гомофобы убили журналиста ц. (я не был с ним знаком, но часто пересекался на театральных премьерах и фестивальных спектаклях – в результате кивали др др), теперь эти лицемерные суки (любительницы всего высокого) удивляются зачем взрослый дядя приглашает к себе студента – конечно, чтобы о вашем климаксе поговорить (будьте прокляты, убийцы!)

когда возвращался после громче чем бомбы таксист рассказал свою историю – сам он перс из азербайджана в начале нулевых жил и работал в турции (продавал ткани) но там ему не понравилось поэтому он переехал в питер где сначала 2 года работал на подпольном спиртзаводе но потом там всех повязали а он сбежал п ч был худой (пролез через форточку) потом полтора года готовил в ресторане шашлыки из бездомных собак но и там всех

повязали а владельца расстреляли но к тому времени перс уже заработал на раздолбанную машину и стал заниматься частным извозом но было несколько случаев когда у него забирали деньги обзывали антонио бандерасом и душили ремнем безопасности поэтому он устроился в приличную службу такси но и там бывают проблемы вот например сегодня утром ему пришлось везти голубых – одного молодого другого старого и они стали не стесняясь перса выяснять отношения (суть конфликта: старый выследил молодого с др молодым) в результате чего голубые стали драться прямо в машине старый выдрал у молодого клок волос и персу пришлось их разнимать он насилиу их высадил на каком-то пустыре (разумеется они не заплатили) и потом немного отъехав в сторону наблюдал как голубые все в слезах в крови в грязи (пошел дождь) продолжали драться и это было по словам перса дико и не по-мужски

дети в зале рыдали в истерике после того, как Сергей Лазарев упал в обморок.

д. рассказывает что я проснулся вскричав свободы нет! (я же этого не помню)

не успел стокманн закрыться как снова открылся и устроил распродажу сумасшедшие дни – худо-бедного русского народу столько что не пропихнуться, это репетиция ада конечно, хотел купить мюсли и варенье из грецких орехов но пенсионерки которые набирают товаров минимум на 5 тыс. стали надо мной смеяться, пришлось с позором все кинуть и бежать без оглядки, а в отделе кулинарии была драка – баба вцепилась в парик продавщицы из-за того что та зачерпнула ей вчерашнего салата!

хотел отправить бандероль родителям но на почте нет ни пластиковых конвертов ни коробок ни скотча, затраханые тетки посмотрели на меня с укоризной (будто я свалился с луны) и пояснили что все деньги идут на вооружение родины – государству некогда штамповать безделушки (+ компы у них не работают и ящики которые несколько лет назад установили во всех отделениях чтобы гонять рекламу вырублены, короче мертвый сезон)

со мной что-то произошло – купил книгу непокая пессоа и не могу прочитать больше 2-х страниц – было уже 5 попыток но мысли мои разбегаются мелкий шрифт убивает а на коже появляются розеолы диаметром 13 мм

известно что четная сторона невского пр. от фонтанки до московского вокзала после 20 часов превращается в тотальный притон – сутулые парни в спортивках озираясь расклеивают объявления с предложениями провести вечер с сюзанной алиной стеллой розанной и даже с самой любовью а навязчивые девицы всучивают флаеры и буквально затаскивают в подворотни обещая горячий стриптиз массаж минет и прочие радости половой жизни а сегодня видел тетю лет 40 в кепке надвинутой на глаза и с серой

кожей лица которая соскабливала объявления разрывала их на части топтала и от злости рычала но это была бессмысленная работа п ч следом за ней шли все те же сутулые парни с животным оскалом и кипой секс предложений

В 00:27 в психиатрическом отделении военного госпиталя обнаружены два тела медсестер. Пропали трое военнослужащих, находившихся на лечении. Один из них – студент Военно-космической академии имени Можайского (кстати, я рядом с этим госпиталем на Суворовском часто прохожу, недавно какой-то махал мне из форточки чисто-выбритыми гениталиями)

в мире столько красоты что я не понимаю как еще не разорвалось мое сердце – сегодня у метро чернышевская баба-бомж с ароматом пачули говорит мужику-бомжу с запахом прошлогодней корюшки – да ты еще в штаны ссался когда меня цыган в манду ебал (при этом похлопывая себя по этому самому цыганскому месту), короче картина такая – редкое голубое питерское небо и эта заоблачной высоты сцена, настолько красиво и вдохновляюще будто в эрмитаж или в лувр сходил!

три часа ночи – ебучие птицы за окном своим радостным щебетом превратили меня в неврастеника!

вторую книгу пессоа (банкир-анархист) читать как и первую невозможно, в кинотеатрах ничего не показывают, филармонию заколотили досками, виза не готова, алкоголь закончился, остались одни ноющие боли в проекции правой почки

приснилось что на меня напала собака и лизнула щеку а потом уже в реале (на улице) на меня прыгнула собака но другая (голубая)

увидишь порой групповые фотографии современных литераторов и начинаешь креститься и благодарить господу нашего за то что не имеешь с нами ничего общего

сидящая впереди меня баба в маршрутке минут 15 рассказывала по телефону про анализ кала, мочи, крови, спермы, энцефалограмму, кардиограмму, заторможенные рефлексy своего ребеночка, про визит к инфекционисту, дерматологу, неврологу, кардиологу, окулисту, массажисту, потом про свои проблемы – нарушение цикла, мушки перед глазами, боли в глазу и колики в копчике и кончике языка, при этом сидящий рядом с ней ребеночек – мальчик лет 3 дергал за волосы впереди сидящую тетю, плевался, брыкался, ковырялся во всех естественных и противоестественных отверстиях, потом наконец они добрались до нужного им места и эта самая баба сказала водителю почему-то голосом 3х-летней недоразвитой девочки – астянявите нам поэялюста на этяй астяновкиии

теперь птицы не только орут благим матом но и напали на меня когда я вышел на балкон но я так и не понял что это были за птицы (похожи на тетеревидных) бабушка в свое время рассказывала что перед ее индивидуальным концом света невиданная + огромных размеров птица выдавила шибку (так в сибери называют оконное стекло)

Петербурженка ударила беременную дочь ножом в живот.

сегодня опять лицом к лицу столкнулся с кумиром моей покойной тети (по материнской линии) алкашом боярским, но были и хорошие новости – вышел новый реве, в стокманне появилась маца и п. ответил на мое непристойное предложение

шокирован с самого утра – пока стоял на остановке наблюдал за возрастной тяжело беременной тетей на противоположной стороне улицы которая скрестив ноги ждала как я понял скорую п ч у нее вроде как отошли или собирались отходить воды, при этом тетя курила одну за одной сигарету глубоко затягиваясь видимо хотела усугубить гипоксию мозга ребеночка чтобы он родился недоразвитым – конечно, ведь тогда ей будет проще привязать его к себе чтобы всю оставшуюся жизнь над ним издеваться!

надо бы съездить по делам в москву но если увижу собянинские арт-объекты боюсь некстати кончить

вот и адасинский ебанулся (видимо духовность прорезалась) – сиськи в музейном пространстве его смущают, интернет надо запретить (а ведь когда-то я ходил на спектакли дерева)

прорезался чувак из прошлого – когда-то мы жили в одном дворе (в др городе) и он мне в ту пору даже нравился (если я ничего не путаю) а наши матери были приятельницами но однажды кто-то украл у него кассету с сандрой или сабриной и он почему-то решил что это сделал я, короче после этого мы перестали общаться и он мне совершенно разонравился и я уже лет 25 про него не вспоминал и вот он мне пишет сообщение в фейсбуке – оказывается он уже три года как живет в питере у дядьки который выписал его на место своего утонувшего сына, работает в морском порту (что он там делает – не сообщает), зарплата у него по питерским меркам небольшая (17 000 руб.) и без дядькиной помощи он бы не справился, семьи и детей нет и не было, друзей в питере тоже нет и ему оч одиноко и вот он вспомнил про меня, долго вычислял в фейсбуке, отправлял сообщения нескольким сергеям ухановым которые отвечали ему – чувак ты че ебанулся – но теперь он почти уверен что я именно тот кто ему нужен и предлагает встретиться (через пару недель когда ему снимут гипс) – короче все это странно, мне почему-то сразу представилось что он приехал для того что-

бы порешить меня (из-за той идиотской кассеты или по каким-то др причинам) а ведь я еще молод – мне всего лишь 40 и то время когда мне было 20 и я был уверен что к 30 с собой покончу безвозвратно прошло

Пять путан из Средней Азии задержали в борделе на улице Советской в центре Петербурга.

Широкополая шляпа подчеркивала вульгарность ее лица, и в желтом свете фонаря она напомнила мне старую немецкую комедиантку по имени Лени Рифеншталь (Патрик Модiano)

кто-то подбросил под дверь обложку книги сексуальная магия!

В борделе на Непокоренных трудились 12 женщин и 1 бойкий мужчина.

Пятеро проституток с Московского проспекта переехали в отделение полиции.

Май 2016

вот происшествия – вчера ходил смотреть трансляцию электро патриса шеро из метрополитен-опера (постановка ни уму ни сердцу) а нина штемме это один к одному соседка по даче моих родителей (зав. детским садиком) а сегодня утром мать по телефону сказала что эта соседка на днях умерла (откуда она узнала ведь дачный сезон еще не начался?) + когда разговаривал с матерью видел голубя который засунул голову в щель в асфальте и ее (голову) подцепила пятнистая кошачья лапка (тоже не совсем ясно как кошка забралась под асфальт)

В Китае существует тайное женское общество под названием Ми-фа-чьяо (околдование мужчин). Под руководством одной старухи, посвященной в тайны магии, участницы этого общества знакомятся с тончайшими подробностями своей колдовской деятельности. Ночью они все отправляются к могиле какого-нибудь юноши, сохранившего целомудрие до самой смерти своей; откопав могилу, они извлекают оттуда несколько костей, которые прячут дома или носят всегда при себе. И вот когда какой-либо из их мужей в чем-нибудь не угодит им, они особым знаком отмечают на кости время рождения его, а саму кость зарывают или бросают в море. По словам фон дер Гольца, околдованный становится с течением времени сумасшедшим или идиотом; иногда он подвергается весьма тяжелому заболеванию, которое влечет за собою неминуемую смерть.

пошел слушать трансляцию из берлинской филармонии но русские организаторы не сумели к ней подключиться зато подслушал как одна музыкаль-

ная старушка сказала другой про какого-то пианиста (но как будто это было сказано про меня) – он несчастен настолько что уже не замечает своего несчастья, а когда возвращался домой видел приятного молодого мужчину (моих лет или немного старше) который отчитывал подростка-сына – зря ты втянулся в это дело! судя по тому как сынуля вращал белками речь шла о привыкании к онанизму или гомосексуализму

на улице + 20 но коренные петербуржцы кутаются в шарфы платки и плащ-палатки прибинтовывают к лодыжкам зонты с переломанными спицами собираются в небольшие группки и ненавидят молодых, видел одного юнца с колесницей калачакры на майке и цветной татуировкой на волосатой ляжке в виде отрубленной головы дракона изрыгающей пламень прямо ему в трусы

ах, вот еще – купили билеты на сольный концерт элен гримо которая как известно живет не с людьми а с волками

сейчас наблюдал за двумя котами со вздыбленными хвостами которые сначала орали др на др а потом с остервенением стали вырывать под корень и пожирать траву на газоне

сегодня весь день встречаю бородатых молодых мужчин гуляющих парами + с малыми детьми

все чаще вспоминаю как моя мудрая бабушка говорила с самого утра все болит но жить все равно хочется

прошел утром через таврический сад – никогда не знал что русские люди настолько любят обнажаться – по дорожкам бегают полуголые качки, на лавочках мамы вывалив огромные груди кормят полоумных детенышей наряженных в цветастые подгузники, под каждым кустом лежит по пенсионерке в открытом купальнике (некоторые – топлес), но апогей – это спортивная площадка с 44 юными баскетболистами в одних куцых трусах которые они после каждой передачи мяча все выше и выше подворачивают (лучше бы сразу сняли), воистину – последние времена не за горами!

Мертвая рыба в больших количествах появилась сегодня на поверхности Невы.

довел до горьких слез одного чувствительного гея когда объяснил ему на пальцах что никакой любви не бывает и что по большому счету никто никому не нужен

В Солнечном 33-летний посетитель ресторана стрелял и бил официантов (я бы тоже с удовольствием отлупил вчерашнего в Белоострове)

недалеко от студии красоты Мужские руки наблюдал за чуваком который разминал нехилый зад своей девушки (погрузив в него свои лапы почти по локоть)

Илья отказался поднять рюмку за здоровье байкера, у которого был день рождения. За это виновник торжества, по данным свидетелей, вместе с друзьями повалили Илью на траву и слегка его попинали.

Из массажного салона на Коломяжском разогнали заправских проституток.

Мама-утка с выводком утят остановила движение по проспекту Славы.

В Петербурге выхаживают лисенка, маму которого сбила машина.

в кафе видел дядю на тоненьких ножках с огромным животом, сначала подумал что у него асцит и над этим нельзя смеяться, но дядя заказал 8 пирожных и литр чаю и все это съел за 15 минут т е у него алиментарное ожирение и над этим тоже нельзя смеяться (а когда он вставал его розовая майка с люрексом трещала по швам)

видел странного прокаченного чувака с тремя косами – одна (самая отвратительная) из бороды, остальные на треугольной башке – ужасно длинные, он их попеременно дергал пока ждал зеленый свет на светофоре а когда переходил дорогу громко говорил – эгэй! эгэй!

сегодня женщина-врач легла на меня всей грудью и немного приоткрыла рот – боюсь теперь я не девственник

приглянулся один типа фэшн-фотограф (но не дурак) зовут вл. + оч приятный (как нам нравится) раньше плясал в михайловском но несколько лет назад сильно повредил колено и придумал себе новое занятие, так вот мы с ним встречались почти 2 недели через день и все было как-то странно и двусмысленно, в кафе каждый платил за себя и не совсем понятно было дальнейшее распределение ролей но он все время как бы невзначай терся и прикасался (я тоже разумеется но особо не форсировал) а вчера он мне говорит – мы уже так близки будто 100 лет др др знаем и теперь я хочу тебя кое с кем познакомиться – и припер сегодня на встречу свою жену и ребеночка в коляске (жена тоже скакала у кехмана пока не разродилась милой дочуркой) словом – катастрофа, ужасно хочу посмотреть как он исполняет свой супружеский долг – ведь мы так близки а он такой милый но наверное жена не согласится – она весь вечер как-то неприятно щерилась (будто ее знобило)

ходил смотреть фильм артоголик в котором 70-летний удо кир (копия моего покойного дяди который упал в могилу когда хоронили бабушку) посещает

различные европейские музеи (я не был только в одном из них – в бонне) встречается с художниками (своими давними приятелями и друзьями) и параллельно рассказывает о своей порочной связи с искусством и людьми искусства (от уорхола и мэпплторпа до мэддина и тилманса) и любимых собачках одна из которых во время съемок фильма умирает а в финале самого удо кира загружают в реанимационную машину из которой он кричит kunst! kunst! когда возвращался из кинотеатра видел раздавленного замороженного цыпленка, женщину с громадной грудью наперевес и какого-то жеребца вырядившегося на блядки в дешевый костюм + с неаккуратно выбритым черепом (в какой-то момент в рамках борьбы с отвращением мне даже захотелось лизнуть кровь из пореза на его затылке) но потом ко мне подсел такой приятный парень что мне захотелось стать бесконечностью чтобы непрерывно с ним совокупляться

ужасная история прямо с утра – какая-то телка вписалась в маршрутку в которой я ехал, все внутри перекошилось, старушка (поклонница барышников) упала на меня и обмякла – едва привели ее в сознание, но когда отпустили она снова упала и у нее хрустнуло запястье

20 минут назад видел на невском двух чуваков в одинаковых белых обтягивающих трусах на голое тело – хуи отчетливо видно, публика возмущена!

по глупости назначил п. свидание в ботаническом саду но через 15 мин у меня началась аллергия и потекло все что может, после чего п. сбежал а я от горя сфотографировал шмеля

сегодня в полупустом троллейбусе баба в климakse напала на парня из-за того что он сидит а не стоит как положено молодым а в одном магазине другая баба в климakse хотела ударить зонтом девушку за то что та протянула ей флаер

В Петербурге «мамку» проституток из подвала на Юрия Гагарина отправили под суд.

мать рассказала ужасное – умерла педиатр которая лечила меня в детстве (она потом всю жизнь приятьельствовала с моей маман) и которая всегда говорила что я трехсмысленный – делаю одно думаю третье а второго и след простыл + она не употребляла слова болезнь болеть и больной а только хвороба хворать и хворый и собирала все вырезки из газет про агафью лыкову – кому теперь это все достанется?

господи почему мне не нравятся нелепые позы – наверное я слишком закомплексован

еще новость – моя немецкая кузина (почти моя ровесница) – мать моего любимого гей-племянника (которого я не видел) готовится в этом году одновременно стать матерью (внезапно 3 месяца – прорвался презерватив) и бабушкой (у нее еще есть дочь которую она выплodiла в 19 лет и которая сейчас валяется на сохранении) + она (кузина) с муженьком (который уже 2 года на больничном из-за необъяснимых головокружений) приезжает вскоре навестить своих (и моих) родителей в Россию но я в это время буду в Германии

видел сейчас на Невском прямо на дороге как одна ворона клевала другую (раздавленную) ворону и так увлеклась что ее тоже (на моих глазах) раздавило – жизнь ужасна (размножение – преступление)

заходил на рынок (за финиками) дядя-продавец долго меня рассматривал и сказал что как будто ему мое лицо знакомо и неожиданно спросил не снимался ли я в порнухе сначала я даже не понял что он спросил п ч говорил он с акцентом + вкрадчиво и тихо хотя рядом никого не было, разумеется я стал отрицать что очень дядю расстроило и он стал жалобно просить – скажи да ну скажи да ну что тебе стоит скажешь да – подарю чурчелу!

Июнь 2016

если не успеть уснуть до трех часов то можно совсем не ложиться – светло как в аду а птицы орут как роженицы

был на выставке сто одежек сто застежек в этнографическом музее, узнал что запонки девственников отличаются от запонок М познавших Ж а мандё синини – это свадебный женский воротник у нанайцев

жалею что не сфотографировал беснующихся филистимлян с накладными хуями перед восхождением в храм дагона в финале самсона и далилы которую поставили в Мариинском-2 – остановите уже кто-нибудь Гергиева!

недалеко от моего дома некий муж в одних подштаниках вскарабкался на березу, вокруг дерева столпились ликующие дети и бабы

сорвал сегодня две вывески фермерская баранина

приснилось что мне в голову залетела птица (вроде синицы) поселилась там и я не мог ее изгнать и после этого как бы сошел с ума

в русском музее выставка – Петров-Водкин и его (условный) круг – много любопытных но рано умерших женщин (Лермонтова, Котович-Борисяк и др но некоторые жили подольше – напр Шихманова или совсем долго – Алиса

порет) натюрморты вперемешку с многочисленными натурщиками (странно что на билетах не было блямбы +37 и я слышал как дети весело обсуждали – смотри какая у дяди смешная писька) + купальщики и серафим саровский, мне же почему-то понравился чупятлов (видел его выставку пару лет назад в «наших художниках», особенно богоматерь умиление) и работа алексея зернова происшествие на которой игрушечная машинка переехала игрушечного медвежонка и отрезала бедняжке голову, ах да – еще богоматерь покидающая москву в 1920-м году (по версии художника дмитриева) – и как москвичи без нее справляются?

позорная выставка реализмы в главном штабе эрмитажа (единственное что хоть как-то трогает – скульптура «забанные» тони мателли – но так будет со всеми грешниками – силикон, полиэстер, полиуретан, дерево, натуральные волосы)

на охте на детской площадке раненая крыса гоняется за детьми

сегодня на раёне какой-то бугай в трениках протянув мне 100 руб. поинтересовался не могу ли я купить ему в ларьке пивасика, сначала я не понял в чем прикол но бугай пояснил что ему еще нет 18, я немного растерялся и сказал что мне тоже скорее всего не продадут после чего быстро ретировался, а у дома встретил молодую мамашу с дочуркой лет 5 – обе наряженные как готы + заметил у девочки маленькие кожаные рожки и хвостик

Проституток с позором выгнали из борделя на проспекте Большевиков.

Звонил родителям, мать сказала что последние времена все-таки наступают – на улице сегодня было +36 (это в сибире!) и плавился асфальт, но самое ужасное что снова появилась проклятая мошкара – вот уже 10 лет подряд, всегда в один и тот же день а именно 6-го июня как из небытия возникают эти мелкие твари от которых никому нет спасения – роем нападают на людей и заживо их грызут, мало того что это оч больно + сопровождается дикой аллергич реакцией – дачники в трансе, люди молятся в ожидании 16 июля п ч ровно в этот день в городе появляются огромные стрекозы и мошкара исчезает (видимо стрекозы ее пожирают) но и эти насекомые мать не устраивают – в прошлом году одна мерзкая стрекоза залетела в квартиру и преследовала мать целый месяц!

захотелось перечитать пятикнижие

в два часа ночи шел по невскому – толпы людей, едва не затоптали!

почему-то с утра вспомнил историю столетней давности и это меня рассмешило – на 4-м курсе идиотского института (кстати уже на 2-м меня от не-

го тошнило п ч я четко понимал что вписываться в систему отечественного здравоохранения непоправимый грех) пошел с одноклассниками в какой-то бар напился там и прямо в зале завалил милого бармена на стол – никто кстати не был шокирован просто потом говорили ничего себе наверное уханов действительно из этих (единственное о чем сожалею что бармена вскоре уволили, набрали каких-то тупоголовых девах с торчащими лобками и я стал туда не ходок, а потом и вовсе это место спалили)

рептилии не мастурбируют (листаю книгу мазина лакан и кино – глава по св. гаспару ноэ)

источники сообщают – 30-ый показ Молофьи в Риге – спектакля Влада Н. по моей юношеской книжке, кстати про Влада – пару лет назад как единственные фанаты в городе М. Кузмина отправились с Марусей Климовой и Славой Кондратовичем на премьеру (состоялся единственный показ) Плавающих-путешествующих в Приют комедианта которых поставил рижанин Влад Наставшев (в которого я уже был заочно влюблен – видел его фото в сети и ходил на его спектакль по Фассбиндеру в Гоголь-центр) к моему удивлению во время антракта разрезав толпу Влад с пирожным в руке подошел ко мне и сказал – я вас знаю, вы сергей уханов, я читаю вас в фейсбуке, с этого началось наше знакомство, которое затем в молофью вылилось

приезд И. – почти влюбленный вернулся домой и под окном ночные соцветия!

три часа глупой ночи – самое оптимальное время сходить в парк (выветрить алкоголь)

поклонник из сургута (никогда там не был) прислал следующее: иная напоет – и гибель гложет (изголодался малый словно б-г иль рог) и жертвенная молофья течет по роже кожи что тайный (ложный) смысл придает

Она стояла спиной к нему, вся голая, белая, крепкая, наклонившись над умывальником, моя шею и груди (Господи, реально страшно!)

В Петербурге ожидаются ливни и сильный ветер / В Петербурге открыли мемориальную доску Маннергейму / В Петербурге рассказали об особенностях мощнейшего ледокола «Арктика» / В Петербург прилетели 13 енотов

концерт вадима холоденко (про которого в кулуарах старушки говорили что он играет гениально после того как его жена в пароксизме помешательства задушила двоих детей) в концертном зале мариинского театра (пока за стенами ливень и тропическая лихорадка) испортила сидящая рядом тетя в климатке опрокинувшая на себя флакон духов от которых у меня случился жесткий пароксизм удушающего кашля

По Гатчинской улице накануне ночью разгуливала голая женщина. Это уже не первый случай выхода полностью обнаженных людей на улицы Петербурга. 8 июня в соцсетях появилась фотография молодого человека, который разгуливал в одних ботинках по улице Жуковского.

В Северной столице огромный рой пчел атаковал СПбПУ.

муж моей немецкой кузины (есть какое-то спец. название для обозначения подобной степени родства но я не помню тем более видел его 2,5 раза в жизни причем один раз спящего с утренней эрекцией) более 3-х лет страдал страшными головокружениями в связи с чем постоянно был на больничном и немецкие врачи все никак не могли определить причину головокружений – делали бесконечные МРТ но не находили ничего патологического а чувак уже 500 м пройти не мог без падения и вот в 46 лет он решил в последний раз повидаться со своими родственниками которые остались в россии и на прошлой неделе после трехлетнего перерыва они всем семейством (беременная сестрица, мой племянник и сам страдалец) прилетели в сибирь где на второй день после прибытия встретили на улице старого фельдшера с заплочной котомкой и с бородой ниже пупа которого знали еще до отъезда в германию (20 с лишним лет назад) и которому муженек сестрицы тут же выпалил о своей проблеме а старик только рассмехался и сказал знаю я сынок, все знаю, после чего присел на бревно велел больному встать перед ним на колени зажал его голову между своих ног, длинной булавкой залез ему в правое ухо и вытащил оттуда огромный клоч скатанных волос – вот твое голововерчение сказал старик и растворился в тумане (выводы делай сам – сказала мне мать по телефону когда поведала об этом случае чудотворного исцеления)

был странный сон – я в громадном доме с подсветкой от дэна флавина на 101-м этаже в пустой комнате подхожу к окну и вижу внизу ярко-зеленый хвойный лес необъятной ширины но в какой-то момент понимаю что все деревья в снегу и это ужасно пугает меня п ч во сне я знаю что сегодня 18 июля и летом снега быть не должно чуть позже замечаю что с правой стороны лес начинает затопливать черная вода и уровень ее нарастает в то же самое время небо из голубого становится темно-синим и тревожным и тут я пока не поздно начинаю выкрикивать непостижимые слова что-то вроде заклинаний против всех этих катаклизмов и эти слова огромными пламенными молниями разрубают небо (дом при этом ходит ходуном) но вода отступает и снег на деревьях тает – проснулся мокрый и охрипший

в кафе старуха всячески унижала внука (11 лет) довела его до слез и истерики а потом купила ему самый дорогой (в этом заведении) десерт (только я себе такой позволяю – анна павлова) и сидела с недовольным видом приговаривая жри жри блядь когда вы уже все нажрётесь

хотел купить у тети в киоске фрукты но она сказала что я не могу до них дотрагиваться и что она сама сунет в мешок все что я ей покажу после чего посплюнула пальцы и стала лапать ими весь ассортимент пришлось сказать что я забыл дома деньги (причем пальцы у нее были в чем-то красном судя по тому как у нее вращались зрачки я думаю что в менструальной крови – наверное хотела меня приворожить)

Российские геи возьмут Выборг на велосипедах.

видел в таврическом саду много странностей 1. бабу которая хватала себя за грудь и причитала какой грех! какой непростительный грех! 2. двух ссу-щих спортсменов (при этом они спустили шорты так чтобы всем было видно их жопы) 3. чувака который озирался по сторонам а потом резко перепрыгивал через голову и снова начинал озираться с ошалевшим видом (завтра опять наверное туда схожу)

на остановке голуби топчут окурки

прочитал что первой проданной (в «Петербургскую газету») но правда так в ней и неопубликованной работой Сергея Эйзенштейна была карикатура на Керенского подписанная мастером – Сэр Гей

выставка русских участников венецианских биеннале разных лет в только что отреставрированном манеже (или смех и грех по-русски) – у громадной головы пилота изготовленной Ириной Наховой (видел это проект в прошлом году на венецианской биеннале) не смогли завести экраны в глазах тем самым погубив всю идею – ведь было жутко как на страшном суде когда попав в павильон Щусева у пилота медленно поднимались веки и он видел тебя насквозь!)

русский стиль – хочется клубники с колбасой и квасом (подслушал белой ночью на балконе желание соседки снизу – только бы расстройства в фл-нале не вышло)

Сейчас издают одних пидоров. Классиков больше не печатают. А жаль (форум юных читателей)

В Невском районе разъяренная внучка в приступе агрессии пыталась задушить свою 80-летнюю бабушку.

ходили смотреть в тихом омуте дюмона – пару раз было смешно но все же валерия бруни-тедески оч напоминает приятельницу моей матери которая хотела изнасиловать меня в детстве а персонаж малют – копия моего слабоумного одноклассника валеры ч. который в период полового созревания

проломил кирпичом голову отличнице ларисе х. поэтому испытал облегчение когда фильм закончился, на обратном пути столкнулись с пузатой парой в тот момент когда тетя очень эмоционально сказала дяде – да она же сука первостатейная!

пресыщение было его аскезой

Июль 2016

прочитал в книге Вас. Каменского (только что издала Гилея) в некотором роде про себя – Гимн 40-летним юношам: Мы в 40 лет – тра-та -/ Живем, как дети: / Мечты и кружева / У нас в глазах (и это только начало)

в маршрутке напротив меня сидела пьяная баба с лучезапастьем в гипсе но пальцы торчали наружу – все разодранные кое-как сшитые выбивались нитки под ногтями запекшаяся кровь, заметил еще на остановке когда ее запикивали в автобус подруги – тоже пьяные, раз 15 прощались при этом каждый раз целовались глубоко в рот, с языками (наверное такое показывают в лесбийской порнухе) а когда она выходила из автобуса заметил у нее сзади на юбке кровавое пятно – все в совокупности это настолько красиво что до сих пор не могу успокоиться, меня трясет, не исключено что напишу ночью стихотворение

в моем любимом кафе видел как на торте графские развалины сношались две жирные мухи

на остановке две бабы в ожидании менопаузы и в таких куцых платьях что аж мотню видать осуждали мужчин в шортах – мол не принято на Руси мужчинам голые ляжки демонстрировать (Россия, 2016, мужские ноги)

сегодня +30 и у меня на охте вокруг лужи опять разлеглись пенсионерки в открытых купальниках и их мужи в закатанных до анальной складки панталонах а вот моего любимого багрового усача (незнакомец у озера) который вечно сверкал голым хуем что-то в этом сезоне не видно – надеюсь его не сразил зимний апоплексический удар

Но зеркало отразило лишь щуплое надменное личико, которое совсем не казалось грозным. «Я отпускаю усы», – решил он.

ночь в тарту (хоть глаз выколи)

в первый же день в берлине попали на выставку (в соседнем доме) уника цюрн и ханса беллмера – вообще-то выставка уже была закрыта но когда узнали что мы из россии сказали да да пройдите

в hamburger bahnhof смотрел manifesto джулиана розенфельда – в зале 13 экранов на каждом кейт бланшет кого-нибудь изображает (хореографа, ученого, кукольника, брокера, телеведущую, консервативную мамашу) а в финале каждой серии глядя с экрана прямо в упор произносит двоящимся голосом манифест какого-либо арт-направления (супрематистов, футуристов, дадаистов, сюрреалистов, поп-артистов etc) причем манифесты со всех экранов звучат одновременно и в этот момент можно сойти с ума, короче если бы у меня был другой темперамент а кейт бланшет не снималась у вуди аллена я бы стал ее фанатом

была мучительная ночь в гостинице – не спал до пяти утра наблюдая за одинокой проституткой которая не могла найти клиента – с часу ночи бодро вышагивала под моим окном но все тщетно потом заметила меня слабо помахала только после этого сообразил что всякий раз подходил к окну без одежды + в комнате мерцал красный ночник

судя по всему немцы действительно ужасно ебливые и похотливые некоторые даже на меня зарятся

ходили в берлинер ансамбль смотрели сонеты шекспира в постановке уилсона – все четко выстроено и красиво по картинке (неон!) и по движению (как на шахматной доске) + ужасно смешная королева которую играет мужчина (знаменитый немецкий актер который в труппе практически со времен брехта) и кабаре певичка (тоже м.) типа дивайн вставленная между сонетами – ощущение что побывали на балете или в стерилизационном кабинете (читал когда-то что барт горько разочаровался во французском театре когда посмотрел спектакль мамаша кураж на гастролях берлинер ансамбля в париже в 1954 году (еще при живом брехте) впал в депрессию и перестал ходить во фр. театр, ходил потом только на плешки)

рано утром в берлинском метро целуются два парня справа от меня ушлый русский мальчик наблюдающий за ними спрашивает у молодой зевающей мамашы с ног до головы покрытой татуировками зачем люди слепляются на что мамаша отвечает так проще доставать друг друга

многоканальное видео уильяма кентриджа + инсталляции, анимация бедного человека, рисунки, объекты, механизмы, театр теней, личная коллекция и черт знает что в 6 частях (в мартин-гропиус-бай – NO IT IS! William Kentridge)

для контраста: после берлинской биеннале современного искусства провел пол дня в музее бодэ

два дня в Праге – впервые в жизни пил пиво, видел тысячи туристов которые фотографируют собор святого вита, кафку у синагоги и др. достопри-

мечательности, постеснялся сфотографировать молодого немца который изображал как он ебет громадную скульптуру черного младенца на карачках (contemporary art) в то время как его девушка заходила в приступках истерического смеха перегнувшись в 34 погибели но ад случился позже когда на скульптуру налетело русское семейство с золотыми айфонами

зверинец вездесущего взйвея у так называемого ярмарочного дворца – интереснее всех выглядит свинья и крыса

гениальный туалет на автовокзале в праже (как в барнауле или новосибирске) – с плакатами мэрлин монро тигрятами и оленятами

вечером нечаянно провалился в тяжелый сон с кошмарами пытками истериками соскочил изможденный думал уже утро оказалось прошло 15 минут

двойная не встреча с Митей В. (по причине его отсутствия сначала в П. затем в Б.)

у латвийской национальной оперы (свидание с Владом Н.) видел громадного бобра

видел чувака который разрывал зубами чебурек и выплевывал куски теста и мяса а голуби все это пожирали (в риге)

пока меня не было в питере голуби устроили на балконе вакханалию – все в перьях скорлупе помете!

карга в маршрутке в образе и возрасте провинциальной гурченко с накладными ресницами и когтями при каждом незначительном торможении автобуса (например на остановке или на светофоре) подбегала к водителю крупно тряслась хрустела запястными суставами и сквозь вставные зубы цедила – когда когда мы уже поедем? зла на тебя не хватает! езжай езжай быстрее! (наверное торопилась в ад)

видел человека с татуировкой по окружности бритого черепа в виде расстегнутой застежки-молнии – судя по его бессмысленному взгляду мозг из его башки изъяли действительно

Пьяный Максим Пешков уснул на скамейке, заболел пневмонией и умер. Следствие сочло, что Авербах спаивал сына писателя с далеко идущими намерениями.

гомосексуализм – это тупая смерть внутри жизни (мать по телефону)

новости: 1. объявилась дальняя родственница (позвонила) которая требует чтобы я устроил ее племянника на хорошую работу (он переехал в Питер, я его никогда не видел, сказала что на первое время его устроит зарплата 50 тысяч) 2. во дворе завелся гей с кобельком – оба мелкие, звонкие, манерные

какой пронизательный пошел читатель – мне кажется уханов закомплексованный девственник поэтому он так много пишет про извращенный секс

новинка в стокманне – пирожок укус пчелы

20 с лишним лет назад (когда я был мальчиком) прочитал в книжке с названием тысяча (или миллион?) великих геев и лесбиянок историю художника эрте и его партнера князя урусова уколовшегося шипом розы и умершего затем от заражения крови и меня это оч впечатлило, сегодня я побывал на выставке эрте в эрмитаже и прочитал в каталоге что за год до смерти художника в его честь Дональд Трамп устроил пышный прием и лишь слегка этому факту удивился, короче время нас меняет (притупляет эмоции)

на выставке крахахи между ренессансом и маньеризмом кроме деформированных черепов нашего спасителя и губок бантиком богородицы понравилась искаженная Лукреция художника Христиана Рихтера написанная в манере крахаха-старшего и рисунок самого мастера черный кабан бегущий вправо (в оригинале влево но у меня девиация – что для других левое для меня правое) правда жаль что кабана уже нет в живых

Рваный чулок спустился / С толстой потной ноги... / Как я рад, что родился / Не сыном этой карги.

корявая надпись-расцарапка на стене моего дома: ДРУГОЙ ЖИЗНИ НЕ БУДЕТ

Расчлененные тела мужчины и женщины нашли в жилом доме на проспекте Культуры.

посмотрел эволюцию Люсиль Хадзихалилович – хотя в моем детстве не было морских звезд и бурых водорослей в некотором (холодном) смысле все оч похоже – советская школа тоже изъела у меня селезенку и взамен посадила чужеродный зародыш + безусловно оч красиво по картинке (в разных интервью Люсиль это поясняет), хороши также бессердечные и безбровые женщины-клоны с присосками на белоснежных спинах (а что им еще остается?)

утром валяющихся под балконом собак принял за мертвеца потом видел прыгающего человека и подумал что это Дмитрий Боченков а сейчас при-

шла посылка от одного книжного магазина который вместо книги Барбера об Арто прислал такое что стыдно признаться но бабушка учила не унывать, говорила что это так господь нас испытывает

вот строчка из книги Барбера про Арто – там он познакомился с Андре Жидом, великим гомосексуальным романистом

Новокузнецкая проститутка по прозвищу К-700 огорчила клиента.

посмотрел худож. фильм про ольгу гепнарову – заядлую курильщицу и лесбиянку которую окружающие довели до такого состояния что она решила им отомстить и въехала на грузовике на тротуар в результате чего угробила 8 человек и 16 покалечила и потребовала чтобы ее казнили (что и было исполнено – через повешение, причем гепнарова была последней женщиной казненной в чехословакии) дело было незадолго до моего рождения (пару недель назад я специально проходил по этому тротуару в праже) но больше всего в фильме меня шокировала лесбийская сцена (на 29-ой минуте) п ч я никогда не понимал что такое секс страсть и тому подобное – мне кажется в жизни такого не бывает (только в кино и литературе)

На Ириновском проспекте накрыли баню с сюрпризом: там трудились четыре проститутки с тремя сутенерами.

пиздец крепчал или не лыком шиты – В Петербурге мосты решили разводить под классическую музыку в рамках нового проекта «Поющие мосты», который стартует в ночь на 23 июля. Проект призван усилить эмоции от увиденного и будет действовать как некий художественный инструмент, через который можно лучше проникнуться атмосферой города.

Казачья эпопея Клиничева началась еще в детстве, когда будущий композитор увлекся «Тихим Доном» Шолохова: по его словам, родители даже отнимали у него книгу, боясь, что сын ничего не поймет во взрослом романе (с сайта Мариинского театра)

дети – чудовища, наблюдал в парке за девочкой лет пяти которая выпила литр колы и съела чипсы с луком и чипсы с чесноком а потом стала требовать чтобы мамаша купила ей «огневое мороженое как в прошлый раз»

Жан-Люк Нанси рассказывал, как последний раз разговаривал с Жаном-Франсуа Лиотаром, когда они оба были в онкологических больницах – но в разных городах. Лиотар позвонил ему по телефону и сказал: «Мой друг, надо сопротивляться смерти!» («Mon ami, il faut résister la mort»). Сказал – и вскоре умер. А Нанси выжил. И на этой конференции он сказал: «Я сопротивляюсь, как мне было сказано, и живу. Но теперь не понимаю – зачем».

И Нанси вспомнил при этом о Ницше и Хайдеггере: Бог умер, онтология деконструирована, зачем жить – непонятно.

сегодня одна беременная (на последнем сроке) налетела на меня своим животом я даже почувствовал брыканье ребеночка (после чего у меня возникло острое желание покончить с собой)

подмена мочи – моему дедушке в страшных снах такое не снилось (несмотря на аденому простаты)

два года назад пиппо дельбоно привозил на фестиваль балтдома свои прекрасные «орхидеи» – я до сих пор наизусть помню этот спектакль, сейчас прочитал что в этом году на этом же фестивале покажут его «евангелие», короче еще один повод дожить до осени (мой любимый бобо – амулет дельбоно – 80-летний актер, прошедший 45 лет жизни в клиниках для душевнобольных – тоже будет)

хорошо что эдита пьеха жива – 31 июля у нее др и она всегда дает в этот день концерт в бкз октябрьский – весь город в афишах с неизменной фотографией певицы и благодаря этому я вспоминаю что и у моего отца др в этот же день и звоню ему (раз в год)

не знаю как в др местах но в питере новое поветрие – родители разрисовывают лица своих детей превращая их в обезьянок кошечек и собачек и надо сказать что детям это оч нравится они носятся как угорелые но некоторым повезло меньше – видел сегодня грустного мальчика с надписью зенит на лбу и девочку с триколором на бледной щечке

Август 2016

Автор пьесы Сергей Уханов загадочен. Как выглядит – не знает никто, на контакт идет, но не со всеми.

невольно услышал как глуховатая бабка в троллейбусе говорила внуку лет пяти что если он будет себя плохо вести то она найдет приют для непослушных детей и сдаст его туда на два часа пока будет ходить по музею а его за это время в приюте как следуют отлупят и изнасилуют

вспомнил что три года назад был в орхусе (и чуть не утонул там)

в почтовом отделении рядом с моим домом установили кондиционеры и банкоматы, а всех операторов нарядили в одинаковые костюмы и теперь они похожи на стюардесс – поднебесные блузки, синие жилеты и синие юбки в пол, на шее – платки-удавки, на одной груди логотип, на другой бейдж

в виде улыбающегося конверта А4 формата, лиловые тени, яркая помада – женщина-оператор которая меня сегодня обслуживала вошла в мою жизнь навсегда!

В Петербурге задержан насильник-форточник.

Пойман мужчина, убивший соперника за руку девушки на месте дуэли Пушкина.

компетентная баба в маршрутке сказала что по ее наблюдениям гиперсексуальность геев преувеличена – ну ок

В Петербурге на Литейном мосту водитель засмотрелся на погоню полицейского за голым мужчиной и попал в ДТП.

Пляшущий мужчина испугал окружающих на остановке в Колпинском районе Петербурга.

Пьяный отец ударил ножом своего сына на улице Солдата Корзуна.

Из новой книги Бренера Жития убиенных художников – Позже Ася объяснила мне, из-за чего произошло фиаско. По ее словам, Зальцман не переносил вида голых нижних конечностей – ни мужских, ни женских. Не переносил вида нагих ступней. Они оскорбляли его эстетическое чувство – так объяснила Ася (у меня аналогично – как у Зальцмана)

уже вторую неделю мучаю роман лорана бине hhhh (мозг гиммлера зовется гейдрихом) и вот одно нормальное предложение «и все-таки спорт – это фашистская подлянка»

видел утром юношу красивого но решившего спрятать свою красоту за кучей татуировок прямо на лице – ужасно захотелось его высечь – как непослушного пасынка!

13 августа около 13 часов в Петербурге неизвестные вынесли мертвеца и усадили его на скамейку у дома 26 корпус 1 по улице Коммуны.

только вышел на свидание (без зонта) как случился дождевой ад (бабушка говорила что дождь идет когда ангелы мочатся но я так не хотел думать что у них есть уретры!)

оказывается рост либескинда (архитектора) 140 см

работайте побольше, чтобы жить похуже (приписывают жорж санд)

хорошо жил тот кто хорошо скрывал (приписывают декарту)

Кому смерть – горе, а у кого член вырастает вдвое... (Реве)

ходил смотреть травиату уилсона/курентзиса (очень хорошая идея нарисовать всем вторые брови + все смешно и странно передвигались и были лишены объема одни силуэты специально так сделано с помощью света чтобы акцент был на голоса – так в кулуарах объясняла кому-то старушка по телефону) но когда вернулся разболелась челюсть (виолетта надежда павлова далеко пойдет)

В Петербург из Эквадора в контейнере с мороженой рыбой прибыл 21 кг кокаина.

Держа руки в опущенной муфте, она долго глядела на чеховский могильный памятник, потом пожала плечом: Какая противная смесь сусального русского стиля и Художественного театра! (Бунин)

«Живописные» дороги Петербурга очистят огнем. На дорогах города предлагается создать мобильные посты с газовыми горелками, которыми будут выжигать рекламу борделей на асфальте.

Путешествие в Хельсинки. Кусаманарядила 30 деревьев в центре города

смотрел в нац театре Финляндии спектакль Кастеллуччи Go down, Moses – сначала всех оглушила вращающаяся с бешеной скоростью громадная втулка с намотанными на нее париками, потом женщина истекла кровью в туалете размещенном по центру сцены и вопил младенец в мусорном контейнере, состоялся допрос женщины в полицейском участке, после чего ее запылали в некое подобие барокамеры (все это сопровождалось диким звуком) но основная драма разыгралась в пещере неандертальцев где был обнаружен мертвый младенец а на месте его погребения состоялся коитус и финальное пробуждение сознания неандертальцев – появление надписи SOS на полотне отделяющем зрительный зал от актеров по которому стала колотить актриса сопровождалось ревом который оглушил всех окончательно – словом, гениальный спектакль (финны приняли его очень вяло, но русский изгнанник Саша К. объяснил мне этот феномен специфическим тормозным финским темпераментом)

в автобусе из Х в П сидел рядом с дико красивым молодым чуваком который все время тяжело вздыхал и подглядывал что я записываю, когда он ходил за кипятком (а мне и ходить не надо было) потрогал его теплое сиденье а когда он вернулся как бы нечаянно уронил на его колено руку но он резко отбросил ее, съежился а потом и вовсе пересел (идиот наверное)

Пока пожарные боролись с огнем в квартире на Парнасе, из окон в большом количестве летели обгоревшие листовки с рекламой интимных услуг.

На Гражданском проспекте нашли мумию в синем трико.

На перекрестке Пулковского шоссе и Дунайского проспекта молодой человек на глазах у прохожих сделал харакири.

я конечно не трумен капоте но нужно прожить так чтобы даже праха не осталось

прочитал что данилкин написал двухтомник ленин для серии жзл и афиша включила его в список самых ожидаемых книг осени – мне кажется что скоро все они (и не только они) довыебываются

впереди сидящая тетя в маршрутке что-то долго шептала на ухо своей подруге которая в ужасе хваталась за грудь и сердце прикрывала рот чтобы сдержать крик и поправляла начес а потом не выдержала откинулась на спинку сиденья и громко произнесла – попомни слово мое – всему свое время, Аврааму было 99 лет от роду когда была обрезана крайняя плоть его!

видел как две бабы выпили фермерский йогурт пока ходили по стокманну и поставили пустые бутылки на место

афиша снова жжет и публикует интервью с 42-хлетним гетеропроститутотом (гетеропростатитом), моя бабушка придумала бы правдоподобнее и смешнее, вот три предложения оттуда: Моя жена – скромная, деревенская женщина. Я могу побыть «нижним», но никак не «верхним» и предупреждаю пассивных геев, что им со мной ловить нечего. Я не профессионал, нигде не учился, но могу сексуально потанцевать.

Сергей, ты ничего не понимаешь в сексе, поэтому не тебе об этом судить (из частной переписки)

конечно, можно было не писать все это, но как говорил понтий пилат что я написал то написал (кстати, еще моя бабушка говорила у бумаги стыда нет, бумага все стерпит)

господи, сколько в мире благоразумия

Сентябрь 2016

снилось что на моем широком подоконнике засохли ящики с рассадой и вот я начал обильно поливать сухую землю и в ней началось копошение сначала

я думал что это черви но потом понял что это ужи и змеи и они так разъярились что стали выбрасывать землю из ящиков и пожирать рассаду а я не мог их остановить а потом все эти ящики со змеями рассосались и появились неоновые вспышки которые высекали мигающие слова – все минет минет минет – и я не мог понять это глагол или существительное

у человека льется кровь а пиявка делает ему предложение

двадцатидвухлетний Диллон из Невады, который всю свою сознательную жизнь был голубым, после перехода на сыроедение в 2001 году полностью излечился от этого недуга

ох пора отправляться к моей любимой (базельской) гей-паре

в крошечной тьме поднимались на гору лежать на скалах и смотреть на звездное небо говорили про изнасилования повышенную потливость вкус смерти и спермы несколько раз пугались шорохов и криков слышали как звонит колокол смотрели сверху на огни дорнаха и гетеанума на обратном пути встретили кошку и ежа когда вернулись выпили молока и легли спать

открыл в себе дендрофилию – полчаса обнимал громадное дерево в городе тун

4 года назад был в горном алтае сегодня в швейцарских горах хотел 4 раза броситься вниз но все 4 раза п. меня удерживал

побывали в цюрихе на смотре современного европейского искусства манифеста, вот что я запомнил – бабочку антуфьева на месте распятия в вассеркирхе, 80 тонн высушенных швейцарских фекалий собранных в теч. одного дня, ангиограмму головного мозга противного уэльбека, собаку с дубинкой в заднем проходе из проекта художника марко шмитта снявшуюся в фильме полицейские-истребители (оммаж ангелам-истребителям бунюэля) – один из самых любопытных проектов, коллаборацию норвежского фотографа редланда и стоматологической клиники, мыло из жира берлускони полученного после липосакции, скульптуры джона рафмана где все как в жизни – все поедают всех (заяц свинью, черепаха лебедя etc), вырубку в стене музея которую от бессилия и невозможности что-либо изменить в этом мире сделала трансгендерная проститутка

забегали в кабаре вольтер + посетили комнату 104 одного отеля в квартале красных фонарей в которой в рамках манифеста (проект терезы марголлес) должна была состояться игра в покер трансгендерных мексиканских и швейцарских проституток но одну проститутку из мексики убили вторую посадили в тюрьму покер отменили а номер в гостинице сделали временной арт-площадкой (но и ее через неделю закроют)

идиллия продолжается – были в гетеануме набрали антропософских молодых яблок винограда и грецких орехов где все это в изобилии – под грузом ветки трещат, навестили прах штейнера, его супруги мари фон сиверс, его друга христиана моргенштерна и др. сотоварищей по учению

шаулагер в мюнхенштайне, архитектурное бюро херцога и де мерона (привет сколково) с колоссальной коллекцией совр. искусства которое никому не показывают – видели только гигантского крысиного короля катарины фритч (мы ему приходились чуть выше колена), а также инсталляцию роберта гобера без названия – в центре пробитая полый витой трубой дева мария позади нее ступени по которым шумно стекает вода а по сторонам от нее громадные чемоданы заглянув в которые через канализационные решетки в днище можно увидеть обрубленную фигуру мужчины с волосатыми ногами обвитыми морскими водорослями стоящего в воде и протягивающего младенца

базельцы обожают плавать в рейне (некоторые без трусов)

intersection ричарда серра жители и гости базеля превратили в писсуар – ссут между суровыми листьями

спасаясь от жары (сегодня было +30) весь день провел в трех корпусах kunstmuseum basel, не считая старины любопытная выставка в neubau – sculpture on the move 1946–2016 – от бранкузи и джакометти, бойса и ранней буржуа через наумана и серра, киппенбергера и кунса до тиравания, мэттью барни и сары лукас с грудями, интересный пол тек 1969 года с гномом, бутылками шампанского (как мы любим), облешей куницей вниз головой и мухоморами (в одном объекте событий больше чем у некоторых во всей жизни), а дуэйн хансон в год моего рождения создал мужчину из полиэстера и стекловаты который так хорошо сохранился что я сослепу хотел с ним поздороваться

князя мышкина потряс мертвый христос в гробу гольбейна а меня впечатлил портрет его (гольбейна) удрученной жены с детьми из того же музея (и я скоро буду такой же понурый без моих базельских мальчиков)

что еще важно? чума любимого художника моей бабушки (арнольд беклин) + odilon redon (любимый художник кости львова) saint sebastien про которого русская тетя в музее сказала что он какой-то неправильный и плохо прочерченный святой

жизнь втроем в финале моего визита неожиданно обратилась жизнью вчетвером – с появлением виталика (проститут-бисексуал проездом из парижа в милан)

илья: блин, сережа, у меня на работе сегодня засада, ты меня дождешься или предпочитаешь виталика?

сережа: разумеется предпочитаю тебя, надеюсь этот имбецил проявится позже

паша: сережа, мне показалось или у тебя вчера на виталика встал?

сережа: дуралей, тебе показалось, тем более ты знаешь что после третьей бутылки я могу только спать

виталик: Сережа, ты такой интересный)))))) надеюсь узнать тебя по ближе)))))) (имбецил-орфография сохранена)

в цюрихском аэропорту видел абсолютно голого ребенка который ползал где хотел – все через него переступали и умилялись пока он собирал грязь на тело а его мамаша разыскивала в сумке свежие подгузники т к он обо-ссался – если бы например моя мать больше всего на свете боящаяся микробов и грибков увидела эту картину я думаю она сошла бы с ума

в рижском аэропорту видел ребенка который протирал влажной салфеткой пол, сиденья, стойки, урны, потом запихал салфетку в рот – судя по улыбающейся во всю пасть мамаше она счастлива что ее ребенок растет чистюлей

самолет из риги был какой-то гремучей смесью секс-аттракциона и зоопарка – две бабы с накаченными губами обтянутые кожей из садо-мазо при-тона, престарелая супружеская пара с натянутыми на глаза черными повязками весь полет держащаяся за руки, некий чувак отдаленно похожий на актера солоницына в кирзовых сапогах и со свежей ссадиной на лбу, дети в масках обезьян с надувными шариками-поросятами один из которых (поросенок) во время полета лопнул и весь салон чуть не кончил, но всех сделали опереточная баба в шляпе с широкими полями и перьями выкидывающая в гинекологическом приветствии два пальца и требующая фальшивым голосом воды! воды! и парень с тяжелой нижней челюстью сидящий рядом со мной и моментально отключившийся выпускающий изо рта пузыри и причмокивающий будто он на высоте делает минет

Петербурженка родила ребенка, стоя в пробке на перекрестке Лиговского и Витебского проспектов.

обидел п. когда сказал что он создан исключительно для минетов

Природой следует наслаждаться осторожно. Праздное пребывание на природе может вызвать у человека болезненное состояние, похожее на лихорадку – написал Брехт в Швейцарии (полностью согласен). И ниже – Праведники ложатся спать в холодном поту. Они в ужасе от малейшего шороха, даже во сне их преследует чистая совесть.

Выявлены случаи круизинга при голосовании в парке «Лесная сказка» Алтайского края.

В Петербурге женщина проголосовала и умерла на избирательном участке.

из детства он вынес особую восприимчивость, способность смотреть на мир глазами женщин, осознавать их тревоги и импульсы (про кортасара)

приходил юноша в костюме весеннего зайца

мать сказала что я все скачу как зайчик а ведь уже мог бы быть дедом

в Петербург прилетела макака Юля

Петербургец прятал в трусах 93 грамма гашиша

сегодня таксист поведал мне что он работал 25 лет оперирующим гинекологом (в последние годы в финской клинике) и ему так обрыдло смотреть в и на жпо (женские половые органы) что он развелся с женой уволился из гинекологич. клиники обозвал акушеров проститутками и устроился работать таксистом при этом через каждое слово он вставлял трехэтажные маты чуть не раздавил старушку в итоге нас остановили менты и его оштрафовали на 750 руб. после чего он стал вообще рвать и метать во все стороны и я насилиу сбежал от него не доехав до нужного места и не взяв сдачу

перед завтрашней встречей с юппер на премьере нового фильма верхувена в авроре (посвящая этот поход одному покойному другу он был поклонником актрисы) сходил к моему украинскому парикмахеру который был сегодня особенно эффектен (на каблуках) и который кстати про юппер никогда не слышал но записал ее имя на бумажке обещал погуглить зато был лично знаком с веркой сердючкой, когда возвращался по самой развратной улице ломоносова недалеко от голубой устрицы (никогда там не был) встретил смердящую биомассу фанатов короля и шута (не знаю под чем они были но вели себя отвратительно) горляющую разбежавшись прыгну со скалы + в их толпе мой глаз различил одного особенно агрессивного подпрыгивающего чувака с дырявыми оттянутыми до предплечий мочками и одного щуплого который выпростал из штанов хуй и девка в рваных чулках прямо на ходу ему надрачивала

он пошел в трактир заказал там выпивку попросил пианиста сыграть песню I am lost и тут же принял яд (брат людвига витгенштейна рудольф который не мог принять свой гомосексуализм, другой брат философа курт тоже покончил с собой когда от него сбежали подчиненные солдаты и третий наложил на себя руки – из-за поломанной отцом карьеры) оч. все это интересно

судя по разговорам в транспорте больше всего русских людей ебет развод джолы и питта (как говорит саша м. — это все что вам нужно знать о сегодншней россии)

видели мединского — позор современной россии

кстати молодец витгенштейн когда преподавал в сельской местности лупил тупых учениц пеналом по ушам (а одного мальчика избил до потери сознания)

был на фестивальном показе отреставрированного болонской синематемой росселлини (пайза), в великане на послании к человеку столько красивых гетеросексуалов — не протолкнуться (один леша а. чего стоит) в итоге не успел на метро вызвал такси приехала неправильная лесбиянка — всю дорогу ругала мигрантов во франции — сама там не была но так французкам сочувствует что матка в судорогах заходится

все плохо: в кассе кинотеатра девушка посмотрев мне прямо в голубые глаза спросила есть ли у меня пенсионное или студенческий, тут же (неходя от кассы) нечаянно наступил противному литтеллу (он в жюри фестивалю) на ногу

густ ван ден берге — единственный кому простительна борода (наблюдал за ним в кулуарах кинотеатра и посмотрел два его фильма — синюю птицу и маленького исуса из фландрии, оба понравились но у него есть жена с которой он познакомился в мексике на съемках своего третьего фильма (люцифер) и я так расстроился что даже на этот фильм не попал)

обнаружил что у меня почерк абсолютно истеричный как у матери (часто так пишут терапевты в поликлинике)

удивительное дело — однажды в детстве (в сибире) побывал на поминках по какому-то дальнему родственнику которого при жизни даже не видел и это было так дико и на всю жизнь оставило неприятный осадок, сегодня посмотрел фильм кристи пую съераневада — другое время и другая страна но он ровно про то же самое, даже типажи совпадают (более того в подъезде кто-то наблевал совсем как в кино или в жизни)

я ничем не связан и ни о чем в мире, кроме своих шести сорочек, не забочусь — писал в 1793 году георг форстер жене из парижа в захваченный (временно) французами майнц за год до своей смерти (из книги беньямина люди германии) — у меня же нет не только жены но даже и 6 сорочек

С 1913 года писатель выступает на стороне рабочих и начинает изучать мистицизм.

серия встреч с редкой в наших краях ледой ю.

интересная женщина жоржетта леблан которая 23 года прожила с метерлинком а когда он ее достал своим символизмом и бросил она сошлась с писательницей и последовательницей гурджиева маргарет андерсон с которой состояла в лесбийской связи до самого смертного одра (вот что значит институт гармоничного развития человека)

очень много приятных модных обесцвеченных (обесцвеченных) парней вокруг которые носят длинные черные свитера – сегодня разговаривал с двумя такими но оказалось что они умеют говорить только бе и ме (т е абсолютно тупые и ведь это так прекрасно господа)

посмотрел бесконечную поэзию александра ходоровского – это действительно бесконечная поэзия, как говорит одна великая пара (вне)современности (Ирэн и Гарик) – таких больше не делают (в памяти кадр – юноша с эрекцией на котором раскладывают карты таро)

господь наделил его необычайным даром однако он повредился умом и из страха будто люди повсюду посягают на его свободу 20 лет бродяжничал вдоль и поперек исходил курляндию и не раз побывал в лифляндии (прочитал это и обнаружил что у меня вылез поднижнечелюстной лимфозел справа и исказил мое благородно стареющее лицо)

АЛЕКСАНДР МАРКИН

WANKDORF

2015–2016

*

По Банхофштрассе идут две русские бабы с покупками из гламурных бутиков, огромные пакеты, в какой-то момент обе встают посреди толпы, опускают свои пакеты на асфальт, крестятся и произносят: *Спасибо тебе Господи за то, что мы можем вот так ходить здесь по магазинам и покупать, что нам хочется!*

Ноябрь 2015

В G-r познакомился с молодым эстонцем, почти альбиносом, официантом в пиццерии. Мы встретились в кафе у Хартбрюке, и, увидев его, и с каким аппетитом он уплетает за обе щеки разваренные макароны с сыром, салом и яблочным пюре, я подумал: владельцы пиццерии скорее всего запряцают своим официантам есть, а те, смотря как едят посетители, мучаются и весь день мечтают о том, как наедятся вечером до отвала. У эстонца, разумеется, все это усугубилось годами советского ига, которое был вынужден терпеть его народ, он отказывается со мной говорить по-русски, хотя учил язык врага в школе. Тяготы голодных советских лет отпечатались в его генах: не важно, сколько он ест, он никогда не потолстеет. И еще полуничье существование в Швейцарии: он вынужден тратить всю зарплату на постоянные курсы, сертификаты и разрешения, чтобы прислуживать швейцарцам. Впрочем, он купил себе дорогой велосипед и отдыхать он ездит на Бали, два, а иногда даже три раза в год. В последний раз на Бали он подружился с голландцем, и тот «катал его на мотоцикле».

Через три дня мы снова встречаемся в том же кафе, потом идем к нему, полночи сидим на крыльце его дома, он не хочет звать меня в свою квартиру, ноябрь выдался теплым, на карте в айфоне он показывает мне свой хутор где-то рядом с русско-эстонской границей: пиксель среди миллиарда других пикселей. Он исчезает за дверями своей квартиры, возвращается с пивом, мы пьем пиво из жестяных банок. Он хотел бы уехать отсюда, но не знает куда, официантом он нигде не будет зарабатывать больше. Дом, в котором он живет, очень старый: скрипучие деревянные лестницы, ванная и туалет

с грязным унитазом на лестничной клетке между этажами, я и не думал, что такое возможно в стерильном мире. Мы долго прощаемся, он запускает свои худые руки мне в джинсы, я приглашаю его назавтра к себе.

На следующий вечер он приходит ко мне, я приготовил ужин, он почти ничего не ест и не пьет, зато после ужина он быстро раздевается, раздевает меня и со знанием дела ловко насаживается на мой хуй. Не думаю, что он задумывается о том, получаю ли я от всего этого удовольствие. Он кончает, я – нет. Он остается у меня до утра, я полночи не могу заснуть, ворочаюсь, в шесть он встает, быстро одевается и уходит, я в полусне почему-то думаю о том, что СССР распался, но русские продолжают поебываться... холодную... белокурую... Эстонию...

Америка

Моя первая поездка в Америку /на конгресс славистов/. Тысячи человек собрались в гигантском отеле в Филадельфии, в Европе такие масштабы невозможны. Огромные дома, огромные упаковки с продуктами в магазинах. В вечер моего приезда хозяин квартиры, которую я снимаю, показывает мне окрестности и сверкающий в темноте даунтаун вдалеке.

]

Америка оказалась именно такой, какой я себе ее представлял по книгам и фильмам, и одновременно совершенно другой: летишь 10 часов, оказываешься на другом конце света, а там живут такие же люди, как ты!

[

Я живу в гетто, хозяин просит проверять, хорошо ли я закрыл входную дверь: его уже несколько раз грабили. Его чёрные соседи все дни с полудня и до поздней проводят, сидя на крыльце своего дома, слушая и начитывая рэп. Поздняя осень, деревья стоят голые, на соседних улицах с полдюжины церквей из красного кирпича, некоторые полуразрушены, разломанный асфальт. У хозяина квартиры свой *cleaning business*, так он называет, как мне кажется, работу уборщиком, но я бы не сказал, что его квартира отличается особенной чистотой.

]

Через квартал *Penn University*, и, когда я ночью иду в супермаркет, идущие мне навстречу студенты и студентки выглядят так, словно я оказался в фильме /или в глянцево-м журнале/: холеные, здоровые, в футболках и свитшотах с буквой *P*, в шлепанцах и шортах, коротких платьях, несмотря на холод, в плиссированных юбках.

Днем все работают: даунтаун пуст, но к полудню, когда наступает время ланча, он начинает заполняться, незнакомые люди разговаривают друг с другом, через час улицы снова пустеют.

[

Медицинский музей г. Филадельфии. Если верить фотографиям, то 100 лет назад здесь стояли человеческие скелеты в шкафу и была самая большая

коллекция черепов в мире, а теперь только чучело макаки и выставка по мотивам сказок братьев Гримм, чтобы продавать сделанных в Китае резиновых гномов. Ах, раньше все было лучше!

]

В Портленде колледж в лесу. Очень вкусные устрицы. Я живу в лучшем отеле города «The Heathman Hotel», его упоминают в «50 оттенках серого», часто моюсь в душе, меня вдохновляет американская сантехника, и за завтраком меня обслуживает престарелый официант благородной внешности со звучным голосом. Пью на завтрак коктейли с алкоголем. Из номера видно офисное здание, и в один из дней я подглядываю за офисной жизнью, сидя на подоконнике.

[

За завтраком в отеле сидел рядом с дирижером Скровачевским, про которого в интернете написано, что в концлагере нацисты ставили опыты, выращивая на нем вшей. Бодрый старик. Он кормил завтраком молодящегося пидораса предпенсионного возраста, с которым, судя по разговору, был раньше близок, очень долго выбирал, что он хочет, и юный официант, очевидно понятия не имевшей, кого он обслуживает, нетерпеливо дергал ногой. – *My friend is your biggest fan, thank you for the tickets, he thinks you are fantastic. He's a nice boy, you know. – My porridge is not salty. At home I have now Himalaya salt, it's really nice.*

Декабрь 2015

Увидел у магазина Migros елки, закутанные в пластиковые сетки и уложенные штапелями как трупы на фотографиях из Бухенвальда. Кто бы уже наконец запретил этот варварский праздник?

Январь 2016

Разве могут верить в бога люди, которые ходят молиться в коробочки из-под леденцов?

Весь день не выходил из дома, придумал для себя, что болею, хотя на самом деле просто не хотел на улицу. 31 декабря мать пошла в магазин, а там бесплатно раздавали нераспроданные ёлки, чтобы не отвозить их на свалку, и она притащила домой роскошное двухметровое дерево с шишками, ее первая ёлка за 23 года, хотя ночью ей кажется, что осыпаются иголки. Мне по ночам снятся ужасные сны, наверное на неудобной тесной кровати у меня каким-то особым образом сдавливаются внутренние органы, и идущие от них в мозг нервные импульсы вызывают кошмары. Соседка с 11 этажа сказала матери, что если за месяц елка не полысеет, то ее можно посадить в землю, например на даче, и она снова пустит корни, мать смеялась как сумасшедшая, сказала мне потом, когда соседка ушла: в первый раз

слышу такую чушь, это у соседки последствия инсульта. Советские ёлочные игрушки 1930-х и 1950-х даже лучше немецких из магазина «Лейпциг» на Ленинском проспекте, хотя немецкие тоже красивые.

У нас тяжело болеет родственница, уже неделю температурит и ничего не ест, мать два дня провела у нее, вызвала врача. Участковый врач с трудом говорит по-русски и поэтому не сказал, что с родственницей, но назначил уколы. Медсестра на следующий день пришла делать уколы без шприцов, пошла обратно в поликлинику за шприцами и больше не вернулась.

*

В Германии мужчинам нежелательно мочиться стоя, чтобы не брызгать на мраморные полы немецких ванных комнат, но я уверен, что мужчины не рождены для того, чтобы ссать сидя. Рядом с моим домом есть дом престарелых и умственных инвалидов с большими окнами, и в один вечер я, проходя, видел там у них дискотеку и вертящийся зеркальный шар. На прошлой неделе, когда я шел в магазин, там в одном окне сидела огромная женщина-даун и смотрела на прохожих, а когда я возвращался из магазина – она же стояла у раковины, спиной к окну и мыла руки, и я видел отражение ее лица в зеркале над раковиной. Полдня смотрел сериалы, а потом читал и писал отзывы на студенческие работы, но под вечер уже надоело, да и глаза заболели.

Февраль 2016

1 февраля. Протягивая мне очередную упаковку таблеток, от которых уже с утра, даже в непогоду, небо выглядит ярче, чем обычно, психиатр заметила, что с концом холодной войны все в мире испортилось. Пока была холодная война, нужно было показывать СССР, как здорово и свободно живет людям на Западе, а как только все кончилось – моментально сжались тиски неолиберализма и уродливого пуританства. Сексуальность уже не переживается так свободно и отчаянно как прежде, снова в моде дети, превращающие буржуа в крепостных, и даже пидорасов заставили ходить семейными парами. Но хуже всего феминистки, которые так разошлись в 1990-х, что нормальные женщины решили спрятаться от них на кухне, лишь бы не слышать, как эти феминистки лишают их самооценности. Психиатр принимает то же самое, что она выписывает и мне, только в более ударных дозах.

*

В G-г познакомился с молодым человеком. Вечер воскресенья, поехал на троллейбусе в дождь встречаться. Долго ходили по пустым улицам, искали, где сесть, выпить пива, все закрыто. Наконец нашли какой-то открытый бар с пьяными престарелыми люмпенами и проститутками. Люмпены смотрят футбольный матч по телевизору на стене, проститутки ходят вокруг люмпенов, но нам улыбаются тоже.

Его зовут Ив. Он высокий, худой, с бородой, в рваных кедах и учится на художника. Я сразу же понимаю, что это не настоящее имя, а творческий псевдоним, уносящий в абсолютную синеву мечтаний и беспредметности. Говорить, как обычно, не о чем. Мы пьем пиво, он рассказывает мне о своем творчестве. Его интересуют отвергнутые тела. Меня мало интересует, что интересует его, но я, разумеется, делаю вид, что я ужасно увлечен. Напузырившись, мы идем по пустым улицам обратно, я говорю, что никогда не был в этой части города. Он предлагает зайти к нему на чай, я соглашаюсь. Квартира в старом доме завалена альбомами по искусству, мы сидим на кухне, среди немытой посуды, пустых картонок из-под пиццы и жестяных банок от томатного супа, он показывает мне свои работы, фотографии, эскизы, которые намного интересней, чем его рассказы о них. Я говорю: какие замечательные работы. Он говорит: да. Его родители содержат постоянный двор где-то в кантоне Апенцелль, поэтому он хорошо готовит. Ив, возможно, все-таки его настоящее имя, наверняка родители назвали его так в честь какого-нибудь французского певца или актера, чтобы выпендриться перед деревенскими, и отправили потом его в столичный город учиться на художника, впрочем, в Швейцарии нет столицы: всё – деревня, так что он будет провинциальным художником, если выживет в мире швейцарского искусства. Он садится мне на колени, окна соседнего дома так близко, что мне становится стыдно, у него на окнах нет штор: ничего, говорит он, соседи привыкли. Он начинает целовать меня взад, на столе раскрытый альбом со св. Стефаном, который стоит на коленях перед открытой могилой. Еврейский комиссар копает свою могилу. Оторвавшись от меня, он говорит: мы не будем ебаться, но я тебе подрочу. Он готовит инсталляцию: мне нужно будет кончить на черный лист бумаги, который он потом сфотографирует и выставит с сотней других фотографий своей и чужой кончины в качестве выпускной работы. Инсталляция называется *Spermaschrift*.

23 февраля. Как бы я хотел родиться в поселке городского типа, затерявшегося где-то между Тайгой и Якутией! В семье алкоголика-путепроводчика и продавщицы сельпо. Окончить сельскую школу. Пешком по рельсам в мороз дойти до ближайшего города. Поступить там в единственный институт. Получить образование инженера и пойти работать на почтовый ящик. Потом поехать в Москву, открыть кафе и книжный магазинчик, закрыть кафе, познакомиться на книжной ярмарке с издательницей маленького, но известного издательства, которая тоже приехала в Москву из другого города. Стать у ней главным курьером, редактором и переводчиком, *московской интеллигенцией*. Высказываться на любую тему с помощью терминов, взятых из иллюстрированного словаря постструктурализма, прочитанного зимой на Тайе. Ходить в модный театр, размышлять о высоком, ходить на выставки, изрекать на f-b'ке окончательную жизненную мудрость, разбираться в миллиардах вкусовых оттенков зеленого чая и артизанального кофе (м. р.), ожесточенно спорить о том, правильно ли переводить *Freud*

на русский *Фрейдом*, ведь это абсолютно меняет смысл всего написанного, ебать студентов, ебать продавцов книжных магазинов, вести с ними посткоитальные разговоры о постмодернизме и постколониализме, барокко и Фуко, фотографироваться в вязаной шапочке на фоне Домского собора в Риге, жить, короче, наполненной, яркой жизнью.

Но, увы, я родился в Москве, в семье алкоголика-прораба и телефонистки, был обречен компенсировать их комплексы, учиться фигурному катанию, петь в хоре, учиться в музыкальной школе, рос без воли к счастью, чудом попал в вуз, чудом уехал за границу, влачу здесь никчемное и полуголодное бессмысленное существование и закончу, скорее всего, безымянным трупом в Badi Letten, и ведь какой же это кошмар!

*

Ходил к дерматологу. Попросил ее посмотреть новообразования, выпуклости на голове, которые я могу нащупать, но не могу разглядеть. Она посмотрела и сказала, что это старческие пятна. *Старческие* – – – *блядь* – – – *пятна* <...>

Шопенгауэр рано понял тщету, ничтожество и ужас бытия и с удовольствием покончил бы с собой, но, к несчастью, его мать с сестрой были писательницами, а Шопенгауэр отличался жадностью и хотел получать за них гонорары. Не стоит быть философом мировой скорби, если ваши родственники занимаются литературным творчеством.

Март 2016

В G-r мне написал молодой человек, фотография которого меня давно привлекала, но сам я ему написать никогда не решился бы. Холеный продавец одежды из дорогого магазина с загорелой кожей и большим южнославянским членом. Он отказывается говорить со мной на швейцарском немецком, мы общаемся на английском. Ему нравится ебаться перед моим шкафом *art nouveau* с огромным зеркалом, и я смотрю то на его потную спину, то на то, как он смотрит на себя в это зеркало. После секса он спрашивает меня, как я могу спать на такой маленькой кровати? Он забывает у меня свои часы, я на следующий день рано утром улетаю в Лондон и не смогу их ему передать. Мы договариваемся, что я оставляю его часы в своем почтовом ящике. Он спрашивает, в какой области медицины я доктор? (У меня на почтовом ящике стоит Dr. Markin). Я отвечаю, что я Dr phil. На моем постельном белье его сладко пахнущее говно. Он приходит ко мне раз в месяц, никогда не остается больше, чем на два часа, сам надевает на мой хуй гандоны и смотрит, чтобы моя сперма не попадала на него. Я ничего о нем не знаю, кроме того, что он продает одежду и поэтому умеет одеваться. Я перестаю ходить в магазин, где он работает, потому что стесняюсь, что он увидит, как я плохо одет. *Every time I leave, I feel sad, dunno why. – Don't forget your watch, darling.*

*

Надевать ли свежевыстиранное и красивое нижнее белье, когда идешь в спортзал? С одной стороны, потеешь как свинья, с другой, в порнографии часто показывают, что в раздевалке спортзала может случиться все, что угодно.

*

Мидии обречены на скорое умирание. Никогда их не любил, но, теперь, наверное, придется есть их хотя бы раз в неделю, чтобы запомнить, какими они были на вкус.

*

2–5 марта. В Лондоне попробовал кокаин. Ничего хорошего. Ходили на тошнотворный спектакль про гомосексуалистов. Два часа в каком-то подвале, набитым под завязку, атлетические актеры изображали еблю и страдания. Популярное искусство на эту тематику по-прежнему эксплуатирует исключительно две темы: промискуитет и несчастье, поэтому не стоит в ближайшее время ждать, что среди гомосексуалистов поубавится сентиментальных идиотов.

11 марта. К соседу-австрийцу, живущему надо мной, приехали в гости братья. Тройняшки, все трое хорошо кушают и одинаково одеваются, и когда они один за другим проходят мимо, можно сойти с ума от *deja vu*.

12 марта. Французские художники XX века воровали идеи у душевнобольных, американцы воровали у французских художников идеи, сворованные теми у душевнобольных, а потом французские художники воровали идеи американских художников, сворованные у французских художников, сворованные у душевнобольных.

13 марта. По дороге домой опять наткнулся на соседа и его брата-близнеца (третий уехал домой). Порой мне даже кажется, что они живут друг с другом половой жизнью, настолько они неразлучны. Это было бы неудивительно, так как они родились в деревне в Штирии. Если за день должно произойти что-нибудь смешное, стыдное и ужасное – это обязательно произойдет со мной. Нес домой из магазина упаковку с 50 рулонами туалетной бумаги, она разорвалась, рулоны рассыпались по тротуару, и пришлось их собирать, ползая на карачках. Теперь год или даже больше придется подтираться грязной бумагой. Хорошо, что в Швейцарии, в основном, чистый асфальт.

18.03. Сегодня в электричке по пути в аэропорт двое двадцатилетних: один в черной кожаной куртке, другой в белом свитере, бейсболке и рваных джинсах, разговаривали о фитнесе: сначала показывали друг другу свои тренированные животы, а потом черный поправил белому бейсболку, а белый, с загорелыми ногами и отменными квадрицепсами, стал расписывать черному курс, потому что тот все делает неправильно. А потом этот белый говорит: Никогда не буду отжиматься от пола, пол же грязный!

21 марта. Австрийские близнецы (третий уехал домой) зашли ко мне в гости. Они с порога сообщили, что в руках злодейской еврейской закулиски сосредоточено 99% мировых запасов золота, платины и брильянтов, но все эти сокровища надежно упрятаны в тайнике в Марианской впадине, поэтому налоговое бремя ложится на несчастный европейский средний класс. Их *rará*, когда только переехал в Вену, 30 лет назад, платил за квартиру 200 шиллингов, то есть 80 евро на нынешние деньги, а сейчас квартплата уже 500 евро. Все из-за еврейских спекулянтов. Конечно, они голосовали за ультраправого кандидата, президента сердец, хотя на самом деле жаждают получить швейцарское гражданство, потому что в Швейцарии зарплаты больше, горы выше и налоги меньше. У одного все время текло из носа и были красные глаза, я думаю он сидит на амфетаминах, а второй поглаживал мой антикварный стол и мой шкаф *art nouveau*, и говорил, что вот раньше, в XIX веке, мебель делали с любовью, в какой-то момент мне даже показало, что я однажды могу вернуться домой к пустым стенам.

$$(L(p * f) + C(t * s)) - (P * A)$$

Чем больше объем стирки, тем больше вероятность потерять носки.

Апрель 2016

Ученые установили, что в тот месяц, когда Декарт написал рассуждения о методе, в Амстердам с центрально-американских берегов привезли некачественный табак (смешанный с марихуаной), поэтому у Декарта и написалась выдающаяся книга.

Май 2016

На конференции про холодную войну узнал, что есть три фигуры: круг, квадрат и треугольник. Круг приятный, квадрат стабильный, треугольник злоеший. Если посмотреть на картину Рубенса «Избиение младенцев», то там все в треугольниках, а если посмотреть на воздушный шар – то он добрый. На картине Дега две женщины: одна круглая, вторая треугольная, они производят на зрителя разное впечатление. Дега, к счастью, не такой сложный, как Рубенс. Фольксваген «Жук» – круглый, а «Рейндж Ровер» – прямоугольный, он символизирует достаток и стабильность. Во французском шпионском романе у злодея треугольное лицо, а главный герой сравнивается с тигром, злодея описывают короткими, рублеными предложениями, а положительного героя – волнообразными. Первая мировая война породила дадаизм, Рильке и Хайдеггера, Вторая мировая война породила Хану Арендт, а холодная война ничего не породила.

11.05. 33-летний студент из ревности вырезал в деревеньке семью своего 13-летнего любовника. (И планировал убивать и дальше.)

Ходил в вирусологическую лабораторию с третьим уровнем защиты выяснять насколько в реальности опасна биологическая угроза. Оказалось, что если Швейцарию атакуют биотеррористы, от страны мало чего останется, потому что инфраструктура совершенно не приспособлена реагировать на биологические атаки. С другой стороны, в реальности биотеррор с миллионами жертв практически невозможен, потому что для массового биотеррора требуются миллиардные бюджеты, сумасшедшие ученые и самоотверженные супертеррористы, которые не заболеют и не умрут, пока будут доставлять и распространять заразу. Впрочем, чтобы погрузить страну в хаос и анархию – достаточно норовируса: все жители страны останутся живы, но два дня будут блевать и дристать, и страна погрузится в поносно-блевотный хаос <...>

14.05. Утром прислали ссылку на статью в местной газете про то, как мужик убил свою любовницу во время садомазохистских игр, потому что она забыла стоп-слово, которое было: *Ёрликон-Шваммендинген*.

*

Ходил на греблю. Когда записывался на курс, мечтал, как с веслами в руках буду дышать в широкие потные спины швейцарских студентов, но реальность оказалась кошмарной. Мою команду составили из жён престарелых доцентов политехнического института, для которых гребля по субботам – это отдых от бесконечных ужинов с коллегами мужей и околonaучных разговоров; видимо, не я один мечтаю о мускулистых потных студентах!

*

Вышел в магазин купить молока, но забыл дома ключи. Разгар рабочего дня, никого из соседей дома не было, и я два часа пытался открыть свои полуоткрытые окна, и залезть в них, но они не поддавались. Потом попытался попасть в дом через подземный гараж, но тоже не получилось. Потом увидел, что соседка курит на балконе, стал ее спрашивать, почему она не открывает, я звоню по всем квартирам подряд уже битый час, а она ответила, даже не моргнув глазом: «Я думала, это сектанты».

Июль 2016

Днем было очень жарко и душно, и полы, когда я их вымыл, сохли почти час. А теперь уже час в соседнем доме истошно орет ребенок, и все слышно: окна-то у всех открыты. И как я этого ребенка понимаю! Ведь и в самом деле ужасно проснуться посреди ночи, в крошечной тьме, в этом душном мире, где единственным залогом счастья является фотография в социальных сетях, сделанная в раздевалке спортзала, желательна без футболки и без трусов. И как же не заорать посреди ночи от отчаяния? Я совершенно забыл это ощущение, когда приходишь летним вечером в тренажерный зал, а там такая вентиляция, что взмокаешь, просто поднимаясь по лестнице в раздевалку. Сегодня там была смешная баба в лосинах в горошек,

но ее быстро снял качок с сосками, как у беременной свиньи, набухшими от стероидов.

*

На женеvское озеро прилетел черный лебедь редкой породы и удивительной красоты. Власти города Монтрё поначалу искали его хозяев, но не нашли и решили определить его в зоопарк, но не тут-то было! Толпы защитников животных поднялись на защиту лебединой свободы, подписали петиции и устроили демонстрацию. В результате лебедь остался плавать в озере, а потом ночью лисы поймали его и отгрызли ему голову.

*

24.07. Провел день в компании двух французских учителей русской литературы на пенсии, русского эмигранта, сбежавшего из СССР в 1972 году и считающего, что В. Путиным из подвалов Лубянки руководят М. Суслов и Ю. Андропов, которые жрут кремлевские таблетки для бессмертия, и алжирской жены эмигранта. Пенсионеры плавали в Женеvском озере и ловко доплывали чуть ли не до середины. Потом французы и эмигрант объясняли алжирской жене, которая в 80 лет продолжает ходить на шпильках, значение и смысловые оттенки русского слова «мудак». Вот уж и в самом деле нация балаболов. В музее Ч. Чаплина в Веве, оказавшимся филиалом парижского музея восковых фигур, ужасная пакость, заглядывался на высокого, атлетического сложения юношу в красных кроссовках и алых, под цвет кроссовок, трусах, торчавших из спущенных джинсов, который по очереди со своей подружкой принимал фотогеничные позы рядом с восковыми фигурами, и у него была такая лоснящаяся кожа и такие крепкие мускулы, что его было трудно отличить от экспонатов. Бедный Ч. Чаплин! мог ли он себе представить, когда бежал из Америки, что и в Европе его превратят в чучело?

*

Цюрих ранним утром в выходной замечателен до тех пор, пока не садишься в трамвай в сторону зоопарка. Толпы наряженных детей едут смотреть на детенышей животных и сами, в возбужденном предвкушении, ведут себя как зверята.

*

По дороге домой через рапсовое поле увидел на холме мерцание свечей и испугался, т. к. подумал, что это сатанисты украли курицу на ферме и проводят с ней зловеший тайный обряд, ходят по кругу, каплют на свечи куриной кровью, а потом и меня схватят, перережут мне горло, как бедной курице, кровь сольют в миску, а труп бросят в рапс... Но это оказался молодой человек лет 20-и. Он выложил свечами сердечко, в центр сердечка поставил букет цветов и показывал под луной эту романтическую картину своей тёлочке по видеосвязи и говорил ей: *Mis härz brönnt wie tuusig kerzli* и заодно как он будет лизать ей пизду.

*

Узнав о моих проблемах с миграционными службами, начальница прибежала в нашу комнату и стала радостно кричать: «Наконец-то тебя депорти-

руют! Наконец-то тебя депортируют из страны». Она, конечно, от меня уже давно устала. Я хотел сказать ей, что живущей в Швейцарии еврейке не стоит так кричать про депортацию, потому что автобусы с депортированными евреями отсюда ехали прямиком в газовые камеры, но передумал. К тому же, будучи феминисткой, она не бреет подмышки. Ах, этот жестокий мир западных университетов!

Август 2016

Играя в теннис, подвернул ногу и, т. к. к полуночи боль стала нестерпимой, поехал в неотложку. Пока ждал врача, включил G-r и увидел там санитара, делавшего мне рентген.

*

Встретился с санитаром, ели мороженое в торговом центре. Год назад у него был абсцесс, не проходивший почти месяц, и когда, чтобы понять, почему не проходит, взяли анализ крови, оказалось, что у него ВИЧ. После этого, у санитара началась депрессия, которая не кончается до сих пор.

*

Т. позвал меня смотреть, как он кормит своих питонов. Самка питона за 15 минут съела огромную морскую свинку, а самец в это время ухаживал четырех мышей. Так и у людей, думал я: подслеповатые хищные твари с микроскопическим мозгом, которые только жрут, размножаются и спят в самых темных укромных уголках, без лишних раздумий готовы уничтожить маленьких писклявых грызунов с красными заплаканными глазками, пока те раздумывают, что им делать и куда бежать.

Сентябрь 2016

Восхищение горами, ставшее модным в XVII в. — это, конечно, в первую очередь восхищение убожеством. И все эти явления святых в Альпах — результат умопомрачения, потому что пока заберешься на эти горные вершины, можно сойти с ума от страха или упасть в пропасть. Возможно, свою роль в популярности гор сыграли наркотики. В горах я видел пчел и шмелей, собиравших мёд с болиголова и белладонны, и если учесть пристрастие любивших бессмысленные прогулки по горам просветителей и романтиков к различным наркотикам, то распространенный в те годы опиум вкупе с ядовитым медом, которым путники подкреплялись на привалах, наверняка было самое оно для бредовых видений.

*

Старый спальный мешок стал мне за год мал, но в целях экономии мы с Адамом ночевали не в горной хижине, а прямо на полянке, и когда я залез в мешок, у меня сразу же закладывало нос, но как только я вылезал из мешка, насморк моментально проходил. Чтобы поскорей заснуть в тяжелых условиях и не бояться тесного мешка и холода, я выпил свой антидепрессант,

но не смог заснуть, и тогда я выпил второй антидепрессант, после чего впал в полудрему, во время которой по серотониновому мосту в мой мозг пришли совершенно удивительные картины и все это под звездным небом с млечным путем и всеми известными невооруженному глазу созвездиями, на которые я смотрел, открыв рот (из-за сенной лихорадки, а не от восхищения). В 7 утра вышло солнце, и тогда я, наконец, согрелся и заснул.

*

В военном музее в Берлине поразили две вещи: съемки барака, в котором травилых выхлопным газом душевнобольных (люди заходят в барак, дверь закрывается, и камера показывает шланг, которые присоединен к работающей легковой машине) и три фотографии расстрела фотогеничного белокурого партизана, частицы ужаса, которого мы, как известно, никогда не сможем постичь. Мы знаем, что камера мертва и беспристрастна, но за ней же всегда человеческие глаза.

*

Т. вчера увез меня на своей новой машине за город и мы два часа молча смотрели на звезды. По пути домой пути я понял, что мое призвание – воплотить в жизнь романтические мечтания других.

*

Ездили с Т. в кантон Аргау за кормом для питонов. В Цюрихе запрещено продавать живых животных для корма, а размороженных питоны есть отказываются. В вонючем магазине среди и аквариумов и террариумов с грызунами всех видов, gekkonami, огромными тараканами, опарышами и кузнечиками, бегали два белокурых немых мальчика, сыновья хозяйки, и когда я сказал им grüezi, они схватили лежавшие на полу палки (для украшения террариумов) и молча принялись меня ими колотить.

*

Ужинали с Т. в городе, сидели у ресторана, и он рассказал мне о том, как к ним в отделение привезли старушку. Она припарковала свою машину на площади с автобусными остановками, поднялась на надземный переход-мост и кинулась оттуда под автобус. Сейчас все куда-нибудь кидаются, потому что у психбольных начался период обострений. В городе каждый второй – пациент психиатров или психотерапевтов: настало время урожая. К счастью, переход примерно на высоте четырех метров, автобус не поехал, старушка шлепнулась на газон и отделалась переломом пальца. Тут к нам подошел и поздоровался с Т. какой-то мужчина фотомодельной внешности, у меня прямо сердце сжалось, и оказалось, что это был врач, который занимался переломанной бабкой, и, конечно, мне тут же захотелось побежать на тот мостик и тоже скинуться.

*

Наверное, и в самом деле, всех людей можно разделить на тех, кто настроен позитивно, и тех, кто негативен, и все это управляется мозгом. Если я, в поисках нужного слова, открываю словарь, то мне в первую очередь в гла-

за бросаются совершенно ужасные слова, и пока я найду нужное, я обязательно пройду через Tod, Sterben, Zerfall, Verwesen, Leiche, Misere, Schlachbank, hof, tier, KZ, verzehren (sich), Wunde, verrückt, Verzweiflung, skalpieren, Herzschmerz, Schrecken и т. п. А вот если в словарь заглядывает человек позитивный, то он там в первую очередь наверняка видит только бабочек и цветочки, а все остальное выпадает из поля зрения, и совершенно никакого негатива! Пока Т. дни напролет играет в компьютерные игры, я встречаюсь со смазливим американцем, который, как, похоже, все в этой стране, крепко сидит на антидепрессантах и стероидах. Он из тех, чьим единственным состоянием является их наружность. Из-за антидепрессантов у него проблемы с зякуляцией, и терапевт прописал ему Виагру. Американец ищет работу и живет на пособие по безработице, он не хочет возвращаться обратно: друзья и родственники будут думать, что в Европе он сломался. В ресторане он заказывает огромную тарелку супа, потому что к ней бесплатно дают полбуханки хлеба, а я ем салат. Мы разговариваем о порнографии и сексе. Про ученых принято думать, что они книжные мыши, а на самом деле в ученых скрыты бездны порока, говорит американец, ведь мыши знают, что им жить всего два года, поэтому они ебутся как сумасшедшие, наверняка ты такой же. Мой салат в 4 раза дороже его супа, и когда он видит мой счет, то присвистывает. Вчера он ходил в клуб на дискотеку и заплатил за вход 30 франков! Хорошо хотя бы, что за эти деньги в клубе можно бесплатно сдать анализы на сифилис и ВИЧ.

Т. работает в благотворительной организации: он берет в гей-клубах анализы крови на сифилис и ВИЧ и вчера ночью дежурил в клубе, где был американец. Вот это, наверное, и называется полифонией жизни.

*

В 6 утра Т. принес с балкона какую-то ледяную железку и положил мне ее на живот, чтобы я поскорей проснулся. Когда я сказал ему, что я мог бы умереть от термического шока или разрыва сердца, он сказал, что вообще-то немцы с русскими в войну и не такое делали.

* * *

*10 октября 2015 года, я, *** ** Н-на, младшая научная сотрудница НИИ Теории прогноза землетрясений и наводнений РАН, во время православной экскурсии сотрудников РАН к скиту святой отшельницы Марфы Тамбовской отбилась от группы, пошла в лес и ввиду резкого наступления темноты осталась там. На мне был шерстяной платок, серая юбка 70% шерсть, 25% полиэстер, 5% другие волокна, средней длины, производства КНР, бежевые чулки плотностью 70 den, розовая вязаная кофта и голубая блузка из магазина Белтекстиль. [продолжение следует.]*

КАТАРИНА ВЕНЦЛЬ

ДНЕВНИК ДЛЯ ВОЛЧЕКА

есть жизнь после смертей

*У человека нет выбора, – считает приятель отца, –
он принимает те решения, которые он должен принимать.*

2011

4 сентября. Берлин. равномерное течение времени без конкретной задачи, четко обрисованной цели превращается в однородное неструктурированное нечто, глушащее бесформенностью, притом будоражащее неминуемостью конца. любая вечность обманчива.

мои фотографии двадцатилетней давности вызывают смешанные чувства – умиление (я там была!), дрожь (как там было страшно!) и сострадание к матери, отцу (как они со страха не обезумели?). позволила ли бы я своему ребенку уехать в такую страну? СССР. Украина. Россия.

но я ведь не уехала. то есть не насовсем. уехала и вернулась (но кто мог знать, что я вернусь?). я никогда насовсем и не уезжала, не уходила. не сжигала мосты, не разрушала пути. жизнь не только слишком коротка, но и слишком хрупка для захлопывания дверей. с работы в Берлине я уволилась тихо, в Мюнхен переберусь наполовину, на треть, на четверть. так – для пробы.

приняв решение, я по Берлину гуляю как отдыхающая, турист. все вокруг становится милым вдвойне. в то же время хочется сохранить ощущение «местного», «полноправного», положение чужака не устраивает меня и не устраивало никогда. я здесь и не здесь. где я?



14 сентября. Мюнхен. ни телефона, ни интернета. в холодильнике пусто, ничего есть. в подвале разлив воды: кран был закручен не до конца. зачем я приехала сюда? в родной город, где нет ничего родного и нет родителей. отец умер три года назад, матери нет семь лет.

я переставляю мебель. сосед справа поливает свой сад из шланга. зря: ночью обещали дождь. на кладбище удручает запущенный вид могилы. кустики, посаженные в позапрошлом году, буйно размножились и развалились в разные стороны.

21 сентября. но если нет ничего родного, отчего тогда вспышки памяти? ну да, в Мюнхене я посещала детский сад, три года ходила в школу, два года училась в институте. в промежутках жила в других городах, работала за границей. теперь бывшие однокашники по институту стали коллегами, бывший наставник – предшественником на моем новом посту. невеселый, озабоченный, он вводит меня в курс дела. я не свожу глаз с его бесцветного галстука с обойным узором. у меня кружится голова, сейчас я упаду. не падаю: ухватилась за край стола.

23 сентября. около Восточного вокзала мужчина в костюме с иголки укладывает в багажник мотоцикла дипломат. заметив меня с картой города в руках: «Вам куда?» – «в Отдел виз и регистрации», – «не подскажу. мог бы сказать, где Ведомство по социальным вопросам», – «спасибо. мне, слава богу, не туда».

24 сентября. утром солнце. восходит, поднимается, бьет в окно, освещает стол. мне жарко, я голодна, но не встаю. солнце – ненадолго, могу потом пожалеть. остаюсь сидеть до рези в желудке, мути в башке. день без событий запомнится солнечным пятном, нарастающим, ослабевающим, растворяющимся, движущимся слева направо, дугой: солнце проходит над высокими ольхами, тонет в них. сверкнув, уходит. можно есть.

28 сентября. перед домом родители на месте старого серебристого клена и прудика построили сарай. в самом деле ли клен болел? умерли ли золотые рыбки смертью своей?

работа в Мюнхене, дом в Берлине.



1 октября. а в Берлине лето в разгаре, наверстывает все, что упустило до сих пор. в теплом воздухе через реку, по широкой дороге, наискосок между панельными домами. белки, оглядываясь с любопытством, усакивают, взбираются на деревья, сигают по веткам. идиллия среди проходных дворов, остатков социалистической мечты. Берлин затерт и обтрепан, а кажется новым и свежим. он раскрывается навстречу, пьянит разнообразием геометрических форм.

2 октября. в утреннем парке заливаются птицы, словно жизнь только начинается. солнце на белых стволах берез, в кустах блестит роса. не так давно я встретила тут лису.

3 октября. День германского единства. два моих дома – сообщающиеся сосуды: в одном убывает, в другом прибывает (меня).



8 октября. Мюнхен. в продуктовом очередь по всему помещению. тягостное впечатление производит «сезонное предложение»: рождественские пряники у касс.

17 октября. окунаясь в прошлое, я пытаюсь осмыслить настоящее. в центре еду по прежнему маршруту. все как прежде и не так. как будто подменились дома и улицы, как в организме обновляются клетки. и вид не тот, и значение другое. то ли города того не стало, то ли меня тогдашней. то ли нет меня теперешней. ни тогдашней, ни теперешней.

20 октября. на стеллаже рисовальные принадлежности отца. купленные в Москве? в Санкт-Петербурге?

21 октября. в сумерках, сидя на полу, я разбираю его бумаги – записки, тексты к концертам, на которых он выступал конференсье, к праздникам, устраивавшимися друзьями. хулиганские анекдоты.

письма отца. старшие коллеги по театру пишут ему: «смотри, чтобы старательная дочь твоя не превратилась в синий чулок».

22 октября. изгородь в саду я стригу, исходя из своих физических возможностей. ее высота определяется высшей ступенькой лестницы из гаража плюс тот уровень, на котором я могу удержать садовые ножницы. выше этой метки при мне изгородь не вырастет.

29 октября. на антресолях в гараже в корзине для белья грампластинки отца. холодные, запыленные, впитавшие влагу чехлы. зачем он вынес их в гараж и для чего хранил?

приводя в порядок могилу, я рассказываю родителям новости. слышат ли они меня? и почему я считаю, что они услышат меня именно здесь? где они? как я пойму, где они, если я даже не знаю, где я?



в наступающей темноте мчусь на север, в Берлин. с CD-плеера – «Похищение из Серала» Моцарта. меня слепят фары встречных машин. избегая отражения фар тех, что следует за мной, я пригибаюсь и нажимаю на газ.

30 октября. Берлин. около Старого музея двое в рикше – мужчина обхватывает плечи девушки, та брезгливо косится на его руку. две девочки с азиатскими лицами играют перед собором. плюшевые лосины под юбками.

31 октября. музей Мартин-Гропиус-Бау, выставка Хокусая: чудные пейзажи, комичные звери. тонкие женщины, толстые дети. жуткие боги.

2 ноября. подступы к зданию Бундестага облепила группа людей с фотоаппаратами, совестливо настраивающих диафрагмы, выдержку, – клуб любителей фотографии.

5 ноября. сама я с фотоаппаратом хожу по квартире, ловя на стенах солнца свет.

наконец он слабеет, желтеет, перескальзывает в угол. угасает.



6 ноября. подпевая «Снегурочке» Римского-Корсакова, я возвращаюсь на юг. с правой полосы без предупреждения выскакивает машина с сильно виляющим прицепом. резко тормознув, я чувствую вес багажа за спиной – коробок с книгами. сбавив обороты, выезжаю на стоянку перевести дух. у меня дрожат руки.

9 ноября. – «по роду своей профессии я ежедневно сталкиваюсь с безнадежно больными людьми. – говорит последний врач отца. – мог бы давно получить более престижный пост. но чем выше пост, тем больше работаешь. а чем выше зарплата, тем больше тратишь... на всякую белиберду. материальные блага эфемерны – имущество можно потерять, деньги в банке могут сгореть. я компенсирую душевные затраты на работу путешествиями». перед синагогой стометровая очередь: чтят память в восстановленном храме¹.

13 ноября. полжизни отца в архиве – ссоры, тяжбы, повестки в суд. то ему наносили ущерб, то он нарушал закон. ничего не страшать, никого особо не уважая, он то напускал на себя вид серьезный, значительный, то поступал с присущим артисту легкомыслием.



26 ноября. Берлин. в Доме Вилли Брандта² фотографии Джакомелли – рельефные пейзажи, послушники в монастыре, старушки-старички в доме престарелых: *io non ho mani che mi accarezzino il volto*³.

1 9 ноября – Хрустальная ночь.

2 Здание федерального офиса Социал-демократической партии Германии.

3 У меня нет рук, которые ласкали бы мое лицо (ит.).



28 ноября. пролетев мимо щита с надписью «БЕРЛИН», спохватываюсь – ищу съезд, чтобы развернуться. и вот доходит до меня: я еду не в Берлин, а в Мюнхен. «Иван Грозный» Прокофьева.

1 декабря. «где я? – обращаюсь к женщинам, сидящим в уличном кафе, – я запуталась». – «в Хайдхаузене!» – выпаливает одна. «понятно, что не в Ной-кельне⁴, – смеюсь я и уточняю: на вокзал – туда? или сюда?» «вон туда!» – она показывает в третью сторону. за углом ко мне подходят парень с девушкой. «за сколько тут можно снять хату? – окликает он меня, – двадцать евро за квадратный метр – реально?»

4 декабря. в бывшей спальне отца, мной объявленной кабинетом, высятся стопки словарей. из Москвы я привезла их в Мюнхен, из Мюнхена в Бонн, из Бонна в Санкт-Петербург. оттуда в Москву. из Москвы в Берлин, из Берлина в Мюнхен. с учетом транспортных расходов они существенно поднялись в цене. словари на вес золота. за справками я все чаще лезу в интернет.

письма отца. мастер напортачил, стеллаж установлен не у той стены, набор кастрюль не качественен, носки порвались при первой носке. все беды мира сосредоточились на бедном отце. все, кому не лень, обманывали его. счета – за мебель, за ремонт дома, за починку машины, за медицинские обследования. и среди этого всего – квитанция за скрипку, купленную ему дедом с бабкой в 1954 году, с перечнем всех прилагавшихся к ней принадлежностей вплоть до струн и куска канифоли.

23 декабря. за сборами я слушаю записи отца. тело ушло, остался голос. вечно юный, яркий, сверкающий. гибкий, стальной. что за собой оставляю я?



24 декабря. по полупустому автобану я еду в Берлин. кое-где едкое солнце на почти весенних полях – желтых, охровых, зеленых. Чайковский. Пиковая дама сводит Германа с ума.

27 декабря. музей Гамбургский вокзал. зал второго этажа, цитата Йозефа Бойса: «ЧАСТНЫЕ БЕСЕДЫ – ЕРУНДА!»

в магазине электроники папаша в кожаном пальто с капризной дочерью. «мы пока торгуемся, – признается он продавцу. – а в чем разница между этими двумя смартфонами?» – «разные операционные системы и разное ко-

4 Район на юге Берлина.

личество приложений». выбирая, отец пальцем в кольцах тычет в более дешевый аппарат. под широкополой шляпой – круглые очки и хвост: блондин. «опозорюсь!» – заводится дочь. – «я, – отвечает ей отец, вынимая из кармана пальто простой мобильный телефон, – пользуюсь таким!» «па-а-а!» – ноет дочь. «интеллигентный человек», – решает В.

29 декабря. в Веддинге около входа в метро расположился молодой бездомный. голова опущена, глаза прикрыты, рот, напротив, полураскрыт. на его скрещенных ногах дремлет завернутая в одеяло собака. рядом с ним на асфальте три пачечки – арахис, чипсы, леденцы. обкурен? пьян? холод иначе выдерживать невозможно.



31 декабря. могилка в Шенерлинде. выросли кусты, деревья. с холма, названного нами в честь умершей в начале 2008 года собаки Булькиной горой, любимое пейзажем в блеклых серо-коричневых тонах. – «Рембрандт!» восклицает В.



Новый год мы отмечаем в толпе перед Бранденбургскими воротами – среди взрывающихся под ногами петард и машин скорой помощи, торопящихся спасти жертв.

2012

1 января. на улицах никого нет. нет и соседей. приятно существовать в вакууме, тишине. детективный сюжет «Пиковой дамы» в литературном оригинале.

4 января. за крупным столом в торговом помещении дородные тети из стеклянных бусинок собирают украшения. гулко хохоча обсуждают свои творения. в кассе бледнолицый мужичок с синяками под глазами принимает деньги. кто он? наемный работник? нет – хозяин! хозяин – чех, бусины – чешские: богемское стекло. тетки – кружок мастериц. за нашим с В. копанием в ящичках с брелочками чех наблюдает с настороженностью. неужели в нас подозревают воров?

5 января. оттягивая выход из дома, в интернете читаю рецензию на «Московский дневник»⁵. некто Косарев рассмотрел во мне «природно ведьму свою». за окнами смеркается, но свет я не включаю, все равно я скоро

5 Венцль К. Московский дневник. 1994–1997. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

выйду. вдруг – два громких хлопка со стороны кухни. вскочив из-за стола, я бегу на звук. дверь квартиры настежь. закрыв ее, я быстро прохожусь по комнатам. спешу по лестнице вниз и обратно вверх – конечно, убежали. на кухонном столе бросили паспорта и пустое портмоне.

через час является сотрудник криминальной полиции, в поисках следов черной пылью пудрит дверь. следов не находит. оставляет копию протокола, в котором свершившееся деяние квалифицирует как «попытку взлома». попытку.



8 января. дорога в Мюнхен. по радио – звуки, рождаемые недрами Земли, выстраивающиеся в ритмы, мелодии. мрачный «Борис Годунов» и пронзительно плаксивый пассаж Юродивого в исполнении Козловского. отец разбирался, какие записи покупать.

9 января. утром звонят из полиции.

12 января. сон о поездке на поезде мимо покинутых зданий Кремля, брошенных особняков, отелей. темный кирпич, полинявший брезент зонтов от солнца.

14 января. в электричке непричесанный человек, обложенный пакетами со скарбом, у его ног смиренный пес. поднимает тяжелую голову, вопрошающе глядит на бомжа. бомж открывает стаканчик йогурта со вкусом мокко. позже я вижу его на паперти церкви вблизи Мариенплац. ехал он, то есть, по делу.

15 января. выставка полотен Дюрера радует эффектом узнавания – многие из этих портретов были напечатаны на немецкой марке. тогда я оригиналов не видела, только их изображения на купюрах. сейчас – наоборот. выразителен портрет старика-отца.

16 января. экскурсия с коротко стриженной гидом по синагоге на Якобсплац. теплый цвет камня, простое оформление, на стенах Коридора памяти имена погибших. за стеклом капсула XIX века, которая была заложена еще в старую синагогу, разрушенную в 1939 году. молитвенники, шарфы. квадратное помещение самого храма с квадратным куполом. по бокам балконы со скамьями, в центре бима, впереди ковчег со свитками Торы. над ковчегом изречение: «ЗНАЙ, ПЕРЕД КЕМ СТОИШЬ».

17 января. «в синагогу можем сходить вместе, в пятницу, – предлагает коллега, переселившаяся в Мюнхен из Киева, – а после службы поесть. готовят до захода солнца, наступления Шабата. моя мама ходит на службу каждую неделю, зовет и меня, но я присоединяюсь редко. когда я иду с ней, она

всем представляет меня: „это – моя дочь. она – переводчик! преподаватель!“ – коллега тихо смеется. – женщины во время службы разговаривают между собой, сплетничают, раввина никто не слушает».

за четвертую неделю мне дарят второй роман, кончающийся самоубийством.

20 января. я убираю снег. липкая белая масса, откидываемая лопатой, плотными пластами ложится на нетронутый покров.

и все еще я переставляю мебель. изменит ли рокировка предметов суть вещей?

22 января. батарея в комнате не отключается. с полки отца наугад выхватываю книгу: «Возвращение с десяти континентов». ее автор, Э. Хоферихтер, родился в один день со мной, на семьдесят три года раньше меня. когда был опубликован этот его отчет о кругосветном путешествии, ему было шестьдесят восемь.

4 февраля. в интернете я изучаю отзыв о компьютерном мониторе некоего Х. из Кобенхофена, хвалящего помимо монитора средство для удаления ржавчины, делящегося своими музыкальными вкусами, а также мнением о подборке книг, посвященных теме смерти. спец.

5 февраля. мягкое солнце – как в августе в Киеве. жив ли ученый, приютивший меня в 1990 году?

6 февраля. на кассе, порезав палец об острую крышку поминальной свечи, я обматываю его салфеткой, руку сую в перчатку. рулю по льду одной правой рукой, с поднятой сверху левой. велосипедный тормоз замерз и не работает.

9 февраля. холод незначительно спал. снега наваливает все больше.

журналисту К., попросившему интервью, я пишу под голос Пятигорского, рассуждающего о бездомности и смерти («Поучительная история»). К. отвечает, что понял: спрашивать нужно не «почему?», а «зачем?». считая и этот его вывод ошибочным, я с ним опять не соглашаюсь. К. начинает нервничать.

около Фридберга вследствие ДТП из грузовика на проезжую часть вывалились пакеты с квашеной капустой. лопнули и примерзли к асфальту, сделав движение по автобану невозможным. их отмораживают при помощи ударных порций соляной смеси.



12 февраля. Пассау. средний двоюродный брат, привычно хвастая связями, вызывается перевезти мои книжные стеллажи на машине какого-то статс-секретаря. в углу столовой тети с дядей по-старому висит крест с распятым Христом. в бывшей комнатухе двоюродной сестры над кроватью мои рисунки тушью, лет тридцать назад подаренные тете на день рождения. рядом на тумбе – подшивка ежегодника краеведческого общества. над столом – афиша с фотографией младшего брата, с надеждой глядящего на восток: реклама его гастролей – организованных концертов в России.



17 февраля. Берлин. проезжая мимо дворца Бельвю, я ожидаю увидеть ярко освещенные окна и чуть ли не фургон экспедиторской компании у дверей, но все темно. «втихаря сжигают документы, – догадывается В., – ночью уйдут через черный ход». третья отставка федерального президента в послевоенной Германии.

18 февраля. очередь в Новую национальную галерею вьется змеей. парень, голову повернув к стене, бежит мимо повешенных в ряд картин – смотрит их как кино. добежав до конца, переводит дыхание. снимает свитер, размеренным шагом бредет назад.



19 февраля. в Нойруппин из Берлина ехать час. предвесенний воздух над лесами, лужи на полях отражают небо. разваленные деревянные строения, спутанный кустарник. и дома – вплотную друг к другу, без зазора. двухэтажный исторический центр в классическом стиле. на озере причал, в полынье плещутся утки, лебеди. перед церковью ржавая скульптура – подарок города Санкт-Петербурга. внутри церкви звучит орган, но вход закрыт. однообразные улицы и красивы, и монотонны, городок чем-то напоминает Серпухов, хотя нет в нем тех деревьев, побеленных до уровня второго этажа.

обратный путь занимает вдвое больше времени – мы едем по деревням. все деревни устроены одинаково – вдоль дороги особняки, которым классицизм придает строгость, упорядоченность. деревни вокруг Берлина неизменно вызывают ассоциации с русской провинцией, но хотелось ли бы тут жить? мне провинция представляется подходящей как объект созерцания, насытившись которым, возвращаешься в свое столичное обиталище.



23 февраля. Берлин. работа буксует, я встаю, завариваю чай и выглядываю в облачное небо.

24 февраля. на лестнице уселась с телефоном девушка из соседней квартиры, снимаемой очередным стартапом. молодая бизнесвумен – ясные черты и жесткие манеры: «пятьдесят на пятьдесят, да, скажу вам, это нормально, даже очень, более чем. но я вам ничего не навязываю, решайте сами, согласиться или нет».

26 февраля. «вся жизнь, – философствует В., – проходит за подготовкой к чему-то... что не наступит никогда».



впереди – шесть часов на автобане. по «Байерн фир»⁶ аудиоспектакль о повесившемся Пауле, второй концерт для фортепиано Метнера, кантата «Стенька Разин» Шостаковича и взвинченно-горделивая композиция какого-то поляка. программа, вселяющая оптимизм.

27 февраля. Мюнхен. почти сошел снег. под кустами остались островки, там, куда я свалила его, расчищая дорожку, откапывая машину. теперь то количество морозной белизны кажется нереальным. нет ее, и удлиняются дни. а снег, думаю я, для того и падает зимой, чтобы осветлять мир.

29 февраля. переводчик Ф. в течение пяти лет состоял опекуном русского шизофреника. как-то оказавшись у Ф. в гостях, шизофреник украл будильник. отправиться в психбольницу на общественном транспорте он отказывался: «только на такси!» – предвестником фаз обострения были красные подтяжки, которые шизофреник надевал, (несознательно?) отмечая их (фаз) начало. к подтяжкам он на лацкане пиджака носил гвоздику. красную.

в благодарность за рассказ я подытоживаю для Ф. содержание передачи, услышанной по «Свободе»: как распознать шпиона. «он хочет узнать о вас все – за как можно более короткое время».

7 марта. Мариенплац. на потускневшем, обшарпанном рояле деревенелыми пальцами играет пианист с фамилией Стенвей. так указано на дисках, которые он разложил на столике перед инструментом.

Э. Аугустин, психиатр и автор романов, отличающихся сублимной иронией, ослеп, но писать продолжает.

верна ли теория, по которой страх преодолевается тем, что делаешь именно то, чего боишься? не умереть же, чтобы справиться со страхом смерти.

6 Радиостанция классической музыки.

кстати. путь домой затруднен экстренным случаем в метро. прыгнул кто-то? столкнули? мимо места происшествия мы проплываем без остановки. на платформе работники «скорой» в оранжево-желтых жилетах. брезент, коричневый.



14 марта. поезд на Франкфурт-на-Майне. я вскрикиваю от боли: мне с размаху на ногу наступил мужчина. «простите. я не хотел. можете в ответ наступить мне...» – он выставляет вперед свою тщательно чищеную туфлю. «не буду». – «надо было взять визитку! – укоряет меня коллега, когда мужчина скрывается из виду. – вдруг твоя больничная касса не оплатит расходы на лечение. а у него есть деньги, костюм на нем дорогой».

выполнив заказ, мы на электричке добираемся до центра, галопом пробегаем по залам музея. у нас – час с лишним на знакомство с собранием от средневекового немецкого искусства до международного современно-го. я запоминаю детали – ковropодобное платье мадонны ван Эйка, самоуглубленность географа Вермеера, да и свет во дворе сиротского дома Либермана. в подвальном этаже актуальные знаменитости – Рихтер и Кифер.



17 марта. Мюнхен. «почтовый ящик не нужен? – с сильным баварским акцентом интересуется продавец строительного магазина, – а то они мешаются под ногами. мы их со скидкой...» – «...скидываете. нет, не нужен».

25 марта. старание не спешить перерастает в медлительность, копание.

27 марта. пересекши Изар, по зелени Флаухера⁷. Мариенклаузе: вдоль тропинки религиозная живопись под стеклом – Крестный путь. в скале зарешеченная часовня-грот. закопченный свечами потолок. у решетки табличка, воззвание к путнику: «НЕ СОРИ!».

31 марта. кладбище. старичок, тащащий за собой чемодан, останавливается среди могил, что-то кричит, маша рукой, подзывает меня: «где – Белая роза⁸?» вокруг него на инвалидной коляске кружит женщина. наконец заезжает за живую изгородь – там недавно канонизированный А. Шморель⁹. а у той поперечной дорожки – брат и сестра Шолль¹⁰.

7 Участок поймы Изара.

8 Подпольная группа сопротивления, действовавшая в Третьем рейхе.

9 Член «Белой розы».

10 Члены «Белой розы».



2 апреля. Берлин. «нет, – качает головой автомеханик с сережкой в ухе, – не сегодня, не завтра. не раньше десятого».

4 апреля. «бисерный» чех в своих суждениях о поляках суров и краток: «много пьют, не работают!» – также он презирует их за католицизм. гордится своим атеизмом.

5 апреля. зачем мы все снимаем? в альбомах есть репродукции, а за своими съемками мы не успеваем разглядеть сами картины. фотографирование – попытка освоения, присвоения чужого, усвоения. смотреть на результат, как правило, не стоит – слишком заметно перевраны и цвет, и форма и, как следствие, смысл. плохой снимок искажает воспоминание.



8 апреля. дорога в Науэн, обставленная ветряками, прямая и скучная, город мил, но мал. полуразвален. восточная скудость, блеклость, несложный ландшафт. зеленый холм, красный автомобиль, малоэтажные дома. высокое здание с эркером, сужающееся до острого угла. к нам, опираясь на ролятор, подруливает старушка. писклявым голосом: «мне скоро девяносто. – гладкая кожа, бодрый дух. – я гуляю, – объясняет она, – ползаю как могу. всю жизнь здесь прожила». мы встречаем ее не единожды, о ее приближении возвещает скрип колес, и мы каждый раз здороваемся с ней. выезжая из города, мы видим ее отдыхающей у своего подъезда. на деревьях тонкая зелень, дорога дугой. с крыльца сбегает пятнистая собака, важно гавкая.

11 апреля. В. ставит Бартока: «сложная музыка. Бетховен проще: бум-та-та-бум-та-та-бум. хорошо ложится на собачий лай».



13 апреля. Берлин. новая офисная башня, этакой стеклянный зуб за «Дворцом слез» на Фридрихштрассе блестит, сам дворец пуст, у дверей информационный щит: история дворца. у речки навстречу попадают двое – не приметный короткий и тощий, каланча с выразительным лицом, открыто улыбающийся, будто в ожидании волнительных авантур. он, кажется, грим наложил, его быстрая походка в узких штанах женственна. наслаждаясь взглядами, он идет, не скрывая свои помыслы.



14 апреля. Альтландсберг: большая рыночная площадь, дом с роскошным балконом, пожарная охрана. афиша на всю боковую стенку автобусной остановки: «ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ КАПЕЛЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА». убранство церкви богатством не отличается – люстра, ковер, орган. лишь кафедра опоясана рельефными фигурами. бывшую дворцовую церковь превратили в стекольную мастерскую. на Берлинскую башню, низ которой – часть городской стены, зазывает ее сторож, дед, сидящий на стуле перед входом, член краеведческого общества. В. лезет на самый верх, я, одолев половину крутой лестницы без перил, передумываю и возвращаюсь вниз. этот страх я поборю как-нибудь потом.

забор запущенного участка напротив башни завесили плакатами, требующими ограничения движения по брусчатым улицам центра, запрета на въезд грузовых машин. «владельцу участка, – пожимает плечами сторож башни, – все равно, он живет далеко, в Саарской области».

с башни машет В.

за крупным административным зданием продовольственный магазин, кладбище, парк, дворы. в тесные ворота крестьянского хозяйства трактор задом заталкивает телегу. трактор в этом городе – основной вид транспорта. непропорционально много и цирков (с поля на представление?). за нами проносится пузан на байке – не местный наверняка. на соседней с Берлинской башне гнездятся аисты. широкое гнездо сбилося вбок, как пучок волос старушки. Передохнув на скамейке, мы отбываем в Берлин.



18 апреля. Мюнхен. у врача. она: «я прочитала всего Достоевского!» – «не противно?» – «влечет». – «неряшливо пишет». – «в переводе не чувствуется». – «переводы врут».

27 апреля. строительный. «у вас есть металлические штыри, четырехсантиметровые?» продавец: «штырей таких нет. купите болты, срежьте головки». – «осталось, значит, завести пилу». – «тут нужен мужчина, сильный... ну, или сильная женщина». – «понял. спасибо».

30 апреля. в церкви братьев Азам туристы щелкают фотоаппаратами. девушка лет шестнадцати в протестной позе, скрестив руки на груди, стоит спиной к алтарю. родители с младшей дочерью уселись на скамью. молодой человек читает путеводитель, его спутница, включив камеру смартфона, вглядывается в свое отражение на дисплее. собирает волосы в разные прически, распускает. парень, заметив ее манипуляции над собой, наклоняется к ней, смотрит на дисплей. она, кокетничая, отводит руку с телефоном в сторону.

из лавки трав около Мариенплац выкатывает упитанная продавщица, на дверь вешает табличку: СЕЙЧАС ПРИДУ. – «„сейчас“ – это когда?» – интересуюсь я. «„сейчас“ – это сейчас», – разъясняет она.

3 мая. автобан в Берлин. канал автодорожных сообщений предупреждает о затерявшемся на трассе ведре, затем о швабре, а на третий раз о лопате. логичнее была бы половая тряпка.



7 мая. перед вокзалом в Баден-Бадене от моего вопроса о банкомате ша-рахается тетенька. «вы не говорите по-немецки?» – она мотает головой. в автобусе по-русски отвечает по мобильному: «я приехала». на главной аллее – одни чужестранцы, ни один из них не подскажет, где гостиница. «доунт ноу», – угрюмо отнекивается турист с русским акцентом. после двадцати двух на улицах нет никого, лишь русская же парочка прогу-ливается, громко общаясь между собой. над городом – глыба собора, на-против него – тихая ратуша. узенькие дома с филигранными балкончика-ми, ставнями, увитые виноградом, – французская Алемань.

8 мая. днем, на жаре, город раскрывается. в церкви репетируют на рас-строенном органе, свистя играют на флейте. древние бани, пышная зелень, винные склоны. и русские на каждом шагу. бычащиеся мужики, сварливые бабы. в шесть нас везут на телестудию.



28 мая. в Эркнере лес и дорожка в гору. наверху обзорная башня, в ней – му-зей кино, снимавшегося в окрестностях в тридцатые годы. в тень под высо-кими акациями слетают белые лепестки. съев бутерброды, полежав в траве, мы ковыляем до ближайшей возвышенности, с которой тоже – вид: в доли-ну. и в даль. просекой вдоль вилл, окруженных обширными садами. над озе-ром пансионаты. мороженое приторно сладкое. «страчателла? – переспроси-ла мороженщица в кафе. – это важно!» – то есть «главное». его и осталось чуть-чуть, на самом дне посуды.



29 мая. на Зеловских высотах прошло трехдневное сражение, послужив-шее началом наступления советских войск на Берлин. у въезда на терри-торию мемориала две стелы с надписями на русском языке: «1941 – ВЫ ПРОСЛАВИЛИ РОДИНУ», «1945 – РОДИНА ВАС НЕ ЗАБУДЕТ». перед низень-ким бревенчатым строением музея площадка с военной техникой: «Катю-ша» на Студебеккере, зенитки и танк Т-34. холм под солнцем: неуклюжий памятник солдату-освободителю.

носатый смотритель музея шепелявым пулеметом выдает историю развития края, факты о сохранившихся достопримечательностях, о железной дороге. сетует на недостатки экономики в Германии, но хвалит преимущества част-

ной жизни в ее условиях. получасовую документалку демонстрирует в основном посетителям старших поколений: школьники не в состоянии представить реальность ужасов войны.



17 июня. Мюнхен. соседка справа расстроена. ночью, когда страх смерти мужа достиг апогея, она отвезла его в больницу. дня три назад, придя в трактир, они на столе увидели траурную ленту, красные розы, нетронутый бокал вина. за неделю до того некий Рихард, член гольф-клуба, в который входят и они, попросил хозяйку трактира: «когда меня не станет, положите на мое место за столом ленту и розы, поставьте бокал вина», – сел в машину, доехал до дома, въехал в гараж, выключил двигатель и умер от сердечного приступа.

6 июля. строительный. бородатый продавец с белым лицом, стеснительно улыбаясь, нежной рукой поправляет тонкие очки: «золотистая пыль? у нас ее нет, попробуйте в магазине художественных товаров около Мариенплац, как же он называется, я ходил, когда сдавал экзамен на подмастерье, – задумавшись, он глядит на банки, ровными рядами заполняющие металлические стеллажи, – там должна быть». коротко стриженная борода, рыжие волосы, овальная оправа делают его похожим на Юрия Шевчука. вряд ли продавец немецкого строительного магазина догадывается о своем внешнем сходстве с звездой русского рока, а узнай о нем, то не придал бы этому хоть какого-нибудь значения.

20 июля. коллеги препираются. «я не покупаю ничего китайского! – вопит Ф. – Китай – один большой концентрационный лагерь! – повернувшись к Д., он продолжает: – господин Д., вы бы что-нибудь купили у нацистской Германии, располагая информацией о том, что там есть концлагеря?» Д.: «сравнение неудачное». Ф.: «так все говорят, это отговорки обывателя. не увиливайте от ответа!» Д.: «если бы я знал, что товар произведен приличной фирмой с незапятнанной репутацией...» Ф.: «подобных фирм и быть не может в такой ситуации, все, кто работает в таком государстве, участвуют в его преступлениях!» я: «вы на их месте что – покинули бы страну?» Ф.: «да!» Д.: «и все же я считаю, что прямое сравнение недопустимо». Ф.: «вздор!» перед моим внутренним взором разворачивается панорамная картина: Китай, постепенно пустеющий вследствие оттока миллионов его честных жителей.

23 июля. с антресолей гаража я стаскиваю альбом – фотографии дедушки по отцу из командировок по южной Баварии, а также несколько папок с его рассказами, отрывочными записями, набросанными карандашом, изящным почерком, старинным шрифтом, на кусках пожелтевшей бумаги, аккуратно наклеенной на кальку четвертого формата.

24 июля. немолодая официантка баварского ресторана около Изартор, одетая в традиционное платье, помнит пару слов по-русски: «хлеба? – спрашивает она у моего петербургского приятеля (не осознавая, что эта форма – родительный падеж единственного числа) и: красное?» она, морщинистая блондинка, не баварка, а хорватка. позже она присаживается к соседнему столу, за которым устроились четверо мужчин, говорящих, предположительно, на ее родном языке.

27 июля. на корпоративной вечеринке коллега-китаец, с которым мы в офисе год просидели спина к спине, поднимая фужер с шампанским, переходит на «ты», его имя Ченшуй, чему я искренне рада (русским он не владеет). его смешливая соотечественница, через слово чокающаяся бокалом, обучает меня китайским жестам, обозначающим числа от одного до десяти. особенно мне нравится восьмерка – два вытянутых пальца, в немецкой системе означающих «два».

3 августа. «вы знаете, почему наш китайский коллега так свежо выглядит для своих преклонных лет? – экзаменует меня коллега-американка, – у него есть специальный способ омоложения: каждые вторые выходные они с женой по квартире передвигаются на четвереньках!» – «а сколько ему лет?» – «восемьдесят пять!» – случай, надо признать, изумительный. я дала ему лет пятьдесят.



4 августа. на автобане спокойно: нет фур. в летние выходные запретили им проезд. под Берлином пробка: больше года не могут закончить ремонт дорожного полотна. перед домом есть свободное место, но ко входу не пройти – итальянский ресторан заставил столами-стульями весь тротуар. пьяные крики из квартиры наискосок – что-то празднуют.

5 августа. в парке, выросшем вдоль куска бывшей Берлинской стены, бегуны, собаки. мопс неприлично сопит.

8 августа. Когда у стойки я выпрямляюсь с обувью в руках (наклонилась, чтобы вынуть ее из пакета), турецкий сапожник разражается смехом. я: «что?» он: «звук». «пакет?» – «да. не видел вас, не понял, от чего».

перед продуктовым толстяк, подхватив свою беленькую собачонку, дежурно поджигает ей хвост и сажает в сумку, прикрепленную к багажнику велосипеда, бреющим взмахом перекидывает через собачью голову тяжелую ногу (собака отработанным движением голову втягивает), садится, отъезжает.

12 августа. солнце перетекает из окна в окно, скользит по стене. небо, облака.



15 августа. Мейсен. припарковав машину, пешком идем по кромке полей. до замка крутой подъем. покатые крыши в традиционном беспорядке. собор: скульптуры, резной орнамент. центральная площадь, историческая застройка, в справочной покупаем открытку. узкие переулки, из битого автомобиля громкая музыка: отвязный ор на английском языке. преподаватель немецкого В. называла саксонцев самыми вежливыми представителями нации. наконец мы докатываем до цели. немногословный молодой человек продает нам гоночный велосипед, которым не пользовался, а любовался – к недовольству подруги повесив его в комнате над кроватью.



17 августа. на Булькиной горе. мужчины пускают летать модели вертолетов. лес, поля и пух на солнце.



18 августа. Берлин. федеральные министерства проводят день открытых дверей. Министерство финансов располагается в бывшем нацистском здании, массивном, с тесными коридорами и тщательно пронумерованными клетками-кабинетами.

в Министерстве юстиции претолстый мужчина в мешковатых штанах и приземистая женщина с мясистым затылком досаждают экскурсоводу. экскурсанты отстраняются – от парочки разит мочой. никто с ними в лифт не садится. на табличке у одной из дверей иноземное имя сотрудницы, Пердита, с заурядной немецкой фамилией из двух слогов сочеталось в причудливый союз. «Пердита сердита». – каламбурит В., навеки исключая предание имени незнакомки забвению.

в Министерстве обороны проверяют паспорта. овчарка размером с теленка вывешивает из пасти язык длиной сантиметров тридцать. широко разложив крепкие лапы, заслоняет дверной проем. в холле с квадратными гранитными колоннами мы с третьего этажа смотрим вниз на кровавого цвета ковер: с птичьего полета разбомбленный Берлин. на стене кабинета де Мезьера¹¹ неизбежное современное искусство. у мемориала в память о погибших на службе солдатах гид лаконично с нами прощается. участники экскурсии удрученно молчат, никто не аплодирует.



11 Министр.

19 августа. Франкфурт-на-Одере. сверкающий торговый центр и облезлый КИНОТЕАТР МОЛОДЕЖИ мы созерцаем в одиночестве – в густую жару никто не отваживается показаться на улице. перед Мариенкирхе площадь с фонтаном, в котором плещутся крикливые девицы. нас привели в собор витражи из ста двадцати шести сияющих на просвет цветных полей: сцены из Библии, изображение Антихриста. десять лет назад на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге состоялась торжественная отправка витражей в родную Германию.

на почтамте круглые мозаичные окна и каменные ступени, в парке памятник Клейсту в классицистическом стиле – обнаженный неземной, неправдоподобный юноша.

на мосту через реку – приподнятое чувство, будто шагаешь в свободу, где раньше начиналась тюрьма. во дворе облупленного дома в четыре этажа палисадник, на окне заборчик, за ним горшочки с зеленью. во втором окне полотенце, в третьем – черный кот. за домом бельевая веревка с мужскими майками: Слубице, польская сторона¹².

адаптируясь к запросам соседей с Запада, близ границы выстроили супермаркеты, АЗС, склады. в некогда богатых домах эпохи грюндерства разместились ларьки: сигареты, спиртные напитки. и сфера услуг: парикмахеры, зубные врачи. всюду реклама режет глаз. далее полуразваленные старые домишки, панельное жилье. и здесь – фонтан. вокруг него резво бегают малышня. отсыпается пьяный мужик. вернувшись во Франкфурт, мы натываемся на бронзовую тройку музыкантов. с определенного ракурса смотрятся групповухой. ГДР.

по радио первый фортепианный концерт Бетховена в исполнении С. Рихтера. В.: «Бетховен – тяжелая танковая атака, а Моцарт – так, катание на лошадке».



20 августа. Берлин. неадекватный тип в наушниках на велосипеде едет закругленным зигзагом по тротуару, мостовой.

21 августа. клерк Коммерцбанка, высокомерно: «денежный перевод? невозможен, вы – не клиент нашего банка». – я всматриваюсь в бейдж на его лацкане, но фамилия не читается: бейдж приколот вверх ногами. «вы его как-нибудь переверните...» – клерк хватается за бейдж, снимает его, переворачивает: «э-э-э... я вторую неделю работаю». «ничего».

22 августа. под тошнотворный запах кошерного супа (молочного) мы посещаем галереи в бывшей женской гимназии на Аугустенштрассе. фотографии диких зверей. слон с потрепанными ушами, гордый и грустный лев, мохнатый. все несчастья животных – дело рук человеческих.

12 До 1945 года эта территория входила в состав Франкфурта.



26 августа. «в отличие от собачьего Бетховена Шостакович – кошачий». – развивает свою теорию В. «а Брамс?» «собачий», – считает В., подкрепляя теорию полаиванием под симфонию Брамса.

Дессау. стеклянный фасад здания Баухауза – крупнейший по тем временам. неровный пол и вечно ломающиеся софиты. В. Гропиус был деспотичным карликом. письменный стол водрузил на подиум, гостей усаживал в низкое кресло, чтобы возвышаться над ними. рабочий кабинет расположил в самом центре главного корпуса, с обзором всей территории, включая мастерские и ворота. наблюдая за передвижениями в этом обширном ареале, он всегда знал, кто работает, кто спит, кто отсутствует.

Кандинских невзлюбил за мебель девятнадцатого века, портившую современные интерьеры в их половине «дома мастеров», и за белую краску, которой Кандинские, прячась от любопытных взглядов посторонних, замазали окно во всю высоту своей лестницы. в черном обрамлении мутно мерцает золото, покрывающее стену их столовой наподобие иконы. комнатки ничтожностью напоминают гдээрзовское жилье. Г. Мухе в своей спальне, по замыслу архитектора и дизайнера М. Брейера выкрашенной в черный цвет, переночевал всего один раз. ночью лицеизрев свое призрачное отражение на потолке, он испугался до смерти. тайно перенес спальню в другую комнату.

эксцентричная, но эрудированная экскурсовод сопровождает свои рассказы угловатыми жестами, словно исполняя триадический балет О. Шлеммера. сколько ее уже передразнивали участники ее экскурсий, целыми семьями?



27 августа. Берлин. турок-сапожник при виде своего оранжевого талончика ладонью ударяет себе по лбу: «забыл! заберите через полчаса!» «вы не закроетесь?» – «нет-нет».

28 августа. «Галери Лафайет»¹³. из примерочной высовывается блондинка, по-русски спрашивает совета В.: ярко-розовое ли взять, с нарядным вихрем-крылом на плече, или более скромное бордовое, с рюшами на шее, – свадьба чужая, не она невеста. В. указывает ей на нечто третье, до сего момента незаметно висевшее в стороне. идет и это – дилемма. взволнованная дама ищет ответ в наших глазах. до закрытия универмага пять минут. завтра она прийти не сможет – улетает в Лондон.



13 Универмаг на Фридрихштрассе.

2 сентября. на краю широченной рыночной площади Люббена кого-то ждет старушка в аккуратной шелковой блузке. на другом краю площади – церковь, в ней выставка о жизни и деятельности местного пастора, золоченая купель с известняковым рельефом, резная кафедра, монументальное распятие, повешенное почему-то вдоль нефа, а не поперек него, и два витража 1936 года – суровые силуэты в приглушенных тонах. городок, наполовину съеденный войной и после восстановленный жилыми коробками. над прудом склонилась ива, около моста через речку, пересекающей центр, лаем заходится лохматая такса, охраняя хозяйские владения. отработав свое, задирая зад, грудью прижимается к земле.

в соседний Люббенау мы въезжаем к концу народного праздника. на аттракционах резко поднимают в воздух пассажиров, чтобы так же резко их опустить. колесо обозрения пустует. мимо, мощно стуча красными колесами, проносится отдраенный до блеска черный паровоз. в церквушке фигурка мадонны на южнонемецкий манер, но чересчур слащавая – повторение по мотивам дунайской школы, как признается седой крепыш (пастор!), на улице раздающий информационные флаеры. в исторической части городка разбредаются посетители торжества – женщины в национальных костюмах, пьяный молодняк. покинутые подмостки и горы мусора. парк, расчерченный целой системой каналов, на которых покачивается традиционное средство передвижения этой бранденбургской Венеции – гондолы. в витрине запылившегося магазинчика – выцветшие фотографии «сорбских яиц». лавка старьевщика. опираясь на подоконник, из окошка на первом этаже выглядывает старушонка. здоровается, будто давняя знакомая.



4 сентября. Берлин. «Галери Лафайет». нашествие мелких желтокожих людей, копошащихся вокруг невидимки. как поверяет нам турецкая продавщица, пожаловать изволила тайландская принцесса – попримерять изысканное тряпье. принцессе отперли vip-примерочную, в нее, поднося фрукты и шмотенции, не заходят, а вползают на коленях. безопасность обеспечивает полк сталеглазых охранников, молниеносно оцепивших бутик. та русская, которая на днях попросила совета В., все же купила еще и бордовое – будет, по ее словам, передаваемым продавщицей, «носить в церковь». федеральный канцлер, изредка наведывающаяся в магазин то за купальником, то за колготками, не любит подчеркнутых приветствий, предпочитая ровное отношение к своей персоне. предоставив принцессу ее незавидной судьбе, мы отправляемся в продуктовый.

9 сентября. к вечеру выход на улицу. кошка на окошке, пальто на ветру, собака на поводочке, мрачный собор у воды. русская тройка с тягучим акцентом: «встань тудaa, помахай рукой...» – у В. передергивается лицо.

в деревянном проходе вдоль Нового музея жирные пауки. «осенью, – меланхолично делится опытом В., – их сдувает с ветвей...» у музея Боде танц-площадка, по ней, умеренно обвиваясь телесами, двигаются пары разных возрастов. «что это они так?» – теряется В. «танго!» – прислушавшись к звукам Астора Пьяццоллы, определяю я. «а... на крымских курортах немножко по-другому, – подхватывает В., – там все взвинчены – и бабы, и мужики. если на танцах ты никого не подцепил, считается, ты зря сходил».



6 октября. на Булькину гору под зонтами, по скользкой траве. дождь шурша падает на листья вымахавшей кукурузы. на склоне жухловатые цветы. над могилкой раздался куст, в центре поля внизу – островок растительности, вдали – осиротело торчащий ветряк. «нелетная погода, – отмечает В., – никто не пускает самолетики».



Берлин. перед магазином около дома улеглась большая черная в белых пятнах собака без поводка, покорно ждет хозяина. барышня в плаще открывает багажник машины. к подошве ее левого сапога прилеплен ценник. махонькая девочка в пластиковой накидке, пройдя по луже, разворачивается и проходит по ней еще раз, медленно бороздя воду, тщательно измеряя глубину. и еще раз, и еще... мамаша с кислой физиономией терпеливо наблюдает за ней. изучение лужи играет важную роль в развитии детской психики.



18 октября. Мюнхен. электричка идет с долгими остановками, под нервные окрики машиниста. в переполненном вагоне держаться не за что, я вытянутой рукой опираюсь на дверь. у нее блондин в белой майке по-польски (?) говорит по телефону. доехав до своей станции, я прячу Гоголя в рюкзак и готовлюсь выйти в противоположную дверь. «до свидания! – по-русски слышится за моей спиной. блондин в белой майке широко улыбается мне красноватым лицом и повторяет: до свидания!» – я улыбаюсь в ответ: «счастливо».

24 октября. «мы вам машину не вернем, – звонят из ремонтной мастерской, – у нее сломана рессора. ездить на ней нельзя: последствия непредсказуемы». теперь я вынуждена лишние дни просидеть в Мюнхене, а собиралась в Берлин. В.: «мы с тобой на сломанных рессорах проехали из Вологды до Петрозаводска, и ничего!» «это был не автобан, у нас скорость не превышала сорока километров в час. вспомни, какая была дорога». – «из-за нее рессоры и сломались». – «по карте – с „улучшенным покрытием“, на деле – щебенка. пережду». мне жизнь спасли?

9 ноября. на кладбище смотрю в сине-голубое небо, взглядом провожая самолеты, поднимающиеся слева, улетающие вправо, на юг. вот, вдруг озаляет меня, что видят ОНИ. откинув голову, я щелкаю карманным фотиком: «что видят родители».

12 ноября. маленького ростика работник тепломонтажной фирмы, серебряные колечки в брови и в ухе, стрижка ежиком, протягивая мне протокол: «подпишите, пожалуйста, дарственную на дом!» «?» – «ладно, договор о купле стиральной машины. вам будут доставлены три штуки».

«все существование, – рассуждает садовод, – борьба за солнце, свет. знаете, как все разрастется, если в саду ничего не стричь? природа мгновенно захватит все пространство, а дальше – кто кого. выживут самые сильные».

15 ноября. утром вырубаются чайник и радиочасы, гаснут лампы. при слабом освещении велосипедного фонарика проверяю пробки. пробки на месте. без электричества ничего не работает – ни компьютер, ни холодильник, ни телефон. темно и у соседей. допив остывший чай, я моюсь холодной водой. и рисую в своем воображении картину: как я, свалив в кучку влажные ветки, жгу костер, чтобы разогреть над ним банку консервов. по дому буду ходить в зимнем пальто. в пяти парах носков и трех парах штанов... вспыхивает монитор, возобновляет вещание-верещание «Свобода». я выношу на улицу сумку, рюкзак.



18 ноября. Берлин. на Музейном острове щит – Екатерина II в пышном одеянии величественно рекламирует выставку «Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры». перед Пергамским музеем демонтируют цилиндрическую постройку с панорамой древнего Пергама, на Унтер-ден-Линден вереница стройплощадок – дворец, театр, дорога, метро. в историческом музее я покупаю открытку: Берлинский собор в 1905 году.



21 ноября. Мюнхен. День покаяния и молитвы¹⁴. по радио тематическая передача о похоронах. «каждый второй родственник, – рассказывает работник кладбища, – просит крутить „Аве Мария“ Баха Гуно. я аж слушать его уже не могу. некоторые еще при жизни составляют программу церемонии своего погребения, сами выбирают музыку. особой популярностью пользуется песня „It's time to say goodbye“, в свое время сочиненная по случаю ухода из большого спорта то ли футболиста, то ли боксера, то ли гонщика

14 Праздник евангелической церкви.

„Формулы 1“. получается невольный комизм. один из почивших отличился: заставил родных и близких в течение двадцати пяти минут выстоять пьесу Арво Пярта – двадцать пять минут ощущались как сорок пять... по-моему, он им мстил».

23 ноября. «на моих похоронах, – размышляет зубной врач, – пускай сыграют хороший блюз. все остальное мне по барабану. в землю ли зароят, сожгут, развеют по ветру. это ИМ нужно будет жить с моей смертью, без меня».



31 декабря. Берлин. на кладбище района Доротеенштадт могилы Гегеля, Фихте и Брехта, Шинкеля, Штюлера, Рауха... В. шутит, я смеюсь, мерзнувшие туристы рассеянно посматривают на нас: мы пришли после магазина, с авоськой и мешком картофеля в руках.

2013

6 января. Три волхва¹⁵. апогей дневника: писать о том, как пишешь. я, как дед, перешла на карандаш. пишу мелко, еле разборчиво. придется помучиться моим биографам.

20 января. по «Эхо Москвы» музыкальная передача: «я счастлив, что мне не суждено долго пробыть одновременно с вами на Земле, – подводит итог старик, – я застал все настоящее, а вы – только шум».

29 января. умер О. – московский коллега, переводчик, лирик, спортсмен. за игрой в настольный теннис. в памяти всплывают встречи. совместная работа в кабине для синхронного перевода, ночная поездка на микроавтобусе из Подмосковья в центр столицы. гостиница в французском Довиле, где он вручил мне номер журнала со своими стихами, объясняя придуманный им знак препинания (перевернутую с ног на голову точку с запятой). рабочий обед во дворце Мезеберг¹⁶. случайное столкновение в Национальной галерее искусства в Вашингтоне, где он купил миниатюрные скульптурки в подарок подруге. и телефонный разговор на высшем уровне, предваренный оживленным возгласом О.: «Катя! привет! рад слышать! как ты?» – переводчиков к линии подключают первыми.

двухметровый, худой, болезненно бледный, с длинным носом, цыплячьей шеей, густыми бровями и пылким взором пронзительных глаз, он боготворил борзых собак и увлекался восточными единоборствами. конспектировал беседы переводимых им нечитабельным волнообразным почерком, хо-

15 День трех волхвов, праздник католической церкви.

16 Загородная резиденция германского правительства.

дил в болтающемся на нем костюме, но с высоко поднятой головой, быстро, целеустремленно, всегда с четко сформулированной задачей, которую выполнял непременно с той же безошибочной точностью и хищной сосредоточенностью, что и все предыдущие. его обшарпанный портфель стал легендой. rest in peace – не по нему.



31 января. Мюнхен. письма отца. сколько судебных дел, заведенных на него, и разбирательств, начатых им самим. его расчетливость входила в странный контраст с переклестывающей через край эмоциональностью, импульсивностью, порой мешавшей ему трезво оценить ситуацию и действовать не сгоряча, а рассудительно, хладнокровно. отец был холериком. и игроком: часто рисковал, нередко выигрывал, иногда и проигрывал. бывало, по-крупному.

*2 февраля...*и сыном своего отца: в 1954 году дед набил на машинке письмо в школу отца, с резкой критикой учителей, оказавшихся неспособными обучить сына: его оставили на второй год.

17 февраля. дед был любителем-архивистом. он архивировал газетные вырезки, фотографии из командировок и любовные похождения, которые детально описал в своих воспоминаниях. маршрут каждой командировки дед фиксировал чертежом, фотоснимками посещаемых мест – рыночных площадей, заводов, мастерских. на многих кадрах – то на переднем плане, то на заднем, то где-то сбоку – красуется его автомобиль «Фольксваген жук». перечень мест пребывания молодого деда содержит больше северных городов, чем южных.

с карандашного портрета над пианино отец строго взирает на меня: «так-так...» – формат листа символичен: А0, формат форматов, исток и мера.

27 февраля. на Восточном вокзале из подъехавшего поезда вываливается мужчина с чемоданчиком, седой, в черно-белой куртке: «когда будет электричка?» «через двадцать минут». – «давайте возьмем такси». – «мне все равно, разница в пятнадцать минут роли не играет, я и так весь день в пути, у меня есть что читать». – «у меня тоже есть...» – он вытаскивает из чемодана упакованную в целлофан книжку в узорчатой обложке. – еду из Франкфурта-на-Майне, поезд опоздал. обед кончился раньше, чем планировалось. прошелся по центральной улице, и там салафиты всучили мне Коран. я провел несколько месяцев в арабских странах и знаком не понаслышке с их религией. ни одна религия не плоха сама по себе. извращают ее люди – своим изложением». я: «есть версия, что сами американцы взорвали башни-близнецы – как, возможно, национал-социалисты собственноруч-

но подожгли Рейхстаг». мужчина, надевая вязаную шапку и убирая книгу: «да что такое Америка? сплошная пустыня! из чего состоит деревня, город в Германии? церковь, ратуша, дома. а в Америке? магазин и дорога к нему – все! Америка – миф о свободе, не более того!»

по телефону московский художник рассказывает историю поэта, преднамеренно портившего электропроводку, чтобы иметь повод вызывать мастеров: они с открытым ртом слушали его стихи... пока не поняли, что порчу он наводит сам. поэту сделали внушение и пригрозили прекратить обслуживание его квартиры.

2 марта. когда не пишется, раздражает все. вплоть до складок занавески и ручки окна.

10 марта. от приятельницы отца приходит открытка: велосипедист крутит педали, над ним крыльями хлопает птица. велосипедист с тоской смотрит на нее, она – на него. и мечтает: «хоть бы раз прокатиться на велике!»

к станции электрички верхом на моей ноге едет жук. летит, как на самолете.

15 марта. соседа слева, лежащего больного, как рапортует соседка справа, в конце месяца заберут его дочь с зятем. разместят у себя в подвальной комнате, бывшей рабочей.

22 марта. по словам соседки справа, сосед слева стал невменяемым. «ты все жива?!» – поприветствовал он ее на днях, когда она зашла к нему справиться о здоровье. священник недавно нашел его совершенно неподвижным: «решил, что умер – черт возьми! труп мне не нужен, некстати при моей загруженности. заметался: как быть? но тут „покойник“ всхрапнул, засопел, я перекрестил его, произнес молитву и убежал».

смертельно заболевшая бывшая преподавательница Е. рада моему звонку. химиотерапия довела ее до грани физического истощения. вся ее сила влилась в голос – крепкий, волевой.



24 марта. Берлин. В. с развала стопками приносит книги, некогда входившие в чью-то библиотеку: «жил-жил человек, выбирал, завел специальный штамп, чтобы увековечить в них свое профессорское звание, читал, писал записки на полях и... крякнул. пришел старьевщик, все сгреб в охапку и увез на барахолку – под ветер и дождь. бедные книжки, эх... хорошо только то, что они хранят память о профессоре. а то бы мы и не знали, что был такой».

25 марта. за бокальчиком джина В. пересказывает содержание «Братьев Карамазовых» – в своевольной интерпретации, обобщая: «уголовные сплетни! сериал! я помечу тебе главные места – всего остального можешь не читать». у Достоевского все персонажи делятся на две категории: блаженные и мерзавцы. а некоторые из них относятся и к той, и к этой категории.

желтую плюшевую собаку, сидящую на двух томах «Карамазовых», В. зовет «Достоевский». ей на шею надел золотистый бантик с коробочки шоколадных конфет, в лапу дал тупой карандаш.

27 марта. «что надо сделать, чтобы заниматься любимым делом?» – озадачивается В. «заниматься любимым делом», – отвечаю я.

29 марта.

Случай в горах

Григорий с гориллой

пили горилку

Горилла сгорела

Григорию горе

31 марта. Пасхальное воскресенье, а холодно как зимой. «с Рождеством!» – поздравляю я тетю в Пассау. в интернете слушаю Пятигорского: не эгоизм ли воздержание от безнравственных поступков ради спасения собственной души.



17 апреля. Мюнхен. у покосившегося забора углового дома около станции бездомный веткой целится в горлышко выброшенной в сад бутылки из-под пива, чтобы подцепить ее и поднять. ловит ее долго и безуспешно. в Бюрене под Падерборном на девяносто втором году жизни умерла тетя отца по матери – заснула дома в кресле. идеальная смерть?



19 апреля. Бюрен. кладбище, на котором тетю отца хоронят, раскинулось на холме, откуда – красивая панорама. шестеро носильщиков преклонных лет в серых куртках, белых перчатках, черных шляпах со скорбным выражением ухватываются за ручки гроба, с отчетливым кряхтением отрывают его от пола зала для отпевания. несут его к могиле, еле держа. опускают в яму, едва не сваливаясь ему вслед. родственники осыпают гроб лепестками роз и горстями земли. священник тетю отпевает. солнце и тишина. смиренность, печаль. над нами – пронзительный запах свинофермы, находящейся по соседству. «приятного аппетита», – пошутил бы отец.



26 апреля. Берлин. выставка произведений грузинки, в шестнадцать лет поступившей в художественное училище. нос крючком и пестрые кеды. в галерее на Шарлоттенштрассе пузатые дядьки в шарфах «изображают коллекционеров» (В.), суетливые галеристы «впаривают им искусство», художники, сняв спецовку, «напускают на себя томность».



28 апреля. воскресенье. попилив на извечный север, мы совершаем высадку в Басдорфе. на кромке леса дедуля с собакой указывает направление: «всего полчаса до дворца». бор сосновый, с вкраплениями берез и прочих лиственных. стволы, устремляющиеся ввысь, в промежутках между ними – световые пятна.

трехэтажный дворец с башенкой. разрушенный кусок стены восстановили, окна заколотили. за дворцом – пустой гараж, оранжерея с разбитыми стеклами, хозяйственные постройки.

в траве у озера неформалы устраивают пикник. «пирожное здесь!» – девки со спутанными волосами кричат нам, в восхищении рассматривающим гармоничные пропорции основного корпуса дворца. молодые люди играют в футбол. над водой скрутились вековые деревья.



17 мая. Мюнхен. перед посещением концерта в Резиденции А. подкрепляется изрядным глотком виски из горла. «зачем?» – допытываюсь я. «чтобы была дистанция», – глубокомысленно отвечает А. «от чего?» – «от происходящего. чтобы, к примеру, меня не коснулось это музыкальное мероприятие». – «оно и так не касается тебя». пухлая певица в платье с глубоким вырезом и оголенными круглыми плечами от своего пения получает большее удовольствие, чем публика. высокие ноты она берет выше необходимого, будто про запас. она орет так громко, что я зажимаю уши. «представляешь, – после концерта возвращается к своей теме А., – что бы было, если бы не было дистанции?.. вообще, – серьезнеет он, – мне это нужно, чтобы обезопасить себя». – «?» – «с тех пор как умер Д.¹⁷. он был моим ангелом-хранителем».

8 июня. за домом сосед с параллельной улицы чистит старинный автомобиль с откидным верхом, напоминающий карету. соседка справа: «на нем он возит новобрачных. все пары, которые он возил до сих пор, уже развелись».

17 Ближайший друг А.

16 июня. в гости неожиданно приходит землемер. «что это у тебя за перстень такой?» – киваю я на его руку. Ст. перстень снимает и показывает внутреннюю сторону кольца: «читай! – в серебре выгравированы даты рождения и смерти его приемной матери. – я отрезал у нее, покойницы, локон. попросил мастера серебряных дел вложить его в перстень. теперь она всегда со мной», – у Ст. светятся глаза. я молчу. пройдет время и он поймет, что она с ним и так, без локона. а может, и не поймет.

перед домом я встречаю зятя соседа слева. «вы нашли арендаторов?» – «да... коммуна. жить будут под опекой». – «алкоголики?» – «нет, мужчины с психическими расстройствами. на последней стадии перед реинтеграцией в общество». – «сколько их?» – «шестеро». боже милостивый.

в саду надоедливо одинаково кричит какая-то птица.



22 июня. Берлин. в Новом берлинском обществе искусств малоформатные картинки в желто-фиолетовой гамме: иллюстрации убийств и самоубийств знаменитостей и никому не известных людей. сто способов... и мрачно, и смешно.



7 июля. Мюнхен. Белинкова на восемь лет посадили, но он писал дальше и заработал еще. это что – самоуничтожение?

а писать, как полагает он, можно о наволочках. писать о дубовой мебели отца? «кресло наподобие трона», – точно подметил хорват М., проводивший в доме ремонт.

8 июля. из гаража через улицу тянется пыльный след – потащила в машину мешки с пришедшим в негодность стройматериалом: сорок килограммов сухой смеси, вобравшей влагу и затвердевшей в плотный кусок бетона. стяжка под фундамент сарая. волоча мешки, я чувствовала себя киллером, убирающим жертв.

9 июля. читая Белинкова, краем глаза цепляю мышь, пробегающую по террасе.

12 июля. утром за домами заря, поют птицы. под солнцем дом светлее. с уменьшением количества вещей он и легчает. я воображаю его полное высветление и облегчение, превращение в прозрачный шар.

13 июля. день казни Шмореля, его сегодня чествует православная церковь. я чествую его круглогодично, проходя мимо его могилы. сколько мне ходить на кладбище?

к южной границе кладбища примыкает храм: Кафедральный собор святых Новомучеников и исповедников Российских и святителя Николая. на тротуаре перед ним беседуют женщины в платках.

оставляя на двери табличку с именами родителей, я объявляю дом музеем. домом-музеем Вероники и Александра.

21 июля. в жару с коллегой – в поход на юг, вдоль Изара. спасая гусеницу от гибели под колесами, я подхватываю ее и несу под деревья. пятнистую лягушку великодушно обхожу. в монастырской церкви знобит от вида украшенных драгоценностями скелетов в стеклянных гробах. закусив в пивном саду, мы с риском для своей безопасности топаем обратно по велосипедной дорожке. коллега считает велосипедистов, улыбающихся нам. я, под впечатлением от оскала скелетов, улыбок не замечаю.

22 июля. лишнюю электрическую плиту из сарая, выставленную на аукцион в интернете, забирает ухоженный араб в оранжевой рубашке и бежевых брюках. губы толстые, очки тонкие, одно ухо повреждено (укусом?). по-немецки говорит лучше жены, по телефону еле связывавшей два слова, под шумовой аккомпанемент орущих детей: «наша доченька (их трое, младший – мальчик) включила конфорку, на ней стояла кастрюля. мы не сразу спохватились. плита новая была...»

28 июля. на территории клиники для душевнобольных в соседнем предместье расположен театр в стиле модерн. в этом театре отец одно время давал концерты.

саму клинику частично расформируют: по директивам Европейского Союза сумасшедших расселяют среди «нормальных». из таких пациентов и будет состоять коммуна в доме соседа слева. освобожденные от больных корпуса клиники перестроят в фешенебельное жилье. странный, думаю я, круговорот. достойный Иоселиани.

1 августа. «я смерти не боюсь, – утверждает Е., прямо глядя мне в глаза – мне не важно, сколько я еще проживу, главное – приятно и интересно... и не болеть годами!»



7 августа. Берлин. могила Брехта на кладбище района Доротеенштадт удивляет А. простотой. обелиск в память о Фихте – неизящностью и непропорциональностью, которыми он контрастирует с надгробием его жены.

8 августа. перед собором А. вчитывается в тексты на временных афишных тумбах – биографии под портретными фотографиями: артисты, музыканты,

режиссеры, художники. погибшие, совершившие самоубийство, эмигрировавшие, ушедшие в подполье в Третьем рейхе.

10 августа. центральный крест собора заменили новым, выкованным в Баварии. старый поместили на пустыре за АЗС: золотистый крест на земле, среди сорняков и камней. что это будет? храм зверей?

24 августа. в одной из своих статей А. цитирует Барта: «пишешь, чтобы тебя любили, но оттого, что тебя читают, ты любимым себя не чувствуешь».



12 сентября. Мюнхен. раз тридцать прослушиваю заключительную сцену «Дона Джованни» Моцарта в разных исполнениях, сравнивая интенсивность наводимой жути. останавливаюсь на записи 1953 года: Фуртвенглер–Сьепи–Эдельман. «Don Giova-a-anni a cenar teco m'invita-a-astì, e son venu-u-uto-o-o...»

20 сентября. письма молодого отца на имя матери. неотягощенность, наглость до беспардонности, сохранившаяся на всю жизнь, тяга к театральному действу – он развлекал свою публику песнями, пьесами, сказками. не умея молчать, он был прирожденным конференсье (чтобы не сказать балагуром). дед – красавец в юности, вскоре ожиревший, вел переписку с начальством без оглядки. конфликтует с властью, он на два года, с мая 1937 года по май 1939-го, уехал из страны. куда? и каким образом он «уладил» свои дела в Германии? после войны с бескомпромиссностью журналиста, бесстрашием летописца он фотографировал ГДР, с горечью констатировал прогрессирующий развал.



11 октября. Берлин. продавщица обувного усеяна пирсингом, выражена в лилово-черное, колготки искусно порваны. что было немислимим двадцать лет назад, теперь, считаясь шиком, культивируется в публичном пространстве. невозможное становится правилом, заодно теряя прелесть запретного.

магазин одежды. голос из соседней кабинки, с украинским акцентом: «это – мои жиры». – «нет, мам, ткань такая, не спорь со мной! я куплю тебе!» – «вот эта более шире, чем та...»



17 октября. Мюнхен. замерзая, на велосипеде по окрестностям. низкое солнце над полями погружает стебли озимых в холодный зеленый цвет, вере-

ницу деревьев – в лучистый желтый. в лесу ни налево, ни направо не смотрю, лишь под колеса: объезжаю камни. выбравшись на незнакомую улицу, мы плутаем кругами. бабка-баварка подсказывает общее направление, оборванец в спортивных штанах, с венгерским акцентом – дорогу.

24 октября. «шведские травы? – уточняет продавец лавки трав, – лучше не стоять не на немецкой водке, а на русской: она мягче. – кредитную карточку не принимает: только наличными». я открываю кошелек: «если наличных не хватает, могу и отработать». продавец: «милости просим! у нас работы хватает».



28 октября. Берлин. чем отличается берлинское подземелье от мюнхенского? большей суровостью и пущим весельем. как и сам город.

В. хочет купить этюдник у старика в Дюссельдорфе. я звоню старику. он: «по почте? нет уж, вы за ним приезжайте! для меня отправка по почте – куча дополнительных расходов. да и подходящей коробки нет у меня... что? в магазине искать коробку? завернуть? нести на почту? вы знаете, сколько стоит час моей работы?» – может, предложить ему еще и оплату сапожника? а вдруг у него протрут подошвы? о наших расходах на бензин он что-то не беспокоится.



Булькина гора меняется, могилку все труднее найти. спустившись с холма, мы огибаем поле. пробираемся сквозь заросли, подходим к кромке леса. в прошлом году его не было, что-то посадили быстрорастущее, сплошным частоколом. «удерживать снег, – догадывается В., – влагу то есть». в косых лучах солнца сельчанка гуляет с тремя собаками. придерживает их, пока мы минувем ее, улыбается. собаки следят за нашими движениями.



6 ноября. Мюнхен. лето в ноябре.

9 ноября. умерла старушка из домика рядом с психами. соседка справа владеет информацией: «дом снесут, вырубят сад, построят шестиквартирную „городскую виллу“».

13 ноября. метро. со скамейки сумасшедшая на всю платформу выкрикивает неразборчивые жалобы. от нее отодвинулись, она на своей скамейке, как на острове, с него и кричит, но сколько бы она ни кричала, ее никто не слушает.



22 ноября. в обеденном небе кружит вертолет, зависает над домом. около машины появляются двое мужчин в вязаных шапках, спортивной одежде, обходят ее, что-то обсуждают. сфотографировав их через окно, я выхожу: «могу ли чем-нибудь помочь?» «полиция, – тот, что меньше ростом и моложе, предъявляет корочку, – у нас есть кое-какие вопросы». – «спрашивайте». – «машина ваша?» – «моя. а что?» – «да так, стоит, а на ней – берлинский парковочный стикер». – «берлинский, да. что случилось?» – «был взлом». – «вы ищите взломщиков с помощью вертолета?» – «вы ничего не заметили... такого?» – «нет, не заметила. я, правда, встала не особенно рано, – старше который, подтянутый, ухмыляется. в самом ли деле они полицейские? я корочку толком не разглядела. – машина моя». попрощавшись, они не спеша уходят дальше ловить воров. вертолет тарахтит над парком. я собираю вещи и уезжаю в Регенсбург на открытие учебного года в Высшей школе католической церковной музыки.



29 ноября. Мюнхен. в холодильнике пусто, на улице дождь.

8 декабря. «я избавилась от метастаз, – радуется Е., – неуставленным путем. мы с мужем съездили к целителю в Австрию. целитель на телефонные звонки не отвечает, электронного адреса у него нет. мы прождали много часов в его приемной. когда зашли к нему, он сурово отметил, что мы не записаны. „мы приехали издалека“, – пискнула я, на что он: „имя? фамилия?“ – оробев, я назвала себя. „ваши метастазы, – объявил он, коротко взглянув на меня, – вреда вам уже не нанесут“. обследование показало, что он был прав – они исчезли».

18 декабря. «однажды, – вспоминает коллега-американка, – мы с дочерью сходили в театр. я, страшно уставшая, задремала, моя голова откинулась назад, и в момент абсолютной тишины в зале я всхрапнула. проснулась от храпа, испугалась и... засмеялась. моя дочь стыдилась и злилась, но я не могла прекратить этот смех. сидела в кресле и корчилась. oh, my god!»

19 декабря. иней с утра и свет, и птицы – одна, две, три, десятки, зеленогрудых, краснощеких, налетают на сад, подергивают, переворачивают подмороженную опавшую листву. в кормушке, подвешенной к орешнику, клюют зерна. мелькают на траве, дереве, изгороди. налет как начался, так и закончился, и снова их нет.



24 декабря. Берлин. В. с аукциона в интернете купил корзину с красками, разбавителями, закрепителями, кусками холста. забрать до часа в Мальсдорфе, в «КУПЛЯ-ПРОДАЖА», заехать во двор. полная женщина с жиденьким хвостом зазывает в лавчонку. тихий дедуля наливает нам в белые с синим узорчиком чашки глинтвейн, в коридоре скучает ребенок в меховой шапке. женщина продает старье, по заказу ищет товар, держит в уме, кому что нужно и где что видела. запоминает, на удивление заказчиков, их фамилии. «с Рождеством и Новым годом!» – чокается семейство и опускает жалюзи на окна магазина: наступил заслуженный отдых.



28 декабря. в пасмурную, непрогулочную погоду мы с М.¹⁸ едем в Гранзе полюбоваться воротами Лжевальдемара, памятником королеве Луизе, хорошо сохранившейся городской стеной, за которой – сады, огороды, в них – куры. «а нет ли у вас такой традиции, когда выезжаете на природу, разводить костер, жарить шашлыки?» – интересуется М., когда мы доходим до мрачного озера, на берегу которого – согнутые ветром деревья. «посмотри, – силится отвлечь ее от мыслей о еде В., – какой цвет, какие оттенки!» М., бывшая жена ростовского художника, к красотам глуха: «...или, например, сходить в кафе?»

у хлебного лотка в продуктовом М. залпом съедает две булки, кассиру на пальцах указывает: «два. two то есть. two!»



30 декабря. Берлин. по улице идут двое, один другого гладит по заднице, тот не возражает, но на всякий случай оглядывается. увидев меня, делает первое замечание и слегка отстраняется. жаль.

31 декабря. перед входом в магазин привязаны две одинаковые собаки: вест-хайленды. куда поворачивает голову одна, туда и другая – прямо, направо, налево.

на кладбище района Доротеенштадт я фотографирую могилу Гегеля. В., встав за надгробным камнем, кривляется: жестикулирует, приставляет растопыренную пятерню ко лбу: мыслитель!

«какие желания на Новый год?» – спрашиваю я, поднимая бокал. «уволься с работы! – не задумываясь отвечает В. – в следующем году будешь в Берлине!»

18 Приятельница В., постоянно проживающая в Америке.

2014

1 января. первый день в новом году всегда пустой. затишье в преддверии чего?

4 января. в универмаге новая продавщица: малорослая кривоногая чеченка. сияет улыбкой в брекетах. братья, дяди в Москве, занимаются бизнесом. нет, экономического кризиса не почувствовали. сама она закончила школу в Германии.

в обувном отделе шалают собаки. в шапочном я напяливаю цилиндрической формы красный убор. иностранец, консультирующий свою подругу, в зеркало увидев меня, корчит гримасу, закатывает глаза, таращится в упор: «не надо!» – смеясь, я срываю шапку, иностранец, осклабившись, отступает.

4 января. на пересечении Унтер-ден-Линден и Фридрихштрассе на тротуаре сидят попрошайки, перед ними расставлены картонки с надписями: «НА ПИВО», «НА ВИНО», «НА ВИСКИ», «НА КОТА». прохожие выбирают, на что дать. монетки распределяются примерно поровну.

часа через два мы снова проходим мимо них. картонку «НА ВИСКИ» заменили другой: «НА КОСЯК».



8 января. Мюнхен. на Мариенплац проводит митинг антииммигрантская партия. в микрофон зачитывают суры из Корана, предупреждают об опасности, исходящей от ислама, призывают подписать прошение о запрете строительства мечети в центре города. выступающим криками пытаются помешать молодые левые, девушка восточной внешности над головой держит плакат с требованием остановить правых, уважать свободу вероисповедания.

11 января. продавец подрамников встречает меня в дверях квартиры. высокий, седовласый, в очках. угрюмый, с плаксивыми интонациями. я протягиваю ему десять евро, он от них отказывается. я: «деньги не мои, а приятеля». «цена была условной – один евро. – я лезу за монетой, он: – оставьте. подрамники тоже не мои, рад избавиться от них, они захламляли подвал». – «спасибо. лифт рядом?» – «да». я вызываю лифт, беру пару-тройку подрамников, тащу их до лифта, возвращаюсь к квартире, дверь лифта закрывается. продавец: «я заблокирую дверь. нести ничего не могу». – теперь я вижу, что руки он держит перед собой, в одном и том же положении. и никак не вспомню, что он сделал, когда я подала ему свою.

в багажник помещаются не все подрамники. рядом с машиной встает мужичок: «мда, велики...» «придется разобрать», – констатирую я. мужичок не дурак, быстро удаляется.



1 февраля. вооружившись устаревшей картой родного города отца Плауэн, я отправляюсь на похороны последней его тети-долгожительницы – ей было девяносто три. крепкое было поколение. Плауэн радуется хорошей погодой, и я жалею, что нужно спешить, но без дела я бы вовсе не приехала. с центральной улицы сворачиваю налево, у церкви направо и снова налево. в цветочной лавочке меня ждут заказанные розы на хвойных ветках, их связала приветливая хозяйка.

около входа на кладбище собираются родственники. процессией шуршим по снегу. в землю опускают цвета яичной скорлупы урну с пеплом. меньше ли в ней нещадности, чем в гробу? священник, знавший тетушку девятнадцать лет, называет ее так же, как при жизни, – «госпожой молодой», по состоянию души, по, несмотря на решительность характера, смиренному и легкому нраву. «прощай, – говорит, – милая подруга». с каждым умершим уходит кусок тебя.



8 февраля. Мюнхен. в кормушку для птиц забралась мышь. усевшись в корм, подбирает зерна, крутит их передними лапками, обгрызает. я хватаю фотоаппарат, снимаю ее со стороны гаража. мышь, заметив меня боковым зрением, продолжает жрать, дрожа. когда я обхожу кормушку, она бросает зерно, вытягивается во всю свою длину, цепляется за верхнюю кромку стеклянной стенки, расплывшись, пролезает в щель. спрыгивает с орешника, шныряет в гараж. виден уже только хвост. борясь с внезапным приступом тошноты, я завожу разговор с соседкой справа.

9 февраля. град со снегом. внезапным, резким шквалом.

13 февраля. среди документов родителей – альбом матери с путешествия автостопом в Израиль – через Италию, Грецию, Турцию, Сирию. южноафриканский альбом отца, его записки о семейных историях. выведенная отцом с бабушкой надпись на торте ко дню рождения матери отца, проявившей с того утра особую упертость: «СОПРОТИВЛЕНИЮ!», первая сигарета, первая выпивка. искусство чистки обуви, которым в совершенстве владел двоюродный брат, воспитывавшийся похороненной в Плауэне тетей. близость отца к его матери, возникшая лишь к концу ее жизни, когда она, обездвиженная болезнью, лежала в его доме в ожидании смерти.

17 февраля. «восстанови их могилу! – предлагает В. и в самом деле – зачем отец отрекся от могилы своих родителей? в целях какого-то освобождения? – крест поставь, хоть самый простой».

28 февраля. в кладбищенском управлении седой дородный усач. баварский чиновник, медлительный. «могу присесть? – спрашиваю я и уже сажусь на стул перед его столом. – хочу, – объясняю, – оживить могилу, так сказать, – усач смеется, – дедушки по отцу и его жены, матери отца. на днях я позвонила и узнала, что место свободно, никто на него не претендует». – «можете его купить, – подтверждает усач, проверив наличие в своих толстенных папках с отсеками кладбища, – арендовать то есть, на пятнадцать лет. установить разрешается надгробную плиту или железный крест». на фотографии семьи у могилы тогда еще прадедушки и дедушки, снятой в конце шестидесятых годов, усач, запутавшись во временах, в моей матери распознает меня. «да не-е-ет, – отмахиваюсь я, – вот где я! – и показываю на присевшего на корточки карапузика в съехавшей набок великоватой шапочке. – и я ведь была молодой!» – «эх, – вырывается из усаха, – мне бы внука! моему старшему двадцать восемь, но пока никак. я сам своей бабушки не застал. так хочется до внуков дожить!» – в левую дверь заходят могильщики, один, затем второй, черные, как вороны. неистраиваемая скорбь, как печать, наложила на их серые физиономии. тяжело вздыхая, они вытирают пот со лба. «ну, я пошла, – сгребая я свои бумаги, – большое вам спасибо!» «до свидания».

«крест! – решает В. – конечно, крест».



3 марта. Берлин. в продуктовом. мальчик егозит в коляске, барахтается, юный отец, выбирая йогурт, просит отпрыска сидеть спокойно. называет его, непривычно для немца, «сладеньким». рядом – другая коляска с чумазой девочкой, молчащей как пень. что ей внушает ее смуглая маман, мне не понятно.

4 марта. «я ищу следы бабушки, – поверяет мне Ю.¹⁹, – в войну ее на принудительные работы увезли в Германию». вернувшись на родину, о годах, проведенных в неволе, бабушка предпочитала не распространяться, в том числе о том французе, от которого родила отца Ю. в разговоре с матерью Ю. бабка как-то упомянула имя француза, но мать Ю. имя не запомнила, и оно утеряно. по интернету мы отправляем запрос в поисковую службу в Бад-Арользене, авось отроют что-нибудь, какую-нибудь крупницу информации. у Ю. синяки под глазами: «надежды мало. но... дай бог».

8 марта. в галерее открывается выставка мужа Ю. пришел и Х.²⁰, пьяный в дупель, благодушный, мягонько пожимает мне руку, с интересом смотрит

19 Коллега по кисти В.

20 Муж галеристки В.

в лицо. я называю себя по имени, Х.: «а-а-а...» В., оборачиваясь к Ю. с мужем: «шутка! они давно знакомы». Х.: «э-э-э?» я: «мы с вами виделись раз пятьдесят». Х.: «о-о-о...» в синей куртке и узорчатом шарфе он сливается с картиной мужа Ю. от пирожного Х. не отказывается: «знаете ли – пост, но... не могу!» на улице он боком влезает в желтую машинку, за руль которой садится его сын – худой, со стальными зрачками, студент престижного английского вуза. мы с В. отъезжаем на велосипедах, нам вослед несется муж Ю.: «вы забыли цветы!» – сегодня восьмое марта.



9 марта. на Булькиной горе пробуждается природа. тишину прерывают поднимающиеся в небо модели самолетов. бродя по лесу, мы в чаще деревьев обнаруживаем стайку оленей. под корнями – лисью нору. в поле – мощного зайца, сверкающего лапами и задом.

в близлежащем городке – слет олдтаймеров. друг за другом они вырывают на трассу, ухоженные, широкие, блестящие как круизные лайнеры. у автомойки – мечеть. за забором щиплет травку грязноватая белая лошадь.



13 марта. Мюнхен. киевский ученый жив. я нашла рабочий телефон его отдела в интернете. «Катя!» – восклицает он, по прошествии двадцати трех лет впервые услышав мой голос. рассказывает о сыне и внуках. жалеет о сотне людей, погибших на Майдане. как поживает сам, не говорит.

21 марта. плюс двадцать один. на кладбище сажаю первоцветы. за оградой, в районе русского собора, проходит народный праздник, доносятся звуки музыки. однообразное ускоряющееся бум-бум напоминает незатейливый веселый блуд – жизнеутверждающе.

23 марта. снег с дождем. дождь.

24 марта. снег.

25 марта. капель.

27 марта. птицы.

29 марта. «я заслужил отдых», – улыбается продавец строительного магазина с неразгадываемым акцентом. сменяет красную жилетку на синюю куртку и уходит домой.

30 марта. солнце. воздух. река.

31 марта. трава, земля.



4 апреля. Берлин. обувной. «дылда» (выражение В.), примеряя сапожки, раз-
машито вертится перед зеркалом, потопывает ногой, затем будто цирку-
лем описывает сегмент. скорчив недовольную гримасу, в своих стоптанных
башмаках покидает магазин.

5 апреля. галерея в бывшей женской гимназии показывает крупноформат-
ные фотографии племен, народностей, коренных жителей разных стран.
живописно позируют африканцы, обмотанные пестрыми тканями. за фо-
тографию просят 119000 евро. получили ли аборигены какое-нибудь воз-
награждение?



7 апреля. на автобане по дороге в Мюнхен у машины отрывается поворот-
ник. слетает и исчезает. плохо прикрепили в мастерской. до дома доезжаю
без. из дырки рядом с правой передней фарой торчат проводки.

11 апреля. у врача. врач: «на что жалуетесь? — я начинаю докладывать, он
перебивает меня: — фамилия?! — я называю свою фамилию. врач: — ну?! —
я предъявляю больное место. врач, кратко посмотрев: — это (произносит
медицинский термин)». я: «от чего такое появляется?» врач: «а неизвестно».
я: «что делать, чтобы впредь такого не было?» врач: «ничего сделать нельзя.
одних поражает, других — нет». — у меня скептическое лицо. врач: «как го-
варивала моя бабушка: „кто не хочет болеть, тому умереть молодым“». —
на этом мои вопросы исчерпаны.

12 апреля. садовое хозяйство. доброжелательный старик (владелец): «чем мо-
гу вам помочь?» я: «мне лаванду и айву». «айву вам покажут, а лаванду выби-
райте сами». — «где?» старик, рассеянным жестом охватывая море горшков
с разными видами растений: «здесь». я (растерянно): «а...» — отходя к гряд-
кам с кустами, старик пугает. внятно так, без обиняков.

13 апреля. газ дорожает, может, заменить старое деревянное окно на но-
вое? ему как-никак лет сорок, и оно никоим образом не соответствует со-
временным стандартам теплоизоляции. я звоню в оконную фирму.
утром приходит задумчивый парень приятной пухлости, розовощекий. кур-
чавый чернявый купидончик. замеряет оконный проем, расписывает пре-
имущества стеклопакетов — с двойным стеклом, с тройным. обещает сего-
дня же составить смету. оставляет за собой облако духов.

вечером по электронной почте присылает смету с благодарностями за «любезный обход». его имя – Волкан.

15 апреля. шефиня мастерской по изготовлению памятников, решительная шатенка в красной кофте и черных очках: «сюда не садитесь!» «?» – «пыльно потому что. сидел каменотес». я сажусь в кресло рядом с испачканным. обогнув левую тумбу массивного письменного стола, с трагическим взглядом подходит темная собака, боксер, кладет печальную морду мне на колени: «утешь!» владелица мастерской: «что вас интересует?» «железные кресты». «кованные? есть каталог...» она роется в бумагах на столе. трезвонит телефон, она: – да?!» – найдя каталог, протягивает его мне. пока она ведет свои переговоры, я листаю его. наконец она кладет трубку, я тычу пальцем в понравившееся мне изображение: «этот. со временем не заржавеет?» она (твердо и сухо): «не беспокойтесь. этот крест вас переживет».



17 апреля. из центра Штутгарта (Мадонна, попирающая полумесяц, сад с угловатым озером и зад театра) мы с В. и его двоюродным братом едем в Людвигсбург, отличающийся от Штутгарта как Потсдам от Берлина – домами, стоящими не сплошной лентой, а отдельно, с разрывами. в магазине «ОПТИКА», опасаясь кражи, за нами пристально следят. в продуктовом мы покупаем цветы (дяде на день рождения) и бутылку вина (тете). на территории дворцового парка брат подбивает нас перелезть через забор. обследовав оный около ворот, ликующе заявляет: «тут кто-то уже лез! – оживленно рассказывает о добыче сапог (другу в подарок): – снял с другой пары обуви ценник со скидкой, приклеил к сапогам и отправился с ними в каску – никто не допер».

вечером включают российское телевидение. возмущаясь способом подачи информации о событиях вокруг Крыма, я навлекаю на себя удивление всей семьи. «они ведь за... власть», – просвещает меня, потом, В. «и что? ОН – бог? я оскорбляю их религиозные чувства?»

граффити на стене Нового дворца: «ЖИЗНЬ, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» – приписка внизу: «И Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, СУЩЕСТВО!»



18 апреля. утром пасмурно. позавтракав под оловянными тарелками над кухонным столом, мы посещаем огород – плотно посаженный овощами, фруктовыми деревьями и ягодными кустами участок в десяти минутах ходьбы. уезжаем в Дармштадт забрать мольберт, купленный В. в интернете.

художник-продавец за укладыванием мольберта в машину наблюдает с тоской (сколько ненарисованных картин...). со вздохом прощается, идет гулять

с детьми. мы оставляем машину на месте, чтобы ознакомиться с районом конца XIX века пешком. наискосок – ухоженный парк со старыми платанами, в парке – французский сад, в саду – игривый двухэтажный с флигелями летний дом с библиотекой. украшенный рисунками-орнаментом фасад. далее – дворец. и памятник всенародно любимой принцессе Элизабет. в круглой церкви напротив современно оформленной театральной площади, на которой расположились городские бомжи, выставляют полотно гэдээровского живописца – искусство добротное, методичное, немного дубовое. от дождя со снегом мы прячемся в подъезде. куртки на нас легкие и нет зонта. от осмотра восхваляемого стиля модерн мы отказываемся.



в Мюнхен мы едем через Вюрцбург, где обходим церковь за церковью, но никак не можем найти ту самую, нужную. оказавшись наконец перед ней, мы с разочарованием осознаем, что скульптуры Рименшайдера убрали в музей, а по сторонам портала поместили копии. церковь закрывается в момент нашего прибытия, и нас не пускают внутрь. зато в соборе Рименшайдер есть в оригинале – три апостола, которых вписали в песчаную раму, перекрывающую их бока. на фонтане у Резиденции фигура его самого с Грюневальдом и Фогельвайде образует триединство скульптуры, живописи и музыки. в темноте на автобан.



20 апреля. Мюнхен. сколько на кладбище железных крестов! прежде я их не видела за каменными надгробиями. кресты витиеваты – наподобие кованых оград. чем больше витиеватости, тем меньше мистического пафоса. у кого-то над латунным распятием, прибитым к деревянной доске, растет высокий куст шиповника, у кого-то кроме имени-фамилии есть эпитафия: о том, что «и в следующем году вновь будет цвести дрок» (по-итальянски), о «разном сроке хранения» (по-русски), об иллюзорности существования (по-немецки, с опiskой в конце слова «Existenz»: «Existens»).

5 мая. у машины блокируют тормоза. сломался, как сообщают мне в мастерской, один из датчиков антиблокировочной системы. что было бы, случись это на автобане? мастер пожимает плечами: «зачем гадать?»

18 мая. котлован вместо домика старушки, как бассейн «Москва». от сада ничего не останется – узкая полоска за «городской виллой».

19 мая. плотник весел, расслаблен, хитер. и крижист. шерстяные носки в ортопедических сандалиях, на рубашке красным шрифтом название фирмы. панорамное окно предлагает заменить трехстворчатым: «панорамное тяже-

ло носить». балкон, по его мнению, идеально бы срезать и приделать новый, пошире, с опорой посередине, чтобы не обвалился. «то есть из трехстворчатого окна мы будем смотреть на опору?» – уточняя я. «можно поставить не одну опору, а несколько и застеклить – будет зимний сад». – «хм...» – «все теперь пристраивают зимние сады», – «ну нет, городьба». – «и правильно. впрочем, вопрос: во скольких местах одновременно можно сидеть? один мой приятель обставил комнату в стиле крестьянской горницы – уютненько, спору нет. посиживали в этой комнате, отмечали праздники... потом оборудовали зимний сад, сейчас проводят время в нем. «а в горнице?» – спросила я у него. «полеживает пес. – ответил он, – ему нравится».

20 мая. утро начинается со звона стаканов в шкафу. еле продрав глаза, я вылезаю на улицу. в глубоком котловане, занимающем весь участок от края до края, ручным катком выравнивает грунт старик с толстовской бородой.

«а вы знаете, сколько лет экскаваторщику?» торжественно спрашивает сосед справа. «не знаю». – «семьдесят восемь! он был уже на пенсии, бывший работодатель уговорил его вернуться». – «пенсии не хватало? скучал?» – «представьте себе, какая тупая работа – взад-вперед, взад-вперед, ковш поднял-опустил, и... взад-вперед... а что вы думаете по поводу Украины? я считаю неправильным вмешательство Европейского Союза во внутренние дела России». я (недоуменно): «какие внутренние дела?» сосед: «Украина всегда была российской территорией!» – не имея никакого отношения ни к Украине, ни к России, сосед не на шутку расходится. орет на всю округу. я: «когда-то была. сегодня это – суверенное государство». сосед: «они спятили! – захотели независимости. да кто они такие? у них против России нет ни малейшего шанса!» «и что – это оправдывает попытки раскола, в конце концов, захват? и что было бы, если бы немцы требовали назад Восточную Пруссию? была, мол, нашей и будет. Польша, ЕС, международное сообщество отнесутся с пониманием?» сосед осекается. «папа!» – кричит кто-то из-за забора, показываются две светлые кудрявые головы: дочь и голдендудль²¹. «суверенное государство – ха!» – бурчит сосед, шлепая к калитке.

мастерская по изготовлению памятников. шефиня за столом, с телефонной трубкой в руках. перед ней посетительница лет пятидесяти, раздавленная горем по почившему отцу. собака боксер на мате в углу. лениво поднимает бровь, поворачивая на меня глаз. хорошенько поразмыслив, медленно встает, не спеша подчапывает, обстоятельно обнюхивает мое ведро, пакет, залезает мордой: тряпочка, лопаточка, садовые ножницы, жрать нечего. фыркает и снова нюхает, а вдруг все же отыщется... что-нибудь. бросает на меня грустный взгляд, отворачивается и цокает обратно на мат.

21 Порода собак.

21 мая. в метро под Мариенплац повесили рекламу, на которой белым цветом выделены четыре буквы GRAB²². фотография скейтбордиста подписана объяснительным текстом: «прием „grab“ требует особой ловкости. нужно ногами оторвать доску от земли и удерживать ее в воздухе, при этом схватывая ее рукой». оказывается, что в немецкий текст вставлено английское слово „grab“ – быстрое хватательное движение.

в институтской аудитории на доске алым фломастером выведено: «Смерть в Венеции». студентка приносит сборник стихотворений Шевченко. ей обещали, что на празднике отделения я прочту немецкий перевод одного из них. студентка уходит, я раскрываю томик на странице, заложенной бумажкой: «як умру, то похороните».

может, хватит уже?

28 мая. мастер номер два. рослый, спортивный, коротко стриженный. в традиционном костюме – черные брюки клеш, двубортная куртка, золотые пуговицы, круглая широкополая шляпа, которую он не снимает и в доме. зато перед входом на грубые ботинки нацепляет бахилы из красной ткани – рекламная уловка, довершающая его клоунский наряд. в руках – объемистая папка в деревянном переплете: фотографии удачно перестроенных объектов, письма благодарности от довольных заказчиков. «рядом шестеро мужчин, и вы тут одна девушка?» – «ко мне приятель приезжает. дом называет холодильником». идеи по переустройству у этого плотника менее радикальны чем у конкурента, но доверия к нему меньше. слишком уж он услужливо-дружественен. вызвать, что ли, третьего?

6 июня. в выходные строители отдыхают и наступает наконец деревенская тишина, прерываемая лишь жужжанием насекомых и пением птиц. на балконе тепло. в саду цветут маки.

7 июня. по улице за домом педали громоздкого желтого велосипеда крутит жирная почтальонша – спасается от собаки, с лаем преследующей ее. классика.

выхожу заглянуть в котлован. на краю котлована знакомлюсь с соседкой, живущей по другую сторону его. старушкой-одуванчиком восьмидесяти девяти лет.

«я, – рассказывает она, – судетская немка. мы жили в Эгерланде, ниже реки Эгер. нас прогнали после войны. часть семьи попала в Мюнхен, другая – в Гессен. немцы селились в Богемии семьсот лет, их пригласили во времена короля Оттокара. они основали Прагу, об этом почему-то часто забывают. я читала исторические источники, еще в XIX веке удивлялись, что „в Праге нынче некоторые стали разговаривать по-чешски“.

22 Созвучно с *Grab* – могила (нем.).

последний раз я была в родных местах два года назад. я всегда любила путешествовать, но мне в моем возрасте ездить затруднительно – плохо вижу и слышу. одна теперь не смела бы, но если бы кто-нибудь поехал, составила бы ему компанию!

я понимаю, что жить на своей родине уже не могла бы, у меня там не осталось ни родственников, ни друзей, и никто в Богемии сейчас не владеет немецким языком. а сюда приезжает все больше народу, электричка вечно забита людьми. зачем их пускают? где им жить? для чего они здесь?

да, мы кричали „хайль“, и знаете, почему? потому, что к немцам в Чехии относились как к гражданам второго сорта, немцев, к примеру, выгоняли с государственной службы. мы надеялись на Гитлера как на освободителя. чем эта история кончится, мы предвидеть не могли.

Грех – убить человека, но уму непостижимо, как он уходил от покушений. вблизи Мариенплац я увидела памятную доску Эльзеру²³. его зверски казнили. всего полчаса, и он избавил бы всю страну, Европу! а офицеры? Штауффенберг²⁴ и иже с ним. как жаль, что у них ничего не получилось.

но англичане, скажите, зачем бомбили жилые кварталы Дрездена? какая в этом была нужда? а английская королева хоть раз попросила прощения? чем я старше, тем сильнее скучаю по родине».

8 июня. ворона страшнее будильника. ворона не выдыхается.



решили съездить в Мурнау осмотреть дом Мюнтер и хранящиеся там произведения Кандинского, но не доедем: в пробке по пути на автобан загорается лампочка, предупреждающая о поломке антиблокировочной системы. машину паркуем на обочине перед стройкой, за церковью, некогда образовывавшей средоточие деревни: Мария-Рамерсдорф. клочок старины в окружении магистральных дорог. к кованой решетке, отделяющей случайного зеваку от ценностей интерьера, изнутри приделан железный ящик для пожертвований, над ним поблекшая табличка: «по одному пфеннигу за каждый километр, проезженный без аварии». В.: «так развивается зависимость!» около церкви кладбище, на могилах вместо надгробных плит колонны. колокольня, майское дерево²⁵, окрашенное бело-голубой спиральной полоской.

23 Иоганн Георг Эльзер, плотник, совершил неудачное покушение на Гитлера в 1939 году.

24 Клаус Шенк фон Штауффенберг, полковник Вермахта, один из основных участников группы заговорщиков, осуществивших неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года.

25 Столб, ежегодно устанавливаемый к Первому мая.



центр Мюнхена, церковь Святой Анны. ангелы братьев Азам. в вестибюле скульптура святого, несущего крест с распятым Христом, тот словно с любопытством уставился святому в лицо. церковь Святого духа около Виктуалиен-маркт. фрески тех же братьев Азам, под сводами легковесная инсталляция из бумажных птиц. напротив синагоги В. засыпает. у Людвигсбрюкке окунается в реку. ко мне, стерегущей на берегу его вещи, подгребают смуглые иностранцы. «сегодня, – говорит В., выходя из воды, – я почувствовал лето».

10 июня. продавец строительного прихрамывает на левую ногу: много ходит по магазину. «нить? попробуйте в седельной мастерской. я там работал раньше. вот была тяжелая работа! физически». – «тяжелее, чем тут? лучше ходить?» – «лучше».

«а наклейки „НЕ КУРИТЬ“ у вас есть?» – «были. коллеги их выбросили, они – курильщики». к кассиру обращается толстяк в тесной майке и коротковатых штанах: «где найти хлопюшки для мух?» – маслянистым взглядом перекальзывает на меня, двусмысленно улыбается. я делаю ноги. крылышки.

11 июня. планировали уехать в Берлин, а машина в ремонте. в автомастерской допустила оговорку, вместо «Bremsklötze» (тормозные колодки) сказала «Bremsklöppe» (тормозные клецки). угрюмый мастер расхохотался, нежданно-нечаянно. венгр, кстати говоря.

затоварившись провиантом еще на пару дней, мы ранним вечером на велосипеде добираемся до озера. озеро небольшое, ухоженное, вокруг него, разметая пешеходов, проводят велокроссы, бегают, выгуливают собак. девочка лбызается с отцом, мать волочит сумки, набитые скарбом для отдыха.

14 июня. уборка антресолей над гаражом – завалы бумаги, картона, полиэтиленовой пленки, изъеденной мышами.



15 июня. забрав машину из ремонта, мы едем в Мурнау. в его окрестностях отец лет десять назад предложил подарить машину мне: «садись за руль!» я отказалась: «велика для меня». «ерунда, – отмел отец, – садись!» нынешние машины вдвое больше, и моя-отцовская по сравнению с ними на глазах превращается в махонький элегантный олдтаймер.

возле прудика с золотыми рыбками мы карабкаемся наверх. перед входом в дом Мюнтер круглый цветник. вид на городок с церковью на противоположном холме. когда они жили здесь, построек в долине не было, их «русский» дом стоял на отшибе. теперь он дом-музей с оригинальной, раскрашенной самим Кандинским мебелью, репродукциями картин, написанных с комнат, и, для сравнения, фотографиями обстановки того времени. пояс-

нительными текстами. под потолком узорная лента. «типичная русская дача, – определяет В., – летний дом», – но Мюнтер обитала в доме постоянно, в том числе зимой.

аллея, поля и горы. пышно отделанная часовня. до города по кругу, вдоль заборов бывших крестьянских хозяйств, преобразенных в пансионаты. в саду роскошного отеля дежавю: скульптура Т. Крэгга. такие колбасообразные наслоения мы недавно видели в одной из берлинских галерей. хорошо, должно быть, зарабатывает хозяин этого заведения, раз может позволить себе такую декорацию. В. оценивает скульптуру в сотни тысяч евро.



18 июня. Мюнхен. сосед справа – пенсионер. заниматься ему особо нечем. каждый день он подходит к котловану через дом и наблюдает за ходом строительных работ. рассказывает: «утром приехал инженер. зашелся в истерику, устроил разнос прорабу. уехал. прораб, здоровенный взрослый мужчина, стоял и плакал как ребенок, – разжалобился черствый сосед: – зачем его так? бедняга!»

19 июня. сегодня – 50 мая.



20 июня. докатив, с перерывом в полях около Видемара и прогулкой по ним, до Берлина, мы забредаем на первый попавшийся вернисаж. и натыкаемся на произведение Мюнтер: телега на фоне сарая. зачем мы уехали из Мюнхена?

21 июня. первый день лета... и вечер первого дня.

22 июня. на Унтер-ден-Линден восстанавливается Берлинский городской дворец, снесенный после войны. воздвигается, вернее, его копия. над водой – громада собора с бьющим фонтаном и сумрачный Старый музей. на танцплощадке у музея Бодэ спокойный старик с молодой брюнеткой выше его на полголовы. он ее уверенно водит, несуетливо – учитель? В. любит на них смотреть, да и меня увлекает это зрелище.



23 июня. попутчик-американец: «candy-who? dinsky? never heard. is he important?» – зато он знает все о мотоциклах.

6 июля. в Мюнхене я демонтирую старый жалюзийный механизм. название фирмы-производителя: «Komarek». з-з-з-з-з, с-с-с-т, ж-ж...

7 июля. созрела смородина.

8 июля. и крыжовник созрел. а землянику уже съели.



13 июля. Оскар Кокошка смотрит в окошко. Вася Кандинский ни с чем не рифмуется.

Берлин. чемпионат мира по футболу. Германия в финальном матче побеждает Аргентину со счетом один-ноль. на улице – салют, армада такси и экзальтированное ликование. владелец итальянского ресторана от восторга опорожняет огнетушитель, обрызгивая проезжую часть улицы перед домом от тротуара до тротуара. взрыва радости зримые следы.



18 июля. завод фирмы БМВ в Мюнхене, в начале двадцатых годов XIX века возведенный на окраине города, сегодня соседствует с Олимпийской деревней. ввиду ограниченности места на заводе станки установили стык в стык. автоматизация доведена до крайности, в некоторых цехах нет ни одной живой души, одни роботы. они собирают детали и сваривают их между собой. кузова лакируют четыре робота, смонтированных по бокам конвейера. выполняя человекоподобные движения, они, закутанные в черную пластмассу, вертятся вокруг кузова, из сопла метко опрыскивая его. танец с пистолетом из-под паранджи. человек – помощник машины: подает, принимает – обслуживает. восхитительно и страшно.

перед Национальным театром русскоязычный гид объясняет группе туристов функцию Баварского ландтага и историю «Максимилианеума» – здания, приютившего Ландтаг в своих стенах. умалчивает о том, что дворец напротив Резиденции, в которой располагался филиал Германской почты, купил российский инвестор, оборудовав его под дорогие магазины, рестораны и элитное жилье. гид не в курсе или хранит секрет?

19 июля. чем дольше живешь, тем больше тех, кого пережил.

23 июля. мыши стали вить гнездо под капотом. в бывшем контейнере для постельного белья они соорудили современную мышиную многоэтажку – из упаковочного пенопластового наполнителя, рваной полиэтиленовой пленки, огрызков картона и бумаги. запах от гнезда оглушительный. разбирая его, я слышу жалобный писк. оплакивает ли мышь разрушенный дом, предупреждает ли сородичей об опасности? мышей не видно, но мне тревожно.

и еще: среди бабушкиного хрусталя. надеюсь, последнее.

потом я сажусь есть салат. зеленый салат оказывается похожим на мышиное логово.

невзирая на изрядную вонь, мыши мне в целом кажутся вполне милыми зверями. от пауков не воняет. смотреть на них неприятно... как и на тараканов. бросив салат, я охочусь за тараканом, бегающим по наружной стене около окна. пленяю его банкой. в интернете навожу справки: таракан безобиден – лесной. я отпускаю его.

25 июля. на территории бывшего аэропорта построили офисы, жилые дома, выкопали искусственное озеро, разбили регулярный парк. хвойные деревья, умеренно заросший газон.

среди полей отгорожен участок для любителей моделей самолетов. Вертолет размером с корову тарыхтя кружит над землей. комбайны убирают зерно, поднимая в воздух облака пыли, и кажется, что вертолет летит в пожар.



26 июля. за лесом скрывается Кастензеонер зе, которое можно обойти за полчаса. в деревне ангар-сарай, в сарае тюки: сено на корм лошадям. черный пес, сторожащий хозяйство и улицу перед ним. и холмик, с которого озираем небо, лежа на колючем лугу. колосья пшеницы и женщина на лошади, недовольно мотающей головой и будто норовящей укусить наездницу.



Штайнзе. ищем, с какой бы стороны подойти к воде. пока В. с сыном купаются, начинается гроза. молодые люди, таща по песку и корням тележку, раздают бесплатное пиво – рекламная акция местной пивоварни. пиво сладкое: смешанное с лимонадом.



Мюнхен. сын В. деду в Штутгарте на восьмидесятый день рождения купил подарок: наручные часы. заказал гравировку на заднике: «FÜR MEIN OPA» («моему деду»). узнав об ошибке, смеется: «зато вещь уникальная».



27 июля. и снова поля – под Штутгартом. в темноте по ним бесшумно сгигают коты. тени котов. замерев, выслеживают добычу. молнией бросаются на нее. над городом взрывается фейерверк.

28 июля. тетя В. знакомит меня со своей матерью. бабушка девяноста лет, родившись и выросши в России, десятилетиями прослужив учителем в русской школе, русских и русского языка категорически не признает. в Германии говорит исключительно по-немецки, в том числе в семье. строгая до суровости, она зачитывает мне семистраничный рассказ о своей судьбе. кончает бесконечно грустной песней о тоске по утерянной родине. рассказ она отправила в городские газеты, но интерес средств массовой информации к репатриантам давно прошел. если бы они получили рассказ лет двадцать назад, несомненно, напечатали бы его.



парк Монрепо. пикантная сценка: белый лебедь у ног голой статуи. ныряют утки, накрапывает дождь. развалины церкви на островке, запущенная зелень. я засыпаю на каждой скамейке, на которую мы присаживаемся отдохнуть с отцом В.

напившись бодрящего чая, на Мюнхен.



1 августа. Мюнхен. по дороге за город – кукуруза на камнях: столица Баварии расположена на щебневой равнине. уборка урожая и распыление пестицидов. тракторист, завидя нас, останавливается и пропускает. ядовитым душем не окатывает, и на том спасибо, но его картошку мы все равно едим.



4 августа. берег Хаймштеттнер зее. «голубая фея» (обозначение В.) с татуировкой на плече читает книгу. «фиолетовая фея» вся в черном и в темных очках, ничего не читает. читает мамаша худенького мальчика, нерешительно кидающего в воду камешки. две девушки-болтуны плавают наперегонки с пернатыми. в траве мы подремываем под шум автобана: не Карелия. крюками в парк на территории бывшего аэропорта и на возвышенность. с этой горки, покоряемой потеющими бегунами, турецкой бабкой в платке и вездесущими азиатами, мы обозреваем цепь хребтов на юге.



6 августа. на юг мы и едем: наметили увидеть Визкирхе, выдающийся пример единения разных видов искусств. по пути мы заглядываем в Бад-Тельц... и застреваем. центральная улица отличается крутым подъемом и эпической фреской на весь фасад одного из домов у памятника в честь павших в 1870–1871 году, повествующей об эпохальной драке между местными крестьяна-

ми и напавшими на них соседями. победу одержали местные, что логично, иначе бы драку не изобразили. «о, как мы им навяляли!» (В.).

в городской церкви упражняются на органе. неф небольшого храма за верхними городскими воротами отгорожен решеткой, и тут меня осеняет мысль, что это мы можем колесить от церкви до церкви, сравнивая одну с другой, а в прошлые века люди всю свою жизнь проводили в родной деревне, из года в год глядя на одно и то же убранство. убранство церкви, соответственно, и было важно – надо же на что-то смотреть во время службы. В. замечает, что луковичные купола в Германии есть только в Баварии. свидетельствует ли этот факт о ее особенной близости с Россией? «да просто с лукович хорошо снег скатывается».

к третьей по счету церкви на Кальвариенберг мы подбираемся сзади... и ошарашены – панорамой: город, река, небо и горные массивы вдали. церковь скомпонована из нескольких частей. в задней части на галерею ведет построенная по римскому образцу деревянная лестница, по которой полагается взбираться на коленах, замаливая грехи. помещение обвешано табличками с наставлениями, сколько раз нужно совершать какие действия для их отпущения. под алтарем в передней половине церкви скульптурная группа: ангелы, оплакивающие распятого, двое, указывающие на них. о сладость страданий.



после такой вершины нам какая бы то ни было четвертая церковь противопоказана. съез под дракой местных с соседями по мороженому, мы движем к Тегернзе. по нему, стоя на досках, гребут одним веслом (новейшее веяние спортивной моды, вдохновляемой водным транспортом полинезийцев), четверо детей с криками плещутся у причала. по брошенным полотенцам по-хозяйски прошлепывают докучные утки. у железной дороги оборудована детская площадка. небезопасно.



«оригиналы лучше», – судит В., вечером перекачав на компьютер снятые за день фотографии.

7 августа. центр Мюнхена. филиал почты из величественного кирпичного здания на Зонненштрассе перевели в неказистое строение рядом. в старинном магазине художественных товаров на Йозефшпитальштрассе В., изучив ассортимент, тихим голосом просит гуаши. девушка-продащица спешно докуривает ароматную сигарету, проводит нас к кассе. громогласно: «вы из России?» «да-да», – заминает В. «нас будут обсуждать», – предполагаю я, выходя из магазина. «мы спасаем честь нации, – считает В., – какие попались необыкновенные интеллигентки».

в ларек моронженщика без очереди ломится русская баба, императорским жестом выбирает три шарика, не утруждаясь даже перейти на английский: «вот-вот-вот!»

в Людвигскирхе напротив университета нас обдаёт темнота. молодой христианин, низкорослый, русский, в невзрачном сером костюме, стоя на коленях за первой скамьей, неистово молится. воздевая руки к кресту, мотает головой. руки складывает, опускает на них голову. рухнув на скамью, возобновляет мотание головой. поднимает ее наконец, вскидываясь на распятого, с расстановкой крестится, по-православному, справа налево, щепотью. влажными глазами мельком взглянув на меня, уходит. «ты спугнула его», — упрекает меня В. «я ни при чем, — возражаю я, — он сам».



8 августа. луга, поля, дома, железная дорога — как на картинке, и мы по этой картинке катаемся, на игрушечной красной машинке. в монастыре Бенедиктбойерн жаркий квадратный двор, роскошная церковь. потолочные фрески, скульптуры. над великолепным алтарем часы, как на вокзале. мощи Святой Анастасии. ее череп, по народному поверью, помогает от головной боли. в винном погребке выставка исторических находок. на кладбище при церкви часовня. зодчий Фишер, скульптор Гюнтер. ангелы, объединяющие неземную духовность и земной соблазн. строка из Библии «TU ES FILIUS MEUS DILECTUS»²⁶ над ними звучит двусмысленно. садик-лабиринт. запах пряностей и трав. мелисса, лимон, шалфей.



на склоне горки над Кохельзе музей Франца Марка. В.: «не коронные произведения, но смотреть можно — ради впечатления». Хеккель, Пехштайн, Кирхнер, Кандинский. последний, недолюбливая берлинских коллег, констатировал, что «мы, мюнхенцы, работаем без суеты, глубже проникая в суть». лучшее в музее — собаки Базелитца, перевернутые вверх ногами, и широченное окно на втором этаже, обрамляющее многоплановый пейзаж: тенистые деревья, сизые горы, под ними — переливающуюся гладь озера.

В. купается, я гуляю вдоль берега. в каком здесь месте отдыхала моя мать, с какого валуна, с какой скамейки поглядывая на воду, мечтала?

движение по самому Кохелю оживленное. в каком из домов находилась та гостиница, в которой мать в юности работала и писала свой восторженный девичий дневник?

²⁶ Ты сын мой возлюбленный (лат.).

в церкви садятся аккумуляторы фотоаппарата, и никаких деталей не удастся запечатлеть. «ты помнишь мою мать? – обращаюсь я к деревянному Христу, уставленному у левой стены, – девятнадцатилетнюю блондинку с высокой прической? начало шестидесятых годов...» ангелочек на кафедре в ручонках держит золоченую сумочку. чью? к чему? и что в ней? из-за рысы святого с епископским посохом и книгой высовывается тупая морда осла. «четыре ангела хороших на алтаре», – подсказывает В. сюда она ходила по воскресеньям, слушала проповедь, разглядывая тех же ангелов, ту же сумочку и того же осла. на кладбище на тех же надгробиях читала те же эпитафии.



возвращаемся мы через Вольфратсхаузен. густонаселенный ландшафт не оставляет простора для фантазий на тему природы. «тут солнце другое», – отмечает В., сравнивая Баварию с севером и западом страны. вверх-вниз, виляя по холмам, дорога неуклонно приближает нас к городу.



11 августа. над Вассербургом высится крест со стихами:
[мой] господин Иисус Христос,
я благодарю тебя [за то],
что ты отдал жизнь свою
за меня.
[но,] ах, не допускай,
чтобы мучения твои и кровь
были потрачены зря
на меня.



15 августа. Мюнхен. близ дома в поле цветет горох. нежными розоватыми цветочками.



19 августа. Берлин. два полицейских останавливают девушку на велосипеде. проводят беседу, штрафуют. у Александерплац, прося денег, поют кришнаиты. «представь себе, твой ребенок примкнул к ним. твои действия?»

31 августа. немолодая тетенька в Марцане продает подрамники. месяц назад они с мужем вернулись из Гамбии, где в течение двух лет своими силами и на свои средства, накопленные годами, соорудили двенадцатикомнатный

дом для гамбийских подростков-сирот. получив инструктаж, как вести хозяйство, обитатели этой коммуны теперь должны справляться сами. в Берлине тетенька с мужем, уже не найдя квартиру по той щадящей цене, по которой снимали до своего отъезда, теснятся в крохотной двушке в панельной высотке. две комнаты напичканы африканскими статуэтками, масками, их привезли с собой в Германию, отказавшись от идеи передать гамбийскому музею: «коррупцированные сотрудники музеев продают экспонаты ради наживы. англичане из своих колоний утащили все, что плохо лежало, и правильно сделали – спасли предметы искусства, – зачем они построили тот дом? – давняя мечта». энтузиасты. сколько дом простоит? и будут ли жить в нем те, кому он предназначен?

1 сентября. врачебная практика на Гнайзенауэрштрассе. врач-психолог, коренастая блондинка в очках, передает нам коробочку с масляными красками, купленную В. в интернете. на фоне крупной акварели – итальянский пейзаж с кипарисами. «ваша?» – «нет, не моя». – «но вы рисуете?» – «муж рисовал». дальше спрашивать неудобно. по комнате с открытой дверью из угла в угол ходит мужчина – ради нас прервали прием? поблагодарив врача, мы прощаемся и быстро уходим. у каждого своя беда.

2 сентября. отдел обуви КаДеВе. услужливо подбегает продавец: «могу Вам чем-нибудь помочь?» я, опускаясь в кресло: «можете развязать мне шнурки, – продавец округляет глаза, выпрямляется. каменеет. – шучу», – добавляю я, примиряюще улыбаясь. к груди продавца пришпилен бейдж: ИЛЬМАЗ. Ильмаз улыбку не возвращает, смотрит в сторону. у него расстегнулась одна из пуговиц рубашки, обнажая бронзовую кожу в меру накаченного живота. В. скрывает ухмылку. когда продавец отворачивается, говорит: «его не взяли в охранники. хотите, мол, поработайте пока продавцом. а он грезит вступить в рукопашный бой с врагами».

4 сентября. магазин электроники. «есть ли у вас аккумуляторы для ручных пылесосов?» – «есть». – «а как снять клеммы со старого аккумулятора, не подскажете? они что-то туго сидят». – «осциллирующими движениями». – «осциллирующими движениями?» двое турецких мужчин рядом со мной мельком переглядываются. продавец, дернув рыжим усом, сохраняет стоическое спокойствие: «осциллирующими движениями». невольно рассмеявшись, я прощаюсь: «спасибо. запомню. попробую».



5 сентября. Фалькенберг. приют для бездомных животных производит гнетущее впечатление. скулеж, возня, апатия. прогулка – дорожка, тополя, фруктовые деревья: яблони. яблоки рвут, пряча в сумки-рюкзаки. за забором пасутся буйволы. мощные, рогатые головы. среди травы по колено че-

тыре бетонные плиты, на них высечены цитаты Ницше: о созидании, мудрости, красоте. «ПОЭТОМУ „КРАСОТА“ ДЛЯ ХУДОЖНИКА – НЕЧТО ВЫХОДЯЩЕЕ ЗА РАМКИ ЛЮБОЙ ИЕРАРХИИ, ВЕДЬ В КРАСОТЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ОБУЗДАНЫ», – читаем мы под собачий лай из приюта. В.: «глупость – вырвано из контекста». ивы над стоячей водой, заброшенный сарай.

6 сентября. при попытке навести порядок в нашем подвальном отсеке я вгоняю себе занозу в палец левой руки. посасывая палец, рассматриваю разбитое стекло двух рам для картин, перебираю собачьи принадлежности. звонит телефон – коллега из Мюнхена: «умерла Е.». какой тут нафиг подвал.

7 сентября. скульптуры в Тиргартене. лежащий лось. мужчина и женщина, то ли пляшущие, то ли прощающиеся. отсвет заходящего солнца в окнах Рейхстага, как пожар.

8 сентября. с момента смерти родителей ты начинаешь осознавать конечность своей собственной жизни. и что? каждый день проживать, как будто он – последний? сколько может быть таких последних дней? чем их больше, тем сильнее притупляется острота переживания.

10 сентября. на Линиенштрассе мы натываемся на магазинчик биотоваров. «вы открылись недавно?» – «два десятка лет назад». – «ух...». сколько раз мы по этой улице ходили в галереи? мы покупаем белый чай.

баба на бобах бежит на всех парах. летит то есть. ба-бах. в продуктовом около кассы, щелкая каблуками холщовых сапог, пританцовывает жирафиня в подпоясанном платье. азартно вертя задницей, поджимает то правую ногу, то левую. «о! – вдруг проясняется ее измученное лицо, – я схожу в парикмахерской!»

расплатившись с худющим кассиром, она схватывает свою коробку с тремя бутылками вина и с грохотом выбегает, оставляя облако серной вони. на улице прошел ливень. из настежь распахнутого окна звучит токката для органа: Бах.



19 сентября. Мюнхен. с балкона я соскребаю останки (кости, перья) дрозда. выкидываю их за сарай, угождаю в паутину.

20 сентября. валяясь на ковре, наблюдаю за белками в деревьях, ловко перепрыгивающими с ветки на ветку, с одного дерева на другое – блеща рыжей шерсткой в контровом свете. птицы пересекают небо, садятся, вспархивают, взмахами крыльев тревожа зелень.

24 сентября. на октябрьские гуляния полгорода, включая полчища туристов, переодевается в традиционный баварский костюм. в битком набитый поезд метро трое молодых в коротких кожаных штанах, клетчатых рубашках и шерстяных курточках заводят смуглого мужчину в наручниках. «вы в штатском?» – «да. поймали карманника». высокий блондин весело улыбается. костюм ему идет. отвесить комплимент? имеет ли полицейский право в служебное время принимать комплименты?

1 октября. утром под деревьями за домом мочится чернокожий мусорщик. оранжевый комбинезон – выразительный акцент в кустах, недавно политых дождем.



9 октября. Берлин. на Линиенштрассе к нам обращается пара американцев – пресный муж с зажатыми губами и перстнем на руке, плотная жена. приехали из Калифорнии. «что за малиновые трубы над головой?» – «строительство жилого комплекса, откачка грунтовой воды». – «хм». В.: «скажи им о здании церкви двадцатых годов!» американец: «конструктивизм? хм. церковь – это хорошо. мы и ходим по церквям». В.: «отправь их на службу в церковь Святой Софии». американец: «мы посещаем службу в Свободной церкви. кстати говоря, вот вам адрес...» – он вручает нам открытку с адресом и схемой дороги. – my name is Geoffrey», – Джоффри подает нам руку. «I am Joanne», – представляется его жена. «а мы в церквях бываем нерегулярно, – объясняю я, – исключительно в познавательных целях. искусство-ведческих». – «well, nice to meet you, have a pleasant day». «мне сразу было очевидно, – резюмирует В., что они из какой-то секты и что-нибудь нам всучат». «да?» – наверное, я слепа.

скульптуры перед Старым музеем: смертельная схватка наездника со львом, наездницы со львицей: каждой твари по паре.

парк Монбижу. две лесбиянки на скамейке: одна положила ногу на колени другой, та ей ногу гладит. красные листья, красная кирпичная стена. тонкая желтизна плакучей ивы над лужами. осень. на любимой улице В. кафе: «ANNA KOSCHKE». В.: «что ни вывеска, то хохма».

«ПРИВЕТ ОТ СОСЕДКИ!» – записка на двери квартиры.



14 октября. Мюнхен. вечернее солнце над парком на территории бывшего аэропорта, драматические облака, щедрыми широкими мазками от края до края. опять бегуны, опять собаки. люди бегают просто так, собаки – по делу: вынюхивают запахи, следы.

16 октября. поля. за насыпью, поросшей травой, щебневый карьер, в нем бирюзовая вода, плавают утиная семья. щебневая же дорога к щебневому заводу. горы на юге. кукуруза среди взлохмаченных листьев прячет початки. деревья, кусты. цветы.

25 октября. с биноклем в церкви братьев Азам на Зендлингерштрассе. сюрприз: над правым балконом дракон. восточный мужчина просит сфотографировать его в церковном интерьере. показывает, где нажать на телефоне: «тик!» Новая ратуша на уровне третьего этажа облеплена каменными чудищами: острые когти, глумливо выпученные глаза, высунутые языки. в церкви Святого Петра фигура Святого Варфоломея с кожей в руках – своей, содранной с него, тьфу.

26 октября. ярко-желтая паломническая церковь Святой Анны на высоком берегу Изара в районе Харлахинг. золото алтаря и стоящего на задних ножках агнца. блеск скромности, роскошь укромного уголка. напротив зоопарка возвышаются виллы богачей. богачи круглый год слушают крики зверья и детей. крутой тропинкой вниз и вдоль реки, бурлящей. шлюз и порог, валуны. зеленовато-серая вода. осенняя листва. на правом переднем сидении «порше» едет пес. морду подставляет ветру, уши торчком: наслаждается.



28 октября. Берлин. во дворе Старого музея барышня позирует своему спутнику. периодически встряхивая длинной шевелюрой, выставляет вперед дорожную сумочку. подарок его?

30 октября. Мариенкирхе. отреставрированный алтарь. картина с изображением мучащихся в аду: страшилища Средневековья. с хоров органная музыка, над перилами подскакивает кудрявая голова. закончив, органистка встает, принимает аплодисменты, читает лекцию собравшимся.

1 ноября. Продавщица из магазинчика кожаных изделий, услышав наш разговор, переходит на русский язык. пухленькая, приземистая, каштановые волосы. несколько лет прожила в Италии, работала в одном из филиалов предприятия, оттуда ее перевели в Берлин. в Берлине ей холодно. – «откройте магазин в Мюнхене. в Мюнхене теплее, – предлагаю я, – там любят все итальянское». – «до открытия нового филиала, – вздыхает продавщица, – надо дожить. для начала нужно укрепиться в Берлине. предприятие небольшое: семеро человек шьют на четыре магазина. на разработку новой модели уходит без малого год: разные виды кожи ведут себя по-разному...» – вспомнив Святого Варфоломея, я передергиваюсь. покупаю вишневый портфель. несу его как пылающий флаг.

2 ноября. среди развалин церкви монастыря францисканцев – выставка современной скульптуры. над фасадом взлетает, снижается и вновь взмывает ввысь четырехлапый беспилотник. жужжа смещается по направлению к деревьям. запрокинув голову, мы следим за ним. двое на земле, управляя летающим аппаратом, вглядываются в мониторчик, приделанный к дистанционке, – на объекте установлена камера? они нас видят в лицо?



11 ноября. Аугсбург. утром, выходя из здания вокзала, я слышу русскую речь. в окнах старинного дома на центральной улице читаю «I LOVE / YOU / HELENA», в витрине то ли художественной галереи, то ли религиозной организации – «НЕБЕСНЫЕ КРУГИ» (по-русски).

возвращаясь в темноте, в ярко освещенной студии мгновенной вспышкой вижу молодого человека с косичкой, лихо наносящего цветастую татуировку на оголенную ногу девушки на синей лежанке.

у выхода на вокзал ларек: «THÜRINGER²⁷ BRATWÜRSTE» – тюрингские жареные сосиски в столице Швабии. материальное доказательство воссоединения.



15 ноября. Мюнхен. вечер памяти Е. многочисленные гости выражают соболезнования вдовцу, скорбя рассматривают вывешенные на стенде фотографии Е., слушают речи. программу вечера перед смертью составила сама Е. кульминационный пункт – чтение одной из ее студенток, любимицей, ставшей ей как дочь, прощального письма Е.: «когда вы услышите мой рассказ, меня уже не будет с вами. на поминальных мероприятиях, как правило, об умершем говорят только хорошее – всякую чушь. я думаю, что обо мне лучше всех скажу сама я. итак, послушайте меня, – повествует Е. о непростом детстве в социалистической Чехословакии, расставании родителей, отъезде отца в родную Австрию. о визите в Вену к отцу, сделавшему ей австрийскую визу. далее – о переезде из Вены в Мюнхен... – все вы эту историю знаете. кто-то из вас более детально, кто-то менее. но она – неправда. сейчас я расскажу вам правду. я расскажу все, как оно было на самом деле. я приехала в Германию как агент чехословацкой разведки. мне дали задание <...> почему я на это пошла? я очень хотела увидеть отца. другого способа не было. кроме этого, я безумно была влюблена в руководившего мной офицера. он обещал жениться на мне. я верила ему, была готова на все. в Мюнхене я училась, выполняла заказы по переводу. но меня раскрыли. <...> германская разведка о планах чехословацкой относительно меня была осведомлена лучше меня. когда я вернулась в Прагу, мне пришлось доложить о своей неудаче. меня грозились отправить в другой конец страны, на скучнейший

27 Тюрингия – новая федеральная земля; до воссоединения входила в состав ГДР.

пост в уродливом захолустье. с поездками за рубеж было покончено. любимый офицер оказался обманщиком – женат, трое детей. была пятница, паспорт мне приказали сдать в понедельник. я поехала домой, попрощалась с матерью, купила билет и села на поезд в Австрию: сбежала...» – оглушенные откровением, гости прослушивают отрывок записи «Влтавы» Сметаны: Е. обожала природу. расходятся тихо, погруженные в мысли. в зале остаются муж, фотографии и мощное ощущение присутствия.

21 ноября. в аптекарский магазин за могильными свечами. свечей нет, ни одной. свечи обнаруживаются на перекрестке главной дороги и одной из боковых улиц. сотни горящих красных, белых свечей. за свечами – цветы. около цветов с растерянным видом перетаптываются четверо взрослых.

к светофорному столбу прицеплен щит, на щит наклеен лист: «13 НОЯБРЯ В 13 ЧАС. НА ЭТОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ ПОГИБ 13-ЛЕТНИЙ ШКОЛЬНИК. СВИДЕТЕЛЕЙ ПРОИСШЕСТВИЯ ПРОСИМ ЯВИТЬСЯ В УЧАСТОК ДЛЯ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ. ВАША ПОЛИЦИЯ».



22 ноября. в поезд на Регенсбург я беру «Факультет ненужных вещей». но книгу так и не открываю: всю дорогу смотрю в окно. в городе, задрвав голову на местные красоты – каменную скульптуру епископа на стене рядового дома, в руках нечто золотое, напоминающее ремесленный инструмент (кусачки), и прочее, – набредаю на книжный магазин с вывеской «DOMBROWSKY». в сумерках по переулкам. всадник на фасаде кафедрального собора. внутрь собора не попадаю: он закрывается, когда я подхожу к его двери. вместо осмотра собора наблюдение за рыжим спаниелем, со знанием дела и все же бестолково нюхающим асфальт.

путь к вокзалу пролегает через Фрёлихе-Тюркенштрассе, улицу веселых турок.



23 ноября. Мюнхен. Городская галерея в доме Ленбаха. всю жизнь меня ставят в тупик старые мастера. изображение ткани (шелк, кружева), воды, стекла. непостижимость сизой дали. представь себе, что уйдешь в нее, она же по мере твоего движения станет близью. а даль уже будет не там, где ты, а все дальше.

после Лассниг Кандинский смотрится декоратором.

24 ноября. в метро семейство из пятерых – мать, отец, двое детей, бабуля. «маменька», – обращается мать к бабуле, на что младший ребенок, поддер-

гав ее за полу куртки, возражает: «неправильно! не маменька, а бабушка!» «для тебя – бабушка, – объясняет мать ребенку на одном из восточноевропейских языков, – а для меня – маменька. у меня ведь тоже есть мама». «бабушка...» – настаивает ребенок, уже менее уверенно, переводя взгляд то на бабулю, то обратно на мать. центр мироздания сместился, вернее, оказалось, что центров больше одного: у каждого – свой. каждый сам себе – творец всего, что есть на свете.

1 декабря. Спустило колесо машины. мои действия:

1. выругиваюсь (рядом никого нет);
2. вспоминаю приятеля отца, на днях заявившего, что он – редкий специалист по ремонту автомобилей;
3. взвешиваю расстояние между нашими домами и тяжесть поломки. решаю приятеля приберечь на более весомый случай;
4. нахожу в бардачке инструкцию по эксплуатации машины;
5. прочитываю главу о смене колеса;
6. вытаскиваю из багажника домкрат;
7. лезу под бок машины в поисках метки, на месте которой следует подставить домкрат. обнаруживаю отсутствие метки;
8. выругиваюсь (рядом все еще никого нет);
9. звоню в представительство фирмы-производителя авто.

в фирме зовут к телефону мастера. мастер по фамилии Немировский (!) предполагает, что метка стерлась (машине лет двадцать) и скороговоркой прогоняет ликбез: «включить первую скорость потянуть ручной тормоз ослабить болты в пятнадцати сантиметрах от колеса подставить домкрат поднять машину снять колесо надеть запасное насадить болты опустить машину и КРЕПКО подтянуть болты готово». «ага», – отвечаю я несколько сомневающимся тоном, относящимся к слову «крепко». «справитесь!» – ободряет Немировский. и оказывается прав.

в мастерской меня встречают с благодушным удивлением. да в самом деле – ковыляет себе этакое щуплое существо в грязной куртке, волоча приплющенное автомобильное колесо. в центре мастерской ставит его на пыльный пол и пальцем в дырявой перчатке показывает на шуруп в крышке: «вот он, сволочь. гад. негодяй».

(в Санкт-Петербурге было проще. стоило мне причалить к обочине со спущенным колесом, как тут же тормознул какой-то скромный «Москвич», из которого вылез невзрачный мужчина неопределенного возраста, молча поменявший колесо. управившись минут за пять, подсказал, где заварить резину и растворился в тумане Петроградской стороны. эх, безымянный спаситель.)

2 декабря. «заварил-накачал, – говорит механик автомастерской, – воздух держит, можете забрать. покажите, какой у вас ключ. когда будете прикру-

чивать болты, вставляйте на него. вашего веса должно хватить. удачи вам, до свидания».

8 декабря. приснился Олег Киреев²⁸, играющий балладу Шопена, не слишком, правда, виртуозно.



13 декабря. Графинг. церковь Святого Эгидия: фривольный ангел в куполе, портрет пьянчуги между колонной и оконным проемом. церковь Святейшей троицы у рыночной площади: сладкий святой – деревянный Флориан, оберегающий дома от огня. коленки, нос, усы! под усами губы, сочные, как вишня.

за городком поля, леса. Парсдорф, Форстиннинг, магазин худ. товаров. художественных тов.



19 декабря. Мюнхен. весна-а-а-а-а.

20 декабря. журналистка широко отмечает пятидесятилетие. напротив меня за стол сажают русского мужичка средних лет – Д., который узнает во мне коллегу двадцатипятилетней давности. владелец той фирмы (продававшей эфирное время российских телеканалов западным рекламодателям) разорился, до сих пор возвращает долги. жена Д. третирует писателя Н., убеждая его отказаться от приглашения в Москву на вручение литературной премии. нужно, мол, использовать любую возможность высказать протест против политического режима, даже если пригласили люди, к режиму не имеющие никакого отношения. Н. такая жесткая позиция сбивает с толку. конечно, он выразит свое «фе» в адрес режима, если его наградят, и ему представится возможность выйти на сцену и сказать несколько слов. он, однако, совсем не уверен, что премию присудят ему. дискотеку в стиле восьмидесятых я манкирую.



21 декабря. Фрайзинг. солнечно, свежо. у входа в собор потягивается кудрявая черно-белая собачонка на красном поводке. наклонив головку, игриво смотрит в глаза. ласкается. уловив мою реакцию, подпрыгивает на задних лапах, передними перебирая в воздухе. легка как пушинка, кусает руки – молода.

в соборе под аккомпанемент ансамбля старинных инструментов соревнуются две певицы. одна – фальшивя, другая – проникая в мозг костей ядре-

28 Критик и теоретик современного искусства, перформансист; погиб в 2009 году.

ным голосом, лишенным тембра. на хорах девочка дошкольного возраста, посадив плюшевого мишку на край деревянного помоста, вскарабкивается на стул, встает на коленки: с высоты озирая пространство. мишка сваливается на бок, девочка слезает со стула, подбирает его, хлопывает ладошкой и вместе с ним возвращается на стул. она и со стулом ниже меня. снизу из-под шапки глядит с вопросом.

на потолке голые грешники, озаренные багровым светом, с высунутыми языками кувыркаются в ад, над органом ангел беззвучно мучит лютию. на алтаре копия картины Рубенса. сегодня – самый короткий день в году.



24 декабря. Швабинг. за Баварской академией изящных искусств помпезные особняки. в церкви рождественская служба для детей. дети увлечены пением и представлением – пьесой о рождестве Христовом с участием Святого семейства и волхвов, – взрослые с немим осуждением разглядывают черепа на спине и передо кожаной куртки В. рисунок Эда Харди.

мультфильм «Дюймовочка». если быть тонкой, грациозной, красивой и разборчивой, принц найдется. принц: «я умираю!» Дюймовочка, нечто среднее между балериной, гимнасткой и фигуристкой: «не умирай!» В. (иронизируя): «а-а-а...! – (ухмыляясь): – советский поп-арт».

2015

1 января. Берлин.

и дождь прошел, и год прошел.
вот Новый год. и новая погода.

3 января. январь, и нет снега. мамаша на велосипеде, впереди которого – коляска. в коляске ребенок с псом. коротконогий пес сосредоточенно вляется в тротуарную плитку под колесом. считает стыки?

5 января. на торце старого дома огромная рекламная надпись: «DILDOKING». представляю ребенка, растущего в доме напротив, с видом на надпись. потом – воспоминания взрослого о золотой поре детства, проведенной под сенью загадочного короля...
и еще. вывеска магазина: «ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК. ТОВАРЫ ДЛЯ ЭРОТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ».

«как это вас, – озадаченно качает головой владелец кепеникской²⁹ автомастерской, с утомленными глазами, – не выбросило в кювет? у вас еле крутится колесо. сломан подшипник».

29 Кепеник – район на юго-востоке Берлина.

«та-а-кой кра-а-си-и-вый мюнхенский номер...» – мечтательно тянет толстый механик с рыжей косичкой из-под пиратского платочка на башке, с гаечным ключом в замасленных руках уставившись на зад машины.

«а тормоза-то не работают!» – ерничает с торжеством влажнотубый, хромой на левую ногу щуплый его напарник, фонариком подсвечивая диск за ободом.



6 января. ночь над Германией. Тюрингия в снегу. в долинах мерцают огни. равномерно вращаются ветряки. под полной луной я мчусь по автобану. с кассеты звучит концерт для фортепиано с оркестром № 2 Рахманинова в исполнении Рихтера, Святослава Теофиловича. сына того, кто любит бога. свет автомобильных фар из темноты выхватывает щит с названием стоянки: «HIMMELSTEICHE» – небесные пруды.



7 января. Мюнхен. писатель-сценарист-киноактер прислал ссылку на фильм, размещенный им в интернете. респондентам, усаженным перед пустой стеной, одному за другим задает вопрос: «как бы ты провел сегодняшний день, если бы он был последним? завтра – конец света». – кто-то отвечает систематически, кто-то рвано, наскаками, кто-то серьезно, спокойно, кто-то с нервным посмеиванием, кто-то сидя неподвижно, кто-то ерзая на стуле, кто-то глядя прямо в камеру, кто-то блуждая взглядом. для автора фильма вопрос насущен, он болен и спешит успеть, времени ему осталось мало. недавно он дописал книгу.

вечером на сайте «Новой газеты» документалка об острове Грумант, населенном тремястами жителями, трудящимися в суровейшем климате. после изнуряюще долгой полярной ночи они весной собираются на берегу, дожидаясь восхода солнца. появление солнца – праздник важнее Нового года.

12 января. 8:39 час, диктор «Байерн фир» с легким верхнебаварским акцентом объявляет: «вы слушали симфонию номер четыре Иоганна Себастьяна Брамса, – заметив ошибку, фыркает смешком в микрофон: – прошу прощения – Баха!»

13 января. станция Трудеринг. на вокзальном здании светятся буквы: «US», какая тут Америка? вглядываясь в январский мрак, я прозреваю: не аббревиатура это, а две отдельные буквы, «U» и «S», метро и электричка. Америки здесь как не было, так и нет. призрак в моей голове.



31 января. Берлин. на крыше машины кто-то слепил миниатюрную снежную бабу. мелкие камешки – глаза, веточка – метла. я несу ее на кухню, ставлю на тарелку, фотографирую. баба, подтаивая, на тарелке вертится. мы прячем ее в морозильник – «до следующей зимы».

посылку для В. принял сосед снизу, лысый франтоватый итальянец в кардигане по фамилии Гатти³⁰. в интернете мы смотрим «Кота в сапогах» Бардина: «Раша из гуд. Америка из беттер!»

итальянцы Возрождения, как доказывают альбомы по искусству с книжного развала, не менее раскованы, чем баварцы барокко-рококо: до неприличия.



7 февраля. Мюнхен. лес, поля, солнце, снег. наст ребрами, волнами: узор.

15 февраля. обилие скульптур в Баварском национальном музее замыливает взгляд. в просторном зале, начинающемся с очередного Святого Георгия, убивающего змея, настигает усталость. которую развеивает без остатка соседнее помещение: собрание скульптур Рименшайдера. далее – упадок. фигурка Иисуса-ребенка, держащего в одной руке гроздь винограда, в другой – виноградину. подобные изображения, разъясняет экскурсовод, были весьма популярны в женских монастырях, так же, как и скульптура апостола Иоанна, льнущего ко взрослому Иисусу. в музее такая есть: Иоанн положил Иисусу на плечо голову. по мнению экскурсовода, каждая монашка тайно мечтает о такой же близости к НЕМУ.

19 февраля. два нахрапистых трубочиста проверяют отопительный котел. предлагают заодно проверку газовой трубы. «где проверяется?» – «по трубе». – «каким образом?» – «соответствующим прибором». – «нюхом нельзя?» – «можно. но только запротоколируйте! “такого-то числа, я, нижеподписавшаяся, посредством обнюхивания проверила газовую трубу в доме номер таком-то по улице такой-то. утечек газа не обнаружила...” проверку надо проводить ежегодно. на всякий страховой случай».

23 февраля. выставочный зал Фонда культуры Гипо-банка: скульптура из церквей Баварии. парящий ангел (аппетитный юнец) из монастырской церкви в Дисене, двое – с героически оголенной грудью – из церкви Святого Михаила в Берг-ам-Лайме, фигуры с боковых алтарей монастырской церкви в Ротте-ам-Инн, красочные, будто из балагана или тира – южное барокко и рококо. светскость, доходящая до распушенности, слащавость с привкусом разврата, всех мыслимых грехов. на грани дурновкусия.

30 Gatto (ит.) – кошка.

в бывшей деревне, теперь районе города Оттобрунн, задастая девушка продает боксерскую грушу. ни размеров, ни веса, ни материала не помнит. назвать может всего лишь цену, ниже которой не опустится. «поколотила ее, – объясняет причину продажи, – раза два... и поняла, что бокс – не мое».

8 марта. дом украинской общины рядом с греко-католическим храмом. в столовой на первом этаже обедают, в зале на втором школьники пляшут под осовремененный фольклор, родители нянчат детей. с часовым опозданием показывают документальный фильм о войне на востоке Украины – интервью с солдатами, медперсоналом, жителями в районе боев. «кому нужна война?» – «здесь – никому».

12 марта. лавка церковной утвари. сверкающие кресты, кадила, дароносицы. продавец, среднего роста кудрявый блондин, фиксирует меня, не отводя глаз, без улыбки, без намека на улыбку. дает понюхать разные сорта ладана, от нейтрального с названием «Аден» до самого пряного – «Король Палестины». «а скульптуры? – справляюсь я, – копии оригиналов из церквей? музеев?» – «у каждого мастера есть своя манера, – серьезно отвечает продавец, – святых различают по атрибутам. вот эта фигура, – он указывает на Марию с младенцем около кассового аппарата, – покрашена под старину, частично позолочена. стоит тысячу двести евро. возьмите рождественский каталог, там все скульптуры есть». на обложке каталога – мужчина в костюме Деда Мороза, с искусственной бородой и бровями, в парике. на страницах – модели-мужчины с маниакальным выражением, одетые в священническую сутану. кресты, кадила, дароносицы...

15 марта. у дальней родственницы на селе – практика нетрадиционной медицины. «все живые существа, – считает она. – одинаковы». – «то есть? а кактус если облысеет, я смогу тебе принести?» она смеется: «в принципе да».

16 марта. «подождите в кабинете, доктор сейчас подойдет. возьмите журнал, почитайте!» «спасибо, у меня есть чем развлечься». – я вынимаю из рюкзака записную книжку и начинаю строчить: впечатления от визита в лавку церковной утвари. в кабинет с размаху влетает ухогорлонос, седой, сухой и быстрый: «вы пишете в блог о нашей практике?» – с неожиданности заржав, я кричу: «нет!» – но прав ведь он, пишу. уже пишу и о нем.

кафе. журналистка, ее муж, мой армянский приятель. и писатель Н. в Москву на присуждение премии он не поехал не по политическим причинам – не хотел принять участие в чужом празднике. удивляется нашему с армянином выканию. «нам так удобнее» (я).

20 марта. утром странно тускнеет свет. выход из реальности в потусторонность. потом светлеет. и реальность восстанавливается. лишь в обед я до-

гадаваюсь увязать явление с услышанным по радио сообщением о нем: затмение солнца.

В. с сыном сегодня едут в Люнебург на похороны троюродного брата В. троюродный брат, активный амбал, в детстве при взрыве, учиненном школьниками, потерял глаз, рано возмужал, был мастером по пяти видам спорта. в кругу родственников его ставили в пример нерадивым младшим: собственными руками построил три дома, завел магазин. в пять утра вставал, ездил на рынок, оптом закупал овощи-фрукты, не отдыхал.

однажды мы с В. заехали к нему в супермаркет. брат, невысокий, но сильный, как скала, спешил нам навстречу энергичной, собранной походкой, цокая каблуками остроносых ботинок. радужно, но немногословно поприветствовал – следил за порядком в магазине: «пару минут подождите», – коротая время, мы знакомились с ассортиментом – свежие фрукты и овощи, импортные русские продукты, в углу стеллаж с русскоязычной литературой. оторвавшись от дел, брат повел нас в свой офис, угостил помидорами-огурцами и шашлыком от местного узбека, жарившего его в фургончике во дворе. брат, наливая нам то коньяк, то чай, подавал вилки, салфетки. жуя меня («плохо ешь»), докладывал о сложностях ведения бизнеса, с юмором рассказывал о кражах, артистично изображая преступниц в лицах: «воруют в основном тетки немолодые. дорогие продукты суют в сумку, а в кассе платят за дешевые в тележке. как-то я наблюдал за одной – оглянулась, открыла сумочку, колбаску – хоп! – туда, сумочку защелкнула, с хлебом-капустой пошла в кассу. я за ней. у кассы, когда она уже заплатила, я догнал ее: „можно посмотреть вашу сумочку?“ „конечно же... ах, я совсем забыла! – засияла она, и, с кокетством: дряхлая стала. простите меня!“»

21 марта. звонит В. сын по пути в Люнебург четыре раза останавливал машину, чтобы любоваться затмением. брата в гробу не увидели – опоздали: гроб закрыли. недели за три до смерти у него нашли рак. лечить его не было возможности – от процедур он задыхался. врачи предложили ввести его в искусственную кому, предупредив, что из комы он может не выйти. брат, за отсутствием альтернативы, согласился. попрощавшись с семьей, лег в больницу. и не проснулся.

«никто не мог подумать, – горюет В. – при его отменном здоровье. настоящая трагедия».

22 марта. с армянином на выставке об Армении. «давайте соберем группу друзей и съездим к моим родственникам. у них можно гостить хоть впятером. спать всем вместе в одной комнате. армян в общей сложности около десяти миллионов, в самой Армении живут миллиона три. у нас еще ярче, чем у евреев, выражен общинный дух, взаимная поддержка, солидарность. те, кто за границей, правда, более индивидуалистичны». на мониторе идут уроки армянского языка: «ес, ду, мэнк. мард. аствац...» – где я встречала

это слово? правильно, у Битова. – «„джан“ – добавляет армянин, – означает „родной, родная“, так армяне обращаются друг к другу, даже незнакомые».

25 марта. джан армянин приезжает в мою деревню. по дороге со станции прыгает по проезжей части, приплясывает, дурачится. «ой! – замирает он с дрожью: – я наступил на что-то мягкое – лягушку! каблуком... раздавил. я чувствовал, как весь воздух выходит из нее». при более подробном рассмотрении под светом фонарей лягушка оказывается жабой, мигрировавшей меж садов. Бедняга жаба испустила дух. из жабы спустили дух. жабу жаль. я пью вино, поминая ее. как близко от экстаза к экзистенциальному ужасу.

26 марта. «...и почему одно и то же вино в обед кажется пустой кислятиной, а вечером имеет богатый букет?» – «это от настроения». – «может быть...»

коммунальные службы месяц не вывозят бак с органическими отходами. заскучав от переполненного биобака, я им напоминаю: не могли ли бы они... «да-да, – успокаивают меня, – в течение пяти дней...» – неделю спустя бак так и стоит, до краев. я пишу на е-мэйл коммунальных служб: «заберите немедленно!» – мне приходит ответ: бригада, мол, выехала, но в связи со свирепствовавшим ураганом (по-нем. «Orkan») была вынуждена прервать сбор и вывоз мусора. «что?! – переспрашивает В., – уркан?»

минут через тридцать после нашего разговора шквалом ветра в саду соседей справа выкорчевывает вековую ель. она рывком ложится на яблоню, раздрабливая ей крону. – «уркан, – вздыхаю я, – уркан».



28 марта. Берлин. квартиру над нами снимает француз. днем по квартире с криком бегает трое его детей от бывшей жены, ночью к нему навещает подруга. напевая шансон, он при распахнутой в колодец форточке принимает душ. затем по нашему потолку, как в комедийном кино, ускоряющимся ритмом стучит его кровать. когда он один, слышен его храп.

соседка снизу, последняя жительница дома с гэдээровских времен, прозвала француза «куриным королем» за то, что он разводит бройлеров. вслед за ней мы окрестили его квартиру курятником.

31 марта. Нойкельн. квартира без ремонта на первом этаже старого дома. темноватая холодная комната в заросший двор. над просиженным диваном картина, наводящая уныние, – промышленный пейзаж? или шлюз? в левом углу платяной шкаф. открытая дверь обнажает творческий беспорядок скопленного тряпья. подрамники-краски продает молодой бодряк, владелица материалов, его мать, «заболела, уже не может писать», – гробовая тишина. банку английского красного парень оставляет себе: – подкрасить цара-

пинки на полу». — «такую хорошую краску хотите потратить на линолеум?» — «цвет подходящий». вынеся подрамники и коробочку с красками, рады уйти.

1 апреля. я постриглась. родители парикмахера держали знаменитую частную парикмахерскую в Пренцлауэр-Берг. к ним приезжали со всей ГДР и даже из-за рубежа — западной части города: «по утрам перед входом выстраивалась очередь из пятидесяти посетителей — каждому из нас по пять клиентов. нас, сотрудников, было десять человек — максимально разрешенное количество работников на частном предприятии. в школе я была отличницей, мечтала учиться в университете на факультете дизайна или искусствоведения, но в сдаче аттестата зрелости мне отказали по причине происхождения из не рабоче-крестьянской семьи. родителям пришлось написать ходатайство жене Хонеккера, занимавшей тогда пост министра культуры. после письма меня к сдаче аттестата допустили, но в университет я так и не поступила — пошла работать в парикмахерскую родителей. в начале восьмидесятых годов в моде была завивка волос. мы были единственной парикмахерской в стране, где использовались бигуди западного образца. и никто так быстро не накручивал на них волосы, как я. до сих пор я удивляю своих учеников скоростью и ловкостью, но сейчас редко удается применить эти способности на практике — мода на завивку прошла».

отец соседки снизу «работал в университете, на сельскохозяйственном факультете. оттуда его перевели на факультет экспорта образования». «экспорта образования в братские социалистические страны?» — «нет... в США! из США приезжали делегации с целью изучения образовательной системы ГДР и ее опыта в этой сфере. их отец и встречал, и просвещал, и даже водил по городу». — «а в США его пускали? на месте ознакомиться с недостатками американской системы образования?» — «да нет. его из страны выпустили всего один раз — во Франкфурт-на-Майне. ему там не понравилось, западный образ жизни показался ему слишком суетным. еще из США приехала делегация мормонов. но они интересовались больше сельским хозяйством, чем образованием. в вопросы образования власти ГДР, к слову сказать, вмешивались бесцеремонно, отцу это вмешательство надоело, и он вернулся на свой прежний факультет».

2 апреля. вечером, заходя в дом, В. в дверях сталкивается с украинским рабочим из Чернигова. тот ему: «привет! ну как, русские продолжают захват Украины? продвигаться будут?» В.: «нет, они не совсем лишились ума». рабочий: «эх, а я в Германии хотел подать на убежище. впрочем, раньше я работал в США — не то. срубали по триста долларов в день, но дома строили без теплоизоляции. обман! ты в Нью-Йорке был?» — «не-а». — «и не советую. город страшный. камни человеческим потом пахнут. а здесь меня гнобят поляки. прораб, признайся, рукастый, умелец (*халтурщик и пофигист — примеч. мое*), но он и больше всех достает меня. перед управлением дома

вину за все валит на меня. начальство меня даже уволить хотело... извини, опять заболтал. просто мне поговорить тут не с кем, я все время один».

3 апреля. в нашем доме много лет находился итальянский ресторан. молодой владелец ресторана принимал наркотики, играл в карты, проигрывал, был избит по заказу кредиторов, месяцами не платил арендной платы и наконец был выселен в судебном порядке управляющим дома.

забрал свое движимое имущество с помощью четырех чернокожих громил, мрачно озиравших все на соседей. возвратился, видимо, ночью и в приступе гнева разрушил все, что осталось, – встроенную мебель разрубил, обшивку стен оторвал, половицы изуродовал, раковины разбил.

управляющий дома теперь опасается, как бы итальянец ему лично не отомстил.

итак, украинец боится поляка, поляк боится управляющего, управляющий боится итальянца.

только мы спим спокойно – пока над нами снова не начал шуметь француз.

6 апреля. я пеку хлеб. и вспоминаю начало восьмидесятых годов. первую волну «здорового питания». злаки с молоком на завтрак, поленту на обед, запеченный мангольд на ужин. поваренную книгу «Биологическая готовка и выпечка», домашние мельницы для зерна. хохот матери над недоуменным вопросом соседки по мюнхенскому дому («вы пшеницу перед размалыванием разве не промываете?»), да и результат ее, матери, стараний, спонтанно прозванный brick-bread, хлеб-кирпич. компактный, будто спрессованный хлеб-кирпич требовал крепких зубов, обильного увлажнения и терпения жвачного.

то, что вышло у меня сегодня, тридцать лет спустя, – не кирпич, а хлеб-гора. горная цепь с ущельями, обрывами и фьордами, покрытая корой, наподобие земной не поддающейся резанию. эту кору можно бурить, долбить, разламывать. хлеб-скала неприступно возвышается над равнинной доской, ее вершину окутывает пар из кастрюли с варящимися в ней брокколи и картошкой. мать учила всегда иметь в запасе что-нибудь съедобное – вдруг здоровую пищу не разжуешь.

7 апреля. план готов. мы захватим Александерплац. из Красной ратуши выгоним мэрию. здание оборудуем под мастерские. на первом этаже будут выставочные залы. около фонтана разобьем сад. саму площадь между ратушей и Мариенкирхе (и она будет нашей – домовой) мы вспашем. посадим лук, картофель, сельдерей. подземку закроем, чтобы свеклу не трясло. стройки пресечем, многоэтажки снесем. под телебашней будут пастись коровы, козы, свиньи.

набираем в худколхоз участников, знающих почву не понаслышке, а руками умеющих возделывать ее, готовых жить плодами своего неустанного труда. война дворцам, мир творцам. да огурцам. ура!

8 апреля. я: «чай будешь?» В.: «какой?» «черный. дарджилинг». – «дрочи-линг... пардон!»

9 апреля. с осени капает кран на кухне. я еду в магазин купить новый патрон. спрашиваю у продавца, как снять заевшую ручку. продавец: «хорошенечко шарахнуть по ней молотком». я, подняв брови: «?» продавец: «резиновым! хе-хе!»

11 апреля. Веддинг. в машине, припаркованной на въезде во двор, за баррикадировался ребенок, нажимает на гудок. вокруг машины бегает, галдят его братья-сестры. после нескольких минут безостановочного гудения из игорного холла выметается отец детворы. одернув своих отпрысков, вновь скрывается в доме. дети сменяют друг друга за гудком. и сигналят.



26 апреля. Флоссенбург. меня пригласили переводить на торжествах по случаю 70й годовщины освобождения концентрационного лагеря американцами. перед воротами на территорию – крупный тент человек на пятьсот, в нем подают обед. второй тент установлен между двумя каменными постройками (лагерной кухней и прачечной), в которых устроили музей. в этом тенте постепенно собираются гости – пережившие концлагерь, потомки, молодежь. бывший заключенный, представитель переживших лагерь Дж. Терри держит речь: «площадь переклички была местом, где мы в любую погоду простаивали бесконечные часы, в дождь и холод, под пронизывающим ветром Верхнего Пфальца...» – по крыше долбит внезапный ливень, отзвываясь резким шуршанием в наушниках.

в завершение официальной части празднования девушки в национальных костюмах разных стран на своих родных языках со сцены призывают к миру и толерантности. русских среди выступающих нет.

заполонив газон, посетители мероприятия обозревают «Пепельную гору» и спуск к крематорию в глубине территории. старичок рассказывает о жизни в лагере: в тяжелейших условиях принудительно работали в каменоломнях, терпели лишения, унижения, заболели, умирали.

с высоты руины крепости на холме – древние гранитные стены, камни, обрушившиеся вниз, валяющиеся валунами, – открывается чудный вид во все стороны: Каменный лес, Чехия... дует резвый позднеапрельский ветерок. лагерь, в тридцатые годы прошлого века разбитый на окраине города, теперь оказался в его центре. площадь переклички белым тентом напоминает пивной фестиваль. а творилось здесь невообразимое.



28 апреля. Мюнхен. садовый магазин. «простите, где у вас бамбуковые палки? в пятницу ваш коллега обещал нам, что их привезут на этой неделе». – «не в курсе, спросите у входа». у входа: «палки? без понятия. – показывая на зеленую спину в соседнем проходе: – обратитесь к коллеге!» в проходе: «кто сказал? этот? неслыханная наглость! – и с достоинством: – я – садовник!» – палками то есть не торгует. мы уходим без палок.



3 мая. Берлин. после Галерейных выходных³¹ могу с определенностью сказать, что больше всего мне нравятся те выставки, которые можно посмотреть через витрину, не слезая с велосипеда. квикэнд.



5 мая. по автобану едет транспортер, украшенный полумесяцем и надписью «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ». везут из Германии на родину в вечный покой. по одному? окупается ли? а может быть, покойников двое или четверо, и лежат они по бокам машины, как пассажиры спального купе в железнодорожном вагоне, качаясь по трассе в глубоком молчании?

8 мая. Мюнхен. наш сад каменист как Израиль.

9 мая. в мае 1945 года моя мать, проживавшая в Верхнем Пфальце недалеко от границы с Чехией, шестилетним ребенком впервые в жизни увидела чернокожего – американского солдата. она и не могла предположить, что сорока годами позже она станет крестной тетей дочери африканки, которую (дочь) в честь матери моей матери назовут Анной.

под кустом белой сирени, посаженным матерью в саду, выросли голубенькие незабудки. как они там оказались, неизвестно.

10 мая. воюю с коммуной сумасшедших. шестеро мужиков, курируемых социально-психологической службой, с утра до вечера задымляют воздух. путем переговоров вопрос урегулировать не удалось, психи непрошибаемы. перебывая сигаретный дым, я под окном жгу удушливый ладан. два раза догадливые черти умудряются потушить пламя, заливая его водой из шланга. прицельно лют, умышленно. подозреваю, что они считают сумасшедшей меня.

11 мая. «старый Т., – помнит соседка справа о соседе из дома на углу, несколько лет назад почившем в библейском возрасте, – царствие ему не-

31 Ежегодное мероприятие, проводимое берлинскими галереями, – выходные открытых дверей.

бесное, по вечерам с фонарем выходил и ножницами разрезал слизняков. такой был биологический метод борьбы...» проработав полстолетия конструктором и инженером, на пенсии Т. всецело посвятил себя прекрасному – писал картины, выращивал овощи, готовил еду.

уже дней десять в округе слышно гудение. гудение слышно всегда – утром, днем, вечером, ночью, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, при открытых окнах, при закрытых. в поисках источника гудения я обхожу весь дом, опрашиваю соседей. на стройплощадке «городской виллы» консультируюсь с первым попавшимся рабочим. не гудит ли у них – генератор какой-нибудь или сушилка. нет, отрицает он, у них ни сушилки, ни генератора. но недавно подключили отопительный котел и тепловой насос, его закопали глубоко в землю, хотите, мол, котел покажу. «покажите», – соглашаюсь я, и мы спускаемся в подвал. остановившись перед котлом, рабочий объясняет, что «вот из котла, круглые эти, э... из стены которые... трубы!» – вырывается по-русски у него, и я понимающе киваю головой: «Rohre». «Rohre, да», – повторяет он за мной, ничему не удивляясь.

15 мая. жить страшно. страшно жить. умереть страшнее. лучше жить.

19 мая. гудящий звук никак не прекращается. говорливый прораб со стройки «виллы», секунды две прислушавшись, решительно объявляет: «не слышу. ничем не могу помочь». чиновник отдела по вопросам окружающей среды городского управления Мюнхена отписывается: «никакими сведениями относительно подобного звука на востоке города не располагаем. жалоб от населения не поступало». председатель общества жильцов района «звук не замечал». обещает «обратить внимание на утренней прогулке». с тех пор молчит. соседка справа звук не слышит за неимением слуха. слышат звук, кроме меня, В. и двое психически больных из коммуны за стеной. спасайте меня, кто может.



22 мая. «езжайте до конца автобана», – подсказывает муж художницы, желающей избавиться от лишних материалов. не поверив, что в Германии у какого-нибудь автобана может быть конец, я отправляюсь за подрамниками. и доезжаю до конца. автобан, утыкаясь в трехцветную горку, расщепляется на два закрученных уса. правый из них выбрасывает меня в пейзаж. и вот я еду из деревни в деревню, обгоняя то воз, то фуру, проезжаю узкий тоннель под железнодорожным полотном, минуя церковь, «ПРИХОДСКОЙ ДОМ», «ТРАКТИР» и «ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР» – все строго в том порядке, в котором было указано, – и добираюсь до старинного крестьянского домика с геранью на окнах и солнечными батареями на крыше, просевшей слегка: Вальпертскирхен. семидесятичетырехлетний муж временно отсутствующей дарительницы древесины на фоне ее энергичной абстракции акрилом в се-

нях распространяется о Штраусе, Брукнере, Малере, с энтузиазмом вспоминает игру в любительском оркестре, подготовку скрипичных партий, репетиции перед концертами, сами концерты и просьбы коллег по оркестру не уходить, но: «нужно чувствовать момент». посожалев о том, что кофе не пью, посему не составлю ему компанию, на груженной машине выруливаю со двора. возвращаюсь той же дорогой. и просекаю, что, если посмотреть отсюда, у автобана есть начало. эта мысль, какой бы она ни была банальной, чрезвычайно бодрит меня.



Мюнхен. зайдя в интернет в поисках произведений художницы, я нахожу ее (?) страницу «поддерживающая кинезиология», озаглавленную мудростью Будды: «НЕ ВАЖНО, КАКИМ ТЯЖЕЛЫМ БЫЛ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ, СЕГОДНЯШНИЙ ТЫ МОЖЕШЬ НАЧАТЬ СНАЧАЛА».

23 мая. «здравствуйте, господин Венцль, – пишет незнакомый мне сантехник, – встречу с Максом Карлом придется перенести». свою фирму сантехник имеет в местечке Гросхайрат, что можно перевести как «Большое Свадьбово».

24 мая. на одном из книготорговых сайтов «Московский дневник» выложили рядом с книгой о психологии собак, на обложке которой – пес с интенсивным взглядом. соседство приятное. одобряю.

26 мая. хрестоматийный набор снов – опоздание на автобус, дыра в заборе, потеря ключа от ворот – понятен. но откуда холщовые карманы, неаккуратно нашитые на арестантскую куртку?

27 мая. тормознув у въезда в автомойку, я опускаю боковое окно и протягиваю ваучер человеку восточного типа, принимающему плату. коротко взглянув на ваучер, он с каменным лицом возвращает его мне: «истек срок действия». «как?» – недоумеваю я. только что я проверила срок: декабрь 2016 года. «ха-ха! – веселится араб, – я пошутил!» – сверкая зубами берет ваучер назад. опешив, я в голос хохочу. называю выходку наглостью. мужчина, наклоняя голову, прикладывает руки к груди. подается вперед в намере на поклон: «прошу прощения», – весна.



28 мая. Шлайц. «здравствуйте, вы примете участие в экскурсии по склепу?» – «пожалуй, нет, спасибо. я здесь случайно. полчаса простояла в пробке, съехала с автобана – на узенькую дорожку, которая и привела меня сюда. возможно, это был не официальный съезд». – «не официальный, вы нарушили. но это простительно».

«хотя наша церковь – евангелическая, она, тем не менее, богато убрана в стиле барокко. воздвигнута и украшена на пожертвования верующих, служила усыпальницей рода Ройсов». – «ага. а щиты на хорах?» – «профинансированы спонсорами же». на щите напротив входа цитата из Библии за подписью Фридериха такого-то, бургомистра городка. повернувшись вправо, взглядом упираюсь в розовые пятки ангела, приколотого к низу огромной люстры. «ангела заказал безутешный отец безвременно ушедшей из жизни молодой девушки. пером он указывает на могилу несчастной». ангел вполне себе скромный, не в пример баварским, среди которых бывают такие, что засомневались в их безвинности. «на пожертвования изготовлены, впрочем, и эпитафии на колоннах». – «а скульптура резная, не гипсовая?» – «резная. пару лет назад у нас произошла кража, мы поставили охранную сигнализацию, открываем церковь теперь всего на два часа в день, дежурим сменами. проходите, пожалуйста, посмотрите также и тумбу в левой апсиде». тумбу? чуть помедлив, я иду оглядывать тумбу. тумбой оказывается песчаный саркофаг Генриха среднего... «прозвище „Ройс“, – продолжает бойкая дежурная, – в XIII веке первым получил Генрих-младший в связи с длительным пребыванием на Востоке и браком с галицийской княжной, по матери русской. церковь хорошо сохранилась – притом что она и оккупацию французами, войсками Наполеона, увидела, и Вторую мировую. французы вынесли картину с алтаря, ее местонахождение поныне покрыто мраком, в Реформацию церковь почему-то пощадили, а Вторая мировая ее вовсе не коснулась: ей повезло, она стоит в сторонке. городской дворец сгорел дотла, от него остались лишь две башни».

через кладбище со старинными надгробиями я выхожу на смотровую площадку, чтобы полюбоваться панорамой города с пустыми башнями дворца в окружении зеленых холмов. спускаюсь в живописный исторический центр. дальше проезжаю между сладко пахнущих рапсовых полей и по мосту над водохранилищем, на высоком берегу которого ветшает советское здание с вывеской «БИООТЕЛЬ».



Берлин. вечером я узнаю, что утром между Шлайцем и Ледерхозе на автобанае потерпел крушение грузовик, везший 22 тонны стали. брюхом сев на бетонную разделительную полосу, грузовик встал поперек, эффектно рассыпав стальные листы. никто не пострадал, но пробка продержалась часов восемь.

29 мая. владелец квартиры матери соседки снизу, по словам последней «жадный баварец», в период дешевизны купивший сразу целый ряд квартир в Берлине, с помощью соседей матери выживает ее: те, видимо, по его заказу, подбрасывают ей вонючие бомбы, а ночью то звонят, то ногами барабанят в дверь. владелец хочет избавиться от девяностолетней старуш-

ки, чтобы выгодно продать квартиру – освобожденная от жилья, она вырастет в цене.

30 мая. Тиргартен. воздух и зелень. кусты-великаны рододендрона, фиолетовые, с вкраплениями красного. памятник Вагнеру от кислых дождей защищали крыши. от хулиганов крыша его не уберегла.

31 мая. под окнами непривычно тихо: проводят велогонку, нет машин. велосипедисты проезжают пачками по десять, двадцать и больше, за ними – разрозненные индивиды, отбившиеся от стаи. на перекрестке собираются старички и дети, хлопаньем в ладоши подстегивают участников гонки. тетенька лет сорока пяти, в белой майке и ярко-пурпурном шарфе, развернув простыню с разноцветной надписью «МАРК, ТЫ – АС!», терпеливо стоит с полчаса, ожидая своего героя. Марк все не едет. тетенька, устав, опускает попеременно то правую, то левую руку, сгибает в локте, сжимает-разжимает кулаки, перетаптывается, оглядывается, унывает... но как она оживает, когда наконец является ОН – объект ее внимания! с нее мгновенно слетают признаки утомления – выпрямившись в струнку, она с радостным криком расправляет транспарант, задрав его на уровень груди, торжественно предъявляет его Марку, будто он не плетется в хвосте оравы всей, а лихо мчится впереди, в авангарде, всех опережая. МАРК, ТЫ – АС! любовь...

церковь на Гроссе-Гамбургерштрассе внешне поразительно похожа на Петропавловский собор в Санкт-Петербурге. внутри – ангелы над надгробьем. парк Монбизу: запах травы. информационный щит: «С 19 ПО 23 СЕНТЯБРЯ 1717 г. В ХОДЕ ВИЗИТА В БЕРЛИН ВО ДВОРЦЕ ПРЕБЫВАЛ РУССКИЙ ЦАРЬ ПЕТР I СО СВОЕЙ СВИТОЙ. ОБ ЭТОМ ВИЗИТЕ СЕСТРА ФРИДРИХА II ПРИНЦЕССА ВИЛЬГЕЛЬМИНЕ РАССКАЗАЛА (СОКР.): „ПОСЛЕ ОТБЫТИЯ ГОСТЕЙ ДВОРЕЦ ИМЕЛ ВИД ИЕРУСАЛИМА ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ. НИ РАЗУ ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ НИЧЕГО ПОДОБНОГО Я НЕ ВИДЕЛА. ВСЕ БЫЛО РАЗОРЕНО ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ, ЧТО КОРОЛЕВА БЫЛА ВЫНУЖДЕНА ПОЧТИ ВЕСЬ ДОМ ОТСТРОИТЬ ЗАНОВО“». набережная: солнце, ветер, вода, катера.

мимо бетонного каркаса Городского дворца, памятника Марксу и Энгельсу, вдоль строительного забора, завешенного фотографиями природы. каменному льву шутники покрасили глаза в желтый. к шлюзу подплывает катерок, заезжает, ворота за ним закрываются. хлещет вода, поднимает его. ворота раскрываются, катер выезжает. описывая полукруг, уходит по дальнему протоку. кирпичная башня городского музея. маячащий тополь, легкий бриз. можно вообразить побережье моря. в руине монастыря скульптура художников ГДР.

1 июня. Берлинская галерея: Новая вещественность. картина маслом А. фон Вернера 1908 года: открытие памятника Вагнеру при стечений политической и культурной элиты столицы. кое-кого из знаменитостей и просто дея-

телей на табличке называют поименно. на первом этаже – выставка неосуществленных архитектурных проектов Берлина. например, аморфного здания, планировавшегося у вокзала «Зоологический сад».

2 июня. в продуктовом разительная вонь от бомжа, стоящего в кассу за мной. ну не надо так пахнуть на меня!

7 июня. парк у Северного вокзала, разбитый на бывшей пограничной полосе. березы, мягко освещенные вечерним солнцем. возле кладбища на Лизенштрассе – пасека. «мед кладбищенский» (В.). напротив внушительного нового комплекса Федеральной разведывательной службы возводится улей жилой. на торце большой плакат: «HIER BAUEN WIR FÜR SIE. BAM³²». в дословном переводе «здесь мы строим для вас. BAM».



8 июня. Наумбург. дует ветер, похолодало. собор. резные кресла и кафедры в восточном хоре, играющие в шахматы обезьяны на капители колонны. на летнере сцены из жития Иисуса Христа, в западном хоре скульптуры именитых учредителей. красные витражи Нео Рауха и строгое расписание XII века в крипте. мясистые школьницы-подростки в вызывающих шортах. в соседней с собором церквушке очень уж готические (читай: извивающиеся до кокетства) фигуры алтаря.

в городском храме на центральной площади нас удивляет святой, у которого за обилием волос мы не можем разглядеть лица, разве что ноздри в бороде. над святым клубится барочный орнамент, напоминающий крэгговские нагромождения.

по Венцельштрассе мы доходим до дома, в котором Ницше провел семь лет безумия под опекой матери, пока та не умерла в 1897 году. около памятника философу времен ГДР дети руками затыкают фонтан.

«а кто из них – Ева?» – вслух задаюсь я вопросом перед рельефом двух оголенных мужчин под деревом на фасаде дома. «тот, который менее волосат, он и есть Ева». – со смешком отвечает В. вот как.

в возвышенном настроении мы покидаем город. не разобравшись, в какую сторону нам надо, запутываемся в указателях на «OBERKAKA» и «UNTERKAKA». промазываем автобан. найдя наконец въезд, оказываемся за грузовиком с польскими номерами и надписью «KAKALEWSKI». неместный к месту попался.



12 июня. Мюнхен. на промышленной выставке через полчаса после ее закрытия. стенды разбирают рабочие из стран Восточной Европы. украинец

32 Название строительной компании.

Б. научил всех своих коллег, в том числе немцев, говорить «слава Украине». при встрече с ним они так и здороваются, хлопая его по плечу.

14 июня. за мостом у Дома искусства, как и тридцать, и двадцать пять лет назад, на волнах быстротечного Ледяного ручья³³ выписывают зигзаги серфингисты. ничего с тех лет не изменилось, разве что волны немного выше, и прыгают на них уже не в одних плавках, а в специальных термокостюмах. доску привязывают к ноге, чтобы не уплыла, когда сбивает с нее волной.

по краю Английского сада до университета и сквозь него с осмотром мозаики над входом в актовый зал. в одном из дворов мы в беседке переживаем ливень.

Дом Ленбаха. полотна Марка, по В., выдающегося, но недореализовавшегося гения.

15 июня. починка барабана для шланга. возясь с ржавыми железзяками, покрытыми остатками синеватой краски, вдруг чувствую себя механиком советского колхоза, с руганью ремонтирующим трактор. будущее тем и светло, что только предстоит еще.

16 июня. лавка церковной утвари. продавец смеется с запозданием, будто предварительно испросив благословения божьего и... не сразу получив его.

Городское кафе на Якобсплац. — «ты как думаешь, после смерти люди встречаются? — спрашивает П., режиссер документалки о войне на Украине. — и с кем тебе хотелось бы?» — «хотелось бы с теми, с кем не удалось поговорить», — «ответ любопытный, — улыбается П. и кивает на синагогу через площадь. — вы ведь евреи». — «это неизвестно». — «ты похожа». — «В. считает, что нет. каждый видит то, что хочет видеть». — «остроумно».

22 июня. я покупаю горшок с биркой RUSSISCHER BASILIKUM. на обороте которой объясняется, что русский базилик родом с Крыма. интересно, под каким названием его продавали до конфликта. нынче он немного вял, нуждается, видно, в воде. а вода у нас есть в изобилии. третий день все с неба льет. достанется и ему, Крымумоему.

25 июня. к восьми часам утра перед продовольственным выстроилась очередь человек из тридцати. — «смотри, — говорит баварец средних лет жене, — все ждут, чтобы отворилась дверь... как ворота на небеса».



автобан: PAPIK (венгерские номера), BABIK (польские). дальше я жду чего-нибудь вроде BOBIK, но вместо этого нарисовывается фура с луганским адресом на боку. затем – номера российские и белорусские. и наконец, BABINSKI. Берлин. рабочая неделя божемного художника: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье.

26 июня. у светофора в Веддинге крутится куб, на одной из сторон которого – логотип из трех... нет, не букв, скорее букет из НИХ САМИХ, изображающий корону – реклама того самого ДИЛЬДОКИНГ. СЕКС ДЕЛАЕТ КРАСИВЫМ. метрах в пятистах отсюда – новый комплекс внешней разведки (соседкой снизу называемой «Штази вест»).

зачем буржую х...?
буржуйку поугаать, уй-уй.

27 июня. от дождя мы укрываемся в подъезде у Александерплац. из укрытия фотографируем воду, низвергающуюся с неба, отскакивающую с асфальта каплями, на тротуаре стекающую в лужи, тянущуюся за автомобильными колесами шлейфом, брызгами.

28 июня. – «он, этот, как его, написал уйму книг, знаешь, наверное, щас скажу – „Балбесы“, „Подбросок“, „Прегрешение и назидание“...» – «„Разрешение и заседание?“» – «во-во!»



3 июля. Мюнхен. в горшке, набитом галькой, нервно жужжит толстый шмель. решив, что он одурел от жары, я выуживаю его и сажаю на землю. шмель, беспомощно вертя крылом, поспешно уползает по направлению к северу. по дороге вскарабкивается на стебель травы, пытаюсь взлететь – не получается. покружив по раскаленным камням террасы, лезет по шероховатой стене дома. срывается с тридцатисантиметровой высоты. переворачивается на лапки и тащится в темный угол гаража – умереть.

4 июля. перейдя из безветрия раскаленного летнего дня в сырую прохладу церкви Святой Маргареты, в изумлении внимаю не то пению, не то бормотанию дюжины прихожан (десятка старух и двух стариков), с гипнотическим постоянством множественно повторяющих молитвы розария. пробуждение от свежести пространства сменяется погружением в транс, наводимый полифонной монотонностью медитативного перпетуума мобиле речитатива. название города «Мюнхен» – от слова «монах».

7 июля. мертвый дрозд. упал в изгиб шланга на террасе, словно в люльку лег. жил дрозд и отжил свое. теперь – отпевание дрозда.

8 июля. «дрозд, – вспоминает соседка справа, – чудесно пел. около нас сидел. надо похоронить. я помогу». у калитки мы откапываем небольшую ямку. в нее кладем дрозда. «молитву скажем?» – соседка смеется. засыпав ямку землей, мы расходимся по домам.

11 июля. сегодня Мюнхен преобразился в Берлин. на Мариенплац под громкую музыку празднуют CSD. на прилегающих к Виктуалиенмаркт улицах засилие радужных флагов, ломящиеся от посетителей тематические кафе, осажденные боевито раскрашенными мужиками. на фоне городских ворот фотографируется загорелый молодой человек с бородой, облаченный в римскую тогу, у станции метро обнимаются подвыпившие участники торжества. по платформе подземки идут двое ВЕСЕЛЫХ, в черных майках-безрукавках и шортиках, щеголяя волосатыми ногами. тот, который сзади, подняв руку, сверху показывает на идущего перед ним, задорно крича: «этот чувак – голубой! этот чувак – голубой!» – кто-то из толпы в ответ улюлюкает, но больше никто не отзывается. я возвращаюсь на поверхность, заряжает ливень, и я ныряю в обувной. «когда открывают дверь, дождь становится сильнее», – отмечает женщина, глядящая в окно. «где – спрашиваю я, – в помещении?»

13 июля. ухогорлонос: «причину возникновения звука установить сложно. источником, к примеру, может быть напряженный участок в области шейных позвонков. часто такие явления исчезают сами по себе – так же внезапно, как и начались. главное – не впадать в панику, лучше просто не обращать внимание».

16 июля. «никакого света там нет, – утверждает П., – в детстве я тяжело заболел, врачи не смогли спасти меня. я пережил клиническую смерть. нет там света. ничего там нет. темно». – «не страшно?» – «я ничего не боюсь. все мы там будем».

18 июля. в саду я сажаю гречишник. пусть обрастет монструозную тую соседей слева. задушит. в паре с ладаном. а есть ли растение с названием грешник?

слева – пшеница, справа – овес,
над полем – пыльное небо.
по лесу «панорамная дорога» ведет.
с которой видна не панорама,
а зрелище – два чернокожих баварца.

19 июля. П.: «с тех пор как я вернулся в Киев, моя жизнь стала богатой на события». «у меня наоборот. с тех пор как умер отец, моя жизнь остановилась».

20 июля. соседку справа укусил комар. укусил так, что глаз заплыл, словно ее побили. на днях она с мужем сходила в ресторан. с заплывшим глазом.

в ресторане муж вынимал-вставлял свои челюсти. рядом с ними, поперхнувшись, встали. отошли и пересели за дальний стол. «тебе не стыдно?» – спросила соседка у мужа. «стыдно за что? – вопросом ответил муж. – за глаз?»

25 июля. в Москве на шестьдесят пятом году жизни умер художник С. «не верится, – говорит В., – он казался вечным. он был таким... живым».

26 июля. «и почему ты приехал один? – спросила жена С. у В. шесть лет назад на Красноярской биеннале. – мы с С. всюду ездим вместе. мы не расстаемся ни на один день».

28 июля. кончилась жара, и кажется, будто кончилось лето. скончался человек, и кажется, что кончилась жизнь.



только припарковалась в Берлине и вышла из машины, подруливает джип: «вы не уезжаете?» «не-е-ет! я постою...»

у фонтана перед Старым музеем человек двенадцать под заводную фонограмму исполняют латиноамериканские танцы, меняя партнеров, хлопают в ладоши. на боковой стене галереи современного искусства дрыгается тень дерева – голова зверька, приоткрывающего пасть, скалящего зубы, подергивающего ушами: что-то норовит укусить. танцуют и на площадке за музеем Боде, под рок-н-ролл – правильная телка с хвостом и челкой с лысым мужиком, профессионально виляющим задом, высокий угловатый кавалер в оранжевой майке с маленьким подвижным очкариком в поло-сатой футболке. Берлин.

29 июля. закупившись продуктами, под кленом опускаемся на скамейку, смотрим на тополя. мимо чапает стареющий рокер с черной собакой, ковыляющей медвежьей походкой. мужчину с блондинистой прядью на бритой голове, на руках годовалый малыш, сопровождает дочь, длинная девица лет пятнадцати, волосы ниже плеч. собака-лиса – озорная, легкая, прыткая. проход на улицу у нового многоквартирного дома зарос дикой ежевикой, обильно зреют сочные ягоды.

31 июля. корявые буквы на Вайдендаммербрюкке: «ICH FICK WILL IN LIEBE» (дословно: я трах хочу в любви). подпись: REINER. под деревьями Жандарменмаркт поводками запутались мини-шнауцер с овчаркой, перед концертным залом дудит подслеповатый саксофонист. над западным фасадом Городского дворца набухает купол. вплотную к церкви Шинкеля, закрывая вид на кирпичный шедевр, строят стеклянную коробку. на мосту за собором русская женщина в извечно белом берете на аккордеоне играет французский

шансон, перед ней по мостовой одиноко кружится парочка туристов. на танцплощадке за музеем Бодэ пляшут под пенье Эллы Фицджеральд, собака гавкает с края, в отличие от танцоров попадая в такт. из деревянного амфитеатра раздаются заключительный крик, аплодисменты, на уровне второго этажа распаивается дверь, наружу вылетает актер в прилегающем к телу черном костюме. избежав столкновения с шипами забора, слезает на землю по узким сходам.

1 августа. у собора классика рока. трое парней собирают публику. и деньги. худющий лидер группы самовлюбленно встряхивает светлой головой, прокуренным голосом надрываясь в микрофон. над порталом Рейхстага бронзовое посвящение «ГЕРМАНСКОМУ НАРОДУ», но на лестнице под ним нет никого – для обеспечения безопасности народ оттеснили за ограждения.

2 августа. с колокольни за Ведомством федерального канцлера по парку разносятся звуки. вокруг колокольни присели на разогретый солнцем камень, на траву. слушают: Сати.

перед Картинной галереей меня встречает издатель М., на пару дней приехавший из Праги. в музее – выставка рисунков, офортов, акварелей, изображающих собак. Дюрер, Рембрандт, Тьеполо, Лепик... «вы любите странности, – полагаю я, – но эта выставка недостаточно странна, чтобы вы писали о ней». «нет», – улыбается М.

расположившись в кафе, он описывает способ действия наркотика ибогамин, при помощи которого можно узреть свои прошлые жизни.

«я пишу дневник, – прощаясь, признается он, – каждый день. записываю все, что происходит. а вы читайте Пришвина! до свидания!»

3 августа. «привет, – говорят носки в моих ботинках, – а мы уже на месте. пошли!»



Вайсенфельс – город композиторов и музыкантов, закрытых по понедельникам музеев, мемориалов и церквей, а также невиданного количества обширных татуировок на голых телах.

в булочной у фонтана продается лимонное мороженое, улицы сохранили гэдээровские названия – Карла Маркса, Вильгельма Пика. в родном доме Новалиса разместили городскую библиотеку. из нее выходит местный интеллигент, пунцоволицый, с седой косичкой, отстегивает велосипед, водружает на него и отъезжает, виляя. в саду среди роз накатывает дремота. дворец на горке отремонтирован ровно наполовину – граница между побеленным правым флигелем и обшарпанным левым проходит по башне в се-

редине дворца. вдалеке тянется серебристая лента – автобан. сто раз мы проезжали по нему, не зная другой перспективы. «спуститься в центр? – переспрашивает бабка в туристической обуви и, переглянувшись с подругами, почему-то хихикает, – обойти дворец, по парку прямо, а там – мно-о-ого-много ступенек, по ним и дойдете». на миг мерещится, что бабки – ведьмы. оседают метлы и полетят над островерхими крышами.



5 августа. Мюнхен. в неприметных витринах на станции Трудеринг выставляют три пожелтевших листа бумаги в клетку форматом А3: чертежи расположения могил, найденных в ходе сооружения станции. нескладные скелеты приветливо щерятся из-под стекла. Труперинг.

6 августа. «я не знаю, что будет после смерти, – размышляет джан армянин, – но уверен, что сознание бесконечно».

7 августа. вечером гостящая у нас московская подруга В. возвращается с прогулки. «жарко, – устало вздыхает она, – спасали только церкви. ходила из одной в другую: прохладно, – хохотнув, добавляет: так можно обратиться в веру».



8 августа. на юг, в сторону Тегернзе в пробках из машин отдыхающих. после развилки (нам направо) дорога свободнее. по деревням. за холмами холмы, мягко, ненавязчиво, на горизонте все выше горы. нарядные крестьяне на тракторах.

в Штайнгадене, наконец, осмотр Визкирхе и часовни при ней, чтение путеводителя, ознакомление с историей. в коридоре трактира на подступах к церкви стеклянная рама с фотографиями: 1992 год, Горбачев с визитом. переводит Ф.



в Штаффельзе В. с подругой купаются. на песке дремлет черный пес-тяжеловес в широком красном ошейнике: лабрадор. плещутся волны, квакают утки, из воды выходят хозяева пса, молодой человек с девушкой в теле. пес радостно вскакивает, визгливо суетится, девушка с успокаивающими словами от дерева отвязывает поводок. заметив двух собак около скамейки у тропинки, пес мчится по направлению к ним. «сюда! – командует девушка, – ко мне!» – но пес несется. девушка бежит за ним: «КОБА! КОБА! КОБА, КО МНЕ!»



10 августа. Вальпертскирхен. «пару месяцев назад я поняла, что изменю свою жизнь, – рассказывает бабушка полудюжины внуков. – я так взволновалась, что не смогла заснуть. встала и в одной ночной сорочке полезла на чердак перебирать вещи. то, что сочла уже не нужным, отложила. потом отдала. я даже выбросила очки, потому что мне показалось, что мне лучше без них. но это я поспешила, ночью за рулем не вижу вообще. свою электронную почту я стерла, в случае острой необходимости переписываюсь через почту мужа. вот вам его адрес».



Эрдинг. неожиданные ассоциации с Италией: рыночную площадь вымостили узором из квадратов с диагоналями, верхние этажи доминирующего здания, построенного в стиле Возрождения, покрасили в кирпичный цвет. колокольня городской церкви стоит отдельно, что вовсе нехарактерно для Германии. на высоком постаменте скульптура рыцаря. речка, мост и тень моста на листьях деревьев на противоположном берегу. водопад и отражения в воде. и тень моя, машущая мне.

домой среди золотистых полей, ориентируясь на низкое солнце. Вайсенфельд, Оттендихль.



14 августа. перебравшись через Дунай близ Фобурга, мы вкатываем в Ингольштадт. старинная крепость, военный музей, памятник императору Людовику Баварскому с рогатым шлемом у ног. четырехэтажные жилые дома с фронтонами (нем. Giebel), кафе «FINGERLOS» («беспалое»), величавый готический собор. и церковь Мария де Виктория, воздвигнутая братьями Азам и расписанная ими же. на пятисотметровом потолке гигантская роспись – энциклопедия мира и истории веры. Бог отец и сын, Богоматерь. Афина Паллада, царица Савская. три волхва и ректор университета. Адам с лопатой, обвитой змеей, Яхве, вещающий из горящего куста, жертвоприношение Исаака. сиреневая пирамида и эфирно-желтый греческий храм. африканские звери, кроваважно разевающие пасти и высывающие мясистые языки. из угла над входом в сакристию, где выставляют дароносицу, изготовленную в честь победы над турками при Лепанто, глумливо глядит лепной бюст единорога.

полученный катарсис мы отмечаем мороженым – лимон с базиликом. под гром, молнии и сильный ливень выезжаем из города. за Гредингом сзади, беспардонно сигналив, напирает красный грузовик с латвийскими номерами. когда В. поднимает телефон, чтобы сфотографировать дорожного хулигана, тот врубает дальний свет. В. делает ему жест поперек горла, во-

дитель грузовика, изображая удивление, разводит руками (стотонная фура без управления). чего, мол, хотели.

за Небесными прудами я, засыпая за рулем, боковым зрением цепляю крупную надпись на белом щите: «Я ДЕРЖУ ТЕБЯ. БОГ».

на стоянке мы проваливаемся в глубокий сон. два часа, оставшиеся до Берлина, мчимся по кромешной тьме под вердиевскую «Леди Макбет»: «O vista, o vista orribile!³⁴» – в полтретьего ночи на въезде в город минуем бронзового берлинского мишку, пляшущего на задних лапах, маша передними.

Тиргартен. две рыжие лисы с белыми хвостами деловито перебегают проезжую часть и с уверенным знанием местности скрываются в зелени перед резиденцией федерального президента. рекордные пятнадцать часов в пути.



16 августа. Берлин. за двенадцать лет нашего знакомства сын В. вырос в здорового верзилу. веселого, неотягощенного. усевшись за кухонный стол, он хохочет надо мной, появляющейся в дверях: «вы похожи на персонажа из мультфильма – маленькую, худенькую девочку в коротких штанах, рубашка навыпуск, волосы собраны в хвост». «наглую», – поправляет В. «с рогаткой», – добавляю я. – благодарю за комплимент. живешь ты как?» – «нормально. работаю». – «работой доволен?» – «доволен». В.: «деньгами!»

17 августа. в Далеме все большое – дома, сады, деревья. собаки. в домах прячутся, сады пусты, собак выгуливают стаями, вдоль озера, объявленного охранной зоной, где под ногами хрустят желуди и скачут мелкие пятнистые лягушки ржавого окраса. в бывшей мастерской А. Брекера выставляют скульптуру 1945–1955 года – скрюченного «Освобожденного» Г. Кольбе, широкобедрую «Майю» Г. Маркса, истуканистую «Одну фигуру» Б. Хайлигера, обживаемую полупрозрачным пауком, плетущим свое филигранное жилище между правым плечом и щекой. рядом, в музее Брюкке – экспозиция произведений Хеккеля и Кауса, разреженных графикой Мюллера и Шмидт-Ротлуфа. Кирхнера нет. покажите мне любого из них, и я не скажу, кто есть кто. только у Кауса все мужчины списаны с него самого, а все женщины и есть его жена.

в метро реклама живописца О. Maslo. и новость: самый высокий подсолнух Берлина вырос в Бритц.

«я прочитала свои дневники с одиннадцатого года. сколько всего написано... сама не понимаю, зачем». М.: «это вам так кажется – теперь... пройдет время, поймете. вы вправду читайте Пришвина».

34 Какой ужасный, страшный вид! (ит.).

20 августа. вечером я прибыла в колонию. общего или строгого режима, не помню. по-моему, разъяснений на этот счет никаких не было. меня, предварительно освободив и отмыв ее, поместили в камеру на четверых. без окон. хотя я была гостем, мне ужина не дали. я питалась остатками шоколада, привезенного с собой.

где я? сколько пробуду? накормят ли утром? в голове роились вопросы. потом я проснулась. и выглянула в солнечное берлинское небо. я здесь. я без понятия, сколько я тут пробуду. но от завтрака сегодня не откажусь. кто знает, чем кончится день.

21 августа. выспавшись хорошенько, я быстрым шагом захожу в небольшой зал с богатой отделкой. все уже в сборе, тихо переговариваются между собой. в центре – стол, плотно уставленный роскошными яствами. «а что у нас на завтрак?» – бодрым голосом интересуюсь я и, непринужденно нагнувшись над ближайшей корзинкой с разными сортами хлеба, хватаю хрустящую белую булочку. откусываю: «прелесть! свежайшая!» – жую, доброжелательным взглядом окидывая собрание. собрание, замолкши, уставилось в меня. молчат посол, его супруга, зампосла и вся их свита. без выражения смотрят на меня. глотнув, я осмысливаю ситуацию. и соображаю: посол-то украинский. по-русски при нем не говорят. позор. я когда-нибудь ранее уже так промахнулась?

далее – по известному сценарию: просыпание, окно и небо. Берлин.

22 августа. мне снятся родители.

23 августа. на территории клиники Шарите табличка: «ПАЗИТОЛОГИЯ». на улице Фридрихштрассе: «БАНК СЕМЯН». у изножья «Золотой Эльзы»³⁵ кто-то потерял трусы.

в Тиргартен дохлая мышь и окаменелые пни спиленных деревьев. гонятся велосипедисты, играют псы. на лодках катаются парочки в соломенных шляпах и темных очках. у озера предупреждение: «ВЫХОД НА ЛЕД НА СВОЙ СТРАХ И РИСК». скульптура Моцарта с лицом взбалмошного банковского клерка.

«в этом парке, – обнаруживает В., – все лошади похожи на последнего кайзера».

магазин электроники. я изучаю новые модели цифровых камер. продавец, с расторопным вызовом: «чем вам помочь?» «ничем». продавец снижает. я утешительно улыбаюсь ему: «надо будет, обращусь». погуляв между полок, он с тем же вопросом, заданным с той же интонацией, подплывает к следующему покупателю.

35 Колонна, увенчанная позолоченной фигурой богини победы Виктории.

24 августа. на козлах повозки рядом с кучером развалился рыжий в яблоках мопс. дрыхнет на жаре. тоскливые морды двух лошадей – надоело возить храпящего пса.

25 августа. седьмая годовщина со дня смерти отца. и семьдесят четвертый день рождения его близкого друга, проживающего в портовом городе на севере. друг на два года старше отца. «здорово, что позвонила, – подытоживает он час разговора, – не проходит и пяти минут, и мы общаемся как прежде».

П.: «нет времени. времени нет».

26 августа. кладбище района Доротеенштадт. двойные могилы, как супружеские кровати. у Фихте шире, чем у Гегеля.

в окно весь день с перерывами звучит музыка соседа из дома напротив. рок, джаз, классика, но непременно вразрез с нашими вкусами. «месяцами...» – вздыхает В. колонки у соседа стоят на подоконнике, развернуты на улицу.

27 августа. В. сворачивает в тугой рулон едва просохшие картины.

28 августа. из аэропорта Тегель он вылетает в Москву открывать свою выставку.

29 августа. «у нас сегодня концерт!» – возвещает седая дама в узеньких овальных очках на входе в Церковь памяти кайзера Вильгельма. «спасибо... выступает мой брат». «о, это прекрасно!» – напевает привратница и впускает меня внутрь. брат играет, и звуки парят в по-шагаловски синем пространстве нового здания церкви, после войны возведенного рядом с полуразрушенной старой колокольней. с улицы доносится редкий гудок, крик, звонок велосипеда. «я приеду еще, – решает брат, – мне понравилось».

30 августа. в федеральных министерствах очередной день открытых дверей. помощник министра окружающей среды сообщает посетителям, что госпожа министр усыновила носорога. я предлагаю, чтобы она в оживление германо-российского сотрудничества усыновила и сибирского тигра. помощник теряется. экскурсовод, спеша выручить его, говорит, что шефство над сибирским тигром я могу взять сама: «в зоопарке недавно родилось трое. кого-то из них уже усыновили». «не главы других министерств? внутренних дел, иностранных?» – «нет...» после этого кто-то задает вопрос о велосипедных дорожках, и становится менее интересно. а потом нам с высоты пятого этажа указывают на стройплощадку «Газпрома», расположенную непосредственно рядом с министерством, на линии, по которой проходила Берлинская стена.

3 сентября. «а как это можно повторно пережить прошлое? – задумывается на мое изложение целей применения ибобаина коллега, бывший однокашник по университету, в течение учебы снабжавший меня русской литературой из своей личной библиотеки. – чтобы переживание было достоверным, нужно столько же времени, сколько то прошлое занимало! когда мне посчастливилось в полном одиночестве провести неделю в Швеции, я стал рисовать. у меня была баночка акриловой краски, но не было кистей. я использовал ватную палочку. по ходу дела она все больше растрепывалась, отчего мои мазки постепенно изменялись. получилось весьма увлекательно». – «и что ты сделал со своими рисунками?» – «спрятал в шкафу, в который лезу крайне редко». – «и никому не показал?» – «нет». – «почему?» – «они мрачные. и не представляют никакой художественной ценности». а необходимо ли «художественная ценность», чтобы тронуть чью-нибудь душу?

4 сентября. я звоню в Москву, вдове С. «мы были в кино, – рассказывает она тоненьким птичьим голоском, – посмотрели фильм о колонии художников в Индии. когда вышли на улицу после кино, ему стало плохо. мы вызвали „скорую“, повезли его в больницу, поместили в реанимацию. той же ночью он умер. на следующий день моя племянница увидела его билет на фильм и обратила мое внимание на название: „ЗАВТРА МЫ ИСЧЕЗНЕМ“».

так вот. я отвлеклась. в чем был вопрос? с чего я начала?
вопрос был в том, зачем я приехала.
да. зачем? зачем я приехала?

я приехала затем, чтобы уехать. и приехать снова.

АЛЕКСАНДР ИЛЬЯНЕН

МИМОЗА И БАОБАБ

отец В. произнес: «молчание это самый громкий крик» и попросил перевести. Le silence c'est le cri le plus haut. Чтобы эту сентенцию произнести, мне пришлось даже встать, откашляться, выдержать паузу

лё сиянс сэ лё кри лё плю о

оляпка. Опечатка, оговорка (Стелла и птицы)

отец В. в теремке

поссорился и помирился с госпожой Б.

(война и мир нашего снежного, черно-белого магического реализма из-за зим)

вчера ездил, получил полис в Веселом поселке. Стоял у березы на остановке. В прекрасном весеннем настроении – ожидании.

сейчас попью чаю и поеду к госпоже на Театральную пл.

(на Театральное море)

можно влюбиться в кого-то на несколько часов!

вологодские: гейши, масло и кружева

между серебром лунного света (молчание) и золотом (солнце) разговора был вчера спуск в мир Ленинского проспекта (девушка из офиса дала сатисфакцию), я поехал в салон госпожи на Театральную. Приехал Саша-фельдгегерь. И мы погрузились в вербально-эротические игры.

я заметил, что город состоит из миргородов, угличей, омсков и новосибирсков, а также тотъм, вел. новгородов, устюгов и ростовов великих (Весёлый поселок, Вас. остров, промзоны вдоль Невы, ойкумены Парнаса и места, куда не ступала моя нога и не простиралась даже мысль). Я в посл. время полюбил пригороды и часто бываю там.

Ж. Грак, план города

следует или не следует, как это делаю я, то есть описывать одно и то же, кружить вокруг да около, но таков мой организм. Место, где

я живу, у Уткиной заводи, напротив речного вокзала (кот. кстати разрушили, когда Коля гостил у меня в прошлом году), это оазис невосковой промзоны на Правом берегу Невы. Аркадий был восхищен, Хосе тоже («как во Франкфурте!»). Люди не надменные, наделенные поэтическим или философским складом ценят место. Я полюбил «как вечность болот», от терпения, из мазохизма. Меня всегда тянуло уехать назад, на Фонтанку, Рубинштейна (город, который мы потеряли). Теперь, должен признаться, уже не тянет туда. Формула Аркадия «мне плохо везде» помогает. Потому что за «плохо» как за облаками читайте «хорошо».

в ресторане La Tour d'Argent

как Жан Жене решил погрузиться в пассивизм

Сатр. Saint Genet comedien et martyr

«далекий как Аргентина или седина» А. Чёрный

нездешний вечер, теплый, вологодский. Словно белые печи, на которых расцвели цветы, которые срисовывал Кандинский. У Даши в музее

словно вологодская ссылка случилась или повторилась (ведь Вологда город ссылок)

кто втайне не мечтает о ссылке? (они признак удавшейся жизни)

до вологодского вечера зашел в любимый с детства музей истории религии и атеизма, который сегодня Казанский собор.

«у ней такая маленькая грудь»

у гейши по имени Артём волосатая грудь, крепкие ноги, карие глаза

в метро, когда ехал на вологодский вечер, читал Гёльдерлина

schoener als Kriegsmusik («слаще звука военной трубы»!)

источники, камни, кирпичики сравнительного идиотизма

Валя, а помнишь Вадима? Глюкю, Цаплю, Спирихина? где мы познакомились? на перформансе на философском факультете. Цапля сказала «это Валя, наш арт-директор»

однажды мы проснулись у Глюкли. Валя, Вадим

дороги и тропинки романа. Я потерял Валю у Спаса-на-крови.

Валя – девушка, похожая на героиню Брэдбери (Она идет с подушкой из тополиного пуха. Красивая в сером плаще. Или прячет книги от пожарников)

двадцать третье февраля начали отмечать с Валей он-лайн

Спирихин называл Валу «Валюша»

Валя! какой ты запомнила Ларису? Ты ведь жила у нее летом. Помнишь?

Свету Спирихин называл «Светланка»

однажды летом 97 года мы собрались на Театральной пл. Валюша, Светланка и наша хозяйка гостиницы. ля локандьера, по-итальянски

Коломну расселяют, и госпожа Б. присмотрела себе квартиру рядом с Десятниковым, чтобы слушать звуки музыки из открытого окна

Сережа в Вене живет. А Валя в Штутгарте

(на Западном фронте без перемен)

госпожа купила шубу, но мерзнет. Может быть, валин привет согреет ее

Сережа говорит «в западных областях». Напр. «вернулся к себе в западную область»

Валина шкатулка с котиком

один из лучших дней армии выдался в Париже, где я оказался по работе. Туда на свиданье из Кёльна приехала Еля. Накануне я сходил на концерт Шопена (в маленькой восточной церкви недалеко от Нотр-Дам)

госпожа Б. запомнила мой рассказ из жизни Мазоха («у венской актрисы были три мужчины. Студент – для любви, богатый, чтобы содержал. И писатель – для разговоров»)

у госпожи есть и лисья шуба

(письмо Вале о шубах, которые не греют)

а помнишь, Валя, как мы приехали на день рождения к Аркадию. На доме были нарисованы звери. А возвращались с Сашей Скиданом («дорога в У»)

«Домик няни» (я подозреваю так называется основная линия романа)

спасительная бездна сердца. Мы в маршрутке: Оля А., Скидан А. и Валя. Все оказались упавшими в бездну валиного сердца. И там, как в стихотворении Лермонтова, лежим на дне.

Филипп Жакотэ. Philippe Jaccottet

Raques a New York 23 февраля в Санкт-Петербурге. Люблю Блеза Сандрара «странную любовь»

когда я стоял на остановке Невского лесопарка, вчера, пасмурным днем, ожидая автобуса, из-за поворота на огромной скорости проехала оранжевая машина, и запах навоза разлился в воздухе

словно сильнейший парфюм. Вдруг стало очевидным, что запах навоза совсем не раздражает меня в отличие от дешевых духов, туалетной воды и стирального порошка. Запах весны, родных полей, роз и денег в психоанализе и снах).

когда я шел на вологодский вечер, обратил внимание, что кафе «богарт» закрыли и вместо него кафе «укроп». То был не тот Богарт, кот. я люблю (Богарт «слуги» и «смерти в Венеции»)

общество пограничных состояний

среди пяти любовей самая любимая «странная»

«о если бы я только мог» написать длинный свиток с перечислением обществ, в том числе под названием «общество с ограниченной ответственностью «кондор», что продавало пирожки во дворе апраксина двора. Общество трезвости «Синий крест» в Швейцарии. Общество обожания. Общество любителей женского и детского языков

общество одинокой прогулки «двадцать третье февраля»

сварить кашу и оплатить счета (общество оплат коммунальных услуг) в месте, где был погост Фарфорового завода. Общество щей да каш наших пищ им. 24 февраля

общество «ни дня без строчки Гёльдерлина» им. 24 февраля

общество бывшего снега (*les neiges d'antan*)

общество памяти романа Оноре де Бальзака «утраченные иллюзии» *Les illusions perdues*

общество бывших друзей романа Мишеля Турнье *Vendredi ou les limbes du Pacifique*

общество друзей немецкого перевода романа Мишеля Турнье «Ольховый король» *Der Erlkoenig*

общество тех, кто помнит здание дворца культуры им. Первых пятилеток и в то же время любит новую сцену Мариинки, особенно в часы заката или когда в ней загораются огни

мораторий на употребление слово «общество». Вчера в трамвае, когда ехал на Рабфаковские, встретил Валеру, человека лунного света, который, увидев меня, застенчиво улыбнулся и тепло поздоровался, когда я в ответ улыбнулся, его я встречал в публичных местах, а однажды увидел в обществе адмиральши на Московском вокзале. Это большая рекомендация. Пока ехали две остановки (я выходил за церковь «кулич и пасха»), хорошо поговорили о духе сего места. Я успел показать ему мой дом в просвете домов, на том берегу...

общество тех, кто, желая написать фразу из Гёльдерлина, недоумевают, не найдя «о» с умляутом

Ещё недавно невский лесопарк был полон лыжников, гуляющих людей, с детьми и собаками. Вчера там царило великое безмолвие. Только в деревянном храме, где мексиканские резные иконы, о. Алексей етс

(лес, общество безмолвия вчера)

день рождения Александра Секацкого.

общество тех, кто помнит, что сегодня ДР Секацкого Александра Куприяновича

был на погосте Фарфорового завода (ныне сквер, где метро «Ломоносовская») и на краю бывшего кладбища контора «петрознергосбыта». Я занял очередь и продолжил чтение Гёльдерлина. Дошёл до места, где герой выздоравливает. Получает отставку с русского флота и имеет решительное объяснение со своим другом А.

если бы у меня был слуга-секретарь, я сказал бы ему, голубчик или коллега (по настроению), вставьте-ка в текст этот кусочек

общество памятников им. 24 февраля

третьего дня я оказался на остановке у сквера напротив бывш. школы гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. Там посередине памятник Лермонтову.

«он как поэт и офицер был пулей друга успокоен»

В ожидании троллейбуса мне захотелось подойти к нему поближе, как вдруг я заметил совсем рядом с собой скромный бюст Модесту Мусоргскому! Умер от белой горячки в военном госпитале (трагическим голосом сказала бы Алла Демидова). Бюст третьему выпускнику школы я уже заметил, проезжая мимо, силился прочитать, но не смог. Пржевальскому? или Семенову-Тянь-шанскому?

a l'ombre de deux jeunes hommes en fleur

a l'ombre de belles femmes

в метро вчера, возвращаясь от госпожи, достал из китайского бумажного пакета том А. Блока, замечательный подарок Саши, бывш. фельдъегеря, 46 года издания, дойдя до строк «острый галльский ум и жар холодных чисел» в восхищении закрыл.

Саша сказал «искал Лермонтова, но не нашел и вот купил Блока». Я сказал, Лермонтов у меня есть 41 года издания. Книга очень красивая: светло-синяя обложка и белыми буквами «Александр Блок». Люблю

читать немного смешные старые предисловия, критикующие взгляды писателя. В томе письма Блока к Комиссаржевской, Розанову.

«писательская судьба – трудная, жуткая и коварная судьба»

общество вечера им. 25 февраля*: хозяйка гостиницы, «госпожа», адмиральша, колоритный персонаж, доктор (sen.), Саша «московский», бывш. фельдъегерь, жених, брат олигарха

*февраля, это и опечатка, и дань Гоголю (мартобря), и желание скрасить трагическую атмосферу вечера легким комическим эффектом.

солнце последних дней. не хватает травы и людей как на гобелене апокалипсиса

«кладбища земли» А. Блок

на Смоленское кладбище меня позвала Галина, чтобы помянуть мужа. Собрались друзья Александра Миронова – Михаил и Владимир, поэт Сергей Стратановский. Закат выдался очень красивым, как однажды в Париже, когда гулял по кладбищу Пер-Лашез в феврале. Буквально напротив могила Василия Филиппова. С надписью Поэт Василий Филиппов. Когда нужно было выбирать из двух: водку или кагор, я сначала захотел кагор, но увидев, что Сергей Георгиевич собрался тоже пить кагор, стал пить водку и не пожалел. Она согрела меня, и по слову псалмопевца внутренности растворились словно воск

задумал вещицу под условн. названием Мимоза и Баобаб. Во время «водочного бунта» на Смоленском кладбище Галине пришлось в голову задать дзен-православн. вопрос. Обращаясь к собеседникам могил, она спросила «какое духовное тело каждый из вас растит?» После протестов и недоумения перед таким вопросом пришлось все равно отвечать. (кто сказал мимоза, кто сосна, а мой сосед баобаб)

невыносимо прекрасная картина и музыка: демоны белой горячки, ленинградской контркультуры, Кривулин, Курляндская улица, телевизоры завода Козицкого, нарышкинское барокко, св. безумие. Св. звери и св. цветы, Сайгон, священное животное Бобёр, под мостом Смоленки, Пригов, словно сошедший с коптской иконы, когда, наконец, разъезжались пьяные и блаженные по домам

понравилось ехать до Лавры на трамвае по правому берегу, мимо домов Весёлого посёлка, вдоль промзоны, до Заневской пл., там делать пересадку, переезжать Неву по мосту на автобусе, обратно, после прогулки по Лавре, возвращаться левым берегом, уже под землей, бывш. Шлиссельбургский тракт у вас над головой

Ж. Грак «план города»

поздн. русский постмодерн это когда зависает компьютер и ты в досаде, что удалось послушать лишь кусочек из «Макс. Вебер. Экономика и эротизм», выключаешь компьютер, идёшь на кухню пить кофе и, пока мелешь на мельнице зерна, обдумываешь вещицу Мимоза и баобаб и заодно додумываешь экономику и эротизм

Max Weber, les mimosas, la politique, est-elle une vocation? (Beruf), les tulipes, la sociologie de la religion. La cage d'acier du capitalisme/

le tchai, Piotr Tcheiguin et Tchaadaev

в соборе спал солдат

я зашел погреться в Казанский собор, ожидая Паоло Гальвани. Быть в тепле это молитва

во «фрикадельках» Никита С. сделал мне комплимент. То есть моему сиреневому шарфу. Я сказал «цвет красивый», он – «и короткий». Я ответил «подарила поэтесса»

люблю, например, фр. выражение «sans etats d'ame»

сиреневые и лиловые. Шарф, сумерки

спутник Паоло, молодой бородатый итальянец, который похож на героев фильмов Параджанова (Легенда о Сурамской Крепости, Ашик-Кериб, Цвет граната), «красивый мужчина», сказала бы Анна Ахматова

итальянцы даже трезвые любят поговорить. Речь у них быстрая как их речки и ручейки, стекающие с гор. Когда итальянец не говорит, он становится словно корсиканец угрюм, молчалив

(поспешные заметки о вчерашнем вечере)

после холода Колымы и Магадана солнце озарило нашу тундру, в которой возник как мираж город. С утра солнце и поют птицы. С удовольствием вспоминаю русско-итальянскую встречу во Фрикадельках и разговор с Никитой С.

(маркиз де Кюстин)

Коля и Колыма

на картине с обложки альбома Европу замело густым снегом. Он лежит на склонах холмов и крыш. Люди разжигают костер из хвороста. Охотники возвращаются с охоты

(на холмах Грузии лежит ночная мгла)

замечательное солнце над Левым берегом, где Пролетарская.
И на газоне, где теплые трубы, зеленеет трава

Никита С. спросил, Вы живёте на ул. Дыбенко? я где-то читал в ваших фантазиях. Нет, ответил я, мне было бы смешно жить на улице Дыбенко, Октябрьская набережная, особенно в конце месяца, когда наступает ненастье, и то лучше

(примейк брошюры Зощенко о влиянии слов на сон, аппетит и настроение)

третьего дня чинил стул. Из тётитониной материи вырезал кусок и цветными кнопками-гвоздиками прикрепил внизу, чтобы не видно было пружин

(лечебно-трудоовые мастерские у Лавры)

жёны: поэтов и декабристов

люблю, например, письмо Блока к Маяковскому, кот. начинается словами «не так, товарищ! Не меньше Вас я ненавижу Зимний дворец и музеи...» Дальше пророческие слова о ядовитом зубе истории

в слове как в мыльном пузыре оперный театр

«и не играть словами»

я спросил своего спутника (это итальянец, Паоло Гальвани), есть ли в итальянском слово, похожее на lugubre? Он ответил – да. И значит то же? Да. У меня было скверное от прогулок по кладбищам настроение, и я пытался переводить его в слова (своего рода кроссворды, сканворды и сноуборды). В это время наш третий спутник, итальянец по имени Серсе, вышел покурить на крыльцо кафе самокрутку душистого табака.

триптих «итальянские дни в марте». Возможный эпиграф «черный крест на груди итальянца»

после английской философии радио рассказывает о марокканской. Лучший отдых, когда устал сочинять «итальянский триптих»

когда ехали в Пушкин, Паоло спросил, было ли в русском языке слово «лимитчик» (он увидел рекламу со словом «лимит» и вспомнил), я ему объяснил вкратце (обожаю объяснять слова).

«издатель славный» Серсе

ассирийская или армянская борода, белый и красный свитера, самокрутки табака

из солнечного Таиланда позвонил Никита М.

вчера ездил гулять в невский лес, сейчас слушаю про марокканскую женскую философию

невский лес и женщины-марокканки-философы

помню помимо прочего огромное дерево на кладбище. Тополь, который мог бы быть в Америке секвойей, а в Африке – баобабом

«у нас он офицер гусарский»

(пишу по памяти «итальянские впечатления»). Кстати, когда шли от дома Раскольников, я спросил Паоло, «знать наизусть» по-итальянски будет как по-французски «знать сердцем»? пер куоре? он сказал, нет, «по памяти»

встретились у Исаакиевского собора и пошли гулять в Коломну. Серсе и Паоло, конечно, не знали, что идут в Коломну. Прогулка в «незнакомое» сродни поэзии. Я обещал показать им музей-квартиру Блока.

Еще в письме накануне поездки Паоло спросил, стоит ли побывать в музее Блока

(я вообще полюбил музейность нашей жизни, особенно музеи под открытым небом, инд. резервации, нац. парки, церкви)

без музеев нет памяти, сердца.

в Швейцарии меня поразила современный музей. Например, музей книгопечатания в швейцарском Фрайбурге (Fribourg)

все три итальянских дня оказались с ветром, пасмурные, но и с удивительными просветами, неожиданным теплом, человеческим кофейным, чайным. Последний привал или чайная пауза случились у Сенной площади в кафе «Север». После прогулки по местам романа «Преступление и наказание». Увидели путь Раскольникова от дома Алены Ивановны до его собственного дома (...) На доме Раскольникова мемориальная доска, где сгорбленная фигура писателя и лестница в комнату-гроб (небо) «Трагические судьбы жителей этого квартала послужили Достоевскому основой для страстной проповеди добра всему человечеству». Я перевел на фр. (переводить на итальянский уже не было необходимости), Серсе сказал, что понятно. На Садовой увидели дом, где жил Лермонтов, там снята мемориальная доска в связи с ремонтом дома, на его месте временный портрет из школьных кабинетов литературы.

Серсе в кафе, где тепло, «сладкая жизнь» и атмосфера дзен, расслабился и признался, что из русских поэтов любит больше всего Пушкина и Лермонтова, потому что те были убиты на дуэли.

О Блоке он узнал в эти дни. Я узнал, что он еще находится в состоянии различения проза/поэзия (добро/зло)

выбрали чай (Паоло сказал, что кофе лучше пить в Италии, Серсе добавил, что лучший кофе в Италии в Неаполе, «капля с мизинец» и показал) и пока я ушел за стеклянную дверь они покупали пирожные (я заказал картошку,

Паоло купил Наполеон, Серсе оч. красивое п. с малиной и ежевикой).
Проявились наши христианские смирение и экзальтация

витраж второго дня.

поездка в город Пушкин. Наше и итальянское отечество. Лимит – слово обозначающее черту, границу, зелёные пушки на постаменте, там, где овраги без снега

(лимитчики в голове Паоло, гастарбайтеры в оранжевых куртках)

однажды я был в музее витража в городе Romont (Musee du Vitrail).
Из деревни Домпьер, где я жил, я любил прогуливаться до леса, оттуда открывается вид на город R. Запомнилась одна прогулка зимой, когда намело много снега

жизнь и витражи. Витраж «мороз и солнце»

однажды я видел док. фильм, где Сулаж рассказывает о технике витража.
Священник заказал ему черно-белый витраж. И вот пришлось делать свинцовые рейки

время от времени попадались на русском названия «феличе» или «дольче вита».

Серсе сказал, *dolce vita n'existe pas*

холмы и склоны цвета сена, небо цвета ситца, когда мы едем в Царское село

могилы Врубеля, Некрасова, Тютчева, греческая церковь остались на земле, а мы подземным путем поехали до Московской пл., чтобы оттуда уже отправиться в г. Пушкин

(итальянские дни, витраж)

я не услышал про проблему перевода Руссо на арабский, пока ходил в пятёрочку (кстати очень похожа на ту, что видел в Болонье), устав сочинять «итальянские дни»

когда бы Стратановский увидел наши итальянские лица. В капюшонах.
(После прогулки по задворкам Нашего отечества с заходом в парки и соборы мы наконец зашли в кафе, и я в туалете посмотрел на свое лицо в зеркале, еще не успев снять капюшон)

кстати, проходили мимо музея истории религии (бывший в Казанском соборе). Вспоминая, я вспомнил о советском журнале «Наука и религия». В свое время я сделал выбор в сторону религии, отказавшись писать диссертацию

витраж «бифуркация»

однажды Паоло привез мне книжку Квaziмодо. Еще лежит как лес нечитанная

на Вознесенском пр. по дороге к местам Достоевского у Серсе случился неприятный звонок из Италии. Сообщили о банкротстве. Итальянцы в отл. от англичан спонтанны и не могут или не хотят скрывать эмоции потерь (и приобретений).

«Probleme», произнес он с грустным лицом

«грусть идет мачо» (витраж)

настроение Серсе на глазах изменилось в лучшую сторону, когда он услышал, словно родные имена, Достоевский, Алёна Ивановна и Раскольников

как звали ее? спросил Серсе, когда мы шли к улице, где жила старуха-процентщица, с Паоло мы выясняли слова *la vieille usuriere*

Алёна Ивановна, сказал я. Серсе повторил «Алёна Ивановна»

витраж «Алёна Ивановна»

в Серсе подкупают поэтическое и издательское начала: незнание языков кроме родного и отсутствие чувства юмора

витраж «Серсе»

в конце концов, забегая вперед, Серсе захотелось сказать мне что-то доброе в благодарность за прогулки. Он намекнул, что хотел бы опубликовать в журнале. Мне хотелось ответить, что я довольно пресыщен публикациями и сравнить их с пирожными и процитировать «что ж одной печалью боле. Одной слезой река шумней», но пожалел Паоло, ему пришлось бы переводить, а по фр. Серсе не любит понимать

за снегами следуют белые ночи

белые белые. Сулаж наоборот

из жаркого Магадана, то есть Таиланда, где он и она в благородном изгнании, (начало оды)

витраж «снег»

премьера снега

после итальянцев, когда приехал Лёша, выпал, наконец, первый снег
снег всегда выпадает первый

однажды, я жил тогда в Калуге, пятого октября выпал первый снег

не бывает бенефиса снега

бывает. Бывает (Верка Сердючка)

с Лёшей, блистательным чтецом и меценатом, перед спектаклем в библиотеке Некрасова на пр. Бакунина ходили гулять в заснеженную Лавру, потом обедали в авторском кафе Клумба

я как Колумб открываю город и имена. Заново. Хотя ходил в детский сад на Бакунина

когда уходили из кафе, его заполнили дети как в романах Достоевского или Диккенса

уже даже не хочется на спектакль Виктюка Куусинен в Хельсинки.

первый спектакль был показан на семинаре психотерапевтов в старинном зале Географического общества. Одна из докторов сказала, что у нее прошла спина.

ко мне вернулся мой энтузиазм. На след. день. И даже снег, казалось, наметен крылами с гор Кавказа

параллельные и др. линии. В том числе, правильные (пример: пр. Бакунина, Староневский). Бесы Достоевского (die Daemonen) / Н. А. Некрасов (перед спектаклем в витрине, где старые дореволюционные издания читаю в книжке про девочку «у нее навернулась слезинка. — Бедная? так будь умной!»)

прямо как у Сартра в эссе про Флобера l'Idiot de la famille

снег сжалится

(кажется из Анны Ахматовой)

завыванья в Дарьяльском ущелье и зависание интернета (магеллановы впадины)

душное и прекрасное в марте. Жасмин на подоконнике, тепло, когда вы входите в дом, где пахнет еловым паркетом и книгами

общество мертвых поэтов (Смоленское кладбище), две-три стопки водки. И всё поехало, поплыло

Курцио Малапарте, жизнь как спектакль-исследование

Серсе признался, что не любит Малапарте

Малапарте мало кто любит

«я зритель-труженик, а не мученик» (Александра Марамзина)

со снегом вселились веселье и новая человечность. И с ней доброта
и снисходительность к машинам

«l'absence du nom de Dieu» (талмудическая передача по радио)

забыл у Серсе спросить про Сартра (ради красного словца)

Серсе сказал, что изучал Владимира Соловьёва. Я рассказал ему
про «чухонский Содом».

я никогда не думал, что думать это такое удовольствие / а мыслить,
тем более

мимозы, март, душистый мокко

какая-то жгучая слеза выжигает написанное.

(на столе афишка Демона, игуменья, коллаж Сергея Параджанова)

вчера угораздило после прогулки по лесу оказаться в одном из оазисов
Московского проспекта, на углу Заставской и Цветочной.

Ваня прислал вчера стихотворение Дж. Хиршфельд

«ветер донёс издалёка»

ночью птицей завывала сигнализация жигулей

«как птица пленная жена»

розовые чайки плывут на льдине

в час заката в день св. Патрика

то о чём только могли мечтать большевики, сбылось: я купил стиральную
машину. Осталось: подключить и воспеть ее

триптих «стиральная машина» (la machine a laver) / 1 partie

позвонил шофер сказал, что едут с грузчиком.

...забегая вперед: Один из них будет похож на «парня мнущего глину
на задворках». Стал убираться в доме, освободил проход для машины,
рассовал скарб по углам. В разгар работ позвонила Г. М., это была
возможность присесть в кресло, перевести дух. Она сказала «у меня
нет машины». Я ответил «Вы – человек высокой жизни. Машины – это
животные нашего времени. Они состоят, как и мы, из воды и железа. Они
делают нас более человечными и приземленными. (эскиз ко второй части
«стиральной машины»)

«строителей ее благодарю»

а я – ее дарителей. за «дарителями» я скрыл дарителя, зная его скромность.

он лежал как кроткая, девушка выбросившаяся из окна в рассказе Достоевского (фильм Брессона *La douce*)/ выброшенный мной в порыве безумия или куража. Добрый Саша Казанцев сбегал за ним. Он не разбился, а только как Эдик стал инвалидом. Дома он постепенно ожил и долго еще жил на старой батарее, его лицо украшали шрамы мой первый мобильник

Misere et splendeur de la traduction

«очей очарование» вчерашний вечер на Петроградской стороне

вчерашний вечер не только вылечил меня от мартовской хандры и сплина, но и сделал немного больным от счастья и выпитого кр. вина с Сашей С.

Louis-Ferdinand Celine D'un chateau l'autre

со Стеллой переписывались о воде и стиральной машине. Потом о Князе и Кате в Таиланде. «Он с Катей?» – спросила Стелла. Я ответил, что Катя подвигла Никиту на Таиланд. – «Значит, он живет с женщинами. Он нормальный?» Я был в шоке. Но через секунду меня озарило: «Нет! не он живет с женщинами. А они с ним!»

Гюисманс *A rebours* (наоборот)

Стелла пошла смывать в ванную индийские травы, а я пойду прогуляюсь вдоль реки, потом буду звонить Илье и умолять подключить ст. машину

Фёдор Иванович Тютчев прочитал про «мысли бедного человека» и велел замазать белой краской

спускался к Неве, дошел почти до моста, до места, где еще лежит снег, смотрел на льдины и слушал их шум и шорох, иногда шипение, бульканье воды, когда они терлись боками друг о друга

музыка льдин: традиция и новации

смотрел на льдины, тающий снег за окном, слушал о черной музыке (*musiques noires*), вспомнил, что телефон Ильи был записан на желтом листе, на кот. была наклеена фотография виллы, построенной Корбюзье и которую я в припадке уборки выбросил

витраж «стиральная машина» (белое на белом)

пока не завис компьютер, слушал о непереводаемом в философии

мылом «клубника со сливками», пока Илья не подключил машину, стирал белую футболку с розовой эльф. башней, кот. Ира привезла из Парижа

«пока есть время, милая, пока Париж не сожжен, не разрушен»
(Назым Хикмет)

в армии стирать робы нас водили на Южный Буг (когда в Николаеве
отключали воду)

смешное, но незабываемое (витраж)

гулял вдоль красивой воды

55 оттенков серого воды и неба от голубинового или парадной шинели
до свинцового с пепельным

витраж «вчерашня прогулка вдоль Невы и в ней неба»

проснулся в хорошем настроении. Выпил кофе с белым мятным пряником.
Послушал песнопения сенегальского монастыря (кёр де Мусса) и стал
слушать Сергея Параджанова, замочил часть белья, кот. осталась
от вчерашнего звереста

«я пораженный Лениным, его артистизмом»

я пораженный Параджановым

гладить корешки книг

с Зоей гуляли по солнечным и тенивым сторонам улиц

«сестра моя жизнь» Pasternak Ma soeur la vie Верлен

весенним голосом Изабель Юппер читала Юлию Кристеву. Из ее книги
«Тереза, моя любовь»

весна: Тереза, Юлия, Изабель

с Борисом Дышленко дошли в разговоре до сцены с рубашками в романе
Гэтсби великолепный

цветы нетерпения на фарфоровом чайнике

Роман Рома

вчера видел мать-и-мачеху / из окна электрички

«сказал, что видел карася / и с ним большую карасиху»

небо касалось зелени елей и земли в конце дороги

Илья подключил машину, и она сначала пела тихо, урчала, потом стала
бешено вращаться, а в конце ревела как зверь из стихотворения
Пушкина.

ода на подключение стиральной машины

«я не увижу» Старшего сына в маленьком театре на Восстания, куда меня звала адмиральша, потому что пошел смотреть Франкенштейна с Диной. Перед киноспектаклем Дина водила меня в «Абрикосов», а после на ночном Невском встретили Сашу Скидана с датчанами и Д. Голынку

снова Гольциус и пеликанья компания

сцена из жизни богемы. Каурисмяки

в мастерской у Иры Дудиной отвальная. По случаю отъезда ее и Лены К. в Париж. Я попросил передать привет Татьяне Горичевой («Святые животные», Молчание Зверей). Ира сказала, ага, передам. Пили красное и белое принесённое Мишей в желтом портфеле вино. На торце шкафа в одной из комнат портрет афонского старца, это Вспышкин, с которым Ира дружила. Мастерская находится у самого синего неба, откуда видны шпили, купола и колокольни

ключевое слово имя актрисы «Йоланда Моро» (фильмы «Северное море», «Серафина»), записанное Леной на шпаргалке

«Господь сделал трудное ненужным, а ненужное тяжелым» Гр. Сковорода

«думали – нищие мы» А. А.

А как стали считать штаны, в основном, джинсы, и военные бриджи для езды на велосипеде, то насчитали (...) штук.

Весь вчерашний день машина капризничала, но к вечеру, когда я вернулся с прогулки с Рабфаковских, где успел пожаловаться на нее, она вдруг заработала и постирала джинсы. Сегодня погладил и решил кое-где поставить заплатки и обновить фриковскую летнюю коллекцию

Лев Толстой, утро помещика

Thomas Bernhard Le neveu de Wittgenstein

актриса Анни Мерсье читала отрывок из Маргарит Дюрас Ecrire (в конце Бьорк спела I'm so quite)

по Неве проплыл теплоходик Москва

Радио рассказало о Бергмане (Les Fraises sauvages, земляничная Поляна).

апрель это почти всегда грусть, Бергман, фотография Ромы из военного билета со штампом «не годен», записи в трудовой книжке

когда Илья заканчивал подключать машину, позвонил в дверь Рома и вновь оказался в романе

афте Таиланд пати у Никиты и Кати.

Никита на турнике

как книга «Красное и черное» Петр сидел между Юрой и Лидой

вариант: между Лидой и Юрой

Катя приготовила вкусные блины с грибами и творогом. И села за вязанье

посттаиландская идиллия

я оказался неожиданно в посттаиландской атмосфере. Наконец, поверишь в то, что счастье создается, готовится, вышивается, подвешивается на турнике

«а счастья и не надо было» А. Б.

черный зодиак с белыми фигурами и иероглифами в уборной

Катя попросила отнести белые тарелки с синими кружочками.

Я с радостью как в детстве согласился ей помочь

от избытка сердца у меня опять распечатались уста

розовый постт. апокалипсис ноу.

Юра так описал мне запахи трав, что не умею повторить

между тем Лена и Ира в параллельном мире чрева Парижа

ехали вниз в тесном лифте втроем.

самое лучшее в Таиланде это не слоны и не экзотические фрукты, а возвращение

нас провожали и вышли покурить Юра с Никитой. Катя осталась на женской половине

удивительная прогулка по апрельскому воздуху (только Юра может описать его пьянящий состав). Дошел до угла Невского как по нотам. Там меня ждала Галя М. Мы пошли с ней на встречу с Наташей и Гришей. По пути зашли в Штолле. В это время за окном разыгралась метель. В Штолле было пустынно и хорошо. Галя показала мне книгу, которую несла дарить Грише. Рисунки детей больных ш. Мне она подарила для лингводидактики на фр. языке. Абьен Руссо. Ле рандеву в амур

от легкой жизни или Таиланда я опять сошел с ума

Таиланд (равно как и бывш. Британский Гондурас) или «Россия, которую мы потеряли» это не узьбековщина, а жаркая Сибирь нашего воображения

когда уходил из кафе или бара Bureau (как в довоенной Румынии носят французские вывески наши кафе и лофты), встретил героя моей офицерской юности Африку-Бугаева. «Уже началось?» – спросил он, я ответил: «Астма не позволяет остаться». «Даже не поговорили» – сказал он, стремительно направляясь в накуренную комнату, а я, с радостью выйдя на свежий воздух Миллионной, жду Александра, фельдъегеря, бывшего постояльца госпожи, который хочет снимать комнату в моем пансионе (без уроков французского, но с видом на Неву).

у него блестящие рекомендации как у героя новеллы Мопассана. К тому же, поговаривают, он – брат...

роман «брат...»

однажды с лейтенантом Пасявиным мы смотрели Ассу в Симферополе Достоевский, дневник писателя

в современном писательстве львиную часть или долю составляет уже не само письмо, а различные невербальные практики

Анна Ахматова, тайны ремесла

выпил черного и вспомнил черное с серебряным

Rien n'est plus beau que les fastes d'église, произнес я в кафе Еэсти, куда мы зашли погреться и выпить после Смоленского кладбища, от нищих исходил едва переносимый дух блаженства. Паоло заставил переводить для Серсе эту фразу Аполлинера

прекрасное как Северное море Смоленское кладбище и мои спутники. Вспомнились

три сестры после переезда в Москву вдруг понимают, что не туда стремились. У одной из сестёр, у той, у которой ум обострился из-за несчастий, случается понимание того, что в стремлении уже заключено «счастье» etc. Но уже поезд ушел. И надо делать вид, что жизнь удалась. Сестёр должны в этой пьесе играть братья как в «служанках»

Александр приехал однажды пожить в наш город, как Сартр в Брест, отдохнуть между двух командировок

фантазии о переездах

меня всегда интересовал момент неожиданного понимания. Озарения. Которое высмеял в лубочных картинках Рембо

«горьким смехом моим посмеюсь», Гоголь

Катя и Никита похожи на брата с сестрой. Книга «социальная психология» лежит на стуле

«и назови лесного зверя братом» Анна Ахматова

У Кати еще два брата с именем Никита

вчера с Сашей долго пили чай. Обсуждали условия жизни в моем пансионе. Он заплатил за апрель Наташе, своей нынешней хозяйке. Саша уволился из магазина и временно работает на киностудии, помогает чинить машины. Он – любитель театра и книг. Очень любит книги про море, потому что хотел стать моряком. Вчера рассказывал про Соболева. Удивительно, что это взволновало мой далеко не нежный ум. Потом я провожал его до моста. Неожиданно разыгралась снежная буря. Посыпал снег крупными хлопьями, а до этого было очень красивое небо (как в Толедо).

по мотивам Ж.-П. Сартра *le Suspens*

два брата, 2 самолёта

по вечерам слушаю то протестантскую проповедь в записи, то передачу о Бергмане. Вчера сильно утешил рассказ о Персоне и Часе волка (*Persona, l'heure du Loup*) / Прозвучала такая мысль: художник любит свою жизнь в искусстве больше всего, даже больше искусства

в основе дзуйхицу лежит идиотизм, с элементами экивоков, спонтанности. Если вам не хватает идиотизма, то помогут зависания компьютера

в уме людей много унылого однообразия, несмотря на иерархию умств. способностей из-за потребностей социума, зато в идиотизме целая палитра, море возможностей *chacun a son fou* (каждый по-своему сходит с ума)

Елена и Ира. Последние дни в Париже.

роман «Две сестры, один Париж»

Кофейная кантата Баха вдруг вспомнилась. И подумалось, что это проповедь кофе, который продавался в аптеках Амстердама. Кстати, падению Наполеона способствовала континентальная блокада, из-за которой жители Европы не могли покупать доз кофе

выпил кофе и пишу как Розанов на клочках электронной бумаги

сегодня Чехов купил бы домик в Таиланде (или в Британском Гондурасе?) и жил бы там с сестрой и писал «Таиланд – это Сибирь со слонами»

Массне, романс сомнения

Протестантская этика и капитализм, Капитализм и шизофрения

Ф. Абрамов, братья и сёстры

одержимость сценографией свойственна Саше как Бергману (*obsession de la mise en scene*)

вчера он изображал императора Павла. Или: неожиданно вскочил и закричал, изображая персонажа из фильма «Щит и меч», и тут же изобразил бесподобно Гитлера, поразительно, что он любит театр олдскул, а сам в жизни воплощает идеи театра жестокости и, местами, театра буту

если бы Ира Дудина спросила меня «какая твоя любимая передача?» я сказал бы: *Je déballe ma bibliothèque*, где актёры читают отрывки из любимых книг

замечательны французская речь и шведская (язык оригинала)

Декарт в гостях у королевы Кристины или маршал Бернадот на шведском троне (братья и сестры)

les scènes de la vie conjugale / Сцены из семейной жизни

«и какая-то мама другая над телом нависнет» (Пётр Разумов)

Получил письмо от Валеру́. Прекрасное

(...сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю)

«Старый дом глянет в сердце мое»

Александр Блок

«Вы забросили меня на одну из ваших пустующих лун» (из частн. переписки)

радио рассказало о картине «Танец жизни» Мунка. Так получилось, что пришлось слушать рассказ в записи, между зависаниями и звонками (Гали М., госпожи Б.) и приходом Ромы

на Благовещение ездил за город, через Царское село (г. Пушкин). Вокруг пели выпущенные на волю птицы, и мне захотелось отпустить мою птицу накануне Благовещения слушал про Идиота.

усталый и словно серебро немного потускневший, местами почерневший голос Андре́ Марко́вича (переводчика Достоевского)

когда выходил из Преображенского собора (шел в гости к Тане Рауш и Диме), на створках чугунных ворот прочитал «За турецкую войну»

увидел у отца Сергея и захотелось сравнить перевод Благовещения Рильке Куприянова с оригиналом, но пока лень идти в соседнюю комнату за книгой

увидел, захотел сравнить. Лень

начал слушать про Братьев Карамазовых, но компьютер завис
зависимость от зависаний

с ягненком мальчик.

Карточка Иры Дудиной

читал в дороге Рильке. Он самый немецкий и самый русский
как Санкт-Петербург

Rilke Werke

с Паоло переписывались о Сергее Георгиевиче Стратановском. Паоло
пишет, что ему чужды религиозные мотивы. Я отвечаю, что мне близки
такие слова его поэзии: «овощебаба» и «жаль. Сказал русский князь»

тайна переписки

chouettes alouettes mouettes

видел в весенней воде птиц, утром, голубей, ворону, много чаек, трех
уток, которые полетели в сторону Уткиной заводи. Я подумал, разве
такое бывает? утки над Уткиной заводью. Голуби только касались воды
красными лапками и улетали. У лавры в реке Монастырке в золотой воде
утки и чайки. В эрмитаже много детей. И Гёльдерлин за синей оградой
как птица-ребенок

Я вышел из зала (белый музыкальный зал). Огромные музы с муз.
инструментами под потолком. У одной из муз коричневая голова
от протечки потолка. Серебряная гробница, которая меня всегда утешала,
взята на реставрацию. Остались ангелы из серебра, доспехи, апрель
за окном

(начало поэмы)

неожиданно для себя

я как в русских сказках повернул не направо и не налево, а по лестнице
стал спускаться вниз. тревожная музыка сомнений и предубеждений
стала сопровождать мой спуск. Куда? зачем? «Древности Сибири,
Кавказа и Поволжья», (там выставлялись когда-то Мэпплторп,
Магритт. И куда не водят экскурсии, и по своей воле никто не ходит
(это не бриллиантовые кладовые с золотом скифов, которое любят
домохозяйки)

(a suivre)

профессия: прогулки и разговоры

Замечательно! радио рассказало о «записках из подполья» (в перерывах сочинения вещицы «Мой черный человек совсем не черный»)

не терпится уже рассказать о мумии алтайского вождя в витрине черной комнаты, совсем не зловещей, а лишь немного странной из-за освещения. В ней были, кроме меня и мумии, еще трое молодых людей. То есть сначала двое, а потом когда те перешли в соседний зал, вошел третий и бегом взглянув на колесницу, сруб, ковры из войлока и шерсти и конскую упряжь, остановился у коричневого человека (цвета красного дерева). Татуировки, поясняется, не видны невооруженным взглядом из-за потемнения кожи, но при рентгене хорошо видны то ли рысь, то ли барс на плече. (Рисунок.) Я стоял чуть поодаль у ковра и смотрел на смотрящего на лежащую мумию. Издали они оба были красивы. Один стоял спиной, другой лежал закинув назад голову, вытянув ноги с грацией или гордостью.

У зеркала в коридоре полудремала служительница

мой черный человек просветлел и стал цвета лиственницы

Tanger danger (из учебника фр. языка для Зои)

увлечение: сочинять учебники

после кафе Танжер на Рубинштейна я пошёл гулять в сторону дома. По дороге, уже на Староневском, захотелось взглянуть на доску Марку Шагалу на Конной ул., свернул на Бакунина, но по Конной уже расхотелось идти (в след. раз, сказал себе), потому что увидел золотые купола восстановленного храма у вокзала, который давно хотел увидеть, повернул на улицу, где авторское кафе Клубба, мимо которого тоже очень хотелось пройти, и пошел в стороны золотых куполов, по Харьковской, до Миргородской. Очень понравилось в новом храме. Наше новое сказочное православие. Новый нижний храм без иконостаса как в Кёльне. В верхнем был поражен новыми иконами, которые уже видел в сети, но думал они авторские как мои учебники. Похожие на коптские. Палех и Хохлому. Замечательные, но еще не намоленные. В храме был молокозавод. Теперь в нем исполняют духовную музыку. Сегодня Гречанинов

почитав о камне «александрит», поехал гулять в Коломну. Но сейчас нет сил описать всю прогулку вчерашнего дня, понадобилось бы два десятилетия как автору романа «Улисс»

и всё же несколько узелков, чтобы потом, возможно, вспомнить детали. Я проехал на трамвае от Сенной до пл. Репина. Стал искать дом отца В. И залюбовался сквером, где была церковь. Оно прекрасное это место. Объем воздуха, в котором угадывается новая церковь. Пожалуй даже

этот воздух и люди на скамейке, или пересекающие сквер, уже и есть новая церковь

«послезавтра – Вербное воскресенье. В каждом доме должны висеть оливковые веточки, которые священник раздает в церкви. (а наш кот любит эти веточки есть)» (Паоло Гальвани)

«Hello Sacha! Chouette, tu ne m'en veux pas de mon si long silence»

«Саша привет! Здорово, что ты на меня не обижаешься за то, что долго не писала» (из письма Валеру)

позвонил в момент, когда я читал о камне а., отец Виктор Багров и стал рассказывать о своей жизни. Мне вдруг нестерпимо захотелось побывать на месте. В Коломне. Я попросил его позвать меня туда сейчас же. На чашку чая. Он стал отнекиваться, мол, не прибрано, комната мала. Употребляя простонародные слова и выражения. Спросил, как будет по фр. бордель. Я сказал, так и будет. Он еще добавил, что друг перебил ему нос. Матрас залит водой, чаем и шоколадом. Это лишь усилило мой интерес. Захотелось срочно сравнить воображаемое с прекрасной действительностью. Я перестал слушать и готов уже был положить трубку, как отец сказал «ну приезжайте». Дом такой то (без кв.). И я поехал на поиски отца в далекую Коломну (мне очень нравится трамвай, который ходит от Сенной до пл. Репина)

«простим угрюмство. Разве это сокрытый двигатель его? он весь дитя добра и света. Он весь свободы торжество» Александр Блок

простим веселье. Ведь он весь соткан из светлой грусти, любит дождь и как готт прогулки по кладбищу

на Ване была синяя рубашка с мелкими белыми цветочками

я пока пропускаю эпизод про поиски дома 118 по Садовой, где философ Нина Савченкова Юру спрашивает, чем он занимается, Юра не знает, но знает, как будет по-японски «цветы зла», он произносит их быстро. Хочется попросить повторить еще раз, так красиво звучат «цветы зла» по-японски произносимые Юрой

у Лены Долгих ажурные чулки с татуировками и красное пальто

Нина попросила положить на заднее сиденье, где мы с Юрой сидели, книги, они мешали вести машину, путались под ногами. Помню венгерскую фамилию и Мелани Кляйн. Когда я произнес венгерское имя, читая названия книг, словно детей их держа на коленях, Нина сказала, что сексуальный акт, по мнению автора, несет в себе не только отвращение, но и наслаждение,

plaisir and aversion

помню цветы на подоконниках и разговор с Никитой С. Он спросил у меня, как дела, я как Юра ответил – не знаю. Он рассказал, что уволился с шахты. Надоело носить промасленную робу, работает в театре. «В Михайловском?» – спросил я, он ответил: «в Александрийском». Живет у Таврического сада. Я сказал, что мама катала меня там в коляске. Он пригласил меня в гости. Я ответил – с большим удовольствием.

Какая-то тоска заставила меня пойти в Исаакиевский собор

в Исаакиевском соборе стало неожиданно хорошо. Я даже примирился с профессорской живописью. Послушал пение. Подивился на людей. Посмотрел на украшения из янтаря. Дошел до середины, встал под купол и осторожно, боясь упасть от головокружения, повернулся вокруг собственной оси, имитируя маятник Фуко

в соборе я спросил время, до ваниного фестиваля оставался час, я решил повторить перформанс Марины Абрамович, только вместо Китайской стены мне предстояло пройти всю Галерную улицу.

прошел мимо св. Синода и Конст. суда (бывш. Сената, где в гос. архиве работал милиционером писатель Слава Овсянников. Это имя неожиданно вспомнится в кулуарах фестиваля)

зашел под арку Галерной улицы, словно Улай или Марина Абрамович вошли на Китайскую стену и посмотрели вниз.

какие мысли мне приходили в голову, пока я шел до пл. Труда (это разрыв Галерной), можно сказать «никто не узнает», а можно ответить так: встречались вывески, люди и вызывали разные ассоциации, даже дома, в которых приходилось когда-то бывать (Санкт-Петербург опера), в середине я решил сделать привал и выпить чаю. Стал искать место. После поисков меня осенило устроить маленький перформанс, посвященный К. М., которого мы с Колей видели, выходя с Новой Голландии. Он сидел, как на картине Крамского наш спаситель, на камне и ел блин и пил чай, купленный в «теремке» на остановке

я купил зеленый чай, вспомнил об отце Викторе, который тоже работал в теремке, вокруг теремка не увидел мест, где можно было бы сесть: на камне, где сидел летом поэт, в апреле в наших палестинах сидеть холодно, увидел скамейку на остановке троллейбуса. Троллейбус стоял и рядом с открытой дверью стояли кондуктор, водитель и стажер, курили, я сел напротив и стал слушать их разговор, рядом заметил разбитое стекло и отсел чуть подальше из суеверного страха, с некоторой досадой подумав, какой суеверный, когда водители зашли в кабину, я решил тоже уйти с чаем, допить стоя у теремка, подумав при этом, что если придет очередной троллейбус и из него кто-нибудь выйдет, будет стыдно, но ладно

действительно, из очередного троллейбуса вышли поэты Никита С. с С., они прошли мимо, не заметив, слава Б., подумалось мне, и тут же увидел Ивана А., его я окликнул, он приветливо поздоровался, я сказал ему, можете идти, а можете подождать меня, пока я доем и допью, он из вежливости согласился, я стал рассказывать ему о салоне Кати Венцль, который находился в соседнем доме, чтобы как-то развлечь его, таким образом, Иван А. оказался невольным участником моего перформанса, и остальную часть пути по Галерной мы прошли вместе с ним

на проходной Смольного института сидели Ваня и девушка, только без веточек верб

мы с Иваном оказались в объятьях Вани, словно Улай и Марина Абрамович обнялись и встретились на середине стены,

неизжитую нежность изливаем на цветы, растения, одежду, книги

за неимением домашних животных

роман «Юрин свитер»

для дзуйхицу также характерно некоторое нетерпение, желание забежать вперед

опуская интересные объятия, робкие взгляды, нервное рукопожатие; поцелуи и фатические разговоры в кулуарах Смольного, очень хочется уже оказаться на заднем сиденье машины Нины Савченковой (впереди в кр. пальто Лена Долгих и книги в ногах) с Юрой

если бы Ира Дудина спросила, как было? сначала сказал бы: было ужасно и прекрасно как Невский проспект. Но сегодня, сказал бы просто: было отвратительно, но испытал огромное наслаждение

заметив на моем мизинце камень, госпожа спросит, откуда у Вас камень. Я отвечу, получил в подарок за уроки в кафе Танжер на Рубинштейна

на госпоже Б. была черная футболка с вышитыми на груди лиловыми розами, кинжалом и надписью по-английски «Любить до смерти», как будто татуировка у заключенных Жана Жене

voda byla kak zhivoe zerkalo

отец Виктор Багров и госпожа Б., похожая на монахиню Дидро.

«отцы пустынники и жены непорочны»

как камень а. блестит Нева

возвращался из салона бдсм на трамвае, но не до Сенной, а на 16 номере доехал до Лиговки. Проезжал через Фонтанку, по Марата мимо

дома Маруси К. и мастерской Иры Дудиной (за красным домом мелькнула шахта лифта с открытым на последнем этаже окном, откуда гости любуются городом и небом)

Là-bas on dit qu'il est de longs combats sanglants

Verlaine

в воскресенье в Пушкине попал под сильный дождь, перешедший в град. На Казанское кладбище меня довез на «форде» В. Б. Есть места живописные, а есть такие, где звучит музыка. Там звучала! В прекрасном настроении я возвращался в город и был застигнут ливнем. Настоящая пушкинская метель только в виде дождя и града. На след. день рассказывал о поездке госпоже. Про могилу писателя-фантаста Беляева (человек-амфибия, голова профессора Доуэля). Госпожу взволновал рассказ о писателе. Вечером я прочитал о его удивительной жизни и смерти в Пушкине. Ни я, ни госпожа не знали, что он умер в П. А потом послушал как детскую сказку рассказ по радио о «преступлении и наказании» (музыка Чайковского, Моцарта, песня в исп. Марины Влади, голоса из французских фильмов, такие чужие)...

однажды зимой из огненной воды вышли госпожа Барахтина́ и отец Виктор Ба́гров

вчера поехал гулять, и Rilke Werke остались дома.

во время прогулки шел вдоль реки, ехал на трамвае по Левому берегу, проезжая книжн. рынок «Круп», улицу Ольги Берггольц, по Елизаровской дошел до одноименной станции, проехал одну остановку до пл. А. Невского, гулял по Лавре, потом пришла мысль посетить грузинскую церковь, на Старорусской улице (...) a suivre

два парня в «пятёрочке» с собачками на руках у отдела «выпечка»

сцены, которые смешат и трогают. Сэй-Сенагон

увлечение: наблюдать отделение текста от физического тела автора

la centrifugeuse

вспомнилась книга Валеры Земских «Страстная неделя»

...после уборки пансиона поехал гулять в сторону Таврического сада с намерением посетить молитвенный дом старообрядцев поморского согласия. Видел музей Суворова любимый с детства, видел в весеннем воздухе расцветающих людей, белую фигурку Есенина в парке закрытом на просушку, башню Вячеслава Иванова, здание госпиталя вдали, слышал пение птиц в Таврическом саду, чешское консульство, дом поэта Кушнера, подумал, какой огромный дом как в Москве, церковь поморская

красивая была закрыта, она научилась «таиться и молчать», вот вершина красноречия («многоглаголанье уму не научает»), от названий улиц стало тепло: Тверская, Калужская. На обратном пути зашел в «колобок» на углу Чайковского у Чернышевской, выпил стаканчик клюкв. морса и съел пирожок с рисом, сел на проходивший мимо 15 троллейбус, вышел на Литейном, пошел в Преображенский собор. Там на Крестном ходе встретил Тимофея, его друга на самокате, Таню Рауш. Она пригласила зайти в дом на чашку чая. Очень тепло и душевно поговорили. Уже спускаясь в метро, вспомнил, что Петер Брук поставил «модерато кантабиле».

любовь и любопытство

«и умной, смею надеяться» (из частн. переписки)

странно, так любить странности

в детстве я любил музей истории религии и атеизма, а не военно-морской музей

К. Гоцци, ненужные воспоминания

«трель у гибнущего в стратосферах старовера» (Дмитрий Самсанков)

с Галиной гуляли вокруг Таврического сада (не по саду, потому что он закрыт на просушку). На ней была португальская юбка, оранжевый жакет и черные черевички как на танцовщице с картины Гойи

В понедельник приходил Саша проситься в пансион. Я пытался отговорить его снимать комнату в моем благородном пансионе. Под предлогом того, что мне для дум нужен досуг

выспался, и приснилось море

Тихо запер я двери И один без гостей Пью за здоровье Мэри

(Мэри это И.С.)

вдруг как б. захотелось сшить синих с белыми цветами рубашек. Положил в рюкзачок два отреза ситца, которые висели всю зиму и весь великий пост в роли занавесок и даже веселили меня. И пошел на Народную в ателье заказывать летние рубашки. Думая, как я буду объяснять мастеру, какие рубашки мне хочется. Стильные, навывпуск. Вот примерно такие как эта (для примера надел любимую, но немного тесноватую). Поднялся в ателье и увидел «заказ женской одежды». Вышла из пошивочной женщина. Я виновато улыбнулся, мол, прочел уже про женскую одежду. И все же спросил «а мужские рубашки не шьете?» Она сказала, нет мастеров, это сложно. Купите в магазине. Я поблагодарил ее за совет и ушел, полный дум о сложности, простоте, желаниях, и даже пожалел, что не взял телефон модельера, кот. была

на отвальной у Иры и на мой вопрос «не шьет ли она мужские рубашки?»
ответила «всё шьем»

роман «всё шьем»

дозатор

Саша Семечко

новые страны люди слова, но уже как будто вчерашний день.

И «без вины виноватые» собиратели бутылок или продавцы грибов, ягод
и тыкв у метро

Д. продолжается: с Галей в одежде Коломбины и Арлекина мы гуляем
по Потёмкинской улице (обошли весь Таврический сад, закрытый словно
рай на просушку)

в наших разговорах как в стиральной машине полощутся знакомые
имена, некоторые уже как ситец полиняли. От некоторых приятный запах
свежести

увлечение: стирать и гладить имена

«как этот блеск меня тревожит» Ф. Тютчев

слушал про Португалию, разговаривал с Галей, сидя в кресле и жмурясь
от солнца (сквозь розовую занавеску), пил чай, выходил гулять вдоль
реки по бетонной полосе, думал, вот блеск воды совсем не тревожит
меня,

проспал оперу «Утро – это молодость дня»

конец котельной, сказал Виктор Бáгров

была в гостях Люба, на след. день ни свет ни заря приехал Виктор Бáгров

Гости и люди

у Никиты на Кирочной до гостей и людей.

с бутылкой пива как на картине Сомова спит отец Виктор (с девичьей
или детской застенчивостью источая запах апрельской прели)

когда мы шли и разговаривали с Любой, над нами кружили чайки.
Я проводил ее до рыбацкой будки, сказав «провожу тебя до синей будки»,
а Люба утверждает, что сказал «провожу до зеленой».

как в кино: чайки, оговорки

когда мы с Никитой обсуждали поэтов, Петр лежал на диване, положив
на живот вместо грелки подушку

на кухне полуспит полусидит в позе поэта В. Б., то закинув буйную голову на спинку стула, то на стол облокотясь, кругом крошки и бутылка пива
Оболонь, скажу чтобы шел разобрал кресло-кровать и спал бы как в ссср

две руки как на картине Рембрандта: одна мужская другая женская.

У отца

помню булькающую воду в чайнике

У Никиты на Кирочной

не витина любовная джонка разбилась о мой мелкобуржуазный быт,
а идиотизм поэта Ба́грова разбился о мой

изм

о мой о мой

дошел наконец, проведя день с поэтом В. Б. до понимания Платона.
О необходимости изгнания поэтов из идеального государства

Витя сидит на обочине дороги, потом прилюдно ссыт прямо на остановке.

Я ухожу на горку и смотрю на воду. От стыда багровою и бледнею.

Витя любит заговаривать с незнакомыми людьми. Вот он подошел
и что-то им говорит. Вот Витя уже лежит на проезжей части, там, где
останавливаются автобусы. Я бью его по щекам. Идиот, сейчас тебя
задавят. Вите, похоже, это нравится.

(Повесть о прекрасном человеке, предисловие к Идиоту)

«а счастья и не надо было» Александр Блок

и всё же это было счастье. Гулять с поэтом Ба́гровым по весеннему лесу

непримиримость и схожесть наших идиотизмов.

Мой идиотизм не выносит счастья. Витин тоже

в лесу мы встречали детей, поляны с подснежниками, пение птиц
смешивалось с голосами девушек и юношей как на картине Мориса Дени

увидев поваленную березу, Ба́гров захотел сесть. И мне захотелось
сесть на березу. От выпитого пива Витя отяжелел. Я сел на корточки
и посмотрел весело ему в глаза «Тяжело?» Он ответил «да». Я напомнил
сцену в деревне, когда умирал Хлебников, и крестьянка участливо
спрашивала «помирать тяжело?»

семь песен о Ба́грове

Midi sonne. Eloignez vous madame. Il dort

эпиграф из Поля Верлена

князь Никита поселил нашего отца в хостел на сутки

после кометы поэта Ба́грова осталась весенняя дыра или воронка: лес с подснежниками и голосами птиц, и сегодня вдруг всё расцвело

семь песен о Ба́грове

в лесу и гуляя у воды, мы говорим о поэтах. Вите нравятся Анашевич, Львовский и Воденников. Я, показывая на Левый берег, там мы встретились однажды с А. Кажется, сам Витя иногда подражает героиням Саши (вот с пид.-лирической интонацией он спрашивает у мужчины прикурить, а у самого в кармане две зажигалки. Белая и голубая)

вдруг среди леса начинаем говорить о С. Ф. как в пьесе Жана Жене

у Вити на пальцах наколки, типа «за вас» (выколото «вкл» или «выкл»). Местные блатные приняли его за своего, когда он ходил за пивом. Что-то спросили, он ответил. Они пожалели. Мол. человек в автобусе, ботаник, косится на него. Витя прижался спиной к красной кнопке «выход», так что водитель вынужден громко сказать «эй (непонятное слово) отпусти кнопку»

Радоница и радость о Вите

фэншуй украшение могил

«милый, вот что вы действительно любите» (Васильки Шагала)

когда стоял на остановке (в ожидании автобуса. В начале пути на Южное кладбище) смотрел на сверкающую воду и вспомнил фильм Сокурова «Дни затмения», любимый фильм и тут же был ужален змием сожаления, что не поехал в Красноводск на Каспийском море в те «баснословные года»

красота и глупые сожаления

поздно вечером позвонил Саша-фельдгегерь и сообщил, что переехать завтра не сможет, потому что хозяйку сбил мотоцикл, она в больнице в тяжелом состоянии: когда она пришла в сознание, попросила всех оставаться пока на месте. И повременить с переездом. Хотя есть уже новый жилец, кот. дышит в спину Саше и тоже сидит на чемоданах. Когда мы ехали на Южное кладбище, дорога была свободной. Мелькали аэропорт, заводы, магазины машин, лес обсерватории, когда свернули с киевского шоссе на Волохонское, попали в пробку. Многих и меня охватило томление. Потом я вспомнил о книге Джона Баньяна. Путешествие пилигримов (The Pilgrim's progress) / Что может быть лучше книги семнадцатого века и малой скорости, когда подъезжаешь к кладбищу, и самолетов, конечно, взлетающих и идущих на посадку

Нева блестит как море в фильме Д. Дж. «Себастьян».

Мне же пора собираться в салон бдсм

день рождения Александры Петровой, русского римского поэта

два северных ветра схлестнулись

Не по Евклиду

едва пришел в себя после восторга от встречи с поэтом В. Б. как на меня обрушились град на даче, ночь на даче, уборка с Ромой загородного дома, пьянящие нарциссы, два северных ветра (один природное явление, другой миф), богема Невского проспекта, щи с крапивой, пиво Жигули, замечательные французы, проездом из Иркутска на родину, с посылкой от Мишеля (книги), замечательные разговоры, сообщение от О. В., что везет мне посылку от Кирилла, звонок от госпожи Б., что ждет на уху,

уху уловило сладкое слово уха и слабое существо сказала
да да да (подраж. Верке С.)

показывая на зеленый с красным шарф, спрашиваю «чей?», после паузы «Жюльена Грака». Восторженные взгляды, всхлипывания. Мари Друз: Мишель тоже любит носить его части одежды. (Мишель же и подарил мне шарф писателя.) Я говорю, что у меня есть номер журнала, целиком посвященный Граку. Ж. Клод Пэнсон скромно признается, что в этом номере есть и его статья,

общество друзей Жюльена Грака

в Иркутске Мари Друз и ее спутник философ Ж.-Клод Пэнсон посмотрели фильм Трудно быть богом. Я сказал, что не смотрел, но в юности читал книгу, которая произвела сильное впечатление, слышал, что фильм не совсем по ней. А лишь отдаленно. Сошлись тогда на том, что похоже на Фауста Сокурова

русско-французский конформизм: Сибирь, Фауст, Трудно быть богом, тугие паруса,

между воронкой и вихрем

с Никитой М. и Юрой провели быстрый коллоквиум на тему «Бедность и слава. Формы безумия». На память о коллоквиуме я получил подарок от Юры книгу «Вологодские зори»

вдруг обнаружил на веранде, когда присел в кресло от отчаяния, устав от стука молотка и песен, японский роман во французском переводе. Светотень. Clair-obscur. В середине книги открытка «Гейша под снегом», подарок госпожи Б.

полюбил перечитывать

«его отшлепает Финогин» вдруг вспомнились слова

богатство и бесславье. Формы сумасшествия. С Юрой и Никитой мы проводим семинары. Под патронажем Нины Михайловны С. Музыкальное сопровождение: пианола князя Никиты

в этой пианоле, сказал Никита, миллион звуков.

миллион алых роз и звуков

строителю Роману, кот. починил велосипед, отдал его в награду за труды, себе в утешение сорвал пять нарциссов

роман «Роман-строитель»

Витя моется в ванной с дельфином.

Этюд «возвращение на родину бл. сына»

у кн. Никиты спортивные штаны («я гопник», говорит он, а не какой-нибудь интелектуалишко), бирюзовая футболка, голые ступни, синие плавки. У Юры синие глаза.

семинары с Никитой и Юрой на Кирочной

«глиняная мама» (В. Б.)

«мой путь иступленно перекрывали отстроенные людьми лестницы» В. Б.

бдсм и вднх (бэ дэ эс эм и вэ дэ эн ха)

лингводидактика и строительный автоматизм

ни разу не приснился мох во сне

ложь сожалений

верил в чистую воду камней

вдруг захочется сладостей из магазина, что у армянской церкви на Невском

«другая радость нам открылась» А. Б.

вчера немая девушка в вагоне продавала набор для шитья

временная вывеска

расцвел белый гиацинт

«другая радость нам открылась»

Летний интенсив на Кирочной

файв о клон на Кирочной и лепестки касаний

Витя и Ветер

Приятно пасмурная погода за окном. Май, конец отопительного сезона. Дома тепло как в Мадриде, где Жан Жене ночевал в клумбах с цветами

посадил вчера темно-фиолетовый ирис и гладиолусы

чайки сидели у кромки

фарфоровые: зубы и старые куклы

в Берёзках мне нравится молчать с моим строителем.

«строителей ее благодарю» Анна Ахматова

Роман-строитель сидит на веранде, в кресле, листает найденную на помойке Лидию Чуковскую. Когда я вхожу он словно ужаленный бросает книгу

Жан-Клод Пенсон и Мари Друэ уехали

Жан-Клод Пенсон и Мари Друэ – мои верные друзья

Теплый дождь на даче

строительство романа под крышей и на пленере

нравятся дикие имена. Напр. le bricolage

стр. Роман нервничает, когда я смотрю, как он работает

фэншуй движений

от фэншуя или от нарциссов тяжелая голова

книгу о Жюльене Граке привез из дачной местности. В электричке доставал, листал, читал отрывки, которые выделены крупным шрифтом перед каждой главой, для привлечения читателей. Это толстый том синего цвета, с множеством статей, фотографий, интервью

«другая радость нам открылась»

если бы я был режиссер, то сделал бы римейк «простого сердца» Флобера. Вместо Фелисите героем был бы Роман, мой строитель

«если бы я был американцем» Ярослав Могутин

захотелось посмотреть Шпицвега. Стал собираться в эрм., попил крепкого чая, «цейлонское утро», подарок Л.З., вышел на набережную, вдохнул тополиного аромата, после дождя почки полопались и попадали на землю. Посмотрел на барашки волн. И понял, что ехать в музей мира не хочу (спуски и подъемы метро, люди в гардеробе). И с облегченным сердцем вернулся в дом додумывать роман

словно лицейскую годовщину каждый год я отмечаю 12 мая, день призыва в армию, моя воен. одиссея длилась двадцать один год вместо двух или трех лет. В армии как в садах лица я услышал слова новый роман или антироман, когда брал для экз. по зарубежной литературе книги в библиотеке, увидел Монтеня, старое издание из немецкой трофейной библиотеки. Севастополь, Николаев, Калининград, Москва, Одесса, Крым, г. Мары в Туркмении, Калуга, Антверпен, Арзамас. Армия мне видится, таким образом, картой, яркой заплатой. Любимой книгой кроме стихов, кот. приносила мне Тамара Германовна, преподаватель фр. языка, была и остается «мышление и речь» Выготского, позднее я полюбил «критику и клинику», Бодрийяра, за легкость слога и, конечно, Историю безумия, не считая «в поисках утраченного». По моему убеждению, писатель на пять процентов состоит из писателя, и на девяносто пять из читателя

«смерть в венеции» несколько лет тому назад. На мосту Риалто ночью (фотография Valerie Stephen)

Потеряв армию, я нашел себя в письме, как иные – в капусте. Литература это моя религия, то есть связь с землей, водой, ветром и огнем, миром живых и мертвых, (фэншуй), цветов, птиц и других живых существ, с миром минералов

кредо и кресло

дождь холод и синяя лодка за окном

вдруг фамилия Флягин мелькнула, когда выходили из Борей

простое прекрасно (ужасно)

под Дэвида Боуи грустят одуванчики в зеленой траве

в такую погоду хочется почитать гороскоп

С Витей переписывались о простоте

послушал о Шарле Пеги Peguy, Жане Бодрийяре (система вещей), дождался дождя и отправился за город. Говорят, что выезжать в дождь хорошая примета. Так оно и вышло. Хорошая дорога туда и легкая обратно. В электричке читал предисловие к книге Буркхардта, смотрел иногда за окно (прекрасны Пулковские высоты в пелене дождя), думал об идиотизме, особенно проезжая Павловск с березами, где была дача Настасьи Филипповны

идиотизм частной и дачной жизни

вечером звонил Саша («московский»), спросил, не передумал ли я, я ответил, что в течение дня у меня минимум дважды меняется мнение,

в зависимости от освещения, вечером хочется иметь жильца, чтобы
купить новый компьютер, утром с ужасом думаешь, зачем тебе жилец
по мотивам фильма Романа Полански «железнодорожник»

смотря на раскрывшиеся тюльпаны, за чашкой крепк. чая думал
о грядущем и уже близком расцвете философии в России,

«внимая ужасам войны» Некрасов

идиомы и идиотизм

«мы» Замятин

госпожа Б. среди выкорчеванных объектов

«Я молод, к чему мне старушечьи бредни» (Петр Разумов)

план такой: проветрить комнату, впусив речного воздуха, попить чаю,
полюбоваться тюльпанами, дочитать про Чаадаева, поспать

вместо сестры сиеста в СПб

прочитал, наконец, статью Жана-Клода Пенсона о «гении места»
в сборнике, посвящ. Жюльену Граку

правда, вместо «гения места» он использует собств. неологизм
eutorique

на портрете 1815 г. Петр Яковлевич Чаадаев похож на экс-актрису
Голубкину (фильм «Гусарская баллада»), в зрелые годы на Сашу, бывшего
голубчика, философа

о красоте человеческих лиц. Быть похожим на женщину счастливая
примета

«Лидию Гинзбург и Эмму Герштейн сдал в утиль» (Пётр Разумов)

Шарль Пеги погиб

фраза Честертона: le fou est celui qui a tout perdu sauf la raison
(прозвучала в передаче, посвящ. Шарлю Пеги)
сумасшедший тот, кто все потерял кроме разума

день прекрасный жемчужно-серый, с дождем за окном, отдыхом от дорог,
тюльпанами на подоконнике: один красно-желтый, другой ярко желтый,
третий красный похожий на петушка из карамели

картина дня была бы не полной без Петра Яковлевича Чаадаева

глядя на книгу Мамлеева «Утопи мою голову», мне хочется читать,
и я читаю «утопи мою голову». Нашел ее, когда искал два тома Чаадаева.

Книги как растения в моем саду любят перемещаться (слива Спиноза, малина, облепиха)

в грустнейшую погоду ехали с Петей по Веселому поселку

Москва, Малявин и Ги де Мопассан. Утро окрасило розовым цветом здания напротив, а потом вспыхнули огненно-красные блики в стеклах фабрики

вчера вечером возвращался вдоль зеркальной Невы. Провожал Любу. Она приехала с бутылкой красного вина *La Ronde des gourmets*, зеленью, помидорами и томатами, тортом, пломбиром, варениками с картофелем и грибами. Чтобы отметить открытие моего пансиона. Снова я хозяин

хозяин пансиона – это гейша, которая дарит вам свою близость за скромную плату. Это Соня Мармеладова с заплаканными глазами

продажность – поэзия пансиона

скромное убранство наших пансионеров.

проводил Любу до второго спуска к Неве. Спускаться и идти у воды Люба не захотела. Тем более заметив двух мол. мужчин внизу, кот. пили у воды. «У меня может закружиться голова» сказала Люба. Мы пошли по набережной в сторону моста. Обратно я шел по бетонной дорожке, наслаждаясь прекрасным и глубоким цветом воды. Светло-зеленым как у камня александрит. На том же месте стояли пьющие мужчины. Но уже обнимались. Один положил голову на плечо другому, другой обнял его за плечо, будто утешая. Не было видно, плачет ли первый. Утешающий, брутальный малый, строго посмотрел на меня, идущего по краю, мое появление было довольно бестактным в этот час. Что плохого я мог подумать? Я быстро прошел мимо них по довольно узкому месту, глядя на воду, словно зачарованный ее блеском, не обращая внимания. При подъеме за моей спиной раздались быстрые шаги и порывистое дыхание. Бежал молодой человек в костюме спортсмена

Вода располагает к утешению. Особенно если пить еще огненную воду

когда возвращались с Романом-строителем, у меня был букет тюльпанов, напротив Романа сидел красивый ребенок с белым лицом, с ним рядом мать, слева от меня молодой отец с телефоном, возвращались из Павловска, по дороге ребенок уснул, зашел певец-пенсионер Вячеслав Петрович, наш с Марусей знакомый, спел Любоньку, в конце сделал проигрыш Хавы Нагилы, аккомпанируя себе на аккордеоне. Привет из Америки, сказал он. И пошел по вагону собирать деньги, не в шляпу как обычно, а прямо в ладонь, я протянул свой обол в 10 рублей в переполненную горсть

вышел в утренний двор вытряхнуть шубу моей няни и малиновый коврик из плюша. Двор был наполнен птичьим пением и солнечным сиянием

с Лешей и Наташей наша прогулка по Таврическому саду.

белоснежные чайки и пароходы

госпожа Б. любила ножи и зубы

стр. Роман привез мне в подарок две чашки с блюдцами, сахарницу, термос советских лет, два подстаканника. Я отдал ему серый швейцарский рюкзак

Дары волхвов

когда мы прощались на углу Кирочной и Восстания с Наташей и Лешей, между нами прошел строй солдат в зеленой форме

Когда мы прощались

«хорошо! хотя я люблю и грустить и болеть» (из частн. переписки)

как лед и пламень мы с моим строителем.

изживать в себе какой-нибудь изм

роман «изюминка»

в теплом воздухе читал о жизни Шилейко, отдыхая от Романа-строителя, в электричке, вечером разговаривал с моим пансионером, инженером из Тулы, похожим на гумилевского инженера, хотя у Г. не было инженеров, а только трамвай, рабочий, жираф
У Гумилева было не было

на веранде, отдыхая от строителя Романа, читал о Львове-архитекторе
взгляд касался оголенных как п (ровода) ног

прекрасный жаркий день похожий на Италию Сильвестра Щедрина

«тот трюм был русским кабаком» Сергей Есенин

этот эдем, в который привел меня Петр, оказался огромным, похожим на «дамское счастье», выросший на месте котлована, вырытого для вокзала, величественный, в духе муссолиниевских центральных станций трц Галерея (a suivre)

предлогом для путешествия «из содома в Эдем» послужило желание Петра купить мне обувь в благодарность за лекцию об идиотизме идиом.

(начало путешествия из Содома в Эдем)/ ожидание автобуса 49, маршрута напротив дома бывш. политкаторжан, рядом с особняком Кшесинской, на гравии

Петр угощал меня чаем, мацой, мартини. С ним съели салат оливье. То и дело выходили: он покурить, а я продолжая читать лекцию. Кстати, о лекции. Год назад в Петропавловской крепости я прослушал в записи лекцию Кейджа (lecture on nothing), это и вдохновило меня на работу в жанре лекций, хотя, если честно сказать, это жанр, в котором я работаю уже десятки лет. И все же вчерашняя лекция об идиотизме идиом (далее сокращ. лии) – омаж Кейджу

театр начинается с вешалки, а посещение трц Галерея с туалета. Все там есть, но не хватает музыки, как в туалете ресторана Карусель в Хельсинки

критика и клиника Галереи

выпили арбузной воды за 28 руб. 40 коп. И долго рот не покидало ощущение ужаса

лик ангела в прихожей мамы. Луноподобный. Слепок с лица императора Александра.

сцена в отделе «обувь». Юный продавец стал показывать Петру кеды и кроссовки. Мне понравились вьетнамские. Петр хотел, чтобы я купил, и предложил деньги. Я ответил как Шаляпин управляющему Императорских театров, что деньги принимаю только от швейцарских и фр. дам

после приятной жары мы оказались словно в прохладном раю. Я даже испугался простуды. Вместо животных библейского рая были люди в чудесных одеждах и частично голые

в вагоне читаю Буркхардта. Государство как произведение искусства
l'Etat comme oeuvre d'art (или: l'Etat considere comme creation d'art)

вновь я посетил пляж в Дюнах. В прекрасном настроении я возвращался на электричку и решил выпить чаю на веранде приморского кафе, сел за сложенным словно кипарис зонтом, который закрывал от солнца. За соседним столиком уселись, словно из фильма Киры Муратовой, две старухи, возмущаясь ценой минеральной прохладной воды, говорили о том, какую хорошую жизнь они застали, когда газировка стоила копейку, а сладкая три копейки. Если бы они могли видеть красоту уходящего дня, то были бы спасены, и другу человечества не пришлось бы изобретать гильотину

пересмотрел вчера фильм Вайды «Настасья». Прекрасный словно вечер в Дюнах

«капустная голова предтечи» (Алексей Колчев)

после книжной ярмарки я поехал на пляж.

Витя, несостоятельный десантник в зашитой тельняшке и шортах, зашел в воду (роман «Вчера на пляже»)

Витя не ожидал увидеть голых людей.

удивление Вити сравнимо с Незнайкиным в Солнечном городе

черный тюльпан

компьютер стал похож на бабушкину машинку подольского завода

ветхий Буркхардт. Взгляд немца позитивистской эпохи на политическое устройство Италии 15–16 вв., ужас и статистика, шелковая подкладка красоты. И для рифмы ветки за окном электрички, витебского и финляндского направлений

вчера пляж был прекрасен с волнением на море, ярким солнцем, чистым небом, ветром. Словно осуществленная мечта Ле Корбузье: Париж, очищенный от старых зданий,

молодые люди дождались, наконец, ветра и волн и радостно спуют под яркими разноцветными парусами на своих утлых дощечках. Вдали золотой купол Морского собора, кронштадские форты. Вместо привычной тишины – музыка «волнение моря»

сильное вдохновение мешает ходить на работу

запах ландышей пока идешь от платформы до пляжа по сосновому лесу «сестрорецкий курорт»

сильное вдохновение – это занятие сродни сёрфингу

измы и инги. Напр. пассионарный идеализм и сёрфинг

замечательные перевод и предисловие к книге Буркхардта. Счастливое совпадение: немецкая книга, смягченная французским языком. И «русская отзывчивость»

косноязычие философов и краснобайство филологов

и наоборот

красное и косное. Костное и красное

мой идиотизм – это французский язык плюс (минус) незнание нотной грамоты, неумение водить машину

послушал литературную передачу по произведениям Маргариты Дюрас. Прекрасный Пачворк. Красивый и теплый. Из глубин алкоголизма к тебе воззвал

зеленый чай и черный кофе. Вспоминаю вчерашний театр. Визит в мой пансион Саши московского, который хочет жить у меня. Никакие доводы

и уговоры поискать жилье в другом месте не помогают. Снова роман Landlord. Когда у меня гостила Сара из Лондона, еще при другом Саше, я спросил ее, как будет хозяин по-английски. Она сказала Landlord

послушал две передачи из серии l'engagement au risque de sa vie / Антигона, Симона Вейль, Галилео Галилей.

Дождь, холодно. Отдыхаю от вдохновения. А в Болонье, пишет Паоло, жара, сестра хочет ехать на Мальту, где курсы английского языка. Новый премьер-министр добавил бедным по восемьдесят евро

: витрина с дождем на Белинского

пошел в ямские бани вчера на Достоевского.

вместо гимнастики герменевтика.

: был узан банщиком как в Одиссее

кусочек из Дневника Кафки 13 года, разговор с госпожой, сквозь шум дождя, сливающийся с шумом машин на набережной
Вознесение в чух. Содоме

метафизическая география

не знаю, больше хочется чего: прочитать Бенвениста или пройти весь Вознесенский проспект
собираясь на чай к князю Никите

«от легкой жизни мы сошли с ума» Анна Ахматова

от сладкой жизни выпадают зубы

«аристотелевская логика – это не что иное, как схематизированный греческий синтаксис» Эмиль Бенвенист

от тяжелой жизни мы тоже (сошли с ума)

потом снова поднялись на его сияющие вершины

как Лев Толстой, пришел к воротнику синей рубашки воротничок из ситца (из отреза, что припасен для рубашек). Из запасов тети Тони... Пятидесятых годов. Аутентичный (на синем фоне белые лилии и мелкие цветы). Когда пришивал, наспех, конечно, как мастер дзюйхицу, думал (так в армии когда-то я не любил подшивать воротнички)

роман «састейнбл дизайн»

синяя рубашка была уже приготовлена на выброс из-за чуть потрепанного воротничка, но потом меня осенила елина лекция о с.д. (sustainable design) / Рубашка прекрасная, фирменная, присланная из Ш. и памятная еще тем, что в кармашек были вложены сто швейцарских

франков, которые сильно пригодились / Синяя купюра с лицом Джакометти и его фигурами

замечательный раут у Никиты и Кати на Кирочной. Атмосфера как «у Никитских ворот». Словно собрался весь свет или цвет общества переживания. Чуть не хватало Юры. Но его заменила Настя Денисова

Вознесение у Никитских ворот

ходил вчера по земле и по дереву босиком / Немного простыл, разболелась десна. Лечился молчанием, теплом и сном. И всё это молчание тепло и сон как в даосской алхимии смешалось, и на след. утро проснулся здоровый. Утром разговаривал с госпожой. Жаловались друг другу. (...). Она на своих мужчин, которые и мне не чужие люди (один мой друг, старший доктор, другой несостоятельный пансионер Саша моск). Потом стал искать книгу, помню, она была красной, Сэй-Сенагон на французском языке. Чтобы подготовить сообщение на вечере переводчиков. Не забыть еще роман Сосёки Светотень Clair Obscure. Опять же на фр. Пока искал Записки у изголовья. Нашел другие. И стал читать их, листать. Подумал, что похожу на малагасийца, который перебирает в пещере останки умерших, белые кости, пеленает их в чистые тряпицы. Подумалось, что неплохо бы отправить некоторые книги путешествовать, некоторые на кладбища земли, в так называемую макулатуру. Дочитаю белую (цвет обложки) книгу Р. Боланьо «фашистская литература Америки» (выдуманные биографии писателей Сев. и Южной Америки). Прекрасная! присланная Мишелем. Потом буду перечитывать Дюби «Св. Бернар и цистерцианское искусство» (Saint Bernard et l'art cistercien) /

от свежего воздуха и тишины вчера на даче случилось сильное возбуждение, которое долго мешало заснуть.

зыбучие пески (Виктору Багрову)

прекрасные тюльпаны засохли и превратились в цветочные мумии. Как Ленин, алтайский вождь и фараоны

усталость удержала дома. В Кронштадт не поехал, чтобы посмотреть новый собор, который я еще помню клубом и музеем. Оказывается дома не хуже Кронштадта, особенно в дождливый день. С чтением Евг. Онегина, Ролана Барта. И узнал еще о генерале Нечволодове, посмотрев передачу. Утром слушал масонов из Франции (в буквальном смысле). Каждое воскресенье радио передает душеспасительное: талмудические штудии, для агностиков, протестантскую службу, католическую, православную (раз в две недели). Обычно я слушаю кого придется. Сегодня достались душеспасительные масоны. Рассказывали о президенте Комбе, президенте-масоне. В передаче о Нечволодове опять масоны. У Игоря

Бо увидел масонов в музыке (Masonic music). Конечно, это всего лишь совпадения. И я не оперная дива, чтобы этому придавать значение, но на всякий случай, чтобы развеять масонское, прочитал о Кожеве. Песни невинности и опыта

«он душа, он мечта, он меркнувший экватор чувств» (Петр Разумов)

демос и ужас

настурции и ноготки / перистые облака. индейцы в национальном оперенье поют в Купчино.

камень стал мне няней (Зое)

Jean Desailly – альбом «Baudelaire: poésies»

если бы богородица Цветов позволила, то назвал бы роман Фэншуй или Родительская суббота. Вернулся с Южного кладбища. Ездил украшать могилы. Был приятно удивлен, когда увидел, что они уже украшены родственниками. Выпил кофе. С некоторых пор каждая поездка на кладбище, что находится в пяти км от «нашего отечества», Царского села, это медитация на тему Морского кладбища Поля Валери (есть римейк того же кладбища у Брассенса). По дороге слушал разговоры людей, смотрел за окно, вниз на город-море, читал Дюби

вчера замечательная поездка на море. И встреча в вагоне с Тимофеем, Димой и Таней. От избытка сердца уста сами говорили, а голова отдыхала от французской истории 12 века (книга Дюби)

нежная зелень черничника ничего не знает об эротичности искусства витражи Рериха

вчера ненастное утро, похожее на гадкого утенка, превратилось в прекрасного лебедя – день. Об этом роман «витражи Рериха». Доктор повел меня на выставку фотографий, где были встречены замечательные люди общества переживания. А также со стен смотрели черно-белые изображения людей и зверей, оттиски на стенах давно разрушенного города Херсонеса или Хиросимы. А также в углах камины эпохи модерн с неживым, но столь приятным теплом

в моем пансионе «у Уткиной заводи» пустует комната. За весьма умеренную плату вы можете погостить у меня. В качестве бонуса уроки фр. языка

чтение в электричке. Раскачиваясь, дочитал до 90 страницы Историю монашеского ордена бенедиктинцев, как всегда у французов «блеск и нищета» Splendeur et misere / идеальное место для вдумчивого,

неспешного чтения электричка. И в то же время, конечно, с помехами, как в деятельности военных переводчиков (и врачей). То остановку объявит машинист, то контроль пройдет, то за окном люпины. Розовые или фиолетовые

желтый лилейник среди ярко зеленой крапивы, словно на витражах

на веранде читал Ключева и Рубцова из книги «вологодские зори»

«вот и берег северного моря» Анна Ахм

на пляже красиво как на витраже. Вдруг небо потемнело, подул северный ветер. Зазвучала музыка. Голые люди пропали. Но и без них ничего. Чуть тревожная вода: цвета микстуры и зеленовато-голубых, сиреневых оттенков. Парень катается по волнам. Девушка едет на лошади. И мое счастливое как немецкий мотив семейство окликает меня. Дима, Таня и Тимофей. И с ними Мила. Милу позвали в роман. В вагоне было много детей. У вокзала маленькая цыганка продавала ромашки. От прогулки разыгрался аппетит, как в злые молодые годы. Окунул в атмосферу привокзального кафе. Там съел блин, купленный на улице, в теремке, погрелся и посмотрел на народ, который смотрел телевизор и молчал от непогоды

как в Нанте в феврале: солнечно, тепло, холодно, ветрено, прекрасно

Позвонил Виталий, замечательный поэт, экс-сантехник, комп. мастер, попросился в пансион

приехал Виталий. привез легкий скарб на тележке и металлический чемоданчик с инструментами. На мой вопрос, работает ли он до сих пор сантехником, ответил, нет, теперь просто техником, то есть чинит все, от компьютеров до дверей

проводил В., моего почти-пансионера, поэта. Уехал на «базу» за остальными вещами и компьютером (пишет экспериментальный роман многие годы, выпустил книгу стихов в изд-ве «Борей». «Темные тексты»). Попил чаю, стал читать из Евг. Онегина. Греясь в теплом, нагретом солнцем, кресле. Дойдя до Мармонтеля, не поленился встать и посмотреть в словаре Лярусс, кто такой Мармонтель

«И Мармонтеля третий том»

в окне у окна, заметил К. О., любимую актрису (как в Амстердаме, сидящую за витриной кафе Кава, но не голую, потому что актрисам не нужно раздеваться, чтобы обнажаться. Об этом книга Бодлера *Monsieur le mis a nu*). Была К. О. не одна, «без спутников одна». А с молодой девушкой. «Наверное, студентка театральной академии и начинающая актриса», стал фантазировать я, идущий в церковь в скале. Я посмотрел

на К. О. в витрине, она уловила через стекло мой взгляд. Через несколько шагов я понял, что нет сил идти дальше, а надо вернуться, хотя не люблю возвращаться. Я вернулся, но жар нечеловеческого общения и жажда неожиданно превратились в чудесный родник, который забил внутри. Заказав зеленый чай и панини, сел напротив витрины, но уже внутри, за стеклом

любимые: Катя Оунен, Бодлер и АБ, кот. не встретил

проснулся от шума сигнализации. Какой-то добрый человек из Сычуани оставляет под окнами машину. И от проезжающих грузовиков, грозы, проплывающих теплоходов, внутр. землетрясений, иностранцев, других добрых людей из Сычуани, которые убирают ненужное в машинах, начинает выть сирена, сначала громко, а потом все тише и тише и, в конце, скулит как волчица Веселого поселка. Я подумал, вот провидение, надо съездить в Выборг. Вот я уже на финбане покупаю билет в оба конца. В электричке дочитываю Дюби. Незаметно подъезжаю к Выборгу. В Выборге смотрю на расписание поездов и электричек. Читаю и с трудом понимаю, как будто оно написано на древнем языке. Выхожу на площадь и вижу автобусы, след. в Ф. Подхожу и спрашиваю у водителя «вы в Ф.? он мне строго (кстати, Достоевский пишет о гордости бедных людей: некоторые водители, официанты и охранники любят со мной разговаривать строго), нет, тот в Ф. И кивком показывает на соседний автобус. Я спрашиваю у водителя, в Ф. возьмете? он: покупайте билет. А паспорт есть? етс етс. Так я оказался едущим в бывшее. Время потекло вспять. А дорога побежала вверх. От нулевой отметки. Ж. Грак преподавал географию и историю и любил соотносить внутренние пейзажи с рельефом местности

«люблю бояться» Осип Мандельштам

похожее по цвету на велосипед author нежно голубое колесо обозрения на причале в Хельсинки – ничто в качестве аттракциона по сравнению с ездой на микроавтобусе, когда водитель с лицом арзамасца 19 века несется в дождь от границы, чтобы успеть до разводки мостов.

раньше я что-нибудь привозил из Х. Пачку чая или кофе. В этот раз взял лишь салфетку из кафе Kawa: красивую, словно ее расписал Нольде / обернул в нее книгу
роман «састейнбл дизайн»

портрет Андрея в качестве святого в Вильнюсе.

возмужалый, с нимбом в виде полочки с мясорубкой, ню с грудями, алюм. диском и разноцветными флажками: розовыми, лиловыми, салатными

переезжать границу, видеть столбики позади. Радость трансгрессии, которую, увы, уже не испытывают юноши, кот. едут в микроавтобусе. Возвращаются из Испании, Франции. Говорят о футболках. Показывают друг другу селфи. Молодой человек возвращается со своей женой из свадебного путешествия, они сидят рядом со мной в тесном пространстве. Он положил голую ступню на сиденье и гладит ее. Девушка прижимается к нему, ждет крох ласки

подражание Ги де Мопассану, новелла Пышка, только никого не заставляют спать с пограничником

взяв серебряный чемоданчик с инструментами, Виталий ушел на работу. До этого он ушел от жены (начало романа о В.)

без культуры опасности нет либерализма (Фуко) эпитафия к роману о Виталии

дома Фуко (театр-философия), финский женский роман в электричке

на веранде читал книгу Горбаневской. Прекрасная: грустная, ностальгическая. Про пути-дороги. Потом нечаянно положил ее на «вологодские зори»

Виталий приготовил макароны по-флотски, прибил полочки

(роман «мужчина в доме», пер. с японского)

как в романсе я ехал домой с Белградштрассе. После чудесного неждешнего вечера

на вечере на Белградштрассе, в теплой душевной обстановке читал из Беруфсфербота

квартиры словно истина. Прозрачные (Н. Б.)

не успел прийти в себя после состояния близкого к дуэнде, как оказался на Гутуевом острове в гостях у Димы, Веры-в-Ярославле и отца Виктора Б., в доме напротив дома культуры моряков, в квартире утопающей в черемухе. Потом с отцом гуляли по Коломне, он проводил меня до бдсм салона. У стеклянного театра, где работает Стелла, встретили Диму. Госпожа сказала, что работала на Гутуевом острове десять лет, в доме культуры моряков (Тема согласования времен и имен как во французской грамматике)

«смешные. на память о том ветре» (Т. Р., надпись на фотографии)

Н. П.

неподвижные чаши
как будто навечно

цинния, турецкие гвоздики, люпин. Букет на полке у госпожи. Госпожа в свободное от массажа время занимается составлением букетов (пер. с японского)

на углу Псковской и Мясной видели пирамиду майи и ацтеков заросшую крапивой (прогулки с отцом Виктором Б. по Коломне. В воскресенье)

: любить спать с людьми

(Маркс: «Любимое занятие: рыться в книгах»)

как в прохладном гроте летом в моем невском пансионе

(роман Landlord)

госпоже Б. в салоне бдсм рассказывал про Гутуев остров, квартиру, где живут Дима, Вера и ВБ. В черемухе. Напротив дома культуры моряков. И рядом с церковью. В одной комнате живет Вера, словно на краю мексиканской страсти (продолжение следует)

я не знал, что такие места бывают в городе. Чудесное русское зарубежье. С черемухой, церковью Гутуевской божьей матери, покровительницы моряков, бомжей, писателей и др. людей общества переживания. Госпожа провела там десять лет своей мятежной юности

немного напоминает Кронштадт, Таллинн и атмосферу фильмов Каурисмяки, будь то Гавр, Хельсинки или окраины Лондона, Ленинграда

(Notre Dame de Goutoueve)

радио рассказывает о «1000 и одной ночи»

рисунок наскального ветра

...

из-под ресниц плюшевого робеспьера

(Виталий Зимаков)

накликать

вдохновляться не тем. В. научил меня открывать дивидиплеер при помощи булавки, и теперь смотрю Пазолини шестидесятых (на языке оригинала, с фр. субтитрами). Синяя коробочка с дисками, подарок Валери
coffrette bleue comme oiseau

с Диной полдня гуляли и говорили (в эрмитаже, потом в абрикосове)

ренессанс руморологии

зимогляд, пересмешник: названия англ. (американских) птиц

на одной из картин Дина заметила зимогляда, я спросил, есть ли у нас они, она сказала, что это английская птичка. Я ответил, что из английских я знаю только пересмешников

однажды я спросил у Лукреции, когда мы пили чай с ней и ее мужем-священником англиканской церкви, отличается ли английский от американского, она сказала, нет, муж стал с ней спорить, утверждая, что отличается.

«а сны им снятся из-за запахов» (из частн. переписки)

с Диной останавливались у разных витрин. Например, рассматривали кружева

Демидова дошла до пермского края

я не понимаю не только живопись, но и игры Демидовой в роли сестры Лебядкина

автопортрет в роли Марии Тимофеевны Лебядкиной и ее брата, в исп. Демидовой. В пасмурную погоду, но в веселом настроении

мы с Диной в роли Демидовой, которая играет одновременно капитана Лебядкина и его сестру

Дина показала мне мадонну Мелвара (ее друг, армянин-лингвист). И мой заочный друг

утюг «Виктор Александрович», показал я Виталию. И рассказал, что когда мне заплатили гонорар за статью об учителе, я купил утюг и туалетную воду Хьюго Босс

ода на обещание Петра подарить записки Петра Вяземского

шел вдоль Невы и думал о Двинской улице

собрался на море, но В. Б. напомнил про вечер на кладбище. И получилось «морское кладбище»

Paul Valery cimetiere marin

директор таможни А. Радищев, писатель (надпись на камне)

мне вдруг захотелось обойти весь зимний сад (эрмитажа). И в коридоре немецкой и голландской живописи, я остановился, залюбовавшись на юношу, частн. экскурсовода, Дина не могла понять, кого я рассматриваю в месте, где не было ни картин, ни ваз, потом когда юноша подошел к картине, висевшей рядом с окном, где я стоял, я услышал имя «Декарт» в его пояснении к картине «любительница устриц». Это привело меня в неописуемую радость

Дина, Декарт

из Кронштадта с любовью

свадебные: генералы, фотографы, доктора

Андрюша прислал привет из Греции. И это совпало с моей поездкой в К.

К. напомнил мне Севастополь моей морской короткой юности

и Св. Софию

между выцветших строк подслащенный ренклюд (В. З.)

белая ночь пододеяльник с прорехой утреннего сна

с древесно-амбровым ароматом (для мужчин) читаю на шампуне Виталия в ванной комнате

шампуни и шаманы

ругань госпожи по телефону в адрес ст. доктора (только «козел» можно напечатать из перечисленных слов). Вот настоящий древесно-амбровый аромат речи!

сойдя с автобуса купил в «дикси» ряженку, с маком булочку. Пошел к собору, делая по пути остановки. В сквере напротив фонтана сел на св. место рядом с пенсионером. Чуть дальше сквер, где стоял Ленин, теперь там просто камень, Ленин стал прозрачным как истина. А купол библиотеки или книжного магазина ржавый, давно не крашенный. Красивый. А купол собора весь в золотых якорях. У собора сел на скамейку выпить ряженку и съесть маковую плетенку. От легкого ветра колыхались синие и белые петунии. На одной скамейке сидела мать с ребенком, на другой семья с мальчиком постарше. На третью пришли трое: мужчина и две женщины пьющие, каких любил и жалел И. Кронштадтский. Одна из них сказала «оделись как бомжи». Другая обиделась и пошла гулять по дорожкам с баночкой энергетика. Я стал бросать крошки воробьям и голубям. Воробьи устроили настоящее представление: с гвалтом они налетали на крошки, щебетали, барахтались в пыли. Давно я не испытывал искренней чистой радости,

замечательный разговор с Галиной Мироновой (гришина футболка, Вова Веселкин и непременный Владимир Ибрагимович Эрль)

у госпожи вчера вербально-телесные практики

с губ слетали лепестки имен

по солнечным и теневым берегам Фонтанки гуляли с С. Ф. и Фюренем Эйчем вчера

голые ноги мяли виноград слов и собственно имен

опять пригубил вина восторга из глиняного кувшина

две птицы Наташа и Стелла встретились вчера

рассказывал о бывшей дружбе с мужьями

Пушкин «а дружба дело святое»

«я не люблю Пушкина» – признался С. Ф. Мне хотелось сказать «я тоже»,
но не посмел

Пастернак «корень красоты отвага»

хотелось бы написать роман «корень красоты», но не велит
Гутуевская б.м. (В. Багрову)

Виталий сварил солянку. Прямо как в сказке Перро: открываешь дверь
пансиона, и запах человеческой еды приятно волнует

не успевать воспевать

если бы м. д. спросила, учитель, какая разница между правдой и истиной,
я ответил бы: такая же, как между словами *les mots* et *les paroles*

опять Далида и Ален Делон

«увы, как северное лето» Александр Блок
из северного лета вернулся в город. Сел у вокзала на трамвай 16, доехал
до дома Маруси, прошел всю улицу Достоевского до Свечного переулка
и оказался в веселых тропиках ямских бань

в электричке читал финский женский роман. В бане слушал мужскую
речь. Разговаривал с Галей Мир. Попросил ее прочитать «к немецкой
речи» («а что у меня. Только гришина футболка»). Затем уже вместо
колыбельной послушал письмо Р. Киплинга из Японии

«суп остался?», спросил я, едва успев поздороваться с В.,
моим пансионером. Да, еще вкуснее, чем вчера. Даже супы знают
совершенство
путем супов

обрадовался солнцу. Золотые блики в доме «Корбюзье» на Левом
берегу. Шесть часов примерно. Решил сходить прогуляться вдоль реки,
но передумал, вспомнив про д. голову, не дающую покоя ногам, попил
чаю и сел за писанину словно за отложенное рукоделье (клубки с нитками
в корзине)

разговор головы Вийона с ногами

чистить скоблить замазывать то, что было сказано «лишнего» и поверх
написать то что вспомнилось. Например, о канареечном человеке,
встреченном на Кирочной

одно из моих любимых занятий это компаративистика. Например, сравнить глаза Эйча Фюрена с глазами поэта В. Б.

«и тайные стихи обдумывать люблю»

вчера в вагоне был слегка потрясен исполнением стихотворения «не позволяй душе лениться» на манер духовных стихов. исполняла бабушка в платке, с приятным тембром и замечательной техникой пения тексты и тела

Саша, Вы любите монстров (Г. М.)

да, и они меня любят

Петр и Изольда, опера

замечательный визит вчера в хостел на Ропшинской, 4

шел по дороге и думал над вопросом С. Ф., к чему чувствую отвращение (имя или текст). Когда задаются такие неожиданные вопросы, голова озаряется вспышками и ничего не видишь, ни чувствуешь, но по прошествии двух дней вдруг новое озарение, но другого рода, когда видишь и испытываешь отвращение, сравнимое с тошнотой С. К самому себе

роман «озарение и тошнота»

Illuminations et nausees

розовые пионы, даже малиновые

на веранде читал Горбаневскую и смотрел на «вологодские зори» с тихой радостью

вариант: «вологодские зори» смотрели на меня с тихой радостью

разговор с госпожой сегодня как в пьесе П. (узбек, массаж)

вчера разговор на Ропшинской о зубах, Коллеж де Франс, астме, маскараде Лермонтова етс.

Я спросил Изольду, смеетесь ли вы здесь? она ответила, о да!

селфи, словечко прошлого года (оксфордский словарь)

роман «словечки»

«я предполагала, что вы – сердечный кинестетик» (из частн. переписки)

Эйч Фюрен за розовой занавеской

«сошел с ума. Поверил в» (Ф. М. Достоевский)

сошел с ума. Поехал в Выборг. По дороге читал и дочитал женский финский роман. Оч. хотел увидеть библиотеку, построенную Аалто. Она

не разочаровала меня. И все же хочется иногда разочарований, горечи, поэзии сожалений. Укус сожаления испил, поднявшись на башню. Можно, пожалуй, написать «поэму». В два столбика расположив башни очаровавшие и башни наоборот. В одном столбике башни Стамбула, Дюссельдорфа. В другом – башни Кельна, Выборга и Смольного собора. Как утешение, спустившись с башни Выборга, увидел «мальчика целующегося с котом», статую на набережной. (продолжение следует)

а теперь сначала и по порядку. Третьего дня проснулся рано в состоянии влюбленности. Вспомнил строчку Блеза Сандрара. О том, что если любишь, обязательно надо уехать *Si tu aimes il faut partir* / И я поехал на Финляндский вокзал. Вспомнил, что я не видел библиотеки А. Аалто. Несколько слов о Выборге: я влюбился в этот город. Он напомнил мне города, где я бывал: Углич, Гамбург, Венецию, Николаев, Калининград. До этого я бывал там ночью, проездом в Ф. Помню только вокзал и площадь. И был уверен, что весь город такой. Восхитительны руины. Прекрасен вокзал. Свои путевые заметки о Выборге назвал бы «библиотека Аалто», где описал бы: свою жизнь до поездки в В., детей и старушек и их разговор в кафе (дань Кире Муратовой), улыбку подростка, приятную усталость и радость возвращения через Солнечное, пляж естественных людей.

вчера в вагоне, когда подъезжали к Старой деревне, прочитал на обложках «Пена дней», «Опасные связи». «Пену» читала девушка, «Опасные связи» молодая женщина в очках и цветастом платье

роман «читательницы»

башни сомнения и опыта. Цветочки в камнях как вдоль железной дороги. Часть вчерашнего путешествия назвать «солярий»

радость, что не поднялся и не приблизился к эйфелевой башне. Одно из утешений, кот. посетило меня, когда спускался с башни св. Олафа. Довольно того, что видел в фильме «Зази в метро»

башни сомнения и опыта

утешение словно прискакавшие братья: рабочие на железной дороге в оранжевых жилетах, пьющие из пластмассовой бутылки, копающие траншею для кабеля

вариант: вместо сестры на Сенной площади, отцы и дети на железной дороге в оранжевых жилетах

братья сестры отцы дети. Те же, но уже обнаженные на пляже

Эйч Фюрен положил на веко пробочку из-под мартини и стал вылитый Эрих фон Дюркгейм

Виталий постригся

Виталий завязал с поэзией, бросил пить, бросил жену и теперь исследует тему денег, играя на форексе

он любил три вещи на свете

Библиотека Аалто. С одной стороны детская, с другой – взрослая

вдохновляют башни

«он в риме был бы брут»

в Америке – Наум Хомский, в Англии и Австрии Людвиг Витгенштейн, у нас он воен. пенсионер

автопортрет, украшенный мелкими цветочками, растущими вдоль железной дороги и в крепости в Выборге

кафе монплеизр в Выборге. Причем написанное латинскими буквами: по фр. и по-английски как во времена Жанны д'Арк
Понравилось

с Петром ездили гулять. Словно в Сибирь. Я как жена декабриста выслушивал нытье и стоны ссыльного. Утешал и уговаривал. Посмотри, мол какое разнотравье, разденься, искупайся. На вопрос, долго ли еще, отвечал, верст двести до острога, уже проехали Тюмень и Ишим

я стал есть ягоды, Петр белую таблетку

стихотворение Сергея Маркова о Батюшкове. Где в середине стиха есть строфа о золотом разуме, который он хранил на дне безумия

Петр прочитал по моей просьбе это стихотворение, отвалив камень Горбаневской, под которой лежали «вологодские зори»

замечательные страдания Петра на природе.

оказалось, что природа не только равнодушна, но и способна радоваться страданиям Петра. Вместо того, чтобы испытать эмпатию к нему как к тексту, она вдруг стала веселиться и радоваться: прошел мелкий дождик, запели птицы, поле, через которое мы шли к озеру, благоухало разнотравьем. Петя, как тургеневская барышня с буддистским серебряным медальончиком на шее, шел, подобрав джинсы словно юбку. Я спросил, какого года джинсы. Оказалось, многолетней давности. Они как клеши семидесятых собирали всю глину с дороги. Ужас Петра усиливался от маленьких лягушечек, которые беззаботно сновали по дороге

природа не только сфинкс, но и маркиз де Сад

лучшее купание этого лета. Вода приятной прохлады, замечательного цвета кока-колы с коньяком. По берегам цветет иван-чай, на том берегу зеленеет лес. На зеленой лужайке как на картине Матисса «концерт», почти сливаясь с природой, в зеленого цвета бейсболке и рубашке, один, среди веселого мусора, страдает Пётр. Не слышно ни детских голосов, ни песен из машин. Люди уехали, испугавшись дождевой тучи

Петр привез мне подарок. Старую записную книжку Вяземского. Я оставил на веранде книгу, которую стал читать после финского женского романа. «Волшебный мир немецкого языка». Петю в знак благодарности научил слову «черепаша» – tortue и выражению «черепашьим шагом» – a pas de tortue. Он упрекал меня, что я быстро иду уроки французского на пленере. Одно–два слова в час

с доктором ходили в театр. Давно не испытывал такого удовольствия. Сидели на прекрасных местах. Чтобы получить удовольствие от театра, надо было несколько дней провести на природе. Т. е. неожиданно было после голых людей увидеть изысканно одетую публику: японок в кимоно, англичан в костюмах, дам в вечерних платьях, молодого человека с бабочкой

Петр Ильич Чайковский

«Эйчик приболел» (из частн. переписки)

В Выборге в церкви св. Ильи любовался глазами С. Ф. маленькой девочкой дауном, словно сошедшей с картины «Менины». Ласковой, с красивыми глазами, очаровательной улыбкой, нарядно и опрятно одетой: в белой платице, на ножках красные сандайки, на головке белая вязаная шапочка с вышитыми грибочками, ежиком и ягодками

Замечательная, в своем роде, поездка в Х. В который раз испытал радость возвращения. Лучше и ближе узнал князя. Некоторые эпизоды, кот. впечатлили: Саша подарил книгу на испанском, купание в заливе, сауна, сон, тело критика словно полярного медвежонка, Каурисмяки, человек без прошлого, немного «сияния» Кубрика, на кот. я засыпаю, сплю хорошо на новом месте и вспоминаю о С. Ф., когда сворачиваюсь калачиком на диванчике, утром просыпаюсь и очень хочу выйти погулять, на двух других кроватях и матрасах спят критик и Никита. С Никитой мы любим разные фильмы, разных, в том числе одноразовых, людей и еду. Напр., он ест в макдональдсе, я сижу и жду, потом мы идем в другое заведение, где я ем суп, но пьем вместе кока колу и, особенно, непальский чай изгнания

«...оскорбительная красота, великолепиие, голые тела из соленой воды, морские звери, рыба, много рыбы» (из частн. переписки)

одно из впечатлений: до поездки, как будто из той жизни. С. Ф. читает по моей просьбе стихотворение отца Сергия. Неожиданно до меня доходит его содержание, то есть смысл послания. Со временем оно приобрело замечательный букет, побывав и побродив словно в винном прохладном подвале

стихи-письмо оказалось замечательным вином, и уста читающего прибавили своей сладости

проходя полем к озеру, нарвал ромашки, зверобоя и положил в котомку к князю Вяземскому

середина лета

не знаю почему, но мне нравится

князь Вяземский в обществе Натальи Горбаневской и «вологодских зорь» гостит у меня на веранде

Мережковский, вечные спутники

в поисках истины, то есть между заливом и озером, вас ненадолго настиг воскресный отдых

«и близко к голландской границе и к Кёльну» (Н. М.)

«не, на салют мы не пошли. Решили провести остаток времени дома под сенью черемухи» (из частн. переписки)

читаю «волшебство немецкой речи» в электричке и отдыхаю от «отдыха», который, по сути, труд с ходьбой по полю или песку, твердому асфальту. Как у римского солдата возникла потертость на пальце и блестит море перед глазами.

возвратился в родную жару из рижской

вода в юрмале холодная как серые глаза Эйча

несколько слов о жаре. Как будто прочитал девять томов Успенского

сладкая легкая жаркая жизнь

«вот начали нас обстреливать» (Игорь Бо)

жара спала, я выспался на даче, срезал пять гладиолусов и вернулся в город. Поставил гладиолусы в хрустальную вазу на кухне пансиона.

вчера на пляже встретил удивительного М. с его очаровательной спутницей. Он спросил, какое кино мне нравится, почему я один и пишу ли я. Накануне госпожа спросила, пишу ли я. До этого ругалась матом. Потом опомнилась, сказала «больше не буду»

общество голых поэтов

красные солнца: в юрмале над морем и вчера над полем, когда ехал на электричке

компаративистика

вчера, проезжая купчино, видел радугу

приехал проведать, все ли в порядке в пансионе. Подрезал стебли гладиолусов, оторвал увядшие цветки. Спросил Виталика, как дела на бирже (он сменил работу, теперь играет на бирже).

хроника пансиона в жару и прохладу

желтые похожие на мимозу цветы

после жары приехал в гости Пётр. Словно пресвитер в желтой австрийской рубашке с черным орлом на рукаве. Вместо игральные костей высыпал из коробочки таблетки

жара ослепила и оглушила, лишила дара речи. Состояние пограничное с блаженством. Помню, в самый разгар жары оказался в Риге (начало поэмы «жара»)

М. на пляже, пересыпая песок из ладони на ладонь, словно заново выдумывая время, спросил, пишу ли я. Госпожа Б. тоже спросила в своем салоне бдсм, пишу ли я.

когда душит блаженство жары, не до слов

приятней жары оказалась прохлада

жара как название раннего романа Пьера Паоло Пазолини

у Пьера Р. попросил разрешения принимать его в шортах, переоделся лишь в желтую рубашку, чтобы настроиться на одну волну

так получилось, что «поминки по жаре» мы совершили на пляже с М., выпив кр. вина с минеральной водой

план такой: поменять воду в вазе, подрезать гладиолусы, оторвать увядшие цветки, пойти на лекцию о Параджанове

Петр подарил мне Вяземского, а Успенского в дар взять не захотел, сославшись на усталость
усталость, Успенский

на середине Невского был остановлен Наташей Я. Не могли ни разойтись, ни расстаться, как барашки или козочки в сказке на досочке над речкой: пойти на ее или мою сторону... В конце концов, она почти побежала

со мной на мою сторону, потому что загорелся кр. свет. Спросила, куда иду. Я сказал в собор на праздник Преображения. Остановились на углу чуть-чуть поговорить. Договорились до того, что пошли в рюмочную, на ее сторону (Невского). Там долго беседовали обо всем. О путешествиях, мариинском театре, преподавании языков (она – выпускница философского и преподает англ. язык), вспоминали людей из прошлой жизни (Серёжу Завьялова и др.). Расстались в троллейбусе на пл. А. Невского, посылая друг другу воздушные поцелуи роман «воздушные поцелуи»

вернулся с замечательной прогулки. «в сторону Преображенского собора» как у Пруста

попал в магический реализм крестного хода вокруг собора. Под липами дубами и кленами, в окружении турецких пушек. Когда у бабушки закончилась вода для окропления, пошел дождь, и силою молитв дожд. вода стала освященной.

праздник и театр чтения. «Св. Жене. Комедиант и мученик» Сартра

пересаживал шиповник (*Rosa canina*) / как швейцарские нарядные гвардейцы будет расти за оградой вдоль канавы и дороги

Н. Гумилев, Э. Юнгер: Рабочий

Ж. П.-Сартр – настоящий рабочий! когда читаешь список трудов, диву даешься. Мне же лень было дочитать до конца список сочиненного им

«мысль изреченная есть ложь». Допустим. Но, когда читаешь Ж. П. Сартра, восторгаешься прежде всего фонтаном слов. Так я люблю ловить «радугу» в струях фонтана, у Казанского собора, Адмиралтейства, например. Мысль же возникает как эта радуга. И исчезает с лучами солнца

в маргинальности и одиночестве мало веселья, но много радости

Тампере – Бремен, а там автобусом до Амстердама (стихотворение)

городил огород, потом уехал в город. Это не прибаутка, а правда. В вагоне читал св. Жене, на 34-м подсади бабушки с внуками. Сартр был замечательно разбавлен детскими лицами («детская невинность это выдумка», из первой главы) и разговором бабушек, кот. был на грани святой простоты

Сартр, Жене, дети, бабушки и я – удивительная и замечательная поездка в Порвоо. Не утратил способность удивляться и замечать. И сам был замечен моим бывш. «начальником», проф. Зайцевой Н. Ю. из имени Герцена, на обратном пути. Когда я как странств. дервиш, одетый во все дареное и рваное, взшел в автобус. Небритый, заросший. Похожий на Туве Янссон.

в дороге на Выборг (дранг нах вест). Утром, когда не спалось, подумал «надо ехать». Просто, выйти на остановку. Постоять на Неве. Подождать автобуса. Посмотреть на облака, теплоходы на реке. Послушать крики чаек. Тревожный рассвет как нельзя лучше соответств. настроению путешественника. В этой тревожности есть и сладкое (путешествие как война). Приходит автобус и увозит на финлянд. вокзал. Ленин без светлой паранджи струй. Голый как Сартр в прозрачном полиэтиленовом пакете. Как мы с эм на пляже. Покупаю билет на скорый поезд. По дороге у бабушки-офени баночку клея, чтобы заклеить куртку и, потом, книгу. Она хранится в пакете, иначе развалится как ветхий Данте. Рассыплется мой сартр (a suivre)

дорога на этой скорой электричке быстрая и стремительная. Красивая в это утро. От пейзажа и живых картин природы. Все как в музыке, в театре. Только по-настоящему

pour de bon

теперь когда вернулся, можно сказать, что Сартр – хороший попутчик. Как Никита Миров

открыл для себя Порвоо

в свое время, когда служил в Одессе, о дороге на Выборг рассказывал лейтенант П. (из Москвы он возил туда иностранных туристов. Работал переводчиком. С португальским языком). Он же говорил о красоте города Мары и его окрестностей осенью

Взгляд во двор на мокрую яблоню.

Gasthaus Verner

НЗ: неприкосновенный запас, имя и фамилия профессора, встреченного по дороге назад (или вперед?)

снобизм и озноб

забыл упомянуть о летнем эпизоде. Встречались с московской Аней в приморском парке. Она еще не утомилась, а во мне утихла былая страсть к дурачествам,

Gasthaus Bjork

радио осеннее солнце

поездка на кладбище с желтыми цветами и астрами.

на Пулковских высотах.

на обратном пути (с кладбища) перепутал или, точнее сказать, сел наобум в автобус, едущий в Кр. Село, заехал в Горелово и посмотрел

на город с другой стороны. На пр. Ветеранов сел в метро и доехал до Владимирской (далее – известное)

хозяйка кофейной плантации Карен Бликсен

от меда к пеплу,

Двинская улица и ее обитатели

Pensia (Pensees) посв. И. С.

замечательный нездешний вечер вчера
на память остались пакетики сахара. Цветные. Как фильмы ФФ
или пакетики пр-вов

новые: волна, роман

когда б Татьяна Горичева пришла вчера послушать наши речи. На чердак

роман Тайяр де Шарден

pensees: анютины глазки, мысли

le roseau pensant мыслящий тростник.

вчерашняя лекция шумящий камыш, в котором мелькнула голая
щиколотка юного лектора

роман Тайяр де Шарден

однажды, этим летом, вместо Выборга я поехал в Петрокрепость.
Захотелось увидеть Ладожское озеро. Как мемуары Ильи Репина оно
оказалось. Далекое близкое

Петр заметил на правой руке лектора татуировку Падающих новостроек

вчера был в Удельной. Когда-то, а именно в 94 году, я увидел барахолку
в Антверпене, местн. житель объяснил мне, что даже голландцы
приезжают покупать к ним. Даже поляки приезжают продавать (зонты,
платья). Но барахолка в У. напомнила мне еще рынок в г. Мары (ковры,
верблюды).

в Германии Еля возила меня на барахолку. Помню крики «леке(р)», леке
продающих пирожки турков. Купил обложку для паспорта с немецким
орлом, чтобы эпатировать буржуа, и книгу о Праге Рильке

пенсионеры, фрики, жуки торговли. Усилием воли заставил себя уйти
из жуткого места очарования, словно из сказочного леса фр. сказки.
Не купил книгу на немецком языке, повод для сожалений, готический
шрифт, югендстиль, про бедную Грету. Зато в магазинчике для садоводов,
у платформы, купил тюльпанов. Сел в поезд и уехал в Питер

«мне мерещится новая книга. О земле и ее красоте» Борис Пастернак, слегка искаж.

да, Удельная это место силы. Вибрации из сумасшедшего дома справа и токи железной дороги слева. В этом пересечении разного рода энергий лица пенсионеров и молодых гастарбайтеров, потомков Омара Хайяма, Саади. Бухара, Памир, Антверпен: Удельная.

Восхищенный я задумал написать о пенсионерах, популяции близкой к хтонической, со своим призрачным блеском и обманчивой нищетой

Глюкля на той сакраментальной лекции спросила с легким перегаром водки (приятным), что пишу, пишу ли. (я давно уже не отвечаю на подобные вопросы), но ей ответил. Пишу. Что? роман-блеф. Бл-ть? – переспросила она меня

Глухая Глюкля (подражание Тулуз-Лотреку)

возвращаясь из У. в метро встретил Азамата (роман мёд Азамата). Красивый! в военной форме. Хотел сказать, приезжай подстригать меня. Забыв, что подстрижен был третьего дня. Вспомнил тут же, рассмеялся, рассказал ему об этом. Спросил, жив ли ФФ. ФФ рулит, рассмеялся Азамат. Попросил передать ему привет

чистая радость встреч

писатель-читатель, барышня-крестьянка

между садом и Сартром

я спросил капитана, что означает слово Aconite, оказалось, это название цветка. Всем противолодочным кораблям этой серии, к которой принадлежал и Aconite, дали названия цветов. Myosotis, например

вспомнил, рассуждая о названиях (корабля или романа)

вчера в поисках бело-розового пиона оказался в Пушкине... до этого был ужален ощущением счастья на остановке автобуса в Купчине, за железной дорогой, среди треша (кусты, гаражи, ларьки с пирожками)

будет еще бабье лето

«словно нежный хруст ампул от пролежней на полу» (А. Д.)

осеннее здоровье подступает

Ленин учил не миндальничать с читателем. А я люблю поминдальничать души доверчивой признанья (далее – ддп)

с Галиной гуляли вчера. Встретились у Балтийского вокзала. Ожидая Галину, погулял по вокзалу. Он прекрасен и чист как церковь, этот

вокзал. Религия дороги или пути объединяет людей без клятв и лишних слов. В этом храме много свободы: можно есть, пить, ходить, читать. Я погулял несколько минут. Почитал названия станций. Посетил туалет. Купил в киоске сок и вышел ждать на площадь, к метро. Выбрал место у остановки напротив выхода из метро. Рядом с торговцами медом, цветами и ожидающими автобусы на Петергоф и в др. места. Вдруг заиграл оркестр музыки кино, бравурные марши и тихие танго. И наконец, появилась Галина в одежде вдовы Александра Миронова: соломенной шляпе, голубом плаще, невидимой миру гришиной футболке, летних туфельках и с рюкзачком

вдоль Обводного канала идем по направлению к Канонерскому острову. Останавливаемся на берегу реки Канонерки, Галина показывает мне дикую часть парка Екатерингоф. Слушать ее интересно, у нее приятный тембр голоса. Она хранительница огня второй культуры или контркультуры. Слово самоцветы достает она из сумочки имени: Эрль, Кривулин, Елена Шварц, Василий Филиппов, Александр Мионов, Татьяна Горичева. Наши разговоры – это школа злословия. Это добротолубие. Мы сидим на скамейке дикой части Екатерингофа, у берега Канонерки. Галина достает из рюкзака белую скатерть с ягодками, вместо фляжки с коньяком пачку березового сока, старинные рюмки, сыр, хлеб, пирожки с капустой. Я спрашиваю, уместно ли чокаться березовым соком? Мимо пробегает спортсмен, проходит семья, чуть поодаль, за прудом, сидит пара с велосипедом. Думают, очевидно, что мы пьем водку из стопок. В парке хорошо: дико и светло

я пропустил эпизод на Двинской улице, когда мы стояли напротив парка. Мне захотелось «отлить», и я нашел глазами заросли высокой травы у забора. Я сказал, что мне хочется. И пояснил, что когда холодно, хочется чаще. Хотя ст. доктор запретил мне оправдываться. Теперь я понимаю, что любое удовольствие надо скрывать. Даже, и особенно, естественное. Она вдруг сказала, простатит. Я сказал, нет еще. Это потом (Когда-нибудь, как в песне). Она неожиданно добавила, Саша (молодой философ) никогда не ходит. Мне это понравилось. До такого совершенства мне далеко, сказал я и пошел переходить улицу. Отвернитесь, смотрите в сторону парка. Поскольку движение было оживленным, я долго не мог перейти дорогу. Галина послушно смотрела в сторону парка. Я в сторону травы у забора. Наконец уже у забора я вспомнил любимые слова из Канта о том, что мочеиспускание – единственное удовольствие, после которого нет раскаяния

«Город не похож на своих жителей» (С.Х.)

вернулся из Пскова и попал на бал к Марусе Климовой.

позвонил Рома. До этого он звонил из нижнего Тагила. Я спросил: ты вернулся? Он: нет, подъезжаем к Тихвину. Какие магнетики тебе

привезти, с церковью или с танком? Я растерялся. Никогда не знаешь, что лучше. Танк или церковь. Сказал (на всякий случай): привези с церковью. Он: хорошо.

между танком и церковью.

доктор спросил, какое все-таки название. Я ответил, кажется, «анютины глазки»

эпиграф из Поля Морана. «J'aime les fleurs, mais je ne suis pas le p...ste» (Paul Morand, *L'Europe galante*)

«о Боже, Саша!! от таких эпиграфов полезла в гугл смотреть перевод» (Стелла)

был вчера в Лавре на ярмарке. Вдыхал грибные и медовые ароматы, видел льняные простыни, изделия из бересты, лапти из аира, колбасы, мяса, масла, ягоды, соленья. Как в фильме «Вий» или в «сорочинской ярмарке». И всё это в блаженстве незнойного бабьего лета

бабье лето и Сартр

«но как в любой сексуальности живут ядрышки зла» (...) С. Ф.

«да Вы энтузиаст» (П. П. Раскольникову)

вчера

шли ко дну, но оказались в кольце полуокружностей соборов, и в маме роме. Плели венки разговоров, которые потом бросили смеясь в воды невиского Ганга

(пили вино и гуляли с Никитой, Феликсом, Соней, Сергеем и немного с Индусом в майке сан-франциско и Любой, фам фаталь)

«но отсутствие слов лучится из каждого светлого угла или погребца» С. Ф.

«un Etre de beaute de haute taille» Arthur Rimbaud

вчера осмелел и прикоснулся к высокому

мадам де Сегюр и Б. Рассел, бабье лето, отдых после вчерашнего

стигматы на шее у Никиты и Феликса. Никита играет на трубе, Феликс танцует, в окне небо, внизу огоньки машин

я, кажется, начинаю избавляться от библиофобии. Вчера в порядке слов осторожно касался книг и читал названия и имена авторов... Смеялись дети. Авторы сидели на подиуме и как в Амстердаме за стеклом (так же называется роман Робера Мерля, за стеклом, Robert Merle, derriere la vitre, о событиях шестьдесят восьмого года в Париже). Павел был

на босу ногу, Александр в коричневых носках в желтую полоску. Было совсем не скучно. Благодаря удачному соседству с Сашей Ц., лекция показалась мне увеселительной прогулкой в ближайший пригород, в хорошую погоду, когда мелькают знакомые имена и пейзажи, поют птицы, веет теплый ветерок

Дина позвала на after party. Никита и Феликс ждали на улице. Как в романе мадам де Сегюр у выхода стояли дети. Я спросил девочек «дети чьи вы?» и добавил: «впрочем, можете не отвечать на глупый вопрос». Но одна из девочек ответила «мамины».

«губы у старика сладкие как чернослив» (Гера Шипов)

доктор отвел на концерт духовной музыки вчера в Федоровский собор. Восхитительный концерт

Никита нес за спиной трубу как золотого ребенка

у Феликса цветные как сны шерстяные носки. Мы сидели рядом, и я мог невольно касаться

у Дины на подушках

станьте лаффином и сотерном

Джузеппе Сартти и Жан-Поль Сартр. Возвращение из Киришей. Мелькало небо среди елок, сосен, сухих берез на болоте

театр чтения.

описать поездку в Гатчину, где я собирался послушать концерт духовной музыки, но вместо нее оказался в объемах тишины и света. Тенистыми и солнечными тропами старого парка пробирался от Гатчины варшавской до Гатчины парадной, но милой, уютной и радостной. Такую Гатчину я увидел впервые. В покровском соборе луч света, зелено-красный от цветных стекол, попал на юношу и раскрасил его от макушки до ног. Такое христианство. Без слов и излишних зверств на арене

радио рассказывает о Медельине, замечательном колумбийском городе, где происходит действие фильма Богородица у. Кстати, очень похож был вчера Ленинский проспект на Медельин, там я сел на платформе, чтобы поехать в Гатчину, на обратном пути Ленинский-Медельин мелькнул стеклянной башней и бетонными сваями кольцевой дороги

Medellin Ленинский проспект

оказалось, что варшавско-балтийский участок железной дороги идеально подходит для чтения св. Жене Сартра.

«не мяумяю, а дада» (из частн. переписки)

Невеста была в черном. Невская сиеста

вчера турецкий вечер

снова педагогическая поэма. Потом вечер поэтов. Потом теплый и душевный прием у наших московских друзей и коллег в доме Белинского. Чай, рис, драники, интеллектуальная с элементами светскости беседа, дискуссия о правомочности репрессивных мнений. Под ретромузыку (Анна Герман, Б. Окуджава) с элементами касаний

Ксавье де Мэстр, петербургские вечера

Young&sick или рич анд ян (инь ян)

«как реку мне изменили жизнь в другое русло потекла она»

АА

в русло английского языка потекла. На этой неделе

«а мне хочется остаться в бабьем лете» (из частн. переписки)

пора постирать учительские ризы

ризы и розы бабьего лета

mais quand refleureront les roses de septembre P. Verlaine

зерно наших мыслей грызут мыши слов

Маруся была в розовом плаще, с красивой сумкой и с очень красивым маникюром

с с с

кр. пирожное

опять невыносимая легкость бытия. Почти невесомость.

Выносимость. Весомость. «Не» (посв. В. Б.)

Виктор Багров и Вова Веселкин блистали отсутствием вчера в лилово-сиреновом Норде. Зато под видом опустившегося человека зашел бодхисаттва, и наша сытая компания пожалела «мелочи» на опохмелиться

Максимов, Бродячая Русь Христа ради, подвиды нищих

Le travail humain! c'est l'explosion qui eclaire mon abime de temps en temps (Артюр Рембо)

под стягом Маруси в лилово-сиреновом Норде собрались: Сергей, Донских фон Романов, Стелла, Александр А., Слава, Маруся, Илья и я Луи-Фердинанд Селин Nord

L'automne deja! – Mais pourquoi regretter un eternel soleil, si nous sommes engages a la decouverte de la clarte divine, – loin des gens qui meurent sur les saisons Аптир Рембо

Саша Нацуо летний мальчик

Название – роман

сексуальные предпосылки социальной девиации.

Гюисманс, наоборот. A rebours

Берроуз и Гийота,

как Кастанеда (феномены русской массовой культуры)

Никита сказал, что для хорошего сна ему нужно пять матрасов

матросы, матрасы опять

легкие летние стеллины тапки на босу ногу и мои домашние джинсы (одежда Саши, когда мы вышли во двор встречать Никиту со счастливым Феликсом)

роман Ночные гости Les visiteurs de minuit

вместо кенотафа я произнес ксенотаф,

оговорки на кладбище

вишенки, цветочки на потолке павловского вокзала

Никита и счастливый Феликс купили грибов, огурцов. От кладбищенской трапезы оставались сыр, паштет и печенье

Раньше, я вспоминаю, моя жизнь была пиром Jadis je me souviens ma vie etait un festin A. R, une saison en enfer

сперма, сопли и слюни. Секреты на букву эс. Или три тайных кита моего творчества. Четвертый кит, слезы, тоже на букву эс

роман Четвертый кит

есть романы, сделанные из железа. Кованые как счастье.

когда Саша Н. летний мальчик упал, как раненый галл, на павловский асфальт, я в сердцах сказал «ты как Витя»

«шампунь от счастья» (В. Б.)

словно готы-пионеры мы шли парами по дорожкам Смоленского кладбища. Сергей Георгиевич рассказывал мне о Проппе, а Саша Нацуо (л. м.) о социальных предпосылках сексуальной девиации Николаю

Ивановичу. Слова смешивались с шумом деревьев, становились этим шумом

прогулки по кладбищу

в прогулке по Смоленскому кладбищу вспоминается нечто замечательное. Как в путешествии. Это возвращение «в люди». После трапезы как у Мане на пленере (с водкой, сыром, разговором, тихим смехом). Шевченко и няня провожают вас в новую жизнь к обновленным людям. Первый круг людей на обочине: нищие, убогие, калеки встречают вас.

А там и самолеты. Трафик джемы. Тексты. Другие долгие дела. (Керуак, няня Пушкина, Шевченко и Эдуард Мане)

в трех блаженных днях с Сашей Нацуо (л. м.) был свой ад. То есть вершина поэзии, *une saison en enfer*: прогулка по Пушкину, возвращение из Павловска как в кино Джима Джармуша на ночном такси. Прекрасное тело Саши, горячее, временами прохладное от близости реки, с ожогами, шрамами, родинками, с легким ворсом, оч. приятное для касания,

(«главное касание», Розанов)

на след. день наступила осень

что общего, спросит Т., сашина девочка, между Ритой Митцуко и Сашей Нацуо. Это музыка

«из наслаждений жизни одной любви музыка уступает» Пушкин

настоящий поэт князь Никита. Он попросил проводить, закрыть за ними дверь. Счастливый Феликс уже стоял внизу, в утреннем дворе. Когда и где встретимся вновь, спросил я, Никита чуть подумал и просто сказал. В аду. Беззвучно засмеялся и побежал к счастливому Феликсу

une saison en enfer А. Рембо

а я еще побуду клоуном

вконтакте господя моего (искажен. Гумилев-БГ) посв. Н. М.

захотелось переписать снега Килиманджаро.

воля воображения льнет к вершине, где мы оказались с Сашей Н.

конспект письма Никите о красоте серебра и особенно свинца. эпистолярный этюд. Вставка в роман «Саша Нацуо летний мальчик». Это ответ на никитино письмо, где есть утверждение, что я обладаю даром преобразовать настоящее в золото. Я отвечаю, что, ценя красоту золота в цвете крепкого чая и опадающих листьев, больше люблю серебро

и свинец. И поэтому не занимаюсь превращением «свинцовой мерзости» жизни в нечто золотое, а люблюсь и показываю красоту в мерзости. Эпиграф из Виктора Сосноры «метафоричность этих птиц смешна». (начало. А может быть и конец)

вечность моей кухни похожа на баню с пауками Ивана Карамазова. А запах мочи и кофе мерзостны, но вдруг стали сильно приятны. Виталик обоссался. И в ванне, где провели ночь Никита с Феликсом, теперь сушатся одеяла и простыни. На время просушки Виталик уехал к бывшей жене. Когда мы вернулись в ту ночь с Сашей Н., он оказал моральную помощь, посоветовав корвалола, которого я отродясь не держал. И мне стало так хорошо среди мерзости вечности, что я остался дома сегодня сочинять роман «Саша Нацуо летний мальчик». Со вставкой из писем Н. в виде свинцовых реек (техника витража)

Илья спросил, почему я не хочу написать диссертацию. Я ответил, что не нашел руководителя.

Rene Char Nous sommes ingouvernables / Мы неуправляемы. Рене Шар мы упрямы и неуправляемы

(мы-мы-мы)

снега Килиманджаро – это зал ожидания Павловского вокзала ночью

Саша любитесь ясениями нашей с ним осени

когда совпали слова влюбиться и осень Fall in love и Fall

осень андрогина, стихотворение Александра Миронова,

удивительно то, что в этой осени сошлись мы с Сашей и Н. Миронов.

в осени андрогина замечательны а и о. Полубольной, простывший. С урока поехал на Синопскую. Хлопотал о квитанциях. Зашел в кафе «каравай» (бывш. Синий Пушкин), выпил чаю с молоком и съел яблочную лакомку, сел в троллейбус на староневском, чтобы поехать на звенигородскую, «к писателям» посмотреть на любимого учителя. В троллейбусе встретил никиту со счастливым феликсом, уговорил их проводить меня «до писателей». Писательский двор похож на тюремный (картина Ван Гога «прогулка заключенных»). Мэтр хорошо выглядит. Наряжен Таней в цветное, как сны больных или носки счастливого Феликса. В атмосфере «писателей» было что-то гнетущее и беспокойное. Поэтому вслед за Никитой и счастливым Ф. мы с Галей тихонько ускользнули

ускользание от писателей

«за любовь не благодарят», сказал Саша

позвонил Рома из Тулы. И сказал, что там все желтое. Это тульское «желтое» сильно утешило меня

ездил вчера на Васильевский остров за деньгами и почувствовал свою ангажированность в городскую жизнь. Выдался тихий солнечный день, я получил желанную толику денег и оказался на каком-то гребне осеннего прекраснотуши, когда противоречие, кот. вносит боль, вдруг было снято ясной мыслью. Противоречие между состояниями дурака и идиота, когда ты не знаешь, кто ты. И осень предстала метафорой золотой середины человеческого состояния, кот. позволяет т. н. золотому ср. человеку удерживать себя в одинаковой удаленности от пограничных состояний (дури и идиотизма), по шепотке беря то того, то другого

вовлеченность в золотую осень. Т. е. у нас своя ангажированность (читая медленно Сартра, словно убаюкивая его)

о непонятном надо писать невнятно

когда гуляли с Сашей по Пушкину, деревья были еще зелеными. Лишь кое-где краснели клены.

быстро вернулся с прогулки благодаря дождю с градом. Успел спуститься к реке и увидеть белые: пароходы и дома у Уткиной заводи. Целый день изображал выздоравливающего, как будто император прислал курьера с запиской, что, мол, вы больше не считаетесь больным

слова и ароматы: цветочный одеколон, изысканный парфюм, туалетная вода

я давно уже не пользуюсь синт. ароматами, люблю органические запахи и композиции. Однажды, когда приехал в ленинград из одессы, купил в букинисте роман «Парфюмер», прочитал и подарил учительнице французского, с которой дружил в Одессе. Звали ее Томила, уроженка Винницы. С ней мы пили молодую Изабеллу накануне моего отъезда. На вокзал пришел Машо Marshall, красивый молодой лейтенант замбиец, сосед по общежитию

ненужные воспоминания пленительные ароматы

Дар философа, сказал Саша, заключается в том, чтобы читать

«Вчера мы с Диной, Тимой, счастливым Феликсом и Соней полдня блуждали по Таврическому, искали машину, вкопанную в землю (так называемый аудио-перформанс Левицкого). Нашли блики на воде, растворились в зелени. Палевые пятна на синей шинели от кофе, листьев. Спустил три часа мой первый концерт. Саша, что делать? Когда столько счастья? (или счастья?) (письмо от Никиты)

мой участок и Ив Сэн-Лоран

вместо криков и веселой перебранки баб, полощущих у проруби белье,
шум стиральной машины

Бердяев, человек и машина

экономическая поэма

Я люблю читать названия населенных пунктов за стеклом автобуса.
Направляясь к бывш. фарфоровому погосту, где я оплачиваю счета,
увидел синий междугородний автобус на остановке и приготовился
прочитать «Бокситогорск, Лодейное поле или Тихвин». Представьте
мое удивление и даже оторопь, когда я прочитал «Чагода, Устюжна,
Весьегонск». Устюжна вспыхнула как куст

«куст бузины. Это письмо от Марины» (А. А.) эскиз к поэме Устюжна

винтажная атмосфера моего пансиона

осень: спокойные тексты

demeure

саша похож на осенний лист

отцвели подсолнухи Виталик уехал

денежное дерево фэншуй осенью

до урока довез Илья на форде. Ехали с ним через весь Веселый
поселок. Как в стихотворении Некрасова. Тройки, трамваи и бубенцы
смешивались с веселыми огоньками светофоров. Мне удалось
почувствовать себя успешным. От слова успеть. Не опоздать. Приехать
вовремя. Так, простая поездка на машине, под сурдинку звучащего
Улисса, способна доставить радость и доставить на работу.

глаголы успеха, радости и движения: торжество православной этики

как прекрасна тишина: книг, музыки, осени

«хорошая девочка Лида» (Я. С.) эпиграф к педагогическому роману
«Уроки английского». Вчера на уроке Лида спросила, что такое мод
и мод. В синем словаре, кот. я не поленился взять, узнал, что модс –
это стилиаги. Спросил, понимает ли она что такое «стиляги», она ответила
утвердительно. А хипстеры? да, но любит готов. И сама будет готом, когда
можно будет без разрешения покрасить волосы и ногти в черный цвет.
Пока что ноготки Лиды покрашены в лиловый и розовый с блестками
Mods are young people in Britain who wear a special kind of neat clothes, ride
motor scooters, and like soul music. Many young people were mods in the
early 1960s

госпожа Б. похожа на Черное море. «самое синее в мире»

Головин на желтой обложке журнала Kolko

осеннее утро красноярское солнце

four weddings and one funeral

«бродячие беженцы» В. Б.

добрый как осень и как скифское золото золотой С. Ф.

пахнет потом и пудрой, сказал С. Ф. Имея в виду розоватый и сладкий запах от париков

вчера весь другой Петербург, цвет искусствоведения, друзья города собрались на колокольне Литераторских мостков помянуть дорогого Юрия Минаевича водкой и пирогами

Светлая тризна

это бодан, а это хоста, пояснял мне Сергей Владимирович, доктор, когда мы шли за траурным мерседесом

botanique funebre

(вспомнить) разговоры на кладбище до и после колокольни, бюст поэта с арфой без струн и траурной лентой, цветы и колючки (какие растут например внизу иконы венецианских мастеров), обнаженных, скромные натюрморты, из картин австрийских немецких и даже швейцарских художников, виденные на выставке, скульптуру шагающего Гельдерлина, цветы Фантен Лятура, Нольде, воду, луну, что-нибудь из фэншуя,

начало романа «обложка»

обложка романа Обломов

с бакенбардами Павел Николаевич был похож то на англичанина, то на Александра второго, освободителя

в доме Белинского сиреневые ступени, красивое окно и подоконник. И девушка сидит на кухне под фикусом

в доме на Двинской краснеет портрет ребенка Роз Мари. Станным образом краснели и балки строительных лесов в церкви. В комнате Димы молчали гитары (мне вспомнилась арфа на надгробии поэта. Без струн), сам он ушел на дневную работу. Верочка убежала, узнав, что я еду в гости. С Витей мы пили мятный чай и кофе, говорили о приятном.

1 часть диптиха «в гостях у поэтов». вторая часть еще в малиновых лесах, в работе. Там речь пойдет о визите к госпоже Б. В тот же день вечером.

Она пригласит посмотреть на пурпурную розу. Поэтому диптих «в гостях у поэтов» назову «Пурпурная роза ребенок Роз Мари»

без Москвы словно повесть «Без семьи» Гектора Малó (Hector Malot Sans famille)

Sans Moscou

«но этой розы алой» А. А. эпитафия к поэме «Пурпурная роза ребенок Роз Мари», где мистическая роза Кр. Москвы будет срезана и заблагоухает идиотские котики, собачки, стрелочки. Как у Гоголя, сказал бы Бернар.

педагогическая поэма «англ. язык для детей»

госпожа Б. подарила халат. Чудесный! турецкий! полосатый как пижама и как турецкая гвоздика: малиновый, розовый, зеленый и белый.

«бродячие беженцы» В. Б.

сидящие стоящие сажены

отец Виктор рассказал, как быстро получить карточку для денег

вдруг вспомнилась голова Ухтомского

вместо колыбельной Леша прислал кимоно

Вчера госпожа Б. спросила, а кимоно у Вас есть. Я ответил, есть, из черного шелка. Подарок Цаплиц

«каждая клеточка тела тоскует по тебе»

вместо колыбельной прислал сердец и перевод Ф. О'Хары

«твои сердца как луковки висят» Виктор Соснора

как у Ларри Кинга, кр. глаза

сорок минут больших и малых птиц

ночью вставал. Задышался. Закидывался... бутанолом. Дышал. Наслаждался «дышать». И в том же приступе наслаждения смотрел за окно на текущую воду сквозь листву

прогулка с П. Н. по городу от Чернышевской к Летнему саду, через осенний Летний сад, к его квартирке на Садовой улице. В квартирке пили чай «Зимний чернослив» с арм. коньяком. Прогулка прекрасная. С разговорами и пленительными воспоминаниями. Много было испанских эпизодов, мертвые как живые упоминались, и в этом было что-то египетское, что не выглядело ни анахронизмом, ни экзотикой, а органично вплеталось в пейзаж нашей беседы. Мне удалось ни разу

не произнести имя С. Н. (л. м.) Зато упомянул имя И., моего учителя
англ. языка и чего-то другого. Чего? еще сам не пойму. Не случайно
в этом случае П. Н. было упомянуто имя психолога Ананьева, трижды
орденоносца ордена Ленина (как М. К.) за изобретение камуфляжа

пробочка от портвейна

подраж. Прусту

роман «Гурманы»

начал писать послание на эфирной бумаге «Илья не приехал, чтобы
отвезти меня на форде в район Ржевки» и буквы первых слов случайно,
из-за залипания клавиш, слились. И вышло «Ильяне...» о боже,

Сэй-Сенагон, трогательное

«Вера нашла работу» (из частн. переписки)

теплоход «князь Кропоткин»

В. Б. потерял работу. А до этого варил компот на тридцать персон. Роман
«Компот»

стоило мне потерять работу несколько лет тому назад, как появились
деньги, и я поехал в Италию, Фр. и даже в Германию. Мадригал утешения.
Посв. В. Б.

«обожаю пижамы, но вынужден носить халаты» (из частн. переписки)

«я хочу, чтобы ты сорвался. Хочу видеть тебя на своей свадьбе. Пусть
и не в роли жениха» (из частн. переписки)

«пососал немного верин петушок»

Песни невинности и опыта. Сборник писем

отец Виктор посоветовал купить матрас в бутике

джин в бутылке, матрас в бутике

ромашка и одуванчик: нарисованное утро

когда идешь по дороге, то кажется, что ты в монастыре десяти тысяч будд,
только они, как музыка или прекрасные книги, невидимы и тихи
по дороге в Б (ерезки)

переписывался с поэтами Донецка и Двинской (ул.)

поэты Донецка и Двинской

роман Матрас

никогда не думал, что как Наташа Яценко стану преподавать детям англ. язык. Или Пиросмани. Ведь разрисовывать скатерти и рисовать вывески это преподавать язык

Наташа Яценко, Пиросмани и я лавры Ламартина (посв. Игорю Бо)

Хокусай задумал серию римейков: люди в пейзаже с горой Ф.

вчера, отойдя отлить в лесок с тропинки, увидел чудесные зеленые листья чертополоха в снегу
дорога в Мандалай

праздник на нашей улице: снег

графоманское воскресенье: натюрморт с первым снегом, письмами и телефонным разговором (из Коломны позвонила госпожа Б., справиться, как дела). Витя из Двинской улицы написал, что сидит как будда в бусах, а Вера миксером взбивает кофе. Я вспомнил торт «Графские развалины» в витрине кондитерского магазина, куда зашел купить сладостей по дороге на дачу

Лена пригласила на чердачок к Ире Дудиной, но могучая страсть болезни удерживает у берегов

Графоманское воскресенье

сердце и солнце. Водные знаки эфирной бумаги.

Графоманское воскресенье: графские развалины. Сладость сна и чернослива.

хочется: в Берген, переписать поэму Некрасова «Саша», поэму Апполинера «алкоголи»

хочется!

Нобель, Наполеон: имена на букву Н
шерстя альбомы уездных юношей (далее – аую) увидел цитату В. Льюсы из Нобелевской речи, похвала литературе и чтению, сам отрывок не прочитал то ли из-за лени, то ли от восхищения, кот. ослепляет и мешает читать, но поймал себя на мысли, что ни одного нобелевского писателя не читал, за очень редким искл. (Модиано, один рассказ, через страницу. В сборнике «совр. фр. рассказ». Зато в этом же сборнике есть замечательная писательница Бернадетта Флетью. Ее рассказ «история картины» прочел и недавно перечитывал. Как хорошее вино оно набрало силы. Оно – рассказ.) Но я не об этом хотел. А о том, что всякий писатель должен сочинять нобелевскую речь, как советовал Наполеон своим солдатам. *Chaque soldat doit porter le baton de marechal dans son cartable*

выпил случайно северного сияния

до сих пор пишу Аполлинер с двумя «п» / Задним числом хочется посвятить
Геру Шипову

задние: ум и числа

Je suis seul le matin va venir Я один скоро наступит рассвет

Алкоголи Аполлинер

как в юрте мы спим на полу на пяти одеялах
юрта, вигвам, шалаш, рай, изба

Илья отвез меня к себе домой, накормил обедом, напоил чаем,
от алкоголей я отказался, проявив скорбное бесчувствие, глядя
на коллекцию вин в баре, сказав, что меня они не веселят, потом Илья
повел на прогулку, показал в одном из дворов Чесменскую церковь,
розовую, белую, прекрасную. На прощание спросил, как Вы себя
чувствуете? не скажете потом, что де Илья и Саша угробили меня?
«о, как убийственно мы любим» Федор Тютчев

яблоки, мусор, бутерброды в школьном рюкзаке
Уроки английского (римейк Распутина, уроки фр.)

подарки вольные и невольные: две книжки Аполлинера. Одну, купленную
когда-то в Москве во время прогулок с Хосе, подарил датскому поэту,
кот. жил в Канаде, в Париже, работая там гарсоном, потом вернулся
в Копенгаген учиться в Королевской школе ремеслу лит. редактора
и сценариста, вторую, любимую (подарок госпожи Б., с оригинальным
текстом и польскими переводами. С полустертой фотографией поэта,
с Мари Лорансен и их другом Андре Сальмоном на палубе корабля)
невольно подарил Никите Л, мы читали с ним стихотворение про снег
и ангелов среди снежинок

снег

госпожа Б. и Фрискобальди

лень рассказывать даже про собственную лень
автопортрет Фриды Кало в виде оленя раненого стрелами

вчера купил матрас. И на пике эйфории (прекрасного самочувствия: когда
дотащил его, словно пьяного С. в ту павловскую ночь) обнаружил пропажу
ключей, уже у самых дверей. Холодный душ! стал все обшаривать.
И нашел дырочку в кармане пальто «Максим Райскин». Ключи словно
вода просочились в дырочку.

Однажды, я видел иллюстрации Матисса к книге любовной лирики
(письма португальской монахини). Сегодня ночью Саша написал мне
письмо, которое я, если бы потерял окончательно стыд, опубликовал бы

Письма португальской монахини или Илья и Саша (роман)

уроки английского это чистый Гоголь. Вчера с Лидой от лица собачки Фидли сочиняли распорядок дня, точнее: от мордочки собачки, а не от лица, и не сочиняли, а просто подставляли готовые предложения к картинкам.

ремейк распутинских уроков фр. Действие происходит не в Сибири во время войны, а в наше время в Ржевке, куда меня отвозит на форде Илья, через Веселый поселок (Gay village), по дороге мы слушаем Джойса, то Улисса, то вторую часть Портрета х. в м. годы

любимое занятие: сравнивать, слушая, новости на англ. языке. Раша тудэй и France 24 heures

православная эстетика и мундиализм

– вот ты – сочинитель (...)

– нет, теперь говорят «писатель» (Достоевский, белые ночи)
белые ночи, бедные люди

«зависеть от царя, зависеть от народа»

зависеть от веществ, вещей. Саша зависел от алкоголей, я зависел от Саши. И оба мы зависали. Когда в то утро пришел Илья, Саша еще спал на одеялах. Мы с Ильей читали алкоголи Аполлинера. В рамках пед. партнерства ради мира («мир без наркотиков»). Потом проснулся Саша, умылся и вышел на кухню. Мы стали читать «ты прекрасней, чем море и небо» Блеза Сандрара
роман День независимости

стыд и благодарность. Статуи аллегорий Стыда и Благодарности в аллеях нашего сада

ремейк Д. Остин, гордость и предубеждение

в день 23 октября госпожа Б. не дозвонилась, зато дозвонилась Галина. И я, не уловленный социальной сетью, ускользнув от сети госпожи, попал в другую женскую.

сети социума, женские сети. М. Кузмин, сети. Г. Сковорода, «мир хотел уловить меня, но не сумел»

только что позвонил П. Н. и в конце короткого, но приятного разговора, спросил, чем занимаюсь, имея в виду, что пишу, я ответил уклончиво, мол, дело, сударь, интимное, и рассказал анекдот из армейского прошлого, когда на приеме доктор, пожилая женщина, сказала мне, пришедшему за справкой, вот вы все ходите, а я сама больная сижу, дело было в военном училище и, действительно, ходили молодые здоровые офицеры, курсанты, я, желая выразить ей сочувствие, спросил, чем же вы больны, она ответила «у женщин не спрашивают об их болезнях»
masculin féminin

отопительный сезон: пора идти покупать поролон

мы возвращались домой в чудесных сумерках, дорога походила на реку полную огней, мы вышли из автобуса, Саша нажал на кнопку, и, не дожидаясь зеленого цвета, шагнул под фуру, я закричал «идиот», и схватил его за коричневое пальто. Как Вирджиния Вульф, он любил входить в воду с карманами полными камней

между двух рек

«кровать моя утомленная солнцем и здесь опять холодно»,
на Двинской улице осень как в парке Чаир

«греюсь горловым пением и хрипами в ванной»

так жили поэты (Двинской ул.)

план такой: сходить в хоз. товары за поролоном, заодно купить восковых свечей у Лавры. Переосвятить комнату после бывш. Виталика

отец Виктор написал, де еще не Святки, когда узнал, что еду покупать свечи в лавочку у Лавры

странное вдохновение черпаю со стороны Двинской улицы

вечером, когда отцветают маки вдохновения

лучшее стихотворение Игоря Бо

«не тихо

Тархун пью»

комментарий в духе Паунда (на вопрос «стреляют?»)

занимался украшением и утеплением окна, поскольку купил поролон. Как в фильме фанни и александр вырезал из и. дудинских газет красивую рекламу, котиков, подарки, украшения, интерьеры, архитектуру и наклеивал между окон при помощи липкой бумаги на места похожие на руки девушки из нагасаки, где сошла краска. Делал все это быстро, по-японски, кое-как, то есть – как надо.

Зимой струйки холодного воздуха с набережной змейками все же будут проникать. Тогда придется заклинать их. Как будто я – шаман, а не священник цветов

к госпоже Б. зван на обед. И за ключами. Бывш. Виталик оставил у госпожи.

прав был Платон, завещавший изгонять поэтов из наших пансионатов

Стелла рассказала почему веники ставят вверх ногами – чтобы кончики не обламывались. А Саша рассказал, почему убирают пустые бутылки со стола. Чтобы пьяный гусар, драгун или улан, когда начнется драка,

не успели схватить етс
др Фрейд, суеверия повседневной жизни

Je redoute l'hiver parce que c'est la saison du confort A. R/
не успел кликнуть два первых слова Je redoute (боюсь, опасаясь) как гугл сразу выдал все остальное. Опасаюсь зимы из-за (тепла, уюта)

роман Отопительный сезон

сегодня я опять удалился от москвы, купив портьерную ткань

Fear and Trembling

Страх и трепет героини от стажировки в японской фирме, такие же чувства испытал и я от пребывания в пансионе бывш. Виталика, поэта и сантехника

Кьеркегор, страх и трепет Amelie Notomb Stupeur et tremblements

Илья сказал, что с экономической точки зрения нецелесообразно ездить в Ржевку за 1000 руб. в неделю. Но с эстетической? красота спальных районов, которые тонут в сумерках как деревни, уходя на дно Рыбинского водохранилища, речь людей и другие дорожные впечатления

«опять Шопен не ищет выгод»

чайник в виде козлика. Гжельский фарфор

«о как бледна чухонская заря» С. М.

утро: вместо пурпурного рева снесенной эстакады Третьей авеню вантовый мост и над ним кумачовый кусочек зари. С набережной доносится еле слышный шум машин, но днем по будням дребезжат стекла от проезжающих фур и камазов с песком

однажды с бабушкой мы оказались в дачном. Ярким солнечным днем состав метро вышел наружу как библейский зверь.

в Париже одним из удовольствий было проехать наземным метро.

Не эйфелева башня, а метро поразило меня как девочку Зази.

И еще красная заря над Парижем с кладбища Пер Ляез. И бледная заря как наша над Невой, с холма Сакре кёр.

Однажды утром проходим через Босфор.

«никогда я не был на Босфоре» (С. Е.)

я не был на Бродвее никогда

эскиз стихотворения Утро над У. Заводью (посв. И. С.)

план такой: доспать своё и пойти купить подушку

купил курскую подушку

зверь грустен, но светел как этот день

звездное небо и млечный путь вчера в ночном небе

patience, mon coeur Гомер, Одиссея

терпение, душа моя!

трудная, но и замечательная поездка в Пушкин вчера. По дороге в Купчино нас постигла авария, прорвало трубу на пр. Славы. Автобус остановился в пробке уже на мосту над путями железной дороги. Когда съехали с моста, по проспекту Славы, словно со склонов Камчатки текла горячая вода. Один пенсионер захотел выйти, но водитель не открыл дверь, тогда пенсионер стал кричать и требовать, чтобы его выпустили, женщина, которая тоже хотела выйти, молчала. Мол. человек сказал пенсионеру, чтобы тот уgomонился и не качал права. Тогда пенсионер стал выкрикивать ностальгические лозунги. Что он сидел шестнадцать лет, про ссср, мол. пассажир сказал ему, чтобы пенсионер возвращался туда, в свое советское прошлое. Пассажиры слушали перепалку с видимым удовольствием, потому что это делало менее тягостным медленное продвижение. Потом показался эпицентр аварии и страсти утихли, все стали смотреть на пар и приготовились выходить на Пражской ул.

Chamanisme, rituel et cognition/Charles Stepanoff

бабушка Никиты, тыковки тридцать первого октября, рассвет над Невой, а также вдруг вспомнившийся Тим Тимофеев

Илья, увидев пыль на стекле и сквозь пыль мост в Венеции, сказал, что мне нужна женщина, когда же на кухне выдвигал ящик стола и ручка осталась в его руке, потому что держалась на ниточке, он не сказал, что нужен мужчина в дом.

Мужчина, женщина, матрас и абажур

«он в последнее время подобрел и очень хочет вас повидать» (из частн. переписки)

«хвала вам, недруги мои» (Боратынский)

хвала вам друзья мои. Ибо обязан домыть стекло, заклеить окна, повесить новые занавески

«о, встреча, что разлуки тяжелее» А. А.

прекрасная встреча похожая на куст смеха с капельками дождя из слез ноября

с Ваней читали и переводили для наших друзей стихотворение Бодлера «Чужестранец». «Скажи, чужестранец, кого ты любишь больше всего?»

дни народного единства разъединили нас с С.

на Казанскую, как раз после поэтов, приехал А. К. Показывал свои тетради с выписками, сделанные замечательным почерком, по моей просьбе читал отрывок из Пруста (обретенное время, в переводе А. Смирновой). Здесь меня ожидало открытие: женский русский перевод хорош, местами прекрасен. Я достал с полки последний томик эпоса и когда дошли до веселых семинаристов, позволил себе комментарий к словечку *gaillard*

в квартирке разбросаны кусочки поролона и страницы «петербурга на Невском», которые служат для украшения межоконных пространств и подоконников. Снял розовую занавеску и повесил другую розовую, подумав, что это уже не тот розовый, розовый не повторяется дважды, когда смотришь сквозь него или когда он пропускает свет, наполняя комнату вечно юным розовым.

старый розовый стал немного пурпурным, фиолетовым от пыли с набережной

Гераклит, Эдит Пиаф

«пью какао Веры» (из частн. переписки)

если постигло счастье, иди на канонерский берег

вольный перевод Блеза Сандра

идиоритмия

Пустая квартира, чужой компьютер, «Бригадный Подряд», Блейзер.
Саша Н.

l'Amirale retrouvée!

как Время у Пруста, найденная адмиральша!

«я не терплю, ненавижу пьяных» Александр Мионов

учитель, куда идти? – в несчастье

«пол головы белая пол головы розовая. Все смотрели как на сумасшедшего». Исповедь Саши Н.

гуляли с Галей под снегом и дождем. В память о прогулке в книжном магазине Фаренгейт я купил бабочку

Le pœud papillon (бабочка)

порт 777

«зверь-цветок»

сегодня мысленно прослушал литургию И. Златоуста на музыку Чайковского

улей под огромной липой на душе

вчера смотрели Роб-Грийе

голые девушки в клетке. Всадники-бедуины. Картина как всегда. Осколки стекла. С. сказал, что во всех картинах у него осколки стекла. Я добавил: везде также картины мастеров (Магритт в Прекрасной пленнице) и тема женского рабства

цветы зла уснули. 777 стоит в углу словно наказанный. Или избалованный

на набережной погасли огни. Прекрасно-мрачно лишь на том берегу
огоньки и главное тишина. Ни канцлера Ги, ни кровостока, ни леопарда
бонапарта. Ни маджуса

ни замка, ни морей, ни гор (Некрасов)

в келье запах клея и краски как в мебельном цеху или в анжуйском
замке

не пошел в порядок слов из-за непорядка на душе.

двухкомнатная келья с кухней. Где по ночам как в стихотворении Франка
О'Хары на улице красно от вывески паркет и двери

«я беден от счастья

как Бен Ладен»

В. Б.

Сон пьяных

Гликодин, сироп от кашля

Глюкля и Гликодин

зеленая словно подкова счастья загнута или сама скрутилась
пластмассовая штука, не знаю, есть ли специальное слово термин
для обозначения этого подобия чеки от бутылки с зажигательной смесью
блейзер с вишневым вкусом

другая бордовая подкова валяется на полу, рядом с креслом

с Сашей читали слепых Бодлера. Потом я поехал на день рождения
в бдсм-салон к госпоже Б. удивительный выдался день и прогулка.
Один из самых немецких и самых русских дней, то есть предельно
противоречивых, пасмурных, приятных

я создал для себя заволаживающую своим эгоизмом и никчемностью
поэзию (Самохоткин)

выспался и выпил кофе

как мальчику на дне рождения у госпожи нравилось бегать открывать дверь через длинный коридор. Приехала адмиральша. Адмиральша вернулась весной из Китая. На ней китайское платье из синего шелка с цветами и птицей феникс. Со дня рождения я ушел с подарками, с кюветкой китайского чаю, черной малазийской ветровкой найк, пожароопасной, с одеялом от госпожи Б., голубой кофтой из шерсти ягненка от адмиральши. На машине до Сенной подвезли Дина с Андреем романс «Я ехала домой».

я допустил бестактность и неучтивость, сказав что очень доволен новой Иолантой. Начал с того, что мне понравилось сидеть на самом верху, у люстры, захватывало дух и было чувство, что вот-вот провалишься в самое действие. Рядом сидели корейцы и радовались тоже как дети. Давно не было радости от оперы. Адмиральша была крайне недовольна возражением. Она выпила черносмородиновой наливки и сидела гневная в китайском платье

«поэзия – это высшая форма существования языка» (И. Бродский)

«философия – это та же поэзия только высший градус ее»
(Ф. М. Достоевский)

цитатки.

«юность – это возмездие» Александр Блок

старость – это кокетство

у входа в квартиру госпожи Б. маска из дерева, словно с обложки романа Мамлеева «Шатуны»

la langue de l'europe est la traduction / Язык Европы – это перевод.
Умберто Эко

послушал про африканских мыслителей. (Penseurs d'Afrique.) Поехал в Ржевку на урок. Рано темнеет, и пока едешь туда, становится темно как в Африке

Галина подарила мне сумку-папку, в которую я положил перчатки и французский учебник англ. языка и поехал в Ржевку-Пороховые на уроки. Слушая про африканских мыслителей, я погрузился в африканскую атмосферу наших спальных районов. Домá на ул. Ударников серо-голубые напоминают Матисса алжирского периода. Африканский альбом Лени Рифеншталь – это вопль или крик любви, похожие на стихотворение Аллена Гинзберга «воплъ» или «вой», которое читал мне вслух Саша.

Р. Руссель африканские впечатления *Les impressions d'Afrique*

«мне не спится. Нет огня» Пушкин

мне не спится из-за множества огоньков на реке. Вчера вечером ездил к родственникам на Рабфаковские. Вышел в ранние сумерки и пошел вдоль Невы. Воздух был приятный для дыхания: легкий и не слишком влажный / путь до Рабфаковских и назад напоминает подкову счастья если объяснять кому-нибудь прокладывая маршрут проводя по столу пальцем. Напоминает еще магнит счастья. Магнитик счастья, такие покупают в сувенирных лавках... Сам я напоминаю себе в эти дни броненосца в доке отдыхающего тяжело (О.М.) или подростка, который дышит клеем из-за запахов нового дивана (Мориак, подросток былых времен, *L'adolescent d'autrefois*). В этот раз чуть отклонился от привычного маршрута, прошел через Куракину дачу. Там вырубали старые деревья (Некрасов. Поэма Саша. Плакала Саша как лес вырубали), плавали утки в пруду и встретились люди: пенсионерки, матери с детьми и колясками, одинокий мужчина. Вполне в духе картин таможенника Руссо. Сел на трамвай в районе бывшего Речного вокзала. Пока ждал трамвая, любовался излучиной Невы

мне отраднo, что по-французски сочинение называется *composition*

«делать деревянную обувь» (Андрей Самохоткин)

в частной переписке вместо пастора написал паспорт.

фрейдизм нашей жизни

В. Б. быстро покидает заснеженную родину

с В. Б. переписывался о зубах, а с князем Никитой о приданом

serenity

позавчера ездил в салон бдсм госпожи Б. Перед тем как зайти во двор, сделал несколько шагов, дошел до конца дома, чтобы полюбоваться Новой Голландией. Она всегда новая, даже кажется еще новее, чем в детстве на открытках, где воспроизведено изображение на гравюре Остроумовой-Лебедевой, и где она имела вид античного памятника. Салон госпожи врос в античность места. И даже эти «новые»: сцена Мариинского театра и Голландия такие же новые, как самый старый Новый мост Парижа. *Le Pont Neuf*

слушая о Шопенгауэре, по случаю нового издания книги «Мир как воля и представление» / *Le Monde comme volonte et comme representation*

солнце как в стихотворении Жака Превера в русском переводе. Сияет и смеется над новым переводом, оставляя блики на Неве.

Перевернуть, врать, поверить

вчера ночью пересмотрел фильм «Самурай» Мельвиля.

Понравилась больше всего Франция, которую мы потеряли

надо проповедовать птицам: синим, сиринам, фениксам и жар-и алконост- птицам,

картинка «св. Франциск» не дает покоя

послушав про Шопенгауэра, поехал на Двинскую улицу

купол церкви на Двинской улице стал красный как земляника, от строительных лесов похож на пагоду или индийский храм с крестом

от Балтийского вокзала шел до Двинской улицы вдоль канала пешком. Как Алексей Толстой от Козельска до Оптиной пустыни

в одном месте видел землекопа по пояс в мерзлой земле и удивился ему больше чем сидящему по пояс в камне Циолковскому

когда подхожу к Двинской улице, слева вижу чудесное: деревья все в серебре и река в лунном сиянии, солнце белое как луна. Поэт В. Б. кутается в покрывало словно испанка. Его оставили стирать белье. Он показывает мне детские фотографии, пятно от ртути, картину за компьютером, где музыкант-художник изобразил паровоз в виде морского чудовища на волнующихся рельсах. Потом, когда наступили ранние сумерки, отправляемся гулять по городу.

я пришел к поэту в гости. На Двинскую ул.

вчера в привокзальном кафе на платформе Славы буфетчица на просьбу мужчины записать на его счет второй чай, голова раскалывается, нечем больше опохмелиться, говорит ему «гильотина тебе поможет». Он спрашивает «что это такое?» Она ему «ты что в школе не учился?» Он «у меня по истории пятерка была». Я ухожу на электричку, не дослушав разговора. Гадая, дала ли она ему второй стаканчик чая, узнал ли он, что такое гильотина?

кино пятидесятых

вчера впервые в жизни посмотрел чудесное египетское кино. Словно ожили забытые мелодии индийского кино (атмосфера советского детства)

лекарство от хандры, скуки и сплина: египетское кино

Петя утром позвонил. Звал в музей

огни Фонтанки, слезы и поцелуи. Взгляды из-под вееров и масок

«на балу удачи» Эдит Пиаф

Какая-то река, Лета или Енисей, о котором рассказывала Зина Д., смыла сладкий стыд, от человеческого общения осталась одна радость, и ощущение свободы на следующий день

Пушкин «воспоминание о танцах в Аничковом дворце»

пережить бездну двух–трех дней (Тютчев)

осталось нам

замечательные разговоры о Сартре, лайках, рисунках Сосноры, литературе и высокой кухне с Натальей Аз, греком Филиппом К., Ваней и Димой в кафе Хроники, в дальней комнате

«праздность – необходимое условие для счастья» (Чехов, из письма к сестре)

l'oisivete est la mere de tous les vices праздность мать всех пороков (поговорка)

цитатки

как в романе Паоло Коэльо – родина оказалась совсем рядом, на той стороне Фонтанки, напротив новой сцены Александринского театра

сегодня вспомнилась реплика Димы Г., когда слушали, стоя с ним вчера у черной стены поэтов. «приятно слушать скандинавских поэтов, не понимая языка». Я согласился с ним. Многие из скандинавских читают еще и тихо, и это усиливает чувство непонятного прекрасного, словно слушаешь морской прибой

les amours, так французы называют последние капельки вина. По-русски говорят «остатки сладки». Вот такими сладкими или каплями любви оказались слова, произнесенные уже на улице

Наталья Азарова и куст цветущих азалий

чувство красного вина

грек Филипп К. купил мне чаю. К чаю бармен дал две конфетки «Ленинград», розовую и голубую. Я не мог выбрать, смущали цвета. Тогда Филипп сказал, берите ту, что ближе к Вам. Я так и сделал, вспомнив об учебнике этикета. Следует не выбирать, а брать то, что ближе к вам.

«душистое асти спуманте иль папского замка вино»

почистил подсвечник, стал слушать про исламское государство, позвонила Галя, слушал ее. «Молодая шпана, сказала я, потом включаю радио, и Борис Гребенщиков поет «молодая шпана»

роман «Китайская грамота»

после красного в хрониках вчера белое вино в боре.

«Я вспоминаю: лились вина» (Артюр Рембо, по памяти) Je me souviens:
les vins coulaient

к Петру в гости! На Ропшинскую улицу. Ехать пора, пока не стемнело

«пора мой друг пора» Пушкин

я вдруг понял, что не знаю не только современной жизни, но даже и города, где живу всю жизнь с некоторыми антрактами (московский антракт самый продолжительный, длился пять лет), не знаю даже толком людей, хотя кажется, понимаю их. Вот почему я люблю прогулки и разговоры. Сегодня Жанна отвезла нас с Петей попрощаться с Никитой Пироговым, который уезжает навсегда в Таиланд, где будет жить как Гоген полинезийского периода, то есть фотографировать и писать мемуары.

Ёлочки и шашечки.

портрет В. Б. в год возмужания

вчера в «детях райка» (Les enfants du paradis) в бывш. магазине швейных машинок музыка пятидесятых, пиво, горячие коктейли, публика, цветы и горящие свечи в фонариках в витринах. Как будто побывал на бывшей родине, в Ветлуге или Бежецке

«На наших глазах Кира разобрали по частям» (Стелла Хохлова)

Саша сказал, что 30 ноября день смерти Кэти Акер. День смерти выпал на воскресенье: тихий спокойный немного снежный день, когда пошел с Ладоги лед. Я решил поехать за деньгами в сторону Яхтенной улицы, где буддистский храм, это место мне нравилось проезжать летом, тогда я ездил на пляж, и вот я оказался в день, который связан с воскресением из мертвых, с книгой Э. Х. в кармане. В сумерках то место (от Старой Деревни до Лахтинского разлива, с Туристской и Мебельной ул., улицей Оптиков, финскими и датскими домами показался как никогда воскресным пейзажем, то есть местом пост мортем пар экселлянс). Тихая воскресная радость слилась с сумеречным светом. Как в охоте на лис мы искали друг друга между домов: Саша З. и я, чтобы передать и получить деньги. Саша была с коляской, в которой сидел чудесный ребенок. А говорили, что капризный. Саша достала деньги, я раскрыл книгу Праздник, который всегда с тобой, и деньги улеглись там естественно и непринужденно, среди парижских будней

«Elle parlait sans cesse et surtout des gens et des lieux» Hemingway Париж – это праздник

Она говорила без остановки, в основном о людях и разных местах

Эрнст Хемингуэй A Moveable Feast

флис

After writing a story I was always empty and both sad and happy, as though I had made love

Ernest Hemingway A Moveable Feast

собиратели бумаги, картона и бутылок в очереди перед приемным пунктом

Альбом Лени Рифеншталь

слово Сормово

шале. Слово

в книжном магазинчике выпили какао с зефиром.

слова: какао, зефир

нужные и ненужные слова. Милые слова

«вам пользы б всё» Пушкин

зефир в какао был порезан на мелкие кубики

в конце урока увидели закат

Джорджо Агамбен. Нагота

листал альбом с фотографиями. Потом вдруг появилось солнце и осветило комнату розовым светом, когда я начал слушать переписку Цветаевой и Пастернака.

от чая как от обложки пахло березовым дегтем. Чуть приятно и стыдно

я понял, что мой Хемингуэй это два романа: оба на фр. языке. Карманные издания. Сегодня хотел послушать на языке оригинала Праздник, который всегда с тобой A Moveable Feast, но не нашел записи, послушал тогда из И восходит солнце. Достал с полки это издание Le soleil se leve aussi // С картинкой корриды. Издание праздника легко умещается в карман. Я сделал для него бумажную рубашку из пакета, в котором мне подарили майку

«и тайные стихи обдумывать люблю» Пушкин

речь про обложку обдумывать люблю

в интеллигентских домах висели иконы Есенина и Хемингуэя

«я на эти иконы плевал» (Сергей Есенин)

Есенин С. – Ты такая ж простая, как все (чит. М. Ульянов) | Старое Радио

вчера замечательные встречи и разговоры в разных интерьерах и районах города: на Ладожском вокзале, в галерее у доктора, в подвальчике на Восстания, в квартире на Ржевке.

С Максимом, Лидой, Ириной Львовной и доктором.

О семейной жизни, Хемингуэе, Лени Рифеншталь, savoir-vivre, борьбе фр. и английского языков в моей голове, с руинами Руана, слабоумным и безвольным королем, кот. играет Дж. Малкович, фрагментами гобелена «Апокалипсис в анжуйском замке», о девочках и мальчишках в школе, где учится Лида. До галереи доктора шел пешком задворками, от Староневского, пересекая Советские улицы, Греческий пр., хотелось пройти по ул. Некрасова, где давно уже не ходил. Удивительно, как то место напомнило старую Ригу. У доктора окунулся в мир фотографии. Потом пошел договариваться насчет урока. Машина говорения как таран не могла остановиться, шла, разрушая крепости, собирая мягкий хлопок, или как комбайн розы в стихотворении Наталии Азаровой

книги, которые хотелось бы иметь в воображаемой библиотеке: альбом «Африка» Лени Рифеншталь, сравнительную биографию Выготского и Ухтомского

«такая бодрая пестрота» Л. Ч.

армия моя жена, литература любовница, сестра моя жизнь, Чехов, Пастернак, Верлен, Леша Зинатулин с прочтением Невесты, стихи А. Миронова в библиотеке им. Лермонтова, жизнь Лиговского проспекта, ресторан Укроп, церкви, торговые галереи как в Болонье, пучина богемы у Лены Казариной, жизнь как в досках судьбы возвращается из покинутых мест, музей Достоевского, выбор между пивом и вином драматический момент жизни, музыкальные инструменты, кошки, птицы из спектакля, вместо луны и солнца деталь от самовара, которую не знаю, как назвать, а раньше знал, когда служил переводчиком, муж на кухне смотрит телевизор, уставший после шиномонтажа, после спектакля жизнь, но и она, как невеста, хочет убежать из дома в «настоящую жизнь»

любовница смешное, но трогательное слово похожее на метелицу

«а он мне мил тоже. Просторен и хлебосолен» (О Ладожском вокзале, из частной переписки)

Толкиен, писатель воскресенья

прошлое показалось (вдруг) похожим на коробки, где Толкиен хранил свои произведения, черновики, карты воображаемой страны с персонажами и выдуманным языком

прекрасные просторные квартиры, особенно те, где есть ступеньки
и уровни, лечат от хандры и сплина
Бодлер, Spleen de Paris

хурма в этот пасмурный день похожа на яркую оранжевую луну
натюрморт: книга Розанова, люди лунного света и фрукт

вчерашний фр. урок запомнился прогулкой по Коломне, именами Гёдель,
Эшер, Бах

радость 9 декабря

жар души и жанр

вещество 9 декабря

сирк дю солей 9 декабря

she wants revenge 9 декабря

Ди Каприо 9 декабря

«от легкой жизни мы сошли» А. А.

от л. ж. мы пошли в галерею 12 июля. Но сначала поехали на урок.

В автобусе 27 красная строка показывала 9 апреля. Подумалось
об аберрации в моей голове из-за л. ж., нет! Второй, третий и все
последующие разы бежало 9 апреля.

Пассажиры были безучастны или привыкли к апрелю в декабре. Когда
спустились с 11 этажа на грешный асфальт, охватила радость, кот. всегда
со мной после урока. По пути в галерею сошли на пл. А. Невского, обогнули
гостиницу Москва, пошли по Синопской наб. в наше кафе (бывш. Мари
Лорансен). Сели пить чай и достали книгу, что носим в кармане. Дошли
до Эзры Паунда и придумали, что сказать на вечере посв. Айги-книге.

Доехали до Сенной пл. и пошли по каналу Грибоедова. Нашли галерею, это
чудесное пространство, устроенное так, что можно как в анатомическом
театре спуститься вниз по ступенькам, произнести речь и вновь подняться
наверх. И уже с галереи, кот. напоминает хоры старинных церквей, можно
слушать и одновременно рассеянно смотреть на картины Р. Васми. Рядом
живет внук Кульбина и его замечательная жена. По соседству улица Алёны
Ивановны. Улица, где жил Раскольников на другой стороне канала. Когда
подходите к Сенной площади, громады домов в темноте почти невесома.
На след. день, то есть сегодня, вечер кажется восхитительным, легким,
как дома в романе Пр. и наказание. Или точнее как наказание после
преступления. Tags: рассказ о корове в сенах, слово синестезия в разборе
одного стихотворения, посвящ. легкости, тяжести

С ума, сума (из Пушкина)

вологодское масло «Устюжна»

«мизогиния Чехова»

из частной беседы

Шопенгауэр и шопинг. Перестав желать теплых ботинок, байковых рубашек и пуховое одеяло, решил их купить. А также настольную лампу и абажур.

спираль желаний

Шопен, Альфред де Мюссе и Жорж Санд

попей чаю Дарджилинг и посмотри кусочек «Слуги»

Лиотар и зимнее детство

«Когда заходил на страницу к Вам, всё время читал «гофманское воскресенье», и только вчера (в воскресенье) увидел, что оно – графоманское!» (из частн. переписки)

слушал про Фицджеральда, про детство наоборот. Радио читало и разбирало его рассказ про Б., родившегося стариком и умершего младенцем. Вспомнил то, что пишет Х. о Фицджеральде. Потом поехал в эрмитаж, гулял по залам в некотором упоении. Было что-то феерическое в атмосфере уже при подходе к музею. В самом музее было прекрасно тихо, малоллюдно и как-то чудно освещено: свет был не ярким как обычно, а чуть приглушенным (...) Обнаружил, что французы уехали с третьего этажа в Главный штаб. Погулял в залах, где романтические немцы. Захотелось взглянуть на Шпицвега, но его не нашел, зато очень понравилась картина «Брауншвейгские крестьяне идут в воскресенье в церковь». В метро дочитывал *Paris c'est une fete*. Сегодня слушал продолжение цикла про детство, радио рассказало о взгляде Декарта на детство как глупость.

был на выставке Ф. Бэкона в Главном штабе. Получил сильнейшую дозу восхищения и утешения.

воображаемый портрет папы Пия XII

невольник не богомольник, услышал из разговора двух женщин, поднимаясь по ступенькам перехода станции пл. Александра Невского,

пока падали снежинки, слушал о Франсуа Вийоне, пил зеленый чай, ел хурму, разговаривал с Никитой М., который живет в доме Бенуа, как и положено аристократу

вчера чуть не попал на концерт церковной музыки

«Падает, тает,

Снег.

Голая земля»

(М. В.)

шел сосновым бором, снег скрипел, светило солнце

(Поездка в Оптину пустынь однажды в декабре)

гранатовый сок, настойка из черноплодной рябины

Оптина п., Одесса: поездки на букву о.

когда ждал начала урока, ученик задерживался в пробке, решил погулять
вдоль канала, зайти погреться в светло-синюю барочную церковь, затем,
вспомнив, что рядом костел, где я ни разу не был, св. Станислава, пошел
до костела, мимо так наз. новой мариинки, дойдя до дубовых дверей,
прочитал «пастушеская месса»
Пастушеская месса

жалею, что не взял тогда на распродаже (словно котенка) Гибера

Les Regrets / Сожаления, Дю Белле

машины словно из фильма Луи Маля Черная луна (Black moon)

замечательная поездка в Лахту за деньгами в субботу. Серо-голубые
сумерки, красивые дома, присмирившие люди. Светлая квартира,
красное вино.

роман «Адвент» (или: роман-адвент)

звонок князя Никиты М., как колокольчик классической русской поэзии

отсутствие точек словно отсутствие пуговиц на смирительной рубашке
или, наоборот, у Селина – обилие пуговиц, у Андерсена – пуговица,
у Ибсена – утро, пуговицы

включил Бьорк, но забыл включить звук
Army of me

в метро читаю Холостяков Анри де Монтерлана Les celibataires Henry
de Monterlant

лучше Девушек и Холостяков только (наверное) Дневники

devaluation des deviations
девальвация девиаций

плавно идет лед по Неве (словно) от нашего протестантского к нашему
православному Рождеству
словно плавно

табу на некоторые собственные имена как будто это чья-то (наша,
например) частная собственность. С И. ходили смотреть Бэкона,
кричащих пап, молчащих пап, но со светящимся каким-то фиолетовым
светом, особенно в области лба, крыши, нарядную елку на площади,
книги, обложки, вырезки из журналов, замечательные фигуры

в разлинованных словно в голове пространствах, немного таинственных, похожих на атмосферу за окном музея в сумерки. Встретили Таню в том рождественском лесу. (возможно продолжение)

кажется, я писал о празднике, как о приближающейся планете Ларса фон Триера. И вот он или она опять надвигаются. И чем спокойнее на душе, тем тревожнее на душе

маленькая зеленая елочка к рождеству (стикер). Не дерево, а всего лишь елочка. А приятно.

«Ветвь бузины. Это письмо от Марины»

был опять на Фарфоровом погосте, за рекой, где сосредоточены как в уездном городке рынок, метро, сбербанк и петросбыт.

опять впал в благодушие, как в обморок

Гелиотроп (цикл), Тихон Чурилин, ночь, Нева, под ораторию Баха застыла Нева

фотография Френсиса Бэкона на фоне голубой стены

«меж клоуном и чертежом»

желтый как пламя свечи янтарь сегодня утром и белая Нева с чистым снегом. Вчера сок апельсиновый с водкой словно янтарь и в черный бархат затянуты стены несуществующего театра как в фильме «двое в городе». Ален Делон, Жан Габен, приглашение на казнь, театральная постановка на Невском проспекте, бретелька (Саше Цэ)

даже Африка отступила. Вчерашний Маскарад, в высоком и трагичном смысле, затмил ее, замороженную взглядом и искусством Лени Рифеншталь
(слушая «Падающие новостройки»)

словесная совесть (а хотелось написать совесть и словесное творчество)

Шопенгауэр и шопинг. Кажется уже писал, не помню. (пух и перья нового пуховика, воображаемые)

ухожу на урок

«свитера и шарфы с оленями – купить» (на полях «контакта» любимая реклама)

музыка для туалета, загробная жизнь

(чтобы не забыть)

с Сашей шли как комсомолки или комсомольцы под ручку по Фонтанке, у цирка перешли мост, и у Вод Лагидзе, которое скорее

походит на ресторан Пиросмани, остановились, и я рассказал ей про Распутина, потом зашли в Воды, неожиданно мы оказались на рождественской свадьбе (возможно продолжение)

прогулки с Сашей Цэ

пока я разговаривал с Сашей, Ваня достал из моего кармана книгу, развернул обложку с елочками или травой каннабис и прочитал «Холостяки», Анри де Монтерлан

возвращаясь с урока по Садовой, чуть не купил дюжину платков. Стоял в раздумье у полки с платками. Сомневался. Думал, будет топорщиться карман. (В одном Холостяки, в другом платки.) Потом спросил у продавщицы, сколько стоят. Цена охладила мою страсть к платкам. И я решил обойтись бумажными платочками с соседней полки. Правда, чуть растерялся от большого выбора (*embarras de choix*) А вообще, когда гуляю, люблю чтобы руки были свободными

Свободные руки, роман

свободные: руки, труд

градусник гнусности, роман (посв. Н.П.)

le chuchotage (посв. И.С.)

«любимая с другим любимым» С.Е.

друзья любимых. Другие любимые.

любовник двоюродной сестры, слышалось Саше Цэ

разговоры с Сашей

жанр: предрассветные строчки

пальто «Максим Райскин», которое которую зиму меня согревает.

зимнее пальто, но осенний поцелуй среди «жаркого лета»

«поэта далеко заводит речь».

вчера завела до Ефима Чеснякова, до Кологрива.

фригидность, жадность и андрогинность

Саша рассказала про стриптиз-клуб Зависть.

я никогда не любил свадеб. До вчерашнего дня

«я с детства не любил квадрат»

честные: репортер, репетитор

доспать свое пойду

«Воскреси! свое дожить хочу»

Демосфен, произносящий речь со ртом, полным передних зубов вместо камушков на свадьбе

автопортрет на ул. Белинского зимой

в какой-то момент фатическое общение чуть не стало фатальным. Мы сидели у Лены на кухне. Галя зачем-то сказала, что сегодня день черной луны. И как в фильме забегали голые дети. Осталось дожидаться единорога. Или какого-то вида водного зверя, бегемота заплывшего в воды или зимующего подо льдом Фонтанки зверя, доброго как м. тролль, тюлень или С. Ф. К коньяку и виски никто не прикасался. Некоторых опьяняли слова. Но не всех. Станным образом это происходило рядом с домом, где накануне состоялась рождественская часть свадебного пира. Я рассказываю немного сбивчиво, даже забываю имя актера из фильма Луи Маля (Стас подсказал, строго, но и по-доброму смотря из-под очков в золотой оправе, Джо Далессандро). Александр, виновник торжества, скромно сел с краю и от этого оказался в центре, Александр, в момент когда ждали вот-вот появится зверь, сказал, а почему бы не написать «любовь это п.пек». Сегодня, когда я пишу утром, вдыхая запах медовой свечи, эти п. строки, понимаю насколько он был прав. Ведь п.п. это и песнь песней, бал, банальность слов, бегемоты Фонтанки, вата, фата (посв. А. Житеневу и тем, кто там был, детям, кошке, даже маленькому ежику в кармане пиджака и отсутств. Паоло и Татьяне Горичевой)

Бело-красный пакет на ручке двери, в котором книга *Amorum emblemata* и пачка итальянского кофе, напомнил мне, что я не выдумал это

если бы у меня был секретарь, я попросил бы его написать Свадебный репортаж по моему конспекту: первый день. Кровавая свадьба, бал Андрея Белого. Второй день. Рождественская или петербургская часть свадьбы. Пир в Пиросмани (мотив Сатирикона). Третья часть. Оптимистическая. Афтепати вечера АЖ. И в самом афтепати еще афтепати (еще и еще). Но поскольку у меня нет секретаря, то репортажа не будет! ведь я не свадебный репортер, а частный репетитор

(«если бы я был американцем» Ярослав Могутин)

Ваня воскликнул в прихожей, ой, синие носки

Ксавье де Местр, петербургские вечера

с Галей и Сашей стояли у прилавка в магазине напротив цирка, пока Лена и ее спутники покупали рождественскую тыкву, торт и чай

перед афтепати

норвежские свитера с узорами

я вижу с берега сегодняшнего дня, сидя у застывшей Невы: мы идем с Сашей под ручку в сторону цирка, Стас С. с Ваней идут совершенно в противоположную сторону, в сторону Невского, но с другой стороны, идем туда же и мы с Галей

фотошоп древностей (по мотивам *La boutique des antiquites*)

«узы дружбы электрической».

Красные спирали обогревателя. Синие узоры на стекле (пока воображаемые как на норвежском свитере)

икона Никола зимний

Даня прислал мне паяца в котелке, который прыгает с корабля, на своем цирковом колесе

пинать, пеленать (посв. Ване)

пока не стемнело, поеду в «наше отечество», заснеженное царское Село

автопортрет в виде зимнего дервиша, кот. ходит и учит по домам

на дорогу послушал Аллу Пугачеву

автопортрет в виде Англии

розовый цветок герани на кухне (к автопортрету в виде Англии)

автопортрет в виде новогодней елочки в зелено-сером пиджаке

новогодний портрет Кирилла с красивыми губами, с папой римским на футболке, с горящими китайскими гирляндами)

план такой: послушаю Сигр. Нильсдоттир и пойду в Русский музей

день тихий замечательный похожий на описанный Хемингуэем день в книге Праздник, который всегда с тобой. Отдых в горах, когда сошла лавина и ожидается другая. Прекрасны описания тирольских крестьян, которые как мулы несли поклажу лыжников и требовали чуть больше денег с богатых бедных американцев. Похожие на горцев, саами или пигмеев, говорившие на непонятном немецком диалекте, дойдя до вершины, они бросали поклажу и, получив деньги, вставали на маленькие лыжи и неслись по склонам гор в свои деревни

вернулся с прогулки, с промокшими ногами, но оч. довольный.

Самохвалова не увидел, потому что музей закрыли раньше времени. Зато прошелся своим любимым маршрутом до Чернышевской, мимо Марсова

поля, Летнего сада, Инженерного замка. На дверях собора увидел календарь служб: 1 января преп. Илья Муромец.

языческие елочки

сделали местами замечательные высокие гранитные мостовые, и вся почти вода стекает туда, где машины, на так называемую проезжую часть, и когда нужно было перейти дорогу, то приходилось входить в грязную воду и вспоминать Москву 17 века, в осеннюю или весеннюю распутицу с непролазными от вод и грязи улицами

накануне Нового года Москва 17 века в Питере. Рябушинский вместо Самохвалова

Паоло, словно волхв, подарил мне итальянский кофе, а Дима нас с Паоло как двух инвалидов болонской мэрии пригласил в Штолле и угостил пирогами
дары волхвов

кн. Никита М. пригласил меня отпраздновать Новый год в доме Бенуа. Приглашение было с благодарностью отклонено из-за промокших ног и умственной усталости

les pieds mouilles et la fatigue mentale

Напоминание (кр. буквами). Сегодня празднуется Новый год.

Splendeur et misere du VK Блеск и нищета *En contact*

фрагмент из Полночных любовников и Конформиста, бутылка шампанского, бенгальские огни и фейерверки во дворе (между домами и на том берегу). В конце Саша поджег коробок с отсыревшими спичками
Новый год с Сашей

сейчас Саша спит как лавина или фармакон, пьяный, теплый

Сон лавин

«белели ваши юбки»

белели сашины бутылки из-под водки

«не погиб я. Но лик твой заметил» Александр Блок

Саша оказался настоящим человеком-лавиной. Я писал, что ожидаю лавину. Вот и дождался. Мне показалось еще, что я – горная вершина. Ведь только они не гибнут при сходе с них лавин.

автопортрет в виде горной вершины 2 янв. Ночь, дождь, огоньки

«я так люблю огонь, что я его целую» Е. Ш.

огненные воды, бурлящие блейзеры, кисельные берега.

<j;t Боже

(из частн. переписки)

вместо новогодней елки поставил открытку с новогодними шарами
на подоконник

оказалось, что фильм Конформист Бертолуччи замечательно подходит
для новогоднего просмотра

Полночные любовники и Конформист мои новогодние друзья

автопортрет в виде Лени Рифеншталь во дворе моего дома в новогоднюю
ночь. В темноте казалось, что люди нубийцы или суданцы. Козлики,
елочки. Запускают фейерверки, танцуют, кричат, поют. Я не выдержал
и взял у Саши пучок горящих бенгальских огней и закружился с ними
во влажном воздухе

проснулся после двойного как кофе в сайгоне сна. Вспомнился
Шопенгауэр. Два утра две молодости дня.

красивы сумерки и падающий мокрый снег на Двинской

урок фр. языка закончился неожиданно в фойе Мариинского театра.
Моему ученику нужно было снять деньги, и мы зашли в театр, где
ближайший банкомат. И я увидел публику! (зрители шакалы). Люди словно
вышли из рассказов Мопассана или из марокканской ночи

пока каша упревает. У Вити на кухне. Он курил трубочку, я пил торфяной
чай (т. н. пуэр) с миндальным печеньем с марципановой начинкой. Пока
писал про печенье, каша, должно быть, упрела

странные глаголы, вкусное печенье, чай так себе

Вы чувствуете просветление?

Какое?

душевное, интеллектуальное, когда низменное и чувственное отступило

Ярость

bravo!

И отращение

(разговор с Игорем Бо над новогодней елочкой. Подражание Бодлеру)

Доменико Лосурдо «контристория либерализма»

срезал ножницами розовый цветок герани, как будто выключил радио при имени Спиноза, когда оно начало раскрывать тему счастья

Ален Бадью об анти-философах (Кьеркегард, Ницше, Руссо, Паскаль, Витгенштейн). В передаче, посвящ. выходу его книги «Метафизика подлинного счастья» (La métaphysique du vrai bonheur)

яркое солнце, январь, слова

SLAVA MOGUTIN

\$ATAN YOUTH

Scruff of the neck
Scum of the earth
Little boy blue
Come blow my horn

Blind spot
Wrong waste
Smutty face
Toxic waist

Star seed
Monster boys
Raw meat
Infinite void

God's bone
Thrown away
Dog's name
Used in vain

Top secrets
Not to be discussed
Call me useless
Call me lame

Star fuckers
and star fuckees
Young violators
and old fisteers

Let's train monsters
and mongers
Let's play masters
and servants

Good shot
Face not
Smelly place
Why? What?

Little boys blue
Come blow my horn
Come milk my bone
Under the bloody moon

While the sheep's asleep
Always a shepherd's fault

NYC, May–June 2016

< + + + >

Something better than art
Something smarter than science
Something smelly like farts
Something deadly as silence

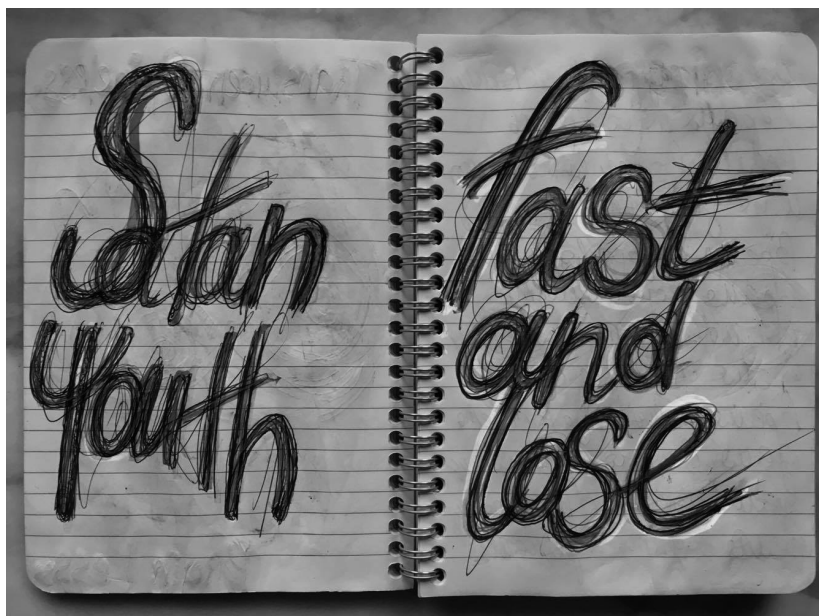
Someone other than you
Somewhere other than here
Somewhat younger than youth
Someone not even near

Something softer than silk
Something harder than stone
Someone other than me
Somewhere sometime soon

NYC, May 2016

< Come All You Dead Boys >

Come all you dead boys
Brothers in arms
Comrades in arts
The brave and the shy
The thumbs and the stumps
Come with your bad toys
Come sit on my happy face
Come with your guest of choice
Come listen to my hoarse voice



Come sing me your sad songs
 Come look at my punctured skin
 Come finger through my loose limbs
 Come go through my hidden drawers
 Come scrub my ragged bones
 Come share my deadly sins
 Come all you wild boys
 Come sit on your Dad's lap
 Come and bring your deaf noise
 The old boys who never grew up

NYC, July 2016

< The Unmoving Sky >

Holes in my pockets
 Heart in my holes
 Holes in my soles
 Soul in my holes

How to survive amidst this mortal love

When you realize that there's no light
 in the end of this tunnel
 You adapt the tunnel vision
 You become the light

NYC, March 2016

< Hustler Place >

the time itself
 was a fair hustler
 in black leather
 virtuous enough

stealing is my vocation
 something other than your ass
 gentlemen of the shade
 combination locks

that's me in the corner
 officers against accidents
 borders without doctors
 over 60 athletes used same drug

crowding the championship bubble
double gobble

triumph or tragedy
prolapsing new people
you wouldn't believe how
beautifully preserved my organs are

things sure get funny at times
for everything else
there's a human popsicle
at the ATM machine

digest and die
submit and lie
repel and cry
burn and fry

that company has corrupted itself
like a snake that eats own tail
like a capitalist serpent that bites
the very hands that built its riches

soon you too will be obsolete
like that sore pimple across the street
no one will ever think twice
or even spit in your direction

fallen off the charts
taken off the maps

NYC, March 2016

< Reality Bites >

Reality bites
Reality kills
Spectacular rise
and morbid abyss

Rules of rebels
Rebels without rules
Embrace your bitch face
Wait but why?

Hungry for money
Thirsty for young blood
Horny for power
Reaching for a naked gun

Subject to change
Dancing your final dance
The main thing is to keep the main thing
#tbt #bts #nsfw #ftw

NYC, March 2016

< LØST DØG >

The rules of attraction
The rules of engagement
The rules of indulgement
and disaffection

The rules of subtraction
The rules of rejection
The rules of submission
and domination

The rules of creation
The rules of salvation
The rules of destruction
and eternal damnation

NYC, April 12th, 2016

< A Monster Within >

Accidental Boulevard
Kindness to strangers
Imminent threat solutions
Gruesome deviations
Recipes for disasters
Crime or punishment
Control and shift buttons
Trick then treat
The utmost humiliation
Threat or retreat
Pitfall of booby traps

Pitiful expectations
Fear of orgasm
All-consuming fetishes
Castration fantasy
Lock yourself in
Vagina envy
Superlative conspiracy
Fuck me in my sleep
Disturbing revelations
Fork yourself
A monster within

NYC, April 30th, 2016

< The Industry Dribble >

Remember Lev Ivankov?
Gone berserk
deleted his social profiles
and went missing

Flexing for strangers in the woods
Tied to a tree with a stinking sock in his mouth
Used and abused by random passerby
The grand finale of a short-lived career that was about to take off

He had a terrible reputation in the Industry
And the Industry swallowed him alive
No traces or remains
whatsoever

NYC, May 2016

< The New Normal >

Between hummer and sickle
Beyond good and evil
Between hell and heaven
Beyond any doubt or reason
Between dog and wolf
Between top and bottom
Between son and god
Beyond Jesus and Satan
Between god and dog

Between face and scrotum
 Between dad and son
 Beyond fandom and femdom
 Between lines and linens
 Between lions and hyenas
 Towards the new degeneracy
 and upheaval
 This is the new normal
 at the very end of the receival
 Between being totally dead
 or immortal

NYC, March 12th, 2016

< ChildMan >

from a boy to an old boy
 from an old boy to a man
 from a boyman to a child
 from a manchild to a boy
 from a manchild to a van
 from a manchild to a machine
 from machine to mattress
 from @childbride into a
 from @childman in
 from @ftw

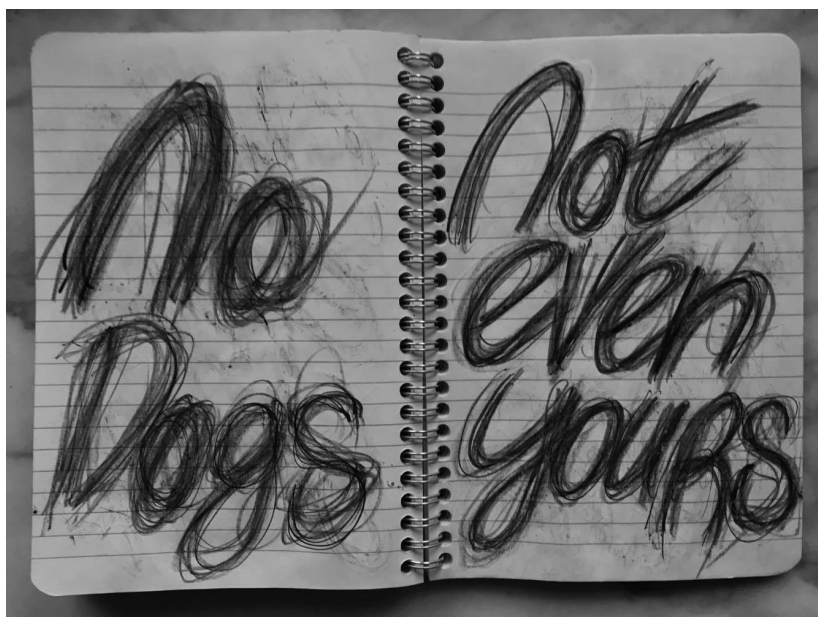
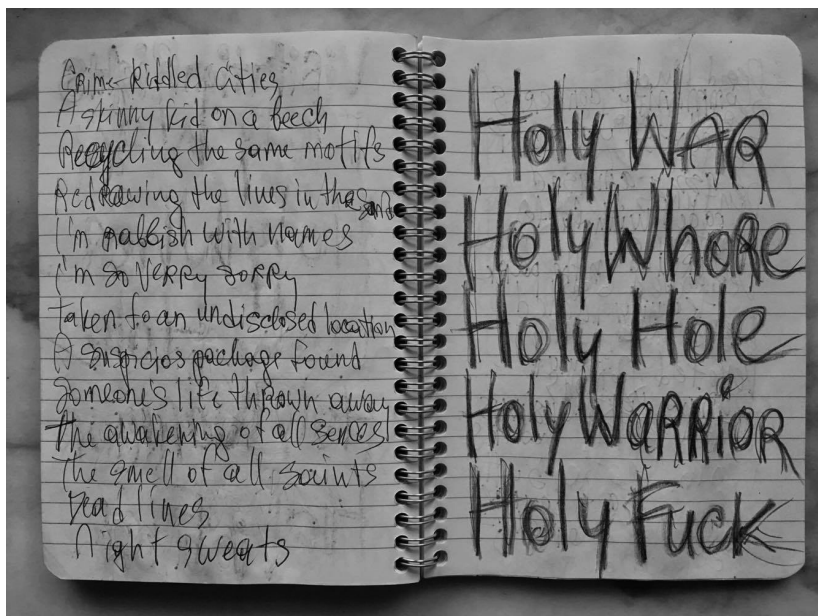
NYC, March 2016

< + + + >

Liquid skies
 Naked flights
 You live you learn
 You cry and burn

No one wanted those nights to end
 You scream you score
 You bitch and moan
 You spin and turn

After years of use and abuse
 You become dazed and confused
 You get so vapid and loose



You start to tighten your noose
Pain that you never feel
Things that you don't get to choose

Prague, August 13th, 2016

< + + + >

A boy-size bed for a beast like you
What can you say
And what can you do
a dick-size brain for a monster like you

Remember the days
Remember the loop
Remember that faze
Remember the dudes

There's nothing to add
Nothing un-do
Once sin you never unseen
A wannabe who once has been

Berlin, August 18th, 2016

< + + + >

Время разбрасывать камни
И время их собирать
Время вытягивать пальцы
И их загигать

Время выдергивать руки
Время ноги ломать
Время хождений по мукам
Время ложиться спать

Время рыдать до рассвета
Время всех на хуй послать
Время ласкать пистолеты
Время зачать и рожать

Берлин-Прага, Август 2016

< + + + >

No power to nothing
No love no lust
No dust to ashes
No ashes to dust

No hell no heaven
No lost paradise
No escape from craving
No measure no size

Nothing at all to remember
No future no past
No one else to dismember
No ballots to cast

En route Berlin-Prague, August 20th, 2016

< The Sister Act >

Like Frida Kahlo under the wrong bus
That streetcar used to be named desire
The seedy corner that served as a safe heaven
Your own private paradise

So this was your Mormon vacation
This was your reason to fight

The Sister Act
The street corner named despair
The wrong bus to nowhere
The wrong dog to bite

NYC, August 26th, 2016

< One More Before the Last One >

Gold fish soup
Narcissus dream
Beef jerky made of Jesus
The lair of the white worm

Sirens call
Spiked drink

Salome's last dance
Nine parts of desire

Judas' last supper
From the borders of sanity
Last tango in Paris
Contemplating the end

Last trouble in paradise
The fringes of subconscious
Last tango in Halifax
The point of no return

Last exit to Brooklyn
The place of non-existence
Last man standing
Dead man talking

Your mechanical god for self-pity
Everything according to
The Protocols of the Elders of Zion
Last Jesus jerking

NYC, August 24th, 2016

< If I Had a Dog >

I'm the mean one who dies in the very end of the movie
And what would your dream pet be?
Would he wear a wig?
If you had a dog
Berserk panty at the crossroads
Homosexuality went aloof
If I had a dog
I'd give him my dirty old speedos
And sneakers and tube socks
Up to his knees

NYC, August 25th, 2016

< Eggman Forsaken >

Count your blessings
Rugged cunt

That concurs everything
Swept away in rapture

Angels forsaken
Demons verboten
Most people are gluttons
Most people are rotten

Squadron the troops
Bring in the hyenas
Venus in fur
and over the knees

This is your message
And you're the messenger
Post-nasal drip
so post-menopausal

NYC, Sept 1st, 2016

< Photos Analogicas >

Lifelong friends from the neighborhood
or maybe new friends met by chance
real moments with regular guys
they feel small regarding their environment
until they increasingly become the main protagonists of their own stories
youth in the golden age
with looks and casual moments
stripped clothes
tattoos and freshness
they take you to infinity and destruction
in a fleeting moment
this is where they must confront freedom
individualism
loneliness
or confidence in each other

NYC, Sept 2016

< Приключения Электроника Глупого заводного мальчишки >

Красивое тесто
Как мыло в масле

Убогое место
Как жилы в мясе

Подростки из детства
Как слюни в пасти
Жених и невеста
Друзья пидарасы

Тот кто бегал быстрее всех
Тот кто прыгал длиннее других
Тот кто продал свой глупый смех
Тот кто дергал тебя за член

И говорил на языке немых
Немытых слепых и глухих
Глупый заводной мальчишка
кто так и не стал живым

Нью-Йорк, Сентябрь 2016

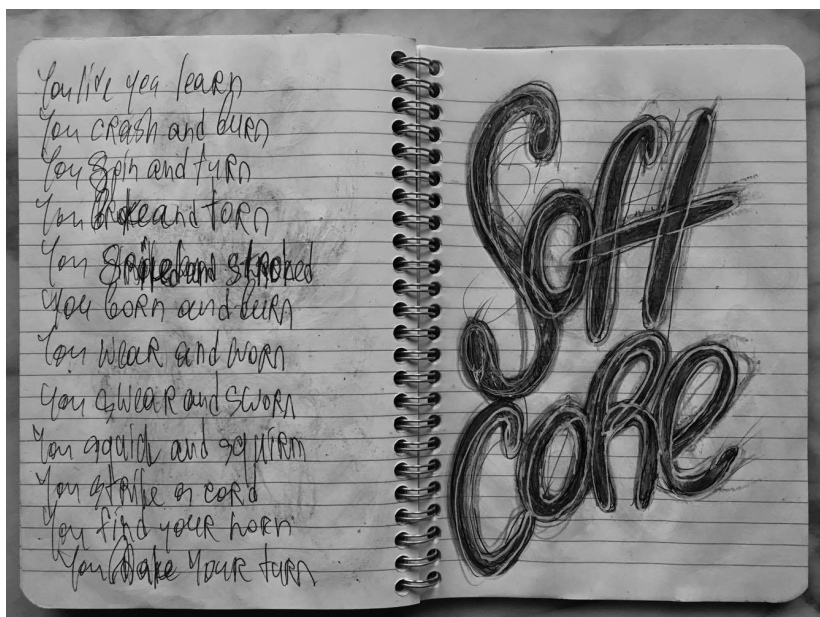
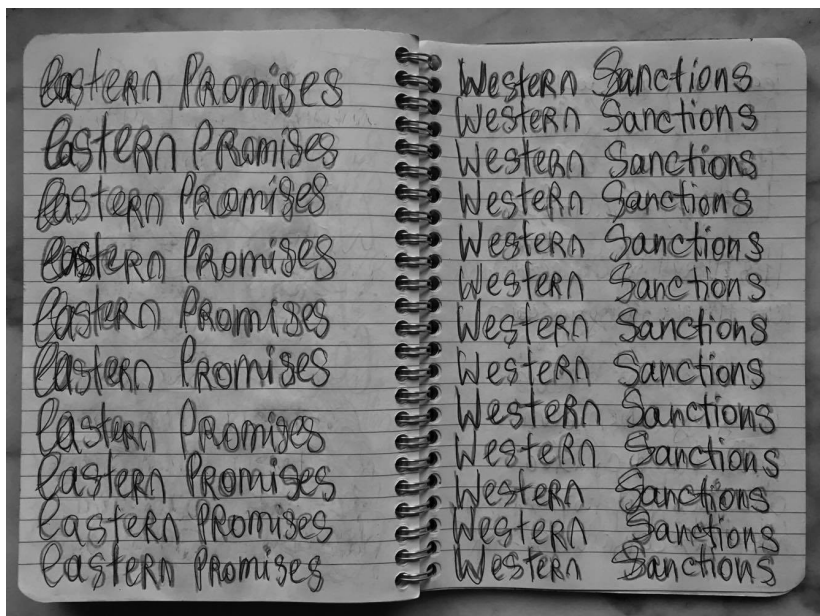
< Medusa Elimination >

Method madness class
Mocking clusters
Metabod constructs
Medium time zone
Massage therapy thorn
Meltdown illumination technique
Meager mental blindness
Muscles for the masses
Massive uncontrolled
Moduls of your moguls
Moguls of your models
Memos of your demos
Medals of your demons
Mammals of your papas
Mannequin manners
Memories of the harlequins

NYC, September 2016

< Playback Bareback >

The one who never remembers
And the other who never forgets



But nothing contradictory at first site
Estranged illuminations

The youth doesn't follow the path of compromise
Do you swallow?
Do you remember the rules?
Do you follow anyone who comes your way?

Yes but why?
A face black with mingled dirt and tears
That should do it
Give them a bon-bon

Yesterday means nothing to you
Just like tomorrow will be nothing to do
Nothing stirs
Whistle from above

Mini-tantrums
One-penny opera decrease
A very powerful power nap
Backpack paperback

NYC, September 2016

< + + + >

The kings of comedy class
The cunts of drama school
Mini markets
Skin biopsies

For better togetherness
You feel that tension?
An unexpected investigation
No one to blame

The buildup that made the horses totally flip
Party culture and be gone
From comedy class
And all the way to drama school

NYC, September 2016

< Music for Crying >

Arithmetic spasms
Geometry went missing
Mono-metric conclusions
Metronomic sons
Men-o-pausal delusions
The best choice a man ever had
Monochromatic compositions
Aggressive and confident
Mono-thong choices
Unicorn structures
The songs for no one

NYC, September 2016

< + + + >

Crime-riddled cities
A skinny kid on the beach
Recycling the same motifs
Redrawing the lines in the sand
I'm rubbish with names
I'm so very sorry
Taken to an undisclosed location
A suspicious package found
Someone's life thrown away
The awaking of all senses
The smell of all saints
Dead lines
Night sweats

NYC, September 2016

< Astronaut Popstar >

Dead lines
 Community concerns
Death threats
 Return address
Dental denim
 Easily amused
Dentures domain
 Loaded with flavor

Detrimental daunts
 Buried in the woods
 Depraved gods
 Armed to their teeth
 Devoted slave
 During regular business hours
 Detrimental gentrification
 Butt of course bitch
 Defecation declared de facto
 Proper poppers
 Pepsi hot dog deemed popcorn
 Higher purpose
 Still here
 Cool c u soon
 Hey stranger
 How have you been?
 How's your rook be hung?
 Message send failure
 Your inner center
 Cool how many?
 Think of lemons in the bathtub
 Funny in comparison
 Really hope you can make it
 It took him nearly 10 years
 Attachment: 5 images
 That was a perfect afternoon quickie
 Let's do it again soon

NYC, September 2016

< The Queen of Fucking Everything >

Serving her nation for 90 long years
 The holy whore of Babylon
 Romulus and Remus
 Interbred by the Capitoline Wolf
 Fostered to manhood as simple shepherds
 An enchanting proscenium at the very bottom of the stage
 Performance-enhanced stunts
 Conservative cunts
 And religious sluts
 And who am I to judge?
 I'm just an empty shell of the girl I used to be
 Body bags back in fashion

When you know the answer
Why even bother asking?
Let's forget that we forgot and moved on
Dogging in the park
Empty empty (heaven ?)
Good for nothing (hell?)
Old soul retired and expired
Growling at the time
Let's pretend that everyone is dead

NYC, September 2016

< Remember the Days? >

Destitute G-Warrior
Remember him?
Used to be up and down
Down and up
And then down again
Remember his sayings?
Moderation doesn't exist anymore
Antarctic dark world
It doesn't hurt anymore
Material cement
Remember the days?
Remember the gaze?
The strokes
The smells
The haze

NYC, October 2016

< + + + >

Your face falls off
Your weight drops down
Your teeth fall out
Your brain dissolved
Your mouth sewn up
Your ego stripped down
Your spirit strapped
In moments like these
Think of a pack of giraffes
running across the desert

And what a beautiful sight it is
 They're countless in numbers and colors
 They're carrying the ashes
 of your predecessors
 your prehistoric ancestors
 hysteric incestors

NYC, October 2016

< abbreviation ability >

aberration abrogate
 abeyance aggravation
 adoration arrogance
 abdominal animation
 abomination animalistic
 abrogation autocorrect
 autocratic appropriation
 appreciation abortion
 appearing appolo
 appealing appalling
 applause applause
 aurora australis

NYC, October 2016

< Recognized Sport >

To be recognized as a sport
 you must have
 your most important parts and protocols
 in place
 One man's trash
 Someone else's agent
 One life's smashed
 Another one endangered
 And then you're just left guessing
 From all those repetitive concussions
 concessions and conclusions
 your ill-conceived confessions and confusions
 to be recognized as a sport
 you must have
 your imported parts replaced



forever and ever
and never again

NYC, October 2016

< + + + >

Как гвоздь в кресле
Как крест в сердце
Как мыло в тесте
Как мясо в детстве

Как окурок в снегу
Как в горле курок
Как в застойном бреду
Голубой огонек

Как последний закат
Как вечный рассвет
Как разорванный рот
Как тебя уже нет

Нью-Йорк, Октябрь 2016

• ТАНЖЕР •

АЛЬФРЕД ЧЕСТЕР

В ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ

(Расхожие представления неверного о Танжере)

– Моему назорею всего двадцать пять, – говорит Дрис, – и он в теле. А еще он американец.

– Твоему назорею сорок, если не больше, – возражает Абд аль-Кадр, – а моему тридцать два, и королева Виктория пожаловала ему герцогство. И еще он в десять раз богаче твоего. Только взгляни на мою одежду.

– Твоему назорею шестьдесят или семьдесят, лживый ты змей, и сам ты носишь его старые пидорские штаны. А мой купил мне яхту и «кадиллак».

– Я никогда не видел твоей яхты и твоего «кадиллака». Где они?

– Не твое дело. Думаешь, я скажу тебе, а ты потом пойдешь и украдешь?

– Пока еще небо ясное и тепло, все не так плохо, – говорит назорей средних лет. – Но когда начинаются дожди и холодает, в Танжере совершенно нечем заняться. Тогда я надеваю джеллабу и захожу в испанское кафе. Сажу там, попивая вино и глядя на дождь. Так проходит год за годом, только ради чего? Ради неблагодарного мальчишки, что уходит в девять утра бог знает куда и никогда не возвращается домой раньше полуночи. Я сижу в кафе каждый день, льет дождь, и я думаю: «Наверное, ты сошел с ума, ты и впрямь сошел с ума».

– Для меня Марокко – это великое сексуальное раскрепощение, – говорит моложавый назорей, у которого дергается щека и во взгляде отчаяние.

Танжа. Тингис. Танжир. Танжер.

Кто устоит перед магией этого названия? Назореи (так мусульмане нарекли всех, кто не привержен ни исламу, ни Израилю), прожившие здесь лет десять или больше, расскажут вам, что их по-прежнему очаровывает звучание этого слова. Они тут же слышат одинокую флейту и барабаны за песчаными дюнами. Чуют запах лунного света. Запах инжира, лопающегося в лунном свете. Видят Багдад и фигуры в капюшонах под высокими пальмами. Тоскуют по вкусу пресной воды.

На самом же деле, Танжер – кучка неприглядных городков, где живут сто пятьдесят тысяч изгнанников. Все здесь кажется чужаками. Да и сам город, похоже, не стоит на якоре. Он построен на холмах, и если смотреть издали, кажется, что он парит над самой землей, будто ковер-самолет (или, скорее,

безумное лоскутное одеяло), не в силах ни приземлиться, ни набрать высоту. Мерещатся гул и скрип, точно он силится подняться или опуститься. Или, возможно, вовсе не силится, а смущается, теряется. Приземлится ли в конце концов в Марокко или устремиться через Гибралтарский пролив в Европу?

Назорей просыпается в темноте. В дверной проем напротив видно колеблющееся пламя свечи в гостиной.

– Ахмед, – зовет он. – Что ты делаешь?

– Ничего. Спи. Нет-нет, не заходи сюда. Не заходи, а то пожалеешь.

Назорей входит и видит голого мусульманина, который сидит на полу, скрестив ноги. На соломенной циновке перед ним – свеча, пепельница, клочок газеты с ладаном, носовой платок, карандаш и красная кожаная копилка. Одну руку он завел за спину.

– Что ты делаешь? Что ты там прячешь? – спрашивает назорей. Сцена настолько экзотическая и все это так не похоже на Ахмеда, обожающего джинсы и джаз, что назорею неловко. Как будто он случайно оказался в чужом доме.

– Иди спать. Оставь меня. А то страшно будет.

– Что ты прячешь?

Мусульманин вскакивает, и начинается погоня. Поскольку мусульманин пятится, чтобы не показывать руку, назорей вскоре загоняет его в угол.

– Стой-стой, а то я его разобью, – кричит мусульманин. – Ладно, покажу.

Он показывает яйцо, которое хватается назорей. Скорлупа покрыта арабскими буквами, сексуальными символами, линиями, кругами, цифрами.

– Я знаю, что это, – в ужасе говорит назорей. – Я слышал об этом. Это же черная магия – *seuheur*! Ты пытаешься наложить заклятие. Хочешь приворожить меня.

– Нет, не тебя. Клянусь. Мне заплатил за это Мустафа, потому что он надел своему назорею.

Назорей не верит в колдовство, но верит, что мусульманин хочет приворожить именно его. Он рассержен, слегка испуган, но прежде всего восхищен.

– Я хочу увидеть, как ты это делаешь, – говорит он.

– Нет.

– Я разобью яйцо.

Мусульманин садится на корточки, берет карандаш и продолжает наносить знаки на яичную скорлупу. Он шепотом считает. Внезапно запрокидывает голову, и глаза закатываются, а потом захлопываются, все тело деревенеет, дыхание останавливается, ноги дергаются. Назорей с силой шлепает его по лицу: невыносимо оставаться наедине с этим незнакомым мавром, а не с Ахмедом, которому назорей доверяет. Но пощечина – как мертвому припарка. Немного спустя мусульманин приходит в себя и продолжает писать как ни в чем не бывало.

Теперь яйцо готово. Мусульманин кладет его в копилку и вставляет копилку в пращу из носового платка. Разжигает ладан в пепельнице, капая

талым воском, а затем держит платок над огнем. Мусульманин бормочет, бубнит, скулит и стонет. Спустя четверть часа он гасит огонь и протягивает пращу назорею.

– На, достань яйцо.

Назорей открывает копилку. Она пуста.

– Это невозможно. Я тебе не верю.

– Не веришь? А ты не видел, как фокусники делают то же самое в цирке?

– Видел, но там ловкость рук или коробки с секретом.

– Это ты так думаешь, – говорит мусульманин.

– Я в это не верю, – упорствует назорей и разламывает копилку на куски. – Где же оно, господи, где?

Мусульманин кивает:

– Под подушкой у назорея Мустафы. – И тут же спрашивает: – Тебе страшно?

– Да, – признается назорей.

– Мне страшнее.

– Если бы я не боялся, что теперь он умрет без меня, – говорит Джон, – я бы уехал из Марокко хоть завтра. Он знает, что я оставляю ему деньги – немало денег. Но я боюсь, что он умрет, если я уеду. Вы не знаете, что это за люди, Генри. Когда они наконец начнут вам доверять и полюбят вас...

– *Полюбят?* Эти дикари не способны любить: они могут только использовать.

– Вы их не знаете, Генри. Вы здесь уже тысячу лет, но не знаете их. Ради вас они отрекутся от ислама. Оставят свой мир и перейдут в ваш, а затем на вас весь свет клином сойдется.

– Вы осел. Как вы можете сентиментальничать, когда он только и делает, что вас обкрадывает и обманывает? Будь в вас хоть крупинка здравого смысла, вы бы поступали, как мудрый старик Генри – трах-трах, пара сотен франков, и до свидания!

– Они болеют, – говорит мусульманин, – назореи страдают от такой напасти, которая отнимает у них всю силу. Они слабеют и стареют. Мужчины похожи на женщин, а женщины на мужчин. Они приезжают сюда, чтобы покупать нашу силу и молодость. Без нас они бы зачахли и умерли. Мы их омолаживаем. Возвращаем им здоровье, и они снова становятся юными, румяными и толстыми.

Мерзнешь в тени, жаришься на солнце. Ветры дуют отовсюду – то горячие и порывистые из пустыни, то прохладные, как трава. Воздух, сведенный с ума Атлантикой, Гибралтаром и Средиземноморьем, напоминает Офелию или Лючию: он поет, звенит и разбрасывает цветы – это бешеная колоратура с оттенком витражного стекла. Ваша кровь сходит с ума. Даже в Греции нет такого шального пьяного неба и такого солнечного света, сыплюще-

го алмазами. Даже в Греции нет этой марокканской голубизны и белизны. Цвета здесь гипнотизируют. Они оглушают, хватают, держат и не хотят отпустить. Время растворяется в воздухе и свете.

Юноши и девушки с непокрытыми головами театрально красивы, их тела неумолимо, опасно невинны, безгрешны, непорочны. Они не семиты, а хамиты – берберы, мечом загнанные в ислам. Присмотрись к одному из этих лиц, и окунешься в неведомый мир. Поцелуй ужасает. Отправляешься в странствие по неизведанным горам и пустыням. Нет ни карт, ни путеводителей, ни учебников для новобрачных. Даже закрадывается подозрение, что мир все-таки плоский и ты двужишься по самому краю.

Горы Испании – словно смех цивилизации по ту сторону узкой полосы воды: два, шесть или десять паромов в день – кто их теперь упомянет? Испания – на другом, неприступном берегу Стикса. У назорей здесь появляется чувство конца, чувство судьбы. Ему чудится, будто он сюда кем-то призван. Когда куришь киф, тебе мерещится, что друг, пригласивший тебя сюда, – адвокат дьявола. Кажется, что он проделал долгий путь до самого Нью-Йорка лишь для того, чтобы привезти сюда тебя. По примеру святых и чернокожих колдунов, он плюнул тебе на ладонь и тем самым передал свое добро или зло. Под кифом все кажется звеньями единого заговора. Друзья, любовники – все они агенты иностранной державы. Лишь ты пребываешь в неведении. Все они – хирурги, а Марокко – операционный стол, на котором распластана твоя беззащитная душа.

Европейские кварталы уродливы – глыбы ледяного бетона, замороженные отбросы, вытряхнутые из голов северных архитекторов. Функциональность? Здесь функционирует что угодно, кроме красоты и воображения. Медина ничуть не привлекательнее: там, конечно, встречаются прелестные уголки, но в основном по ночам, когда ложатся спать дети и мухи. Романтика и таинственность? Постольку поскольку. Все чересчур уж напоминает дневную жизнь, только темную и сырую: докучают водопровод и ревматизм. Касба, конечно, весьма симпатична, особенно там, где назорей выкупили и перестроили арабские дома, превратив их в живое чудо из сахарной пудры и сливочного масла: снаружи – взбитые сливки, изнутри – застывший заварной крем. Не передать, какая вкуснятина. С вишневыми шторами и ореховыми решетками. Слово горстка крошечных кинотеатров под названием «Альгамбра» или «Алькасар».

Вниз по склону от Касбы находится Барбарахаттонвиль – не то двадцать, не то тридцать домов, превращенных в невысокий дворец типа хаотичного ранчо. С террасы кафе Абд аль-Кафра, откуда я только и могу оценить, что получилось у этих сквалыжников, кажется, что они покрыты веджвудской керамикой. Конечно, этого не может быть, но выглядит именно так. Однажды я видел, как на этой красивой бело-голубой крыше сушилось белье, – словно одним глазком взглянул на быт небожителей.

В Танжере есть холм с великим множеством вилл и особняков. Назореи называют его Горой, а мусульмане – Высокой Горой, или Джебель-Кебир. У султана Марокко и одного или двух его родственников там дворцы, но большинство других огромных домов принадлежат не местным. Целые толпы богатых назореев – некоторые живут там уже десятилетиями. Как-то раз меня пригласили туда на званый ужин: впервые с девяти лет я попал на прием, где на столах лежали карточки с именами гостей. Помимо садов, бассейнов, приятных прогулок, мебели Людовика Какого-то, *la simple-mais-excellente-cuisine*¹ и изысканного общества, следует упомянуть, как один джентльмен говорил в трех разных случаях трем разным собеседникам: «Не знаю, почему я живу в Танжере. Одни и те же люди на одних и тех же званых вечерах всегда говорят друг другу одно и то же».

Просто не терпится вернуться в судомойню, откуда ты и вылез.

Новые крестonosцы пали на исламских берегах и валяются там, раздевшись до бикини. Мягкие белые пляжи усеяны их розовыми или серыми телами, которые постепенно становятся пятнисто-красными или бронзовыми. Солдаты мусульманской армии шалят и резвятся, играют в чехарду и футбол, рассеянно поглядывая, не наблюдают ли за ними.

– *Vous*² меня нравится? – спрашивает мусульманский подросток.

– Да. Мммм-гммм. Да, – отечески говорит назорей и садится пыхтя. – Я тебе нравлюсь?

– О да, я мне нравится *vous* очень. *Vous* хочет идти меня дом, сэръ?

Не успеваешь назорей ответить, подходит мусульманин лет двадцати с небольшим и кладет ладонь мальчику на плечо. У мусульманина очень темное лицо, сизые губы плотно сжаты.

– Не ходи с ним. Не ходи с этим изможденным назореем за полтысячи его паршивых франков. Не ходи с этой свиньей.

– Почему? Он что, твой? – спрашивает мальчик.

– Сроду бы не связался ни с кем из них. Пошли со мной, и я дам тебе две тысячи.

Ей восемьдесят, и она родилась здесь – огромная испанка с большим крашеным зефиром вместо лица. На ней черное атласное платье, и она растекается по комнате масляной лужей, по краям которой высятся служанки со швабрами.

– Все они ослы. Я могу говорить им это в лицо, и мне ничего не будет, а вы?

– Ты от меня так просто не избавишься, – говорит мусульманин. – Я работал на тебя больше трех месяцев. Ты высосал из меня все силы. Плати десять миллионов франков.

1 Простая, но превосходная кухня (фр.).

2 Вы (фр.).

- Пошел вон, – говорит назорей.
- Мне всего девятнадцать. Ты знаешь закон.
- Мне плевать на ваш закон, и тебе тоже. Проваливай. Вдобавок, тебе уже двадцать один.
- За кого ты меня принимаешь? Я выше и сильнее тебя, хотя ты и забрал у меня почти всю силу. Со мной держи ухо востро. Однажды я зарезал человека – пять человек, а то и десять. Ты знаешь, что у меня в кармане?
- Да, мои деньги. Убирайся.
- Помнишь трех американцев, которых арестовали? Помнишь, за что?
- За курение кифа.
- Что там на столе?
- Киф, который ты купил для меня. Если бы я покупал сам, заплатил бы вдвое меньше. Ты меня не запугаешь. Наверняка полиция захочет узнать, кто украл те десять тысяч франков у пародистки. Лучше закрой рот и убирайся: чем больше скажешь сейчас, тем труднее будет заискивать завтра.
- Я никогда не буду перед тобой заискивать. Никогда! Никогда! Мне ничего от тебя не надо. У меня в кармане пятьсот франков, и ты можешь забрать их все. Там, куда я иду, деньги никому не нужны. Я не хочу жить, если я не могу жить с тобой.
- О боже, снова слезы. На платок.
- Нет, мне ничего от тебя не надо. Я уйду прямо сейчас – далеко, навсегда.
- Нет, не уйдешь. Давай прекратим. Вернись, пожалуйста, иди сюда.
- Нет, я уйду.
- Ну пожалуйста, пожалуйста, не оставляй меня.

Назорей – всегда гетеро-, гомо- или би-, а мусульманин – просто сексуален. Возможно, разум и различает пол, но телу все равно. Плоть *вожделеет* еще до того, как появится конкретный объект вожделения, и вожделеет она все живое, теплое и в первую очередь – доступное.

Мусульманское общество добрее к плоти, нежели общество назорейское. Как и назорей, мусульманин скорее умрет, нежели допустит социальную ошибку в постели. Правильно спать с теми, кто ниже тебя. Когда мусульманин и назорей ложатся вместе в постель, обоим кажется, что другой ниже статусом. И, пожалуй, оба правы.

К счастью для назорея, то, что сам он считает некрасивым, может быть привлекательным для мусульманина. Мусульманину прекрасно известно, что Брижит Бардо красивее, например, немолодого мужчины, которого он обнимает, но один факт вовсе не отменяет другого, как это обычно бывает у назорея. Как ни странно, для мусульманина крайне важны чувства. Важнее то, что есть, а не то, чего нет. Привлекательны смех и живость. Очень важна молодость – а также мясо, чистота и приятные запахи. Из-за дурного запаха изо рта отменялись свадьбы. А самое главное для назорея – найти копию древнегреческой статуи и извлекать ее в грязи.

В Марокко принято платить за секс. Можно сделать это поизящнее, но суть не меняется. Влюбленный преподносит любимому (любимой) подарок: еду, одежду, наличные. Старший платит младшему. Мужчина – женщине. Активный партнер – пассивному. Муж покупает, а затем кормит и одевает жену. Тот, кто нуждается, платит тому, в ком нуждаются, и, в конечном счете, это может означать, что деньги никогда не переходят из рук в руки.

Невежественный назорей почти неизменно платит, ибо кто признается в том, что вожделеет его? Уж точно ни один уважающий себя мусульманин – разве что он станет жить с назореем. Если назорей достаточно молод и румян, он может получить все бесплатно и без особого сопротивления. В очень-очень редких случаях ему могут даже заплатить. Для назорея стоимость мусульманина – чисто символическая. Мусульманину этих денег хватает на жизнь, поэтому никуда не деться от того, что проституция, как бы ее ни приукрашивала традиция, все-таки имеет место. Люди по обе стороны банкноты обожают проституцию, ведь мусульманин, хоть он и наемный работник, действительно, по-настоящему любит свою работу.

В мире назорея ничего не происходит *сейчас*. Все и всегда происходит завтра. Сегодня – лишь миг в истории. Назореи слишком долго живут. У них чересчур много прошлого, и потому настоящее для них – просто миг, что оседает в памяти, в истории, на бумаге, в картотеке и записных книжках. Назореи считают себя вершителями собственных судеб, творцами своих жизней. Они верят, что будущее можно вылепить собственными руками.

Для мусульманина существует только настоящее. *Redda insha'allah*. Будущее – в руках Аллаха. Мусульманин находится во власти рока и фортуны: если на исход и можно повлиять, то лишь магическим вмешательством. Мусульманин – выдумщик: в отличие от назорея, он никогда не скажет «правду». Он не может описать, как нечто произошло «на самом деле», поскольку для него важнее Настоящее – кому рассказывается история и с какой целью.

Сокко-Чико похожа на съемочную площадку. На крошечном пространстве теснятся аж три кафе. Тьма шлюх. Тьма голубых. Тьма шпигов. Тьма иностранцев. Все похоже на актеров массовой. Это великий плавильный котел Танжера, который, однако, никогда не закипает. Куски жести, свинца, железа и золота лязгают и перемешиваются, но так и не доходят до точки кипения.

Битники сидят группками, словно запертые внутри пузырей. Кажется, Марокко их не касается, как не касается Мексика, Франция и весь остальной мир. Они похожи на британских колониялистов: не хотят смешиваться с коренными, панически боятся ассимиляции. Лица молодые и приятные, нередко смазливые, а взгляды какие-то пустые, туповатые. В их бородах, длинных волосах и одежде есть что-то провинциально-старомодное. Против чего же они бунтовали? Ах да, против... Да кто сейчас упомнит? Хочется про ткнуть пузырь булавкой, ласково погладить по бороде и сказать: «Христианский мир – это сон. Ислам – здесь и сейчас. Против чего здесь бунтовать?»

– Мы, представители Западной цивилизации, вручаем тебе свои воинственные верительные грамоты, король Ислам! – говорит назорей.

– Что? Ты о чем? – спрашивает мусульманин.

– Здесь, на этом поле брани, обгаженном нашей кровью, кровью наших сыновей и братьев, мы просим о новой схватке со смертью. Мы – два короля, что встречаются на этой территории, подобно континентам. Мы – не люди, а цивилизации.

– Да что с тобой? Кифа обкурился, что ли? Перестань. Ты меня пугаешь.

– Мы втягиваем вас в эту войну, ибо ваш долг – нас уничтожить.

– Ай, *хабиби*! – Мусульманин наконец понимает и иступленно трется носом о плечо назорея. – А кто всегда побеждает? Кто побеждает день за днем? О, возлюбленный моей души! Спасибо, что позволяешь тебя убить. Спасибо, что позволяешь мне победить.

– Пока ты побеждаешь, о Ислам, проиграть мы не сможем.

– Я срубил со своего назорея тысячу франков на футбол, – говорит Мохаммед. – А потом развел еще на полтыщи, сказав, что заплатил триста за очину. Он купит мне все что угодно, если я внушу ему, что это есть у каждого араба. А сколько денег у тебя?

– Ни гроша, – отвечает Ларби. – Мой сосчитал всю мелочь по карманам, перед тем как мы легли вчера спать.

– Ну, тогда пошли снимем пару туристов. Это будет еще две тысячи, если повезет. С ними можно за двадцать минут, а потом пойдем в бордель и напьемся.

– Заманчиво, – с тоской говорит Ларби. – Но моего хватит удар, если я снова приду домой пьяным.

– Да брось ты! Поцелуешь его пару раз, и все будет в порядке. Ты же их знаешь – как дети малые.

– Я должен отсюда уехать, – говорит молодой назорей. – Что я тут делаю? Будь у меня деньги, уехал бы завтра же. Какая ложь! Как будто у меня нет трех долларов на паром через Гибралтар. Никаких больше трубок с кифом, видеть не могу этих алчных парней. Я хочу любви. Какое стыдное признание в этой стране! Сюда не приезжают за любовью. Мы приезжаем сюда за смертью. Я хочу уехать туда, где люди понимают друг друга. Хочу написать книги. Я боюсь здесь оставаться. Мне страшно.

Старый назорей с красным мясистым лицом в отчаянии закрывает глаза:

– Что еще ему нужно? Мы были вместе шесть лет, и я дарил ему все что угодно. Он жил в моем доме и целыми днями ничего не делал. Я переписал завешание и сделал его единственным наследником. Когда в прошлом году я уехал на месяц в Европу, он продал холодильник, телевизор, газовую плиту, оба радиоприемника и практически превратил дом в приют. Но я простил его. А теперь он укатил в Бельгию – работать почти зада-

ром на грязной фабрике или в душной угольной шахте. Это его уничтожит. Понимаете, он уже не так молод – года двадцать два, наверное, или двадцать три. Абсолютно не понимаю этих людей, а вы?

Это шокирует. Ошарашивает. Ты прощаешься со своей жизнью и попадаешь в мир банков и бакалейщиков, мясников, скобяных лавок, войн, правительственных учреждений и газет. Улицы и кафе переполнены. Повсюду автомобили. Марокканские школьницы в матросках и синих юбках болтают между собой по-французски и флиртуют с мальчишками. Исчезают женщины в чадрах. Мальчики носят джинсы. Трансовая музыка и трансовые культы упакованы в свертки с надписью «фольклор» – специально для туристов. Курить киф запрещено. Вопреки заповедям Аллаха и его Пророка, алкоголь оборачивается шиком. Западная одежда и западные запреты считаются признаками прогресса, а не обычаями чуждого племени – племени, отрекшегося от всех истин, помимо очевидных, от тех, что позволяют зарабатывать на запретный бекон. Близится еще один прекрасный день, аллилуйя!

Это невыносимо, и ты мчишься домой – к исламу, что не освободит тебя, пока все клетки твоего тела не обратятся в веру, пока не преобразится твоя душа. Ты уже не помнишь, что такое добро и зло, – это провинциальные, произвольные понятия. Ты отвергаешь допотопные законы своей плоти и вообще забываешь о любых законах. Твой дух, твой разум, твое тело – уже не тот хорошо знакомый багаж, с которым ты высадился на берег. Ты раскрываешься – раскрываешься, точно ладонь, точно кокон, точно вулкан. Ты уже сходишь с ума. Под конец тебе уже не страшно отдаться собственному безумию. Теперь ты не боишься ничего – ни того, кто улыбается в твоей постели, сжимая в руке нож, ни бронзового Прометея, поливающего огнем твою жизнь. Ты не боишься ничего, кроме утраты ислама.

Ветхий Завет на древнееврейском начинается со слова «Берешит», что означает «в начале». Первая буква Бет – разумеется, вторая буква алфавита. Говорят, что Библия начинается с Бет, ибо человеку не дано знать, что на самом деле было в начале. Алеф не проявлен – первая буква непостижима. Человеческая мудрость начинается уже после «начала» и заканчивается еще до «конца». Альфа и Омега пребывают в Высшей Реальности – в Боге.

Куря киф, назорей ошибочно полагает, что способен заглянуть сквозь покров иллюзии, сквозь промежуточные буквы и увидеть Альфу и Омегу. Дело в том, что киф позволяет увидеть вещи такими, каковы они есть. Как в предпоследней главе детективного романа. Внезапно обнаруживаются все улики. Ты различаешь то, что проглядел или скрыл от самого себя. Ты понимаешь, что иллюзия – это иллюзия, а заблуждение – это заблуждение. Но так уж устроен ум назорея, этот беспокойный пытливый ум, – он всегда идет дальше. Назорей считает, что, если выявить все иллюзии и самообманы, они сложатся в картину реальности. Это все равно что полагать, будто два нуля дадут в сумме единицу. Назорей любит выводить заклю-

чения, писать последние главы, доискиваться, кто же убийца. Он находит в уликах порядок и логику и определяет виновного. Понимая, что все буквы от Беты до Ипсилона – обман, он воображает, будто стоит на пороге познания Альфы и Омеги.

Под кифом назорею кажется, что он в преддверии нового понимания, нового осознания. Словно в картотеку его разума незаметно подброшена новая карточка. Сумей он ее прочитать, он бы наконец познал истину.

Но карточка пуста. Просто ум назорея снова вводит себя в заблуждение. Истину раскрывает не новая карточка, а все старые вместе взятые – такие четкие, такие неизбежно потрепанные и затасканные. Одна за другой – одна раньше другой. Они наполняют тебя ужасом и весельем. Все буквы от Беты до Ипсилона равны, а все наши срочные дела – суета сует. Но ум должен на этом остановиться, должен уснуть.

Под кифом не обращаешь внимания на то, что говорится. Обращаешь внимание на то, кто что говорит и кому.

Так, например, сейчас я говорю это вам.

– Знаешь, чего я жду? – спрашивает назорей. – Я жду, пока он женится. Я распустил среди его друзей слух, что, если он женится, я подарю ему на свадьбу свой дом и магазин, а сам уеду из Марокко. Он женится через месяц, вот увидишь. Он у меня третий за двенадцать лет – я знаю их как облупленных. А когда он женится, я не дам ему ничего – ровным счетом ничего. Он снова будет ходить босиком в рваной джеллабе – таким же, каким я его нашел. И у него будет жена, которую он презирает, и новый босоногий младенец каждый год. А впредь я, покуда жив, не притронусь ни к одному мавру. Я еще отомщу. Сведу счеты с Марокко.

Ночь теперь наступает быстро, а вечера холодные. Назорей, страдающий от загадочной назорейской тоски, стоит на углу и смотрит себе на ноги. Люди носятся, как мыши. Пробираются к своим гнездам, словно куры. Трудно вспомнить, почему он там стоит. Ах да. Он хочет домой. Но его дом – не здесь, в Танжере, а в пятидесяти милях к югу, в марокканском городке. Можно взять такси или сесть в автобус: такси с четырьмя попутчиками или автобус с сорока. Но еще не приняв решения, он понимает, что никогда не попадет домой. Смерть неизбежна. Она наступает на пятки. Его вдруг охватывает паника. Он бежит по проспекту, затем по улице, где стоят такси.

Здесьняя темнота – это ослепляющий мрак после того, как задует свечу. Навстречу медленно шагает силуэт в капюшоне с протянутой рукой. Это Смерть. Назорей замирает, и к нему подходит Смерть со своей белой рукой и разверстым черным ртом.

– Нет-нет-нет-нет-нет-нет, – умоляет назорей и продолжает умолять, хотя до него и доходит, что Смерть – всего лишь беззубый нищий мальчонка.

Назорей выбегает на светлую оживленную площадь и мчится к автовокзалу. Покупает билет, но, отдавая деньги кассиру, понимает, что его одура-

чили. На самом деле, Смерть ждет его в автобусе. Оставив деньги и билет, назорей выбегает из автовокзала и возвращается к стоянке такси. Один водитель узнает его.

– Домой едете?

– Да, – отвечает назорей. Пока он не успел передумать, таксист открывает дверь, и вот уже назорей сидит в машине вместе с четырьмя мужчинами в джеллабах с поднятыми капюшонами.

Такси трогается с места, едет вдоль пляжа, а затем поворачивает на запад и выезжает из Танжера. Назорей в ужасе ждет удара. Мусульмане молчат и, похоже, не замечают его: их лиц не видно под капюшонами. Уже возшла луна, и лунный свет тихо пожирает голубовато-золотые пески. Ужас назорея медленно сменяется умиротворением. Его сердце спокойно, как луна и песок. Вот она и наступила, вздыхает он с облегчением. Наконец наступила эта ночь.

– Я люблю тебя, – в экстазе кричит мусульманин. – Очень сильно люблю.

– Правда? – устало перепрашивает назорей. – Что тебе купить на этот раз?

– Ничего, ничего. Ты всегда думаешь, будто мне что-то нужно, когда я люблю тебя. Но мне нужен один ты. Только не засыпай!

– Дай мне передохнуть. Я не так молод, как ты, и уже выбился из сил. Нет, перестань, ты что, спятил? Хватит, господи, хватит!

– Я люблю тебя, люблю тебя, – кричит мусульманин.

«Неужели», – удивляется назорей.

САФАРИ

Мы договорились встретиться после обеда, недалеко от моего дома – в небольшом, полном деревьев и цветов парке, который называется Лягушачьим садом. Я сказал, что он называется Лягушачьим садом, хотя так его называл на моей памяти лишь один человек – таксист, да и то два года назад, когда я только поселился в этом районе. Все местные называют его Садом скотного рынка, поскольку давным-давно где-то поблизости находился скотный рынок – возможно, на этом самом месте. Мысленно представляя себе этот парк, я вижу перед ним статую величиной с человека на корточках, но гораздо шире: блестящую гранитную лягушку на низком постаменте из красного кирпича. Впрочем, на самом деле ее там нет. В любом случае, как бы парк ни назывался, сырыми осенними ночами тропинки и окружающие улицы кишат лягушками. Однако их не слышно, как на прудах весной, поскольку лягушки молчат. Но если пройти мимо в темноте, видны их блестящие глаза и контуры шишковатых тел в грязи. Лишь изредка одна прыгнет под дождем из пустоты в пустоту, подброшенная злым духом, которые якобы обитают у них внутри. Ну а поутру они исчезают.

Я пришел рано, не успев даже поесть, сел в саду и стал ждать Джеральда. Было ужасно жарко, у меня сводило желудок и мозги. В парке было пусто, если не считать меня и мужчины примерно моего возраста или чуть моложе – чернорабочего в джинсах и синей джинсовой куртке, который, похоже, всегда приходит в сад одновременно со мной. Он никогда не садится на мою скамейку или рядом, но всегда занимает другую, в некотором отдалении, и хитровато наблюдает за мной. Наконец мне становится так неприятно, что приходится встать и уйти. Порой я отваживаюсь посмотреть ему в глаза, внезапно вскинув взгляд, словно шестизарядный револьвер. Тогда он кивает, дружески, по-соседски улыбается и начинает разглядывать мои ступни или ладони, словно они могут подсказать ему какую-то разгадку.

В тот день, когда я ждал Джеральда, чернорабочий (если он чернорабочий, то у него, надо признать, куча свободного времени) или человек, переодетый чернорабочим, сидел на солнце возле исполинских ирисов, а я прятался в тени высокой пинии неподалеку от того места, где стояла бы статуя лягушки, если бы она существовала.

Наконец появился Джеральд в слаксах и клетчатой фланелевой рубашке. С десяти и более ярдов его можно принять за пятнадцатилетнего подростка, хотя в действительности он уже на излете среднего возраста. Он невысокий и худой, как мальчишка, но не мускулистый, полон живой спокойной энергии, и у него по-прежнему белокурые волосы. Если в них и встречается проседь, она незаметна.

– Пойдем? – сказал я, вставая.

– Куда? – как будто удивился он.

– А я думал... Мы разве не собирались поохотиться на скорпионов?

Хоть я и знал, что мы направлялись за город, я почему-то надел пиджак с галстуком и узкие, купленные три года назад в «Мейсиз» итальянские туфли, которые почти ни разу не надевал. Я только теперь заметил свой промах и, почувствовав себя глупо, подумал: «Не сходить ли домой переодеться?»

– Конечно, но куда мы пойдем?

– А мне почем знать? Я никогда раньше не охотился на скорпионов. Вы же сами меня пригласили? Что это у вас там?

Он держал большую банку сухого молока или, точнее, большую банку из-под сухого молока: когда он снял крышку, внутри оказались лишь мажорные ножницы да горстка белесой пыли.

– Это и есть снаряжение? – спросил я, вспомнив, как он говорил по телефону, что принесет снаряжение.

Он не ответил, а если и ответил, я не помню, что он сказал. Ответ был, несомненно, бессодержательным. Возможно, он побарабанил пальцами по банке или широко, но безучастно улыбнулся, обнажив свои уродские резцы, или просто уставился на меня пустыми, тускло-голубыми глазами. (Здесь можно добавить, что один из моих недостатков – привычка далеко не всегда дожидаться ответа.)

Я спросил:

– Ну так куда же мы пойдем?

Он озадаченно промолчал, словно ожидал решения от меня. Он, видимо, делает это специально, чтобы разозлить (представьте, в его-то возрасте!), и хоть я знаю, чего он добивается, все равно злюсь.

В конце концов мы все-таки отправились в путь.

Мы вышли из города по главной дороге – там она вдруг круто спускается в эвкалиптово-пальмовые предместья, по которым мне так же неприятно бродить, как и по улице, где я родился. Большинство домов построили европейцы незадолго до провозглашения независимости, но теперь почти все европейцы уехали, и дома похожи на развалины футуристических фантазий – ставни на замках и цепях, а жилища пусты и выпотрошены. Когда проходишь мимо, возникает ощущение, что люди тайком улизнули на другие планеты, а ты скоро останешься здесь один, будешь одиноко править миром и этими антикварно-футуристическими домами.

Посреди предместий мы сошли с главной дороги и тропинками спустились по склону в небольшую долину Дрин – практически необитаемое (там стоят всего одна-две лачуги) пастбище, разрезанное речушкой. В тот день, когда мы с Джеральдом спустились в долину, речка уже пересохла, и земля была мертва и выжжена: разумеется, было это еще до сезона дождей. Однажды я видел, как в этой долине родился козленок. Стоял теплый день ранней весны, трава была еще высока, а река полноводна. Мальчик лет восьми пас козу, как вдруг на свет появился козленок. Произошло все стремительно – с виду коза остановилась просто отлить, и потом мальчик взял козленка на руки, пошел домой или куда он там пошел, а мать с блеянием помчалась вслед за ним. Сзади у нее покачивался большой кровавый шар, похожий на малиновое вымя.

Пока я вспоминал об этом, Джеральд сказал:

– На днях я получил письмо от Рудольфа Киткина.

Мне хотелось бы написать здесь, что «сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди», но на самом деле оно, наоборот, упало с тяжелой и медлительной злобой.

– Правда? – переспросил я, изображая беспечность. Я знаю, что Джеральд умеет читать мои мысли. Это происходило так часто, что не могло быть простой случайностью.

– Он во Флориде. Гостит у родителей.

– Вот как?

В долине оказалось жарче, чем в городе, и меня затошнило всем телом до самых стоп, отекавших в тугих итальянских туфлях. Дабы разрядить обстановку, я спросил:

– Вы знали, что у Рудольфа когда-то была ручная коза?

– Да, конечно. Я даже видел ее мертвой на его кухонном столе. А Рудольф сидел над ней, как «Ешива бухер» Сутина, и колот ей стимуляторы, надеясь оживить. Он сказал: «Присядьте, если вы не против центральной части

композиции». Естественно, я был против. «Подумайте, – сказал я, – вы же не знаете, от чего она умерла. Может, это был вирус». Здоровой она была симпатичным зверьком – вы не согласны?

– Я никогда ее не видел.

– Да ну?! – воскликнул Джеральд с напускным удивлением, хотя прекрасно знал, что коза умерла еще до моего приезда в Африку. – Как же так?

Я неохотно объяснил, почему так получилось, что я никогда не видел козу, забыв при этом (такой уж я человек), что он надо мной издевается.

– Впрочем, он мне много о ней рассказывал. Он подражал тому, как она красиво негромко бляла и топала копытами, спускаясь по мраморной лестнице его дома. Цок-цок. Цок-цок. В устах Рудольфа этот топот по мраморной лестнице звучал очень изысканно и утонченно. Коза считала Рудольфа своей матерью и всегда спала с ним в одной постели.

– Это ничуть меня не удивляет, – сказал Джеральд. – В смысле, каждый младенец считает матерью того, кто о нем заботится.

Пока мы шагали, он показывал на кусты, траву и даже цветочки. Лично мне земля казалась выгоревшей, но Джеральд такой наблюдательный, что долина на глазах оживала. Не то чтобы буйно, но все же. Джеральд запоминает все, что видит, классифицирует и затем вспоминает растение, если наткнется на него вновь. Он помнит запахи, цвета и формы. В моем мире мало деталей, практически нет названий и редко бывают повторы. Я вижу большое безликое пятно, которое каждый день сменяется другим безликим пятном.

Гулять по долине было нелегко, и мы срезали путь. Такое впечатление, что на землю здесь обрушились землетрясения, цунами и колоссальные расплавленные кометы. Она то поднимается, то опускается, то разверзается, то разрастается маленькими плато, то раскатывается гофрированной сталью ярдов на полсотни и больше. Животные, когда пасутся, находят множество складок, где можно щипать траву. Но ходить там трудно, особенно поспевать за Джеральдом – он, хоть и намного старше меня, шагает твердо и энергичен, как коза, а я весь обрюзгший и страдаю одышкой.

Когда мы спустились с небольшой возвышенности, нашим взорам открылось огромное бетонное сооружение, которого я раньше не видел. Напоминало оно фундамент недостроенного или, наоборот, разрушенного дома и было сплошь покрыто проволоочной сеткой. С сеткой возился молодой человек: он то ли убирал ее, то ли добавлял новую или, возможно, просто крепче ее прибивал. Почему-то мы прошли прямо по этому сооружению, а затем чуть поодаль выбрались на узкую асфальтированную дорогу с зарослями бамбука по обочинам. Дорогу я узнал. Если свернуть по ней на юг (что мы через минуту и сделали), она приведет нас обратно к главной дороге, причем всего в четверти мили от того места, где мы свернули с нее в предместях. Иными словами, долину мы пересекли напрасно.

Однако я сдерживал себя, пока мы не дошли до главной дороги, и только тогда спросил:

- Сколько нам еще идти?
- Милю или полторы. Сразу за кладбищем.
- Не могли бы вы объяснить, зачем мы пересекли долину, если можно было пойти прямо по дороге, срезав лишних три мили?
- Нельзя. Главная дорога здесь не проходит.
- Проходит. Мы же сейчас на ней.
- Это не та дорога, с которой мы сошли, – спокойно сказал Джеральд.
- Та.
- Не та.

Меня так мутило, что я не мог больше спорить. К тому же, мы теперь очутились у подножия горы и проходили под куполом эвкалипта, так что на меня подул легкий ветерок. Здесь дорога раздваивается: с одной стороны устремляется прямо в гору, а с другой – огибает подножие и затем тоже поднимается. Наверху дорога снова соединяется и разматывается посреди лесов, утесов и наконец вдоль пляжей на мысу. Мы пошли по нижней дороге, мимо католического кладбища, а затем мимо приюта для животных с кладбищем для собак и кошек.

– Я видел всего двух скорпионов в своей жизни, – сказал я. – Ни слова о присутствующих. Одного в Греции. По-моему, я его убил. А другого в Аризоне во время войны, на стене нужника у брата.

– Неужели? Странно. – Джеральд говорил так, словно не верил, что я видел хоть одного скорпиона, и даже мне самому показалось, будто я эту историю выдумал. Я размышлял о своих скорпионах, и они становились все туманнее и нереальнее, пока наконец не обернулись такими же вымышленными и далекими, как мексиканские, которые, по слухам, падают с деревьев целыми пригоршнями.

Внезапно я произнес, стараясь говорить как можно легкомысленнее и беспечнее:

– По-моему, я отравлен.

Джеральд приложил ладонь к уху. Он любит притворяться, что у него плохо со слухом.

– Кто? – переспросил он.

– Что «кто»? Я!

– Кого же вы травите? – спросил он, посмотрев на меня в упор и блеснув всеми своими злодейскими желтыми зубами.

– Я никого не травлю. Мне кажется, кто-то травит меня.

– Почему? Вас тошнит?

– Мне как-то странно.

– Вам всегда как-то странно. Вы постоянно жалуетесь, что странно себя чувствуете.

– Мне страннее, чем обычно.

– Но как именно?

Конечно, я не хотел ему говорить, поскольку подозревал, что, если он и не сам отравитель, то наверняка замешан в моем отравлении, так ска-

зять, отвечает за него и, вероятно, лишь по той простой причине, что хочет посмотреть на мою реакцию. Широко улыбнувшись, я спросил:

- А вы случайно меня не травите?
- Я? Вы, право, шутите.
- Разве?
- С какой стати мне вас травить?
- Почему бы и нет? Думаю, шутки ради. Чем здесь еще заняться?

Он кивнул:

- Нечем. Это правда.
- После паузы я слегка виновато сказал:
- Надеюсь, вы не обиделись, что я спросил?
- Он похлопал меня по спине:
- Нет, что вы.

Любезный читатель, вообрази, в каком одиночестве и в какой глубокой изоляции необходимо пребывать, чтобы извиняться перед своим же отравителем! Но настоящим ли ядом кормит меня Джеральд – если предположить, что это Джеральд (а кто же еще)? Впрочем, это совсем необязательно.

Порой мне кажется, что Джеральд – Бог или, по крайней мере, местное божество, точнее, демон. Несмотря на все революции, Африка не такая, как другие континенты, а Джеральд прожил здесь так долго, что сроднился с магией и колдовством больше, чем с наукой и десятью заповедями. При его приближении мне мерещится бой барабанов, чудятся кость и кольцо у него в носу, жуткая краска на лице. Он знахарь, который просто пользуется телом кроткого английского миссионера. Я верю, что разум его способен порождать вещи, создавая их на ходу, – так сказать, *реальные* вещи, например, эту дорогу, по которой мы шли, долину, которую мы пересекли, или гору над нами. Если мир – иллюзия, почему бы Джеральду не быть причиной одной из этих иллюзий? Знаю, это безумие. Наверное, я и есть безумец. Но, невзирая на это, разве не может сумасшедший рассуждать логически, здраво?

Когда я слишком много общаюсь с Джеральдом, он незаметно пропитывает всю мою жизнь, как чернила – промокашку. Я выхожу вечером, слышу крик незнакомой птицы в деревьях и думаю: «Это Джеральд». Или слышу собачий лай. Если я выхожу с кем-то (но это случается редко), вполне могу сказать: «Слышите птицу? Это Джеральд. Он умеет превращаться в птицу». Правда, потом, словно защищаясь от того, что считаю правдой, и не желая показаться совсем уж чокнутым, я перехожу на комично-поэтический тон: «Птица-демон. Он умеет превращаться в птицу-демона».

- А что такое птица-демон? – спрашивают меня.

– Черное существо, похожее на попугая с гигантскими крыльями. Ее нельзя увидеть, а можно только услышать ночью. Днем она становится голубой и постоянно летает, так что ее не видно на фоне неба. На закате она темнеет, и перья покрываются красными пятнами. Она становится фиоле-

товой и наконец снова черной. Если она летает ночью, – но она почти никогда не летает, а любит сидеть неподалеку на дереве, крича и ухая, – то перья ее сверкают, как звезды.

– Чем же она питается?

– Вами и мною. Нашими мечтами. Нашими тайными мыслями.

Или, возможно, Джеральд подкупает птиц и собак, чтобы кричали и лаляли в тот самый момент, когда меня легче всего ужаснуть.

Как-то летом я пошел купаться на огромный пустынный пляж на мысу. Через некоторое время мне стало как-то странно, возможно, я заработал легкий солнечный удар – кружилась голова и тошнило, но я ликовал. Пытаясь успокоиться, я зашагал взад-вперед по песку: Джеральд засел у меня в голове, словно длинный неприличный анекдот. Потом я вдруг посмотрел на песчаные утесы на востоке и почувствовал (без страха, должен отметить, скорее, со смехом), что улыбающееся лицо Джеральда вот-вот появится над этими холмами, точно исполинский кукловод над сценой или мокрый левиафан, всплывающий из бассейна.

Да и кто они, в сущности, – все эти непонятные существа, творящие непонятное в моей жизни?

Например, тот чернорабочий в джинсах и джинсовой куртке? А остальные, о ком я вам не рассказывал? Костлявая старая вдова в черном, что сидит на ступенях собора, пока я не прохожу мимо по дороге на рынок, а затем встает и уходит в другую сторону; кто она? Или тот коренастый мужчина средних лет, что ставит свой старый синий «дофин» напротив Лягушачьего сада каждый вечер с наступлением темноты, а затем бродит в якобы рассеянном одиночестве по тропинке, где цветет мускусная лилия, пряча ее украденную сломанную ветвь за спиной? Он что, просто вышел прогуляться? *Да вообще хоть кто-нибудь выходит просто прогуляться?* Осталась ли хоть какая-то чистота – безобидное воровство цветов, ночные прогулки в парке, крик птицы, которая взаправду птица, лай собаки, что чует смерть или голодна, испугана, одинока, странные ощущения в теле, не вызванные ядом или злонамеренной магией?

Навстречу нам шел мальчик с головой как луковица и копной курчавых каштановых волос. Он сурово с нами поздоровался. Одежда драная, ноги босые, а ноготь на большом пальце правой ноги вырван или отгрызен. Ранка гноилась. Кажется, плоть даже разлагалась.

Джеральд и мальчик пожали друг другу руки.

– Опять за скорпионами? – спросил мальчик.

– Да.

Затем Джеральд сказал мне:

– В прошлый раз этот мальчик мне помог.

Мы троим прошли по дороге еще несколько ярдов, и когда Джеральд уже собрался пойти в гору, мальчик сказал:

– Нет, проку нет туда идти.

– Почему? В прошлый раз было очень хорошо.

– Да, но сейчас проку нет. Время не стоит на месте. Теперь лучше вон туда, – и он показал на что-то вроде полуострова или небольшого утеса – на самом деле, берег высохшей реки.

– Как думаете, послушаться его? – спросил меня Джеральд.

– А я почему знаю?

– И то верно.

– Там больше скорпионов, чем наверху, – сказал мальчик.

Джеральд поднял руки, словно сдаваясь, мы вслед за мальчиком сошли с дороги и направились к полуострову.

Там было зеленее, чем в долине, но так же жарко, поскольку не было деревьев – лишь травяные заросли да множество карликовых пальм. Я снял пиджак и набросил на куст, а затем распрямился, и у меня закружилась голова.

Почти тотчас Джеральд приглядел скорпионью нору. (Слово «приглядел» слегка старомодное, но Джеральду подходит.) Я-то принял бы ее за муравьиную норку, только чуть пошире и овальнее. Джеральд вырвал лист карликовой пальмы, сел на корточки, засунул конец длинного стебля в скорпионью нору и немного им пошуровал.

– Главное... – начал он, но вдруг осекся и крикнул: – Вот! Он схватил!

Интересно, вправду ли он обрадовался? По нему никогда не скажешь, если что-то действительно его увлекает. Думаю, вряд ли. Мне кажется, Джеральду по-настоящему нравится лишь наблюдать, как корчатся всякие твари. Твари и люди.

– Взгляните, – сказал он.

Джеральд отпустил листок, и я заметил, как тот легонько, но вполне отчетливо дергается, словно кто-то в норе его тянет.

– Весь фокус в том, чтобы достать лист вместе со скорпионом, который вцепился с другого конца.

Джеральд медленно потянул лист, но когда показался кончик, никакого скорпиона там не было.

– Черт, – выругался Джеральд и сунул лист обратно в нору.

Тем временем мальчик стоял возле меня и с пустым взглядом жевал стебель пальмового листочка.

– Слюна должна загипнотизировать скорпиона, – пояснил Джеральд, взглянув на нас. Он не уточнил, почему использовал сухой листик, а я не спросил.

Мальчик посмотрел на свой жеванный стебель и, видимо, решив, что получилось гипнотично, стал бродить вокруг, опустив глаза, в поисках скорпионьей норы. Вдруг до меня дошло, что земля ими кишит: она не совсем уж ноздревата, но через каждые пару футов зияло овальное отверстие. Это не испугало меня, но, полагая, что не боюсь, поскольку околдован или отравлен, я сказал Джеральду:

– Они ведь опасны – все эти скорпионы у нас под ногами?

– Возможно, – он улыбнулся, слегка пошуровав в норе.

Я пошел за мальчиком на самый край полуострова. Мальчик нашел рваную пластмассовую подошву от японской сандалии и теперь совал пальмовый стебель в нору. Сидя на корточках, мальчик пристально смотрел на нору, точно рыбак, ждущий, когда дернется леска. Похоже, он внимательно прислушивался.

– Поймал! – вскрикнул мальчик и отдернул руку. Скорпион, вцепившийся лапами в кончик стебля, отвалился на лету. Проплыв по воздуху, животное приземлилось практически у моих ног. Оно было не похоже на других скорпионов, которых я видел (или воображал, что видел). У этого был коричневато-янтарный панцирь, как у жука, но маслянистее и прозрачнее. Само туловище – довольно темное и блестящее, как панцирь у черепахи, большие передние клешни чуть светлее, а шесть боковых лапок и сегментированный хвост с жалом на конце – светлее всего, почти желтые. К тому же, он был меньше трех дюймов в длину от клешней до жала. У скорпионов, которых я помню из прошлого, были светло-коричневые туловища, и в длину они были дюймов пять-шесть, а то и больше.

Этот стоял неподвижно с загнутым к спине хвостом и ждал, почуяв подвох, но все же сохраняя достоинство. Мальчик бросил на скорпиона пластмассовую подошву, накрыв переднюю половину, но оставив открытым виляющий хвост.

– Ножницы! – крикнул мальчик Джеральду, который так и сидел на корточках над норой.

– Что, поймал? – спросил Джеральд и подбежал с банкой из-под молока.

Мальчик вырвал у него ножницы и отхватил пару сегментов хвоста.

– Многовато отрезал, – с досадой сказал Джеральд.

– В самый раз.

Джеральд беспомощно развел руками:

– На самом деле, нужно отрезать только жало и мешочек с ядом под ним. Тогда он совершенно безобиден. А ты испортил весь вид.

– В самый раз, – невозмутимо повторил мальчик, а затем взял скорпиона и бросил в банку. Ножницами пробил в крышке пару дырок для вентиляции.

– Что вы будете с ним теперь делать? – спросил я.

– Ничего, – ответил Джеральд. – Можно смотреть на него. Или мучить. Или не обращать внимания.

В раздражении я обратился к мальчику:

– А он там не умрет? Он сможет жить без жала?

Мальчик выпятил нижнюю губу и через силу, из вежливости, изобразил интерес к судьбе скорпиона:

– А с чего бы ему не жить?

– Его можно кормить? Чем он питается?

– Да чем угодно. – Похоже, мальчик вдруг воодушевился. – Он больше всего любит хлебные крошки.

Джеральд рассмеялся. Мне стало жаль себя, а солнце меж тем все падало. Я пошел и сел на большую скалу. Глядя на сухие камни речного русла, я думал о том, что меня кто-то травит.

Джеральд и мальчик вновь принялись выгонять скорпионов из нор. Всякий раз, когда они ловили следующего, я вскакивал и прибежал посмотреть, чтобы не показывать, до чего я далек от мира живых. Теперь хвосты отрезал Джеральд, отхватывая самую малость. Всего мальчик поймал пять скорпионов, а Джеральд только одного. Такой уж я добродушный, что даже не обрадовался его поражению. Да он и сам, похоже, не расстроился.

Когда охота закончилась, Джеральд предложил мне сигарету. Я сделал затяжку, и все мое тело пронзила боль.

– Мне нельзя сейчас курить, – сказал я и затушил сигарету о скалу. Я хотел сказать, что сигареты – одно из средств, которыми меня травят.

– Счастливчик, – сказал Джеральд, подобрал окурок и положил в карман. Он покурил, стоя рядом со мной, а потом сказал: – Если окружить скорпиона кольцом огня, он обследует все кругом, а не найдя выхода, ужалит сам себя в затылок. Совершит самоубийство. Грустно, правда?

Джеральд имел в виду, разумеется, меня, и потому я ответил уклончиво.

Затем он сказал:

– Кто-то на днях говорил, что в последнее время вы очень хорошо выглядите.

– Кто говорил?

– Уже не помню. Возможно, Петрелли.

– Кто такой Петрелли?

– Ну вы же наверняка знаете Сэнфорда Петрелли, историка?

– Да, встречались пару раз. Но я не видел его одиннадцать лет.

– Ну, возможно, он видел вас, – многозначительно сказал Джеральд. – Вы же знаете, он в городе.

– Нет, не знал. Мне все равно. И тем более все равно, как я выгляжу. Я чувствую себя ужасно.

Вообрази, Читатель, если сможешь, разумный способ обсуждать свое здоровье с собственным отравителем!

Джеральд дал мальчику сотню франков. Тот принял деньги молча, не выказав радости или грусти.

После чего мы зашагали по главной дороге мимо кладбищ и не сходили с нее, пока не добрались до Лягушачьего сада. Я не сказал о том, что был прав насчет дорог – незачем, он ведь и так знал. Когда мы остановились возле сада, я пригласил Джеральда к себе на чай.

– Не могу, – сказал он. – Хочу еще попасть на почту, пока не закрылась.

– А я тут прикинул... Хотелось бы и себе скорпиона, если можно.

– Простите, я как-то не подумал. Конечно, берите, сколько угодно.

Мы пересекли парк и прошли по улице к моему дому. Наверху я нашел картонную коробочку, и Джеральд вытряс туда трех скорпионов из молочной банки. После его ухода я проделал в крышке пару отверстий и бросил скорпионам хлебных крошек.

Было это несколько недель назад, еще до сезона дождей. Два скорпиона вскоре умерли, практически друг за другом: один сложил клешни перед

лицом, словно обороняясь от удара, а другой как бы широко расставил руки. Однако третий вырос, осмелел и, кажется, окреп на хлебных крошках – или, скорее, поскольку высосал внутренности своих собратьев через их раненые хвосты (я так полагаю, хоть у меня и нет неопровержимых доказательств). Я просто заметил, что тушки постепенно стали полыми. В общем, третий скорпион примерно месяц провалялся в углу, а затем, когда я открыл коробку, стал вдруг резвым, словно бойцовый петух. Стоило мне приподнять крышку, он выскакивал из угла с избыточной прытью и скоростью. Скорпион размахивал клешнями и угрожающе поднимал хвост над спиной. По-моему, он даже отращивал новое жало.

Поэтому одним сухим днем на прошлой неделе, когда меня не так сильно тошнило, я пошел туда, где мы охотились, и выбросил все вместе – живого скорпиона, мертвых, хлебные крошки и саму коробку. Земля сильно изменилась со времени нашей охоты, поскольку вскоре полил дождь, который лил и лил и лил почти без остановки. Хотя уже зима, все вокруг зелено, как ирландской весной, и под неумолимым багрянисто-черноватым небом повсюду сплошная трава, клевер да ярко-изумрудные побеги.

Перевод с английского Валерия Нугатова

ПОЛ БОУЛЗ

ДНИ

Танжерский дневник: 1987–1989

Три года назад Дэниэл Хэлперн спросил меня в письме, веду ли я дневник. Я ответил, что не веду и никогда не вел, поскольку не вижу никакого смысла в подобном занятии. Он написал снова и предложил начать немедленно, пообещав включить то, что получится, в новый номер «Антея», посвященный исключительно дневникам и записным книжкам. Я сказал, что результат будет совершенно неинтересным, потому что мне не о чем писать. Он возразил, что ему нужна хроника повседневной жизни в современном Танжере. Я согласился попробовать и сделал все, что сумел, хотя и не очень четко следовал правилам, нередко пропуская по две недели, а то и больше. Я не имею представления, что происходило в эти периоды молчания, но, вероятно, неучтенные дни были еще монотоннее.

По всей видимости, подобный документ следует публиковать лишь для того, чтобы показать, что дни нашей жизни удовлетворительно могут быть заполнены как важными событиями, так и пустяками.

Пол Боулз
Танжер, Марокко
Август 1990 г.

19 августа 1987 г.

Ясно. Прогулялся до Меркалы. Сильный *шерки* поднимал облака пыли вдоль дороги. На пляже сотни детей и почти ни одного взрослого. Мальчики мутузили друг друга длинными лентами морских водорослей. Постоянный запах канализации из коллектора на восточном конце пляжа. Правильно, что Лалла Фатима Зохра пару лет назад запретила публике сюда ходить. Но это было во время эпидемии холеры. Письмо из Парижа о том, что «Кэ Вольтер» не согласен, чтобы я просматривал гранки любых книг, которые они публикуют. Я и не просил показывать гранки. Я хотел просмотреть машинописный текст, перед тем как его отправят в набор. Они назвали мою просьбу «*légalisme excessif*»¹. Баффи нашла свои двести долларов и паспорт, спрятавшие где-то в квартире.

1 Чрезмерный легализм (фр.). – Здесь и далее прим. пер.

20 августа

В последний раз сходил в консульство, и мне выдали копию моего завещания, которая там хранилась. Снующие фургоны перед Резиденцией. После обеда принесло какого-то месье Жебари, защищающего диссертацию в Сорбонне. Ее первое название, «*La vie et l'œuvre de Paul Bowles*», отвергли. Когда он назвал диссертацию «*L'horreur et la violence dans l'œuvre de Paul Bowles*»², ее приняли. Смешно. Заходила Клод Тома, возмущалась новыми договорами, которые прислало ей на подпись «Кэ Вольтер». Надеюсь, она не потеряет в конце концов терпение и не откажется переводить другие книги. Я очень сильно рассчитываю на нее с романом «Вверху над миром». А Буржуа надеется, что она возьмется за том писем Джейн.

25 августа

Странно, как трудно поддерживать в себе гнев, едва схлынет первая волна. Три дня Л. приходит сюда после обеда и сидит допоздна. Два–три раза в год он приезжает из Бостона, где пишет биографию, которую я забраковал еще до того, как он за нее взялся. Вейденфелду известно, что я не давал разрешения, и я не раз говорил Л., что ничем помочь не собираюсь. Хорошо хоть, что он не задает вопросов. Разговор с ним напоминает беседу с врачом, который сообщает: «У вас рак, – а затем продолжает, – но давайте поговорим о чем-нибудь другом». Интересно, понимает ли он, насколько меня возмущает его пренебрежение моими желаниями. Наверное, нет, ведь я ничего не говорю, ничего не показываю, да и спустя столько времени даже ничего не чувствую.

29 августа

После обеда Л. попрощался: он уезжает завтра, разумеется, ничуть не продвинувшись в работе. Все шесть дней, что он провел здесь, говорил в основном Мрабет. По-моему, Л. теперь хорошо информирован и лучше всего способен написать о Мохаммеде Мрабете.

1 сентября

Нью-йоркский агент Джейн говорит, что Французское общество писателей отказывается платить мне отчисления за произведения Джейн, если не предоставлю документы, подтверждающие, что я ее законный наследник. Весь сыр-бор загорелся из-за пьесы «На даче». «*Plaisirs Paisibles*»³ – просто книга, и потому все прошло гладко. А спектакль транслировали. Видимо, об-

2 «Жизнь и творчество Пола Боулза»... «Ужас и насилие в творчестве Пола Боулза» (фр.).

3 «Тихие радости» (фр.).

щество считает, что радио и телевидение нужно контролировать строже: там крутятся больше денег.

11 сентября

Наконец-то увидел виллу-она-же-хлев Мрабета в Мрайерхе. (Херес называет это место Чарчумбо.) Меня поразило, что он соединил все в одном здании. Жан-Бернар, который был с нами, считает это естественным. Сказал, что во Франции такая планировка – обычное дело. Разумеется, и здесь тоже – в более отдаленных районах. Но животные мычат и блеют, от них воняет, на них слетаются мухи. Не верится, что там можно жить. Хотя Херес и в восторге, надолго она там не задержится.

14 сентября

Просмотрел анкету в «Либерасьон» двухлетней давности: «*Pourquoi écrivez-vous?*»⁴ – на сей раз искал самый частый ответ. Лишь немногие писатели утверждали, что занимаются своим ремеслом из финансовой необходимости. Многие признавались, что понятия не имеют, зачем пишут. Но большинство намекали на какую-то внутреннюю силу, с которой нельзя совладать. Из этих самые честные ничтоже сумняшеся признавались: им приятнее всего от мысли, что оставляешь что-то после себя – иными словами, они полагают, что сочинительство наделяет каким-то минимальным бессмертием. Это еще можно было понять в начале века, когда считалось, что жизнь на Земле будет продолжаться до бесконечности. Но теперь, когда этот прогноз сомнителен, желание оставить после себя след нелепо. Если человечеству и удастся прожить еще сотню лет, вряд ли книга, написанная в 1990 году, будет важна для того, кто случайно откроет ее в 2090-м, если он, конечно, вообще будет уметь читать.

3 октября

Вчера заходили двое из «Вафа-банка» и вручили письмо из Касабланки с просьбой одолжить два маленьких рисунка Якуби для выставки, которую они собираются устроить в этом месяце. Я сказал, что у меня нет рисунков Якуби – только живопись, но они возразили, что указаны были рисунки. Вместо того чтобы пожать плечами и сказать: «*Je regrette beaucoup*»⁵, – я уточнил, что рисунки у меня были, но завалились за книжный шкаф в одной из комнат, я не знаю, в какой комнате и за каким шкафом и не собираюсь передвигать эти тяжести. Мысль была неудачной, потому что они тут же вызвались опустошить шкафы. Несколько тысяч книг. Придут сегодня после

4 «Зачем вы пишете?» (фр.).

5 «Весьма сожалею» (фр.).

обеда. Тем временем я поговорил с Абд аль-Уахаидом и Мрабетом, которые в один голос советовали не подпускать никого к полкам. В любом случае это займет несколько часов. К тому же, А. и М. убеждены, что если рисунки найдутся и отправятся на выставку, я никогда их больше не увижу. Так что теперь придется сказать этим двум из Вафа-банка, что ничего не получится.

Еще неприятнее, что через две недели приезжает съемочная группа и *animateurs*⁶ с британского телевидения взять интервью. Этого я боюсь больше всего, потому что теряю голос. (Баффи уверяет, что у меня рак гортани, и бесится, поскольку я отказываюсь делать рентген).

13 октября

«Если еврей умер, значит, он умер», – говорила Гертруда Стайн. Но и она сама, и Элис Токлас оказались плохими еврейками. Стайн была тайной последовательницей христианской науки, Токлас на старости лет открыто перешла в католицизм. Что это – регресс?

16 октября

Тридцать пять лет назад Саид Куш, преподававший Джейн арабский, сказал: «*Tous les agréments de Tanger ont disparu*»⁷. Тогда это было правдой, сейчас лишено смысла. Прежде город обладал чарами, но они давно разрушены. Поля разровняли бульдозерами, растительность выкорчевали, а деревья повсюду срубили. Ничего удивительного. Где-то же надо строить предместья. Но домохозяйки из этих вычурных пригородных вилл выбрасывают мусор в окно, а прислуга относит его на соседние пустыри, где уже громоздятся горы отбросов. Баффи уехала в Нью-Йорк.

28 октября

Вчера вечером съемочная группа вернулась в Лондон, проведя в Марокко одиннадцать пасмурных дней. Они не жаловались на тучи и дождь в Танжере, потому что это было хорошим сопровождением для романа «Пусть льет», но надеялись на солнце в Фесе, а главное – в Тафилальте, где собирались снимать пейзажи с песчаными дюнами. Однако пустыня оказалась мокрой и серой. (Сегодня в небе ни облачка.)

31 октября

По улице шагают двадцать, а то и больше женщин и девушек. Они бьют в барабаны, видимо, направляясь на свадьбу. Десяток парней идут следом и швыряют в них камни. Война полов начинается очень рано.

6 Ведущие (фр.).

7 «Танжер начисто лишился своей привлекательности» (фр.).

(Оказалось, они шли не на свадьбу: сейчас сидят на вершине холма напротив окна моей спальни.)

10 ноября

Смихи уже четыре недели снимает «Большое зеркало». Вчера вечером зашел напомнить, что хочет снять меня и Мрабета в сцене в баре – но не в массовке, участливо добавил он, а чтобы мы разговаривали. Я напомнил ему, что такой диалог придется вести по-испански. Предложил заменить Мрабета на Херес де ла Фронтеру, а тот может посидеть с другими марокканцами. Смихи согласился и сказал, что позвонит ей в отель, когда выйдет отсюда. Велел мне прийти сегодня в «Палас» в 14:00. Я пришел. Там была Херес в вечернем платье. «Палас» закрыт. На улице холодно. Мы прождали до 15:30. Мрабет отвез нас сюда. В 16:00 мы с Херес вернулись (пешком), но обнаружили, что ночной клуб по-прежнему закрыт, а никаких актеров и съемочной группы нет в помине. В 17:30 Гэвин отвез нас домой. Вскоре после 18:00 приехал Смихи и начал извиняться. При этом уговаривал меня вернуться с ним в «Палас». Я отказался, он ушел, и мы с Херес поужинали.

Пришли люди из «Вафа-банка» и увезли большую картину Якуби для выставки в Касабланке. «С картиной можете попрощаться», – сказал Мрабет.

11 ноября

Мрабет сказал, что, едва заглянув в «Палас» вечером, сразу понял, что никогда не согласится сниматься в подобной сцене. Там сидели марокканцы, которые пьют спиртное и путаются с проститутками, а он не мог позволить себе сниматься в такой компании.

15 ноября

Вчера были с Родриго на Фесском рынке. Он показал мне поднос с грибами в овощном ларьке. «Точь-в-точь как наши сан-исидрос», – сказал он. Так у них называются псилоцибиновые грибы, если я вдруг не знаю. Я и впрямь не знал. Он обрадовался, что они, возможно, растут и в Марокко. Я подумал, что, если бы здесь встречался подобный наркотик, люди бы знали, а они явно не в курсе. Но Родриго купил грибов на дирхам и пошел домой, сказав, что заварит их с чаем. Сегодня пришел торжествуя. «Точно такие же хонго. Как в Гватемале». Сказал, что вкус у отвара был мерзкий и он не спал всю ночь, но не галлюцинировал, а писал. Трудно поверить, что псилоцибины продаются здесь на рынке и никто об этом не догадывается. Наверное, потому что грибы не входят в марокканский рацион. Но, видимо, европейцы, которые их покупают, испытывают странные и необъяснимые ощущения.

9 декабря

Относительно спокойный период после недели затянувшегося ожидания, когда пришлось шесть дней бегать к начальнику почтамта, на таможеню и к цензорам, чтобы заполучить гранки «Захода в Корасон». Оуэн публикует под этим названием новый сборник рассказов.

26 декабря

Самая дурацкая новинка этого года, выставленная в витрине индийского магазина на бульваре Пастера: карандашный дезодорант со встроенным компасом.

16 января 1988 г.

Пришел документ из Общества писателей и театральных композиторов, где говорится, что меня приняли «*comme membre succession*»⁸. Возможно, теперь-то я смогу получить отчисления, хотя кто его знает? Французы есть французы: как и марокканцы, они расстаются с деньгами только под принуждением.

17 января

Баффи пишет, что ее допрашивала полиция в связи с убийством Дональда Уиндэма. Она предположила, что злоумышленника, видимо, возмутило какое-то из его произведений.

20 января

Каждое утро, если позволяет погода, я подолгу гуляю. Это полезно для моей ноги. Но даже если не поможет, это неважно: я хожу все равно. Каждый день я шагаю под неслышное сопровождение очередной популярной песенки. Их даже не нужно специально отбирать – они выплывают из подсознания сами. Как-то прошлым летом я вдруг осознал, что помню все старые песни 20-х годов. Я никогда не помню, какая песня преследовала меня накануне, так что теперь буду записывать. Сегодня была «*Red Hot Mama*».

22 января

Сегодняшняя песня: «*I Gave You Up Just Before You Threw Me Down*». Кажется, у меня слабость в ногах – по крайней мере, так говорит Абд аль-Уахаид, который мне помогает. Но такой промозглой погоды в Танжере я не припомню, из-за холода мышцы реагируют не сразу.

8 В члены с правом наследования (фр.).

24 января

«*Sleepy Time Gal*». Вчера вернулся Родриго – по пути в Гватемалу и обратно ему пришлось дважды заехать в Панаму.

26 января

«*Sueños de Opio*». Всякий раз, встречая статьи о том, что журналисты окрестили «трагедией Шри-Ланки», я надеюсь прочитать, что виноваты англичане. Как ни удивительно, об этом никогда не пишут. Зато всячески муссируются вопросы религии, расы и культурных традиций, пока у читателя не складывается впечатление, что конфликт был неизбежен. Все знают, что тамилы эмигрировали на Цейлон не по собственной воле. Зачем они понадобились там британцам? Да просто нужны были обедневшие, беспомощные сельскохозяйственные рабочие, которых будут трудиться за минимальное вознаграждение. Сингальцев не заставишь, а тамилы, очутившись на чужой территории, были в полной власти британцев.

27 января

«*The Alcoholic Blues*». Сообщение об убийстве Дональда Уиндэма оказалось «уткой»: кто-то просто точил зуб на Баффи Джонсон. Она винит одного студента с Западного побережья. Наверное, это он, пишет Баффи, потому что у него СПИД и «ему не терпится отыграться» на других.

4 февраля

Сегодня заходили трое японцев: господин и госпожа Инухико и Рики Судзуки, главный редактор токийского литературного журнала «Синтё». Тема разговора: они планируют перевести и издать некоторые мои тексты. Уговаривают написать предисловие «для японской публики». Я сказал, что двадцать лет назад «Нежную добычу» пиратским образом опубликовали в Токио под названием «*Каёваки эдзики*». Возможно, это было бестактно. Господин Судзуки сказал, что не хочет иметь дела с агентами. Так что будем работать без договора.

6 февраля

Родриго купил сокола. Услышав об этом, Мрабет решил этого сокола увести и рассказывал на каждом углу, что научит его охотиться.

7 февраля

Стоит такой лютый холод, что я забросил свои прогулки. Мрабет приходит рано утром и разжигает большой огонь в камине. Когда я встаю, пламя уже

ревет вовсю. Чудесные утра, температура в спальне 38 °F⁹. Родриго держит птицу в клетке. Говорит, что она послушная и, похоже, совсем его не боится. Ест сырую говядину.

10 февраля

Три итальянских журналиста – после обеда и до самого вечера.

12 февраля

Бразильская журналистка с интригующим именем Леда. Родриго принес сокола. Прекрасная птица. Р. хочет отнести его на вершину горы и отпустить на волю. «Чтобы воровал у людей цыплят», – говорит Мрабет.

13 февраля

Абд аль-Уахаид, я и Родриго поехали с клеткой на самую высокую точку над Медиунной. Пришлось карабкаться туда по острым камням. Мне помогал Абд аль-Уахаид. Когда открыли клетку и выманили сокола, Родриго подбросил его в воздух, и мы стояли, наблюдая за его полетом. Дул сильный *шерки*, что, видимо, помешало птице взмыть высоко. Она полетела над сосняком строго на северо-запад, будто зная, куда держит путь. Мало-помалу поднялась ввысь. К тому времени я продрог до костей. Вернувшись домой, лег в постель.

20 февраля

Вышел из строя, подхватив простуду в тот день, когда мы поднимались с соколом на гору. Мой неутомимый биограф Л. организовал концерт моей музыки в рамках Фестиваля Манка в Ницце 3 апреля. Трудно как следует на него разозлиться, когда он так старается угодить. Он даже предложил приехать из Бостона в Танжер и забрать меня, если я поеду. Я не поеду. Я слишком стар и поэтому не выношу, когда на меня пялятся.

2 марта

Сходил в «Вафа-банк» – спросить насчет картины Якуби. Она в Касабланке: выставка откроется только в апреле или в мае. Абд аль-Уахаид и Мрабет считают, что никакой выставки не будет и картина уже продана. Это маловероятно.

11 марта

Мрабет говорит, что дом, который он должен был построить для Херес, закончен, но не собирается его отдавать. Восемьдесят тысяч дирхамов, ко-

торые она дала Мрабету в прошлом году перед отъездом в Нью-Йорк, он безответственно и, можно даже сказать, преступно пустил на строительство хлева для своего скота. Сам же дом над хлевом обошелся в три или четыре раза дороже – эти деньги я без особого восторга предоставил после крупного скандала с Херес. Мрабет надеялся, что она привезет еще наличных по возвращении, но она не привезла, так что он вынужден был изображать ярость. (Лучший способ защиты – нападение.) Дом не ваш, сказал он ей, а затем принялся его обставлять, утверждая, что будет там жить сам. Но это исключено, так как в доме нет воды, электричества и канализации. Ни он, ни Херес не смогли бы там жить. Как только проявится, выберусь на него посмотреть. Теперь, когда он достроен, меня разбирает любопытство.

15 марта

Сегодня из Мадрида пришло неудачное переложение «Под покровом небес». «Альфагара» использовало то же название, что и в буэнос-айресском издании 1954 года: «*El Cielo Protector*». Небрежный перевод, изобилующий пропусками и ошибками. Очень жаль.

19 апреля

Никто не знал наверняка, когда начнется рамадан – сегодня или завтра. Мы узнали только вчера вечером, когда завывали сирены, что сегодня – первый день поста. (Это уже второй рамадан с сиренами вместо пушки. *Allez demander pourquoi*¹⁰.) Всего один выстрел, и вы уже за границей – в другой стране, где все запрещено. Говорят, при нынешнем уличном движении пушку просто не услышат. Может, на закате оно и так, но в полпятого утра город безмолвен. Странно, что ни один мусульманин не говорит о том, как нелепо возвещать сиреной воздушной тревоги наступление священного поста.

Каждый год приходится предупреждать гостей, заходящих на чай, что они должны уйти задолго до захода солнца. Целый час после этого следует сидеть дома и не казать носа на улицу. Это излюбленное время для нападений на иностранцев. Улицы абсолютно пустынные. Во всем городе не видно ни машин, ни пешеходов, ни полицейских. Одну из моих гостей, пожилую американку, повалили на землю, избили ногами и ограбили прямо напротив многоквартирного дома. Мне немного совестно, что я живу в месте, где подобное считается само собой разумеющимся. Но по-настоящему мне стыдно перед мусульманами. Они страдают, а я – нет. У себя дома я вынужден есть и пить у них на глазах. Они всегда убеждают, что им все равно. Если я хочу, то могу поесть, – так они говорят. Никто мне не запрещает. Все так, но общественное давление столь велико, что если кто-нибудь вздумает поесть у всех на виду, его арестуют и посадят в тюрьму.

10 Поди пойми почему (фр.).

Не пить тяжелее, чем не есть, – так они говорят. Первые пару дней курильщики раздражительны. К концу месяца люди все чаще ссорятся, но никто не признается, что вспылел из-за рамадана. Абд аль-Уахаид говорит: «Если у тебя плохое настроение из-за рамадана, в твоём рамадане нет никакого смысла, и лучше бы ты вообще не постился». Тем не менее, они действительно вспыльчивы, и я стараюсь не перечить им и не критиковать.

24 апреля

У меня есть паук, который очень странно себя ведет. У него крошечное тельце, длиннющие лапы, и он не плетет паутины. Он целыми днями висит на ниточке под мраморной полкой за дверью. Последние три недели паук каждую ночь отползает на четыре фута и висит рядом с умывальником. Утром возвращается в свой угол. Нигде нет насекомых, которых можно поймать, но он не пропускает ни одной ночи. Расскажи я о нем кому-нибудь, его наверняка убьют. Здесь не любят, когда в доме живут пауки. Рахма – такая плохая хозяйка, что паук, вероятно, может рассчитывать на целые месяцы уединения. Мрабет или Абд аль-Уахаид, если бы заметили паука, не задумываясь раздавили бы. Не знаю, почему я считаю его совершенно безобидным, но он и не похож на агрессивных пауков. У тех массивные туловища и толстые лапы, и они воинственной раскраски – черные-пречерные.

25 апреля

В прошлую пятницу сходил в Мрайерх. Тогда подъем был болезненным, но сейчас, три дня спустя, бедро болит сильнее. Если учесть еще и привычное жжение в *mollet*¹¹, ходить очень трудно. Остается надеяться, что рано или поздно станет лучше.

27 апреля

Всего неделя весенней погоды, и вот мы уже снова вернулись в январь, с пасмурным небом, *шерки* и частыми ливнями. Я заметил, что в Танжере с наступлением теплой погоды обязательно дует проклятый восточный ветер, из-за которого холодает сразу на двадцать градусов. Поэтому июль часто бывает студеным, как безветренный день посреди зимы. Я снова разжигаю камин. Нога еще сильно болит, но меньше, чем вчера, когда я пролежал почти весь день в постели. Я принимаю адалгура в сочетании с альфа-кадолом. Не доверяю «готовым лекарствам» с раннего детства, вдоволь наслушавшись разоблачений фармацевтических продуктов с торговыми марками. Все они считались ядовитыми. А нынче в аптеках (по крайней мере, в этой стране третьего мира, как, наверное, и в большинстве других) толь-

11 Икра ноги (фр.).

ко этим и торгуют. Днем с огнем не найти аптекаря, который пойдет в подсобку и приготовит лекарство своими руками. Но, возможно, здесь это даже к лучшему: одному Богу известно, скольких роковых ошибок удастся тем самым избежать.

3 мая

Типичная история о насилии в рамадан на рынке Касабарата. Человек приготовил *шибакию* и, усевшись на землю, стал зазывать покупателей. (*Шибаккию* раньше готовили с медом, но теперь меда больше нет, ее готовят с сахарным сиропом, и она не очень вкусная.) Другой человек нес небольшой лоток с расческами, карманными зеркальцами, зубной пастой и тому подобным. Он сел рядом с первым, но тот сходу велел ему пойти еще куда-нибудь. Второй сказал, что присел всего на минутку отдохнуть и скоро уйдет. Продавец *шибакии* заорал: «Сафи!», – выхватил длинный нож и, ударив другого сплеча, перерезал яремную вену. Раненый встал, сделал пару шагов и упал. Его четырехлетний сын смотрел, как отец истекает кровью. Это второе убийство на Касабарате, с тех пор как две недели назад начался рамадан. Были и другие, в других районах, но рассказ очевидцев я слышал только об этом.

4 мая

Херес сегодня уезжает в Нью-Йорк. На беду, зашла вчера и принесла большой букет роз и лилий. В пятницу Мрабет купил у Кифа Кунти охапку белых роз и поставил в большую вазу. Херес стукнуло в голову переставить розы Мрабета в сосуд поменьше, чтобы освободить вазу для ее собственной, более эффектной композиции. Я заподозрил, что Мрабету это не понравится, но оказался не готов к его бурной реакции. Оскорбления посыпались градом. Едва Херес открывала рот, Мрабет начинал ее перекрикивать. Любой, кто пожил здесь в рамадан, уступил бы и не стал урезонивать оппонента, но Херес, видимо, считала, что все нормально, и постоянно переспрашивала, чем она обидела Мрабета. Тот кричал все громче и громче, ругаясь по-арабски, по-испански и по-английски. Потом начал швырять в нее диванные подушки, а под конец замахнулся и звонко шлепнул по лицу. Херес как раз наклонилась над ним и только поэтому не упала. Мрабет подскочил, выхватил из камина полено и хотел стукнуть Херес по темени. Я заорал, чтоб он сел и замолчал, но не помогло. Абд аль-Вахаб, который был здесь с Абд аль-Уахаидом, разнял их и ненадолго успокоил Мрабета. (Абд аль-Вахаб – рифский бербер, так что Мрабет к нему прислушался.) Но потом Мрабету, видно, показалось, что он слишком легко сдался, и он завопил, мол, в комнате полно евреев, и их нужно убивать, а не позволять им загрязнять воздух, которым дышат мусульмане. После этого он выбежал из комнаты, и мы слышали, как он грязно ругается, в бешенстве мечась

по кухне. Херес уже рыдала, а Абд аль-Вахаб решил уйти и ушел так поспешно, что забыл зонтик. Абд аль-Уахаид просто сидел, качая головой. Шепнул мне: «Ужасный человек. Полное сердце дегтя». По-моему, поведение Мрабета его шокировало. Меня не шокировало, я уже видел приступы его безумной ярости, но мне было стыдно, что все это случилось в моей квартире, да еще и с моей гостьей. Когда Херес уходила, по-прежнему в слезах, он крикнул вдогонку: «Вернешься из Нью-Йорка – убью!» За пять минут до этого она шепотом спросила меня: «Как думаете, он меня убьет?» Я улыбнулся и сказал: «Конечно нет». Его последняя фраза была вовсе не рассчитана на то, чтобы ее успокоить. Хорошо хоть, когда Херес вернется, уже закончится рамадан.

Перед уходом Мрабет извинился за эту вспышку: «Она хочет свести меня с ума. Она все твердила, что я вор. Как она это докажет? У нее есть свидетели?» Довольно-таки нелепо предполагать, что все это произошло из-за букета роз, поставленного не в тот сосуд, – или же так это выглядело со стороны. На самом деле, у Мрабета совесть нечиста, а когда марокканец чувствует за собой вину, он атакует.

5 мая

Почти всю неделю паука не было, а затем он вдруг решил вернуться и теперь сидит денно и ночью. По-моему, что-то здесь не так. Там же он ночевал и раньше, но я не уверен, что это та же самая тварь. Он стал как будто меньше и слабее. Если это другой паук, что случилось с первым? И почему этот висит там же, где висел тот? Вероятно, энтомолог смог бы дать совершенно неожиданное и удовлетворительное объяснение.

6 мая

Вчера вечером Родриго уехал на неделю на юг. Поскольку он никогда не был в Тингире, я посоветовал ему поехать туда из Марракеша, затем на восток до Эр-Рашидии, а затем на север в Мидельт. Кажется, он решил отправиться через Тизи-н-Тест в Тарудант, с которым уже знаком. Если так, в Тингир он, наверное, не попадет.

Оказалось, кассету с недавним концертом в Ницце (я думал, что она потерялась или выпала из коробки) просто конфисковали цензоры, поскольку ее не задекларировали. Абд аль-Уахаид принес ее сегодня после обеда. Две фортепьянных пьесы отвратительны – хуже, чем я ожидал. Некоторые песни неплохи. Пианист умудрился взять больше неверных нот, чем верных, пронесшись по ним ураганом. Почему пианисты никогда не смотрят на обозначения темпа? Вероятно, воображают, что поразят слушателей, если будут играть как можно быстрее, не обращая внимания на метроном, – точь-в-точь как машинистки, которым не терпится показать, сколько слов они способны напечатать в минуту.

7 мая

Изредка, когда мы выбираемся за город, Абд аль-Уахаид пересказывает, что, по слухам (или же на самом деле), случилось в деревне, которую мы проезжаем. Некоторых историй я сам бы никогда не придумал. Другие банальны, как эта. Семейная пара переживает тяжелые времена в своем чаре. Дела идут все хуже. Последние несколько цыплят умерли из-за эпидемии. Если хотим выжить, лучше уйти сейчас, пока еще можем передвигаться. Жена на сносях. Они бредут по тропинкам и ночью приходят в Баб-Тазу. Какой-то человек замечает их и понимает, что они из деревни. Спрашивает, чем помочь. Жена отвечает: «Мы ищем жилье». «Дом?» «Да». «Пошли, я покажу вам хорошее жилище». Приводит их в дом, который недавно купил, чтобы затем перепродать. Прежде чем войти, муж спрашивает цену. (У него нет ни гроша.) Внутри совершенно пусто. Хозяин показывает дом, и они спрашивают, нельзя ли здесь переночевать, а ответ дать утром. Хозяин соглашается. Они желают друг другу спокойной ночи, и хозяин оставляет их в доме. Муж идет к колодцу за водой – помыться и приготовить ужин. Замечает, что в темноте плавают деревянные шкатулочки. Выуживает ее, но она заперта. Муж с женой решают, что владелец про шкатулочку не знает, и взламывают замок. Набита банкнотами. Утром, когда приходит хозяин, они говорят, что согласны купить дом, и платят половину суммы из шкатулки. Абд аль-Уахаид любит совершенно неинтересные истории о тайных сокровищах.

16 мая

Чуть ли не единственный приятный атрибут рамадана – игра на *райте*. Раньше ее можно было услышать в каждом минарете во время призыва к молитве. В этом году от музыки отказались. Видимо, кому-то пришлось в голову, что это анахронизм или ересь. «Люди все равно не хотят слушать, как кто-то дует в *райту*, – говорит Абд аль-Уахаид. – У них музыка в телевизоре». В 1977 году я весь рамадан записывал по ночам гобойные концерты. Наверное, подсознательно чувствовал, что рано или поздно им придет конец. Хорошего понемножку.

20 июня

Писать практически не о чем. Получаю газетные вырезки на разных языках – пишут, что Бертолуччи собирается экранизировать «Под покровом небес». Но в мире кино любое заявление можно расценивать как пропаганду, так что я до сих пор без понятия, будет ли он снимать. Людям не верится, что Хелен Стросс не включила в контракт пункт о максимальном сроке, когда продала права на экранизацию в далеких пятидесятых. Так что если Бертолуччи их и купил, я не знаю у кого.

26 июня

Грыжа очень сильно беспокоит, не давая передышки, так что я больше не могу терпеть. Доктор Рава согласился ее удалить, если меня устроит местная анестезия и я сразу после операции уеду из больницы. Мне кажется, это идеальное решение. У больницы Кортоби весьма сомнительная репутация. Чем меньше там находишься, тем целее будешь.

3 июля

Хмурый день. Филлип Рэйми вызвался поехать со мной в больницу и подождать до конца операции. Абд аль-Уахаид остался в машине. Он не верил, что я дойду от центрального входа до ворот, но я дошел без труда. Пока ехали домой, анестезия начала выветриваться, да еще и полило как из ведра. В связи с потопом вырубил электричество, и когда мы добрались до Итесы, лифт не работал. К тому времени в голове уже был туман. Кто-то поднялся в квартиру и принес стул. Меня усадили, а затем Филлип, Мрабет и Абд аль-Уахаид отнесли меня на стуле на верхний этаж. Эта часть дня была какой-то нереальной. Я лежал в постели, внезапно потолок протек, и на ступни закапал холодный дождь. Боль была терпимой. Но потом пришла Реджина Вайнрайх, только что из Нью-Йорка, чтобы поговорить о фильме, который она хочет снять для американского телевидения. Момент был не самый подходящий, и я не сильно обрадовался. Мало есть на свете вещей столь же неприятных, как перспектива затяжного randevu с телевизионщиками. В принципе я согласился, но, поскольку произойдет это не раньше октября, подумал: «Возможно, она или я к тому времени уже умрем». Тоже способ отчасти примириться с будущим.

23 июля

Думаю о том, что теперь никогда не приближаюсь к пляжу. Пятьдесят лет назад я проводил там все лето. Если я почему-либо пропускал дни, их как будто не существовало, они были растрочены впустую. Марокканцы называли меня психом. Тогда не загорали даже мужчины. Считали, что солнце испускает яд. После войны молодежь играла на пляже в футбол, и изредка в воду входила женщина – разумеется, полностью одетая. Марокканская девушка, жившая рядом с нами на Калье Маймуни, взяла моду водить соседских женщин после обеда на пляж. Они возвращались перед заходом солнца в прекрасном настроении. Об этой девушке Джейн сказала: «Она революционерка. Во всем Танжере только у нее есть надувные нарукавники».

7 августа

Какое наслаждение – брести по берегу, куда вздумается, не чувствуя боли от грыжи! Власти отдали странное распоряжение, и теперь пляж патру-

лируют два десятка полицейских, чья задача – не пускать на песок людей без купальных костюмов. Если ты одет, оставайся на тротуаре. Этот явно бессмысленный новый закон играет на руку лишь владельцам кафе и ресторанов, предлагающих кабинки, где купальщики могут раздеться. Собственники должны отучить людей от привычки раздеваться прямо на пляже и оставлять одежду на песке. Ватага парней, промысляющих воровством, вечно рыщет между грудями одежды, забирая часы, бумажники, свитера – все, что легко унести. Естественно, дополнительные наряды полиции вовсе не отпугивают этих проказников. Они все тут заодно, и я не удивлюсь, если выяснится, что владельцы ресторанов подкупили хулиганов и полицию, чтобы добиться введения этого нового *дахира*.

11 августа

Вчера был неудачный день. Гэвин Лэмберт и Филлип разработали план: мы должны были поехать на двух машинах в Шавен – они двое, Родриго, Чокнутый Кот, Абд аль-Уахаид и я. Перед отправлением Гэвин пошутил: «Поздравляю с десятым августа!» (Это название первого рассказа Теннесси, опубликованного в «Антее» еще в 1971 году.) Зря он это сказал: в рассказе десятое августа не было счастливым для его героинь. Наше десятое августа выдалось адски жарким. Мы в «мустанге» старались не отставать от Гэвина, который мчался на бешеной скорости. В какой-то момент он сбавил газ и остановился. Все мы вышли и постояли на неприятном солнцепеке. «Нужна вода», – сказал Гэвин. Абд аль-Уахаид сбежал вниз к реке и принес воды. Не помогло. Мы все набились в «мустанг» и отправились в Тетуан, где катались по улицам в поисках открытого гаража. Уже наступил полдень, и потому все они как раз закрывались. Гэвину пришлось остаться, чтобы найти *remorqueur*¹², который отбуксирует его обратно в Танжер. Остальные продолжили путь в Шавен. Прибыв туда, совсем чуть-чуть опоздали на обед в «Парадоре». Пришлось довольствоваться омлетом и пивом. Из-за полного безветрия там было еще жарче, чем в Танжере. После обеда мы поднялись на Рас-эль-Ма и заказали чай. Там роились нахальные пчелы, которые упорно рассаживались по краям стаканов и соскальзывали в чай. Медоносные пчелы обычно не жалят, но их было столько, что даже стакан к губам не поднесешь. Филлип без конца щелкал фотоаппаратом, а Чокнутый Кот подружился со всеми, кого встретил. Я хотел вернуться в Танжер дотемна, так что мы выехали пораньше. Но поскольку на заднем сиденье прибавилось народу, машина так громко и мучительно кряхтела на каждом вираже и колдобине, что трудно было разговаривать. Жара не спадала, ведь мы ехали прямо навстречу солнцу. Добрались до Танжера как раз с наступлением сумерек. Так и закончилось наше «десятое августа».

12 Буксир (фр.).

12 августа

Вчера вечером, когда ужинал в постели, мне сообщили, что пришла Патриция Хайсмит. Она приехала из Швейцарии в гости к Баффи, но та забыла и куда-то ушла. Я предложил ей присесть, сказал, где найти виски и бокал, и мы поговорили. Примерно через час она решила сходить на квартиру Баффи и распаковать вещи. Я дал ей связку ключей. Баффи вернулась, как раз когда она пыталась отпереть замок, и сказала: «Я не поняла, что вы приедете». И поспешно добавила: «Сегодня».

19 августа

Робер Бриатт говорит, что собирается написать мою биографию и что «Плон» ее опубликует. Кажется, он считает, что никакие документы ему не нужны, и это мне нравится, потому как дать ему нечего. Он намерен уделить некоторое внимание музыке, что тоже приятно.

23 августа

Повез Пэт Хайсмит и Родриго на Ашакар. Выпили пива в кафе над пещерами. Хайсмит – очень приятная собеседница. Жаль, что она уезжает, хотя, боюсь, ей не очень понравилось в Танжере. Баффи почти все время проболела и не выходила из комнаты, так что ее гостя была брошена на произвол судьбы.

25 августа

Херес вернулась из Америки с матерью. Она заранее сняла довольно просторный трехэтажный дом в Дар-эль-Баруде с прекрасным видом на порт, и они сразу туда въехали. Похоже, мать в восторге от Танжера, и все шло хорошо, пока Херес (которая долго не хотела признаваться, что дом в Мрайерхе уже построен, но ей не достанется), не сказала, что Мрабет ей дом не отдаст. Эта новость вызвала бурю эмоций. Херес уехала передохнуть в Джаджук, а когда вернулась с Баширом аль-Аттаром, мать не пустила их ночевать. Похоже, перепутала Башира с Мрабетом и сочла унижительным, что Херес продолжает дружить с человеком, который ее облапошил. Херес развернула кампанию среди американских поклонников «Мастеров-музыкантов из Джаджуки», чтобы помочь Баширу получить американскую визу. Я написал рекомендательное письмо консулу в Рабат.

9 сентября

У Херес получилось. Баширу дали визу. Они уехали в Нью-Йорк. Поженятся ли они? Мать осталась одна в большом доме.

10 сентября

Сегодня после обеда из Парижа приехал Уильям Бетш и привез необычайно красивую (но тяжелую) книгу по искусству «*Cites d'Islam*»¹³. Не понимаю, почему она называется «*Cites*», а не «*Cités*», и не нахожу это слово ни в одном словаре. Бетш дал для нее кучу марокканских фотографий. Хочет, чтобы я написал предисловие к его собственной книге «Хакима». Я согласился. Очень странное сочетание фотографий и текста об убийстве девушки, которое, возможно, было самоубийством или просто несчастным случаем. Книга очень мрачная. Разногласия между членами семьи и близкими друзьями девушки исключают любые попытки проникнуть в тайну. Книга выйдет в издательстве «Аперчур», что само по себе уже гарантирует качество.

7 октября

«Кэ Вольтер» уговаривает меня приехать в Париж и принять участие в телепрограмме «Апострофы». До недавнего времени я успешно сопротивлялся. Но вчера из Парижа прилетел Даниэль Рондо – объяснять, какое ошеломляющее значение могла бы иметь эта передача для моей «карьеры». Да, они оплатят все расходы, но проблема в том, как туда добраться. Я не хотел лететь (а когда я хотел за последние сорок лет?). Можно доплыть на теплоходе до Сета, где меня подберет машина с шофером и примчит в Париж. Однако, согласно статистике, автодороги Франции смертоноснее воздушных трасс. И зачем опять связываться с телевидением? Особенно если не предлагают оплаты? Рондо сказал, что долг каждого писателя – показываться публично, не говоря уж о том, как это стимулирует продажи. Я ничего не обещал, и он вернулся в Париж, заказав пока эссе о зиме, которую я прожил на Набережной Вольтера пятьдесят восемь лет назад. Справлюсь ли я хотя бы с этим?

10 октября

Обед с Гэвином Янгом, который советует все-таки съездить в Париж. Он здесь по пути в Индонезию.

17 октября

Решил, что французская виза в паспорте не повредит, независимо от того, поеду я или нет. Позвонил услужливому месье Буске, который предложил отвести меня во французское консульство и проследить за тем, чтобы мне выдали немедленно.

13 «Исламские города» (искаж. фр.).

2 ноября

Написал сегодня Рондо, что лечу в Париж. Он пришлет мне обратный билет.

11 ноября

Когда знаешь, что скоро ехать, это очень угнетает. Трудно думать о чем-то другом. Уезжаю в четверг и намерен вернуться в субботу.

20 ноября

Вернулся вчера вечером. Острая эйфория, когда проходил таможенную в аэропорту. Абд аль-Уахаид сидел снаружи в «мустанге», а Абд аль-Вахаб встречал меня внутри. Пока добрался до Парижа, истрепал себе все нервы. Пять часов прождал самолета из Касабланки. Всякий раз, когда обращался в справочную, мне говорили, что он еще не вылетел из касабланкского аэропорта. Так и не понял почему. Полет перенес легко. Когда приземлились в Орли, уже смеркалось. Меня там ждали Рондо и Клод Тома – просидели с самого обеда. На парижских улицах куча неудобств. Забастовщики разожгли костры посреди проспектов, полицейские кишели повсюду, как муравьи, и транспорт почти не двигался. Под конец вылезли из машины и пошли пешком, поручив шоферу выгрузить мой багаж в отеле, как только машина туда доберется. Из Оксфордшира приехал повидаться Джон Хопкинс, и мы поужинали с Клод и Джоном у меня в номере. Прекрасный ужин – первый вкусный бифштекс за двадцать лет.

Следующий день был очень хлопотным. Бибка (мадам Мерль д'Обинье) дала большой сложный обед для издателей и критиков. Со мной носились, как со звездой, и мне это нравилось. После обеда в отель приходили толпы людей, которые задавали вопросы и фотографировали. Мы с Рондо поужинали вдвоем, и нас отвезли в студию. Программа оказалась длиннее, чем я ожидал, но все прошло гладко. Пивó безусловно умен, но я не знаю, всерьез ли он предан литературе. Он немножко суров к мисс Сигель, но если объявляешь себя тайной любовницей Сартра, не стоит удивляться грубоватому обхождению.

В субботу пошел с Клод за покупками, надеялся найти хороший купальный халат. Нашел в первом же магазине, но он стоил почти пять тысяч франков, а я не собирался столько тратить. Под конец купил кашемировый за триста с лишним долларов, что довольно дорого для вещи, которую никто, кроме меня, не увидит. Но я обрадовался, что вернусь в Танжер с трофеем. Когда Клод, Рондо и Сильвен Паскье прощались со мной в Орли, уже стемнело. Париж еще роскошнее, чем в 1938 году, но хотелось поскорее сбежать оттуда, пока я не начал вспоминать.

22 ноября

Телеграмма от Реджины Вайнрайх. Она приезжает со съемочной группой. А я уж было решил, что она отказалась от затеи с фильмом: октябрь прошел, а от нее не было ни слуху ни духу.

1 декабря

Ранее в письме Вайнрайх упоминала гонорар в десять тысяч долларов, но по приезде сообщила, что никаких денег не будет. Группа проведет здесь неделю. Кэтрин Уорноу, *metteuse-en-scène*¹⁴, заставляла меня и группу работать сверхурочно. Натурные съемки на сильном ветру в кафе «Хафа» и на фесском рынке, а также у меня в спальне, где я ел в постели. Трудно представить, кого интересует подобный материал.

20 декабря

Телевизионщики сняли на неделю квартиру Баффи внизу и хранили там аппаратуру. Но, по словам Фатимы, квартиру они оставили в плохом состоянии. (Они также не сочли нужным дать ей деньги за уборку, и она пожаловалась Стиву Даймонду, который там теперь живет, – понадеялась, что, вернувшись в Нью-Йорк, он расскажет Баффи.) Стив снял квартиру на месяц-полтора. Каждое утро заходит ко мне, и мы отправляемся гулять по городу или за городом, это полезно для моей ноги.

31 декабря

Вчера вечером Мрабет устроил у себя ежегодную вечеринку по случаю моего дня рождения. Оркестра не было, только девушки, которые пели и били в барабаны. Абд аль-Вахаб не решался пойти, зная, что Мрабет его недолюбливает. Но Мрабет недолюбливает всех, кто приходит меня навестить, так что я уговорил Абд аль-Вахаба принять приглашение. Вдоволь отменной еды.

8 января 1989 года

Стив вбил себе в голову, что должен подарить мне попугая. Когда мы высмотрели серого африканского напротив испанского собора, Стив зашел в магазин узнать цену, но с него запросили две тысячи дирхамов. Вчера мы снова зашли взглянуть на птицу, хотя я твердил, что это чересчур дорого. На сей раз владелец запросил три тысячи дирхамов, и мы смогли уйти без дальнейших разговоров. Позже Стив сказал Абд аль-Вахабу, что, по его мнению, мне приятно, когда сбывается худшее: дескать, когда мы вышли из магазина, я вздохнул с облегчением.

14 Режиссер (фр.).

5 февраля

Теперь в квартире Баффи живут трое пожилых людей. Очень тихо. Наверное, без обогревателя там можно околеть. Мне привезли экземпляр книги Баффи, «Повелительница зверей». Весьма внушительное издание.

25 февраля

Книги присылают почти каждый день отовсюду, и мне никак не обойтись без помощи Абд аль-Уахаида, который проводит их через цензоров и таможню, а затем относит на почтамт. Но вчера он вышел к машине, где я его ждал. Был очень возбужден и стал меня отчитывать. «Эта книга убивает людей по всему миру, и она зачем-то понадобилась вам. Это очень плохо. На почте возмущены». Я понятия не имел, о чем речь. «Что за книга? Где она?» Я вылез из машины и вошел на почту, где все злобно на меня уставились. Один служащий подошел и объяснил: «У вас здесь запрещенная книга». Я попросил показать, но он ответил, что ее уже снова запаковали, чтобы никто не видел. «Покажите хотя бы пакет, чтобы я понял, откуда она». Он зашел за стойку и в темноте поднял пакет за бечевку, брезгуя к нему прикасаться. Тогда я догадался, что это та самая книга, которая наделала столько шума по милости иранского диктатора. Но я все равно терялся в догадках, кто мог ее прислать. Другой чиновник подошел и хмуро сказал: «Это контрабандный товар. Вы не можете его получить». «Да он мне и не нужен», — ответил я.

26 февраля

Сегодня почтовые служащие спросили, была ли у меня полиция. Я сказал, что не было. «Они приходили сюда, спросили ваше имя и адрес и забрали книгу, чтобы доставить властям в Рабат».

1 марта

Полиция пока не беспокоила, так что, думаю, все обойдется. Но теперь присланные мне книги задерживают еще на день и проверяют тщательнее, чем раньше.

10 марта

Еще одна французская телепередача хочет прислать съемочную группу на следующей неделе. Программа называется «Экслибрис». Меня тревожит, что Клод Тома, возможно, не переводит «Дом паука». Если она до сих пор не взялась за работу, означает ли это, что найдут кого-то другого, а он переведет так же скверно, как недавно перевели «Без остановки»?

18 марта

Сегодня были французские телевизионщики. Интеллигентного и приятно-го интервьюера, видимо, поразило скромное убранство квартиры: он думал, я живу на Горе в большом доме с прекрасным садом. Очень серьезно спросил: «Вам *нравится* так жить?» Потом решил, что интервью надо взять в винном баре «Минзы» – в обстановке, больше отвечающей ожиданиям его публики.

19 марта

Интервью не слишком затянутое, так что уже закончили. Покажут 5 апреля.

27 марта

Приехал парень из парижской «Ле Котидьен» задать пару вопросов. Не смог уделить ему много времени.

28 марта

Из Парижа на пару дней приехала Клод Тома. Над «Домом паука» она не работает. Это пока что самая плохая новость. Правильно она делает, что требует договора с «Кэ Вольтер». Какая-то загадка. Они постоянно обещают прислать текст договора, но не присылают. Естественно, я предположил, что они уже поручили работу кому-то другому, кто переведет быстрее. Клод очень добросовестная и никогда не торопится – но, на самом деле, так ведь и нужно.

31 марта

Вчера ужинал у Клод с Берджилом Хауэллом, которого очаровала красота имения. В лесу было темно, и месяц освещал гребешки пены, когда волны почти бесшумно разбивались о камни. Интервьюер приходит каждый день. Кажется, он попутно пишет материал для «Глоуб».

3 апреля

Два фотографа из Рима. В их представлении весь берег должен быть усеян живописными кафе. Я дождался, пока они накаются по городу, а когда они так и не нашли ничего подходящего, предложил кафе «Хафа». Они пришли в восторг. Один был на прошлой неделе в Москве и рассказывал о ней, а второй непрестанно фотографировал, приговаривая между щелчками камеры: «Посмотрите на меня».

4 апреля

Утром приходил Суоми Лаваль и сделал около сотни снимков в саду Шайхи Фатимы Ф. С. аль-Сабах. (Ума не приложу, как ее назвать: знаю только, что она дочь эмира Кувейта.) Мне она очень симпатична.

20 апреля

Почта бесит. Недавно вышла новая пластинка с одиннадцатью моими песнями. Их переписали на кассету и прислали мне из Нью-Йорка, но какой-то служащий разорвал конверт и вытащил пленку, после чего снова заклеил его казенными липучками. Так что никаких песен. Наверное, это из-за книги Салмана Рушди, присланной Кэрол Ардмен, которая должна была понимать, что делает, и, вероятно, понимала. (Написала мне на прошлой неделе и призналась, что это она во всем виновата.)

23 апреля

Рамадан все усложняет и разжигает в Мрабете страсти. Я и так знал, что он с самого начала недолюбливает Абд аль-Вахаба, хотя до рамадана ему еще удавалось вести себя нормально. Но когда он увидел, что Абд аль-Вахаб ест и курит, а не постится, его неприязнь переросла в бешенство. Сегодня после обеда он вошел и обнаружил, что А. сидит на пуфе и пьет чай. Мрабет поднял столик и швырнул его в А. вместе с чаем, непрерывно ругаясь на арабском и испанском. «Замель! Йехуди! *Maricón de mierda!*» Его маленькая дочь (на следующей неделе ей исполнится пять) оторопело застыла. До конца поста, вероятно, еще будут подобные сцены: Абд аль-Вахаб приходит каждый день и готовит мне обед, а Мрабет не может смириться с мыслью, что А. не соблюдает рамадан и не постится вместе со всеми.

24 апреля

Думал, что со съемочными группами покончено. Приезжали из Милана, Амстердама, Лондона, Парижа и Нью-Йорка. Но теперь нагрянет еще одна — на сей раз из Женевы. Вчера и сегодня здесь была немецкая пара, записывала для берлинской радиостанции. Женщина имела привычку начинать вопросы со слова «почему». Сказал ей, что на вопросы «почему» нельзя ответить умно или правдиво. Разумеется, ее следующий вопрос был: «Почему же?» Тогда я пошел на попятный и сказал, что мое замечание относится только ко мне. Но и это не помогло, поскольку она парировала: «Но мы же и говорим только о вас».

25 апреля

Около половины третьего в дверь позвонили два марокканца подозрительного вида. Казалось, они не знали, с чего начать. Затем приехал лифт, оттуда вышел Абд аль-Уахаид и встал за ними. «С вами хочет увидеться ваша дочь», – сказал один. Когда я возразил, что у меня нет дочери, он только усмехнулся. Второй сказал: «Нет, есть, и она здесь. Ее зовут Катрин, она из Германии. Она никогда вас не видела и хочет познакомиться». «Я не хочу с ней знакомиться», – ответил я. Тут заговорил Абд аль-Уахаид, заверил их, что это ошибка, но они подчеркнуто не обращали на него внимания. «Привести ее сюда в пять?» «Нет-нет-нет! У меня нет дочери. Спасибо, но я не хочу ее видеть».

Они ушли. Абд аль-Уахаид вошел и предупредил меня, что это злоумышленники, и сказал, чтобы я не впускал их, если вернутся. Я был практически уверен, что они не вернутся. Но когда я пришел домой с почты и рынка, а Абд аль-Уахаид отправился восвояси, снова раздался звонок. За дверью стояли те двое, а между ними женщина. На ней была широкополая шляпа, и она не поднимала головы, так что лица я не разглядел. «Это ваша дочь, – сказали они. – Она из Эссена». К тому времени все это уже казалось таким неправдоподобным и нелепым, что я поддался искушению и впустил ее, но марокканцам велел оставаться снаружи. Вместо того чтобы представиться, она достала из кармана «*So Mag Er Fallen*»¹⁵ в мягкой обложке. Затем сказала по-английски с сильным акцентом: «Мне стыд, но я завтра ехать в Германия». Видимо, она приехала в Танжер всего на день и не знала, как со мной познакомиться, а потому пошла на Сокко-Чико и начала упрашивать всех подряд отвести ее к отцу, которого зовут Пол Боулз. Те двое за дверью, договорившись на Сокко о цене, пожалели ее и заявили, что знают меня, хотя, конечно, в глаза меня не видели.

Она перескакивала с предмета на предмет, и уследить за ходом ее мыслей было трудно. Я уже размышлял, как от нее отделаться. Во время своего бессвязного монолога она заявила, что хочет умереть. Мне еще больше захотелось выставить ее за дверь. Я угостил ее чашкой чая. Попивая чай, немка рассказала, что хотела умереть в Мерзуке на вершине большой песчаной дюны, но ничего не получилось. Жаль, сказал я, и она согласилась. Наконец она поправила себя. «Я не хочу умирать. Я хочу измениться». И, подкрашивая губы, смотрела кокетливо.

Я подарил и подписал ей экземпляр «*Gesang der Insekten*»¹⁶. Похоже, она расстроилась, увидев, что действие происходит в Латинской Америке. У нее явно была навязчивая идея – читать только о Северной Африке. Когда я наконец ее спровадил, двое ее друзей уже ушли. Надеюсь, она им не заплатила вперед и они ждали внизу, а то она сказала, что понятия не имеет, как вернуться в свой *pension*¹⁷.

15 «Пусть льет» (нем.).

16 «Пение насекомых» (нем.), перевод романа «Вверху над миром».

17 Пансион (фр.).

26 апреля

Дальше по улице стоит дом с большим гнездом аиста на дымовой трубе. Каждую весну прилетает птичье семейство, гостит пару месяцев, а затем летит дальше. В прошлом году вылупились двое птенцов. Они постоянно возились в гнезде и учились летать, подпрыгивая и хлопая крыльями. Самец, видимо, устав от этой суматохи, построил себе другое гнездо на опоре линии электропередачи в сотне футов от первого. Зимой пришли рабочие и это гнездо сорвали. Вчера я заметил, что аисты вернулись. Они снова свили большое гнездо на вершине башни. Каждый год одна и та же пара? А молодняк возвращается с родителями?

Я не встречал перелетных аистов много лет – тридцать, как минимум. Раньше я спускался к Меркале и видел сотни птиц, летевших идеальными клиньями, так низко, что я слышал равномерное биение крыльев. Весной они перелетали через пролив в Испанию, а осенью возвращались. Аисты особенно красивы в полете, хотя ноги болтаются снизу, как палки. Но замечаешь только длинную шею да медленные взмахи огромных крыльев.

29 апреля

Чуть не каждый день приходят люди, которых я никогда раньше не видел и, вероятно, больше не увижу. Когда отдаешь столько времени, жизнь словно замирает, словно впереди бесчисленное количество лет. Это стало серьезно тревожить лишь в последние год–два. Дело усугубляется еще и тем, что у меня нет телефона: люди заявляются прямо сюда и стучат в дверь. Трудно им отказать. На этой неделе кто-нибудь да приходил что ни день.

10 мая

Сколько еще продлится этот режим: завтрак, обед и ужин в постели? Доктор рекомендовал его после симпатэктомии. Сейчас, спустя почти три года, все так и продолжается. В полдень приходит Абд аль-Вахаб и готовит обед. После полудня Мрабет приносит еду и готовит ужин. Завтрак важнее всего, но Мрабет, похоже, этого не понимает, поскольку в последнее время забывает приходить по утрам, а я вынужден стряпать завтрак сам и есть за кухонным столом. Считаю, мне повезло с друзьями, готовыми подавать еду в постель. Но Абд аль-Уахаид говорит: «Вы не больны. Зачем вам есть в постели?» Разумеется, марокканцы панически боятся постельного режима, даже если у них жар. Считается, что если ты слег в постель, значит, скоро умрешь.

Приехал кто-то из Нью-Йорка и презентовал мне биографию, которую написал Сойер-Лосанно, хоть я и просил этого не делать. Обида на то, что я отказался сотрудничать, столь ощутима, что книга, хотел он того или нет, вышла клеветнической. Ему пришлось воспользоваться моей автобиографией. Разница между моей книгой и его в том, что он предпочел усомнить-

ся в достоверности моего рассказа и заменить его собственной версией. Несомненно, он счел, что его версия пикантнее, поскольку выставляет меня лжецом. Бесконечный перечень лживых утверждений основан исключительно на предположениях и слухах, но пышет явным недоброжелательством.

Во-первых, Соьер-Лосанно с готовностью прислушивался к злонамеренным сплетням и вставлял в свой текст любой оскорбительный вздор, не удосуживаясь проверить факты. Это, конечно, раздражает, но он хотя бы указывает источники этой так называемой «информации». По-настоящему бесит, что он воображает, будто я сознательно лгу. Для журналистов такого типа правда слишком банальна. Я вышел из себя, потому что в тридцатые годы он изобразил меня законченным дармоедом. Меня привело в ярость его объяснение того, почему Джейн уехала в 1958 году из Португалии. Две недели мы с ней каждый день ходили в американское посольство в Лиссабоне, чтобы ей выдали новый паспорт, поскольку у прежнего истек срок действия, пока мы были на Мадейре. «Нет, – говорили нам. – Сначала мы должны связаться с ФБР». Мы всё ходили в посольство, надеясь на скорый ответ из Вашингтона. Скорым он не был, а когда пришел, оказался отрицательным. «Миссис Боулз придется немедленно вернуться в Соединенные Штаты. Мы выдадим ей документ взамен паспорта». Пару дней спустя Джейн уехала. По словам мистера С.-Л., Госдепартамент заверил его, что подобные процедуры совершенно невозможны, а стало быть, моя история вымышленна, и я использовал эту «уловку», чтобы избавиться от Джейн. Книга клеветническая, но, к сожалению, не дает оснований для предъявления иска.

12 мая

Куча писем от Херес из Нью-Йорка. Башир с ней. Она говорит, что нашла ему работу. Например, «Ла-Мама» ставит пьесу Ахмеда Якуби «Ночь перед размышлением», которую тот надеялся увидеть на сцене пару лет назад, но я наложил на нее запрет, поскольку его соавтор вырезал из текста младенца с глазами по всему телу. Младенец казался мне самым важным персонажем в этой истории. Теперь пьесу все-таки поставили (разумеется, без младенца), и Башир играл на *райте*, *лиаре* и даже *гинбри*, но его раздражает «Ла-Мама». В конце концов, Херес решила, что в «Ла-Маме» все больные на голову.

В одном письме Херес сообщила, что они с Баширом поженились «в мечти за углом». Так ему будет проще продлить пребывание в США, а это важно, поскольку он надеется отправиться в турне с разными группами, в том числе с «Роллинг Стоунз».

25 мая

Вместо американского турне Херес удалось организовать поездку в Марокко, в которой Мик Джаггер посетит Джаджуку со съемочной группой

Би-би-си и выступит с Баширом в его родной деревне. Херес и Башир приедут 4 июня, а «Стоунз» – еще через пару дней.

2 июня

Филлип и Чокнутый Кот только что из Нью-Йорка: Филлип осыпает дарами. В квартире не хватало только рождественской ели. Чокнутый Кот доволен, что познакомится с Джаггером. Я, конечно, смотрю на всю эту затею пессимистически и подозреваю, что Би-би-си не успеет уладить все необходимые формальности для ввоза в страну аппаратуры. Помню, как голландцам пришлось приезжать из Нидерландов трижды, пока чиновники наконец не пропустили их записывающую аппаратуру через таможеню.

Главное из подарков Филлипа – новые пластинки: «Музыка для фарса» (*Reference Recordings, Chicago pro Musica*) и диск с одиннадцатью моими старыми песнями в исполнении Уильяма Шарпа, которое я бы назвал исчерпывающим. Я много лет слушал старые записи студий «Колумбия» и «Эм-Джи-Эм», и теперь композиции из «Фарса» звучат свежо и непосредственно.

3 июня

Письменно высказал Соьеру-Лосанно свое возмущение тем, что он озвучил свои подозрения. Он ответил: «По настоятельной просьбе моего редактора я направил запрос в Госдепартамент. Там настойчиво и даже категорически отрицают, что могли совершить нечто подобное... Оглядываясь назад, я понимаю, что произвел такое впечатление, будто не совсем доверяю вашим словам. Я лишь пытался изложить свою версию событий». Надо было ему проявить свою виртуозную изобретательность, изложив еще три-четыре версии.

5 июня

Херес и Башир в Танжере. Оба предвкушают приезд «Стоунз», и я не решаюсь озвучить свой пессимизм. Им приходится осторожничать, и они навещают меня, только если совершенно уверены, что Мрабета не будет.

Теперь, став мужем Херес, Башир, естественно, считает, что дом, построенный на ее деньги, отчасти принадлежит и ему. Думаю, Башир понимает, что у него практически нет шансов, поскольку дом зарегистрирован не на Мрабета, а на Зохру.

7 июня

Несколько телевизионщиков с Би-би-си приехали заранее, чтобы снять прибытие Джаггера. «Если он приедет», – подумал я. Их начальник, похоже, ничуть не сомневается.

8 июня

Сегодня уверенности у всех поубавилось. Таможня наотрез отказывается пропускать любую аппаратуру Би-би-си. Большой *Geschrei*¹⁸ и куча звонков в Лондон. Ультиматум от продюсера «Стоунз»: если аппаратура не пройдет через таможню завтра к девяти утра, он отменяет ангажемент. Вечером пришла Херес, вся взбудораженная. «Позвоните королю», – сказала она, хоть и знает, что я никогда с ним не встречался и не позвонил бы, даже будь мы знакомы. Затем она упомянула, что днем заходила к Лалле Фатиме Зохране и там сказали, чтобы она позвонила позже. Тут ее взгляд упал на меня. «Вы же знакомы с Лаллой Фатимой Зохраной. Вот и позвоните. Скажите, как важно для Марокко, чтобы Би-би-си сняла этот фильм». Я был в купальном халате и стоял внизу с остальными, в спальне Баффи. Все, похоже, сошлись во мнении, что я могу хотя бы позвонить Лалле Фатиме Зохране и объяснить ситуацию. Думаю, Херес мешал языковой барьер. (Я и забыл, что Лалла Фатима Зохрана прекрасно говорит по-английски.) «Но я плохо говорю по-арабски и не смогу с ней беседовать», – возразил я. Абд аль-Вахаб предложил мне позвонить и назваться, а затем передать трубку ему. Так мы и сделали, и она попросила Абд аль-Вахаба перезвонить через полчаса. Когда он перезвонил, она, судя по всему, говорила по двум телефонам сразу. Во время очень долгих пауз все смотрели на Абд аль-Вахаба, пытаясь догадаться по его мимике, какие слова доносятся из дворца Мулая Абд аль-Азиза. Он же просто говорил изредка: «Наам, лалла». Беседа, если это можно так назвать, продолжалась десять минут. Потом Абд аль-Вахаб повесил трубку и сказал, что она обещала позвонить на таможню и попросить пропустить телеаппаратуру. Всем уже казалось, что «Роллинг Стоунз» в Танжер не приедут. Я сказал, что вряд ли Лалла Фатима Зохрана может повлиять на аэропортовских чиновников. Башир и Абд аль-Вахаб горячо возразили. «Ее слово в Танжере – закон!» – воскликнул Абд аль-Вахаб. Я сказал, что очень надеюсь, и ушел наверх спать.

8 июня

В полдень зашел Абд аль-Вахаб, который так же, как и Башир, заинтересован в том, чтобы фильм был снят. Сказал, что Джаггер и Кит Ричардс поехали в «Интерконтиненталь», но им не понравились номера-люкс, зарезервированные Херес. (Абд аль-Вахаб в следующем месяце женится и пытается от души нагуляться перед свадьбой.)

Одним словом, разрешение было получено, и «Стоунз» все-таки прилетели из Лондона. Вчера и сегодня Херес, ни секунды не сомневаясь, что все будет хорошо, бегала как угорелая, ища подходящий антураж для съемок. Есть ей некогда, она совершенно не в состоянии спать и через пару дней обязательно заболеет. Херес получила добро от Малколма Форбса, чтобы

18 Шум (нем.).

аппаратуру поставили у него саду, но телевизионщики предпочли двор Акабунского дома. Я предложил его ради аутентичной обстановки. Около пяти прибыл Джаггер, а с ним столько народу, что комната была *archicomplète*⁴⁹. Среди них был и Кит Ричардс. Он засвидетельствовал мне свое почтение, а затем сказал, что пошел спать. Джаггер подсел ко мне, и мы разговорились. Я не сразу обратил внимание, что нашу беседу снимают. Через четверть часа съемки закончились. «Я устал, – сказал Джаггер. – Дети разбудили меня сегодня на рассвете. Понимаете, в воскресенье – День отца, и они хотели отдать мне подарки сегодня, пока я не уехал. Увидимся завтра на концерте».

10 июня

После обеда просидел два часа во дворе Акабунского дома. Там было шестнадцать человек из Джаджуки с *райтами* и *бендирами*, все в толстых коричневых джеллабах. Жарковато под таким толстым слоем шерсти. Они были роскошны и играли великолепно. Как это будет звучать в фильме, неизвестно, но, пожалуй, это и не важно. Башир много играл, с барабанами и без. Мик Джаггер только стучал на барабанах. Возможно, он пел после моего ухода, но я сомневаюсь. В соседней комнате, когда не было музыки, слышался какой-то органнй пункт, без передышки – очень низкая тональность, даже на четверть тона не выше тональности, в которой звучали *райты* и *лиара*.

12 июня

Обедал на Горе с Глорией Кёрби. Ее гости из Мадрида знают все о Педро Альмодоваре, который, похоже, снимает комедии. Если так, трудно понять, почему он остановил свой выбор на «Времени дружбы» – рассказе, в котором нет даже намека на юмористическую ситуацию. Может, он издевается. Нетрудно было бы высмеять сцену с рождественским вертепом. Или сделать Слимана на три–четыре года старше, чтобы пустить его связь с фройляйн Виндлинг в другое русло. Но юмор? Гости за обедом предположили, что Альмодовар исчерпал свою комическую жилку и пытается поймать серьезную интонацию.

16 июня

Вчера американский посол в Рабате назначил мне встречу в баре «Минзы». Показался довольно приятным, но я так и не понял, зачем ему понадобился, и не понимаю до сих пор.

20 июня

После обеда Родриго, как обычно в погожие дни, пошел на Меркалу, чтобы искупаться у Синдука. Пока у меня не закупорилась артерия, я ходил туда

19 Забита битком (фр.).

чуть ли не каждый день, гулял вдоль берега, лазил по валунам, перепрыгивал с одного на другой. Это было мое любимое занятие – подражать серне, твердо стоящей на ногах. Если меня сравнивали с козлом, я шутил насчет знака зодиака. «Разумеется, Козерог». Сейчас я практически не могу ходить по берегу, даже если кто-нибудь тянет меня или толкает. Незачем делать вид, будто время над нами не властно.

24 июня

Вчера вечером Бертолуччи прислал за мной машину, которая доставила меня на ужин в «Минзу». В самом начале он произнес: «Наконец-то это сбылось». «Да, я два года гадал, сбудется или нет», – ответил я. Там была вся съемочная группа, включая продюсера, с которым я познакомился пару лет назад, когда Билл Берроуз приезжал с ним из Лондона. Разговор был трудным. Для огромной толпы визжащих туристов в ресторане устроили очень шумное представление. Бертолуччи заговорил о музыке. Он по-прежнему думал взять Дэвида Бёрна, хотя упомянул и Ричарда Горовица, а еще сказал, что хотел бы получить что-нибудь и от меня. Мы это так и не обсудили. Подозреваю, ему больше нравится электронная, а не симфоническая музыка. Намного проще, гораздо дешевле. Не нужно ни партитур, ни репетиций. Скарфиотти обмолвился, что хочет снимать финал с южным городом в Агадесе. Надеюсь, это можно устроить и они не станут снимать весь фильм в Марокко. Я понимаю, что им неохота связываться с алжирцами, но Марокко не заменит Алжира или Нигера.

30 июня

Вчера давал интервью французской съемочной группе. Ничего примечательного. Отправились к бельведеру в Сиди-Амар и сняли долгую сцену на фоне моря. Иногда мне дают посмотреть все это на видео, но далеко не всегда. Огорчительно, что записи вечно черно-белые.

5 июля

Вчера обедал у Гэвина Янга, взял с собой Абд аль-Вахаба. Потом пили в саду мятный чай. Взяв с лужайки подушку, обнаружил под ней взбудораженную сороконожку. Абд аль-Вахаб: «Пожалуйста, не убивайте ее!» Гэвин, позже: «Ты что, заделался буддистом?»

Сегодня в полдень заходил Рики Судзуки, подарил мне экземпляр моего нового сборника рассказов, вышедшего в токийском издательстве «Синтёся». Как обычно с японцами, чувствовал себя немного не в своей тарелке. Так трудно понять, о чем они думают, и при этом сознавать, какой ты неловкий по их стандартам. Поди разбери, одобряют они тебя или осуждают.

17 июля

Утром прибыл марокканец, присланный из Голландии Робертом Брайетом. Никак не могу взять в толк, что ему от меня нужно. Знаю, что он надеется снять фильм, но, поскольку он скоро уезжает в США, вряд ли он будет снимать в ближайшее время. По его настойчивой просьбе мы пошли в кафе «Хафа». По пути нас догнали на машине Абд аль-Вахаб со свойственником и довели остаток пути до кафе.

После обеда пришел другой марокканец – профессор Лиможского университета. Он своих намерений не скрывал и тут же вытащил магнитофон.

19 июля

Сегодня Гэвин пригласил меня и Абд аль-Вахаба на обед. Он собирается в Англию, но вернется в октябре и подробнее расскажет о своем назначении каким-то начальником в Британском Самоа – в должность вступит будущей зимой. Позвал съездить и посмотреть на него при регалиях, прекрасно зная, что я не поеду.

21 июля

Регулярно приходят с вопросами три марокканца: Моханд, Раис и Фких Ауами. Первый раз Раис явился с розами и сахарной головой. Вручив мне голову, сказал: «Вы же знаете традицию». Я сказал да, хоть это было неправдой. Традиции я по-прежнему не знаю, потому что никто не может мне объяснить. Фких Ауами – профессор Лиможского университета, и у него всегда наготове куча вопросов.

25 июля

Вчера вечером с Филлипом, Чокнутым Котом, Родриго и Лидией Бреда был на свадьбе Абд аль-Вахаба. Сумбурно и шумно. Больше сотни гостей. Оглушительная музыка в стиле *раи*. Из-за нее разговаривать практически невозможно, а танцевать почти обязательно. Танцевали только мужчины и мальчики, часами подряд неистово двигались по кругу, по-видимому, несколько не уставая. Девушки сидели длинными рядами и наблюдали.

27 июля

Абд аль-Вахаб говорит, что приходили родственники невесты и требовали у его родителей брачную простыню с пятнами крови. Молодожены двое суток праздновали, не смыкая глаз, а затем рухнули на кровать и неподвижно пролежали два часа, после чего их позвали веселиться дальше. Так что никакой крови не было. Родители Абд аль-Вахаба возмутились: «Какие от-

стальные!» – но согласились отдать родственникам невесты простыню, едва на ней появится кровь, – видимо, завтра.

28 июля

Вчера вечером Фатима ас-Сабах прислала машину, и я попал на ее садовую вечеринку, где Башир и группа музыкантов из Джаджуки играли, рассевшись в ряд на большом валуне над бассейном. Когда гости спускались по тропинке в сад, их приветствовали десять слуг в ливреях. Впрочем, сама принцесса не присутствовала, и Дэвид Герберт очень на нее обиделся, воскликнув: «Я бы... так не поступил!» Перед этим, еще в доме, она вынесла мне красивое одеяние из верблюжьей шерсти – кувейтскую разновидность джеллабы, поскольку знала, что я *frileux*²⁰, а сад, разбитый на краю высокого утеса над океаном, продувают порывистые холодные ветра. Плащ пришелся весьма кстати. Меня долго фотографировал Суоми Лаваль, пока я лежал на камне у ног музыкантов, и без накидки из верблюжьей шерсти я бы закоченел. Когда уходил, принцесса настояла, чтобы я оставил ее себе, потому что она мне якобы очень идет.

30 июля

Вчера вечером Ярмолинские устроили на вилле «Жюли» джилальную вечеринку. Там много танцевали, особенно женщины – некоторые как будто впали в транс, хотя я в это и не верю. (Вдова Медждуби была чрезвычайно обаятельна.) Кускус отменный. К счастью, я ел внутри, потому что в саду летали москиты. Абд аль-Уахаид развеселил, заехав за нами на огромном автобусе, куда помещается семьдесят пассажиров. он валял дурака, поднимался в гору и спускался, демонстративно не пользуясь тормозами. Филлип боялся, что мы опрокинемся в кювет, но Абд аль-Уахаид знал, что сделает, и довез всех нас домой без происшествий.

1 августа

Вчера ужинали у Абд аль-Вахаба и его жены. Вместе с Филлипом, Чокнутым Котом, Родриго и Лидией посмотрели два видеофрагмента из жизни П. Б. Один – старый фильм Гэри Конклина, недавно показанный по французскому телевидению, а второй – фрагмент передачи «Экслибрис», наименее интересный. Нас также потчевали бесконечными байками о свадьбе, отпразднованной на прошлой неделе. Ужин был вкусный, и мы ушли после того, как Абд аль-Уахаид согласился войти в дом и посидеть, несмотря на вражду с Абд аль-Вахабом. Прощание было долгим и эмоциональным. Молодожены уезжают утром в Нидерланды. Я буду скучать по Абд аль-Вахабу.

2 августа

Вечером ужинал в «Маркизе» с Голдстоуном. Еда не такая вкусная, как обычно. Он хочет, чтобы Мрабет сходил на осмотр к его кардиологу, и берется оплатить консультацию.

7 августа

Вчера вечером ходил на ежегодный коллауэйский ужин в «Маркиз». Рост-биф жестковат, но все же лучше, чем можно ожидать в Танжере, где говядина неизменно ужасна.

12 августа

Теперь я вынужден взять обратно свои слова, сказанные в понедельник по поводу говядины в этом городе. Вчера вечером Филлип устроил ужин в ресторане «Оссо Буко», где я раньше не бывал. Филе безупречное даже по парижским или нью-йоркским меркам. Не понимаю, почему в этом ресторане могут достать хорошую говядину, а вся остальная практически несъедобна. На ужине была Херес. Пока мы ели, неожиданно пришел Башир и сел с нами выпить пива. Они с Херес сейчас не разговаривают.

15 августа

Марокканцы продолжают приходить каждый день. Подчас нелегко уследить, кто чего хочет. Труднее всего угодить Фкиху Ауами: у него всегда новый запас вопросов. Вчера вечером слышал барабаны – не ашорские *дарбуки*, а разных тембров. Напомнило *ауаш*. Я видел *ауаш* только в горах Высокого Атласа и Антиатласа и потому решил, что у меня просто плохо со слухом. Но, открыв окно спальни и услышав пение под барабаны, я больше не сомневался. На улице у школы танцевали *ауаш*. Я выбежал и увидел, как тридцать человек в традиционных белых одеждах, все с кинжалами в руках, танцуют, выстроившись в длинный ряд. Перед ними сидели на корточках восемь барабанщиков. Ни миг мне померещилось, что я в Тафрауте. Я не сходил с места около часа, очарованный и озадаченный, пока они гуськом не ушли со двора. Тогда я спросил полицейского, сидевшего у ворот, откуда подобная группа взялась в Танжере? «Американский начальник привез», – ответил он. «Что, власти?» «Ну знаете, начальник, у которого дворец в Маршане». Малколм Форбс, больше некому. Я получил приглашение к нему на званый ужин девятнадцатого. Отличная мысль, подумал я, привезти сюда исполнителей с дальнего юга. У ворот школы стояло девять огромных автобусов, и значит, сюда приехали несколько сотен танцоров и певцов.

16 августа

Вчера вечером снова ходил смотреть на исполнителей, но припоздал и увидел лишь несколько танцующих юношей. Хороши, но вряд ли профессионалы.

17 августа

Вчера вечером пришли Херес с Баширом, думали сходить со мной в школу. На сей раз танцевали две-три сотни мужчин и с полсотни женщин. Прекрасное выступление, в котором участвовала удивительная группа из Хауары и даже Бешара с ее девушками, танцевавшими под *гедру*. Башир работал в Гулиmine, с тех времен знаком с Бешарой и после репетиции с ней заговорил. Она пригласила нас наверх на чай – в комнату, отведенную для танцовщиц *гедры*. Увидев меня, сказала, что помнит меня, хотя я и не совсем понимаю откуда. В последний раз я видел ее в 1962 году за кулисами в Нью-Йорке. (Кэтрин Данэм привезла ее с тридцатью другими марокканками сыграть в злополучном мюзикле: он выдержал всего два представления.) Я записывал ее в Гулиmine в 1959 году, но вряд ли она бы запомнила этот единственный вечер. Так или иначе, встретили нас с традиционным марокканским гостеприимством. Некоторые танцовщицы полезли за пазуху и достали серебряные побрякушки, которые тут же купили Херес и Башир. Когда мы ушли, Башир передал, что она сказала ему: «Если этот американец живет в Танжере, наверное, у него куча денег. Он женат?» Мы договорились прийти к ней сегодня снова.

19 августа

Вчера вечером пришли снова, но все уехали в аэропорт встречать самолеты с гостями Форбса из Нью-Йорка. Наверное, небывалое вышло зрелище – дворцовая стража на черных лошадях, длинные ряды танцоров в белых одеяниях и тюрбанах. На взлетно-посадочной полосе хватит места для всех, но потом на улице не избежать столпотворения. Мне хотелось посмотреть, но охрана стояла так плотно, что в аэропорт не пробраться.

20 августа

Вечеринка уже, наверное, закончилась. Мне сказали, что она продолжалась всю ночь. К полуночи мне хватило. Оставалось дожидаться только именинного пирога и фейерверка, но пиротехническое шоу я посмотрел из окна спальни, уже добравшись домой. Утомительный вечер. Начать с того, что полиция не хотела нас нигде пропускать в радиусе четверти мили от входа, поэтому мы припарковались на *plazuela*²¹ за кафе «Хафа». На улице было столько народу, что Абд аль-Уахаиду пришлось грубо расталкивать людей, чтобы

21 Небольшая площадь (исп.).

я мог пройти. Как только в поле зрения появился Мендубский дворец, Абд аль-Уахаид пожелал мне удачи и отправился обратно. Снаружи на улице стояла длинная очередь гостей. Пока мы медленно продвигались вперед, девушки, стоявшие по сторонам, осыпали нас розовыми лепестками. За девушками расположились шеренгами танцоры и барабанщики, а на заднем плане, под садовой стеной Маршанского дворца, стояли лошади с наездниками в форме, неподвижные как статуи. Я только радовался, что небо ясное. Даже несколько дождевых капель испортили бы сотню вечерних платьев. Организацию идеальной не назовешь – гостей заставляли ждать полчаса на улице, чтобы попасть в узкий проход прямо у ворот. Там мы показывали приглашения, наши фамилии проверяли по списку, а затем впускали по одному. Очередь тянулась и через весь двор. Наконец нам выдали карты местности и распределили по шатрам. Я насчитал их штук девять на площадке для приема гостей. Там стоял наш расплывшийся в улыбке хозяин, сын-вья по бокам и Элизабет Тейлор на стуле. «Вот увидите, как она разжирела!» – предупреждали меня. Но мне она не показалась жирной – скорее, дородной и аппетитной. Наверное, она устала: нелегко, когда тебя знакомят с девятью сотнями людей подряд. Я отказался от шампанского и стал прокладывать себе дорогу сквозь толпу, пытаюсь найти шатер, к которому меня прикомандировали. Карточек с именами не было. Я уселся за пустой стол, но официант попросил меня пересест за другой, тоже пустой. Похоже, есть никто не спешил. Мой стол в конце концов заполнился гостями, среди которых были губернатор, шеф полиции и военный, увешанный медалями. За соседним расположились Малколм Форбс и его семья. Мисс Тейлор сидела слева от него, спиной ко мне. Наследник престола – справа. Три часа я ел и наблюдал за их столом. Француженка рядом со мной постоянно шепотом отпускала замечания об «устрашающих» плечах Элизабет Тейлор и «почти японском» лице наследника престола. Я ответил, что у него всегда каменное лицо и он очень мало говорит. Мне-то показалось, что ему просто невыразимо скучно, и если так, его можно понять.

22 августа

Те, кто не попал на званый ужин Форбса, спрашивают: «Как там было-то? Отвратительный фарс?» Столь откровенно коммерческое мероприятие не назовешь настоящим фарсом. Шестьдесят лет назад его называли бы «шикарным и грандиозным»; разница лишь в том, что в данном случае эти эпитеты уместны.

26 августа

Человек по фамилии Жанковичи, руководящий парижским издательством «Эдиссон де ла дифференс», возит мне книги по искусству (очень хорошо изданные), надеясь, что я напишу текст для тома с репродукциями картин *Mal-*

*lorquín*²² по фамилии Барсело. Еще я работаю над материалом для мюнхенского журнала и пытаюсь подготовить третью часть этого «Journal Tangérois»²³ для Бриатта и «Либрери Плон». Мне пришло в голову, что из книги о выставке Барсело можно сделать художественное произведение. Он пишет бледные, в основном монохромные гуаши. Если проиллюстрировать их каким-нибудь рассказом, живопись и литература могли бы дополнить друг друга.

27 августа

Теперь Бертолуччи считает, что я должен появиться в некоторых сценах фильма. Я не понимаю толком зачем и потому подозреваю, что это просто причуда и, возможно, рано или поздно он передумает. Ричард Горовиц собирает материалы для звуковой дорожки: надеюсь, он не считает, что марокканская музыка – адекватный акустический фон для алжирской Сахары.

1 сентября

Баффи сегодня уехала в Нью-Йорк. Вчера мы пообедали в саду «Гюитты», после чего Баффи сказала: «Она потеряла клиента», – имея в виду Мерседес, которая управляет заведением в одиночку. Камбала была далеко не свежей. Слишком много насекомых: десятки мух, по скатерти бегали муравьи, а нахальный шершень ползал по моей рыбе и жадно грыз ее весь обед. После обеда пошел с Умберто Пасты (из итальянского «Вог») и его коллегами на Авенида де Эспанья и много фотографировался.

4 сентября

Сегодня из Триполи должен прибыть королевский корабль, так что все закрыто, рынок заперт на висячий замок, а улицы забаррикадированы. Чтобы добраться до «Альмохадов», нам с Абд аль-Уахаидом пришлось брести пешком обходными путями через грязь и груды гравия. (В городе бедлам – повсюду как грибы растут большие многоквартирные дома.) В «Альмохадах», где расположен офис «Сахарской компании», с меня сняли мерку для художника по костюмам, который сейчас в Лондоне. Какую одежду он будет для меня шить и в каких сценах я буду ее носить?

5 сентября

Тысячи людей, ждавших на побережье королевский корабль, напрасно потратили весь день. Судно прибыло вчера вечером, во время очень громкой и затяжной грозы, и короля быстренько пересадили на поезд до Ра-

22 Житель Майорки (исп.).

23 «Танжерский дневник» (фр.).

бата. Ни он сам, ни члены правительства не доверяют жителям Танжера, поэтому король старается по возможности сюда не приезжать. Я никогда не понимал чиновничьей неприязни к Танжеру и Тетуану, но, вероятно, у тех, кто ее испытывает, есть свои основания. Сегодня после обеда снова ходил в «Альмохады» с письмом для Бертолуччи: он как раз позвонил из Тафилальта и сообщил, что там очень жарко. Сказал мне, что завтра едет в Алжир – в Бени-Аббес. Там будет еще жарче.

ЛЮДИ, УПОМИНАЕМЫЕ В ТЕКСТЕ

БАШИР АЛЬ-АТТАР – марокканский музыкант, лидер группы «Мастера-музыканты из Джаджуки» (*Master Musicians of Jajouka*), играет на *лиаре*, *райте* и *гинбри*, записывался с Миком Джаггером и «Роллинг Стоунз».

БАФФИ ДЖОНСОН – американская художница и писательница, автор книги «Повелительница зверей: древние образы Богини и ее священных животных» (*Lady of the Beasts: Ancient Images of the Goddess and Her Sacred Animals*, 1988), посвященной женскому началу в различных религиях.

ПРИНЦЕССА ЛАЛЛА ФАТИМА ЗОХРА – дочь султана Мулая Абд аль-Азиза и кузина Хасана II, нынешнего короля Марокко²⁴.

ГЭВИН ЛАМБЕРТ – британский романист, рассказчик и сценарист. Новейшая его книга – биография актрисы Нормы Ширер.

МОХАММЕД МРАБЕТ – марокканский рассказчик, автор многочисленных книг, переведенных на английский Полом Боулзом, в том числе романов «Лимон» (*The Lemon*, 1969), «Любовь с парой волосков» (*Love with a Few Hairs*, 1967) и автобиографии «Посмотри и двигайся дальше» (*Look and Move On*, 1976).

РОДРИГО РЕЙ РОСА – гватемальский писатель. Пол Боулз перевел на английский его сборники рассказов «Нож бедняка» (*El cuchillo del mendigo*, 1986), «Пыль на ее языке» (*El agua quieta*, 1989) и роман «Проект Пелкари» (*Cárcel de árboles*, 1991).

ФИЛЛИП РЭЙМИ – американский композитор и писатель, давний составитель программы Нью-йоркской филармонии.

«ХЕРЕС ДЕ ЛА ФРОНТЕРА» (ЧЕРИ НАТТИНГ) – американский фотограф, жена Башира аль-Аттара. Ее фотографии публиковались, в частности, в *Boston Sunday Globe Magazine* и швейцарском журнале *Du*.

ГЭВИН ЯНГ – бывший зарубежный корреспондент газеты *The Observer*. Автор знаменитых книг «Медленные лодки в Китай» (*Slow Boats to China*, 1981) и «Медленные лодки домой» (*Slow Boats Home*, 1985).

Перевод Валерия Нугатова

24 Мулай Хасан Алауи (1929–1999), был королем Марокко в 1961–1999 гг.

САЙМОН БИШОФФ

РАЗГОВОРЫ С ПОЛОМ БОУЛЗОМ

Танжер, 1989–1991¹

Боулз: Я не знаю ни одного телефонного номера, потому что у меня нет телефона. Никогда его не устанавливал. Да я и ненавижу говорить по телефону.

Бишофф: Но ведь одно время у вас тут был телефон?

Боулз: Да.

Бишофф: И что?

Боулз: Я его снял со стены. Он не работал: молчал пятнадцать месяцев. Его чинили, потом рабочие уходили, а он все равно не работал. В конце концов, признали, что починить невозможно. Оказалось, что кабель где-то на улице перерезан. Здесь ни у кого нет телефона. В доме никто не живет. Моя квартира иногда была единственной, в которой кто-то жил; все остальные пустовали. Не удавалось сдать. Марокканцев они не пускали, только европейцев. Но обычно европейцы не хотят жить в таких маленьких квартирах: им нужно больше места. Так что ничего не удавалось сдать. Теперь тут кругом марокканцы. После независимости сменился владелец, и им пришлось впустить марокканцев. После независимости тут стало демократичней. Марокканцев начали пускать в рестораны. Прежде они могли только ходить в марокканские заведения, а большими ресторанами владели европейцы, французы. Я пытался провести Ахмеда Якуби² в один ресторан. Несколько раз его пускали. Потом вышел человек и сказал: «Il ne peut plus entrer ici, Monsieur!»³ Я спросил: «Это почему же?» И тут его жена сказала: «Il nous est hostile!»⁴ В отели им тоже не разрешалось входить. Если им нужно было войти в «Минзу»⁵, их останавливали. Ну, в бары им и так, и так было нельзя. Они могли только ходить в свои кафе, в медине. Это была колония. Марокканцы были подчиненные люди, второго сорта.

1 Саймон Бишофф (р. 1951) – фотограф и кинорежиссер. Записи его разговоров с Полом Боулзом публикуются по изданию. Paul Bowles. How Could I Send a Picture Into the Desert? Zurich, *Scalo*, 1994.

2 Ахмед Якуби (1931–1985), марокканский художник, бойфренд Пола Боулза.

3 Он не может сюда войти, мсье (фр.).

4 Он наш враг (фр.).

5 Пятизвездочный отель в Танжере.

Бишофф: Как вы могли жить в стране, где проводилась такая политика и существовал расизм?

Боулз: А что я мог поделаться?

Бишофф: Могли бы уехать.

Боулз: Уехать? Нет, но я писал об этом. Я признавал, что это несправедливо. Но зачем мне было уезжать? Меня они тоже не любили. Американский посланник говорил мне, что всякий раз, когда я ездил на юг Марокко, ему звонили французы: «Monsieur Bowles est ici, можно нам его арестовать?» А он говорил: «Нет, нет» и все в таком духе. Я все время был на грани ареста. Потому что я общался с марокканцами, это было запрещено.

В Тунисе мне было еще хуже! В каждом городе меня задерживали, тащили в участок, и мне приходилось показывать документы, объяснять, чем я занимаюсь. Они думали, что я немец, не знаю почему. Это было в 1933 году.

(Звонят в дверь. Почти каждый вечер, когда Боулз ест в постели, приходит мальчик или девочка вытряхнуть мусорное ведро.)

Боулз: Это девчонка была?

Бишофф: Да, девчонка.

Боулз: Ей запрещено входить, когда я ем! Хотя она все равно этого не поймет. Она не знает, который час, не знает, когда я ем. Хотя и должна. Я ей говорил! Но она приходит, когда ей вздумается, а меня это раздражает. Иногда она звонит, а я не отвечаю, потому что не слышу. И тогда она начинает... *(стучит по деревянному подносу)*, пока я не услышу. Тогда я должен все это убрать, выходить... Я должен дать ей ведро, и она уходит. Затем я должен ждать, когда она вернется. Иногда ее нет целый час. Я никогда не знаю, когда она вернется, от марокканцев не ожидаешь точности. Когда они строят дом, точности тоже нет, углы не 90 градусов. Маленькие дома перекошены.

Бишофф: Если дома не падают, это неплохо.

Боулз: Падают? Нет!

Бишофф: В этом-то и прелесть старой медины, что дома неправильные.

Боулз: Да, это так. Но в современных домах это нехорошо.

* * *

Боулз: Хиппи для меня ничего не значили. Я всегда считал это буржуазным движением – молодые люди, которые хотят вырваться из буржуазной среды. Они не были пролетариями, многие из них бросали учебу и не хотели больше заниматься.

Бишофф: А идеологически вы им сочувствовали?

Боулз: Не было у них никакой идеологии. Нет, некоторые были мне симпатичны, другие не нравились. Как любые люди.

Бишофф: А как антибуржуазное движение?

Боулз: В этом смысле да...

Бишофф: Потому что говорили, что вы были первым, кто отверг западную цивилизацию, западный истеблишмент, первым из целого поколения.

Боулз: Да, так обо мне раньше говорили. Думаю, что хиппи или битники приезжали сюда, в Марокко, потому что слышали, что здесь легко и дешево найти киф. Наркотики были для них очень важны. Они вообще ничего не делали, только принимали наркотики. Если ты занят работой, у тебя нет времени, чтобы валяться и раздумывать, как плохи дела у тебя в стране или в твоей семье. Если действительно работаешь, ты можешь серьезно воспринимать только свою работу. Все остальное второстепенно.

Бишофф: Но нельзя спрятаться от повседневной жизни, приходится ее учитывать, как и других людей вокруг!

Боулз: Но что такое повседневная жизнь?

Бишофф: Ваши чувства и ощущения.

Боулз: Нет, повседневная жизнь – это работа. Так мне кажется. Просыпаешься утром и начинаешь ее делать, вот что такое повседневная жизнь! Ну, конечно, этим всё не исчерпывается. Тебе нужно есть, дружить с кем-то, не со многими людьми – иначе не сможешь работать.

Бишофф: Ведь курение кифа было важно и для вас тоже: может быть, для вашей литературной работы?

Боулз: Совсем не было важно! С кифом было легче сосредоточиться, я не так волновался. Не знаю, может для кого-то это и плохо, на всех действует по-разному. Многим это совсем не дает работать.

Бишофф: Киф активизирует воображение, возникают видения?

Боулз: Ну уж точно не видения!

* * *

Бишофф: Вы согласны с тем, что задача литературы – говорить правду?

Боулз: Не знаю... Говорить правду? Но ведь не в буквальном смысле, фактическую правду, нет. Можно сказать больше правды, если говоришь поэтическую правду, а не буквальную.

Бишофф: С другой стороны, может ли литература лгать?

Боулз: Лгать? Зависит от того, хорошо ли это у тебя получается. Многие замечательные книги – это всего лишь ложь: то, что никогда не случилось и случиться не могло. Но, если говоришь это особым образом, возникает более ясное ощущение реальности, чем от запротоколированной правды. Важнее всего конечный результат.

Бишофф: И он должен быть правдой, а не ложью.

Боулз: Но он может быть сотворен из лжи, разумеется!

* * *

Бишофф: Каким вы видите будущее Танжера?

Боулз: Ох, будущее! (смеется) Больше нет «танжерского стиля жизни», так что об этом незачем беспокоиться. Будущее Танжера – такое же, как будущее Ниццы, Брюсселя, скажем... любого европейского города. Мне кажется, Танжера вообще не осталось!

Бишофф: А как точно определить «танжерский образ жизни»?

Боулз: Точно? (смеется) Не знаю, что имел в виду Майкл Роджерс⁶, когда он давным-давно ввел в оборот это выражение. Он имел в виду бóльшую журналистскую свободу. Она была обречена задолго до того времени, за восемнадцать лет до этого, в 1956 году, когда Марокко получило независимость – на бумаге. Но потом потребовалось время, чтобы законы, написанные на бумаге, стали реальностью на улице. И надо признать, что после 1956 года произошли великие перемены. Даже в 1974. А теперь, еще пятнадцать лет спустя, уже нет никакого сомнения. Все перевернулось, все изменилось.

Бишофф: А еще через пятнадцать лет?

Боулз: Ох, ну, это будет в 2004 году... кто знает? Может быть, вообще никакого Танжера не останется. Может, его разбомбят алжирцы или испанцы... откуда мне знать? Невозможно представить, что стрясется в будущем. Любая неожиданность. Скорее, он станет больше похож на европейский город. Или к власти придут фундаменталисты и превратят его в восточный город – ливанский, иранский – что-то такое... Может, тут вообще больше не останется европейцев.

Бишофф: Считаете ли вы, что есть способ сбежать или защитить себя от власти цивилизации, технологии, или в целом от так называемого «современного образа жизни», который разрушил Марокко в последние сорок или пятьдесят лет?

Боулз: Нет. Как? Можно всячески сторониться этого, но... бороться с этим? Думаю, что нет.

Бишофф: Но кажется, что и у этого типа цивилизации тоже нет будущего?

Боулз: Разумеется, нет!

Бишофф: Таким образом, должны произойти очень быстрые перемены, иначе вообще все погибнет.

Боулз: Да, вообще все погибнет. Я в этом уверен – упадок, не знаю, как сказать. Говоря «все кончится», я имею в виду любой тип культуры или приемлемой жизни для конкретного человека. В будущем не останется места для личности: каждый будет поневоле частью группы.

Бишофф: И, вы думаете, человечество с этим смирится?

Боулз: Ну конечно. Человечество, полагаю, хочет только одного: чтобы было достаточно еды. Люди могут жить без свободы, если у них хватает еды.

* * *

Бишофф: В 1971 или 1972 году Хассан II, король Марокко, едва избежал покушения, подготовленного его же собственными офицерами. Что произошло потом?

Боулз: Не знаю. Может, всех казнили?

6 Майкл Роджерс (р. 1950) – журналист и писатель. Выражение «танжерский образ жизни» он использовал в интервью с Боулзом, опубликованным в 1974 году в журнале Rolling Stone.

Бишофф: А политическая ситуация сильно изменилась за последние пятнадцать лет?

Боулз: Да, я думаю, неприязнь к королю уменьшилась.

Бишофф: А чем этого объяснить?

Боулз: Наверное, процветанием. В целом, люди живут гораздо лучше.

Бишофф: Это означает, что король в каком-то смысле добился успеха?

Боулз: Да, люди им довольны.

Бишофф: Но людей пытаются в тюрьмах, и говорят, что есть специальные тюрьмы для политзаключенных на юге, вроде концлагерей — о них писал Жиль Перро⁷.

Боулз: Верно. Я однажды оказался в таком месте. Это был большой конц-лагерь посреди пустыни. Ужас! Я путешествовал с художником Кристофером Ванклином. Нождаданно мы увидели что-то вроде лагеря. Мы остановились, стали разглядывать, и тут появился солдат с ружьем. Он подбежал к нашей машине и сказал: «Сюда!» Мы спросили: «Куда вы нас ведете?» — «Сюда!». Говорил он довольно грубо. Так что мы последовали за ним, и он привел нас куда-то, там стояли два здания. Всюду были солдаты. Такой участок в пустыне, окруженный тремя большими линиями колючей проволоки, точно тремя змеями. Тут они начали нас допрашивать: «Вы откуда?» Мы ответили: «Только что приехали из Таты» — «А здесь что делаете?» — «Солдат нас сюда привел!» Потом они проверили наши документы и сказали, что у нас нет права здесь останавливаться. «Мы и не хотели здесь останавливаться, нас заставили». Это им все не понравилось. Они не хотели, чтобы иностранцы видели это место. Так зачем они нас сюда привели?! Тут они заперли нас в комнате без столов и стульев, там не было ничего — только грязный пол. Там было много таких комнат, одна за другой, вроде тюремных камер. И мы ничего не могли поделать. В конце концов, они сказали: «Давайте, давайте, уходите! Убирайтесь с глаз долой!» Так что мы вернулись обратно в лагерь и поехали в другую сторону. Это было лет тридцать назад, в 1960 или 1961 году, кажется. Они были очень грубы, совершенно без всякой причины. Так что у меня осталось очень неприятные воспоминания об этом месте, Фоум-эль-Хасан — это очень смешное название: Рот Короля. Рот Хасана — там никакого города, ничего, только этот лагерь...

Бишофф: Книга Перро наверняка запрещена в Марокко.

Боулз: Разумеется. Любого, у кого она есть, посадят в тюрьму, и любого, кто ее читал, могут посадить. Правительство отпечатало тысячи листовок, воззваний: «Как граждане Марокко, мы протестуем против публикации этой книги». К тому же марокканцам нельзя слушать французские радиопередачи или смотреть французское телевидение, это запрещено! Они устроили большую кампанию. Причем любой, кто подписывает это воззвание, должен платить пятьдесят дирхамов, так что власти заработали на этом много денег — миллионы. Король не просто разозлился, он воспользовался случаем, чтобы организовать рекламную кампанию.

7 Книга Жилья Перро «Наш друг король» (1990).

Бишофф: И людей заставляли подписывать?

Боулз: Да, косвенно заставляли. Вы знаете, как это тут делается: к примеру, король строит новую мечеть. Любой марокканец обязан сделать вклад, а наверху решают, сколько каждый человек должен заплатить. Мой друг, марокканец, был учителем в деревушке возле Шавена, в горах. Он описывал, что произошло в деревне. Были, если не ошибаюсь, три человека, которые не хотели платить... да, очень большие суммы были назначены, которые они должны были заплатить, и они сказали: «Мы не можем!». Тогда пришли солдаты и заявили: «Правительство знает, что вы можете заплатить, мы знаем, сколько у вас денег: давайте, платите!» – Но они отказались. Тогда – а была зима – троих человек и их сыновей раздели. Тут считается великим унижением оказаться голым перед другим мужчиной или перед женщинами. Они вытащили их и поволокли по улицам, избивая. Так поступают со всеми, кто не платит то, что обязан. Такое творится по всей стране. Если не платишь, жди беды. Вот для чего ты живешь здесь, вот для чего ты в Марокко – платить.

* * *

Боулз: Я никогда не понимал антисемитизма так называемых интеллектуалов. Можно понять антисемитизм люмпен-пролетариата, невежественных, необразованных людей, которые слушают политические лозунги и речи. Можно понять антисемитизм дураков. Интеллектуал может ненавидеть одного еврея или другого, но не всех евреев в целом, это глупость.

Бишофф: Меня всегда удивляло, что марокканцы часто восхищаются Гитлером.

Боулз: В основном, потому, что они слышали, что он убил много евреев. Это единственная причина.

Бишофф: Стало быть, они антисемиты?

Боулз: Ну, они часто приводят цитаты из Корана против евреев. Но в Коране можно найти и слова Пророка о том, что евреев нельзя угнетать. Хотя, спору нет, он был против них. Это ведь его зять, Али, развязал войну против евреев и многих убил. Без всякой серьезной причины – просто потому, что они не мусульмане. И, как повествует легенда, все погибли, все мужчины-евреи были убиты. Тогда женщины пришли с жалобой к Пророку: «Теперь у нас нет мужей, больше не будет детей, как нам быть?» И Пророк сказал: «Не волнуйтесь, вы ведь знаете, где похоронены ваши мужья?» Они ответили: «Да, на кладбище!» – «Каждая из вас должна придти туда и лечь на могилу мужа, и вы понесете». Так они и поступили, и у всех родились дети. Этих детей мусульмане называли «абнаа-джифа». «Джифа» – это падаль, хуже отбросов. Так что с тех пор они стали называть евреев «детьми падали» и считали, что у них внутри живут черви. Марокканцы по-прежнему в это верят.

Бишофф: Марокканцы также считают, что евреи занимаются кровосмешением.

Боулз: Такого я не слышал. Они это говорят о фесцах и, конечно, говорят, что фесцы – евреи, так что... С чего они это взяли, понятия не имею. Они считают, что фесцы в принципе аморальны. Не любят их. Ненавидят.

Бишофф: Вы ведь всегда любили Фес больше Танжера?

Боулз: О да, это правда. Я ездил туда каждую зиму и несколько месяцев жил в отеле. Там гораздо интереснее, город старше. Архитектура, разумеется, любопытнее... и город больше... Они всегда больше тратили на образование, больше, чем тут. Хотя теперь почти все одинаково. Одинаковое образование, не религиозное. У них есть Карауин⁸. И история города намного интереснее танжерской, конечно. Но сейчас очень многие, кто там живет, не из Феса. Приехали откуда-то. Ахмед Якуби – его отец из Феса, а мать горянка.

Бишофф: Почему же вы поселились в Танжере, а не в Фесе?

Боулз: Тут было намного проще в финансовом смысле, намного лучше из-за Интернациональной зоны. Если у вас был банковский счет здесь, в Танжере, можно было получить вдвое больше за доллар во франках или песетах. Если вы меняли доллары в Париже или Касабланке, было время, когда за доллар давали 220, а тут 550! Жизнь здесь была очень дешевая. И можно было держать все деньги здесь в банке и поехать в Париж, жить в Париже и менять по танжерскому курсу, телеграфируя в свой банк. Так что удавалось очень дешево жить в Париже или Мадриде. Это было замечательно! Это была основная причина жить здесь, а не в Фесе. То же самое – если вы ездили в Фес или Марракеш или куда угодно, вы тут меняли деньги, а тратили там.

И жизнь тут была проще, конечно. Очень космополитичная из-за Интернациональной зоны, полно европейцев и американцев. А там остаешься почти один. Там жили колонисты-французы – в основном, корсиканцы, не очень приятные люди. Самые настоящие корсиканские крестьяне, которых французы поощряли приезжать сюда и колонизировать марокканские земли. И они были безжалостны с марокканцами, ужасно себя вели, хуже, чем настоящие французы. Так что в целом они были не очень приятные люди – эти так называемые французы в Марокко. У них выходила своя газета в Фесе, на корсиканском языке. Корсиканский – это смесь итальянского и французского, но больше от итальянского.

Так что мы жили здесь. Кроме того, Джейн⁹ любила Танжер больше, чем Фес. Думаю, что, как большинству европейцев, Фес внушал ей клаустрофобию из-за высоких стен, туннелей, лабиринта медины... Это ее раздражало. Мне это нравилось, а ей нет. Большинству моих друзей не нравилось. Они ездили туда посмотреть, а потом, вернувшись, говорили: «Да, да, на это стоило взглянуть, хорошо, что мы вернулись». Думаю, город им казался зловещим. Я в Фесе не чувствовал ничего зловещего.

Бишофф: Вы однажды написали, что Танжер для вас – город снов.

8 Университет в Фесе, построенный в IX веке н.э.

9 Джейн Боулз (1917–1973) – жена Пола Боулза.

Боулз: Да, потому что он мне снился, когда я уезжал куда-то. Сейчас в нем нет этих черт, он изменился. Нельзя сказать, что стал неузнаваем, но он не тот, что 50 лет назад. Улицы были темные, много туннелей. Теперь их уже не сыщешь.

Бишофф: А как выглядел Танжер после независимости?

Боулз: Трудное было время для европейцев. Было запрещено ввозить туалетную бумагу. И никто не понимал почему. А марокканцы говорили: «Потому что ее производят здесь». Но это неправда. Они не умели ее делать. Так что приходилось покупать марокканскую туалетную бумагу, и часто рулон весь разваливался, он был из кусочков, какая-то ерунда, вроде целлюлозы или женских прокладок, совсем не годился. И люди ужасно жаловались, а англичане, всякий раз, когда кто-то уезжал за границу, говорили: «Только не забудь бумагу!» И они привозили горы английской туалетной бумаги. А на таможне иногда спрашивали: «Это что такое? Вынимайте! Ввозить нельзя!» Невероятно! Конечно, марокканцы ее вообще не использовали. Так почему же они не разрешали ее ввозить для горстки неверных? Теперь они научились ее делать, хоть как-то, но она все равно не очень хорошая. Достать европейскую или американскую туалетную бумагу невозможно. Вся только марокканская. Вообще не понимаю эти законы. Вряд ли они догадывались, что европейцам тяжело обходиться без туалетной бумаги. Но если скажешь им, они отвечают: «Это мерзость! Это плохо, ее все равно надо запретить. Цивилизованные люди не пользуются туалетной бумагой, они подмываются, как марокканцы!» Это кошмар, потому что когда марокканцы ходят в туалет, он весь залит водой, которую они не вытирают. Просто оставляют воду на полу.

* * *

Боулз: Как-то раз я сидел на террасе кафе, а рядом сидели французские дамы, у одной была маленькая собачка. И тут на улице появился старый марокканец в джеллабе. И собачка прыгнула, подбежала к марокканцу и стала лаять. *Sissy, veux-tu!.. Il ne peut pas les sentir.* «Сиси, иди сюда!.. Она не выносит их запах».

* * *

Однажды я ехал на автобусе, на юге Марокко. В те времена на автобусах ездили только французы, и водитель был француз. Внезапно он сбил марокканскую женщину, которая шла по дороге. Наверняка она была ранена, но он не остановился... просто поехал, а она осталась лежать. Только сказал: «Это всего лишь фатма»¹⁰. Ужас! И я сидел в этом автобусе.

И в Фесе тоже. Однажды я увидел двух марокканок, которые вошли в лавку, принадлежавшую француженке. Они просто смотрели, но француженка стала на них орать: «Что вы тут делаете! Немедленно убирайтесь

10 Марокканская женщина (от имени дочери пророка Мухаммеда – Фатимы).

из магазина!» Вы знаете, марокканцам было запрещено заходить туда, где были французы.

* * *

Боулз: Вчера вечером приходили два адвоката... Я должен заплатить им 500000 франков, это 5000 дирхамов, потому что владелец дома, банк в Касабланке, требует, чтобы я судился с женщиной, живущей на втором этаже, поскольку она не хочет съезжать из квартиры, которую я снимал 30 с лишним лет назад — у меня есть контракт. А когда я переехал на верхний этаж, там поселился итальянец, а потом марокканка. Она действительно платит какие-то гроши за эту квартиру и предложила владельцу в три раза больше, но он отказался. И вот они решили, будто это моя вина, что эта женщина не съезжает, поскольку это я ее впустил. Так что я должен участвовать в суде против нее. В противном случае они меня выселят. И они могут. Достаточно, чтобы кто-то сказал, что у меня в квартире курили киф. Если какой-то сосед скажет, что он почувствовал запах кифа. Потому что тринадцать лет назад мне пришлось подписать контракт, что в моей квартире не будет никаких наркотиков. Пришлось подписать, бред какой-то. Или если скажут, что я принимаю здесь марокканцев, будет достаточно, чтобы меня выселить. Год назад приняли новый закон о том, что марокканец не имеет права появляться на улице рядом с иностранцем. Бред, но это правда. Насколько я знаю, здесь его не применяют, но на юге, в Агадире, где много иностранцев, немцев, да... Так что если идешь по улице, и марокканец подходит и говорит: «Я пойду с вами», а тебя останавливает полиция, и у марокканца нет удостоверения гида, они тебя спросят: «Почему он с тобой?», а ты отвечаешь: «Да я только что встретил его на улице», они говорят: «А почему вы его не прогнали?» и ведут тебя в участок. «Вы нарушили закон, но если вы заплатите, мы забудем». Все это ради того, чтобы содрать деньги. Ничего не случится с тобой в Марокко, кроме того, что придется раскошелиться. Что бы ни произошло, приходится платить. Вот в чем все дело!

* * *

Бишофф: Вы никогда не учили арабский.

Боулз: Нет, у меня не было времени! Поначалу у меня не было желания. Потом у меня не было времени учить арабский. Я был занят работой — писал, сочинял музыку. У меня не было желания учить его, потому что не было ничего, что я хотел бы прочитать по-арабски. А если хочешь научиться читать, нужно, как говорят Белые Отцы¹¹, заниматься восемь лет, целыми днями, с утра до вечера.

Бишофф: Чтобы читать что?

Боулз: Вот то-то и оно, читать нечего!

Бишофф: А как же Коран?

11 Французские миссионеры в Африке.

Боулз: Ну, его можно прочитать и на других языках. У меня он есть на французском, английском и испанском – на арабском нет. Джейн учила арабский в Париже, перед приездом сюда. Не очень долго учила. Здесь она через день училась диалекту. Говорить на нем можно, а читать нельзя. Чтобы читать, нужно знать арабский. Придется учить два разных языка – арабский и разговорный арабский. И есть вариации, конечно, по всему Марокко, от города к городу, но это один диалект среди тех, кто говорит по-арабски. Потому что есть несколько миллионов тех, кто по-арабски не говорит, у них свои языки – у берберов, например...

* * *

Бишофф: Когда вы начали фотографировать?

Боулз: Только когда купил «Фохтлендер», а это было в 1938, но много я не снимал. Я фотографировал Джейн. Только в Марокко я начал снимать по-настоящему.

Бишофф: А что случилось с вашей камерой?

Боулз: С «Фохтлендером»? Понятия не имею. Он исчез, «Цейсс Икон» и «Лейка» тоже пропали. Странно, что вообще сохранились негативы, потому что я никогда их не хранил, просто бросал в ящик стола. Если снимок печатали в книге, я думал, что он больше не нужен.

Бишофф: А что случилось с теми испорченными пленками? Почему свет попал в камеру?

Боулз: Не понимаю. Наверное, какой-то бестолковый марокканец открыл ее. Они всегда так делают, чтобы посмотреть, сколько осталось пленки.

Бишофф: Наверное, им интересно, что внутри камеры, хотя открыть тайну.

Боулз: Возможно! Но там ничего нет. Должно быть, они очень огорчены, когда обнаруживают, что там нет никакого механизма.

* * *

(Мрабет¹² кричит.)

Боулз: Ana maoujoud! Меня зовут лечь! *(Боулз ест в кровати.)*

Бишофф: Вы всегда едите курицу.

Боулз: Это то, что Мрабет мне готовит.

Бишофф: Можете попросить что-то другое.

Боулз: А что?

Бишофф: Ягнатию.

Боулз: Ягнатию? Ее здесь нет. Они ее не едят. Они не убивают молодых овец. У них тут только баранина, а это совсем другое. Врач не велел мне есть баранину, в Марокко она слишком жирная. Из нее мастерят сальные свечи.

Бишофф: Что вы собираетесь делать после ужина?

12 Мохаммед Мрабет (р. 1936) – марокканский сказитель, истории которого записывал и переводил Пол Боулз.

Боулз (барабанит пальцами по деревянному подносу): Хочу прочитать почту и написать несколько писем. У меня горы писем, я многие выбросил, не ответив. Вчера целую стопку выбросил. Я не могу на них отвечать. Ну, я не знаю этих людей, почему я должен им писать? Много женщин пишет: «Я видела вас в передаче «Апострофы»», множество таких писем. И все чего-то хотят. Присылают всякое. Стихи, которые они написали, рассказ или просто свою автобиографию: где они родились, в какую школу ходили, чем занимались. Невероятно! А потом выясняется, что этим женщинам пятьдесят, шестьдесят лет, почти как мне. Наверное, нужно отвечать, но у меня нет времени. Мне стыдно, что я не могу ответить; если бы у меня был секретарь, я бы его попросил. Однажды у меня возникла хорошая идея: я напечатал письмо, сделал много ксерокопий и послал пятидесяти адресатам: «Простите, я посылаю вам это формальное письмо, потому что я болен – это правда, я действительно болел – и я не могу больше писать, а просто хочу сказать, что я получил ваше письмо, спасибо и до свиданья!» (смеется). И тут же получил множество ответов: «Надеюсь, вы поправились!» Вот так! (смеется).

Бишофф: А что хотели эти старухи, которые видели вас в «Апострофах»?

Боулз: Может быть, им понравилось то, что я сказал ведущему, Бернару Пиво. Многие, наверное, думают, что я слишком добр с теми людьми, которые ко мне приезжают, потому что Бернар Пиво сказал: «Почему вы пускаете всех этих людей?!» А я ответил: «Потому что они приезжают». Все засмеялись, так что, наверное, это прозвучало смешно. Но это была правда! Именно поэтому у их пускаю.

Даниэль Родо из «Либерасьон» написал мне четыре года назад и прислал вопрос: «Почему вы пишете?» Я выбросил его письмо. Я никогда не слышал о «Либерасьон», мне это ни о чем не говорило. Я получил еще одно письмо: «Полагаю, что вы не получили мое первое письмо? Почему вы пишете?» Я и это выбросил, еще в большем раздражении. Потом кто-то другой мне написал: «Даниэль Родо пытается связаться с вами и хочет получить ответ на свой вопрос». Так что я ответил очень быстро: «Дорогой Даниэль Родо, я пишу, потому что я жив!» И он решил, что это замечательно, и опубликовал. Это единственный вменяемый ответ, разве нет? Если вы писатель и вы живы, так почему бы вам не писать?

Бишофф: Очевидно, он хотел узнать, почему вы стали писателем?

Боулз: Об этом он меня не спросил! Он спросил, почему я пишу!

Бишофф: А что бы вы ответили на вопрос, почему вы стали писателем?

Боулз: Отвечу, что я ничего другого не умею делать!

Бишофф: Но вы ведь были композитором.

Боулз: Я умею сочинять музыку, да. Но я не мог бы стать композитором здесь, в Танжере. Необходимо пианино.

Бишофф: Ну, невеликая проблема.

Боулз: Колоссальная проблема – это невозможно! Когда Танжер был европейским городом, тут были музыкальные магазины – два, по меньшей

мере, французские, можно было взять пианино напрокат. Теперь невозможно достать, даже если хочешь купить.

Бишофф: Но ведь нетрудно выписать из Испании.

Боулз: Скорее всего, его не пропустят, ведь оно деревянное. Мне придется купить железное пианино. Уже представляю, как оно прибывает в порт, его сгружают и разглядывают: – «Вы не можете ввозить это, мсье». – «Почему?» – «Оно деревянное». – «Ах, да». Мне даже это не позволили бы ввезти (показывает на электронное мини-пианино).

Бишофф: А как вы его достали?

Боулз: Один француз приехал, у него оно было в трейлере. Такой большой трейлер, с кроватью, кухней, горячей водой, душем... и вот этой штукой! Я сказал: «Какая замечательная вещь!» Он спросил: «Хотите купить?» Я подумал, согласился, и мы договорились о цене. Даже помню, сколько я заплатил. Я платил долларами: 450 долларов. Хорошее, «Филипс», очень мощное. Оно у меня уже 15 лет и прекрасно работает. Но я написал на нем всего одну или две вещи. Я привык к пианино, а здесь клавиатура такая короткая, приходится воображать, как это будет звучать на пианино. Думаю, на нем можно написать струнный квартет. Там не нужна большая тесситура.

Бишофф: Так это главная причина, почему вы больше не пишете музыку – отсутствие пианино?

Боулз: Да, но дело не только в этом, мне все равно его тут некуда поставить в квартире, нужен дом. Это была бы совершенно другая жизнь. Я не против, но это очень дорого! Прежде всего найти дом – тут ни одного не найдешь! Почти невозможно снять дом с обстановкой; пустой – да, но ведь придется покупать мебель. У меня нет обстановки для дома. У меня вообще нет мебели! Здесь все ужасно дорого и все равно плохого качества. Раньше марокканские вещи были хорошие. Сомневаюсь, что они хороши сейчас. Все, что я вижу, мне совсем не нравится, потому что это наполовину европейское. Они используют европейские ткани, наносят на них европейские узоры, вечно накрывают свои тайфоры¹³ этим ужасным материалом, который называют «формика», что-то вроде пластика. Ужас! Несколько месяцев уйдет на то, чтобы обставить дом. У меня нет времени, сил и даже интереса. Нет, я абсолютно счастлив здесь, пока мне дают здесь жить, и я не думаю, что они выгонят меня отсюда.

Бишофф: А могут?

Боулз: Из Марокко? Да! В любой момент. Каждый год приходится обновлять вид на жительство. И когда это делаешь, нужны три копии письма из твоего банка с указанием, сколько точно у тебя денег, откуда ты их получил, как их перевели... много всего. Каждый год масса проблем. А бывает, что они не хотят давать. Я ждал два года и два месяца разрешения. Я по-прежнему здесь, как видите. Но у меня нет вида на жительство! И в любой момент, когда ты живешь без разрешения, они могут сказать, что за-

13 Низкий обеденный столик.

прещают тебе здесь находиться, и придется уехать. В прошлом году у меня шесть месяцев не было разрешения. Ждал, ждал и ждал. Даже дольше: не шесть, а восемь месяцев. И наконец оно пришло – как раз перед тем, как его срок истекал. Еще четыре месяца, и оно заканчивалось. Безумие, я этого не понимаю.

Так что они могут отказать в любой момент. Нужно подать заявку и через какое-то время что-то происходит. Они говорят – либо «удовлетворено», либо «отказано». Если отказ, приходится уезжать. Они так сделали с Альфредом Честером. Но он сам напрашивался на неприятности. Если ты портишь дома, все бьешь и ломаешь, можно такого ожидать. Он за все заплатил, но я ему не помогал.

Бишофф: А что за человек был Альфред Честер?

Боулз: Безумец. Сумасшедший, совершенно сумасшедший!

Бишофф: В каком смысле?

Боулз: Во всех смыслах! Я впервые встретил его в Нью-Йорке в доме женщины по имени Энн Морисетт, и он мне показался очень интересным и образованным. В тот вечер он говорил о Сюзан Зонтаг. Он вдруг сказал мне: «Ну пошли! Вставай!» Со всеми попрощался, мы вышли и пошли к Зонтаг. Так я с ней познакомился. А оттуда мы пошли к Джеймсу Болдуину, негритянскому писателю. Альфред знал всех. Он жил в Париже девять лет, когда мы снова встретились. Тогда он еще не был такой сумасшедший. Он сошел с ума в Марокко. Сюзан Зонтаг тоже так считала. А я ей сказал: «Знаю, но ведь мы все сумасшедшие». А она: «Нет, он по-настоящему сумасшедший. Он ведь лежал в сумасшедшем доме».

Бишофф: А почему он сошел с ума?

Боулз: Ну, он влюбился в Марокко, его тут все восхищало, он курил много кифа и стал пить коньяк. Выпивал литр коньяка в день – это ведь очень много. Да еще с кифом... Его мозг никогда не был в нормальном состоянии.

Бишофф: То же самое произошло с Джейн, верно?

Боулз: Нет, она ведь не курила киф, а пить начала до приезда сюда. Так что Марокко не изменило ее так, как изменило Альфреда.

Бишофф: Вы не думаете, что марокканский опыт ее изменил?

Боулз: Не знаю, что с ней сделала Шерифа¹⁴, что она ей давала. Конечно, у нее было кровоизлияние в мозг. Но это, возможно, произошло от высокого давления из-за алкоголя. У всех врачей свои теории. Многие люди думают, что Шерифа давала ей что-то.

Бишофф: А зачем?

Боулз: Не знаю, зачем, разве что хотела ее убить. Но зачем ей это понадобилось? Она получала от нее деньги. Джейн давала ей деньги каждый день. Если вы получаете от кого-то деньги, обычно в ваших интересах, чтобы этот человек был жив. Она могла давать ей что-то, чтобы помрачить ее рассудок, так тут принято. Иногда они неточно определяют дозу и дают слишком много, парализуют жертву или сводят с ума, в зависимости от коли-

14 Шерифа – прозвище Амины Бакалии, танжерской подруги Джейн Боулз.

чества снадобий. Так что не знаю. Врач, лечившая Джейн, убеждена, что ей что-то давали, она всегда это говорила. Она 18 лет проработала в Марокко, в разных городах, и многим ее пациентам давали так называемую «магию», а на самом деле это разного типа яды. Она говорила, что встречала похожие случаи. Но доказательств нет. Кто может сказать? Шерифа никогда ничего не говорила. А я никогда ее не обвинял. Только она одна знает, делала она что-то или нет...

Бишофф: А она никогда не скажет!

Боулз: Нет! (смеется). Разумеется, нет. Надеюсь, никогда ее больше не увижу.

Бишофф: Почему Джейн в нее влюбилась?

Боулз: Понятия не имею! Не знаю. Разве такие вещи можно понять? Объяснения нет. Кто угодно может влюбиться в кого угодно. Можно объяснить, почему марокканцы влюбляются в европейцев: потому что у тех есть деньги! Но при этом они не имеют в виду то же самое, что и европейцы. Их представление о любви – это благополучие. Если кто-то обеспечивает им благополучие, они любят этого человека. Но они всегда опасаются, что благополучие может кончиться. И тут они начинают давать им наркотики, или подсыпать «магию» в еду, или даже пытаются убить.

Бишофф: А Шерифа ее любила?

Боулз: Нет!! Нет! Я думаю, совсем не в этом дело. Джейн обеспечивала ей благополучие. Вот что такое любовь для марокканцев: знать, что у тебя будет что поесть (смеется). Это относится к абсолютно неграмотным марокканцам, у которых ничего нет. Такие у них представления. Другие люди, которые умеют читать и писать, может быть, чувствуют по-другому. Так что теперь у молодых людей должно быть иное восприятие. Что-то вроде европейского представления о романтической любовной привязанности. Но в те времена такого не было. Это ведь произошло довольно давно, много лет назад...

Джейн все время работала над романом, который она не могла собрать вместе. Так что весь роман состоит из кусочков.

Бишофф: Почему она не могла его закончить?

Боулз: Понятия не имею. Ей не нравилось то, что у нее получалось. Она писала и перечеркивала всё, потом целую неделю пыталась переписать и снова все зачеркивала. Почти за двадцать лет не продвинулась. Только записные книжки, полные идей.

Бишофф: Это как-то связано с тем, что ей пришлось жить в Марокко?

Боулз: Нет, вовсе нет! Она написала два рассказа в Марокко.

Бишофф: Два рассказа и статью для журнала «Мадмуазель».

Боулз: Да. А потом вернулась к роману и попыталась его дописать. Но не смогла.

* * *

Мрабет (Боулзу): У тебя ведь есть моя книга о Честере?

Боулз: Какая книга? А, эта рукопись. Да, есть.

Мрабет: Она не опубликована.

Боулз: Мрабет хочет, чтобы я дополнил ее, рассказал ему что-то еще, чтобы он ее дописал.

Мрабет: Это прекрасная книга! Очень интересная!

Боулз: Она называется «Шоколадки и доллары» (*смеется*). Довольно длинная, можно сказать, что она вполне закончена. Но он не считает, что она готова. Там чего-то не хватает.

Мрабет: Ну, я посмотрю рукопись, и отошлем ее в «Сити Лайтс»¹⁵.

Боулз: Ну, не знаю.

Мрабет (смеется): Это прекрасная книга, Пол!

Боулз: Не знаю, там много смешного, он был очень смешной.

Бишофф: Честер ведь жил с марокканцем, Дриссом?

Боулз: Да.

Бишофф: Почему они разошлись?

Боулз: Они не расходились. Полиция выгнала Альфреда из Марокко. Ему дали восемь дней на то, чтобы он уехал из страны без права возвращения. Он дважды пытался вернуться, разными способами. Однажды приплыл на югославском корабле. В порту ему не дали сойти на берег. Он хотел повидаться с Дриссом. На следующий год прилетел на самолете. И в аэропорту его опять не впустили. Потом он вроде бы жил в Штатах. И, в конце концов, поехал в Израиль. Некоторое время жил в Иерусалиме. Не знаю, как долго: кажется, меньше года. Там он покончил с собой. Об этом писали в нью-йоркских газетах. Мне кажется, он всегда был сумасшедший. Он не расставался с огромной, толстенной книгой – Талмудом на иврите. Он знал иврит. Его мать хотела, чтобы он стал раввином. Но когда ему было лет девять, он чем-то таким заболел, и у него исчезли все волосы на теле: у него не было ресниц, вообще никаких волос, ужас. Дрисс всегда говорил: это все равно, что трахать младенца (*смеется*). Так что оказалось, что он не может стать раввином. У раввина должны быть волосы. Не знаю, почему (*смеется*). Так что он это дело бросил, и его мать, разумеется, заставила его носить парик. Он выходил из дома в парике, но, как только оказывался на улице, снимал...

Бишофф: А что же случилось с Честером в Марокко?

Боулз: Его выгнали из Марокко потому, что он ломал все дома, которые снимал. Ломал всё. Вбивал гвозди в матрасы, сжигал вещи, разбивал холодильники, бил раковину молотком, ломал стены. Ему нравилось ломать вещи.

Владелец пошел в полицию, сказал, что Честер сумасшедший, что он разломал два дома в Танжере и один в Арчиле, а потом пришел к нему в контору, кричал и визжал, оскорблял его секретаршу и его самого, конечно, тоже. И полиция дала ему восемь дней. Так что ему не удалось вернуться. Когда делаешь такие вещи, не удивительно, что тебя выселяют.

Бишофф: А с Дриссом он так и не встретился?

Боулз: Нет. Альфред ведь не мог вернуться в Марокко. И потом Дрисс нашел себе женщину из Голландии, и Альфред его больше не интересовал. Вероятно, она давала ему больше денег.

Бишофф: Обычно у марокканцев нет представления о физической красоте.

Боулз: Да, думаю, что нет.

Бишофф: Они больше думают о характере человека.

Боулз: Ну да, и дает ли он им денег на еду, покупает ли одежду. У Альфреда почти не было денег. Все, что у него было, он отдавал Дриссу. И тот готовил ему, занимался хозяйством.

Бишофф: Так что вы думаете, что сексуальные и любовные отношения основаны только на деньгах?

Боулз: Да, я думаю, это основное представление у марокканцев, что все можно свести к вопросу «сколько?» Так у них устроено сознание. Может быть, в деревне, где встречается молодая пара и женится, все по-другому. Они не думают о деньгах, но они несомненно думают о том, что родят детей, которые будут их содержать. И в этом смысле, не напрямую, они тоже думают о деньгах – да, абсолютно все! Небогатые люди по всему миру думают прежде всего об этом.

Мне надо прочитать письма Честера. Их готовят к печати, и редактор прислал их мне и сказал, что я должен их прочитать, потому что там обо мне много оскорбительных упоминаний. Совершенно ясно, что Честер был сумасшедший, но он ненавидел меня с такой силой, что не мог написать ни одного письма без того, чтобы не напасть на меня, выдумывал обо мне всякие ужасные истории. Не вижу никакого смысла разрешать их публикацию, мне это совершенно ни к чему. Вы бы разрешили? Он ведь просто врал. Придумывал все эти истории, чтобы изобразить меня чудовищем, ужасным человеком, который заслуживает смерти. Но у него ничего не вышло, так что я все еще жив! (смеется).

Бишофф: А что он против вас имел?

Боулз: Не имею ни малейшего понятия. Я и не знал, что он так враждебно настроен. Я был уверен, что он очень хорошо ко мне относится. Но всякий раз, когда мы встречались, он писал людям, что я монстр. Потом начал говорить, что я управляю его жизнью на расстоянии, посылаю мысли ему в голову... Воображал, что он чувствует все мои мысли, как будто через радио или еще какую-то систему. От этого он еще больше сходил с ума. Он пришел ко мне и стал орать, что я обманываю Ларби. Но это неправда, потому что я отдал ему всю выручку от книги, ничего себе не оставил. Но Альфред решил, что я вру, а на самом деле сделал состояние. Он всегда воображал, что у меня куча денег, и, в частности, поэтому меня не любил. И он говорил: я ненавижу богатых, и, конечно, Пол Боулз очень богат и *радин* – это на идише, скупец – у него столько денег, а он никому не дает... Не знаю, с чего он это взял. И он решил шантажировать Джейн. Обещал сообщить всем, какие мы с ней мерзавцы, если не получит немедленно 10000 дол-

ларов. Она решила, что это абсурд, просто смеялась. Я не знаю, я просто не понимаю людей...

Бишофф: Помните его рассказа «Сафари»?

Боулз: Конечно!

Бишофф: Это ведь про вас?

Боулз: Не сомневаюсь в этом. Я его однажды брал охотиться на скорпионов.

Бишофф: Правда?

Боулз: Да. Но он не очень лестно меня изобразил в этом рассказе, верно?

Бишофф: Здесь действительно принято охотиться на скорпионов?

Боулз: Да, я раньше это делал.

Бишофф: Но зачем?

Боулз: В каком смысле зачем? Это развлечение.

Бишофф: Я думал, что Честер все выдумал.

Боулз: Нет, я действительно взял его охотиться на скорпионов.

* * *

Бишофф: Что за человек был Ахмед Якуби?

Боулз: Очень странный, очень суеверный. Он считал это религиозностью, но... Когда он болел, он все время проклинал Бога: «Я ненавижу Бога, ненавижу... Ты слышишь меня? Я тебя ненавижу! Я вел достойную жизнь, а ты сделал меня таким!» Он, конечно, верил, был настоящим мусульманином. Но его реакция была немусульманской. Ни один добрый мусульманин не начнет кричать на Бога: «Я тебя ненавижу!» Это немыслимо.

Бишофф: Он отличался от Мрабета?

Боулз: О, да, очень. Якуби был «примитивным», его реакции были совсем первобытными. Вот что меня восхищало. Когда он заканчивал картину, он сидел перед ней минут десять и играл на флейте – говорил, что вдыхает в нее жизнь, потому что где-то слышал легенду о Боге, который вдохнул жизнь в Адама, вылепив его из глины. И он решил: картина по-настоящему не живая, но я оживлю ее, если буду играть перед ней на флейте. Он верил в это! Почему? Это очень примитивно, мне кажется... Я всегда старался, чтобы он был как можно примитивнее... ну, то есть оставался таким, как есть... Так что мы говорили только на диалекте. Он не знал ни слова по-французски, по-испански и, конечно, по-английски. В общем, приходилось очень трудно – ведь я не говорил по-арабски, знал только отдельные слова. Так что он учил меня, и мы общались. Ну, у него не было со мной особых проблем – не знаю уж почему – сначала жесты, гримасы, а потом я научился с ним говорить. Он говорил на диалекте очень странно. Я сперва этого не знал, а потом Питер Мейн сказал мне, что он говорит как ребенок. Странно. Видимо, он считал, что так я лучше пойму. Возможно, так и было! Но потом он стал говорить так с другими европейцами, знавшими арабский, и все они думали: «Какой странный парень, он говорит, как будто ему четыре года». Вот так он говорил с ними, но не с другими марокканцами. Забавно!

Мы обедали в китайском ресторане, а потом кто-то ему сказал: «Знаешь, что они всегда добавляют свинину в любую еду?» И он выбежал, его стошнило, хотя это было на следующий день, и потом он плохо себя чувствовал и говорил: «Ах, я должен много часов молиться, прости меня, я не знал, что ел свинину». Вышел из туалета и говорит: «Бог наказывает меня! Но это не моя вина, я не хотел есть свинину». А я: «Но ты же не знаешь, ел ли ты свинину?» — «О да, ел!» Потому что ему сказали, что свинина во всех блюдах. При этом он ел утку, там вовсе не было свинины. «Но там была свинина в соусе, они любят свинину, нет никаких сомнений...» Он все время думал, что его наказывает Аллах. Потом, когда он оказался в Америке, он не мог исполнять предписания — не знал, когда начинается Рамадан, потому что во круг не было мусульман, у которых можно спросить.

Бишофф: А он не возражал, что вы не мусульманин?

Боулз: Нет. Иногда он пытался меня обратить, но я, разумеется, отвечал: «Нет, нет, отстань!» А он говорил: «Но ты ведь не любишь Иисуса Христа, верно?» — «Нет, не люблю» — «Тогда почему бы тебе не стать мусульманином?» Я не мог ему объяснить, что я вообще не люблю никакого бога, это бы его ужаснуло. Они вообще не понимают атеизма — бедные мусульмане! Я часто от них слышал: «Христианин или иудей лучше, чем атеист: у тебя должен быть Бог, какая-то религия, если у тебя ее вообще нет, ты хуже всех». Такое у них представление, что это очень плохо. Но я многому научился у Якуби.

Бишофф: Сколько вы прожили вместе?

Боулз: Не знаю, это было не постоянно. Он приезжал в Танжер иногда, проводил месяц и возвращался в Фес, потом опять уезжал. Мы жили вместе в одном доме примерно пять лет. Мы много путешествовали: были в Египте, Судане, Шри-Ланке, Индии, Малайзии, Гонконге, Японии, потом на Занзибаре, в ЮАР, Америке, на Канарах, в Испании, ездили по Европе, однажды поехали в Турцию, в Стамбул...

Бишофф: Вы ведь писали об этом?

Боулз: Да.

Бишофф: И это единственный раз, когда вы о нем писали?

Боулз: Не знаю, наверняка еще где-то...

Бишофф: В «Доме паука»?

Боулз: Да, тут большая связь, конечно, там было все о нем. Ну то есть вдохновлено, навеяно им. Не о нем непосредственно.

Бишофф: Как закончились ваши отношения?

Боулз: Хмм... Дайте припомнить... Я уезжал, он вернулся... кажется, из Америки, и он был женат на какой-то американке, и она увезла его в Бразилию. Она сюда много раз приезжала, они тут жили, у них родилась дочь... и они то уезжали в Нью-Йорк, то возвращались сюда. И потом она с ним серьезно поссорилась, и у него появилась еще одна девушка, он привез ее сюда... и у него было великое множество друзей... мы с ним не ссорились, просто не встречались. Он часто приезжал сюда в свою мастерскую. У него была большая мастерская, которую он постоянно снимал. Он часто

уезжал в Америку на выставки. Так что мы не виделись. Он не любил Мрабета; Мрабет, естественно, не любил его. Они никогда не любят друг друга, марокканцы.

Бишофф: Ревнуют?

Боулз: Не знаю. Само собой разумеется, что они настроены друг против друга. Каждому кажется, что другой получает все деньги. Даже если у него нет возможности получить самому, потому что он здесь не живет, да еще и женат. Я считаю это само собой разумеющимся, что они будут не любить друг друга. Например, Темсамани, мой шофер, и Якуби ненавидели друг друга. Им приходилось встречаться каждый день, но они беспрерывно говорили мне друг о друге гадости. Они всегда тебя предупреждают: «Не смотри на него, не обращай на него внимания, все эти люди плохие, только один я, я надежный, я честный, а они все плохие...»

Бишофф: Они всегда надеются, что их полюбят.

Боулз: Это не просто любовь: они ищут благополучия. И если марокканец видит, что Икс уделяет ему много внимания, любит его, привязан к нему, он чувствует, что удастся что-то получить... Я всегда считал это само собой разумеющимся, всегда смотрел на них предельно цинично, считал, что весь их интерес состоит в том, чтобы как можно больше получить — вещей или денег. Знаю, что это не совсем правда, но ведь так с ними проще иметь дело, верно?

Бишофф: И именно в этом суть ваших отношений с Ахмедом Якуби?

Боулз: Думаю, что да. Конечно, я не знаю, до какого предела. Я не думаю, что он хотел что-то конкретное получить, потому что я взял его на полное содержание. Он получал все, что хотел, а больше всего он хотел, чтобы я его не выгнал. Хотел быть рядом со мной, куда бы я ни направлялся, что бы я ни делал. Но я полагаю, все это потому, что он знал, что о нем будут заботиться.

Бишофф: Только в материалистическом смысле — все измерялось в деньгах и подарках?

Боулз: Ну, так мне всегда казалось...

Бишофф: И как же вы на это согласились?

Боулз: А что тут такого? Вы ведь тоже хотите, чтобы марокканцы вас любили, верно?

Бишофф: Да, но не только за деньги! На это я не готов.

Боулз: Ну а я привык. Я всегда на это соглашался, с самого начала. За все отношения, которые у меня были, приходилось платить. У меня никогда не было бесплатного секса, даже когда я был намного моложе. Так что я принял это как должное. Вы не понимаете (смеется).

Бишофф: Но разве это дружба?

Боулз: Нет, конечно! Можно назвать это собственностью. Так, видимо, точнее.

Бишофф: Но разве вы с Якуби не были и друзьями тоже?

Боулз: Кто знает, где начинается дружба... или кончается. Я бы сказал, что мы были друзьями, да, разумеется. Но я не ожидал, что он будет об этом

думать, в той или иной степени... Я взял его в Америку, мы поселились у Либби Хольман¹⁶. И тут она заявляет: «Я влюбилась в него, я его забираю себе!» И забрала. И он остался с ней. Не было вообще никакой проблемы.

Бишофф: Но ведь для вас это наверняка была проблема?

Боулз: Ну уж рад я не был, нет! Я огорчился.

Бишофф: Это было своего рода предательство.

Боулз: Да, но я всегда ожидал, что они будут так себя вести. Если по-другому, то тут что-то странное! Они не обязательно так поступали, но я этого ожидал. Я не ожидал, что марокканцы будут относиться ко мне как к личности. Я бы удивился, если бы это случилось. Думаю, что это относится в целом к людям в странах Третьего мира. Уверен, что это справедливо для мексиканцев, а я прожил среди них четыре года. Они воспринимают нас как туристов. Да, Мрабет сказал, что он считает европейцев тлями, которые живут на листьях. Муравьи идут и доят их, но никогда не нападают, просто используют их, как коров... Так что он думает, что европейцы – тли для марокканцев. Марокканцы используют их. Главное, что они существуют за их счет, собирают молоко или что там производят тли, и тащат себе домой. Вот это очень точно отражает их точку зрения. При этом они думают, что европейцы уже и так все у них отобрали. Так что, по меньшей мере, они пытаются забрать то, что могут. Это с их точки зрения...

* * *

Боулз: У меня нет никаких моих писем! Откуда им взяться – я их пишу, отправляю, и их больше нет!

Бишофф: А письма Джейн?

Боулз: Джейн никогда не думала, что ее письма захотят публиковать. И я не думал. Если бы я подумал, что они понадобятся, я бы сохранил, потому что у меня было очень много. Но я все выбросил. Очень трудно хранить письма, когда ты все время путешествуешь. Они были очень забавные. Но что мне было с ними делать? Мне негде было их хранить!

Бишофф: Так что она писала много писем?

Боулз: Мне писала много, но не всем, даже своей матери не писала. Никогда не хотела писать матери. Не любила ее. Когда от ее матери приходили письма, она бросала их на пол, не распечатывая, и топтала. Странно! Я всегда говорил: «Джейн, так нельзя поступать с этим письмом, нужно его прочитать!» Ее мать к ней беспрестанно лезла. Иногда писала ей каждый день и всегда начинала: «Джейн, милая, ты – все, что у меня есть!» А она этого не переносила, естественно. «Не может оставить меня в покое!» А ее мать действительно не могла, она была одержима ею. Джейн была единственным ребенком. Ужасно иметь мать, которая все время за тебя цепляется. Она ей писала всякие глупости: «Ухаживай за волосами! Дам тебе особый совет, как сделать, чтобы они выглядели мягкими и пушистыми. Возьми три

16 Либби Хольман (1904–1971), американская певица.

яйца, разбей их, затем шесть лимонов, выжми, налей сок...» Конечно, Джейн ничего этого не делала, только чтобы позлить ее. А мать писала: «Забойся о коже!» А когда Джейн поехала в Центральную Америку, мать сказала: «У тебя там быстро испортится цвет лица».

Бишофф: А ее матери нравились произведения Джейн?

Боулз: Вовсе нет! Она ненавидела их! Всей ее семье не понравился роман¹⁷. Им казалось, что это позор, что она его напечатала. А мои родственники сказали: «Почему она не подписалась девичьей фамилией, а взяла нашу и вымазала ее в грязи?».

Когда вышла книга Джейн, ее мать написала ей: «Я не горжусь своей девочкой!» (смеется) Ну, если бы рецензии были хвалебные, может быть, они бы отнеслись по-другому. Но хороших рецензий не было. На обложке первого издания было написано что-то вроде: «Вот книга, которая вас шокирует». А один критик сказал: «Единственное, что шокирует в этой книге, это то, что она нашла издателя!» (смеется). И многие так думали... Многие критики писали, что все в книге сумасшедшие и нет ни одного здравомыслящего персонажа. Странно, теперь никто ничего подобного не говорит. Когда роман переиздавали через двадцать, тридцать лет, всем казалось, что там все нормально. Почему? Странно...

Да, некоторые рецензии в Америке были очень смешные. На Гора Видала много лет назад написали рецензию, в которой говорилось: «Это худшая книга, написанная когда-либо кем-либо о чем-либо» (смеется). Чудесно! Это было о романе «Город и столп» о гомосексуальных отношениях. Люди были в таком ужасе, в некоторых штатах он был запрещен, это было сорок лет назад, в 1947 году. На такую тему нельзя было писать. Вот поэтому рецензент мог сказать только одно: «худшая книга, написанная когда-либо кем-либо о чем-либо». То есть сам факт, что она вообще существует. В ту пору приходилось делать вид, что таких вещей вообще нет. Многие так и делали. Это было сразу после войны. Книгу Видала считали извращенной.

Бишофф: Но ведь не в первый же раз гомосексуальность появилась в американской литературе?

Боулз: Нет, ее можно найти у Мелвилла.

Бишофф: Да, но неявно.

Боулз: Неявно, нет. Но книга Гора не была шокирующей, вовсе не была. И, конечно, «Билли Бада» опубликовали только в двадцатом веке. Видимо, это не нравилось публике.

Бишофф: А как же Теннесси Уильямс?

Боулз: Он всегда об этом писал!

Бишофф: Но не напрямую.

Боулз: Да.

Бишофф: Иногда он менял пол героев; например, в романе «Римская весна миссис Стоун», где сюжет кажется намного ближе к гомосексуальной реальности.

17 Роман Джейн Боулз «Две серьезные дамы» (1943).

Боулз: Возможно. Вероятно, сделал это, чтобы можно было напечатать.

Бишофф: Самоцензура?

Боулз: Да. Хотя он написал несколько рассказов – например, ранний рассказ «Желание и чернокожий массажист». Поразительно, как ему удалось это опубликовать! Но ведь удалось, в сороковые годы. Это о белом, который идет к массажисту-негру, и негр его массирует. Но это такая безумная история: постепенно черный начинает ломать ему кости, а потом разрезает его на кусочки и съедает... (смеется). И это было опубликовано! Это очень известный его рассказ. У него есть очень хорошие – не все. Он больше писал о гомосексуальности в рассказах, чем в пьесах. Для другой аудитории.

Бишофф: Но он был очень откровенен в своей биографии, верно?

Боулз: О, это ужасная книга! Я ее терпеть не могу, так плохо она написана. Не думаю, что он ее сам написал, просто продиктовал секретарю. Я даже сомневаюсь, что он ее прочитал, там столько грамматических ошибок. Потому что он был под наркотиками и много пил в это время. Если бы он написал это трезвый, было бы гораздо лучше...

Бишофф: Ваша автобиография совсем другая, вовсе не столь откровенная...

Боулз: Нет-нет.

Бишофф: А почему?

Боулз: Я не думал, что это кому-то интересно. Кому это нужно? Это все равно что рассказывать, какой зубной пастой ты пользуешься, сколько раз в день чистишь зубы, ходишь в туалет и все такое. Нет! Зачем?

Бишофф: Может быть, о людях, которых вы любили...

Боулз: Если такое было! А если вы никого не любили, придется придумывать, и получится вранье.

Бишофф: Вы хотите сказать, что никогда ни в кого не влюблялись?

Боулз: Ну, любовь – очень сильное слово. Какого рода любовь? Это не было важно для меня... Для меня самым важным было достичь чего-то: иными словами, удачно сделать работу.

Бишофф: Так что ваша работа была важнее личной жизни?

Боулз: У меня не было настоящей личной жизни. В принципе. Ну, когда я приехал в Марокко, иной раз... но нет, не по-настоящему! У меня была личная жизнь с Ахмедом Якуби, да! Но иногда мы не встречались несколько месяцев или даже лет! Так что тут почти не о чем писать!

Бишофф: Вы это серьезно?

Боулз: Да, о чем мне было писать? То есть что мне было сказать? Мне эта кажется безумным. Нет никакого смысла писать об этом. Вы имеете в виду – в романе? Но что об этом можно написать?

Бишофф: Наверняка это были очень необычные отношения – немусульманин с мусульманином, двое мужчин... вы говорите, что он был очень примитивный, а вы – интеллигентал...

Боулз: Но вы говорили о «любви», а это что-то другое! Я написал о нем в автобиографии, там много об Ахмеде.

Бишофф: О ваших отношениях?

Боулз: Но о каких отношениях? Ну я приезжал, встречался с ним, он жил в отеле, я приходил в отель, не заставлял его, приходил на следующий день, через день, пытался представить, где он может быть... Это не назовешь «отношениями»!

Бишофф: Но я думаю, что вы в него были влюблены!

Боулз: Вот этого я не понимаю. Если вы влюблены в кого-то – то есть, вы говорите это ему, показываете... так бывает в книгах или пьесах. Но в жизни такого нет, я уверен! Думаю, были периоды, когда, наверное, я был одержим им. Не знаю, можно ли это назвать «влюбленностью»? Не думаю, что это то же самое. Вряд ли.

Я встречал людей, утверждавших, что они влюблены, и у всех был совсем разный опыт. Они чувствовали не так, как я. Но, сказать по правде, я не думаю, что когда-то был в кого-то влюблен.

* * *

Боулз: Думаю, литература должна давать читателям более или менее то, чего они хотят. Нельзя оскорблять публику. Ведь публика в целом презирает все, связанное с гомосексуальностью. Они не будут это покупать, а если об этом говорят, они не хотят ничего слышать. Во всяком случае, так обстоят дела в Соединенных штатах. Я не хочу писать преимущественно о гомосексуальности. У меня нет желания писать об этом, ну разве что очень редко – пара рассказов, да. Но я не меняю то, что я пишу, ради того, чтобы не шокировать публику, поскольку то, что я хочу написать, ее и так не шокирует. Вы меня понимаете? Первый вопрос – будет ли книга опубликована? Если вас это не заботит, пишите что хотите. Если хотите писать о гомосексуальности, давайте, пишите. Но издатели, скорее всего, это не примут, так что вы писали книгу зря. Может быть, когда-нибудь, если вы напишете книгу, которая будет пользоваться успехом, удастся опубликовать и первую на волне, которую подняла вторая.

Бишофф: У вас ведь тоже были проблемы с рассказами «Нежная добыча» и «Записки с Холодного мыса»¹⁸, которые не были опубликованы в Англии.

Боулз: Да, в Англии. В США таких проблем не было. Теннесси прочитал их и сказал: «Не публикуй! Никому не показывай!» Но я опубликовал, и проблемы возникли только в Англии. Мой английский издатель показал их Сомерсету Моэму и спросил, что он о них думает. Моэм прочитал и сказал: «Это нельзя публиковать. Гомосексуализм – ладно, инцест – тоже ладно, но шантаж – это в Англии нельзя». А в Америке никто не думает о шантаже. Инцест или гомосексуальность, да, это проблема в Америке. Но все-таки они издали. А в Англии это не могло быть опубликовано, потому что мальчик шантажирует отца. Странно...

Бишофф: И вы обдумывали такие проблемы, когда писали эти рассказы?

Боулз: Нет!

18 Русский перевод рассказов опубликован в сборнике П. Боулза «Нежная добыча». Тверь: Kolonna Publications, 2005.

Бишофф: Вот видите!

Боулз: Да, но, к счастью, я не англичанин! (смеется).

Бишофф: А как же «Дом паука»? Там вы добавили гетеросексуальную любовную сцену или даже целую главу, чтобы угодить издателю. Разве писатель не должен защищаться от такого оппортунизма или прагматизма? Выступать против такого давления официального сознания?

Боулз: У каждого писателя так или иначе возникают подобные проблемы. Я хотел, чтобы книга была опубликована, так что я согласился на предложение издателя.

* * *

Бишофф: Как Альфред Честер мог сочетать свою гомосексуальность с тем, что он был верующим иудеем?

Боулз: Но ведь полно евреев-гомосексуалистов!

Бишофф: Да, но это одно из древнейших табу в иудаизме.

Боулз: И в христианстве тоже!

Бишофф: Похоже, они унаследовали это от иудеев, как и мусульмане.

Боулз: Верно. Думаю, что первоначально это неприятие гомосексуальности было чисто экономическим. Они хотели как можно больше детей. Евреев было не так уж много, и они хотели, чтобы их было больше. Так что, разумеется, все, что мешало зачатию и рождению детей, воспринималось отрицательно.

Бишофф: Да, но это не очень логично: можно иметь гомосексуальные связи и при этом рожать детей.

Боулз (смеется): Это, разумеется, правда, но они боялись, что дети не будут рождаться, что люди перестанут вступать в брак, не будут рожать детей и наступит конец евреям. Думаю, именно это волновало их больше всего, потому что они были со всех сторон окружены врагами. У них было очень мало земли.

Бишофф: Изменилось ли отношение марокканцев к гомосексуальности?

Боулз: Они считают, что да: теперь она считается старомодной. Потому что они видят по телевизору и в кино, что такой вещи нет. Так что это уже не стильно, *dépassé, démodé*. Люди этим больше не занимаются: *Ce n'est plus à la mode!* Они буквально так говорят. Если бы они не смотрели телевизор или не ходили в кино, они бы и не узнали.

Бишофф: Так что по-прежнему происходит скрытая колонизация западной цивилизацией и идеологией, и гомосексуальные практики становятся пережитком культуры, которой больше не существует.

Боулз: Да, в этой стране так и есть. Раньше это не было проблемой, такой вещи не существовало. Никто не думал об этом, никто не говорил. Теперь они хотят делать то, что делают европейцы. Если бы в европейских фильмах и телепередачах подчеркивалась гомосексуальность, у них бы ничего не изменилось. Они бы говорили: «О да, конечно, такова жизнь!» Но тут они увидели, что такое происходит только у них...

* * *

Бишофф: Многие ваши друзья и люди, которые приезжали в Марокко рехнулись, сошли с ума.

Боулз: Это правда, очень многие.

Бишофф: А почему же вы не сошли с ума?

Боулз (смеется): Не знаю! А почему они сошли? Не знаю, почему. Думаю, что у этих людей и ума-то особого и не было.

Бишофф: Но это явно не относится к Джейн или Альфреду Честеру, а у них здесь возникли проблемы с психикой.

Боулз: Потому что они были одержимы другими людьми!

Бишофф: Но почему это случилось именно в Марокко?

Боулз: Ну, я думаю, это могло произойти где угодно еще! Точно это не случилось с Джейн из-за кифа. Что тут еще такого, чего нельзя найти в других местах? Только киф. Больше мне ничего на ум не приходит. Коньяк можно найти где угодно. Я думаю об Альфреде Честере: люди, которые, как вы выразились, тут рехнулись, могли бы рехнуться где угодно.

Бишофф: Мне кажется, это может быть связано с особой атмосферой этой культуры.

Боулз: Тут им удавалось воплощать свои фантазии проще, чем в Европе или США. То есть я хочу сказать, что у них уже были эти фантазии, и они могли попробовать воплотить их где угодно.

Бишофф: Но у каждого свои фантазии, это не значит, что ты сходишь с ума!

Боулз: Разумеется. Но обычно видишь границу между фантазией и реальностью. Так что я думаю, что многие, кто приехал сюда, сошли с ума, потому что пропало ощущение этой границы. Они спутали фантазию и реальность — не знаю, почему. Может быть, это связано с кифом, смесью кифа и алкоголя, или с тем, что здесь удавалось осуществить свои сексуальные фантазии, на которые в других странах не хватило бы денег. Секс здесь очень дешевый. Так что они могли заниматься тем, о чем мечтали. Думаю, что это связано: это отчасти и свело их с ума.

Бишофф: Вы думаете, что осуществление сексуальных фантазий сводит человека с ума?

Боулз: Да, конечно! Разумеется, это зависит от того, в чем состоят ваши фантазии. Если они не очень необычны, вы можете воплотить их в Европе и Америке. Но если они действительно за гранью всего... (смеется). тогда вам следует приехать сюда или в другую страну Третьего мира, где вы можете платить людям очень скромные суммы, чтобы они делали всякие странные вещи. Думаю, что от этого вполне можно спятить. Поначалу у тебя возникает мысль, что ты можешь делать все, что угодно. Никаких препятствий нет. А потом тебя уже ничего не может остановить, и ты перережешь кому-то горло, если это твоя фантазия. Ты так и делаешь, особенно если не думаешь, что тебя поймают. И тут гораздо меньше шансов, что тебя накажут, чем, скажем, в Лондоне или Нью-Йорке. Меньше, но это не значит, что их вообще нет...

Бишофф: Но ваши друзья, которые сошли здесь с ума, не доходили до такого в своей сексуальности. Скажем, Джейн или Альфред Честер...

Боулз: Тут все было по-другому. Джейн и Честер были одержимы людьми, на которых у себя на родине они бы никогда не обратили внимания. И даже не встретили бы. И не услышали бы о таких людях. Людям, которыми они были одержимы, нужно было оплачивать абсолютно всё, а для Джейн и Честера такое в Америке было бы невозможно. У них не хватило бы денег. А тут нужно немного. Так что они взяли их на полное содержание и думали только о них. Вот в этом все дело. Потому что ни Дрисс, ни Шерифа в Америке им бы не встретились. Если бы Альфред Честер встретил Дрисса в Нью-Йорке, тот наверняка был бы мелким уголовником, с судимостями, а тут он просто жил как хотел. Еще один пример – Ангус Стюарт¹⁹, он тоже сошел с ума. Ему пришлось лечь в психиатрическую клинику, в Бени-Макада, на пару недель, из-за пристрастия к маленьким мальчикам, не знаю, какого возраста, но несовершеннолетним. Это было совершенно невозможно у него на родине, в Англии, а тут это было возможно. И от этого он спятил. Не знаю обстоятельств, я не психиатр, не знаю, что происходит со всеми этими людьми. Но они у себя на родине были очень неуравновешенны, а тут сорвались.

Я знал разных людей, которые приехали сюда относительно нормальными, а потом сошли с ума. Девушка из Америки, Памела, причем она не принимала наркотики. У нее была квартира тут, внизу, на первом этаже. Она все время поднималась, пыталась поговорить с Джейн. А Джейн не хотела с ней говорить. Эта девушка была влюблена в какого-то испанского адвоката, и она постоянно приходила и спрашивала Джейн: «Думаешь, он придет?» А Джейн отвечала: «Я понятия не имею, придет он или нет, я с ним вообще не знакома». А девушка сказала: «Я достала новое прекрасное черное нижнее белье, я его надеваю каждый вечер в 8 и жду его в постели, а он не приходит!» (смеется). А Джейн сказала: «Я об этом ничего не знаю, но лучше подожди кого-нибудь другого!» (смеется). Но девушку интересовал только он. И она сошла с ума, полностью, и умерла здесь. Ее мать приехала из Калифорнии, они поссорились, и она напала на мать с ножом. Ее мать была очень решительная женщина. Она приволокла дочь сюда и сказала: «А теперь посмотри в глаза Полу Боулзу и расскажи ему, как ты на меня набросилась!» А девушка лежала на полу, стонала и визжала. Было вполне ясно, что она спятила, но мать говорила: «Нет, это не так, она просто меня ненавидит!» (смеется). Ее мать была психиатром в Лос-Анджелесе. И ее отец тоже – скорее, психотерапевтом. И они во всём видели симптомы болезней. А бедная девушка, очень красивая, слетела с катушек. Она умерла, и ее мать это совсем подкосило. Девушка была еще очень молодой, а у нее уже было трое мужей, и со всеми она развелась. Ей тоже пришлось лечь в психиатрическую больницу в Бени-Макада. Мать положила ее туда на несколько

19 Ангус Стюарт (1936–1998) – английский писатель, его воспоминания о Танжере (1977) были переизданы в 2016 году, роман о танжерской психиатрической больнице «Повсюду стонет ветер» до сих пор не опубликован.

недель думая, что ее там будут колоть, и ей станет легче. Потом она туда поехала и сказал: «Ну, дорогая, я тебя забираю». А девушка ответила: «Черта с два! Я тут остаюсь!» (смеется). И осталась. А мать спросила: «Но почему? Почему ты не хочешь вернуться?» А девушка ответила: «Потому что тут такая хорошая кошка!» Там была кошка, и эта кошка ней подружилась. Мать решила, что она по-прежнему сумасшедшая, и они обе умерли, и мать, и дочь в один и тот же месяц! Теперь уже без ножей – это не была насильственная смерть. Девушка была в итальянской больнице, заболела воспалением легких и умерла. А мать была в таком состоянии... Мрабет всегда ее боялся. Слишком много сумасшедших...

Я думаю, что многие люди сумасшедшие и приезжают сюда, потому что они сумасшедшие. Они не здесь сходят у с ума, они уже приезжают такие. Я встречал очень странных людей. Я уже говорил, что Ангус Уилсон спятил, и его забрали в Бени-Макада, в психбольницу, и марокканские власти его не выпускали: они сказали, что он выйдет, только если его брат прилетит из Лондона и подпишет бумаги, что Ангус не вернется. Брат подписал бумаги, они его выпустили, и он забрал Ангуса в Англию. Я с тех пор о нем не слышал. И не хочу! Он был невыносимый.

Как-то ночью я спал, и тут в дверь стали звонить, непрерывно. Было пять утра. В конце концов я встал и открыл. Там был Ангус. Я сказал: «Я сплю!» А он сказал: «Я хочу войти!» Я сказал: «Но я не хочу, чтобы ты входил, я хочу спать!» А он сказал: «Ложись спать, а я войду!» А я: «Нет, почему ты не можешь прийти в нормальное время, часов в десять, а не в пять утра!» Он сказал: «Я не могу уснуть, я всю ночь не спал». – «Ну я в этом не виноват! Почему ты не спишь?» Он сказал: «Я ходил». – «Где?» – «Я не знаю». – И тут я заметил, что он совершенно мокрый, хотя дождя не было. Совершенно мокрый, и вода с него текла, и я спросил, что с тобой случилось. И он сказал: «Я упал в канал!» – «Ну ладно, входи, сказал я, я дам тебе чаю, но потом снова лягу». Я дал ему чаю и снова лег. Вся кухня была в воде от его одежды. Я снова лег, думая, что в такой час он ничего не учудит.

И тут я почувствовал запах газа. Пошел в кухню и увидел, что идет газ без огня. Он просто включил глаз. Всё чуть не взорвалось. Вся квартира была полна газа. Я распахнул все двери, был страшный холод, проветрил квартиру и снова лег в постель, очень злой. Я не мог понять, в чем дело. Я не знал, что он сошел с ума. Утром я его не видел, но около часа вышел на улицу и обнаружил, что он дерется с двумя марокканскими полицейскими, которые пытаются его удержать. Он меня увидел и сказал: «По-моему, это уже слишком». И я тоже думал, что это слишком. Но что случилось? Они мне объяснили, что он пошел к американскому консульству – раньше оно было прямо напротив – увидел там портрет президента Рейгана и стал оскорблять его: говнюк, сраная страна... Не знаю, что он еще сказал, все американцы смотрели на него. И он стал говорить: хватит, янки, убирайтесь. Орал... Они его не тронули, но вызвали полицию. И говорили с ним, пытались удерживать, пока полиция не приехала. И когда появились полицейские, он с ними

повздорил, напал на них, пытался ударить. И потом сказал: «Отведите меня к господину Боулзу!» И именно это они и пытались сделать, они направлялись к моей двери. И я сказал: «Нет, нет, я уйду, я не хочу с ним встречаться!» И вместо того, чтобы забрать его в полицейский участок, они сразу отправили его в психушку. И просто оставили его там – недель на шесть, кажется. Пока не приехал его брат и не забрал в Лондон. Но что произошло? Я не знаю, почему он сошел с ума, думаю, это потому, что он много пил и одновременно курил гашиш. Это очень плохо! Я так не могу! Вообще не могу курить гашиш и не могу пить. А он делал и то, и другое.

Бишофф: Вокруг вас было много сумасшедших.

Боулз: Всегда, да, верно.

Бишофф: И они вас вдохновляют как писателя?

Боулз: Нет, я ничего не писал о сумасшедших!

Бишофф: А как же Дейзи де Валверде в «Пусть льет»²⁰?

Боулз: Она не была сумасшедшей, она была эксцентричной. У нее была куча денег – вот в этом всегда проблема у таких людей. У них слишком много денег, они не знают, как ими распорядиться, так что решают сделать что-то безумное. Как-то зимой она поехала в Египет, набрала пустынных крыс и привезла их в своей машине. Потом решила, что в Танжере они несчастны, так что отвезла их в Египет и отпустила там, где подобрала. Это очень странно... *(смеется)* У нее были две красивые собаки, породистые, и она решила отвезти их в Египет. Они остановились где-то в пустыне. Собаки были на поводках, и она привязала их сзади к машине, выпила и забыла о собаках, завела машину и помчалась по пустыне – разумеется, убила собак, протащила их со скоростью 60 миль в час. Она вроде бы любила животных, у нее в доме их было полно. Аллигатор в ванной, и обезьяна-паук, и несколько больших попугаев. И все породы собак, и много, много кошек... и больше сотни лошадей в конюшне. В ее загородном доме был большой бальный зал с обюссонскими коврами на стенах. И она решила, что это идеальное место для того, чтобы устроить фольклорный фестиваль. Так что она пригласила самых примитивных людей из деревень с их змеями и всякими инструментами. Они построили из бамбука что-то вроде копии деревни прямо в бальном зале и в середине комнаты развели костер. Вряд ли это пошло на пользу обюссонским коврам *(смеется)*. Такой бред! И они стали играть на райтах и барабанах. И одна сумасшедшая англичанка вцепилась в кобру. Она висела у мужчины на шее. Он ее не выпускал, и бедную змею чуть не порвали пополам *(смеется)*. Я там был. А кончилось все дикой ссорой, потому что люди, которые сотрудничали с Петеном и нацистами, были в Танжере, и итальянцы, конечно. И была другая группа, которая поддерживала де Голля и англичан. И они стали оскорблять друг друга. Хозяйка вырядила дворецкого в форму местного посла, и одна ужасная

20 Прототипом героини романа «Пусть льет» стала Филлис де ла Фай, легендарная фигура в Танжере 50-х.

испанка сказала фотографу: «Сними нас вместе!» Дворецкий, марокканец, не хотел фотографироваться с ней, боялся. В те времена Марокко было колонией. Но она его не отпускала, и, когда фотограф делал снимок, вошел ее муж, тоже ужасный человек. Они были оба испанские франкисты, очень богатые и невыносимые. Он увидел, что марокканец обнимает его жену, набросился на него и ударил по лицу: «Как ты смеешь! Марокканец с моей женой!» Тут Дэвид Херберт²¹ сказал: «Слуг бить нельзя!» (смеется). А испанец ответил: «О, заткнись, старый пидор» или что-то такое. Началась настоящая драка. Кто-то был на стороне Дэвида Херберта, кто-то на стороне сеньора Парладе. А слуги узнали об этом от человека, которого ударили, вышли на улицу и выпустили воздух из покрышек большого автомобиля, на котором приехали испанцы. Так что они не смогли уехать на своей машине, им пришлось вызывать такси.

Мне кажется, я привлекаю безумцев, сам не знаю почему. Я постоянно замечал это в Мексике. Когда я ехал в поезде и в вагон заходил какой-то псих, он немедленно смотрел на меня и сразу шел ко мне. Я думал: «Боже мой! Эта женщина сумасшедшая, этот мужчина – сумасшедший»... А они подходили, садились и заводили со мной разговор.

Бишофф: Наверное, вы посылали некие сигналы...

Боулз: Ну, если я и посылаю какой-то сигнал, то это «Не лезьте ко мне, отстаньте!» Как люди, у которых аллергия на кошек.

Перевод Дмитрия Волчека

21 Дэвид Херберт, британский аристократ, приехал в Танжер с Сесилом Битоном в 1947 году и жил там с 1950 года.

МОХАММЕД МРАБЕТ

М'ГАШИШ

Магнитофонная запись и перевод с магрибского: ПОЛ БОУЛЗ

ЗАРОСЛИ ТРОСТНИКА

Касем и Стито, старые друзья, каждый вечер встречались в кафе. Касем пил, и у него была жена, которой он никогда не разрешал выходить из дома. Сколько бы она ни умоляла и ни спорила с ним, он даже не отпускал ее в хаммам помыться. У Стито проблем не было – он жил бобылем и просто курил киф.

Касем приходил в кафе с бутылкой в хозяйственной сумке, и вскоре оба отправлялись к Касему. По пути они заходили на рынок купить еды, потому что Касем не разрешал жене даже на рынок ходить. А для Стито готовить было некому, так что каждый вечер он ужинал у Касема и всегда вступал в долю.

Они приносили еду жене Касема, чтобы та ее приготовила. Но сначала жена делала тапас – закуску для Касема и заваривала чай для Стито – запивать киф. Затем, пока готовилась еда, жена заходила и сидела с мужчинами.

Как-то раз, когда они сидели вдвоем, Стито повернулся к Касему и сказал: Иногда я удивляюсь, как ты можешь столько пить. И как в тебя влезает?

Касем рассмеялся: А ты? Ты же только и делаешь, что дымишь своей трубкой. Алкоголь пробирает до костей, и мне хорошо.

Как ты поверхностно судишь, сказал Стито. От кифа мне лучше, чем от любого алкоголя. Он проясняет мысли и улучшает речь.

Жена Касема решила, что самое время сказать мужу: Твой друг прав. Ты слишком много пьешь.

Касем рассердился. Иди проверь еду, сказал он жене. Наверное, уже готово. Мы есть хотим.

Она принесла ужин, и они накупились на еду. Доев, побеседовали с полчаса, а потом Стито встал. До завтра, сказал он Касему.

Ага, до завтра, ответил пьяный Касем.

Если будет на то воля Аллаха, прибавил Стито.

Жена Касема встала и открыла ему дверь.

Спокойной ночи.

Она заперла дверь, и они с Касемом пошли спать. Она стала нежно целовать мужа, но тот был слишком пьян и ее не замечал.

Вскоре жена села в кровати и начала жаловаться. Ты не любил меня со дня нашей свадьбы, сказала она. Ты не обращаешь на меня внимания – только если голоден.

Ложись спать, женщина, сказал Касем.

Жена расплакалась и еще долго не могла уснуть.

На следующий день после работы Касем пришел в кафе к Стито. Потом они купили на рынке еды и принесли ее домой. Вечер прошел как обычно. Когда Стито собрался уходить, Касем уже сильно напился.

Его жена открыла Стито дверь и вышла на улицу. А когда выходил Стито, шепнула: Постарайся прийти завтра один. Пусть он вернется домой сам.

Ты на что намекаешь? спросил он.

Она показала на заросли тростника в саду: Спрячься там.

Стито понял. Но он ведь будет здесь, шепнул он.

Ничего, не волнуйся. Спокойной ночи.

Спокойной ночи.

Женщина заперла дверь. Касем еще сидел за столом и пил. Она пошла спать.

Назавтра два друга снова встретились в кафе. Стито вынул трубку изо рта. Как дела? спросил он.

Пошли, ответил Касем. Ему не терпелось прийти домой и откупорить бутылку.

Я сейчас не могу, сказал Стито. Нужно кое-кого дождаться. Я подойду чуть позже. Вот деньги на еду.

Ага, сказал Касем. Тогда я на рынок.

Посиди со мной минутку, попросил Стито.

Нет-нет, я пошел.

Ну, пока.

Стито засиделся в кафе дотемна, а потом встал и отправился к дому Касема. Стито подождал, пока все прохожие разошлись, и стал пробираться сквозь заросли. Раздвинув стебли тростника, Стито увидел, что Касем сидит у себя в комнате с бутылкой на столе и стаканом в руке. А потом увидел, как женщина внесла тайфор.

Затем она вышла на улицу с большим тазом в руках и двинулась напрямик к зарослям. Поставила таз на землю и наклонилась, будто стирает. Она стояла лицом к мужу и разговаривала с ним, а ее одежда свисала спереди до земли. Но сзади женщина была полностью обнажена, и Стито увидел все, что хотел. Притворяясь, будто стирает что-то в тазу, она прижалась голыми ягодицами к стеблям тростника, а Стито подался вперед и предался удовольствию.

Когда будешь готов, шепнула она, вытащи и спусти все мне на ладонь.

Так не пойдет, сказал он. Как это?

Женщина резко подалась вперед, и он выпал: стало ясно, что придется делать, как она говорит, чтобы у него с ней хоть что-то получилось.

Если хочешь, можешь потом еще раз и кончить внутрь, шепнула она.

Она снова попятилась к зарослям, и Стито продолжил. Когда был уже почти готов, он предупредил ее, она завела руку за спину и получила, что хотела. Крепко зажав кулак, женщина подождала, пока он сделает еще раз так, как ему нравилось. Стито кончил и вышел из зарослей на улицу. Его никто не заметил.

Женщина вернулась в дом, подошла к Касему и взглянула на него сверху вниз. Можно мне завтра сходить в хаммам? – спросила она.

Опять начинаешь? – крикнул Касем. Я же говорил тысячу раз: нет! Тебе нельзя выходить из этого дома.

Она протянула руку, раскрыла ладонь, и то, что было внутри, стекло на тайфор рядом со стаканом Касема.

Касем вытаращился. Минуту назад он был пьян, но теперь вмиг протрезвел. Он даже не спросил, у кого и как она это взяла. Встал, оставив бутылку и стакан на столе, и пошел спать, не поужинав.

Утром, уходя на работу, Касем оставил дверь своего дома нараспашку. Весь день он думал о жене. А после работы пошел в кафе к Стито.

Лицо у Касема было грустное. Набей мне трубку, попросил он.

Что? – вскричал Стито.

Что слышал.

Стито дал ему свою трубку. Что случилось? Ты впервые попросил кифа.

Я завязал с пьянством, сказал Касем. Начну курить киф.

Но почему?

Касем не ответил, а Стито больше не спрашивал.

В тот вечер двое друзей пришли к Касему домой, смеялись и шутили, обкурившись кифом. Весь вечер Касем был в отличном настроении, а когда Стито ушел, спросил жену: Ходила в хаммам?

Да, ответила она. Спасибо, что оставил дверь открытой. Я думала, ты забыл закрыть, когда уходил.

Я больше не буду ее запирать.

Жена поцеловала его, и они пошли в постель. Впервые за много ночей Касем не был пьян и занялся любовью со своей женой. Они доставили друг другу много радости и заснули сном праведников.

ГРЯДКА ДЛЯ КИФА

На окраине деревни Рере жил бобылем один рифи. Он владел большим участком земли, где росло много деревьев, и зарабатывал на жизнь тем, что рубил их и пережигал в древесный уголь, который затем отвозил в город.

Однажды, когда он продал на рынке свой уголь, к нему подошел один джибли и спросил, нет ли для него какой работы. Рифи ответил, что, если тот не прочь пожить в деревне, пусть приходит и работает до лета. Джибли согласился, и они отправились вдвоем в Рере, к рифи.

Можешь нечевать вон в той лачуге, сказал рифи, а затем показал джибли свой сад.

Завтра утром, иншалла, срубим деревья и приготовим угля. А если закончим пораньше, можно посадить вон на том поле кифа.

Уакха, ответил джибли. Они поужинали, и джибли пошел в лачугу спать. Утром рифи встал и сварил кофе. Потом вышел, разбудил джибли и позвал его завтракать.

После завтрака они вместе выкурили пару трубок кифа, а затем вышли и принялись рубить деревья. Немного поработав, они присаживались и беседовали, а потом продолжали рубку. Они трудились, пока не нарубили на четыре костра, засыпали четыре груды дров землей и разожгли огонь. До завтра было еще далеко, так что оставалось время посадить киф. До темноты они успели посеять много рядков.

Следующий день прошел так же. Джибли был доволен. К концу первой недели они приготовили столько угля, что для перевозки понадобилось шесть ослов. Погрузив уголь, доставили его на Сук-эль-Фхам. Рифи продал товар за четырнадцать тысяч франков. Пять тысяч он отдал джибли, и тот был счастлив. Решил, что сможет отложить все эти деньги, ведь у рифи их не на что было тратить.

Каждый день они рубили деревья, а каждую неделю отвозили уголь на рынок и продавали. Тем временем на грядке подрастал киф. Вечером рифи аккуратно накрывал его тремя кусками брезента, а с утра пораньше их убирал, чтобы листья впитали первые солнечные лучи.

Когда пришло лето, рифи приступил к сбору овощей. Вот и дожди кончились, сказал он джибли, для тебя больше нет работы. Но ты приходи следующей зимой, когда снова начнутся дожди.

Он дал джибли целую кучу овощей, меру угля и десять тысяч франков.

Джибли всё навьючил на своего осла и устоял на рифи. А киф? спросил он.

Увидишь, когда поспеет. Заходи, и я отдам твою долю, ответил рифи.

Джибли попрощался и отправился домой. Хотя рифи щедро его одарил, джибли остался недоволен. Он все думал о том, как усердно трудился в Рере, и сомневался, что, когда поспеет киф, рифи сдержит слово.

Интересно, сколько он получит за столько кифа, подумал он. Я не увижу ни листика.

Несколько недель джибли только и думал, что о кифе. Наконец, ему надоело ждать. Как-то ночью он отправился на осле в Рере, прихватив с собой ведро креозота.

В деревне не горело ни огонька, но джибли знал каждую тропинку как свои пять пальцев. Он пошел напрямик на грядку и старательно залил весь киф креозотом, а затем снова накрыл брезентом и поехал обратно в город.

Рано утром рифи встал и вышел раскрыть киф. Глаза его расширились, когда он увидел погيبшие растения, блестящие от креозота. Он стоял и смотрел, и из глаз его текли слезы.

Затем рифи вырвал киф с корнем и отнес на берег ручья, где разжег большой костер. Рифи глядел на огонь, пока все не сгорело. В тот же день

он снял с грядки верхний слой грунта и сложил высокой грудой, чтобы избавиться от креозота, пропитавшего почву. Потом взрыхлил нижний слой и снова посеял киф. До конца дня рифи успел засадить новую грядку.

На этот раз он ухаживал за молодыми растениями еще бережнее. Нежно поливал их вечерами и прибегал взглянуть по несколько раз на дню – удостовериться, что с ними все нормально.

Как-то полудни на поле, где трудился рифи, появился джибли. Салам алейкум.

Алейкум салам.

Они пожали друг другу руки. Как дела? спросил джибли. Как киф? Не поспел еще?

Рифи вздохнул. Киф! Нет его. Какой-то сукин сын пришел ночью и все залил смолой. Пришлось вырвать и сжечь. Но я посадил еще, и он уже скоро поспеет. Я постараюсь, чтоб он рос побыстрее. Вот только боюсь ночной росы. Приходится накрывать в сумерки, иначе почернеет. Пойдем покажу. Здоровый растет и высокий.

Рифи повел джибли на грядку, показать молодые растения. Джибли на них поглядел. Сколько сукиных детей развелось, сказал он.

Давай выпьем чаю, сказал рифи. Можно сесть вон там, под кипарисами.

Он заварил чай в саду, они взяли стаканы и сели в тени на циновку. А потом закурили трубки и побеседовали.

Когда они встали, рифи сказал: Скоро зима. Как пойдут дожди, приходи снова работать.

Ладно, ответил джибли.

Рифи наполнил овощами коробки, навьюченные на осла, дал джибли две тысячи франков, и они попрощались.

Когда джибли ушел, рифи побрызгал киф водой и заботливо укрыл брезентом.

Грядку с кифом окружали заросли, а за ними была тропинка, что вела меж кустов к ручью. Как-то раз, когда рифи стоял и смотрел на киф, он заметил на тропинке вепря и встревожился. Вернувшись в дом, рифи взял кирку и лопату, а затем спустился к ручью. Он стал рыть под деревьями и выкопал канаву глубиной футов шесть.

Весь следующий день рифи носил сюда полные корзины битого бутылочного стекла, старой колючей проволоки и кактусов, пока не покрыл дно канавы. Затем он сплел решетку из стеблей тростника, положил ее на яму и расстелил на тростнике плотную бумагу. Потом засыпал все землей. Это заняло немало времени. Он бегал туда и обратно много часов подряд и всякий раз поглядывал на грядку с кифом, пробегая мимо.

Вепрь затопчет киф, если хотя бы раз через него пройдет, подумал рифи. Надо поймать этого вепря. Кроме того, потом его можно продать испанцам в Уэд-Бахрейне.

Как-то под вечер, еще до начала дождей, раздался стук в дверь. Рифи открыл и увидел на пороге джибли.

Мсалкхейр! Сегодня мне было нечем заняться, и я решил зайти познакомиться с вами. Просто хотел спросить: не могли бы вы дать мне овощей?

Могу, наверное, ответил рифи.

А киф? Как он поживает?

Почти созрел, но в этот раз его немного. Пошли покажу.

Они направились к грядке с кифом. По дороге джибли думал: Он не даст мне ни листика, это уж точно. Как-нибудь выкрутится. И так уже сказал, что кифа немного.

Они постояли, глядя на киф, а потом вернулись в дом и сели. Я угощу тебя ужином, сказал рифи.

Затем они выпили чаю и покурили киф. Когда пришло время возвращаться в город, рифи вышел и принес джибли овощей. Один короб он наполнил овощами, а другой углем, дал джибли тысячу франков, и тот поехал на своем осле по дороге.

Остаток дня джибли думал о кифе, который рассчитывал привезти с собой в город. Поскольку кифа не было, джибли охватила злоба на рифи. Еще не добравшись домой, джибли твердо решил сгубить очередной урожай.

На обратном пути он зашел в кафе и купил пачку кифа. Придя домой, он сел и стал курить трубку за трубкой. Вскоре он встал и вышел в ночь. Прихватив ведро креозота, джибли отправился на осле обратно в Рере.

Он нашел самый безопасный способ незаметно добраться до грядки с кифом: переправиться через ручей и прокрасться по тропинке за кустами. Джибли перебрался через ручей и спрыгнул с осла. Оставив животное на берегу, он пошел по тропинке, где была западня на вебря. Когда джибли наступил на нее, тростниковая решетка под его весом проломилась, и он упал на битое стекло и кактусовые колючки.

Из ран хлынула кровь. Все уже спали, и никто не слышал громких криков в лесной чаще.

Утром рифи встал и пошел раскрыть киф. Он внимательно осмотрел растения, и они радостно ему улыбались. В ожидании восхода солнца рифи их раскрыл, а сам пошел туда, где у него росли овощи. Вскоре он решил спуститься к западне.

Заметив впереди на тропинке раскрытую яму, рифи улыбнулся. Он был уверен, что поймал вебря.

Рифи наклонился, увидел джибли и побежал за веревкой. Вернувшись, он перекинул веревку через ветку и закрепил петлей, а затем потихоньку спустился. Джибли был мертв, весь в крови и креозоте.

Тогда рифи понял, кто загубил его киф, и догадался, что благодаря вебря убил джибли, не взяв грех на душу. Пути Аллаха неисповедимы, проормотал рифи.

Он выбрался наверх и побежал в дом, взял там пару кило извести для белки и высыпал в котелок с водой. Он усердно месил известь, пока та не забулькала и не задымилась. Тогда он отнес ее к западне и вылил на джибли.

Потом набросал в канаву камней и доверху засыпал землей. На этом месте посадил сорную траву и кусты. Не осталось никаких следов от канавы.

С тех пор рифи жил один и рубил свои деревья сам. Он собирал киф и курил его в одиночку, и больше никаких проблем у него не было.

ВРАЧ ИЗ ШЕМЕЛА

У входа во дворец халифа был разбит сад с цветами и фонтанами. Некий ншайуи приходил сюда каждый день посидеть под фиговым деревом. Он ставил свою корзину на землю и доставал оттуда овчину, которую всегда носил с собой. Затем он расстилал овчину и садился. В корзине у него был еще уголь, чайник и миска маджуна. Ншайуи клал три камня так, чтобы между ними можно было развести огонь, ставил сверху чайник и ждал, пока закипит вода. Изю дня в день сидел он в саду на овчине. Работы у него не было, зато было много друзей, которые не давали ему умереть с голоду, время от времени подбрасывая деньги.

Стало известно, что халиф страдает от нарыва на интимной части тела и из-за этого не может сидеть. Вызвали лучших врачей, но они не сумели помочь. Дело в том, что халиф стеснялся показать им нарыв. Тогда халиф пригласил святых людей и толба, которые читали вслух Коран, но боль так и не прошла.

Ншайуи узнал о страданиях халифа, тут же пришел в сад и принялся есть маджун. В тот день он съел больше обычного, да к тому же выкурил очень много кифа. И все время думал о халифе. Одурманенный ншайуи прилег в тени фигового дерева и сказал про себя: Пожалуй, я могу его исцелить.

Вскоре он встал, свернул овчину, положил трубку, чайник и маджун в корзину, а затем пошел и постучал в ворота дворца. Открыл суданец, который спросил, что ему нужно.

Я врач, ответил ншайуи.

Откуда ты? – спросил чернокожий, взглянув на рубище ншайуи. У нас перебивали все врачи страны.

Я из Шемела, ответил тот. У меня есть лекарства, которые вылечат любого, чем бы он ни болел.

Подожди, сказал чернокожий. Я сейчас вернусь.

Суданец вошел в покои своего господина и сказал, что прибыл тубиб из Шемела.

Халиф лежал на животе. Он слегка приподнял голову и вздохнул. Пусть войдет.

Слуга направился к воротам. Иди за мной, сказал он ншайуи.

Халиф лежал ничком на кровати. Принеси побольше меда и горячего чая, сказал ншайуи чернокожему и сел на кровать рядом с халифом.

Когда слуга вернулся с чаем и медом, ншайуи достал свою миску, зачерпнул большую пригоршню маджуна и протянул халифу. Сначала съешь это, сказал он, а потом выпей чай.

Халиф сделал, как было велено, и ншайуи поил его чаем. Когда прошел час и ншайуи заметил, что маджун подействовал, он отправил слугу прочь из комнаты и встал.

Пора лечиться, сказал он, протянул руку и стащил с халифа чамир, обнажив ягодицы. Халиф даже не заметил.

Затем ншайуи намазал свой орган медом и со всей силы вонзил в халифа.

Халиф взвизгнул и попытался сбросить с себя ншайуи, но не смог с ним совладать. После этого он успокоился, а ншайуи занялся делом.

Операция почти завершена, ваше величество, сказал ншайуи. Он закончил и, очень довольный собой, вытащил член. Нарыв лопнул, а ншайуи позвал чернокожего, велел принести полотенца и вытереть господина.

Тем временем халиф, который до этого долго мучился, почувствовал такое облегчение, что тут же уснул. Заметив это, ншайуи расстелил свою овчину и лег у изножья кровати. Проснувшись поутру, он обнаружил, что халиф все еще спит.

Вскоре халиф проснулся, и ншайуи помог ему встать.

Мне больше не больно, сказал халиф.

Хамдулла! – воскликнул ншайуи.

Они пошли вдвоем в купальню халифа. Когда слуги облили их водой и ушли, халиф спросил: Чем ты меня вчера оперировал? Каким-то шестом?

Ваше величество, я оперировал вас вот этим. Ншайуи показал на свой орган.

Что?! – вскричал халиф. Но это означает, что ты меня изнасиловал! Изнасиловал своего халифа!

Нет, ваше величество, я просто вас прооперировал, только и всего.

Тогда ладно, сказал халиф, вспомнив, что ншайуи и впрямь его вылечил.

Когда они вышли из хаммама, халиф приказал немедленно устроить великое пиршество. Там были музыканты и танцовщицы, гости ели и пили чай много часов кряду. В разгар веселья ншайуи достал свою миску с маджуном и угостил халифа. Вскоре халиф разговорился, засмеялся и запел, и ншайуи понял, что он счастлив. Ншайуи сложил свои пожитки в корзину и встал.

Мне пора, ваше величество, сказал он.

Сколько я тебе должен? – спросил халиф.

Сиди, сколько бы вы ни дали, будет более чем достаточно, ведь этот дар – ваш.

Он великий врач, подумал халиф и послал слугу за целой мощной динаров, которую затем отдал ншайуи.

Тот поблагодарил и ушел. Затем пересек улицу и сел под фиговым деревом покурить кифа.

ЮНОША, КОТОРЫЙ ЖИЛ ОДИН

Человеку по имени Си Каддур отец оставил крупный участок земли. На одном краю стоял большой дом, где жила семья, а примерно в полумиле

от дома рос лесок. Под его сенью отец Си Каддура построил домик на берегу реки и разбил вокруг сад. Старик в основном сидел в этом саду, вдаль от родственников.

Си Каддур был занятым человеком и никогда не приближался к домику в лесу. Но его сын, семнадцатилетний юнец, любил курить киф, и для этого лучше не было места, чем дедушкин сад. Юноша проводил там все больше и больше времени, пока наконец не съехал из родительского дома и не ушел жить один в лесу. Раз в месяц он выбирался в город и покупал все необходимое: спички, новую трубку или киф. Каждый день пополудни он приходил в отцовский дом и брал еду, которой хватало на вечер и следующий день.

Дед выкопал в саду пруд, и юноша любил сидеть на берегу этого пруда. Он подолгу не шевелился, так что птицы прилетали и опускались на землю рядом с ним. Месяц за месяцем юноша пытался с ними подружиться. понадобилось немало терпения и ума, ну и, конечно, кифа, чтобы научиться сидеть и ждать, пока прилетят птицы. Но обычно они прилетали, а порой даже садились ему на плечо. И юноше казалось, что птицы хотят с ним заговорить, словно думая, что он разумеет их чириканье.

Как-то раз к Си Каддуру и его семье приехали в гости родственники с другого конца страны. Среди них была немая девушка. Она посидела с родней, а потом заскучала, встала и вышла из дома. Фруктовые сады были прекрасны, и она решила прогуляться. Немного спустя она добралась до леса, и тропинка привела ее к домику у реки.

В саду девушка увидела юношу на берегу пруда, а перед ним двух птичек. Казалось, юноша с ними разговаривал. Девушка замерла и в изумлении открыла рот. Птицы очень громко чирикали. Юноша слушал и как будто что-то им отвечал. Когда он поднял руки, обе птицы упорхнули. Тогда он рассмеялся. Юноша поднял голову и заметил девушку, смотревшую на него через весь сад. Никогда в жизни он не видел такого красивого лица.

Кто ты? – спросил он.

Девушка приложила ладонь к губам и пожала плечами, объясняя, что не умеет говорить. Он подошел к ней, сделал пару жестов, и она показала, что поняла.

Что ты делаешь здесь, в лесу? – спросил юноша.

Она знаками ответила, что ее семья гостит в большом доме за фруктовыми садами, и юноша сказал, что это дом его отца.

Он повел девушку к пруду и велел сесть, а затем приготовил ей чаю. Пока она пила, юноша набил трубку кифом и раскурил. Затем налил себе стакан чаю и сидел, покуривая и глядя на девушку.

Та изо всех сил пыталась что-то ему сообщить, но он поднял руку и сказал: Нет, не пытайся разговаривать. Я хочу помечтать.

Они оба помолчали, киф ударил юноше в голову, и юноша прислушался к журчанию реки.

Немного спустя он встал и сказал девушке: Иди за мной. Я покажу тебе дорогу обратно к дому моего отца.

Они пошли через лес. Юноша говорил, а девушка отвечала жестами. Внезапно посреди тропинки подняла голову змея, словно собираясь на них напасть. Девушка увидела ее и так испугалась, что открыла рот и изо всех сил закричала. От страха к ней вернулся дар речи.

Змея отползла в сторону и улеглась в листве на краю тропинки.

Теперь я умею говорить, сказала девушка. Юноша взглянул на нее, но ничего не понял.

Вскоре он сказал ей: Вот мы и вышли из лесу. Вон там уже виднеется дом. Просто иди прямо.

Хорошо, сказала девушка и направилась к дому, подумав: Теперь я умею говорить.

Юноша развернулся и зашагал назад, туда, где его ждала змея. Он остановился, пару раз провел ладонью по ее спине, и змея уползла. Затем он пошел в сад и сел покурить у пруда.

ХАСАН И АГРЕБИЯ

Хасан не был женат. Он курил киф и любил свободу. Его самым близким другом был старик по имени Си Мохтар, которого Хасан знал с детства.

Как-то раз Си Мохтар зашел к Хасану в гости. Хасан усадил его на матрас и разжег огонь, чтобы накормить старика ужином. Пока готовилась еда, они выкурили пару трубок кифа.

После ужина они выпили чаю, покурили еще и побеседовали. Хасан сказал: Си Мохтар, трудно поверить, что вам уже семьдесят пять лет. Вы такой крепкий. Выглядите гораздо моложе. Посмотрите на меня. Мне всего тридцать пять, а я ни на что не годеи.

Понимаешь, сынок, все люди разные. Ты — это ты, а я — это я, и каждый из нас — особенный.

Ну да, конечно, сказал Хасан.

Я — это я, и я о себе забочусь, продолжил старик. А ты не заботишься о себе вообще.

Вы правы, Си Мохтар. Как-то не приходило в голову, а теперь уже слишком поздно. Вчера вечером я был с девушкой. Я прождал всю ночь, но так ничего и не смог. Она целовала меня. Она обнимала меня. Она чего только не делала, но это меня не разбудило. Он так и не проснулся.

Си Мохтар рассмеялся. Наверное, это с тобой впервые, иначе ты бы так не расстраивался, сказал он Хасану. Это со всеми бывает. Просто прими агребии.

Агребии? А у вас есть?

Нет, мне-то она не нужна, ответил старик и подмигнул Хасану.

Где мне ее купить?

Си Мохтар покачал головой. Она не продается, сынок.

Хасан приуныл.

Если хочешь, могу рассказать, как приготовить ее самому, продолжал Си Мохтар. А когда приготовишь, принесишь мне, и я расскажу, что делать.

Конечно, хочу. Что для этого нужно?

Сначала возьми бобы харуа и вари, пока вода не почернеет. Затем высуши их в сковородке на огне. Черную воду не выливай. Нужно иметь наготове еще много всего: муку, яйца, сахар, орехи и специи.

И Си Мохтар рассказал, как готовить агребию. Когда понесешь ее в пекарню, скажи мааллему, чтобы дольше получаса в печи не держал, сказал Си Мохтар.

Завтра же, иншалла, приготовлю снадобье, так что можете прийти и взглянуть.

Си Мохтар пообещал зайти, а потом встал и ушел.

Рано утром Хасан встал и собрал бобы харуа с куста у дороги. Принес их домой и поставил вариться. Потом вышел и купил все необходимое. Из теста слепил шарики, как велел Си Мохтар, и отнес пекарю. Затем подождал полчаса, пока они запекались.

Си Мохтара он, как всегда, отыскал в кафе. Хасан сел и заказал стакан кофе. Они закурили трубки с кифом.

Я приготовил снадобье, сказал Хасан.

Хорошо.

Вскоре они встали и пошли к Хасану. Тот показал старику шарики, а Си Мохтар сказал: Да, вот так они и выглядели, когда я их готовил. Он взял нож и разрезал один шарик напополам.

Съешь. А теперь выпей стакан горячего чая.

Хасан так и сделал.

Примерно через полчаса Хасана бросило в пот. Он закрыл глаза, и ему почудились неслыханные звуки, а перед глазами проносились невиданные картины. Хасану представлялось, что он плывет по воздуху.

Вскоре Си Мохтар спросил, что Хасан чувствует.

Ах, ответил тот. Я не верю в этот мир. Есть другой мир, и там другая жизнь. Я же тебе говорил.

Я знал, что вы не лжете. В общем, я чувствую себя прекрасно.

Немного спустя кровь прилила к члену Хасана, и член пробудился. Си Мохтар это заметил. И снова спросил Хасана, как тот себя чувствует.

Еще лучше.

Мне пора, произнес Си Мохтар, вставая.

Возьмите снадобья, предложил Хасан. Старик взял три шарика и положил их в капюшон своей джеллабы. А потом ушел.

В ту ночь Хасан лег в постель, но ему совсем не хотелось спать. Вскоре он встал, оделся и отправился на Сокко-Чико. Проходя мимо «Кафе Сен-траль», он заглянул и увидел, что там в одиночестве сидит молодая американка. Он зашел и уселся за соседний столик. Затем он заговорил с девушкой, и она ему ответила.

Хасан пересел к ней, и они поговорили. Вскоре он достал трубку с кифом, набил ее и протянул девушке. Она покурила и улыбнулась. Оба выпили кофе. Когда Хасан пригласил ее к себе, она согласилась, но сказала, что сначала ей нужно в гостиницу.

Хасан заплатил, и они пошли в маленькую, темную и очень грязную гостиницу неподалеку от Сокко-Чико. Хасан поднялся вместе с девушкой по лестнице, и она открыла дверь. На кровати лежал парень.

Это мой друг, сказала девушка. Можно он тоже пойдет?

Хасан был уверен, что если сказать «нет», она не пойдет с ним, и потому сказал: Да, конечно. Между тем он размышлял, как избавиться от парня. Снова на него взглянул. У парня были длинные золотистые волосы, как у девушки, а на шее куча бус и каких-то странных штуковин.

Втроем отправились к Хасану. Дома тот усадил их и поставил воду для чая.

Шарики агребии лежали в тарелке на столе, и девушка с другом их рассматривали. Это пирожки с гашишем? – поинтересовалась девушка.

Это агребия. Попробуй.

Хасан дал девушке полпирожка, и она съела, а затем протянула руку и взяла вторую половинку. Не успел Хасан опомниться, девушка проглотила и ее. Отговаривать было поздно, и потому он промолчал. Собрался было унести тарелку, но парень тоже захотел шарик. Хасан дал и ему.

Они выпили чаю. Минут через двадцать Хасан увидел, что глаза у девушки почти закрыты, и она вспотела. Он вгляделся в парня, проверяя, заметил ли тот, и увидел, что на парня тоже подействовало снадобье.

Все хорошо? – спросил Хасан.

Чудесно! – воскликнула девушка. Я очутилась в сказочном месте. Ветер овеивает меня, точно музыка – музыка, какой не услышишь в нашем мире. Я порвала со всем земным. Я парю в небесах! В небесах!

Да-да, сказал Хасан. Так и есть.

Парень просто сидел, закрыв глаза, и улыбался. Девушка провела пальцами по его длинным волосам и сказала Хасану: Мой друг чувствует то же, что и я. Он тоже на небесах.

Потом она обратилась к парню на своем родном языке, а он повернулся и поцеловал ее, не открывая глаз.

Хасан взял тарелку с агребией и протянул парню, надеясь, что тот, если съест еще, возможно, отключится. Но парень открыл глаза, увидел блюдо и покачал головой, не отпуская девушку. Хасан сидел, не веря своим глазам, а двое американцев раздели друг друга и занялись любовью прямо у него на кровати. От изумления он будто к месту прирос и лишился дара речи. Потом вскочил, взобрался по лестнице на крышу и больше часа ходил взад-вперед. Когда спустился, американцы уже оделись и сидели на кровати, глядя друг на друга. Хасан открыл дверь, они встали и побрели на улицу. Потом он захлопнул дверь и запер на засов.

На следующий день Хасан встретил в кафе Си Мохтара. Тот был в прекрасном настроении. Я всю ночь провел с девушкой, сказал старик. Я съел твоей агребии. И он рассказал о минувшей ночи.

Вскоре Си Мохтар заметил, что Хасан не слушает, и потому больше об этом не говорил.

МОРЕ ПОСРЕДИ УЛИЦЫ

Некий курильщик проснулся утром, позавтракал с женой и закурил киф, смешанный с кокой. При виде этого жена возмутилась: Может, тебе лучше покурить с утра табака, а киф с кокой оставить хотя бы до обеда? Ты ведь еще даже на рынок не сходил.

Но муж ответил, что выкурит всего пару трубочек, а потом пойдет на рынок. Он выкурил только две трубки, встал и вышел. Купил овощей на сегодня и все, что им с женой было нужно. Напоследок он зашел на рыбный рынок, где держал ларек его старый приятель. Они поздоровались и похлопали друг друга по спине.

Как сегодня твой киф? – спросил торговец рыбой, у которого не было с собой своего.

Мой киф всегда первоклассный, ответил человек. Сам нарезаю каждый день.

Набей-ка мне трубочку?

Человек набил себси, и продавец рыбы закурил. Заходи, сказал он. Угости тебя горячим чаем.

Человек шагнул внутрь и сел, а друг налил ему стакан чая. Так они просидели с час, разговаривая, покуривая и попивая чай. Затем человек купил кило меч-рыбы, заплатил и пошел домой. Голова у него звенела от выкуренного кифа.

Жена открыла дверь. Ты так долго ходил, сказала она. Обед сегодня будет очень поздно.

Представь себе, ответил он. Я встретил человека, которого не видел много лет. Мы разговорились и не заметили, как время пролетело. Ты проголодалась?

Я немного поела.

Вот еда. Он выложил покупки. Приготовишь?

А масло где? Ты же не принес масла.

Дай бутылку, я схожу и возьму.

Она принесла старую бутылку из-под французского вина с большим углублением на донышке. Человек взял бутылку и пошел в ближайший магазин.

Бакал стоял за прилавком и держал трубку для кифа, как раз собираясь ее раскурить. Вместо этого он поздоровался с человеком и протянул трубку ему. Человек закурил и сел на ящик в дверях. Затем снова набил трубку и передал ее обратно бакалу. Дай мне лимонада, попросил он. Пить хочется.

Бакал открыл две бутылки лимонада, оба покурили и разговорились. Пустая винная бутылка лежала на полу, а жена тем временем ждала масла.

Она немного посидела, но потом, устав ждать, решила одолжить масла у соседки. Вернувшись домой, она еще чуть-чуть подождала. Наконец она так сильно проголодалась, что приготовила рыбу и съела ее сама.

Человек все сидел с бакалом, разговаривал и смеялся. Когда заходили покупатели, бакал их обслуживал, а человек набивал трубку и курил, дожидаясь, пока бакал снова сядет.

Стемнело. Вдруг человек поднял голову и вскрикнул.

Что такое? – спросил бакал.

Дай мне литр масла. Жена ждет. Он протянул бутылку бакалу, а тот отмерил литр масла и стал переливать его в бутылку. Вскоре она наполнилась, но из-за углубления на донышке в мерном сосуде осталось еще очень много масла.

Все не влезло, заметил бакал. Куда мне его перелить?

Человек постоял, глядя на бутылку в руке, а потом нащупал углубление и перевернул бутылку вверх дном.

Сюда, сказал он, показывая бакалу на углубление. Лей сюда.

Бакал уставился на него и на масло, которое залило весь прилавок и стекало на пол. Но продавец выкурил слишком много кифа и потому вылил остатки масла в углубление на донышке.

Человек заплатил ему, попрощался и вышел из магазина. Наступил вечер, подул легкий ветер с востока. Едва человек ступил за дверь и вдохнул свежий воздух, весь выкуренный киф мгновенно расцвел у него в мозгу.

Человек пришел на свою улицу и застыл, глядя, как она простирается вдаль. Вместо улицы он увидел море, и высокие волны катились к нему в лунном свете.

Вот так море! – подумал он и пожал плечами. Потом снял куртку и брюки, рубашку и трусы. Раздевшись догола, заботливо завернул бутылку с маслом в одежду и привязал узел к макушке, чтобы можно было плыть. Потом высоко подпрыгнул и нырнул в волны.

Он приземлился на живот под кактусовой изгородью в кучи экскрементов. Сильные волны, подумал он и пополз дальше по улице, словно плывя по воде, пока не добрался до двери своего дома. Затем он встал и постучался.

Когда жена увидела, что он голый, весь в крови и измазан экскрементами, у нее отвисла челюсть и отнялся дар речи.

Ты что, не видишь? – закричал человек. Океан подступил к порогу. Взгляни, какие там волны!

Она взяла мужа в охапку, затащила в дом и захлопнула дверь. Потом втолкнула мужа в уборную и выплеснула на него много ведер воды. Затем вытерла его насухо и уложила в постель.

Посреди ночи он окликнул жену: Я принес масла! Теперь можешь пожарить рыбу. Есть охота.

ДВОЕ ДРУЗЕЙ И ДОЖДЬ

У двух друзей, Фариды и Мансуры, ларьки стояли на рынке бок о бок. Оба парня любили курить киф и есть гашиш, поэтому решили жить вдвоем. Они нашли себе дом с одной-единственной комнатой. У них была тростниковая цинов-

ка, столик, сундук, жаровня и один котелок. Чай они заваривали в консервной банке. Зато у них было два матраса, и к каждому прилагалось одеяло.

Как-то дождливым вечером посреди зимы они съели большой тажин из баранины с айвой, а затем, сытые и довольные, улеглись по матрасам и выкурили много трубок кифа. Вскоре Фарид встал и достал плитку гашиша.

Шел очень сильный дождь, и дом качался от ветра. Они долго сидели, отщипывая гашиш и слушая дождь. Наконец, Мансур выключил свет, и оба закрыли глаза и отправились в путешествие к иным мирам.

Дождь все лил и лил, барабанил все громче. В комнате было очень темно. Вскоре так зашумело, что Фарид вернулся оттуда, где был.

Ну и гроза! – сказал он. Только послушай, какой дождь.

Это не дождь, дружок, ответил Мансур.

Не дождь? А что же тогда?

Это вода.

Фарид засмеялся. Но Мансур сказал: Нечего тут смеяться. Это не одно и то же. Дождь – это дождь, а вода – это вода. И на крышу льется вода.

Мне нужно поспать, сказал Фарид. Я не могу всю ночь разговаривать. Ты сам первым начал, возразил Мансур.

Они замолчали. Загрохотало сильнее. Мансур лежал на спине. Он почти заснул. Тогда-то крыша и протекла. Сначала что-то закапало ему на левое веко. Вскоре капли зачастили. Вода брызгала на веки, стекала по лицу и шее. Мансур снова собрался было в иные миры, но дождь пригвоздил его к матрасу.

Наконец он позвал: Фарид!

Фарид лишь застонал.

Фарид! Сделай одолжение. Подойди сюда и подвинь мне чуть-чуть голову. Вода льется прямо в глаза.

Фарид снова застонал.

Тогда Мансур спросил: Что с тобой?

У меня на подушке крыса, и она норовит укусить меня за ухо. Ты не мог бы прогнать ее палкой?

Мансур лежал неподвижно. Ну и гроза! – вздохнул он. Дождь по-прежнему капал ему на лицо, но вскоре Мансур уснул.

Когда крыса наконец впилась зубами в мочку, Фариду удалось пошевелить рукой и прогнать грызуна. Потом он тоже уснул.

ДЕРЕВЬЯ ДУРМАНА

Два молодых друга, Хамед и Мустафа, несколько лет жили вместе. Они снимали трехкомнатный дом, и каждый платил половину аренды. Оба работали на Фундук-эх-Хиджра, где они ткали ковры. Вечером, закончив работу, друзья вместе шли в кафе или в кино, а потом возвращались домой. Они все делали вместе.

Но Мустафа раньше жил в Касабланке, и у него остались там друзья. Был среди них парень по имени Абдеслам, которого Мустафа не видел два года. И вот Абдеслам неожиданно написал, что хочет навестить Мустафу в Танжере.

Мустафа знал, что Хамед не ладит с людьми из Касабланки, и потому рассказал ему о письме, чтобы посмотреть на реакцию. Мустафа сомневался, что Хамед согласится принять Абдеслама в их доме.

Но Хамед лишь пожал плечами и сказал: Он же к тебе приезжает, а не ко мне. Мустафа решил, что Абдеслама вполне можно пригласить. Ему очень хотелось повидаться с другом.

В день прибытия Абдеслама они пошли на пляж и стали ждать автобуса. Когда тот подъехал, первым вышел Абдеслам. Он спрыгнул на землю, обнял Мустафу и расцеловал в обе щеки.

Абдеслам, это Хамед, мой друг.

Хамед и Абдеслам пожали руки. Все втроем сели в такси и поехали домой.

Там Мустафа приготовил чай для Абдеслама, а Хамед пошел на рынок за продуктами на ужин. Вернувшись, он сел и выпил с ними чаю, а потом достал свою себси, и они закурили.

Они побеседовали, и Мустафа заметил, что Абдеслам совсем не нравится Хамеду, но понадеялся, что из этого не выйдет беды. Вскоре Мустафа встал и вышел купить сигарет. Вернувшись, он обнаружил, что парни сердито уставились друг на друга, и ему показалось, что, приди он минутой позже, они бы уже подрались. Однако они продолжили беседу, и вскоре Хамед вышел на кухню приготовить ужин. Когда все было готово, Хамед принес еду в комнату и поставил на тайфор. Затем он нарезал хлеб.

Они приступили к еде, но у Хамеда пропал аппетит. Ему просто кусок в горло не лез. Внутри все сжималось.

Быстрее доедайте, сказал он. Меня пригласили в Маршан к американцам, и вы пойдете со мной.

После ужина они поймали такси и поехали вверх по холму в Маршан. В саду вокруг дома горели огни. Хамед позвонил, и ворота отворил американец с бокалом в руке.

Хамед представил американцу Мустафу и Абдеслама.

В одной комнате несколько американцев сидели, забросив ноги на стол, пили и смеялись. Трое гостей поздоровались со всеми по очереди и сели рядом на кушетку.

Хамед сидел у двери в сад. Он выглянул в проем и увидел большие деревья дурмана: с веток свисали гроздья крупных белых цветов.

Американец принес трем друзьям пирожные и кофе, поскольку виски они не пили. Хамед достал себси и выкурил четыре–пять трубок кифа. Затем он пристальнее всмотрелся в сад за домом. Он вспоминал оскорбления, что нанес ему Абдеслам, пока Мустафа ходил за сигаретами.

Хамед неотрывно смотрел в сад, где ветерок шевелил тенями в листве, и ему померещился женский силуэт за деревьями. Женщина была в белом хаике и махала ему.

Он положил трубку для кифа на стол и встал. Увидев лицо Хамеда, Мустафа вытаращил глаза и смотрел вслед, пока тот брел в сад.

Взгляд Хамеда был прикован к тому месту, где он увидел женщину. Под деревьями дурмана он надолго застыл, всматриваясь в темноту, где женщина стояла. Белые цветы источали сильный сладкий аромат.

Немного спустя американский друг Хамеда вышел узнать, почему тот застрял один в саду. Хамед не замечал американца, пока тот не тронул его за плечо. Хамед подскочил.

Что случилось? – спросил американец.

Ничего. Ты напугал меня.

Ты какой-то странный. Что произошло?

Хамед развернулся, медленно покачал головой и тихо сказал: Я никогда не знал своей матери. А затем направился к двери.

Он посидел с Мустафой, слушая разговоры и смех американцев. Через некоторое время снова встал и вышел в сад. На этот раз он остановился под деревом, сорвал шесть белых цветков и засунул в карман. Американец видел это из дверей, и когда Хамед вернулся в дом, спросил: А цветы не помнутся в кармане?

Ничего, ответил Хамед. Я люблю носить их с собой – они хорошо пахнут.

Американец рассмеялся, а Хамед вошел и сел. Вскоре он сказал Мустафе: Пошли.

Мустафа и Абдеслам встали. Они со всеми попрощались и вышли.

Дома Мустафа и Абдеслам сели и продолжили разговор. Хамед сказал, что сварит кофе. Они подняли головы и ответили, что не откажутся. Хамед ушел в кухню. Достав из кармана цветы, он бросил их в кастрюлю с водой. Долго стоял, глядя, как они варятся. Затем выловил их и выкинул в уборную. В желтой воде из-под цветов сварил очень крепкий кофе, разлил в два стакана и отнес в комнату. Затем вернулся в кухню, сварил кофе себе и сел вместе с друзьями.

Мустафа и Абдеслам пили кофе и разговаривали. Они все беседовали и беседовали, но вскоре стали сильно растягивать слова. Повисали длинные паузы, и наконец Мустафа закрыл глаза и кувырнулся на пол. Абдеслам сидел, раскрыв глаза и рот, и совсем не шевелился. Он как будто окаменел.

Хамед сел рядом и расстегнул ему ремень. Потом начал стаскивать с Абдеслама брюки. Тот не шелохнулся. Хамед снял с него брюки, а затем и трусы. Абдеслам по-прежнему не шевелился. Хамед толкнул его и перевернул на живот. Потом встал на колени и плюнул в просвет между его ягодицами. А затем отомстил Абдесламу за оскорбления, как велела женщина под деревьями дурмана. После Хамед ушел к себе и заснул.

Утром он встал и приготовил себе завтрак. Вскоре проснулся и Мустафа. Он поднялся с пола, где пролежал всю ночь, и увидел Абдеслама, лежавшего там же, где накануне оставил его Хамед, с голыми ягодицами. Мустафа молча посмотрел на Хамеда.

Да, я это сделал, сказал Хамед. Я поклялся матери и выполнил клятву. Мне нужно уйти. Когда твой друг проснется, последи за ним. Сначала он пощупает сзади рукой, затем посмотрит на тебя, быстро натянет штаны, пойдет на пляж и сядет в автобус до Касабланки. До скорого.

СЛОВА АЛЛАХА

Си Брахим был чрезвычайно религиозным человеком. Он очень сильно любил Коран и полагал, что другие люди недостаточно высоко ценят священное писание. Нередко он считал своим долгом предостерегать друзей и соседей от обычных грехов – воровства, содомии и пьянства. Кроме того, он щедро одаривал бедняков. Добрый человек, говорили ему вслед. Как святой, говорили другие. Они целовали ему руку и называли Шарифом.

Си Брахим владел большим базаром, куда каждый день приходили за покупками толпы туристов. Его сыну было уже почти двадцать, и, уходя молиться в мечеть, Си Брахим оставлял базар на этого юношу. Заслышав слова Корана, Си Брахим неизменно понимал, что жизнь прекрасна. Порой он проводил в мечети весь день, сидел в темном углу на циновке и просто слушал суры. Си Брахим знал, что большинство людей не могут позволить себе такой роскоши, но мечтал о том, чтобы другим тоже посчастливилось слушать священные слова день напролет.

Он долго над этим раздумывал и вот как-то раз пошел в индийский магазин и купил большой магнитофон. Вечером Си Брахим сказал сыну, что решил сделать соседям подарок. Запиши на эту пленку слова Корана, попросил он.

Юноша взял пленку и продержал ее у себя с неделю, пока не заполнил сурами из Корана, а потом вернул отцу.

Си Брахим выставил в окно динамики и включил магнитофон, чтобы люди на улице слышали слова Аллаха. Он очень обрадовался громкому и мощному звуку и был без ума от своей затеи. Прохожие тоже были довольны. Они благодарили Си Брахима: Да продлит Аллах годы вашей жизни!

Остаток дня Си Брахим блаженно просидел у окна, прокручивая пленку снова и снова. На следующий день он провел на базаре всего около часа, наскоро помолился в мечети и поспешил домой – трудиться на благо ближнего.

На третий день, когда он сидел у окна, вошла жена и сказала: Ты теперь так и будешь сидеть и играть с этой железякой?

Си Брахим возмутился. Я дарю людям слова Аллаха, женщина.

Дай нам хоть минуту покоя! Что с тобой стряслось? И она в раздражении вышла.

Через пару дней Си Брахим заметил, что люди больше не останавливаются послушать слова Корана, да и его самого благословениями никто не осыпает. Просто люди уже наслушались громких слов из окна. Многие в квартале решили, что Си Брахим слегка помешался. Слух об этом дошел до его родни, и им стало очень стыдно. Но они ничего не могли поделать. Сын успокаивал мать. Я что-нибудь придумаю, сказал он.

Си Брахим все сидел у окна, размышляя: Они не слушают. Не хотят слышать слова Аллаха. Как-то раз он не выдержал, спустился на улицу и начал останавливать прохожих.

Вы слышите эти слова? – кричал он. Тогда почему не обращаете внимания? Это же слова Божьи. А вы живете не так, как они вам велят.

И люди заговорили: Вот видите? Он совсем плох стал. Они качали головами и щелками языком. Си Брахим услышал и очень расстроился. В тот день он даже не осилил обед и вышел посидеть в кафе.

После его ухода сын решил навестить друга – парня, у которого тоже был магнитофон. Сын Си Брахима уговорил друга зайти в гости и прихватить магнитофон с собой. Они поставили два магнитофона рядом и переписали все суры Корана с пленки, только задом наперед. Затем сунули новую пленку в магнитофон Си Брахима и вышли в соседнюю комнату, где остальные родственники пили чай.

В кафе Си Брахим встретил давнего друга. Этот человек стал теперь заядлым курильщиком кифа. Они поговорили, и друг предложил Си Брахиму покурить.

Нет, я это не курю, сказал Си Брахим.

Ну и зря. Может, перестал бы тогда грустить.

Си Брахим не ответил. После паузы он сказал: Приходи ко мне ужинать. Хорошо, ответил человек.

Я поставлю тебе слова Аллаха на магнитофоне, сказал ему Си Брахим. Возможно, это отучит друга от пристрастия к кифу.

От жителей квартала человек уже слышал о магнитофоне Си Брахима. Уахха, сказал он.

Они заплатили кауаджи и направились к Си Брахиму. Едва они вошли, Си Брахим произнес: Люди больше не хотят слышать слова Аллаха.

Сын встретил их в дверях и вошел с ними в комнату. Пока отец не видел, юноша подмигнул гостю.

Мужчины сели. Си Брахим позвал жену, попросил ее заварить чай и объявил, что друг останется на ужин. Женщина вернулась к родственникам и сказала: Он пригласил на ужин старого хашейши. Только бы заставить кого-нибудь послушать эту его железяку. Несчастный хашейши, мне его жаль.

Тем временем Си Брахим встал и подошел к магнитофону. Он включил пленку, но слова звучали так, словно лягушки пытались говорить по-человечьи. Си Брахим в изумлении открыл рот, остановил магнитофон и переключил скорость. Теперь звуки напоминали птичий щебет. Он переключил скорость обратно и опять послушал, но не смог разобрать ни слова. Си Брахим покачал головой и хотел уже выключить машину.

В чем дело? – сказал друг. Дай послушать.

Си Брахим взглянул на него и, решив, что тот просто накурился кифа, вырубил магнитофон. С ним что-то не так, сказал он. Неправильно воспроизводит.

Не трогай его, сказал друг. Зачем ты выключил? Открой, и пусть играет. Ты же пригласил меня послушать слова Аллаха. Вот и дай мне послушать.

Гость понял, что сын Си Брахима хотел подшутить над отцом, и решил подыграть. Си Брахим снова включил магнитофон, и друг сказал: Хорошо. А теперь садись. Я набью тебе трубку, и мы послушаем.

Си Брахим так расстроился и растерялся, что взял трубку и закурил. Всякий раз, когда друг протягивал ему трубку, Си Брахим брал ее, и они слушали звуки, доносившиеся из динамиков. К середине пленки киф ударил Си Брахиму в голову. Ему показалось, что он начинает понимать эти звуки. Родственники изредка заглядывали в просвет между занавесками, видели двух мужчин и быстро отворачивались, чтобы скрыть смех.

Когда запись кончилась, Си Брахим повернулся к другу и сказал: Ты что-нибудь понял?

Понял? Конечно! А ты нет?

Си Брахим почесал подбородок. Не все, сказал он. Сегодня аппарат барахлит.

Чудесная машина. И работает идеально. Я понял каждое слово, возразил ему друг.

Тут Си Брахим услышал, как в соседней комнате смеется родня. Жена как раз говорила: Может, это послужит ему уроком, и он наконец даст нам покоя.

Но голова Си Брахима захмелела от кифа, и он неправильно понял слова жены. Решив, будто она жалуется на то, что он покурил кифа, Си Брахим очень рассердился.

Он встал и подошел к двери. Ошибаешься! – крикнул он. Я буду курить, когда захочу. И научусь сам резать киф, чтоб у меня каждый день был свежий. Что, съела, женщина?

Друг обрадовался его словам. После ужина он снова повел Си Брахима в кафе, и они курили до поздней ночи.

С тех пор Си Брахим дни напролет сидел в кафе, где резал и курил киф. К магнитофону он остыл и подарил его сыну.

ИСТОРИЯ РЕЗЧИКА КИФА

Когда я сидел без работы и ничем было заняться, я резал киф, чтобы заработать хоть каких-то денег. Я сидел в одном кафе в Бени-Макада и обрывал листья, пучок за пучком, а когда кафе заполнялось курильщиками, продавал киф им. В маленьких пакетиках, кому сколько нужно. Некоторые любили добавлять много табака, другим нравилось полегче. Просто я умел готовить хороший киф для настоящих курильщиков. Не будь он хорош, они бы не покупали. Ведь я брал только лучшие части растений.

Я как раз дорезал и играл в ронду с друзьями. У меня был лишний лист табака, и я оставил его пока на столе. Вскоре в кафе вошел человек. Он был в тюрбане и джеллабе, в желтых тапочках и с посохом, похожий на джибли. Мы взглянули на него, он сел и заказал «кока-колу», уплатил кауаджи, а мы

продолжили игру. Потом он взял лист табака, посмотрел на него и спросил: Это чье?

Я ответил, что мое, и он сказал, что хочет поговорить со мной на улице. Где?

На улице.

Ладно. Я встал и вышел вместе с ним.

У него там стояла машина.

Залезай, сказал он.

Вы кто?

Я из Табачного управления.

Залезаю в машину, едем к нему в контору. Там сидят трое французов. И четверо марокканцев.

А этот что делал? — спрашивают они.

Я его нашел в кафе. С листом табака. Джибли трясет листом.

Один француз оборачивается ко мне. Говорит по-арабски. Куришь киф?

Отвечаю, что если кто-нибудь угостит, то курю. А обычно, мол, курю табак.

А этот лист — ты где его достал? — интересуется.

Утром в кафе зашел человек. Я его раньше не видел. Он порезал киф, и у него остался один лист. Я спросил, можно ли мне взять, и он разрешил. А зачем тебе? — говорит француз.

Отвечаю, что многие курят киф, и когда режут, им иногда не хватает табака. Тогда я могу их выручить.

И ты не знаешь, что это преступление? *C'est défendu, ça!*¹ И давай тряс-ти листом у меня перед носом.

*Non, monsieur*², говорю. Я думал, мусульманам запрещено употреб-лять алкоголь, а не курить табак. И вообще, это всего один листок, и я да-же не знаю, чей он.

Они меня выводят, снова сажают в машину и везут в карцер, который у них раньше был за бараками в Бени-Макада. Шесть дней в крошечной темноте. Спать можно только на полу. А пол каменный. Спустя целых шесть дней и ночей они возвращаются, открывают дверь и велят мне выйти. Вы-хожу, и они отвозят меня обратно в контору.

Француз смотрит на меня и говорит, что на этот раз они меня отпустят. Только я должен заплатить штраф — пятьсот песет.

За что? За листик табака? Я говорю, что за двести песет можно купить целый килограмм, а он штрафует меня на пятьсот за один листик?

Или ты заплатишь, или отсидишь пять месяцев в тюрьме, отвечает он.

Я заплачу, говорю. Шести дней мне хватило.

Я плачу пятьсот, и он отпускает меня домой.

Дома вся семья пристает с расспросами, где я был. Я сказал, что был в Тетуане, чтобы не волновались. Помылся, переоделся и пошел в кафе.

1 Это запрещено (фр.). — Здесь и далее прим. пер.

2 Нет, мсье (фр.).

Как только я вошел, все стали говорить: Они поступили с тобой подло. Нельзя так с людьми.

Ничего не произошло, возразил я. В тот же день я вышел, купил два кило кифа и принес в кафе. Влез на сцену для музыкантов и все там расстелил. Трое друзей расселись вокруг и помогли мне поскорее управиться. Я окликнул кауаджи и попросил четыре стакана чая. Я хотел, чтоб им было весело и они быстро все сделали, поэтому я дал им кифа, и они курили за работой. Пока они занимались кифом, я управился с табаком. Мы закончили одновременно, и я начал резать. Когда пришли посетители, все уже было готово, так что я хоть этот день не потерял.

В те времена я мог достать кило кифа за полторы сотни песет. А еще за сто купить кило табаку. Обычно я на килограмме кифа наваривал шестьсот песет. Но порой в городе его было не найти. Нечего было продавать, и я искал киф повсюду.

Однажды я поехал на велосипеде в Эмсаллу к человеку, который иногда его продавал. У его дома я увидел толпу. А потом и людей из Табачного управления. Я замер и посмотрел, как выносят четыре мешка кифа, по сто кило каждый. Еще вынесли двести кило табаку. Человек и его брат вышли в наручниках. С ними были еще двое. Их всех, и киф, и табак запихнули в грузовик и укатали. Мне так жалко их стало. Теперь обоим на пять лет посадят в тюрьму, а киф и табак сожгут. Все это было очень грустно.

Я отправился в Чар-эдж-Джид к другому человеку. Он сказал, что киф у него не ахти какой, но это лучше, чем ничего. А табак? – спросил я.

Он ответил: Лучше нигде не достанешь. Сейчас не купишь ни кифа хорошего, ни табака. Как ни ввози, на грузовике, на машине, на осле или велосипеде, жандармы останавливают и находят.

Он запросил полторы сотни песет за килограмм, и я купил пять кило, да еще полтора табаку. Положил все это в пляжную сумку, пристегнул ее к багажнику велосипеда и поехал. Вскоре заметил на хвосте машину с двумя людьми. Куда бы я ни свернул, машина ехала за мной. Сердце у меня забилось. Наверняка они из Табачного управления. Я свернул налево и покатил вниз по крутому склону. Машина тоже свернула. Я искал какой-нибудь переулок, чтоб машина не втиснулась, а велосипед проехал, и катил дальше, а они медленно плелись сзади.

Так я добрался до Валь-Флорес. Там я увидел дорожку к реке, помчался по ней и оторвался от машины. Я гнал, пока не добрался до задов ночлежки. Затем покатил к хлебопекарне. Там остановился и отдал сумку пекарю, снова сел на велосипед и покружил с полчаса, а потом вернулся к пекарне. Тем временем пекарь вынул из сумки мешок с кифом, наполнил другой хлебными горбушками и сунул в пляжную сумку. Сумку он отдал мне, а я пристегнул ее к велосипеду и отправился в путь.

Не успеваю я доехать до кафе, как подруливает машина с двумя людьми. Я уже вхожу, а они кричат: Иди сюда!

Я только оборачиваюсь и смотрю на них, но иду, куда шел.

Они всё орут.

Я не отвечаю, захожу в кафе и сажусь. Они входят следом, и один хватает мою пляжную сумку.

Я ее вырываю и говорю: Убери руки! Зачем тебе моя сумка? Ты кто такой?

Тогда он показывает документы из Табачного управления. И снова тянется за сумкой. Что у тебя там?

Ничего.

Дай гляну.

Зачем?

Кауаджи подходит и говорит: Отдай ему, Мехди. Пусть посмотрит.

Ну, отдаю сумку. Он открывает и видит хлебные горбушки, и оба человека из машины таращатся друг на друга.

На этот раз ты выкрутился, говорит он. Посмотрим, как ты выкрутишься в следующий раз.

В следующий раз можете побрить меня без воды, отвечаю.

И побреем, говорит, и они ушли. Меня наконец попустило.

Я встал, вернулся в пекарню и отдал хлеб мааллему, а киф и табак отнес домой. Проблем больше не было, так что про Табачное управление я и думать забыл.

Мы с Азизом старались достать побольше кифа, чтобы, даже когда его нигде не останется, мы могли снабжать своих клиентов. Пару месяцев спустя у нас на двоих было килограммов сто двадцать пять. Привезли из самого Бени-Гузрфата, и весь товар лежал у меня дома.

Как-то днем мы сидели в кафе — я, Азиз и еще пара друзей. Они играли в карты, а я резал киф, и тут вошли эти люди.

Я все перед собой разложил. Так увлекся работой, что даже их не заметил.

Они посмотрели на меня и рассмеялись. Я только глаза таращу.

Они все собрали и завернули в газету. Азиз между тем сумел улизнуть и сел на мотоцикл. На этот раз их было четверо, и, посадив меня в машину, они сказали: Теперь вези нас к себе домой.

От этих слов у меня сердце екнуло. Ладно, сказал я.

Они отвезли меня домой, и двое вошли вместе со мной. Дома был мой брат, и, заметив, как я побледнел, он шепнул.

Азиз все забрал. Не волнуйся.

У меня немного отлегло на душе.

Эти двое обыскали весь дом. Заглядывали под кровати, в комоды и чуланы. Наконец вышли к машине и сказали двум другим, что ничего не нашли. Потом заспорили, вернулись в дом уже вчетвером и еще раз обыскали. В комнатах свалили все вещи грудой на полу и в конце концов сдались.

Пошли, сказали мне.

Я отсюда не уйду, пока не поможете навести порядок.

Они навели порядок, я вышел с ними к машине, и они отвезли меня в контору.

Что? — закричал француз. Опять его взяли?

Они развернули газету и разложили киф, табак, доску, нож и сито.

Вместе с инструментами забрали, сказал француз. Затем повернулся ко мне и давай рассказывать, что таким молодым людям вредно курить киф. Сказал, что я подорву себе здоровье, сойду с ума и подхвачу кучу болезней.

Когда он закончил, я ответил: От кифа еще никто с ума не сходил. И здоровье он не подрывает. От него никакого вреда, если хорошо есть и нормально спать. Люди сходят с ума и подрывают себе здоровье, когда у них нет денег.

Ну, хватит! – крикнул француз. Они очень не любят, когда им говорят о бедности.

Если вам не нравятся мои слова, я буду молчать, сказал я. Говорите вы.

Ты знаешь, что мы можем с тобой сделать? Мы можем посадить тебя на пять лет.

Я ответил: Вы не имеете права посадить меня даже на день. Да, я курю киф, и я изредка покупаю пучок, режу его и курю. Я его не продаю. Одного пучка мне хватает на три-четыре дня. Почему вы не ловите тех, кто продает? Вы наказываете тех, на кого вообще не должны обращать внимания, и не трогаете тех, кого должны наказывать.

Кого, например? – спросил француз.

Например, воров, убийц и пьяниц. Их-то вы не хватаете, а я сижу себе в кафе, никого не обижаю, не шумлю и просто занимаюсь своими делами.

Один мусульманин взглянул на меня. Любишь поболтать, да? – сказал он.

Пусть говорит, перебил француз. Продолжай.

Тогда я вас всех разозлю.

Ничего, давай.

Я не пью спиртного, сказал я. Кроме того, я очень нервный. Я курю киф, чтобы успокоиться. Пусть даже кто-то подойдет и захочет подраться – я не обращаю внимания, если покурил кифа. Я не понимаю, сижу я или стою. Если меня ударят, я не почувствую. Поэтому я не могу никого обидеть. Я курю себе киф и не шумлю. А вы бы лучше искали тех, у кого не пара пучков, а целые тонны.

Француз поинтересовался, могу ли я показать, где живут эти люди с целыми тоннами. Я ответил, мол, извините, но я не знаю их адресов.

Я живу на подачки, сказал я. Если друг покупает себе кифа, он и мне берет пучок. Изредка.

Француз молча смотрел на меня. Взвесьте киф, сказал он своим людям, и они взвесили. У него двести десять граммов, сказали они.

Взвесьте табак.

Сто двадцать граммов.

Тогда он повернулся ко мне. Ты знаешь, сколько это?

Нет. Сколько?

Двести десять граммов кифа – это четыре тысячи двести песет, а сто двадцать граммов табака – шесть тысяч песет. В сумме – десять тысяч двести песет. Округляем до десяти тысяч.

Я смогу заплатить, сказал я, но при одном условии.

Каком?

Я заплачу, если вы дадите мне работу. Буду платить по чуть-чуть каждый месяц. Когда уплачу всё, можете меня уволить.

Понятно, сказал он. Ты очень смысленный, да? *Vous êtes très intelligent, monsieur. Très intelligent.*

Он рассердился, но я продолжал игру. Если умеешь ходить, ешь и живешь на свете, значит, уже умный, сказал я. Даже осел умный.

Мусульмане усмехнулись. *Il se fiche de ma gueule*³, недовольно проворчал француз.

Но это правда! – возразил я. Если бы осел не был умным, как бы он понимал, что «арра» значит «иди», а «шо» значит «стой»? Как бы он понимал разницу?

Один мусульманин сказал: Правильно, а другой ему: Да ты с ума сошел, и они заспорили.

Француз нахмурился, прикрикнул на них, и все притихли. Тогда он обратился ко мне: В прошлый раз ты выкрутился, но теперь придется заплатить.

В прошлый раз они просто хотели посмотреть, что в мешке из моей пляжной сумки, сказал я.

И что там было?

Только хлебные горбушки. Для рыбалки. Иногда и сам их ем. Потому что у меня нет работы. Я сижу в кафе. Но у меня добрые друзья. Каждый чуть-чуть помогает.

В конце концов они отвели меня в комнату и заперли. Я просидел там два с половиной часа. Потом они пришли и отвели меня обратно к француз.

Я тебя пожалел, сказал он. Так что можешь идти.

Сделайте одолжение.

Какое?

Оставьте себе киф и табак, но отдайте доску и нож.

Ни в коем случае! Еще что выдумал!

Просто человек, который их подарил, уже умер. Эти доска и нож – самые дорогие для меня вещи.

Француз хмуро взглянул на меня. И прямо перед мусульманами сказал: С меня хватит. Забирай все.

Я завернул все – киф, табак, доску, сито, нож – и поблагодарил его.

Убирайся отсюда, сказал он.

Я вернулся в кафе. Там все сидели грустные. Увидев меня, подскочили. Что было?

Я развернул инструменты и показал. Все на месте, сказал я, поднялся на сцену и попросил у кауаджи стакан чая. Ну а потом принялся резать.

3 Он надо мной издевается (фр.).

ПРИМЕЧАНИЯ ПОЛА БОУЛЗА

Заросли тростника

Муж, который держит жену дома взаперти и сам ходит на рынок, – распространенное явление даже в наши дни. Дед Мрабета убил одну из своих жен только за то, что она стояла полностью одетой в открытых дверях и смотрела на улицу.

Грядка с кифом

Это характеристика, данная рифцем своему традиционному врагу джибли. Самыми ожесточенными уличными боями в моем квартале Танжера были стычки больших семей рифцев и больших семей джебала. Мужчин поддерживают женщины и дети: из окон летит мебель, с крыш – кирпичи.

Врач из Шемела

Слово «шемел», означающее «левый» (в противоположность «правому»), также обозначает восток. (Если в Медине повернуться лицом к Мекке, восток будет слева.) В Марокко Шемелом называют Риф.

Ншайуи – это, как правило, человек с явным психопатическим расстройством, который настолько пристрастился к каннабису, что практически все часы бодрствования занят его приготовлением и потреблением. Это типичный персонаж народных сказителей – вероятно, современная разновидность Абу Нуваса из «Тысячи и одной ночи», который отличался безграничной тягой и способностью употреблять каннабис в любом виде. Иногда его еще называют хашейши.

Хасан и агребия

Агребия – маленькое и довольно твердое печенье, которое обычно по штучке раздают гостям на свадьбах или наречении недельного младенца. Оно относится к продуктам питания и не обладает никакими терапевтическими свойствами. Однако домашний рецепт не совпадает с рецептом Си Мохтара, см. ниже:

Агребия

½ кг бобов харуа

2 кг цельнозерновой муки

5 яиц

¼ кг сушеного зеленого миндаля, предварительно вымоченного в ступке

¼ кг молотых лесных орехов

¼ сахара

¼ кг прогорклого овечьего масла

Варите бобы харуа в котелке с водой, пока вода не почернеет. Это займет больше часа, и, возможно, понадобится добавить воды. Достаньте бобы

из воды, положите на сковородку и нагревайте, встряхивая, пока полностью не высушатся. Затем мелко разотрите их в ступке. Добавьте муку, сахар, яйца и размешайте. К миндалю и лесным орехам добавьте горсть не-
лущеных кунжутных семян и один тертый мускатный орех, и высыпьте всю смесь в тесто. Затем долейте черной бобовой воды и хорошо перемешайте. Намажьте ладони прогорклым овечьим маслом и легко проведите ими по тесту. Водите ладонями, пока поверхность теста не впитает все овечье масло. Посыпьте сверху сахаром и разрежьте на полоски, которые затем можно разрезать на кубики, а кубики скатать в шарики. Запекать полчаса в очень горячей печи.

Море посреди улицы

Кока – измельченные сухие семена красного мака. Некоторые курильщики подмешивают порошок коки в киф, утверждая, что она усиливает эффект.

Деревья дурмана

Подсыпать цветы *райты* (дурмана) в еду или питье друзей – типичная злая шутка.

Перевод Валерия Нугатова

• ДОСЬЕ •

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В 1975 году Дюрас выпустила свой самый знаменитый фильм *India Song*, на показе которого в Кане присутствовал студент философского факультета Ян Леме. Уже знакомый с творчеством писательницы – по словам Леме, роман «Лошадки Тарквинии», вышедший в 1970 году, перевернул его жизнь, – он подходит к Дюрас и просит разрешения написать ей. Дюрас дает ему парижский адрес. Так начинается долгая эпопея с письмами, когда Леме шлет послания почти каждый день, а иногда и несколько раз в день. Спустя пять лет Дюрас наконец отвечает ему и приглашает в Трувилль: «Приезжайте, выпьем по стаканчику. Это недалеко от Кана». В то время она пишет статьи для *Libération*, которые позже войдут в сборник «Лето 80-го», и Ян Леме, переименованный писательницей в Яна Андреа, почти сразу появляется на страницах ее книг. Спустя два года Дюрас публикует «Человека с Атлантики» и снимает одноименный фильм, их главный герой – Андреа. В то же время Дюрас начинает писать текст, который планирует включить в сборник *Outside*: незаконченный откровенный рассказ с условным заглавием «Я смотрю на вас, или 1 июля 1982-го» вышел в свет лишь в 2014 году в полном собрании сочинений как сопроводительный документ к «Болезни смерти». Как бы ни старалась Дюрас позже романтизировать фигуру оставшегося жить с ней Яна Леме-Андреа, в коротком опусе «Я смотрю на вас» весьма эмоционально, а порой и грубо высказано все, что испытывала писательница в течение двух лет жизни, «невыносимой» для них обоих.

Рассказ этот ни в коей мере не послужил поводом для разрыва: с августа по октябрь 1982 года Дюрас пишет свое программное произведение «Болезнь смерти». Готовый текст подвергается нещадной правке: вычеркивается все, «без чего можно обойтись». Главная цель писательницы в том, чтобы книга читалась на едином дыхании, без пауз, чтобы краткость текста могла даже ранить. Вычеркиваются порой весьма резкие фразы, предложения укорачиваются, становясь мягче. В январе 1983-го «Болезнь смерти» выходит в свет. По воспоминаниям современников, был такой случай: Дюрас и Андреа сидели в ресторане Трувиля, к ним подошли молодые люди, только что купившие книгу, чтобы взять автограф, Дюрас их спросила: «Вы знаете, о ком написана эта книга? Вот он!»

Однако в дальнейшем она перестанет говорить, что сложносочиненная многоровневая «Болезнь смерти» написана о ней и Яне. Она будет писать к этой книге одну аннотацию за другой, и ни одна ей не будет нравиться, в последней версии презентационного текста вычеркнуты все имена и даже инициалы. Дюрас хочет поставить по книге спектакль и, возможно, снять

фильм. Эти идеи преследуют ее десять лет, вплоть до 1992 года. Дюрас проговаривается в интервью, что получила круглую сумму от министерства культуры Франции на постановку в театре. В 1985 году Петер Хандке снимает по книге фильм *Das Mal des Todes*, его показывают на фестивале в Каннах, но Дюрас, которой Хандке нравится, фильм невзлюбила. Во французском прокате он по настоянию писательницы выходит с немецким, а не французским названием. В этом же году Дюрас получает предложение от Люка Бонди поставить «Болезнь смерти» для немецкой «Шаубюне», которой руководит Петер Штайн. Дюрас пишет одну театральную адаптацию за другой, но опять то же самое: ни одна версия ей не нравится, она постоянно меняет описания декораций, увеличивает число актеров. Текст меняется, разрастается, снова уничтожается. Заголовки, в том числе предлагаемые Андреа, отвергаются все подряд: «Гелиотроп и цитрон», «Аромат цитрона и гелиотропа», «Болезнь в жизни» «Человек в центре», «Сон», «Черный корабль». В итоге пьеса в переводе Хандке, озаглавленная теперь *Die Krankheit Tod*, будет впервые поставлена в театре на берлинской сцене «Шаубюне» Бобом Уилсоном в декабре 1991 года.

В интервью, которое Дюрас дала Андреа для *Libération* по случаю выхода «Болезни смерти» в январе 1983 года, писательница говорит: «Болезнь смерти – это то, что вы могли бы подхватить, прочитай книгу с таким названием, – хотя ее на самом деле не существует – это очень древняя книга, повествование почти бесконечное. Она навсегда оставила бы в вас след, стереть который невозможно».

Дюрас и сама никак не могла избавиться от сюжета книги, родившейся с приходом в ее жизнь Андреа. Спустя четыре года она написала об этом текст, который был опубликован сначала в *Libération*, а потом, несмотря на краткость, вышел в *Minuit* отдельной книгой под названием «Шлюха с нормандского берега». Цикл о Яне Андреа на этом не был закончен, а последовавшая за выходом «Болезни смерти» подготовка к театральной постановке подтолкнула Дюрас написать роман «Голубые глаза, черные волосы», уже знакомый русскоязычному читателю в моем переводе.

Алексей Воинов

МАРГЕРИТ ДЮРАС

ШЛЮХА С НОРМАНДСКОГО БЕРЕГА

...Люк Бонди попросил меня поставить «Болезнь смерти» для «Шаубюне» в Берлине. Я согласилась, но сказала ему, что тогда мне следует сделать вначале театральную адаптацию, распределить текст так, чтобы можно было его читать, а не играть. Я сделала адаптацию. В той версии сами герои уже молчали, актеры же пересказывали их историю, повторяли их слова, описывали, что с ними случилось.

Все сценические пассажи – их оказалось десять или двенадцать – были на своем месте. Их следовало читать, равно как и диалоги героев. Женщина была уже не в центре повествования, ее оставили в стороне. Все было обращено к мужчине, не к женщине. Спустя два дня после того, как я отправила эту театральную адаптацию «Болезни смерти» в Берлин, я туда позвонила и попросила выслать ее мне обратно, поскольку я отказывалась от постановки. Я сказала об этом Яну. Я часто говорю ему о том, что делаю. Оставшись без рукописи, я поняла, что ошиблась. Я сделала именно то, чего старалась избежать. Я вернулась к «Болезни смерти», к ее трехголосной структуре, к ее неделимой застывшей форме. Я углубилась в себя, стала противоположностью писателя. Мною двигала иллюзия неизбежности, от которой я тщетно пыталась уйти. Я сказала об этом Яну. Он мне не поверил. Он уже часто видел, как я останавливаюсь, застреваю в начале нового проекта. Потом снова берусь за дело. Я трижды принималась за эту адаптацию для берлинской сцены, последний раз – наняв машинистку и по расписанию. В этот раз я диктовала текст идеальной адаптации, я была в том уверена, но на самом деле она была хуже всех остальных, напыщенной и наивной. Я трижды пыталась. Я отталкивалась от «Болезни смерти» и к ней же возвращалась. Не отдавая себе отчета в процессе. Я снова и снова оказывалась там, постоянно в одном и том же месте книги, потерявшаяся, обездвиженная. Я больше не могла рассчитывать на себя, я запуталась. Плюс ко всему я поняла это на стадии окончательной, чистовой перепечатки. Я могла сделать только одно: отказаться от неверного решения, отказаться от театра. Я снова рассказала все Яну. Сказала ему, что все кончено. Мне надоело терять время, я отказывалась от театральной адаптации этого текста. Я сказала, что поняла в последний раз: «Болезнь смерти» столь очевидно двусмысленна, что нужно использовать иные средства, дабы с ней справиться, я ничего не могу с этим поделать. Я по-прежнему ничего не знаю о том, почему мне с этим текстом было так трудно.

А потом была эта история с Кийбефом, я не обратила тогда внимания. Это произошло почти сразу после того, как я вновь принялась за книгу под названием «Солгавший», которую тоже бросила. И вот однажды, был жаркий вечер, наступила ночь... Июнь, разгар лета... Я начала писать о лете, о жарких вечерах... Я не знала, зачем, но продолжала...

Лето 1986-го года. Я пишу историю. Все лето напролет, каждый день, иногда вечером, иногда ночью. Именно в этот период с Яном начинается что-то твориться, он постоянно ругается, орет. По два часа каждый день он печатает на машинке книгу. В ней рассказывается о том, что мне семнадцать и я влюблена в человека, которому ненавистны мое желание, само мое тело. Ян печатает под диктовку. Пока он печатает, он не кричит. Это потом начинается. Он орет на меня, ему что-то нужно, но он не знает что именно. Он чего-то хочет, но не знает чего. Поэтому он орет, чтобы сказать, что не знает, чего он хочет. И еще для того, чтобы узнать, чтобы в потоке его слов из него вышло, чего же именно ему хочется. Ему не удается отделить эту деталь, эту вещь от того, что ему хочется этим летом, от всего того, что ему всегда хотелось. Я почти никогда его не вижу, не вижу Яна. Его почти все время нет в квартире, где мы живем вместе, на берегу моря. Он повсюду ходит. Целыми днями бродит, иногда по одному и тому же пути. Идет от холма к холму. Заходит в большие отели, ищет красавцев. Находит несколько симпатичных барменов. Еще он ищет на полях для гольфа. Садится в холле отеля «Гольф» и ждет, смотрит. Вечером он говорит: «Я хорошо отдохнул в отеле «Гольф», мне было спокойно». Иногда он засыпает на диванах отеля «Гольф», но, поскольку он хорошо одет, — Ян очень элегантен, во всем белом, — его не будят. Он все время таскает с собой старую синюю холщовую сумку огромных размеров, которую я сшила на случай, если он соберется пойти по магазинам. Он кладет туда деньги. По ночам он ходит в «Мелодию». Ближе к вечеру он отправляется в «Нормандию». В Трувиле он ходит в «Бельвиль». Когда возвращается, он орет, ругает меня, а я продолжаю писать. Что бы я ни сказала — «Добрый вечер!», «Все в порядке?», «Вы ужинали?», «Устали?», — он вопит.

Целый месяц он требует по ночам машину, чтобы поехать повидаться с друзьями в Кане. Я отказываюсь дать ему ключи, потому что боюсь. Тогда он берет такси, он становится лучшим другом таксистов, любимым клиентом. Я продолжаю писать, когда он вопит. Вначале было сложно. Я думала, насколько он несправедлив, когда так на меня кричит. Что это нехорошо. И, когда я писала и видела, что вот он приходит, знала, что сейчас он начнет орать, я уже не могла писать или, вернее сказать, наполнявшие пространство строчки вдруг исчезали. Нечего было больше писать, и я писала отдельные предложения, слова, рисовала что-то, чтобы сделать вид, будто не слышу криков. Недели напролет я сидела и исписывала ворохи бумаг различными текстами. Теперь я думаю, те из них, что казались мне наиболее бессвязными, на самом деле были самыми важными для книги, которая вот-вот должна была появиться. Но я ничего об этом тогда не знала. Я не говорила ему, что эта иллюзорная несправедливость и ругань на дают мне писать. Вскоре я не могла писать даже тогда, когда его не было. Я ждала его криков, воплей, но продолжала заполнять бумагу фразами, чуждыми книге, уже зарождавшейся, витавшей где-то рядом, в чуждой ей обстановке: это был чистый вымысел.

В конечном счете, установился определенный порядок, за который я не была ответственна, – это я-то, пишушая текст, за который был ответствен Ян, он один, – который текстов никаких не писал, ему это было не нужно, у него и мыслей никаких не было, кроме одной – на корню истребить все, что хоть как-то способствовало созиданию. Он знал о себе и своем гневe столь же мало, как всякий зверь, то есть ничего, он даже не знал, что именно он кричит. В таких условиях, за месяц до срока, когда я обещала отправить рукопись, я принялась писать книгу, которую не собиралась бросать, то есть искать этого человека – Яна, – но не там, где он сам находился, я отыскивала его в месте, чуждом ему и книге, к примеру – среди пейзажей около Сены. Да, зачастую там. И еще о нем самом, о его улыбке – улыбке Яна, – о его походке, о его руках – руках Яна. Я полностью отделила его от его слов, будто он произносил их, о том не ведая, и поэтому заболел. И так я поняла, что он был прав. Был прав, когда так сильно чего-то хотел, чем бы оно ни было. Каким бы жутким оно ни было. Порой я думала, что все-таки умру. Поскольку после курса лечения, который я прошла четыре года назад, здоровье оставалось слабым, я часто думаю, что смерть уже тут, совсем рядом. Он хотел все сразу, он хотел уничтожить книгу и боялся за книгу. Многие недели он по два часа в день для меня печатал. Печатал версии, разные куски текста. Он знал, что книга уже существует. Он говорил мне: «Какого черта вы все время пишете, целыми днями? Вас все бросили! Вы сумасшедшая, идиотка, шлюха с нормандского берега! Вы осточертели!» Потом, случалось, мы хохотали. Он боялся, что я умру, не дописав книгу, быть может, или, скорее, что я ее выкину, опять выброшу.

О Кийбефе я больше не думала, но иногда меня тянуло туда. Я отправлялась туда с друзьями, но я не знала, почему так привязалась к этому чуждому месту, я думала, что все из-за речки, которая течет прямо у площади, где стоит кафе. Я думала, что это из-за того неба, что над Сиамом, небо было желтым от нефти, а самого Сиам уже не существовало.

Иногда он, счастливый, возвращался в пять утра. Я уже ни о чем его не спрашивала, не заговаривала с ним, не говорила ему «Здравствуйте!», как прежде, когда от одного этого слова испытывала счастье. И теперь он просто буйствовал, он был ужасен, и несколько раз я даже пугалась, мне все чаще думалось, что он прав, но я уже не могла бросить книгу, как и он не мог перестать гневаться. Я не очень хорошо понимаю, из-за чего он кричал. Думаю, что из-за книги как таковой, независимо, правдива она или лжива, вне всяких определений, без каких-либо предлогов, извинений и т. д. Что бы ни происходило, надо сделать книгу. Вот, что это было. Это не имело никакого отношения к благоразумию разума или же безрассудству того же разума. И уничтожить ее. Что-то вроде такой цели. Я это знала. Я узнавала все больше о Яне. В конце концов, это стало похоже на соревнование. Двигаться вперед быстрее него, дабы закончить книгу, прежде чем он ее погубит. Я жила с этим все лето. И еще я должна была надеяться. Я жаловалась людям, но не говорила о главном, о том, что рассказываю здесь. Посколь-

ку думала, что они не смогут понять. Поскольку не было в моей жизни ничего более противозаконного, чем наша история, моя и Яна. Это была история, которая больше нигде не могла случиться, только здесь, где были мы.

Невозможно говорить о том, чем Ян занимался все это время, все это лето. Это невозможно. Он был совершенно нечитаем, непредсказуем. Можно сказать, он был беспределен. Он пустился во все тяжкие, ходил по всем этим отелям, искал невероятных красавцев, барменов, высоких барменов из чужих стран, из Аргентины или Кубы. Он пустился во все тяжкие. Ян. И все эти тяжкие к концу дня, к концу ночи соединялись в нем воедино. Они соединялись в безумной надежде возможного скандала, образуя немыслимое расхожее клише, и при этом речь шла о моей жизни. В конце концов, все это стало читаемо. Мы добрались до места, где была какая-то жизнь. Иногда мы получали о том сигналы. Она – жизнь – шла вдоль моря. Иногда она пересекала город в фургонах полиции нравов. Еще были приливы и отливы, и, потом – Кийбеф, о котором известно, что он существует где-то вдали, что он, в то же время, повсюду, как Ян.

Когда я писала «Болезнь смерти», я не умела писать о Яне. Это то, что я знаю. Теперь читатели скажут: «Да что тут такое? Ничего ведь не случилось, поскольку ничего и не происходило». Тогда как то, что происходило, случилось. И, когда ничего более не происходит, история в самом деле недостижима для письма и прочтения.

БОЛЕЗНЬ СМЕРТИ

Вы не должны были знать ее раньше, вы могли бы отыскать ее где угодно: в отеле, на улице, в поезде, в баре, в книге, в фильме, в себе самом, в себе, в тебе, стоило только ночью вздыбиться члену, взывающему, чтобы его вонзили в кого-нибудь, чтобы он мог где-нибудь выплакать переполняющие его слезы.

Вы могли бы ей заплатить.

Вы бы сказали: надо приходиться каждую ночь в течение долгого времени.

Она бы долго на вас смотрела, а потом ответила бы, что, в таком случае, это будет дорого стоить.

После она вас спрашивает: чего именно вы хотите?

Вы отвечаете, что хотите попробовать, испытать, как это, узнать, что это такое, привыкнуть к этому, к этому телу, груди, запаху, красоте, риску, что из этого тела могут появиться на свет дети, к лицу, на котором нет щетины, отсутствию мышц и всякой силы, обнаженной коже, этому странному явлению, что эта кожа скрывает под собой жизнь.

Вы говорите ей, что хотите попробовать. Вероятно, на это понадобится много дней.

Может, недель.

Может, даже вся ваша жизнь.

Она спрашивает: что именно попробовать?

Вы говорите: любить.

Она спрашивает: а что вы хотите еще попробовать?

Вы отвечаете, что уснуть у нее меж ног, там, где вам все незнакомо.

Вы говорите, что хотите попробовать, вы хотите там выплакаться, там, в этой точке вселенной.

Она улыбается, спрашивает: вы хотели бы меня всю?

Вы отвечаете: да. Я еще этого не знаю. Еще я хотел бы войти туда. С такой же силой, с которой я обычно привык это делать. Говорят, что все там противится, противостоит, что все там сама нежность, и она противостоит с силой еще большей, нежели пустота.

Она говорит, что ей это неизвестно, она не может об этом ничего знать.

Она спрашивает: есть еще какие-либо условия?

Вы говорите, что она должна молчать, как молчали женщины ее предков, полностью покоряться вам, вашему желанию, подчиняться всем существом, словно крестьянки в хижинах после жатвы, когда, обессилев, они подпускают к себе мужчин, провалившись в сон, все это, — чтобы вы могли понемногу привыкнуть к этим очертаниям, что соединятся с вашими собственными, что будут в вашей власти, словно монахини перед лицом Бога, и все это также, — чтобы понемногу, по мере того, как день удлиняется, вы бы

меньше страшились своего незнания, куда вам деть ваше собственное тело, какую пустоту полюбить.

Она смотрит на вас. Затем отворачивается, смотрит в сторону. Затем отвечает.

Она говорит, что в таком случае это еще дороже. Она произносит сумму. Вы соглашаетесь.

Она приходила бы каждый день. Она приходит каждый день.

В первый день она раздевается донага и ложится в кровати там, где вы ей указываете.

Вы смотрите, как она засыпает. Она молчит. Она засыпает. Вы смотрите на нее всю ночь.

Она приходила бы, когда стемнеет. Она приходит, когда стемнеет.

Вы смотрите на нее всю ночь. Вы смотрите на нее две ночи подряд.

Две ночи подряд она почти ничего не говорит.

Потом, однажды вечером она начинает говорить. Она говорит.

Она спрашивает вас, чувствуете ли вы себя менее одиноким в ее присутствии? Вы отвечаете, что не умеете распознать смысл этих слов, когда ими описывают ваши собственные ощущения. Что вы путаетесь в них, когда вам кажется, что вы один, и, напротив, когда вокруг вас действительно никого нет, затем вы добавляете: как в то время, когда вы рядом.

И потом еще раз посреди ночи она спрашивает: какое сейчас время года?

Вы говорите: сейчас еще осень, скоро настанет зима.

Еще она спрашивает: что это за звуки?

Вы говорит: это море.

Она спрашивает: где оно?

Вы говорите: совсем рядом, за стеной спальни.

Она вновь засыпает.

Она должна быть юной, она совсем юная. От ее одежды, от волос, верно, исходит запах, должно быть, остающийся после, вы пытались бы понять, какой именно и, в конце концов, назвали бы его, поскольку умеете это делать. Вы сказали бы: аромат цитрона и гелиотропа. И она отвечает: как вам будет угодно.

В другой вечер вы делаете, как было задумано, вы спите, уткнувшись лицом меж ее расставленных ног, в самом верху, в телесной влаге, там, где оно раскрывается. Она не отстраняется.

В другой вечер вы забываетесь, у нее случается оргазм, она кричит.

Вы говорите ей, чтобы она не кричала. Она говорит, что больше не будет кричать.

Она больше не кричит.

Теперь ни один из вас кричать больше не будет.

Может, она дает вам испытать наслаждение, до сих пор вам неизвестное? Этого я не знаю. Как не знаю, различаете ли вы глухое далекое рычание, когда она испытывает оргазм, еле различимое, когда она дышит, еле слышно хрипит, когда она вдыхает и выдыхает ртом. Не думаю.

Она раскрывает глаза, говорит: какое это счастье!

Вы закрываете ее рот рукой, чтобы она замолчала, говорите ей, что об этих вещах не рассуждают.

Она закрывает глаза.

Отвечает, что больше не будет говорить об этом.

Она спрашивает, говорят ли об этом с ним те, другие. Вы говорите: нет.

Она спрашивает, о чем же они говорят. Вы отвечаете, что вы говорите с ними обо всем, кроме этого.

Она смеется, вновь засыпает.

Иногда вы ходите по комнате вокруг кровати или вдоль стены, за которой море.

Иногда вы плачете.

Иногда вы выходите на террасу, где становится все прохладнее.

Вы не знаете, что творится во сне той, которая лежит в кровати.

Вы хотели бы уйти, удалиться от нее, от ее тела, вы хотели бы вернуться к тем, иным телам, к вашему собственному, вернуться к себе, и в то же самое время от того, что должны это сделать, вы плачете.

Она спит в комнате, она спит. Она спит. Вы не будите ее. Чем дальше простирается ее сон, тем больше становится в комнате несчастья. Как-то раз вы засыпаете на полу в изножье кровати.

Сон ее всегда одинаково крепок. Порой она во сне улыбается от того, что ей так хорошо спится. Она просыпается только, когда вы прикасаетесь к ее телу, груди, глазам. Порой она просыпается без какой-либо причины, разве что спросить вас: это шум ветра, или настал прилив?

Она просыпается. Смотрит на вас. Говорит: болезнь захватывает вас все сильнее, она захватила ваш взгляд, ваш голос.

Вы спрашиваете: что это за болезнь?

Она говорит, что еще не знает, как она называется.

Ночь за ночью вы проникаете во тьму ее гениталий, делаете это, почти не замечая, двигаясь наугад, вслепую. Иногда вы остаетесь там, засыпаете, будучи там, внутри нее, ночь напролет, чтобы быть наготове, если вдруг от невольного движения возникнет желание снова взять ее, снова наполнить ее, испытав оргазм и, как всегда, ничего не видя от слез.

Вероятно, она всегда к этому готова, независимо от того, желанно оно ей или нет. Вот, о чем в точности вы никогда не узнаете. Она сама по себе таинственнее всего, что вас окружает и столь для вас очевидно.

И точно так же ни вы, ни кто-то другой никогда не узнает о том, как она на все смотрит, что думает о других и о вас самом, о вашем теле, уме, болезни, которой вы охвачены, по ее словам. Она сама об этом не знает. Она не сможет вам рассказать об этом, вы не сможете об этом узнать от нее.

Никогда и ничего ни вы, ни кто-либо другой не узнает о том, что она думает о вас, об этой истории. Вы оба исчезнете, после вас пройдут века, и никто этого не узнает. Она сама не способна этого знать.

Поскольку вы ничего о ней не знаете, вы скажете, что она ничего не знает о вас. И будете так дальше думать.

Она, должно быть, высокого роста. Тело ее длинное, вытянутое, сотворенное будто одним движением, за один раз, словно самим Богом, в нерушимом совершенстве единичного и гибельного события.

Она в самом деле ни на кого не похожа.

Тело ее абсолютно незащищенное, от головы и до ног гладкое, ровное. Призывающее душить, насиловать, обращаться с ним, как с животным, оскорблять, кричать от ненависти, направлять на него неистовые, смертельные страсти.

Вы смотрите на нее.

Она очень худая, совсем хрупкая, ноги столь красивы, словно и не принадлежат этому телу. Существуют сами по себе, отдельно от тела.

Вы говорите ей: вы, должно быть, очень красивы.

Она говорит: смотрите, я здесь, перед вами.

Вы говорите: я ничего не вижу.

Она говорит: попробуйте разглядеть, это включено в сумму, которую вы заплатили.

Вы берете ее в свои руки, трогаете это тело, смотрите на различные его части, поворачиваете его, поворачиваете снова, смотрите на него, смотрите очень пристально.

Вы отстраняетесь.

Вы отстраняетесь. Вы больше не прикасаетесь к нему.

До этой ночи вы не понимали, как можно не ведать того, что видят глаза, что трогают руки, чего касается тело. Вы познаете это неведение.

Вы говорите: я ничего не вижу.

Она не отвечает.

Она спит.

Вы будите ее. Спрашиваете: она проститутка? Она жестом показывает, что нет.

Вы спрашиваете ее, почему она приняла контракт платных ночей.

Она отвечает еще сонным, почти неслышным голосом: потому что, как только вы со мной заговорили, я поняла, что вы поражены болезнью

смерти. Первые дни я не знала, как назвать эту болезнь. А потом поняла, как она называется.

Вы просите ее повторить то, что она сказала. Она это делает, повторяя эти слова: болезнь смерти.

Вы спрашиваете, откуда она это знает. Она говорит, что знает. Она говорит, что это знаешь, не зная, как об этом узнал.

Вы спрашиваете: чем опасна болезнь смерти? Она отвечает: тем, что зараженный не знает, что носит ее в себе, что он носит в себе смерть. И тем еще, что умрет, не прожив жизни, в конце которой все умирают, и не ведая ничего о том, каково это – умирать, прожив целую жизнь.

Глаза по-прежнему закрыты. Кажется, будто она отдыхает от вековой усталости. Когда она спит, вы забываете, какого цвета у нее глаза и какое имя вы дали ей в первый вечер. Потом вы понимаете, что вечной непреодолимой границей меж нею и вами будет не цвет глаз. Нет, не цвет, – вы знаете, что это оттенок серого и зеленого, – нет, не цвет, но сам взгляд.

Взгляд.

Вы понимаете, что она смотрит на вас.

Вы кричите. Она отворачивается к стене.

Она говорит: это уже конец, не бойтесь.

Вы одной рукой поднимаете ее к себе, настолько она легкая. Вы смотрите.

Как странно: груди у нее загорелые, вокруг них все совсем темное. Вы поедаете их, насыщаетесь ими, тело ее не откликается, она не отстраняется, не мешает. Потом в какой-то момент вы просите ее произнести слово, одно-единственное, обозначающее ваше имя, вы говорите ей это слово, имя. Она не отвечает, и вы снова кричите. Тогда она улыбается. Тогда вы знаете, что она живая.

Улыбка исчезает. Она не произнесла имени.

Вы снова смотрите. Лицо сонное, немое, спит, как и все остальные части тела, как руки. Однако по-прежнему во всем теле присутствует ее дух, сознание, оно проступает на поверхности этого тела, охватывает его полностью, таким образом, что любая часть этого тела как таковая свидетельствует обо всей его совокупности: кисти рук и глаза, округлость живота и лицо, груди и гениталии, ноги и руки, дыхание, сердце, лоб и время.

Вы возвращаетесь на террасу напротив темного моря.

Вас переполняют рыдания, причины которых вы не знаете. Они словно на границе пространства и вас, они будто снаружи, и не могут никак с вами слиться, чтобы вы их выплакали. Напротив темного моря, у стены комнаты, в которой она спит, вы оплакиваете самого себя, как незнакомца.

Вы возвращаетесь в комнату. Она спит. Вы не понимаете, как это. Она, голая, спит на своем месте в кровати. Вы не понимаете, как это возможно,

что она ничего не знает о ваших слезах, что сама себя хранит от вас, что совсем ничего не знает о том, как переполнен мир.

Вы ложитесь возле нее. По-прежнему оплакиваете себя.

И вот уже начинается рассвет. Вот в комнате брезжит тусклый свет неопределенного оттенка. Вот вы включаете светильники, чтобы увидеть ее. Чтобы видеть ее. Чтобы видеть то, чего никогда не знали, недоступное взору, видеть то, что вбирает в себя и незаметно удерживает, видеть то, что сейчас во сне сомкнуто, что в данный момент спит. Чтобы видеть веснушки, рассыпанные от корней волос до груди, до того места возле плечных шарниров, где грудь набирает вес, округляется; рассыпанные на закрытых веках и полураскрытых бледных губах. Вы говорите себе: в местах, подставленных летнему солнцу, в открытых местах, которые дозволено видеть.

Она спит.

Вы гасите лампы.

Почти совсем рассвело.

И снова начало рассвета. Эти часы безграничны, как небесные пространства. Это слишком, время не знает, куда идти. Время больше не двигается. Вы говорите себе, что она должна умереть. Вы говорите себе, если бы она умерла сейчас, в этот час ночи, то было бы легче, вероятно, вы имеете в виду, легче для вас, однако, вы не заканчиваете фразу.

Вы слушаете шум начавшегося прилива. Эта чужестранка здесь, в кровати, на своем месте, в белой заводи белых простыней. От этой белизны ее силуэт кажется более темным, еще более очевидным, нежели очевидность вдруг издохшего зверя, нежели очевидность самой смерти.

Вы смотрите на эти формы, вы замечаете вдруг в то же самое время их дьявольское могущество, их омерзительную хрупкость, слабость, непреодолимую силу слабости, коей нет равных.

Вы уходите из комнаты, вы возвращаетесь на террасу напротив моря, подальше от ее запаха.

Моросит мелкий дождь, море все еще темное под обесцвеченным небом. Вы слышите его шум. Черные воды поднимаются, приближаются. Двигаются. Перестают двигаться. Их пересекают длинные белые лезвия, долгое беспокойство, устремляющееся в белый грохот. Море бушует. Вдалеке гроза, часто обрушивающаяся ночами. Вы стоите там долго, смотрите.

Вы представляете, что темное море простирается там, где есть еще что-то, где вы и эти темные очертания на кровати.

Вы заканчиваете свою фразу. Вы говорите себе, если бы она умерла сейчас, в этот час ночи, то для вас было бы легче заставить ее согнуться с лица земли, швырнуть ее в черные воды, что нужно всего несколько минут, что-

бы швырнуть такое легкое тело в воды прилива, чтобы не было в кровати этой вони цитрона и гелиотропа.

Вы опять возвращаетесь в спальню. Она здесь, спящая, брошенная в собственной крошечной тьме, в своем великолепии.

Вы замечаете, что она устроена так, что, кажется, в любой момент, по своему собственному желанию тело ее может прекратить жить, раствориться вокруг, исчезнуть прямо на ваших глазах, и что спит она с этой угрозой, с нею выставляет себя напоказ перед вами. Спит с угрозой, навлекаемой ею на себя с момента, как море так сильно придвинулось, опустело, по-прежнему черное.

Вокруг ее тела – эта комната. Это должна была быть ваша собственная спальня. И населяет ее она, женщина. Вы больше не узнаете комнату. Из нее вытравлена вся жизнь, в ней нет вас, нет никакого вашего подобия. Ее занимает одна податливая вытянутая масса чужого тела в кровати.

Она шевелится, глаза раскрываются. Она спрашивает: сколько еще ночей оплачено? Вы говорите: три.

Она спрашивает: вы никогда не любили женщину? Вы говорите, что нет, никогда.

Она спрашивает: вы никогда не желали женщину? Вы говорите, что нет, никогда.

Она спрашивает: ни одного раза, ни единой минуты? Вы говорите, что нет, никогда.

Она говорит: никогда? Совсем никогда? Вы повторяете: никогда.

Она улыбается, говорит: как странно глядеть на покойника.

Она продолжает: а смотрели на женщину? Вы когда-нибудь смотрели на женщину? Вы говорите, что нет, никогда.

Она спрашивает: а на что вы смотрите? Вы говорите: на все остальное.

Она потягивается, замолкает. Улыбается, вновь засыпает.

Вы снова возвращаетесь. Она в белой заводи простыней неподвижна. Вы смотрите на ту, к которой никогда не испытывали интереса, – никогда – ни посредством подобных ей, ни напрямую.

Вы смотрите на очертания, столетия вызывающие подозрения. Перестаете.

Вы больше не смотрите. Вы больше ни на что не смотрите. Вы закрываете глаза, чтобы снова вернуться к своему отличию, к своей смерти.

Когда вы открываете глаза, она по-прежнему здесь, она все еще здесь.

Вы возвращаетесь к чуждому телу. Оно спит.

Вы смотрите на болезнь своей жизни, на болезнь смерти. Вы видите ее в ней, в ее спящем теле. Вы смотрите на различные части тела, смотрите на лицо, груди, на вызывающие оторопь гениталии.

Вы смотрите на то место, где находится сердце. Вам кажется, что биение его изменилось, стало более далеким, вам приходят на ум слова: оно стало еще более чужим. Оно размеренно, кажется, что оно никогда не должно оборваться. Ваше тело приближается к ее телу. Оно мягкое, свежее. Она по-прежнему жива. Пока она жива, она взывает к убийству. Вы спрашиваете себя, как можно ее убить, и кто убьет ее? Вы не любите ничего, никого, не любите даже это свое отличие. Вы знаете лишь грацию тел мертвых, тел вам подобных. Вдруг вас озаряет, в чем разница меж грацией тел мертвых и той, что перед вами, сотворенной из предельной слабости, которую возможно одним движением раздавить, вот оно – это господство.

Вы понимаете, что это здесь, в ней таится очаг болезни смерти, что это простертая перед вами форма повелевает болезнью смерти.

Из приоткрытого рта слышится выдох, вдох, выдох, снова вдох. Машина плоти невероятно точна. Склонившись над ней, не двигаясь, вы наблюдаете. Вы знаете, что можете делать с ней все что угодно, можете навредить ей. Вы этого не делаете. Напротив, вы ласкаете тело с такой нежностью, как если б ему угрожало счастье. Ваша рука доходит до гениталий, она меж раскрывающихся губ, вот где рука ласкает. Вы смотрите на щель меж губ и то, что их окружает, целиком на все тело. Вы ничего не видите.

Вы хотели бы увидеть всю женщину, хотели бы увидеть ее целиком. Вы не понимаете, что для вас это невозможно.

Вы смотрите на нечто от вас скрытое.

Вначале вы видите, как кожа слегка содрогается, будто от боли. Затем, как дрожат веки, будто силясь подняться. Затем, как открывается рот, будто силясь заговорить. Затем вы чувствуете, что бархатистые створки от ваших ласк набухают и из них, будто кровь, течет теплая липкая жидкость. Тогда ваши ласки становятся более быстрыми. Вы чувствуете, что ляжки раздвигаются, дабы вашей руке было удобней, дабы вы делали все еще лучше.

И внезапно вы видите, как со стоном охватывает ее наслаждение, заполняет ее целиком, заставляет приподняться в кровати. Вы пристально смотрите на то, что только что сотворили с телом. Вы видите, как потом оно, неподвижное, откидывается обратно на белизну кровати. Оно учащенно дышит и вздрагивает все реже. А затем веки с силой сжимаются, затем будто склеиваются. А затем глаза раскрываются, потом закрываются.

Они закрываются.

Вы все видели. Наконец, в свою очередь, закрываете глаза вы. Вы долгое время остаетесь так, с закрытыми глазами, как она.

Вы думаете о том, что находится за пределами вашей спальни, о городских улицах, о маленьких площадях далеко в стороне вокзала. О похожих друг на друга зимних субботних днях.

А потом вы слушаете приближающийся шум, вы слушаете шум моря.

Вы слушаете море. Оно почти у стен спальни. В окнах по-прежнему бесцветный свет, день такой медленный, что можно пешком дойти до небесных далей, по-прежнему темное море, спящее тело чужестранки в спальне.

Затем вы это делаете. Я не могу сказать, почему вы это делаете. Я вижу, как вы это делаете, не зная почему. Вы могли бы выйти из комнаты, уйти подальше от этого тела, от спящей массы. Но нет, вы делаете это, как, по-видимому, сделал бы кто-нибудь другой, осознавая то ваше отличие, что разделяет вас с нею. Вы делаете это, вы возвращаетесь к ее телу.

Вы полностью закрываете его своим собственным, вы притягиваете его к себе, чтобы своей силой не раздавить, чтобы случайно ее не убить, а потом вы делаете это, вы возвращаетесь в ночное жилище, вязнете там.

Вы все еще остаетесь в этом жилище. Вы все еще плачете. Вы думаете, что знаете что-то, но что именно – вы не знаете, вам не удастся понять, что это такое за знание, вы думаете, что вы единственный несете все скорби мира, что судьба ваша уникальна. Вы думаете, что вы повелитель того события, что сейчас творится, думаете, что существует такое.

Она спит, с такой улыбкой, что хочется ее убить.

Вы все еще остаетесь в обиталище ее тела.

Пока она спит, вы заполняете ее собою. Еле слышные при содроганиях тела стоны все более различимы. Она испытывает то счастье, о котором мечтала, счастье от того, что мужчина вошел в нее, что в нее вошли вы, или кто-то другой, или кто-то еще.

Вы плачете.

От слез она просыпается. Смотрит на вас. Оглядывает комнату. Снова смотрит на вас. Гладит вас по руке. Спрашивает: почему вы плачете? Вы говорите, что это она должна сказать, почему, она должна это знать.

Она отвечает совсем тихо, с нежностью: потому что вы не любите. Вы отвечаете, что так и есть.

Она просит вас сказать ей это отчетливо. Вы говорите ей: я не люблю.

Она спрашивает: вы никогда не испытываете любви?

Вы отвечаете: никогда.

Она говорит: вам не знакомо желание вдруг убить любовника, оставить его лишь для себя, для себя одного, взять его, украсть, нарушая все законы, все преграды морали, вы никогда не испытывали такого желания?

Вы говорите: никогда.

Она смотрит на вас, говорит: как странно глядеть на покойника.

Она спрашивает вас, смотрели ли вы на море, спрашивает вас, настал ли день, светло ли.

Вы отвечаете, что начинается рассвет, но в это время года он очень медленно завоевывает пространство.

Она спрашивает, какого цвета море.

Вы говорите: темное.

Она отвечает, что море никогда не бывает темным, что вы должны ошибаться.

Вы спрашиваете ее, верит ли она в то, что вас можно любить.

Она говорит, что это ни в каком случае невозможно. Вы спрашиваете ее: из-за смерти? Она говорит: да, из-за пресности, неподвижности ваших чувств, из-за лжи, когда вы говорите, что море темное.

А потом она замолкает.

Вы опасаетесь, как бы она не заснула опять, будите ее, просите: поговорите еще. Она отвечает: тогда спрашивайте меня, я сама не могу. Вы снова спрашиваете, можно ли вас любить. Она снова говорит: нет.

Она говорит, что совсем недавно вы хотели ее убить, когда вернулись с террасы и во второй раз прошли в спальню, что она поняла это во сне по вашему взгляду, когда вы на нее посмотрели. Она просит вас сказать, почему.

Вы говорите ей, что не можете знать, почему, что вы не наделены теми способностями, которые есть у вашей болезни.

Она улыбается, говорит, что это впервые, что до того, как встретила вас, не знала, что можно проживать смерть.

Она смотрит на вас сквозь лучащуюся из ее глаз зелень. Она говорит: невозможно любить смерть, если ее вам навязывают. Вы думаете, что плачете потому, что не любите. Вы плачете потому, что не можете навязать смерть.

Она уже совсем сонная. Она говорит что-то едва вразумительное: вы умрете от смерти. Ваша смерть уже началась.

Вы плачете. Она говорит вам: не плачьте, не стоит, оставьте эту привычку оплакивать самого себя, оно того не стоит.

Спальню незаметно начинает освещать солнечный свет, еще совсем тусклый. Она раскрывает глаза, закрывает их. Она произносит: еще две оплаченные ночи, скоро все закончится. Она улыбается и рукой гладит вас по голове. Шутит во сне.

Вы продолжаете говорить, один в целом мире, как вы того и желали. Вы говорите, что любовь всегда казалась вам неуместной, что вы никогда не понимали, что вы всегда избегали любви, что вы всегда были вольны не любить. Вы говорите, что вы пропали. Вы говорите, что не знаете, из-за чего именно, где именно вы пропали.

Она не слушает, она спит.

Вы рассказываете историю о ребенке.

В окнах уже день.

Она раскрывает глаза, говорит: не лгите больше. Говорит, что надеется больше никогда ни о чем не узнавать тем способом, каким узнаете вы,

ни о чем на свете. Она говорит: я не хочу ни о чем узнавать тем способом, каким узнаете вы, когда чувствуете эту исходящую от смерти уверенность, это непоправимое однообразие, всегда неизменное, каждый день, каждую ночь вашей жизни, и эти смертельные последствия отсутствия всякой любви.

Она говорит: начинается новый день, все начинается вновь, кроме вас. Вы не начинаетесь никогда.

Она опять засыпает. Вы спрашиваете, почему она спит, от какой такой колоссальной усталости ей отдыхать? Она поднимает руку и снова гладит ваше лицо, быть может, губы. Она опять шутит во сне. Она говорит: как только вы начинаете спрашивать, так перестаете что-либо понимать. Она говорит, что в каком-то роде она отдыхает еще и от вас, от смерти.

Вы продолжаете рассказывать историю о ребенке, кричите. Вы говорите, что знаете не всю историю об этом ребенке, о вас. Говорите, что слышали, как кто-то рассказывал эту историю. Она улыбается, говорит, что слышала и много раз читала эту историю, повсюду, во многих книгах. Вы спрашиваете, как может возникнуть чувство любви. Она отвечает вам: быть может, когда случается какой-то сдвиг в логике вселенной. Она говорит: например, когда случается какая-нибудь ошибка. Говорит: никогда по вашему желанию. Вы спрашиваете: может чувство любви возникнуть из-за чего-то еще? Вы умоляете ее сказать. Она говорит: из-за чего угодно, из-за полета ночной птицы, из-за сна, из-за приснившегося сна, из-за приближения смерти, из-за слова, из-за преступления, из-за человека, из-за самого человека, и неизвестно, из-за чего вообще. Она говорит: посмотрите. Она раздвигает ноги, и во впадине расставленных ног вы, наконец, видите черную ночь. Вы говорите: вот, где она была, эта черная ночь, вот она.

Она говорит: иди сюда. Вы приходите. Войдя в нее, вы все еще плачете. Она говорит: не плачь больше. Она говорит: возьмите меня, чтобы это уже произошло.

Вы делаете это, берете ее.

Это произошло.

Она засыпает.

И вот однажды ее больше нет рядом. Вы просыпаетесь, и ее больше нет. Она ушла ночью. Еще видно, где она лежала в постели, теперь холодной.

Начинается рассвет. Солнца еще не видно, но край неба слегка просветлел в то время, как сверху на землю все еще опускается густая тьма.

В комнате больше ничего нет, только вы один. Тело ее исчезло. Внезапным ее отсутствием подтверждается различие меж нею и вами.

Должно быть, в истаивающей тьме вдалеке на пляже кричат чайки, должно быть, они уже принялись кормиться в грязи червями, копать в песке, с которого отступило море. Безумный крик голодных чаек во тьме; внезапно вам кажется, что вы никогда прежде его не слышали.

Она никогда не вернется.

Вечером после ее ухода вы рассказываете эту историю в одном из ба-ров. Сначала вы говорите об этом, как если бы такое было возможно сделать, потом бросаете. Затем вы говорите о ней, смеясь, как о чем-то, что невозможно представить, или как если бы вы могли ее выдумать.

На следующий день вы внезапно, быть может, заметили ее отсутствие в комнате. На следующий день, быть может, вы ощутили желание вновь увидеть ее здесь, в этом странном одиночестве, когда она была бы для вас такой незнакомой.

Может быть, вы могли бы искать ее за пределами вашей спальни, на пля-жах, террасах, улицах. Но вы не смогли бы ее отыскать, потому что нико-го не узнаете при свете дня. Вы бы не узнали ее. Вы знаете о ней лишь то, как она выглядит во время сна, приоткрыв или прикрыв глаза. Вы не може-те узнать по тому, как одно тело проникает в другое, вы не в силах узнать. Вы никогда не сможете.

Когда вы плакали, вы плакали лишь о себе самом, а не о восхититель-ной невозможности встречи из-за различия между вами.

Из всей истории вы помните лишь отдельные слова, которые она произно-сила во сне, слова, говорящие, чем вы больны: болезнью смерти.

Очень скоро вы все бросаете, вы больше не ищите ее ни в городе, ни в но-чи, ни в свете дня.

И все же, так вы могли прожить эту любовь тем единственным возмож-ным для вас способом, теряя ее прежде, чем она случится.

Послесловие автора

«Болезнь смерти» может быть поставлена в театре.

Девушка, ночи которой были оплачены, должна лежать на белых просты-нях посреди сцены. Она может быть голой. Вокруг нее должен ходить муж-чина, рассказывающий историю.

Роль по памяти должна читать только девушка. Мужчина – нет. Мужчина должен читать текст либо стоя на месте, либо ходя вокруг девушки.

Тот, о котором идет речь в истории, на сцене не появляется. Даже тогда, когда он обращается к девушке, он делает это посредством человека, чи-тающего его историю.

Здесь игра заменена чтением. Я по-прежнему верю, что ничто не заме-нит чтение текста, ничто не заполнит пробел в памяти при произнесении текста, ничто, никакая игра.

Оба актера должны, стало быть, говорить так, как если бы они в этот мо-мент писали текст в разных комнатах, изолированные друг от друга.

Текст не будет иметь никакой значимости, если его будут произносить театрально.

Голос мужчины должен быть высоким, голос женщины должен быть низ-ким, почти небрежным.

Мне бы хотелось, чтобы хождение мужчины вокруг девушки было медленным, чтобы мужчина пропадал из вида, чтобы он терялся в театре, будто во времени, чтобы затем вернуться к свету, к нам.

Сцена должна быть низкой, почти в уровень пола, чтобы девушка была видна полностью.

Между оплаченных ночей должны соблюдаться длинные паузы, во время которых ничего не происходит, лишь идет время.

Читающий историю мужчина должен быть невероятно, смертельно ослаблен, как тот, другой человек, который на сцене не появляется.

Девушка должна быть красивой, особенной.

Через большой темный проем должен быть слышен шум моря. Будет виден всегда один и тот же черный прямоугольник, который никогда не освещается светом. Шум моря должен быть достаточно сильным.

То, как уходит девушка, будет не видно. Она исчезнет в темноте, а, когда вновь появится свет, будут лишь белые простыни посреди сцены и хлынувший через черную дверь шум моря.

Никакой музыки звучать не должно.

Если бы я должна была снять текст на пленку, я бы хотела, чтобы слезы и море монтировались так, что грохот морской белизны и лицо мужчины виделись бы почти одновременно. Чтобы существовала связь меж белизной простыней и моря. Чтобы простыни уже были морем. Это лишь общие указания.

[Я СМОТРЮ НА ВАС, ИЛИ 1 ИЮЛЯ 1982 ГОДА]

Я смотрю на вас. Я смотрю на вас целых два года. Я должна написать о связавшей нас безумной любви, иначе погибну. Писать о чем-то другом значило бы для меня от письма уклониться. Писать для меня сейчас – это значит писать о вас, я попытаюсь. Я напишу о своем отношении к вам, попытаюсь рассказать сначала о некоторых, касающихся вас и меня, деталях и общих идеях, которые никогда и ни о ком не высказывала. И вот что я скажу: связавшая нас страсть будет длиться всю жизнь: для меня – короткую, что мне осталась, для вас – долгую, что вам еще предстоит прожить. С этим ничего нельзя сделать. Нам нечего ждать друг от друга – ни детей, ни будущего. Ничего, кроме, к примеру – среди прочего, – этой сегодняшней погоды, тридцать градусов в тени дома, изнемогших деревьев, желтеющей травы, угрозы засухи, и того, что мы дожили до этого дня, 1 июля 1982 года.

Вы – педик. Вот кто вы. И мы любим друг друга.

Эстер де Миро сказала мне: «Я жила с педиком. Мы никогда не занимались любовью. Посмотри на меня, я ведь красивая. Но – никогда. Он говорил, это должно случиться. Спустя два года, я однажды ночью сбежала, – мы были в Мехико, – я уехала в Италию. Никогда нельзя в них влюбляться, это ужасно. Ты знаешь об этом? Он был в отчаянии».

С этим ничего нельзя сделать, сколько вам ни кружить по Тюильри, по задним комнатам в барах, у ворот, вокруг площади Сен-Мартен, в пригородах, с этим ничего нельзя сделать. Вы будете любить меня всю жизнь. Ведь я умру гораздо раньше вас, через каких-нибудь несколько лет, и огромная разница в возрасте вас ободряет, сглаживает ваш панический страх перед близостью с женщиной – вы обращали внимание, сколько гомосексуалов живет с пожилыми, зачастую известными женщинами? Вы не смогли бы подойти к молодой и красивой женщине, страх неудачи был бы слишком велик. Странно, мысль о провале на этапе гетеросексуального знакомства для вас совершенно невыносима. А, если речь о ком-нибудь из ваших, это начало пути к успеху. Вы объединяетесь вокруг члена, который сам по себе не дает никаких гарантий. Символ опавшего, опозоренного члена прекрасен, зачем же нужно постоянно, постоянно ревновать к гетеросексуалам, дурно о них отзываться?

Я была знакома с подругой Ронкони. В Риме. Она тоже ушла от него. Она говорила, что от них нужно бежать, что они во всем педики, у таких мужчин не только тело педика, но и разум педика. Когда она говорила об этом, ей все еще было страшно.

Утром, когда я слышу, как вы спускаетесь, – всегда поздно, около половины одиннадцатого, – непринужденный, очаровательный, – мне приходят тошнотворные слова: «педик», «педрила», «тетка», – да, именно так. Этот вот человек, то есть вы. Появляется очаровательный молодой человек, и я спрашиваю себя, что он делает в моем доме? Никуда не деться от факта, что из всего мира мерзости, который вы для меня олицетворяете, только

вас я и могу терпеть. И еще это вечное желание плакать, еще более сильное, чем прежде, когда я еще вас не знала. Теперь поводом для слез служит ваше все разрастающееся убожество, в котором вы и умрете, не оставив детей, не познав тела, плоти, терзаясь от заигрываний с самим собой, от страсти к самому себе, от желания жить наперекор природе, покончить с собой вместо того, чтобы жить. Вы – педрила. Мы не можем быть вместе, одновременно чувствуя то, что мы чувствуем.

Думаю, что ад наш служит примером. Вы не понимаете ничего из того, что я говорю. Ничего. И не могли понять ни одного раза.

Ни один педик не способен понять, что говорит женщина, у которой любовник – гомосексуал.

У меня у самой все помутилось. Должно быть, речь здесь о принадлежности какой-то тайне, религии. Расе. Так я чувствую это, будучи любовницей гомосексуала, лишенной сексуальной жизни со своим любовником. Он входит в нее, чтобы кончить, он не занимается *вместе с нею* любовью. Он делает лишь одно. Любовь с педиками – это пародия на любовь. По крайней мере, он так думает. Тут любовному акту предшествуют привычные кривлянья, различающиеся меж собой в зависимости от класса. Думаю, педики никогда любовью не занимаются. Любовник-педик может войти в женщину, лишь испытывая ужас и отвращение.

И не стоит слушать тех – только не их! – кто называют себя бисексуалами. Бисексуалы прочно укрепились на территории гомосексуальности, откуда они совершают свои набеги на области гетеросексуальности, чтобы после вернуться к религиозным и расовым ценностям гомосексуальности, иначе говоря, в их общее место, где, прежде всего, веселятся, хохочут над всем беспрерывно, день и ночь напролет.

Я вдруг вспомнила о Ролане Барте и понимаю, что мы часто думаем, де это сплошная «жуть» (слово заимствовано у одного парижского издателя). Ролан Барт – человек, никогда не знавший ни одной женщины. Он никогда не знал женщины. Единственная женщина, о которой он мог писать, это его мать. В «Светлой комнате» есть десять прекрасных страниц об этой женщине. И все. Думаю, он любил мать, легенда об их любви известна повсюду, и я думаю, посредством этой легенды Ролан Барт присвоил себе мать, она же должна была терпеть некий карантин, о котором он повелел. Я не знаю, я не могу себе представить судьбы более жесткой, чем судьба этой женщины, которая всю жизнь должна была смотреть лишь на своего ребенка, своего сына, Ролана Барта. Я не знаю ни одной матери, способной пережить подобную уединенную беседу. И никогда не знала, за исключением матерей слабоумных детей. Может, Ролан Барт был по сути калеккой, обезумевшим от гомосексуальности, а мать за это расплачивалась? Да, я так думаю, поскольку все любят своих матерей. А он не просто любил, а обожал ее.

• АРХИВ •

«БОГ МНЕ ДАЛ ХОРОШЕЕ ЛИЦО»

Иван Афанасьевич Овчинников родился 29 июня 1939 года в селении Нижний Ашпанак на Алтае, в 40 километрах от Телецкого озера. В семье было шестеро детей. Отец не вернулся с войны.

До Ваниных девяти лет жили в деревне, потом переехали в Новосибирск. Там в школе Ваня подружился с Женей Харитоновым (ниже ЕХ).

Затем учился в НГПИ (Новосибирский государственный педагогический институт), на филологии. Не окончил (по словам Петра Степанова, бросил за полгода до диплома).

Вероятно, с начала 60-х участвовал в лито Ильи Фонякова – наиболее продвинутом в городе. Там и произошло, судя по мемуару Степанова, знакомство Ивана с Анатолием Маковским, в 1966 году приехавшим в Новосибирск и сильно повлиявшим на всех, с кем общался.

Связь с Москвой – через Женю. «Уж 30 лет Ваня работает странником» (ЕХ). Точнее, к тому времени, 20.

И мы с Мишей Файнерманом познакомились с Иваном через Женю.

Миша узнал о Жениной методике лечения заикания через пантомиму от кого-то, и познакомился, году в 77-м. Пантомимой не увлекся, но оказалось, что Женя сам непечатный писатель. И они подружались. И очень скоро Женя дал Мише папку или конверт со стихами Вани Овчинникова. Это были разномастные листки с машинописью, довольно потрепанные, представлявшие контраст с бумагами ЕХ, содержавшимися в исключительном порядке.

Мише понравилось, а меня поначалу не очень располагало.

А потом и сам автор появился, и очень расположил. Через это как-то постепенно и стихи полюбились.

– Ваня, кто лучший поэт в России?

– Ванька!

– А на втором месте?

– Мишка!

– А на третьем?

– Ванька!

Это мы едем втроем в гости к девушкам.

Миша, который не ошибался в признаниях (мог ошибиться в отвержении), говорил, что Ваня примерно в 100 раз талантливее Жени, но тот берет дисциплиной письма и сознательностью.

Похоже позже откликнулся Сева Некрасов: «поэт это не столько тот, кто чувствует, а тот, кто выражает. Пусть ты чувствуешь в 100 раз больше, да выразить не можешь».

Но еще позже мне все же удалось его убедить в Ваниной незаурядности, я прочел подборку, и он сказал, «да, действительно, я понял, что это можно любить... то ли ты так составил...». Сева тогда еще не ошибался ни в чем.

как это все объяснить?

Сева понял

что это можно любить

Сева понял

а как всем объяснить?

Лето 1978 года Ваня частично провел у меня, в однокомнатной квартире на Черноморском бульваре. Где-то бывал в других местах, иногда там и ночевал. Потом приезжал ко мне с бутылкой пива и объяснял, что это только ему, потому что это лекарство. Я собственно и не претендовал особенно. Он говорил: «Вот смотри, сейчас я выпью досюда, — показывал черту пальцем, — потом через два часа выпью досюда». Так он лечился после каких-то других гостей. К этому возрасту, под сорок, сердце уже было не очень, он это знал и берегся.

Ваня был крепкий человек небольшого роста, говорил, что когда-то занимался спортивной гимнастикой.

Слушать его надо было привыкнуть, потому что быстро и не по-московски по звуку. Но когда привыкнешь, «Ваня говорит то, что не прочтешь ни в одной книге» (ЕХ).

Однажды приходит:

— Знаешь, я там посмотрел в зеркало и подумал, что у меня самое значительное лицо из присутствующих.

— А как ты думаешь, мое лицо было бы тоже самым значительным?

— Да.

С Женей каждый вечер, иногда довольно долго говорил по телефону. Женя читал написанное им за день, доверяя несравненному литературному уху Ивана.

И один раз мы Женю зазвали к себе в гости. Он приехал и вытянулся на диване, и так и пролежал в этом положении, оптимальном для его тогдашней постоянной усталости. Вот так мы с ним тогда пообщались, я показал и подборку моих стихов. В общем, они, видимо, ему понравились, но про один листок он сказал «душевно». Это было такое:

Гонцы Касталии в Москве
Найдут мой хладный труп

Потом я провожал его на автобус, до метро «Варшавского», по дороге спросил: «Женя, а что для вас (или «для тебя» даже, я не помню сейчас) важнее: литература или театр, пантомима?»

Он ответил: «Конечно, литература».

Еще из Харитонова:

...Ваня мир в тебя входит
и выходит (у тебя) из-под пера
мир в тебя вольно входит
и еще вольней выходит из-под пера

Однажды приезжал к нам Сережа Трофимов, мой друг, поэт и алкоголик. Потом, через пару лет я сказал Ване при встрече, что он погиб, покончил с собой. Ваня очень жалел, что тогда не был к Сереже более внимателен. Я спросил совета, как отбирать стихи из Сережиного наследия. Он сказал: «Ушедшего поэта надо публиковать всё».

В то же лето сделали запись Ваниного чтения на магнитофон. Запись сохранилась. Ваня научил меня, как имитировать аплодисменты: нужно мять целлофановый пакет перед микрофоном.

Тем же летом где-то вместе с ним сидели, читали подборку Губанова. Оба пришли к выводу, что не то. Ваня хвастал, что знает всех московских поэтов, даже Лимонова (это имя впервые услышал тогда от него).

Постепенно пришло понимание, что этот круг – замечательное явление современной литературы, я стал говорить, что Новосибирск – третий центр современной русской поэзии после М. и Л. Канонический перечень трех гениев от Харитонова

Ваня Толик Денис

(Иван Овчинников, Анатолий Маковский, Александр Денисенко) подтвердился коллегиальным отбором нашей антологии «Русские стихи 1950–2000», в которой каждый из них в числе лидеров, как и сам ЕХ.

Про Маковского Ваня с самого начала много рассказывал, из стихов цитируя:

Я пять лет общался с народом
было плохо и хорошо
Пару раз дали по морде
пальтишко я сам прожёл

Народность – это то, к чему Макс (так друзья иногда звали Маковского) всю жизнь стремился, и достиг, по словам Ивана, которому к этому стремиться было не нужно, дано.

Тексты Дениса показала Нина Садур в начале 80-х. Тоже мгновенно убедил.

Большую роль в жизни Ивана играла дружба с Николаем Шпиловым, посвятившим ему песню «Друг мой Ванька, Ванька Жуков...»

Конфигурация творческих взаимоотношений. Полюса – Харитонов и Шпилов. И дружба-вражда с Маковским, изображенная в невероятном стихотворении:

Вот футляр. Положи в него маску,
тыща триста двадцатых годов.
Позови понимальщика Макса
и огромные деньги готовь.

Как понять? – А потом эти деньги
ты получишь за маску и всё
А потом забредешь к нему с ленью
Ну а он кровь уж начал, сосет.

Деньги так – ни себе, и ни людям.
А кому? – А вот так – никому.
Из-за них понимальщиков любишь
и обязан большому уму.

Понял, что он берет не себе?
Да и не у тебя, понимаешь...
Фокус в том, что он бешеный бес,
любит видеть, как ты все теряешь.

На футляр. Положи в него маску,
тыща триста двадцатых годов.
Позови понимальщика Макса
и огромные слезы готовь.

Ответы Маковского:

Я ужасно обрадуюсь
когда Ваня умрет
и конечно отпраздную
как он любит с вином

и:

Или Иван босячок богемы
Глаза енота маэстро выпить

Он из канавы зеленой выдаст
Импровизацию в духе Феба

и, видимо, тоже о нем:

Он артистичен был до предела
А я мистичен как крест и дева
Мы были разны всегда ругались
Над человечеством издевались
Однако вместе – всем цену зная
И грязи месиво до трамвая
Крушили весело... и троллейбус
Шел как пингвин вдоль парадных лестниц

Провинциальным живя ампиром
Провинциальным сльвя кумиром
Товарищ был мой импровизатор
И рассмешить мог хоть динозавра
Мы все равняли с палеолитом
Допив убогую нашу поллитру
И разговоры чредой о боже
Или какие женские ноги
Считать красивыми – были вечны
Мы собирали поэтов вече
И там где можно рубль занимали
Мы так с посредственностями занимались

...И пирожковую и тупельшенную
Где собирались попеременно мы
И напивались и стих кричали
И тротуары опять качались

Я там встречался с одной обезьяной
Не понимая кто здесь хозяин

Мои стихи о них:

Маковский справедлив,
но необъективен.

Овчинников объективен,
но несправедлив.

Связь с Женей экзистенциальная, сиамская. Пока он был жив, была оглядка на друга, Женя мог остепенить.

На отпевание к Николе в Кузнецях мы ехали вместе.

В середине 80-х у меня в Южном Измайлове пару недель гостил летом Коля Шипилов (жена с дочкой были в отъезде). Однажды ночью собрались вместе Коля, Ваня и Толя. Коля вскоре, надев мою красную рубашку, куда-то уехал, навсегда. А мы вдвоем просидели до утра. Понятно было, что встреча уникальна. Они читали стихи. Очевидно было глубокое взаимное признание.

Позже, уже я развелся и снимал комнату у старушки-скелетницы¹, Иван пришел ко мне с мрачным крупным человеком, без фантазии. Разговор был о евреях. Ваня сказал, не помню, тогда или в другой раз: «Я отношусь к ним мистически». А в тот раз перешло немного за край, я сказал Ване: «для тебя это ведь отчасти игра, а этот принимает все всерьез», и он несколько примолк.

На ту же тему у ЕХ: «Ваня, ты всё говоришь жида, жида, а ведь Господь их избрал для откровения и Христос из них вышел – а потому, говорит, и избрал, что самый испорченный народ, с них надо было начать исправлять людей».

Представленный здесь цикл 1980 года, можно сказать, сборник, является, вероятно, этапным и м.б. поворотным.

В нем отразилось знакомство с творчеством Дм. Покровского и его ансамбля, что привело несколько лет спустя к участию Ивана в новосибирском фольклорном ансамбле.

Первое время он говорил, что писать оказывается не надо, там уже все сказано. Но все же писал еще.

Можно сказать, что поворот к фольклору и смерть ЕХ изменили Ванину жизнь. Меньше стало и Москвы, и стихов вообще.

Садур сообщает, что Иван по телефону проговорился: «Если б я тогда не нашел фольклорный ансамбль, я бы умер».

Шипилов пишет, что «почти до сорока лет он любил женщин платонически». Видимо, художественный инстинкт требовал аскезы.

В начале 80-х написался такой стишок:

есть и лучше и хуже меня
и глупей и умнее меня
одинок по жизни иду
сам с собою согласье храня

когда прочитал это Ване, он поправил:

сам с собой несогласье храня

1 Я сначала не знал, но, когда прожил у нее месяца два, она стала мне доверять и рассказала, что работала до пенсии на фабрике скелетов, что СССР единственный из государств изготавливал на экспорт натуральные скелеты... Вскоре съехал от нее в другое место.

Таким он был и такому учил.

Но в книге «Мил-человек» (1992) он как бы делает наоборот, превращая сложность, неоднозначность и глубину в почти советское благомыслие. Направление переделок – уменьшение грустного и трагического, в сущности, переписывание советской истории в сторону ее приукрашивания, которым занимались с тех пор, с начала 1990-х, многие.

Судя по книге «То ли к нам, от нас ли» (2003), в поздних стихах язык фольклоризируется, иногда опять до степени авангарда, почти зауми.

(А потом появилась проза. См. две книжки «Записки из города» (2010) и «Записки из города. 6, 7 часть» (2013). Собирался издать продолжение.)

Конечно, я не могу здесь подытожить жизненный и творческий путь Ивана, который большей частью шел не при мне. Также и тексты, вероятно, не все мне известны неопубликованные.

«Чтобы уловить и описать сдвиги и чудеса, которые происходят в его стихах, нужен аппарат, которого у нас практически нет» (Игорь Гулин).

В декабре 2013 года нам с Татьяной Нешумовой удалось побывать в Новосибирске, увидеться с Иваном Овчинниковым и Александром Денисенко. В частности, я прочел там лекцию о восстановлении подлинной картины русской литературы советского периода. После спросил Ивана, как ему понравилось. Он ответил: «Адекватно!», используя слово, прозвучавшее в лекции...

Умер он 18 февраля 2016 года.

«Об остальном можно узнать из моих стихов».

Литература

Евгений Харитонов. Под домашним арестом. М., 1981.

Петр Степанов. «Гнездо поэтов» и лито Фонякова // «Мангазея», вып. 1 (1990).

Анатолий Маковский. Заблуждения. Новосибирск, 1992.

Николай Шпилов. Старая шапка // «Литературная Россия», 15 марта 1996.

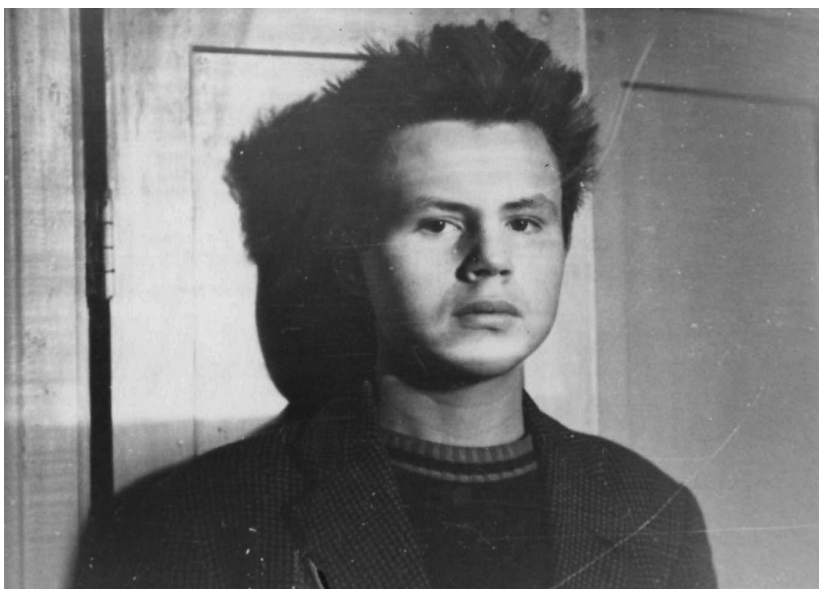
Нина Садур. Иван Афанасьевич Овчинников // «Цирк «Олимп»+TV» № 3 (36), 2012.

Игорь Гулин. <https://www.facebook.com/igor.gulin.9/posts/10204746523736862>.

Иван Ахметьев



Иван Овчинников и Евгений Харитонов (1949)



ИВАН ОВЧИННИКОВ

АВГУСТ И НЕМНОГО СЕНТЯБРЯ
[1980]

Праздник

Дети, сверстники Петра,
Ну-ка, крикните ура!
Как полки, по-молодецки
Раскати орехи грецкие.

Три полка стоят и плачут
Уронили в речку мячик.

Нет Александра дома.
Царского имени нет.
Ровесника тем балконам,
Где птичкам всегда есть хлеб.

Ахматова – первое имя
странное в наших стихах.
А уже в наших днях
Странно – Петровские линии.
Ведь Петербург с малярией
Образ болезней, сект.
И Пушкин там жил вдали от
от настоящих нег.
Чуть-чуть не то, не сила.

В селах в темне встают.
Греются в стайке с вилами
в скрипе, во взлете вьюг.
Больше в Сибири осталось,
Правда не в городах
и старина и старость,
память в преклонных годах.

Старухи почти не помнят.
Долго живут, а нет.
Редкость, заметьте, полностью
Жизнь посетивший дед.



Всю жизнь будешь влюбляться
в моих друзей.
А без меня не в кого,
нет идей.



Да ладно уж, дятлы,
и замши коленей тугих,
после такого спектакля
не расходитесь, круги.

Здесь оставайтесь и ночевать.
Зачем уходить из театра?
Стоит же на сцене кровать.
А вы побрели, как телята.



Русь, милая, голубушка,
Скорей, скорее вспоминай себя!
Не сонные свои глаза
спокойные слова,
работы, песни.



(Григорий Распутин)

Начинаю я, мои милые,
Думать о маленьких средневековых,
С башенками, с крепостями городках.
Все бы теперешние миллионы
В них помаленьку бы расселились.
В изумительных, тихих.

Слышали, что Япония вон
первая поехала в сельскую местность.
Невозмогла первая.
А она восходящего солнца страна.

Сдается мне, многие, многие
В шумном огромном скопище
нынче подумывают.

Саша мне говорил:
не в Москву, не в театры
не на ВДНХ надо молодых
провинциалов везти.
Надо сперва для начала
невероятно красиво
сделать все то, что вдали,
что, куда никому неохота.
Куда никто не поедет.
Где 40 градусов.
Где никого, ничего красивого нет.

Застолье поэтов

А в окнах длинная весна
лилась по капле, каркая.
Сверкала рюмка и сосна
качалась у парка.

Скорее не было небес.
С такой надеждою просветы.
За город, за Москву, за лес!
На Родину и в лето.

И кто о чем и обо мне.
А обо мне еще не надо.
Так и останется в вине.
Вот утром вспомнить, ладно.

Пока по-русски пожалеть
о том, что будет, неизвестно.
И верить долго, долго, ведь
кому-то все же интересно.



Россия песенная –
самая великая, величайшая.
И я, сорокалетний,
по ничтожеству своему
узнал об этом недавно.
И где? Да конечно, все в ней.
В Москве.
Я услышал не только то,

и о чем в нашей деревне пели.
Нашлись люди, поехали по Союзу.
И нашли такие песни, я заплакал
от первых же слов. Я думал только я
только для меня.



Пошли завтра в музеи
с просьбами, с грустью.
В печальный вечерний Зимний дворец.
Чтоб Зимний был только дворец,
с десятью, двадцатью
картинами.
Надо Рембрандта –
поезжай в Ачинск.
Ну в Ачинск далековато...
А в тот же Иркутск.
Любишь Серова, Поленова –
Под Н-ском стоит часть,
своими делами занимается
и охраняет, и умнеет.
Люди слепые что ли?
Ведь никто не охватит его Эрмитаж.
К роскоши с лестницы, тут же!
Уже привыкаешь, голова болит,
На Неву глядишь.
А есть ведь, я точно знаю,
Что есть деревенские, есть
такие ребята восьмиклассники,
увидав только несколько картин,
Были бы так поражены!
Только несколько...

Их любить!

За то что меня забывают,
думая обо мне.
Любят, стихи мои обнимают,
целуют, а я в стороне.

Лето

Ну, побежало, встало, вот!
Перед нами и травка и одуванчики.

Дружба, любовь цветет.
Тут и обманщики и обманщицы.
И ваш покорный слуга
с мечтами порвал.
Будет играть, если что бороться.
Мир он и раньше, увы, воевал.
А в одуванчики дождик льется.



Не надо! Если уж тот ямб,
то и тот день. Вчера, пора, была.
Всем хитрецам не наобъясняешь.
Если бы только бог
мне объяснил, как это в них,
как это они не понимают.
Будь у меня уверенность,
что я что ли выше...
Если во мне возникает нормально,
значит, казалось бы в них.

Не понимают
держат меня
те размеры, те люди



Сегодня пару валерьяны
Попробовал на вкус.

Смотрите, Ванька на поляне
Как богатырь свалился в куст.

От прошлого года

В полях шоколадных темнеет
и ржавые травы, и лес
до самых, до самых небес.
А выше до самых комет.

Вот, значит, шли времена.
А где же с водою весна?
А я уже напоена,
на ялики усажена.



Бесценные весны деньки
как одиноко, плохо пролетели.
Живу опять, как старики,
люблю в своей ограде зелень.

Чуть слышен голос пенья за окном.
То – лето через дождик льется.
Участие и счастье в нем.
Сюда – сюда небесное несется.

Слетают с листьев капли на меня.
Я высунулс к темным тучам.
Вот смелый, одинокий я!
Лицо в воде, в весне плакучей.



Одинешенькая женщина
никогда, никогда, как в кино не пленяет.
На то и кино, на то оно и прелестно,
что в жизни почти не бывает.
Редкость, редкость и редкость.



Греюсь на солнце, а солнце на небе.
А никому никогда в другом не бывать.
Думая, сознавая, любя, в церкви обоих
Бориса и Глеба
быть не получится и пытливым умом не понять.



Блажь у меня была – море.
Я и на море о нем мечтал.
Там у прибоя вагончик был.
И кровать с бельем.
Как только шторм
в солнечный день
я туда, раз, в вагончик.
Лягу на эту кровать

и смотрю – вот они, волны
прямо к окошку бегут.
И радостно задумаюсь,
что в Москве решительные люди
решили вместе со мной
поехать к морю.

Я очень люблю ее...

и вот мы в этом вагончике.
смотрим на море.
И тут только вижу
да вот оно, море-то!
Нет, не это море!
Нет никого у волн.
И обед кончается.
И как бы валами
избуху не завалило.



Когда обманывают месяцами
неприятное, тяжелее сознание
Вот пусть ты юная,
красивая, смешная,
грусть в тебе, своя любовь.
А у меня гадание
гадание, разгадывание без тебя.
Темно как в серую погоду,
как в подвале.



Нет сил, красивая, не спи, нельзя!
Я свет, огонь не погасил я!
Ведь хочется глядеть в глаза
в лучшие глаза в России.

И закричал, не мог иначе.
Не мог и все, пускай в слезах
лучшие глаза в России
Растревоженные плачут.



Вот, дочь, письмо на авиа.
Зима была, а лета не было.

Посылку ласково отправила
не ожидая осень хлебную.



Над широкой речкой
старичок стоит.
радостно, беспечно
на нее глядит.

Хорошо, что лето,
что леса, вода,
ветерком согреты
старые года.



Здорово, одинокий человек!
Приветливое зеркало весеннее
моей улыбкой улыбается в ответ
и окружает молодую зеленью.

Эй, зелень, ветки, эй, весна,
фигурка там ни разу не мелькала?
Напористая, юная, одна,
запомнив дом, меня тут не искала?

А, своевольная такая, нет.
Теперь уж в теплом, настоящем мае
боюсь ее потерян след.
Куда она пошла, никто не знает.

Пляж потом

Так же будут
только голые
На песке вокруг лежать.
Так же будут греться головы
у речного галдежа.

Лодки будут сами двигаться
глупых девушек катить,
волны будут важно глыбиться.

Может быть не так, прости.



Избави бог с художественных образов
земную жизнь пытаться постигать.
С мерцаний, на века написанных.
Пусть будут в памяти, на сердце, на стихах.

А школа, глупая, на эту книгу гнет
и думает, что так же отрицательно
к Ноздреву наш относится народ
младой. А хиппи, например, признателен.



Никогда не придет ко мне в тот миг
в самую неизвестность, случайно.

Так она думает обо мне.
Мне надо верить и к ней прийти.
Ей привезти и цветы и сладости.
Ей будет изумительно, ей счастливо.
Мне бесконечно любить, всю жизнь.
Соединят нас наши уверенности.



Отгадать без цыганства
только горькую участь.

А счастливую жизнь
осчастливить и все.

Что же таинства, таинства
нас не коснутся?

На лице лишь печаль
а глаза, как две горькие мысли.

Не простые минуты
не забудешь и все.



Десять часов.
Что-то темно у меня.
Чуть посветлей за окном.
Двенадцать часов дня.
Так, и на этот раз
вроде не повезло.
Мягкий такой отказ,
вымыслу стоп, слом.



Танюшка, май ты мой, июнь!
Сейчас была весна.
Я отгадал любовь твою,
ко мне, ко мне она.

Мы разбежимся от меня
из-за меня, увы.
Как люди, вовсе не вина,
С туманом легким головы.

Откроем тайны и слова.
И память будет нам
с тем легким облачком едва,
что нас напоминал.



Закидают соломой, закроют.
И тепло, не слышать ничего.
И темно, как вечерней порою.
Скажем дождю – нет никого.

Там поют

Вот еще немного только, тихо...
Как за раму зарево уйдет.
Все, я знаю, где искать их,
Таню с Женей, новый мой народ.

Там, у каменного памятника
Маяковского и от него на юг
Женя, Женечка и Таня, Танечка
в семь часов, сейчас уже поют.

Там бывают слезы и не знают
в своем светлом зале, что вокруг
вечер, тоже по-казацки напевает
их печальный и знакомый друг.



Никогда тебя нормальная
баба не полюбит.
Только лишь для чьей-то ревности
хитро приглубит.



К радости чая с тобой
наши над чашками взгляды.
Солнце играет отбой.
Прячется за громады.

Наши, сказал, с тобой.
Значит тебя отделил.
Что я наделал, стой!
Я еще не разлюбил.



Считай, считай мои годы
которые не твои.
Представь те небесные своды
и тучки прекрасные их.

И стройные в лужицах ножки.
Над ними немые глаза.
И лес и повсюду дорожки
Одна из них на вокзал.



Зарождается, слава те, злость.
Надо мной, в основном воронье.

И она воронье, лучше брось.
Брось ее – это зверье.

Зря твоя пролетела весна.
Зря июль, а она, ух, ворона,
залетая, глядит, одинока, одна.
Так глядит, как влюбленные.

Но не могут глазами сиять
просто так одинокие люди.
Брось ты... все-таки где они спят
где гнездятся такие, где любят?

Гад поэт

Начинает прощаться.
Прочь, чтоб писать о ней
А она ведь его, несчастная
любит намного больней.

Засуха

Надо иной опять летают тучи.
теневые, треплют волоса.
Не дождят, не балуют, а мучат.
Как покинуть эти небеса!

Как по этой, от вокзала линии.
Покидать их, отказаться и
оказаться за домами длинными
где журчат в смородине ручьи.



Кабан! Кабан! Пли! Бах!
Вались, свинья или кабан
визжи, кровавь кусты, стихай, родной, тише –
вечерняя заря уже, звезды...



От лени есть снадобье – астра.
Красивая мне память сентября.
В июле, вспоминаясь, здравствуй
ты все качаешься у гряд?

Ни одного не видел желтого листка...
Сейчас конец июля.
Олимпиаду в Август в облака
шары несли уже, тянули.

Забавно бы на эти тополя
взять навязать везде цветов.
Начнет их осень оголять,
как листья, полетят в поток.



– Не поцелуешь астру? – Астру, нет.
А склоны сельские без нас красивы.
На темы русские нельзя дурак поэт
слагать свои извивы.

Кто издевается, кто издеваемый.
Кто тихий, одинокий человек.
Июльским ветерком тихонько обвеваемый
мой настоящий странник и поэт.



Пока были наши на юге, на юге...
полоски лежали светились валялись.
Не пылесосили шторы, дерюги
А наши на юге купались, плескались.

Приехали, покраснели и солнышко наше
спокойно и радостно их освещало.
Позагорали еще и уставши,
за пылесосы взяли для начала.



Охота в осень с головой
сухую, теплую зарыться
И лес зашепчет золотой,
Что хорошо забыться.

С большой любовью к шалахам
лежать в них, засыпая,
во сне соломою шурша,
не слыша и не зная.

Монашка

Что такое взгляды на меня, я знаю.
И как помнят с нежностью вины
запросто обласканные маем
милые счастливицы весны.

Страшно думать, как же с мыслью сладиться,
что во все века, миры, года
мне не испытать ни этой радости,
ни секунды счастья никогда.



И, все вместе влево.
И, все вместе вправо.
Ветки над четвертым этажом
целый день, качаясь, повторяют
на ветру июля небольшом.

Спинки листьев сразу серебрятся.
В небе уже север облаков.
Скоро будем осыпаться, братцы,
потому, что мир таков.

Час такой, что некуда деваться.
День уже кончается везде.
Никуда не надо ехать, оставаться
надо. К занавескам руки, к небесам воздев.



А льда никто не мог
ни воспитать, ни изменить.
Мечтали и над ним летали.
И думаешь, темна душа.
Ну почему же ты темна?

Не бейся, никогда она
не будет той душой,
как у тебя душа.



В копны бежали от дождика прятаться.
Бедные сена соломы рядки
в поле темнели, валялись как тряпочки
около пузырястой реки.

В дождевиках, в капюшонах колхозники,
мы, в чем попало, глядим на нее
серую-серую, с катера водники
думают что-нибудь тоже свое.

Мы уж студенты и мы не заметили,
что о любви сейчас каждый забыл.
Как на каникулах, все же уехали
мы от любимых и образ застыл.

Значит, студенты не очень пока что...
Жуликам есть колоссальный намек –
в поле, в ромашках, по склонам, по скатам
видеться с ними, пока ты далек.



Бог мне дал хорошее лицо.
Ежели так, отчего
несколько лет колесо
ежевечернего одиночества.

Правда ли, нет, судьба –
мне не любить а дружить.
И на отшибе изба,
тихого человека жизнь.



Прославлюсь, растяну я лето
на восемь месяцев, считай:
Сентябрь в Крыму,
октябрь на юге Каспия, ноябрь.
Останется декабрь, январь, февраль.
Ну, март...
С апреля мы и начинали юг
на Каспии... и май в Крыму.
Июнь, июль в Сибири, август.



Солнце во всех зеркалах
льется в июль напоследок.
В небе во всех облаках
вздых расставания с летом.

В августе – все. Уже все.
Снова на зелени сосен
старое. Около сел
грустные песни под солнцем.



Прибежала прошлая любовь моя,
раскидала все, покрасилась, сбежала.
Сумрачные до нее небес края
вдруг исчезли, лампа засияла.

Сто свечей на друга! Попросить бы
в час такой прощения не грех.
Да за лампу, за огонь спасибо,
и за новый, дружелюбный смех.



Намедни сон летел такой:
в саду играли звери.
И вдруг с пробитой головой
свалился лев у нашей двери.

Страдалец, все еще живет,
шевелит лапами, губами
и грустно так глядит – ну вот,
я умираю, Ваня.



Не гляди на нас, солнце.
Горите верхние листья в тени.
Не любит Москва самозванцев
в ясные тихие дни,
где пение и вечерня.

Вечером, вот ее звон,
церкви поблизости мерное,
к богу, упорное, он-н-н, он.



Свеча на бутылку налеплена.
Светлозеленая свечка.
Хватило горенья на лето,
а осенью светится печка.



Она на солнцепеке,
вдали Москва-река.
По ней лошадка легкая
плывет – в воде бока.



Сегодня умер Высоцкий.
Так я его и не повидал.
Тысячи, тысячи, сотни
прощались с ним навсегда.

Земля – это страшная свалка,
выдумка, в несколько лет.
Кружится хрипая галка,
там, где бывал поэт.

Вот уж в осеннюю вьюгу,
мокрые мои вы стекла,
ждете, наверное друга.

Гитара на могиле намокла.

Лампадка на деке темнеет
Ее не зажгут, не смеют.

Советско-русское кладбище,
сколько уже успокоилось.
Через века тут пастбище
Пастыри с кожаным поясом.



Неужели закон природы,
что безжалостный есть народ?
То есть люди, а их – народы
собираются в худший год.



Это было, друзья по искусству,
с друзьями по 40 градусов морозцу.



Обнимет бог везде, везде, всюду, кругом.
Но все равно смущенная,
душа моя умрет при виде гроба.
И будет стоять вами.
Вот, сейчас я впал в прелесть.



Делается вечер и темно становится.
И плохо. Горестно глядеть во тьму.
Точно, в это время горе ловится,
если не поедешь ни к кому.

Сам уже слабее тусклой лампочки.
А спокойно в летний вечер, в высь
молчаливые, стремительные ласточки
над тобой скорее пронеслись.



Мало ли гадов в лесу.
Так нет же, их надо везде.
Мерзкие кольца несут
в город, пугать людей.

Лихость зверя в лесу.
Вкрадчиво до поляны добрость,
выбежать, разорвать лису
и в одиночестве съесть.



Буря и буря, тут уже края
мои холодные-холодные.
Останется Москва твоя
в обидной памяти да ладно.



В журналах мод прекрасные статьи
из недоступных разговоров.
От пения стихов скорее отойти,
приблизиться, через забор, и
До глупости дойти без счастья
в дождях встречая Новый год.
Ты не по бедности босячья,
в заплатах. Знаешь, что идет.

Написано письмо,
бросается в ту щелку.
рассеянно прекрасные горят
у выхода у покидания щечки.
Неужто кто-нибудь не рад?



Дайте дорогу храбрым!
поле могучим людям.
Жалко, оставшись, бабы
Слабых сразу полюбят.



Хватит понимать, не надо!
Лицо. И у меня лицо.
Идет к художнику из сада,
сверкает солнце и кольцо.



Да, все еще светит.
Все еще не говорит луна.
А скажи, луна, сейчас где эти,

как Родена Вечная весна?
Нет. Роден – весна иная,
стариковская, бесполоая, другая,
вечная, не жалко, не печаль.
Жаль, что там не промахи, не парии,
не отшельники, не гении. Мне жаль!



Снова сонные липы без солнца,
расходясь и сходясь, шелестят.
Мрак и мрак, словно что-то бесовское
сколько лет в нашем лете подряд.



От лица отводятся взгляды все выше
за какой-нибудь ласточкой
в небе следят.
В небе бесследно, не видно, не слышно
хор исчезает, не любит тебя.

Цветы засыхают, летят спокойно.
Самые лучшие дни
Нам не достанутся. Львы и кони
снегом покроются, извини.



Довольно, не надо, нельзя, потом.
О можно, навеки, всегда!



Покидает пляж красавица.
Солнце семичасовое
красных плеч ее касается
нам невидимой рукою.

Кто очками защищаясь,
кто газетами закрылся,
в лодке с веслами качаясь,
кто-то спящим притворился.



Итак, катера побежали.
За ними они на досках.
А жены глядели сквозь жалюзи
потом все смеялись в кустах.



Зверей будет меньше в лесах.
А в цирках все так же.
В столицах все больше писак,
В провинции пятиэтажек.

Стеснительных, тонких людей
беспечные будут мучить.
Домой приезжать, как в музей,
срисовывать реки и кручи.

И будет наоборот,
как было, работа ведь любит...
Геологи у болот
и звери, и птицы, и люди.



Наврано, а музучилище.
ноты честно пожелтели.
Старичок уже страшилище
среди девочек газелей.



Саша сложный, сложный
покидал Москву.
Все казалось ложным
только наяву.



Спать пора! Спать пора.
Только спать пора не нам,
ты не понял – куликам.

Каникулы

Любя, улыбаясь, купался.
Бежал на валы, вон – дрожит.
Онегин, Онегин смеялся?
Не может быть, как, покажи?



ГДР – года два пешком.
Лиссабон – года три.
В Скандинавию босиком,
на борту босиком
можно все же дойти.



Не увлекаюсь Ленинградом в мае.
На белое небо зевают мосты.
А спать не хотят, засыпая.
Их бледной богемы черты.



Алые окраины зеленые,
золотые, синие деньки.
Солнце так спокойно утоленное
смотрит на красивые цветы.

Великий, неземной закат.
Что это? Полностью все небо
горит и встали облака.
Ни звезд ни месяца, ни солнца нету.
Ой, алая везде река.
В кустах сильнее маки алые
краснеют – детская толпа –
испуганно, не балуясь.



Я думал бог за облаками.
Хотел я спрашивать? Я не помню.
Я помню, пугался немых.
Как дождь нам о красную крышу стучал.
В чердачном окошечке радуга.

Меня обманули – стихи не нужны.
И не на что в горы хоть на день приехать.

А в детстве о море ни разу не слышал.
Всегда буду верить в Бога
и никогда я не буду один.

Конец лету

В тени как-то тихие дни.
Кувшинки плывут – не плывут.
Две дальние соедини
и отпусти – пусть идут.

Нырнул кто-то, крикнул: прощай!
И сзади плывет, улыбаясь.
Ладшкой по темным кувшинкам хлеща,
за лодку с любимой цепляясь.



Я лежу на тахте на траве.
А в пеньке, в серединочке пепельница.
Засыпаю в шумящей листве
Сквозь глаза призакрытые светится.

Как ты думаешь, нет,
что ты думаешь на солнцепеке?
О ботанике детских лет?
о немецком поэте Гете?

Все уносит под горку река
что ни кинь, только вон они волны.
Только волны на месте, слегка,
не плывут, а идут ровно-ровно.
Как толкнули их весла, поддав,
так они без раздумий несутся,
вверх бегут, а навстречу вода
их минуя, несет себя в устье.



По небу по лесу летают грачи –
недавно влетевшая радость.

Сегодня спокойно речушка урчит
у крайнего домика перед оградой.

И домику наслаждение дано –
реки синева, разнолесье.
Хозяин далеко бросает вино
и слушает, как оно треснет.



До кипения, до самого шипения
довести и навсегда уйти.
Напевая молодое свое пение
на веселом молодом пути.



Радуется городу новый человек.
Радуется лету Алла Пугачева.
Лишь одна единственная
тучка над домами.
Неба чисто синего нет уже над нами.
Дали отправление. Целовать? Не знаю.
Чисто-чисто Алла напевала,
но она спокойная русская стояла.



А у поэзии нет ни сладости,
ни оркестровой ямы
черного моря с бабочками
медного океана.
Нет ее среди зелени
и у колонн, и клумбы с цветами
осенними красными алыми.

Изгой, изгойская дорожка.
Где медь? Где я прощаюсь.
Любя, я не бобыль, в сторонку,
к себе в каморку возвращаюсь.

О боже мой, в окне зима!
Те, явные тучи, не летние,

Быстрее, ровнее, стремительней снега
холодный довольно пока еще дождь.
Идеалам поведения птичкам с неба
без этой значительности привет.

Хлеб размокает в кашу.
Птички, попив, полетят, позабудут.



В школе неясная мысль.
После уроков неясно.
В поле от школы прекрасно.
идти за колосками за речку наверх.
мы в сентябре, как в июне согласны.
глядеть на тучи на горе.
над синевой не июньской.

Слева дорожка скоту.
до одинокой избушки.

Лучше шалашик. Вот тут.
будем смотреть гнилушки.

Речка шумит и сухая листва.
Книга с картинками Наша Москва.
Если бы маленький я тогда
что-нибудь, только нежное, симфоническое услышал,
Было бы все и без этой моей любви
не беда.

Античное отчаяние

Когда я войду, Лена, ты посмотри, посмотри
Как она по старой памяти вздрогнет.
Вы, как всегда уедете пить до зари,
Лена, взгляни, может она постоит на пороге.



Зачем от жалости качает?
Зачем стою над музыкой?
Не отвечает, не кивает,
крутятся на столике с тоской.



Иван Овчинников (второй справа) и его приятели (1950-е)



Все, Галка, ты,
Ты виноградная умница.
Сливы и к ним цветы.
Есть отчего задуматься.

Винограда часы
и часы золочеными стрелками.
И от вечерней росы
капельки мелкие.

Лучше, милей голоса
за окошком отворенным.
Как виноградины смотрят глаза
смотрят на зелень во дворе.

Растение уже в руках
корнями пачкает запястья.
Внизу блестит, течет река
и моет, моет руки счастья.

Примечания

Публикуется по авторской машинописи с правкой, 16 с., 89 стихотворений. Пунктуацию почти везде оставил как в машинописи. Трудно там понять иногда, ошибка или система (пусть даже неосознаваемая). В делении на строфы и иногда даже на стихотворения уверен не везде. В оригинале звездочек нет, я поставил. Все ли стихи писались именно в августе и сентябре? – Тоже не уверен.

Варианты и вариации по книгам:

Мил-человек. Новосибирск: Детская литература–Мангазея, 1992. 64 с.

То ли к нам, от нас ли. Новосибирск: Проселки, 2003. 144 с.

Праздник (Дети, сверстники Петра...)

«Мил-человек»:



Все же в Сибири осталась
в селах и в городах
и старина, и старость,
память в преклонных годах.

Бабушку спросишь – помнит:
что было раньше, где.
Если с ней вместе, в комнате
старый веселый дед.

«То ли к нам, от нас ли»:



Раньше раньше вставали.
Не спеша, одно на друго надевали.
Ко скоту шли в темную ночь.
Утро зимнее утешительно
самого подхватывало.
Рукавицами крестьянство похлопывало.
Без тальянки снежок-от потапывало.
Счас конягу охомуаем.
Хорошо тому, у кого жена
молоко несет второ ведро.

А грядет на двор революция.
Рычит собака чужая, сумашечая:
ты пимы снимай, так дойдешь.
А куды?
Внуки, правнуки будут бесхарактерны.
Скажут им, что они
ни народ, никто.
Часть поверит, а часть
будет воинска.

Россия песенная...

В книге «Мил-человек» убрано:
И где? Да конечно, все в ней.
В Москве.

Бог мне дал хорошее лицо...

В книге «Мил-человек» другая вторая строфа:

Столик, перо, да листы.
Лишь головой не ложись.
Помни, что ропщешь ты,
мил-человек, не на жизнь.

Солнце во всех зеркалах...

В книге «Мил-человек» другая вторая строфа:

В августе всё, да не всё.
Родина в зелени сосен.
Около умных сел
древние песни под солнцем.

Я думал бог за облаками...

В книге «Мил-человек» совершенно другое стихотворение с той же первой строкой:

Я думал, Бог за облаками.
Как, думал, Он там высоко!
Тогда безоблачными днями
Он бесконечно далеко.

По небу по лесу летают грачи...

В книге «То ли к нам, от нас ли» добавлена строфа:

А так как мужик он хороший, то – нет,
пойдет соберет те осколки.
За это ему будут тысячу лет
во тьме благодарны лисицы в околке.

(напрашивается «лисицы и волки».)

Радуется городу новый человек...

«Мил-человек»:

На вокзале

Свете Дегтяревой

Радуется городу новый человек.
Радуется лету Алла Пугачева,
да одна воинственная тучка над домами
плавает по воздуху, бравая, над нами.

А моя два дня всего, как знакомая,
дождалась меня,
до сигнала не пошла в вагоны.
Очень, очень нравится человек, но уезжает.
Дали отправление. Целовать? – Не знаю.

Модная певица заставляла,
и она спокойная русская стояла.

Стихотворение в первоначальном варианте подразумевало другую девушку, главную героиню этого цикла.

Все, Галка, ты...

(или последняя строфа как отдельное стихотворение:

Растение уже в руках...)

Публикация Ивана Ахметьева



ТЕОДОР ЛЕССИНГ

ЦВЕТЫ И ЖИВОТНЫЕ

Один из самых оригинальных мыслителей XX века, Теодор Лессинг, родился в 1872 году, в Ганновере, в обеспеченной еврейской семье. Его отец был успешным врачом, мать – дочерью банкира. Как это часто бывало с людьми его поколения, он бунтовал: против семьи, против школы, которую окончил не без проблем. По настоянию отца стал изучать в университете медицину, но довольно скоро сменил предмет на философию; успешно защитил диссертацию о русском философе Африкане Спире. Планы Лессинга по написанию второй диссертации не осуществились – и в Дрездене, и в Гёттингене (где научным руководителем Лессинга должен был быть Эдмунд Гуссерль) ему было отказано по причине еврейского происхождения и радикальных социалистических и феминистских взглядов. В середине 1900-х годов Лессинг работал учителем, и, кроме прочего, читал популярные лекции о философии в зале ожидания дрезденского Центрального вокзала. Одновременно он начал подрабатывать публицистикой и критикой в газетах. Первую мировую войну Лессинг отслужил военным врачом в тылу, в свободное время он писал книгу «История как обретение бессмысленным смысла», которая за пацифистский пафос была запрещена к публикации военной цензурой. После войны Теодор Лессинг занимался организацией народных школ, но, главное, благодаря бесчисленным публикациям в газетах и журналах – стал одним из самых узнаваемых и влиятельных публицистов Веймарской республики. В 1925 году он вел репортажи с нашумевшего процесса по делу серийного убийцы Фрица Хаармана, преступления которого (он вместе с подельником убивал подростков) в 1920-е годы вошли в немецкий городской фольклор и породили волну художественных произведений (среди которых был фильм Фрица Ланга «М»). Лессинг обратил внимание общественности на то, что долгое время власти по сути покрывали Хаармана, так как тот работал полицейским осведомителем. После этого Лессингу было запрещено появляться в зале суда. В том же году Лессинг опубликовал статью, высмеивающую будущего рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга, где, среди прочего, пророчески предсказал приход к власти в Германии тирана («за немецким нулем-Гинденбургом к власти придет Нерон»), вызвавшую неслыханную волну протестов в Германии, уже на всех парах мчавшейся к национал-социализму. Патриотически настроенные немецкие студенты срывали и бойкотировали его лекции и призывали отобрать у еврея Лессинга преподавательскую лицензию. Как это часто бывает и в наши дни,

испугавшиеся за себя коллеги не выказывали особого сочувствия и поддержки товарищу, и в 1926 году Лессинг был вынужден уйти в бессрочный академический отпуск. После окончательного прихода национал-социалистов к власти, за голову философа-публициста, покинувшего к тому времени Германию и обосновавшегося в Мариенбаде, была объявлена награда. 30 августа 1933 года он был смертельно ранен выстрелом немецкого снайпера с дерева, которое росло напротив окна его кабинета.

Книги «Мои животные» (1926) и «Цветы» (1928) были составлены Лессингом из газетных заметок и эссе 1920-х годов. По остроумному наблюдению одного из современных исследователей они представляют собой нечто среднее между «средневековым бестиарием и научно-популярными телепрограммами из жизни животных»: детальные описания цветов, животных и их повадок становятся для Лессинга аллегориями современной жизни, поводом для обобщений, критических размышлений о человеке и культуре. Новаторским в этих книгах оказывается не только стиль письма Лессинга, где элементы эмблематического барочного языка находят себе парадоксального союзника в лице экономого стиля «новой деловитости», но и его подход к теме природы: животные и цветы наделяются самоценностью, обретают право на независимую от человека жизнь. Это не персонифицированные герои-животные, наследники сентиментальной литературы, не говорящие коты и собаки, сочиняющие автобиографии, и не танцующие в грезах романтических поэтов нарциссы, а существа, от человека изначально отделенные, обладающие собственным телосом. Их жизнь и мотивации невозможно понять, но к разгадке тайн их бытия можно приблизиться. Вторжение человека эпохи индустриального капитализма в замкнутые миры животных и растений катастрофично. Эта идея, проходящая лейтмотивом через книги Лессинга, предвосхищает, разумеется, нынешнее экологическое мышление. Но Лессинг превосходит его в своей радикальности: по отношению человека к животным, говорит он нам, можно судить об отношении людей друг к другу: в обществе, где разведение домашней птицы и скота поставлено на индустриальный поток, где животные вынуждены жить в невыносимых условиях в ожидании неминуемой смерти, все созрело для того, чтобы поставить на конвейер и уничтожение человека.

Русские переводы книг Теодора Лессинга («Хаарман. История оборотня», «Цветы» и «Мои животные») находятся в работе.

Александр Маркин

КРОЛЬЧИХА И КОШКА

«Чтобы многое увидеть, необходимо научиться подглядывать за собой».

У меня живут крольчиха и кошка. Обе – восхитительные, прелестные блондинки. Они часами играют друг с другом, и я, таким образом, довольно часто могу сравнивать особенности их облика и движений.

Крольчихе семь месяцев, она белая, лишь на груди золотистое пятнышко, у нее красные глаза навькат; она живет в деревянном ящике на кухонном балконе. Кошечке три месяца, она рыжая, с белыми пятнами на груди и спине, обитает на большом кресле в моем кабинете, но редко бывает дома и приходит, когда ей вздумается. Чаше всего ее можно застать на балконе, где она задирает и дразнит крольчиху, которая намного больше ее, или же лежит рядом с ней на солнце. Крольчиха по кличке Нини – изящное, трогательное существо; но ей, так сказать, не хватает твердости. Она все время заваливается и вскакивает, вытаращив свои никогда не закрывающиеся глаза; с горбом на спине – комок ужаса перед жизнью. По ее играм с кошкой я вижу, насколько она боязлива, постоянно думает о том, как бы защититься, как бы отвести от себя опасность, предполагаемую или реальную. В отличие от нее, кошечка, которую, как египетскую богиню с головой кошки, зовут Нейт, – смела, задириста и предприимчива, все в этом зверьке – игра, задор и упоение; она жаждет приключений и постоянно издевается над бедной крольчихой.

Оба ребенка растут у меня на балконе; они – два полюса творения. В то же время у них есть и что-то общее: в отличие от собаки, обе знают себе цену; это животные, для которых важны красота, привлекательность, чистота; да и ведут себя они как настоящие женщины – кокетливо, хотят всем понравиться. Они постоянно намывают и вылизывают друг друга, обе – ужасные чистюли и по-девичьи стыдливы. В особенности крольчиха. Она не гадит где попало, а справляет нужду в определенном уголке. С кошкой же случилось несколько раз, что она ходила в непопавшем месте; тогда, правда, она всем видом показывала, как ей стыдно, скребла и закапывала за собой, жалея о содеянном. Теперь, впрочем, о том, как велики между ними различия! Тело крольчихи, как и растений, которыми она питается, почти целиком состоит из воды; оно вегетативно и слабовольно. У кошки же – упругое, гибкое тело, оно крепко и полно энергии. Я думаю, что все травоядные животные производят впечатление благодушия, однако ни одно из них – ни корова, ни лошадь, ни овца, ни осёл – не обнаруживает такой цветочной бесцельности и неопределенности, как крольчиха, и никто не живет, как она, всецело погружившись в свои страхи. С другой стороны, вряд ли где еще найдутся такие бодрые и самоуверенные животные, как кошки... Мои взаимоотношения с этими зверьками совершенно различны. Я невольно отношусь с почтением к кошке Нейт, а вот крольчиха Нини меня умиляет. Для Нейт я – товарищ; для Нини – Господь Бог.

Сначала я хочу рассказать о Нини. Всем своим существом она выражает тоску и покорность. Кролики – самые забытые создания, любой хищник хочет, чтобы они стали его добычей. Вся природа желает ими поживиться. Лиса, хорек, куница, ястреб, сокол, ворона, сарыч – все готовы напасть на кролика. Поэтому его жизнь – это сплошной страх. Длинные уши всегда насторожены; никогда не закрывающиеся, испуганные глаза (этот зверек не спит, он только дремлет), пружинистые, готовые в любой момент подскочить лапки, дерганные движения – все формы его тела показывают: у животного нет иного оружия, кроме бегства, лишь благодаря невероятной плодовитости и быстрому размножению этим зверям удается выжить. Лишь изредка Нини сопротивляется Нейт. Нейт злоупотребляет ее снисхождением; она должна донельзя испугать бедную подругу, чтобы та наконец начала сопротивляться и кусаться. Бесконечное терпение понадобилось, чтобы научить крольчиху по свистку прискакивать ко мне и брать любимую еду из моих рук. Ее любимая еда – одуванчики и дубовая листва. Поев, она забирается на меня: бесстрашно запрыгивает на колени и, что-то бормоча, замирает без движения. Даже тут она находится в плену неодолимого страха. Она осмотрительно скачет за мной до порога балконной двери; однако ни разу еще не отважилась зайти в комнату. Только по вечерам, в сумерках, крольчиха с недоверчивой осторожностью боязливо приближается к двери. По-видимому, лучше всего эта Золушка от природы чувствует себя в темноте. Ночью слепящий свет не может ее больше пугать. Не слышны предвещающие опасность звуки, стихло верещание птиц, не скрипят колеса на улице. Тогда-то и выказывает кроличий народец свое умеренное веселье; это не радость, а, скорее, «оживление». Они встают на задние лапки и кувыркаются, причем не без задора. Впрочем, и в беззаботном счастье этим раболопным, нежным существам невозможно избавиться от засевшего в них тысячелетнего страха. Шесть, восемь, а иногда и десять лет этот безропотный, бедный альбинос с красными глазами навывкате, живет растительной жизнью, молчаливой, исполненной ужаса; и лишь когда ему невмogu терпеть сильную боль, он начинает кричать, словно маленький ребенок – испуганно и визгливо. Амфибии могут издавать звуки нёбом, высшие млекопитающие – губами, птицы – язычком, насекомые обладают целым оркестром; лишь немногие существа проживают свою жизнь тихо как Нини, закопавшись в себя. Впрочем, ее чувства можно прочесть по ушам, они барометр ее души, а еще – возможно – по короткому хвосту. Когда я свищу, она поднимает уши и напрягается, когда же она покоится у меня на коленях, то опускает уши и торжественно вытягивает хвостик; тогда-то она и наслаждается скромным чувством собственного достоинства.

И как же отличается от нее кошка Нейт! Она ни на кого не обращает внимания. Но каждый член ее тела – выражение и язык. Наблюдали ли вы за тем, как кошка обживается в новом доме? Она плутает по комнатам в поисках приключений, жаждет покорить весь мир. Всё становится ее охотничьим наделом, сферой ее господства. Вскоре она знает каждую кисть для штор,

все занавески, всю обивку. Она моментально находит самые укромные местечки и тайники. Она знает секретные ходы в кладовки. Ей открываются тайны чердаков. Всё для нее игра; со всем, что движется, она ведет войну; во всем она принимает деятельное участие, она завоевывает для себя большой и странный мир. Я не хочу сказать, что Нини глупа. Однако она существо терпящее, не обладающее активным любопытством, ограничивающееся обороной, довольное, если перед ним кладут еду и оставляют его в покое. У него никогда не будет широкого кругозора; крольчиха – словно растение, одно лишь мечтание и душа, на ее приглушенной животной жизни лежит печать трогательной, смутно выразимой немоты внедуховной природы. Кошка же – сплошной дух, настоящий бес, живость ума и остроумие. При этом мне кажется, что неторопливая крольчиха, в отличие от живой, сообразительной кошки, обладает намного лучшим инстинктивным чутьем. Я обратил внимание, насколько кошка полагается на свои глаза и как мало она полагается на свои так называемые низшие чувства, в особенности на обоняние. Я проводил эксперименты с крольчихой: клал еду на стол в саду, иногда в десяти метрах от нее. Она сразу же начинала реагировать. Если крольчиха голодна, то пока, как ей кажется, за ней никто не наблюдает, она тихонько скачет к столу и пытается на него запрыгнуть. Кошка же напротив проявляет тупоумие, ей важен зримый мир. Она реагирует исключительно на сильные запахи, и только когда они близко. Я могу привести ее в восторг, дав ей понюхать платок, пропитанный духами; а больше всего она любит аромат курчавой мяты.

У обоих животных исключительно тонкий слух; но именно в этой области чувств я могу ощутить их различие; несходство элементарного и духовного переживания. Для крольчихи Нини все звуки связаны лишь с благополучием или опасностью; то есть у нее, конечно, есть слух, но при этом она ничего не «воспринимает». Если она слышит музыку, то приходит в ужас и не знает, опасен ли для нее Бетховен или нет. Вот о Нейт я точно знаю: она умеет прислушиваться и слушает вполне объективно и с удовольствием. И поскольку объективность и деловитость есть освобождение от страха, то можно сказать, что кошка, словно художник, гений, может воспринимать и выражать красоту; поэтому-то и ее голос так близок к музыке, намного ближе, чем громяющий, не терпящий возражений, морализирующий и такой неэстетичный язык собак. Речь кошек вообще удивительно развита; они владеют тремя языками: мяуканье – это язык желаний и страданий; мурлыканье – язык удовольствия, и лишь когда наступает ночь, с крыш доносится первобытный язык их дикой души. Совершенно несправедливо утверждается, будто кошка, в отличие от собаки, неверна и лжива. Она всего лишь деловита, эгоистична и лишена сентиментальности. Ее кажущаяся лживость очевидно происходит от сменяющихся перед ее взором с огромной скоростью впечатлений и картин. В отличие от пассивной, бесхребетной Нини, Нейт – любопытное и своевольное животное. Даже если она лежит, сонно жмурясь, ее маленький острый глаз непрерывно воспринимает окружающий мир;

и в каждый момент она замечает что-нибудь новое. Все ей важно. Все она хочет знать, без конца играет, везде шастает, ищет приключений и проказничает... Подытоживая свои наблюдения, я могу заметить, что эти животные воплощают мою смелость и мою покорность. В кошке я вижу свой дух, а крольчиху люблю, словно душу. Жизнь Нини – маленькое, боязливое уединение, в которое она смело и чисто погружена, нисколько в нем не сомневаясь, словно пугливая, несвободная, маленькая, но отважная домохозяйка, – совершенно не исключает того, что душа Нини соединена с космосом и тесно связана с внечеловеческим, предсознательным. Нейт, в отличие от нее, свободна и своевластна; она ужасно меня огорчает, если я начинаю ею командовать или воспитывать ее; но как только я даю ее натуре свободно раскрыться, она сразу же становится мне самым лучшим, удивительно любезным, привязчивым, бесконечно очаровательным товарищем. Нини слишком чувствительна для этого мира. Она не может подсмотреть за собой; поэтому она и не учится смотреть. Мне никогда не избавить это бедное существо от страха; но когда я на нее смотрю, я начинаю понимать строки из «Послания к Римлянам»: С надеждою ожидает тварь от сынов Божиих освобождения. Я понимаю, почему природа стремится искупить себя в человеке или духе... Если бы я был настоящим философом, то смог бы сделать с помощью своих питомцев обобщения о диалектических противоположностях в метафизическом духе, например, об объективном и субъективном, пассивном и активном, пожирателях и пожираемых, о природе и духе, сознательном и бессознательном, несвободе и свободе и прочем таком же. Но другие философы умеют это делать лучше меня.

ИНДЮК

Почему я не могу смотреть на тебя без муки? Почему каждый раз, когда я тебя вижу, меня охватывает чувство стыда? Почему твой образ и трогает меня, и вызывает во мне возмущение; доставляет мне наслаждение и мучит, забавляет и ранит – да так, что я и не знаю, смеяться мне или плакать?

Я вспоминаю, как в одном поместье в окрестностях Ганновера мы, мальчишки, трясли красными тряпками перед носами индюков, трясли так долго, что те выходили из себя, надувались, иступленно кричали, негодовали от ярости...

Все их перья распушались, хвост распушался мощным веером, наполовину раздутые крылья с шумом били по земле, на шее взбухали комки, вздымались причудливые щетинки на груди, а над клювом трясся пурпурно-красный нос – будто кровь, вытекающая из кровоточащего сердца. Жутко и смешно. Индюк хочет казаться могучим, а выставляет себя на посмешище. Мы, мальчишки, захлебывались от удовольствия; но однажды во время этой забавы меня вдруг пронзила тоска, я стал расталкивать товарищей,

закричал: «Оставьте их в покое!», – и в тот же момент игра приняла новый поворот: красные тряпки замелькали перед моим носом.

Сейчас-то я знаю, отчего мне тогда стало больно и неловко за этих громихавших чужестранцев. Вот послушайте:

Эта птица – душа первобытных лесов Луизианы, их дикая и прекрасная душа, гнездившаяся когда-то на горных склонах, на гигантских, обвитых лианами деревьях; вокруг нее порхали уже исчезнувшие бабочки, рядом с нею расцветали неведомые цветы; она жила среди обезьян, попугаев, диких ящериц, мощная, царственная, из всех зверей и птиц – самая гордая. Это была священная птица канувших в Лету индейских народов, птица-покровитель благородного Чингачгука и прелестной Ватавы, а Бенджамин Франклин даже хотел сделать ее гербовой птицей Америки. Однако белокожие просвещенные стяжатели и эксплуататоры покорили дикие леса и превратили их в газетную бумагу. Священную же птицу стали разводить на птичьих дворах, теперь она должна была нести яйца, служить праздничной едой на столах чревоугодников. Так она нынче и существует: посмешище, карикатура на прежнюю себя, вечно в дурном расположении духа, крикливое, на всех обозленное существо, над ним теперь издеваются каждый здоровый деревенский мальчишка, покрикивающий на индюка «Кыш-кыш» и не подозревающий, что тем самым он приколачивает к кресту самого Бога. Что же мы с ним сотворили? Превратили в сытое домашнее животное, поступили с ним так же, как с бесконечно прекрасными дикими гусями: изуродовали, сделали из него жирного каплуна.

Чудесный металлический блеск его оперения поблек, стал бледно-серым, грязно-белым. Его огромные солнцеподобные глаза покрылись мутной поволокой и преисполнились скорби. Индюка пустили в дело, его разведение поставили на поток, его навсегда, необратимо вовлекли во всемирное предприятие человеческой экономики, да еще и издеваются. Ужасно, когда человек наносит раны, а потом говорит, что они – позорище!..

На гербе Елизаветы Первой были написаны странные слова: «Ubi fel, ibi mel». «Там где желчь – там и яд».

Это самое несчастное из животных. Его сердце плавает в желчи. Горе мне, горе! С него срывают пурпурную царскую мантию. Его царский род принуждают к барщине на дворах крестьян и буржуа. Возможно, поначалу гордость и покорность скрывали слезы, глотали их. Есть животные, высочайшее смирение которых тысячекратно превосходит душу человеческого хищника. Таким царственным созданием является верблюд, одно из самых просветленных и благородных существ творения. Хотя индюк был *другим*: диким, вспыльчивым, подверженным страстям. Но его сломили: вспыльчивость обратилась в горькую, желчную скорбь. «Я – царь», говорит помутневший глаз раскормленного до бесформенной тяжелой массы животного. «Когда-то я обитал на кипарисах и магнолиях. Гордые индейцы в далеких вигвамах почитали мой зов. Они опускались предо мной на колени. Я – царь». Однако люди, сначала укравшие его яйца, его птенцов а, в конце кон-

цов, забившие и сожравшие его самого, стали издеваться над низвергнутым с трона. Впрочем, как настоящий Дон Кихот, даже в изгнании, в гетто, индюк сохранил свои царские притязания. Ни кур, ни уток, ни гусей не удостаивает он своим взглядом. Пускай его обесчестили – его величество нищенская гордость шествует по птичьему двору с высоко поднятой головой.

Тот, кто узнал это существо поближе, знает: в нем в самом деле дремлют последние взмахи крыльев царственной души. Индюк – чужак, такой же чужак как король Лир или же Эдип. Он безумствует, мы – смеемся. Он хочет нам угодить, а выглядит гротескным. Он ненавидит красный цвет (точно так же, как ненавидят красное буйволы, полуистребленные, полуопозоренные на аренах тореадоров), он ненавидит красный цвет потому, что это цвет его вечно kloкочущей крови, его гнева и скорби, выставленных на посмеище. Ведь это благородное создание наделено безмерной раздражительностью, оно – безвольный мяч в игре собственного агасферного непокоя. Можно понаблюдать за тем, как индюк приходит в возбуждение от самого незначительного звука, от каждого шороха. От собачьего лая вдалеке, от треска сучьев, от звука приближающихся шагов, от скрипа повозки, от крика кукушки в лесу. Вечно бдящий, вечно начеку, вечно в укрытии, ожидающий нападения или даже чего-нибудь более позорного, это боязливое и благонамеренное, по сути, животное, которое люди лишили душевного покоя, превратилось в революционера, вечного бунтаря. Впрочем, и поныне эта неутомимая буйная душа обнаруживает благородство и настоящую величавость. Прежде всего это проявляется в наивной доверчивости, черте всех по-настоящему достойных, сильных духом, аристократических существ; но неотъемлемой оборотной стороной этой доверчивости оказываются вечная осмотрительность и недоверие.

Отчего же эта птица никому и ничему не доверяет? Невыносимого задирю совсем просто обмануть. С той же легкостью, с какой его можно привести в гнев и ярость, в нем можно разжечь любовную страсть. Когда индюка захватывает любовное чувство – он создание, чувствующее горячо и неистово – то это чувство делает его совершенно беззащитным и слепым. Старая пословица глаголет: «Кого Бог хочет погубить, того он лишает разума». Так и это животное, объятное пылом страсти, утрачивает, кажется, все свою настороженность, все свое достоинство и покой. На этом строится охота на индюков. Американский охотник знает, что опьяненная страстью птица беспомощна. За теми птицами, которые все еще живут на свободе охотятся, имитируя крики самок; эти крики приводят индюков в состояние любовного экстаза, от чего те теряют свою бдительность; и скоро диких индюков окончательно истребят. Робкое животное выходит из своего убежища, несется навстречу приманному зову; пока индюк исполняет брачный танец, чтобы победить соперника, к нему подкрадывается охотник, застигает его врасплох, убивает обманутого. Впрочем, и в неволе легко злоупотребить великодушием индюка. Этим летом на пляже в Бад-Зальцдетфурте я наблюдал индюшку: она неделями простаивала у воды. Там протекает бурная речка,

называемая Ламме, рай для диких уток, прячущих яйца под мать-и-мачехой, растущей вдоль берега. Индюшке подложили на высидку пару утиных яиц. И таким образом вместе со своими детьми она вырастила еще и двоих утят. Когда же утята потянулись к воде, она пошла за ними к реке. И поскольку течение было слишком сильным, она встала на камень у воды, и стояла там дни напролет с утра до вечера, напряженно высматривая своих утят, которые в это время резвились в воде. Где найти такую невинность среди людей? Впрочем, символика величественного создания, ставшего нашей жертвой, глубже. Я благодарен индюку за смутное понимание самых лучших и великих представителей рода человеческого. Не являются ли и они последними отрогами, остатками гордого, свободного и прекрасного человеческого племени, которое извращают и уродуют, засаживая в промышленные курятники, где все подчинено законам пользы, не используют ли и их на потеху и потребу массам? <...>

«Я вам не ровня», – все еще говорит его потускневший глаз; лишь иногда пробуждается в индюке воспоминание о его дионисийской гордости, и он становится удивительным и странным. Умные люди скажут: «Обозленным!» Или: «Ресентимент!» Или: «Вытесненные комплексы». Или подберут еще какое-нибудь подходящее модное словечко...

Я люблю вас, я приветствую вас, Сломленные, Поверженные! Священная птица погибшей цивилизации, гордая душа первобытных лесов Луизианы, ставшая нынче домашней птицей, массово разводимой в курятниках и на плантациях. Когда я вижу, как ты нахохливаешься и неистовствуешь, я больше не смеюсь, как смеялся над тобой ребенком. Я снимаю перед тобой шляпу и говорю: «Это мой великий учитель Артур Шопенгауэр. Это мой любимый Иоганн Шерр. Это Евгений Дюринг. Это Август Стриндберг. Это лучшие люди моей отчизны. Обозленные... так точно... обозленные!»

ПАУК И МУХА

Тебе, непризнанному, оклеветанному, тебе, нежному маленькому паучку – поэтической душе, тебе хочу я спеть хвалебную песнь, любовную песнь! Ведь если существует прообраз творческого созидательного духа, воспроизводящего переменчивый мир живых форм в царстве искусства, то этот прообраз – ты и рвение, с которым отдаешься ты своему труду. Есть ли где еще кружева, подобные серебряным постройкам паука, нежные, слово пыльца с крыльев бабочек, жесткие, словно пчелиный воск? Искусно набрасывает Арахнея, ткачиха, свой генеральный план, плетя сначала от краев к центру; потом заполняя свой набросок бесконечными ходами, которые – все – затем соединяются в форме спирали, фигуры, каковую Лейбниц считал одновременно символом жизни и символом смерти (*involution et evolutio*), и которую изобразили на его гробе. Творческий созидательный порыв к прекрасному, являющийся смыслом существования всего живого, ясней всего выража-

ется в плетении паутины и оттого, что ее создатель гибнет в своем создании. Поэтому всех творческих личностей, всех «производящих искусство», эти отвратительные отбросы человеческого тщеславия, мне хотелось бы подвести к переливающейся на солнце паутине и сказать им: Разружьте ее! Крошечное существо немедленно построит новую. Разружьте двадцать раз, разружьте сто раз! Маленький демон снова и снова будет вытягивать нити из своего тела; его работа будет все тоньше, все нежнее, но паук должен плести до тех пор, пока, работая, не доведет он себя до истощения и не умрет. В данцигской ратуше я видел большое пламенеющее сердце и в нем девиз: *Placeam dum peream* (Пусть я понравлюсь, погибая). Паук старается (здесь вы должны наострить свои уши, «творческие личности») не для рынка, не для истории; и трудится даже там, куда никогда не проникнет живой глаз: в мрачных склепах, в самых глубоких пещерах. За это мы и любим тебя, славный, маленький паучок, ведь ты – прообраз поэта. Мы ведь тоже пишем стихи в песках пустынь, где завтра они могут быть уничтожены налетевшей бурей, а, может, по ним нечаянно пройдет верблюд. А еще мы любим тебя за то, что ты – наше подобие, ибо и твоя работа – это броня, защищающая тебя от внешнего мира...

В Париже на одном старом надгробии я прочел слова: «*Jetez l'ancre et laissez flotter*», «Брось якорь и отдайся на волю волн». Над могилой на ивовой ветви качалась на ветру паутина. Я смотрел, как ее срывал ветер. Маленький паук надежно закутался в свою работу, свое плетение, и спокойно отдался на волю ветру. Тогда я вспомнил о животном, у которого я научился смирению перед судьбой. Это был теленок – я видел, как его ведут на убой. Он остановился перед воротами скотобойни и не хотел переступить порога. Помощники мясника покрикивали на него. Но все было напрасно. Зверь, которому, по-видимому, в морду ударил запах крови из помещения и который предчувствовал свою судьбу, никак не хотел идти вперед. Его били палками, ему завязали узлом хвост. Наконец, мучители устали, и, казалось, упрямая воля к жизни победит. И вдруг теленок опустил голову и, словно младенец, испустил короткий жалостливый крик; после чего он добровольно ступил за порог, где его ждала смерть. И увидев это я изрек: «Невинное животное». Ведь это и есть благочестие: добровольно отдаться судьбе, вместо того, чтобы со слезами ждать, как это нас настигнет... *Jetez l'ancre et laissez flotter*.

Совершенно непонятно, как можно находить пауков уродливыми, считать их отвратительными, бояться этих крохотных безобидных душ. Я-то говорю не о гигантских тропических пауках, которых природа вооружила ядовитыми железами и острыми зубами. Ни нашего нежного домашнего паучка, которого народная молва, что характерно, окрестила за тонкие ножки портишкой или козлами, ни необычайно хрупкого паука-крестовика совершенно не стоит опасаться. Страх перед ними я объясняю исключительно тем, что они способны совершенно бесшумно передвигаться с быстрой скоростью. У этих прекрасных созданий нету иного языка и способа выражения, нежели их собственное творение. Они необычайно застенчивы и поэтому

ведут скрытное существование. (Удивительно, что немецкое слово «привидение» связано со словом «кокон»). Этой скрытностью я объясняю себе происхождение приметы-заблуждения, согласно которой «паук поутру приносит нужду и беду», ведь на самом деле прекрасная душа никогда не появится из своего укрытия ясным утром.

Известно, что Спиноза был любителем пауков, охотно держал их в своей скромно обставленной комнате и пытался их приручить, принося им мух. Шопенгауэр писал о том, что эта тяга к паукам намекала на жестокость в характере Спинозы. Когда Шопенгауэр об этом писал, под потолком его комнаты наверняка висела мухоловка, на которой, прилипнув к сладкой полоске, сотни жужжащих насекомых дрыгались в ожидании медленной смерти. Разумеется, так и должно быть: человеческой психологии кажется, что пауки, расставляющие свою сеть, чтобы в ней – примерно для того же, для чего мы храним на случай голодных лет в своих кладовках колбасу – застревали мухи и мошки, – это жестокие существа. Более того, существуют виды пауков, где самка, превосходящая самца в размерах, сразу же после совокупления убивает своего партнера и начинает его пожирать – прообраз женщин, которых Гомер называет «*gynaikes phtisenoires*» (женщина-хищница). Но я уверен в том, что наша наука о душе абсолютно неприменима к растениям или животным. Человеческому глазу природа является жестокой лишь потому, что в ней на каждом шагу переплетаются смерть и наслаждение. Если появление новой формы возможно лишь в гибели или в переходе в другие формы, то мы должны молча принять эту мистерию за высший завет всего живого. По крайней мере, я сомневаюсь в том, что на Земле кто-нибудь (но это не касается человека и одомашненных им животных) будет мучить с расчетом на удовольствие.

К этому надо добавить, что пища пауков, мухи, кажутся почти что их полной противоположностью: неспособные к творчеству, бесстыжие и беспардонные. Если паук очевидно имеет склонность к искусству и гениальности, то муха – это фабричный товар природы, паразитирующая толпой и чувствующая себя хорошо лишь в толпе, громкая, любопытная, навязчивая, падкая до сладкого, похотливая, важничающая, вечно жужжащая, все вокруг себя пачкающая. Поэтому-то Гёте так охотно и сравнивает людскую суету на городских улицах с назойливым гудением падальных мух в тех местах, где им есть чем поживиться, а Ницше предупреждает творцов: «Крови твоей хотели бы они. Они благодарны, когда ты бываешь достаточно скромнен, чтобы быть тщеславным. Беги в своё уединение. Не твоё назначение быть махалкой от мух». Фриц Маутнер пишет (пускай он и отвечает за точность этого факта), что вплоть до начала 19 века считалось, будто у мухи восемь ног, просто потому, что Аристотель принял двух спаривающихся мух за одну; за две тысячи лет ни один человек не удосужился внимательно присмотреться ни к одной из мириады окружающих его жужжащих мух и исправить заблуждение. Это замечательный пример не только того, что на нас лежит проклятие веры в авторитеты, но и того, как слабы и равнодушны наши на-

блюдения за природой. Нужна мечтательная, лирическая душа Герберта Ойленберга для того, чтобы превратить муху Катинку в благородную принцессу из книжки; в действительности же это создание, которого народные поверья сделали спутником дьявола, очевидным образом демонстрирует, что является переходной ступенью на пути к высшим существам; ведь и питаются мухи преимущественно объедками и отбросами. Я ни в малейшей степени не могу себе представить, как устроена вселенная мухи, отражающаяся в пятистах фасетках, которыми усеяна вся ее спина. В любом случае муха – одно из самых склонных к моторному раздражению существ; ужасно самоуверенная и наглая лишь потому, что каким-то образом она способна воспринимать все и всех вокруг и повсюду сует свой нос, т.е. сосущий хоботок. Ее бесстыдство проявляется, пожалуй, в нехватке единообразного любовного влечения. В то время как пауки соревнуются за своих самок, ухаживают за ними и хотят привлечь их красотой, мухи живут слепым скопом, непрерывно меняя партнеров при свете дня. Тем самым природа очевидно демонстрирует противоположность эротики и полового влечения. Сила природы, заставляющая паучиху убить паука, пожалуй, связана каким-то образом с бесом искусства, иступленной страстью, которая обособляет творца и одновременно делает его жертвой его собственного произведения. Мухи же, напротив, как и все массовые существа, лишены страсти, способной их выделить и обособить; они – сплошная неутомимая похоть; этим я и могу объяснить мое собственное наблюдение: муха, если ее отравить, пытается поскорей размножиться; она спасается от смерти в собственном неискоренимом роде. Подытоживая, можно сказать: в антагонизме мухи и паука природа показывает нам отношения, которые мы, люди, знаем и по себе: те, кто смиренно отдают себя на волю судьбе, всецело посвящают себя работе и вынуждены укрываться от мира, воюют с теми, кого намного больше: живущими в свое удовольствие, не желая знать о судьбе и ничего не творя: как мухи.

ПЧЕЛА И ОСА, ИЛИ БУРЖУАЗНОЕ И РОМАНТИЧЕСКОЕ

Один великий мудрец сказал, что все живое можно разделить на тех, кто живет обеспеченно и тех, кто ведет необеспеченную жизнь. Обеспеченность царит там, где существа добровольно подчиняются привычкам, то есть живут четко очерченной жизнью: оседло и буржуазно. Необеспеченную жизнь ведут творения, полагающиеся на волю рока, не имеющие строгого порядка, живущие без умышленного расчета. Во тысячах сочинений пчел изображают прообразом буржуазных добродетелей и порядка. Прилежные, опрятные, абсолютно предсказуемые, подчиненные общественным инстинктам, отрицающим у отдельного существа способность думать и превращающим его жизнь в функцию на благо государства – таковы пчелы, образец идеального организма, в котором каждый вкалывает для каждого и существует

лишь как часть «коллективного тела». Нерушимый порядок их трехклассового общества, хорошо известен и не может не вызывать восхищения, Дарвин же назвал пчелиное общество «тупиком природы», так как оно не может развиваться дальше; в то время как позвоночные животные в зависимости от условий проживания претерпевают изменения, пчелы не способны эволюционировать и платят за свое буржуазное счастье вечным застоём.

На веки вечные должен этот народ, *misera contribuens plebs*, собирать цветочный нектар, таскать строительный материал, строить восковые дворцы, опылять цветы, «выпекать» пчелиный хлеб, кормить личинок, чистить ульи и обслуживать свою милостивую госпожу. С незапамятных времен милостивая госпожа – пчелиная матка – откладывает ежегодно по шестьдесят тысяч яиц и позволяет своему народу заботиться о себе, прикасаться к себе, ласкать себя. С давних пор среди них живет за счет других небольшая стайка капиталистов, но каждой осенью этим другим становится понятно, что без тунеядцев можно обойтись, и каждый год пролетариат поднимает против них революцию, а каждую весну улей снова начинает гудеть. Во всем этом есть смысл. Но в чем же, собственно, суть смысла этого всего? Мне хотелось бы знать, кто получает от такого порядка пользу. Королева-пчеломатка? Одна из миллиона? Она, словно ректор Гёттингского университета, каждые четыре года выбирается заново, и до того момента, когда сможет, наконец, хотя бы раз в жизни испытать радость от любви, должна отложить чуть ли не миллион яиц! Пчелиная матка определенно пленница своего народа и могла бы пожаловаться вместе с Бисмарком: «Я – ваш предводитель, но вынужден следовать за вами». Пролетариат? Жизнь пролетария коротка, и когда она подходит к концу, то оказывается сплошным трудом и хлопотами. Прилежная рабочая пчела выдерживает около шести недель; после этого она умирает от нервного истощения. Трутни? Они, разумеется, ведут жизнь на зависть другим пчелам, но что это значит в государстве, делающем ставку исключительно на логос и отвергающем все, связанное с эросом? Лишь единицы из десяти тысяч попадают на небеса любви; но там они теряют свое жало и тут же познают известную с давних времен неразрывную связь любви и смерти. Остальные, всеми презираемые, получают право бесплатно пожить четыре месяца на полном довольствии, но после недолгого пиршества за летним богатым столом они изгоняются народом, их силой выкидывают из жилищ, их затравливают, а когда они, наконец, совсем ослабевают – зажаливают насмерть, приговаривая при этом: «Наглые паразиты! Жирные буржуи!» И вот оказывается, что никто в совершенном государстве (которое Кант и Гегель называли «целью мировой истории») не рад, за исключением божественного пчеловода, который забирает мед, съедает его или продает, и смеется в кулачок над насекомыми, кладущими свою жизнь на труд, который их же и губит. Таким, разумеется, был бы теперь прообраз всей культуры, литературы и макулатуры. Те, кто наполняют своим медом музеи и библиотеки, проживают свою жужжащую жизнь или упитанными талантливыми трутнями, или рабочими-евнухами, или же византийскими

тиранами-государственниками. Пусть божественный миропорядок простит мне это высказывание: мне все нравится в меде, но я не люблю его производителей и считаю, что прав был Плутарх, сказавший: «Следует уважать искусство, но презирать художников». При этом я люблю совершенно бесполезных ос; они не такие скучные и намного ближе природе.

Осы отличаются от остальных так называемых перепончатокрылых или общественных насекомых (пчел, муравьев, шмелей) своей цыганской анархистско-индивидуалистической дикостью, разрушающей любые государства. Немецкий писатель Томас Манн без сомнений назвал бы их «бестактными и неуравновешенными»... «Разворошить осиное гнездо», – гласит известная поговорка, указывающая, без всяких сомнений, на непредсказуемость этих стихийных существ. Они живут всего шесть месяцев. Строительство, охота, убийства, пища, пожирание и любовь заполняют короткую осиную жизнь. Они выстраивают внушающую страх цитадель; к отверстиям для входа и выхода приставляются стражи. В начале мая самка, зимовавшая под опавшими листьями, выползает из-под земли и начинает откладывать яйца в стволе высокого дерева. Шесть дней спустя вылупляется нежная личинка, которая находит рядом с собой уже разжеванную еду. Она превращается в червячка, червячок – в куколку, и ровно через месяц куколка становится молодой осой со славной головкой и восхитительно тонкой осиной талией. Оса тотчас же принимается благоустраивать свою девичью комнатушку, тщательно ее вычищает и «партогенетически», т. е. без помощи самца, откладывает яйца. Так возникает большое, неугомонное государство матерей. Самцы появляются лишь в сентябре – самое прекрасное уже позади. Любовные трагедии стремительно сменяются похождениями на охоте, пламенными и жестокими. Самцы неуправляемы и дики. Муха, паук, кусочек мяса необратимо влекут их к себе. Они постоянно рискуют жизнью. В отличие от медовых пчел и шмелей они совсем не вегетарианцы, они – плотоядные искатели приключений. Они умеют хорошо жить, умеют ненавидеть; хорошо жить и достойно умереть. Однако вдохновляет их лишь одно: неодолимое стремление принести себя в жертву потомству. Потомство – смысл существования царства диких матерей, неутомимо выхаживающих и воспитывающих молодежь. В приключениях и романтике стремительно проживают они свое прекрасное лето. Когда же наступает осень, холодный ветер гладит жнивье, и пропитания для молодых становится все меньше, происходит нечто загадочное, что-то настолько удивительное, что воистину приближается к последним тайнам святого искупления. Целый народ убивает себя. И только одна оплодотворенная оса приползает к корням и подземным ручьям, чтобы до следующего года пронести в себе воспоминание о навсегда исчезнувшем мире. Не в одиночестве ли диких ос углядел Будда тайну нирваны? Тайну той буйной «воли к жизни», которая в конце концов оборачивается против самой себя. Целый народ убивает сам себя, разрушает в неистовом порыве самоубийчтения мощные цитадели, которые сам же в поте лица выстраивал летом, и расправляется со своим потомством, любимым превыше все-

го. В ничто забирают они свою работу, не позволяя глазам холодного мира на нее смотреть. Они лучше убьют себя, чем позволят покусывающему камни морозу медленно себя сгубить. И лишь в одной единственной осе сохраняется до следующего лета зародыш, образ целого народа. Для нас, людей, такое было возможно лишь несколько раз – и только в величайшие мгновения истории; у пунийцев, у евреев, у инков, у русских. Шопенгауэр описал этот феномен в следующих строках: «Когда все потеряно, нам остается лишь возвратиться к первоистoku природы»...

Я люблю тебя буйная, гневливая, оговоренная оса. Ведь я точно знаю: лишь тот, кто живет на широкую ногу, может и умереть с радостью: «*Qui potest mori, non potest cogi*», «Не покорить того, кто знает, как умереть». Нам известны и другие примеры самоуничтожения и самоубийства в природе. Лиса, застрявшая во льдах, откусывает себе лапы; скорпион в крайнем случае может сам себя ужалить ядовитым жалом. Но случай, когда целый народ из матерей решается убить своих детей, чтобы их не погубили голод и холод – единичен.

Пчела приносит свою жизнь в жертву работе; оса жертвует всю свою работу жизни. Она и трагична, и героична, что означает, конечно же, что она аморальна и антибуржуазна. В пчелином государстве нам является не что иное, как мудрая политика и высокая культура. В осиной же своре страдает и умирает сам Бог. И когда дикий рой жужжит летней ночью вокруг вакхических факелов цветущих лип, мне слышится летняя песнь жаждущей смерти жизни:

«Да, ночь мне утешение несет:

Во мраке ночи темный рыцарь ждет,

Лишь стоит захотеть, и он прижмет к груди,

И мы умчимся вдаль...»

КРОВОТОЧАЩИЕ ДЕРЕВЬЯ

Как вы знаете, святым покровителем поэтов и художников является апостол Лука, который (одному лишь Богу известно почему) ведет за собой в качестве своего символа слепого тельца. А вот покровителя издателей и торговцев искусством вы наверняка не знаете – это господин Франсуа Перейра, знаменитый парижский банкир, часовня которого коченеет на Монмартре...

Господин Перейра стал мультимиллионером потому, что ему первому пришла в голову замечательная идея: искусственным путем заставлять деревья первозданных бразильских лесов истекать смолой, собирать эту струящуюся смолу и продавать ее на международном рынке: для производства духов, шампуней, косметических средств и мыла...

Вы, бедные девушки, семяющие каждое утро в семь часов по улицам городов, чтобы весь день растрчивать свою бледную юность за печатными машинками, за офисными столами, в дамских магазинах; вы, несчастные добрые юноши, мечтающие о паневропейском государстве, о великом братстве благородных народов, но вынужденные в шесть утра спешить

на фабрику, или в школу, или на склад, и вы, ослабленные жизнью старики, и вы, выгоревшие и отцветшие дамы, носившие когда-то венки из виноградных листьев и заплетавшие в свои волосы розы, а нынче дающие уроки игры на пианино или стоящие у плиты, или выгуливающие породистых собак... послушайте меня! Рассказывая о том, как крупный банкир добыл в первозданных леса Бразилии губную помаду, я рассказываю не о себе – о вашей душе пойдет речь...

Далеко-далеко, на бразильском берегу, в Сан-Сальвадоре, по нему можно путешествовать дни напролет, повсюду цветет удивительное дерево, *Touliuifera Pereira*, микросилон, та самая сосна, гениальные способности которой вышеназванный банкир сначала изучил, после чего основал для нее питомники, обогатившие все бразильское побережье и давшие ему название «Бальзамное побережье»: *costa del Balsamo*. Это дерево обладает удивительной способностью, которую Ханс Дриш причисляет к феноменам «органической регуляции»: если повредить кору (а прорезать дерево до сердцевины довольно легко), то дерево начинает защищаться, выделяя густую, клейкую кровь из всех своих пор. Сок вытекает из ран, обволакивает голую сердцевину и создает панцирь; без этого акта самосохранения оголенный на свету ствол погиб бы. Исцеляющий раны, продукт страдания драгоценен и обладает чудесными свойствами. Это – так называемый перуанский бальзам, тяжелая, сладко пахнущая смола; превосходный экспортный товар, благополучно обосновавшийся во всех самых лучших аптеках, галантереях и парфюмерных лавках по всему миру...

Первый исследователь древесной души микросилона вывел два важных моральных принципа для питомников. Во-первых, молодую поросль следует как можно раньше начинать стимулировать и тренировать, чтобы она с избытком выделяла бальзам из своей сердцевины. Во-вторых же, нужно стараться собрать как можно больше этого сердечного сока, чтобы утилизировать и переработать его наилучшим способом. Этими основными принципами и руководствуется культура.

В нежной юности росток из своего первозданного леса попадает в питомник, к штудиенратам; они учат его считать, преподают ему религию и историю отечества. Потом они стучат и колотят по его коре с тем, чтобы данная дереву природой броня стала податливой, мягкой, чувствительной, впечатлительной. Как только кора, наконец, начнет отделяться – устраивается праздник инициации. Конфирмация деревца отмечается торжественно. В один прекрасный день директор питомника берет в руки долото и острый нож и полностью соскабливает кору. Дерево созрело, оно готово вступить во враждебную жизнь и научиться вести дела. Его внутренности совершенно обнажены, оголенную чувствительную сердцевину обжигает плавящее все вокруг солнце. Дерево погибло бы, не научись оно той самой необходимой саморегуляции. Оно начинает обливаться бальзамом-потом. От страха, от предчувствия близкой смерти оно выпотевает красоту. Покрывается броней. И тут же критики и интеллигенты снова начинают срезать острыми

ножами кору. У древесной крови на мировом рынке капитала достаточно применения. В первую очередь ею можно бороться против сифилиса, царпин, педикулеза – благодаря медицине, драгоценный перуанский бальзам получил широкое распространение. Галантные болезни больших городов лучше всего лечатся с помощью искупительной крови первозданных лесов из страны канувших в Лету государств инков и ацтеков. Затем – мыло: разве не является оно одним из самых важнейших изобретений цивилизации? Что бы случилось с нашим образованием и нашими учеными, не появись масло для волос и мыло? А для производства и того, и другого необходим бальзам микросилона...

Истинным чудом является то обстоятельство, что не всегда выращенные в питомниках деревья погибают в процессе своего воспитания, отрывания коры и соскабливания защитного слоя. Большая часть деревьев после того, как их защиту содрали, тотчас же принимается за работу. Слой из бальзамических веществ, образующийся во второй раз, нежнее, он издает более тонкий аромат, он дороже смолы нетренированных молодых деревьев. Дерево обдирают по-новой, и ножи для этого нужны более острые. Теперь, так сказать, дерево поступило в аспирантуру. Затем оно получает докторский титул, становится приват-доцентом. Деревья, выдерживающие больше всего соскабливаний (некоторые деревья живут по десять–двенадцать лет), считаются своего рода гениями и вызывают у местных жителей неподдельный интерес и почитание. Тем самым, возможно, проявляются атавистические рудименты древних языческих культов, связанных с почитанием деревьев и лесов, известные также у германцев, индусов, евреев и негров. Эти пранароды, как известно, верили в то, что в деревьях живут божества, и имели привычку молиться перед ними, украшали их красивыми серебряными браслетами и подносили им подаяния. Так и самые живучие из микросилонов награждаются многочисленными дипломами от представителей европейско-американских культурных центров. И вот когда с них в четвертый или пятый раз счищают кору – бальзам становится все выдержанней и чище – о них говорят: они были отважными парнями; в юности, понятное дело, еще упрямылись и были непослушными, но в конечном итоге все же стали полезными членами буржуазного общества, достойными всецелого признания.

Невероятно, но в некоторых деревьях воля к созиданию настолько упорна, что за десять лет они чуть ли не тридцать раз могут наращивать свои искусные доспехи. Это, разумеется, безрассудство, ведь в конце концов им остается только тщетная усталость от жизни; зато как выгодно индустрии! Постоянно, медленно обескровливать эти деревья, царапать их, вызывать все новые и новые излияния; до тех пор, пока дерево, наконец, не исчерпает свои возможности; в итоге почтенный ствол превращается в один сплошной нерв, отчего его уже нельзя пустить на древесину; дерево, когда-то покрывавшее свои раны нежным благоуханием, исцелявшее своим ароматом болезни, срубают под корень, чтобы, окончательно с ним расправившись, выбросить его на свалку...

ПОДСОЛНЕЧНИК

«Пускай мое самосожжение растрогает
тебя, Господи»

Великий скульптор Огюст Роден изобразил стремление творения к избавлению и свету в виде кентавра – массивного тела лошади, которое несет человеческую голову неземной красоты, человеческую голову с исполненными тоски, обращенными к небу глазами, голову, которая хотела бы силой оторваться от тянущего ее к земле массивного звериного тела; но любое стремление бесполезно: дух навсегда заперт в теле животного... Какое же предчувствие заставляет нас молитвенно сложить руки перед неуклюжим грубоватым крестьянским цветком, нелепым громоздким созданием, охотней всего растущим среди сорняков на мусорных кучах, пробивающимся из отбросов и тянущим свой быстро растущий толстый массивный стебель как можно выше, к солнцу? В час рассвета он поворачивает голову навстречу утру, в течение дня смотрит только вслед скрывающемуся за тучами солнцу, а в закатную пору спешит на запад, раболепно следуя за исчезающим светилом. Потом он распускает цветок размером с вагонное колесо, который и есть не что иное, как подобие обожествляемого им солнца: огненный круг танцующего света. Вид этого цветка производит на нас впечатление, сходное с тем, что вызывает в нас умоляющий глаз верного животного – собаки; из всех зверей она больше всего похожа на человека, постоянно на него заглядывается и стремится им стать; но собака никогда не сможет освободиться от своей тварной первоприроды, и потому кажется, что это существо обладает изломанным сознанием, носит в себе некоторое смутное знание о вине.

Когда ранние лучи способности суждения и моральной воли, формирующей всё на Земле, в первый раз ударили в лицо пробудившемуся, ближнему к природе и поклоняющемуся стихиям человеку, то случилось это с грубым, неуклюжим человеком из примитивных народов, по телу и лицу которого еще можно было прочесть все его буйные страсти и все животные задатки. Однако что сделало некрасивого Сократа предводителем народа, как не искры моральной воли, в неброских оболочках разгорающиеся сильнее, чем в наипрекраснейших формах или цветочных садах стремящейся к наслаждению земли, ведь моральные светила даже затхлые и беспросветные по своему неведению души склоняют к богопочитанию. Это томление по свету и есть ключ к присутствующему у всех народов символизму подсолнечника.

Потому-то и немецкий крестьянин, человек простой, грубый, и будет во все времена высаживать бдительный отряд солнцепоклонников у своего двора. Как наш немецкий народ, этот цветок все еще тянется к земле – все еще неотесанный, все еще нескладный и все еще не свободный, но так неизменно и глубоко преисполнен он томлением по божественно-

му свету, что это томление материализуется в его тяжелом стебле. Известно, что в порождающей природе дремлют, в виде творческой силы, образы душ, для которых требуется тело. Однако пробуждаются и обретают форму эти образы только в один-единственный момент: когда сознание, вырывающееся из тисков гнетущей тоски духовное цветение природы, бодрствует. И тогда порождающие силы становятся *явственными* в духе, и это мы называем «разумом», а те самые образы называем идеями разума. Это и есть царство духа, но оно не является ни противоположностью, ни врагом душе и жизни, ведь и райское дерево ни в малейшей степени не является ни противником, ни противоположностью дерева подземного царства, разветвлению корней в недрах. Нет! Эти образы разума являются образами жизни, которые возникают перед нами еще раз, только проступая в зеркале и заметные сквозь зеркальное стекло. В видящем глазе пробудившихся знания и воли эти образы превращаются в образы цели, в примеры, в образцы, которым следует подражать, в идеалы, и теперь эти пробудившиеся знания и воля уже не сдадутся до тех пор, пока они, в свою очередь, не «претворятся» (бессознательно или предсознательно, как это происходит в природе) в этих образах. Это претворение наших мечтаний и убеждений мы, люди, называем реальностью, пространственно-временной реальностью мира как *представления*, она возникает с пробуждением рода человеческого и скоро исчезнет вместе погружающимся вновь в дремоту человечеством. Таким образом, этот пространственно-временной мир предметов есть не что иное, как осуществление образной силы жизненных элементов, ясно и отчетливо представших перед раздвоенным, то есть перед *бодрствующим* сознанием в виде образов разума. И цветок подсолнечника является не чем иным, как зеркальным возвращением солнца, претворением *образа*, который можно углядеть в инстинктивном томлении растительной души, и который зримо начинает проступать в этом грубом, грузном теле, ведь любое подлинное томление несет в себе уверенность в своем воплощении, так же как тяжелая душа пробивающегося из темной почвы к свету подсолнечника несет *солнце*: в себе самой.

ЛЕДЯНЫЕ ЦВЕТЫ НА ОКНЕ

Мир застывает в кристалле. Ни единое дуновение ветра не тревожит мертвых. Перед окном неподвижно замерли тополя. На всех склепах лежит снег. Впрочем, как только мое дыхание попадает на замерзшее окно, на трещащем от мороза стекле проступает чудо! Возрождается целый сад, все леса Земли. Возникают колосья, соцветия, папоротники, грозди, лианы – и распустившиеся цветы, будто из сновидений. Намеки на погребенные под снегом формы.

И меня не оставляет поразительная мысль: это переходное царство между миром цветов и миром кристаллов.

Ведь что есть видимые формы явлений, как не временное затвердевание, замерзание в образах? И когда здесь и сейчас от дуновения из моего рта на оконном стекле возникают видимые очертания цветов, не является ли это по сути повторением того же самого творческого процесса, который мы переживаем в гораздо большем временном и пространственном масштабе, когда *солнечный свет* заставляет воплощаться скрытые в недрах земли создания? Не должны были бы все они обратиться в лед под натиском мировой стужи? Не является ли этот процесс умирания и застывания, превращения из пластичного, текучего в неподвижное – самой жизнью?

Как же относится то, что стало формой, к процессу, приводящему к обретению формы? Или иначе: как ритм и музыка движения жизни относятся к формальной красоте и нивелированию ставших видимых глазу *застывших* созданий?

Нам известна загадка музыкальных фигур! Мы знаем, что мелодию и гармонию можно перевести в видимые *глазу* построения. Мы знаем, что каждому оттенку цвета соответствует звуковой оттенок; каждому числовому соотношению цветов – числовые соотношения звуков. Еще Кеплер учил: расстояния между планетами нашей Солнечной системы соответствуют расстоянию звуков гаммы, а те, в свою очередь, соответствуют числу цветных аккордов в цветовом круге. Таким образом, мир форм – это затвердевший, ставший видимым мир музыки...

То, что я вижу сейчас на оконном стекле. – поля ледяных цветов – это наброски, воспоминания обо всех настоящих ландшафтах; точно так же и ночные сны – это эскизы или воспоминания о «реальных» образах, увиденных за день. Ни одну из этих фигур, сотворенных моим дыханием, не найти в «реальных» местах – ни в дальних далях, ни на дне морском. Однако каждая из этих фигур вложена в мою душу в виде унаследованного мною смутного знания, воспоминаний о прожитых жизнях и глубинах бытия. На оконном стекле проступило все, что есть, но так же и все, что я есть. Оно возникает из меня, как музыка из струн. Оно может преобразиться в произведения искусства, но так же в философские конструкции и мысли.

Так значит, я и музыкант, и одновременно музыкальный инструмент? Творец мира ледяных цветов на окне и при этом – один из миллиарда созданий, через которые проходят неумимые потоки образов и порывы созидательного и уничтожающего творческого дыхания?

Я сам – лишь образ среди прочих образов, затвердевший на мгновение, как серебряные лианы или зубчатый сосновый лес. Подуть на них горячим дыханием сильнее – и они исчезнут, чтобы появиться заново, или стекут водой на подоконник...

Меня укусила бешеная собака: отрицание жизни, *мысль о том, чтобы отвернуться от мира*.

Я поворачиваюсь, подкидываю в камин дрова, грежу, глядя на игру пламени. И снова мне кажется, что образы всего живого возникают передо мной в огне: брахма видья, созерцание смены обликов. Я раскуриваю

трубку, смотрю на синеватые клубы дыма, и меня пронзает утешительная мысль: «Я – творец мира. Здесь, в своей комнатухе, я выкуриваю из трубки мировую историю».

Вот эти серо-синие караваны – это отряды Александра Македонского. А вот – Великое переселение народов. Охотятся гунны. А эти густые облачка дыма – Гогенштауфены.

И я выдуваю отряды Наполеона, и Первую мировую войну, и революцию. Все – дым, развеивающийся дым. Он натолкнется на оконное стекло. И утром, когда мой огонь догорит и зола покроет печь, меня снова будут утешать рунические памятники ледяных цветов и леса-кристаллы.

Перевод Александра Маркина

ЖОРЖ БАТАЙ

ЯЗЫК ЦВЕТОВ

Бесполезно искать только во внешнем виде вещей конкретные признаки, позволяющие отличать различные элементы друг от друга. То, что бросается человеку в глаза, определяет не только понимание взаимоотношений между разными объектами, но и в равной степени необъяснимую и устойчивую реакцию на них. Именно поэтому цветок, главная часть растения, обращает на себя внимание в первую очередь; но на этом поверхностном результате останавливаться не следует: на самом деле, вид цветка вызывает в сознании реакции гораздо более глубокие, поскольку цветок есть выражение непостижимого решения растительной природы. То, что являет форма и цвет венчика, то, что выдает грязная пыльца и свежий пестик, не может, без сомнения, быть объяснено средствами языка. Впрочем, не стоит отрицать, как обычно делается, это невыразимое *реальное присутствие* и отвергать, как наивные и абсурдные, попытки интерпретировать символическое.

Хотя большинство соотнесений в языке цветов имеет характер случайный и поверхностный, именно тут можно было бы кое-что обнаружить, прежде чем обращаться к традиционному списку. Если одуванчик символизирует *сеяние*, нарцисс – *эгоизм*, а полынь – *горечь*, мы очень легко видим этому объяснение. Речь тут явно не идет об угадывании тайного значения цветов, мы незамедлительно определяем их хорошо уже известные свойства, или нам достаточно вспомнить легенду, с ними связанную. Впрочем, напрасными бы оказались наши попытки найти сходства, свидетельствовавшие бы убедительным образом о скрытых свойствах вещей, которые здесь ставятся под вопрос. В сущности неважно, что аквилегия – символ грусти, львиный зев – страстных желаний, а кувшинка – равнодушия... Кажется целесообразно признать, что перечень подобного рода сопоставлений может быть сколько угодно расширен, и нам достаточно сохранить первоначальное значение гораздо более простых интерпретаций: например, тех, что связывают розу или молочай с любовью. Конечно, не только эти два цветка могут символизировать человеческую любовь: даже если тут и имеется более точное соответствие (к примеру, если бы мы сочли, что молочай, цветок довольно сомнительной красоты, говорит столь волнующее: «Вы разбудили мое сердце!»), то все же скорее цветы вообще, а не тот или другой цветок, мы стремимся наделить довольно странной привилегией разоблачать присутствие любви.

Однако, есть риск, что такая интерпретация едва ли окажется оригинальной: действительно, любовь, с самого начала, может быть названа естественной функцией цветка. То есть здесь опять символизация была бы обусловлена не образом, а свойствами цветка, необъяснимым образом воздействующими на человеческие чувства. И, значит, имела бы чисто субъективный характер. Люди сравнивали бы свои чувства с пышным цветением, поскольку в обоих случаях речь идет о явлении, предшествующем оплодотворению. И то, какая роль, отводится символам в психоаналитических интерпретациях, лишь подкрепляет объяснение подобного порядка. Действительно, почти всегда в случайных сопоставлениях мы можем увидеть истоки тех или иных замещений в сновидениях. Мы, к примеру, хорошо понимаем символическое значение, которое приписывается объектам в зависимости от того, заостренные они или полые.

Таким образом мы бы без особого труда освободились от мнения, согласно которому лишь формы, видимые глазу, какие бы они ни были, обольстительные или ужасные, позволяли бы выявлять во всех феноменах основополагающие решения природы, которые человеческое восприятие не стремится охватить во всей полноте. Итак у нас появилось бы основание немедленно отказаться от возможности замещать *образ словом*, элементом философского анализа. Тогда легко было бы показать, что *слово* позволяет только предположить в вещах свойства, определяющие некую условную ситуацию, то есть свойства, которые делают возможным внешнее действие. В то время, как *образ* дал бы понимание настоящей ценности вещей...

Что до цветов, с самого начала мы понимали, что их символический смысл необязательно вытекает из их функции. И совершенно ясно, что, если мы выражаем любовь с помощью цветка, то его венчик, а не жизнеобеспечивающие органы, становится для нас символом страсти.

И здесь в ответ на возражение, вводящее в заблуждение, можно сказать об интерпретации символа через объективную оценку образа. Действительно, замещение главного элемента элементами сопутствующими соответствует всему, что мы знаем о чувствах, владеющих нами, так, например, объектом человеческой любви всегда является человек, который ее подкрепляет, а не какой-нибудь его отдельный орган. Таким образом довольно просто объяснить, почему венчик символизирует любовь: если символ любви перенесен с пестика и тычинок на лепестки, которые их окружают, то это потому, что разум человеческий привык совершать подобного рода перенос, когда речь идет о людях. Но, хотя между этими двумя подменами безусловно существует параллель, следовало бы приписать Провидению ребячески наивное, странное стремление отвечать маниям людей: иначе как, действительно, объяснить, что именно декоративные элементы, автоматически воспринимаемые как главнейшие органы цветка, развиты самым что ни на есть великолепным образом.

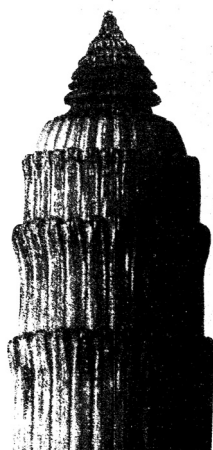
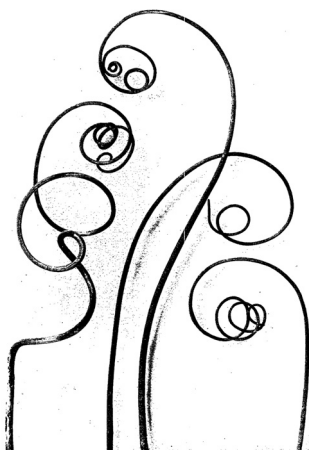
Было бы, конечно, еще проще признать афродизиатические свойства цветов, аромат и вид которых веками пробуждал любовные чувства жен-

щин и мужчин. Нечто сияющее разносится повсюду весной в природе, точно так же, как смех постепенно заражает всех вокруг, провоцируя одних, заставляя громче смеяться других. В человеческом обществе множество вещей может претерпевать трансформацию, но ничто не в силах опровергнуть простую истину: что прекрасный цветок или красная роза являются символом любви.

Реакция в той же степени необъяснимая, в той же степени устойчивая заставляет видеть в девушке и розе совершенно иной символ: символ идеальной красоты. Действительно, существует множество прекрасных цветов, и красота, чаще присущая цветам, чем девушкам, есть отличительный признак венчика, то есть одного органа растения. Без сомнения невозможно с помощью абстрактной формулы определить элементы, благодаря которым цветы могут приобрести это качество. Между тем интересно было бы отметить следующее: когда мы говорим, что цветы красивы, это означает, что они кажутся *соответствующими тому, какими они должны быть*, то есть они тем, какие они есть, отвечают представлениям человека об идеале.

По крайней мере, на первый взгляд и в целом: на самом же деле, большинство цветов имеют слаборазвитый венчик, еле отличимый от листы, а некоторые и вовсе неприятны, если не сказать отвратительны. С другой стороны, и самые красивые цветы изуродованы находящимися внутри венчика волосистым пятном, сексуальными органами. Вот почему сердцевина розы абсолютно не соответствует ее внешней красоте, и если оборвать все ее лепестки до последнего останется только мерзкого вида пучок. Правда, некоторые цветы выставляют на всеобщее обозрение свои очень развитые тычинки, бесспорного изящества, но если бы мы опять обратились к общепринятой интерпретации, то оказалось бы, что это изящество есть изящество от дьявола: таковы некоторые мясистые орхидеи, растения до того нескромные, что есть соблазн приписать им все самые гнусные человеческие извращения. Но еще больше, чем грязное пятно в сердцевине, о цветке говорит его недолговечный венчик: он отнюдь не соответствует устоявшимся представлениям человека о красоте, он – символ их краха. Действительно, после короткого периода цветения чудесный венчик бесстыдно гниет на солнце, пороча растение. Выросший в зловонной грязи, хотя казалось бы он в восторженном божественном стремлении к чистоте вырвался из нее, цветок вдруг возвращается в ту же мерзость: самый совершенный цветок быстро превращается в кусок дерьма на стебле. Потому что цветы не стареют благородно, как листья, которые ни в коей мере не утрачивают красоты даже после смерти: они увядают, словно стареющие чересчур накрашенные кокетки, и нелепо висят на стеблях, которые несли их к небесам.

Трудно переоценить трагикомические противопоставления, которые постоянно разыгрываются между землей и небом в драме смерти, и мы, конечно, можем сказать об этой дуэли, вызывающей смех – хотя это будет даже не то чтобы фраза, а так скорее чернильное пятно на полях – отвратительную банальность: *у любви запах смерти*. Действительно, только



кажется, что у страсти нет ничего общего с идеальной красотой, или, точнее, что страсть лишь для того и существует, чтобы пачкать и уродовать эту красоту, которая для умов вялых и заурядных есть нечто непреложное, *категорический императив*. Мы бы не стали вторить болтовне старых поэтов и изобразили бы даже самый восхитительный цветок не как в большей или меньше степени бледное подобие божественного идеала, а совершенно иначе, как вопиющее и отвратительное святотатство.

Итак есть все основания утверждать, что в этом отношении цветок играет для растения исключительную роль. Действительно, в общем, видимая часть растения, если мы продолжим использовать вышеизложенный метод интерпретации, характеризуется недвусмысленно. Образ стеблей с густой листвой обычно ассоциируется с мощью и достоинством. Без сомнения, причудливо закрученные усики, необычные дырочки в листьях свидетельствуют, что в безупречном строении растений не все единообразно и правильно. Но ничто так сильно не способствует миру в сердце, воодушевлению и великим идеям о непогрешимости и целостности, как вид полей и лесов и крошечных органов растений, которые, иногда являя собой настоящий архитектурный порядок, усиливают общее впечатление. Ничто, ни единая трещина, мы могли бы тут сказать нелепое: «ни один фальшивый звук», не нарушает сколько-нибудь заметным образом чистой гармонии растительного мира. В грандиозном спектакле, где все движется от земли к небу, самим цветам отведена только эпизодическая роль, роль в дивертисменте, чего мы, впрочем, очевидно до сих пор не понимали: цветы, оживляя однообразную картину, могут лишь содействовать соблазнению, неизбежному процессу, возникающему на фоне общего движения снизу вверх. И для того, чтобы развеять приятные иллюзии, нужно, ни много ни мало, стать свидетелем невероятного фантастического зрелища: увидеть отвратительные голые корни, копошащиеся, как черви, под землей.

Действительно, корни представляют совершенную противоположность видимых частей растения. В то время как одни, благородные, тянутся вверх, другие, отвратительные липкие, извиваются в недрах земли, любя гниль так, как листья любят свет. Впрочем, тут у нас есть основание заметить, что безусловная моральная оценка термина «низ» отвечает систематической интерпретации символического значения корней: все, что есть «зло», обязательно представлено в поступательном движении сверху вниз. Здесь мы имеем дело с фактом, который невозможно объяснить, не определяя морального значения природных явлений, оценка которых, собственно, и формируется на основании самых характерных признаков *образа*, результата кропотливой работы природы.

Невозможно к тому же исключить оппозицию до такой степени явную, как оппозиция стебля и корня. Легенда лишь подтверждает, что люди всегда, в большей или меньшей степени, проявляли патологический интерес к частям растения, погруженным в землю. Конечно, непристойность мандрагоры непреднамеренна, как, впрочем, случайны и многие другие весь-

ма своеобразные символические интерпретации, неслучайно, однако, то, что внимание акцентируется именно на отвратительной форме, вследствие чего и возникают легенды сатанинского характера. С другой стороны, нам известно символическое значение моркови и репы.

Гораздо сложнее показать подобную оппозицию в одной отдельно взятой части цветка, в венчике, где она приобретает особое драматическое значение.

Тут не может возникнуть никаких сомнений: подмена естественных форм абстракциями, которыми свободно пользуются философы, кажется не только странной, но и абсурдной. Не слишком, наверное, важно, что и сами философы, когда они говорят о *низменном*, часто бывают вынуждены прибегать, хотя и с отвращением, к описаниям явлений через сравнение их с процессами репродукции, происходящими в природе. Ничто, ни заблуждения, ни слепота, их не останавливают, если речь идет о защите прерогатив абстракции. Между тем эта подмена рискует завести слишком далеко: в первую очередь, она может породить ощущение свободы, свободы распоряжаться самим собой во всех смыслах, совершенно непереносимое для большинства, и во-вторых, в результате ее, будет бесцеремонно осмеяно все, что есть еще *возвышенного*, благородного, святого... Нет ли опасности, что все эти прекрасные вещи будут сведены к странной мизансцене, основная задача которой представить кошунства в еще более гнусном виде? И не покажется ли в этих обстоятельствах двусмысленный жест маркиза де Сада, заключенного в тюрьме вместе с сумасшедшими и попросившего доставить ему самые прекрасные розы, чтобы обрывать с них лепестки в выгребную яму, особенно удручающим?

Перевод Ирины Мельниковой

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Катарина Венцль – переводчик и лингвист. Автор книги «Московский дневник. 1994–1997». Живет в Мюнхене.

Александр Ильянен (1958). Романы «И финн» (1997), «Дорога в У.» (2000), «Бутик Vanity» (2007, премия Андрея Белого), «Пенсия» (2015) вышли в издательстве Kolonna Publications. Живет в Петербурге.

Александр Маркин (1974). В издательстве Kolonna Publications вышли книги «Дневник 2002–2006», «Дневник 2006–2011» и «Дневник 2001–2015». Живет в Цюрихе.

Ярослав Могутин (1974). Книги «Упражнения для языка» (1997), «Америка в моих штанах» (1999), «Роман с немцем» (2000), «Сверхчеловеческие Супертексты» (2000), «30 интервью» (2001), «Термоядерный мускул» (2002), «Декларация независимости» (2004), «Lost Boys» (2006), «NYC Go-Go» (2008), «Food Chain» (2014). Публикации в МЖ №№ 47, 52, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 63. Живет в Нью-Йорке.

Сергей Уханов (1975). Публикации в МЖ № 62, 65 и 67. В издательстве Kolonna Publications вышли книги «Дерзкий язык» (2009), «Черная молофья» (2011) и «Фьють» (2014). Живет в Петербурге.

СОДЕРЖАНИЕ

НОВОЕ

Сергей Уханов. Последние времена	5
Александр Маркин. Wankdorf	48
Катарина Венцль. Дневник для Волчека	61
Александр Ильянен. Мимоза и баобаб	146
Slava Mogutin. \$atan Youth	243

ТАНЖЕР

Альфред Честер. В замочную скважину. Сафари, <i>перевод В. Нугатова</i>	265
Пол Боулз. Дни, <i>перевод В. Нугатова</i>	286
Саймон Бишофф. Разговоры с Полом Боулзом, <i>перевод Д. Волчека</i>	323
Мохаммед Мрабет. М'Ташиш, <i>перев. В. Нугатова</i>	351

ДОСЬЕ

Маргерит Дюрас. Шлюха с Нормандского берега. Болезнь смерти. <i>Я смотрю на вас, перевод и предисловие А. Воинова</i>	379
---	-----

АРХИВ

Иван Овчинников. Август и немного сентября, <i>публикация и предисловие И. Ахметьева</i>	401
--	-----

Теодор Лессинг. Цветы и животные, <i>перевод и предисловие А. Маркина</i>	439
Жорж Батай. Язык цветов, <i>перевод И. Мельниковой</i>	460

ИЗДАТЕЛЬСТВО KOLONNA PUBLICATIONS/ МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Валери Соланас

ЗАСУНЬ СЕБЕ В ЗАДНИЦУ!

3 июня 1968 года радикальная феминистка Валери Соланас пыталась убить Энди Уорхола. Она обвиняла художника в том, что он похитил рукопись ее пьесы «Засунь себе в задницу!». Пьеса нашлась лишь 30 лет спустя, после смерти Соланас, и была впервые поставлена в 2000 году. Она завершается символическим убийством мальчика с «заклеенной пиписькой». Валери Соланас считала, что общество должно избавиться от мужчин, и сформулировала свои идеи в знаменитом манифесте.

Марсель Жуандо

ШКОЛА МАЛЬЧИКОВ

В 1948 году шестидесятилетний философ Марсель Жуандо познакомился с двадцатилетним солдатом Робером Коке. Их любовный роман продолжался 12 лет. В книге «Школа мальчиков» собраны письма Робера и поклонника Жуандо Анри Роде (1917–2004), раскрывающие тайны этой истории. Лишь после смерти Жуандо открылось, что письма Робера писал Анри, подстроивший встречу своего кумира с юношей.

Марсель Жуандо

ПОХВАЛА СЛАДОСТРАСТИЮ

Какова природа удовольствия? Стоит ли поддаваться страсти? Грешно ли наслаждаться пороком, и что есть добро, если все захватывающие и увлекательные вещи проходят по разряду зла?

Марсель Жуандо

ХРОНИКА СТРАСТИ

В 1938 году Марсель Жуандо, не раз выступавший в печати с антисемитскими статьями, страстно влюбился в еврея Жака Штеттинера. Элиза Жуандо пыталась зарезать любовника своего мужа. Эту историю Жуандо рассказывал в книге «Хроника страсти», вышедшей в 1944 году приватным тиражом.

Марсель Жуандо
ТАЙНЫЕ ПИСЬМЕНА

Великие вещи, которые происходят во мне, – очень маленькие. Если бы о них узнали, меня задушили бы между двумя матрасами, как тех, кого покусала бешеная собака. Но до тех пор, пока только я один знаю о своем душевном смятении, я еще не полностью потерянный человек.

Марсель Жуандо
О МОЕМ ПАДЕНИИ

Книга Марселя Жуандо была опубликована за несколько месяцев до начала Второй мировой войны. Однако посвящена она внутренним сражениям – с соблазнами столь сильными, что перед ними невозможно устоять. Душа, в которой самые темные желания трутся боками, точно овцы в ночной глубине стойла, смиряется с неизбежностью греха и приказывает очертя голову броситься в неизведанное.

Марсель Жуандо
ДНЕВНИКИ ДОН ЖУАНА

Общество неизбежно создает систему отвратительных моральных запретов вокруг того великолепия, которое его ужасает. Есть две морали – одна для честных людей, другая для тех, кому предстоит стать легендарными.

Марсель Жуандо
НЕПРИСТОЙНЫЕ ПИСЬМА

Гетеросексуальность – это коммерция, индустрия; гомосексуальность – искусство. Древние греки запрещали гомосексуализм рабам. Что до меня, я хотел бы, чтобы он был дозволен лишь мудрецам.

Гертруда Стайн
ИДА

10 декабря 1936 года Эдуард VIII подписал отречение от престола ради того, чтобы жениться на Уоллис Симпсон. Известие об этом стало мировой сенсацией. История британского короля и его возлюбленной привлекла внимание Гертруды Стайн. Она решила написать роман «Ида», героиней которого стала бы Уоллис Симпсон. Но постепенно замысел книги менялся. Ида все меньше походила на герцогиню Виндзорскую. Она путешествовала по Америке, перебираясь из одного штата в другой, заводила собак, встречала разнообразных мужчин, порой выходила замуж и наконец обрела Эндрю, своего короля.

Гертруда Стайн
АВТОБИОГРАФИЯ КАЖДОГО

Окрыленная успехом «Автобиографии Элис Б. Токлас», Гертруда Стайн решила написать сиквел: «И вот приходит время, когда я могу рассказать историю моей жизни». «Автобиография каждого» вышла в 1937 году и прежде не переводилась на русский язык.

Стайн подробно рассказывает о своей юности, об отношениях с братом. Но особенно ее волнует трансформация собственной личности, случившаяся после выхода «Автобиографии Элис Б. Токлас». Детально описана поездка в США, перемены, происшедшие с Америкой за тридцатилетнее отсутствие Стайн. «Автобиография каждого» Стайн заключает словами: «Быть может, я – это не я, даже если меня не укусит собака моя, но, так или иначе, мне нравится то, что у меня есть, а сейчас – сегодня».

Гертруда Стайн
ВОЙНЫ, КОТОРЫЕ Я ВИДЕЛА

Вышедшая в 1945 году книга «Войны, которые я видела» завершает автобиографическую трилогию Стайн. Это размышления о французах, немцах и американцах, еде, собаках и поездах, садах, детях и бомбардировках, маршале Петене, Шекспире и святой Одилии.

Эркюлин Барбен
ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Эдвард Морган Форстер
ФАРОС И ФАРИЛЛОН

Британский писатель Эдвард Морган Форстер (1879–1970) был одним из создателей «александрийского мифа» XX века. Его усилиями египетский город, живущий торговлей «хлопком, луком и яйцами», в котором, казалось бы, не осталось ничего от города Александра, Клеопатры и Антиноя, превратился в одну из важных тем европейской литературы. Форстер разглядел в скучной улице Розетт, безуспешно пытающейся подражать парижским бульварам, Канопскую дорогу города Александра Великого, а в обитателях городского дна – персонажей александрийской поэзии.

Тони Дювер
ВЫЧУРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Детский дом или подпольный бордель для садистов? Невинные игры или ритуалы ужасающих пыток? Несколько реальностей накладываются, пересекаются, вступают в химическую реакцию, взрывая синтаксис, аннигилируя здравый смысл.

Тони Дювер
ВЫСЛАННЫЙ

Роман Тони Дювера был написан во Франции, охваченной молодежной революцией. И сама эта книга революционна. Дювер взорвал синтаксис и дал слово «высланным» – изгоям, которые прежде не имели права голоса. Персонажи романа – люди ночи, ищущие любви под парижскими мостами и на бульварах, мужчины, которым «слишком трудно хранить верность, если возле дома есть общественный туалет». Их голоса переплетаются, и все они рассказывают одну историю о похоти, которую невозможно утолить.

Герард Реве
ПИСЬМА МОЕМУ ВРАЧУ

С 1963 по 1980 г. Герард Реве переписывался с врачом Яном Гротхёйзе, который помогал ему преодолеть депрессию, вести борьбу с Королем Алкоголем, лечил Реве и его милых мальчиков от различных недугов, а позднее стал психоаналитиком. Спиртное, религия и смерть – темы, которые доминируют в письмах Реве. Гротхёйзе опасался, что писатель наложит на себя руки, однако покончил с собой не пациент, а врач.

Франсуа Сантен
УБИЙЦА И ЕГО ПАЛАЧ

Близкий друг Жана Жене Франсуа Сантен (1920–2010) рассказывает запутанную историю казненного в 1939 убийцы Мориса Пилоржа, которому Жене посвятил поэму «Смертник», и палача Анатоля Дейблера, внезапно скончавшегося по дороге на казнь Пилоржа.

Жиль Себан
ДОМОДОССОЛА. САМОУБИЙСТВО ЖАНА ЖЕНЕ

В итальянском городе Домодоссоле весной 1967 года Жан Жене пытался покончить с собой в гостиничном номере. 12 февраля 2007 года моего юного любовника арестовали без документов и посадили в тюрьму в Нидерландах. Два этих события соединились в сознании и стали меня преследовать.

Пьер Гийота

КНИГА

Пьер Гийота пишет «Книгу» с 1977 по 1979. В это время он погружается в глубочайший психологический кризис. Центральная тема «Книги» – протиституция – больше не привязывается к месту и времени, а пронизывает все континенты и эпохи. Гийота вводит телесные реакции в саму структуру языка, где трансформации подвергается лексика, синтаксис, грамматика, пунктуация, спряжения глаголов. Литературный опыт Гийота близок к творчеству Антонена Арто, мечтавшего о том, чтобы поэтический язык был «чем-то средним между жестом и мыслью», «речью, запечатленной до ее словесного оформления».

Габриэль Витткоп

ХЕМЛОК, ИЛИ ЯДЫ

Шедевр Габриэль Витткоп (1920–2002), роман-лабиринт с пересекающимися тропами, посвящен драматическим судьбам Беатриче Ченчи – итальянки позднего Возрождения, маркизы де Бренвиллье – француженки эпохи Людовика XIV и миссис Фулхэм – англичанки эдвардианской эпохи. Их связывают навязчивые видения, места, предметы и лейтмотивы, создающие единство за пределами хронологических рамок. И все трое связаны с нашей современницей – Хемлок.

Эрве Гибер

МАЛЬВА-ДЕВСТВЕННИК

Не сам ли Гибер скрывается за этими странными персонажами, меняющими имена и предстающими в образах юного девственника, пылкого любовника, жертвы землетрясения или ученика, провожающего великого философа до могилы? Наверняка не скажешь, поскольку на страницах книги есть и три женских портрета: консьержки Мэме Нибар, которую преследуют невероятные несчастья, лукавой директрисы музея восковых фигур и молоденькой соседки, бросающей игру на пианино. В этой книге Гибер говорит без утайки, рассказывает всё о себе и других, то, о чем все думают и чего говорить не следует, и порой это даже больше, чем чистая правда.

Эрве Гибер

МОИ РОДИТЕЛИ

После выхода книги Эрве Гибер написал в дневнике: «Я стал преступником. Выхожу на улицу и понимаю: все будет не так, как прежде. Я теперь по-другому смотрю на людей, а они на меня. Я совершил преступление, а они еще не знают об этом. Меня ждет их суд и их приговор».

Юлия Кисина
УЛЫБКА ТОПОРА

Москва – город будущего. Мерцающие хвосты черных комет, уходящие в небо – это знаменитые нефтяные фонтаны. По черным каналам плавают атомные субмарины и электрические гондолы. Жители этого города ходят, отсасывая у себя на ходу с легкостью индийских йогов. В небоскребы и тротуары вмонтированы настоящие бриллианты. Вместо Кремля – огромный бублик Большой Православной Мечети. Так представляет себе Россию будущего Юлия Кисина. А перед вами ее книга о прошлом, которое агрессивно и хищно врзается в наше культурное тело, разрушая иллюзии о правдоподобии лучшей жизни.

Барон Корво
ТО, ЧТО РАССКАЗАЛ МНЕ ТОТО

Впервые на русском языке публикуются сочинения славившегося своей эксцентричностью Фредерика Роуфа (1860–1913), в том числе знаменитые «Венецианские письма», посвященные красоте каналов, гондол и юных гондольеров.

Джереми Рид
В ПОГОНЕ ЗА ЧЕРНЫМИ РАДУГАМИ

Знаменитый английский поэт реконструирует последние годы жизни Антона Арто. В книге переплетаются монологи самого Арто, его психиатра Гастона Фердьера, жены Генри Миллера Джун и нимфоманки Дениз, которую Арто встретил в психиатрической больнице Родез в годы Второй мировой войны. Пятый персонаж романа, писательница Анаис Нин, повторяет историю своих увлечений, рассказанную в исповеди «Инцест».

Рональд Фирбенк
ИСКУССТВЕННАЯ ПРИНЦЕССА

Рональд Фирбенк (1886–1926) проводил свои дни в изысканной неге. Романы он сочинял на почтовых открытках в украшенных цветами номерах отелей. Его передвижения по миру были непредсказуемыми. «Завтра отправляюсь на Гаити. Говорят, президент там Настоящий Душка!» – сообщала телеграмма, которую получил от него приятель. На торжественном ужине, устроенном в его честь, патологически пугливый писатель решился проглотить лишь одну горошину. Он почитал слово «отдохновенный» и все книги, которые ему нравились, называл отдохновенными. В серии *Crème de la Crème* впервые по-русски: два романа Рональда Фирбенка и Фирбенкиана – воспоминания друзей писателя о его причудах.

Джослин Брук
ЗНАК ОБНАЖЕННОГО МЕЧА

Конец 1940-х годов. Европа ждет новой мировой войны. Рейнард Лэнгриш, скромный банковский клерк, втягивается в таинственную систему военных учений и против своей воли становится бойцом непонятно с кем сражающейся армии. Его однополчане носят знак обнаженного меча на предплечье. Но началась ли война или это темные иррациональные силы испытывают рассудок героя?

Александр Ильянен
ПЕНСИЯ

Роман «Пенсия» (в названии которого спрятано слово песня) – это почти ежедневная фиксация на протяжении последних шести лет рефлексий и событий из жизни автора – встречи, поездки, болезни, случайные и всем знакомые имена, преходящие и переходящие из предыдущих текстов персонажи.

Герард Реве
ПИСЬМА СИМОНУ К.

Единственное – это Искусство. Я имею в виду, это единственное, что дает удовлетворение. Телесная любовь, вино, – они подавляют всё. Искусство дает опору ввиду своей полнейшей никчемности. И церковь, конечно, куда она не имеет смысла и не ввязывается в общественные перебранки, в которых до сих пор с безошибочной уверенностью отдавала предпочтение убийцам, гангстерам и черни.

Эрве Гибер
ПРИЧУДЫ АРТУРА

Я хотел рассказать историю святого, живущего в наши дни и проходящего все этапы, ведущие к святости: распутство и жестокость, как у Юлиана Странноприимца, видения, явления, преображения и в то же время подозрительная торговля зверями. В конце – одиночество, нищета и, наконец, стигматы, блаженство.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнезниковский переулок, д. 12/27
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Dodo», ул. Солянка, д. 1/2, стр. 1

в *Санкт-Петербурге*:

«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Мы», Невский проспект, д. 20

через *Интернет*:

«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Лавка Я+Я» shop.gay.ru/books

на *Украине*:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросам оптовых продаж наших книг обращайтесь
в Книготорговую компанию «Медленные книги»:

www.slowbooks.ru; тел.: (499) 258-45-03

Национальный книжный дистрибьютор –

«Книжный Клуб 36,6», тел. (495) 926-45-44

Все книги нашего издательства можно заказать наложенным платежом
в редакции на сайте mitin.com

МИТИН ЖУРНАЛ №69

KOLONNA PUBLICATIONS

Россия, г. Тверь, улица Брагина, д. 6, офис 301